Н. Малицкий.

История Владимирской Духовной Семинарии.

Вып. 2ой.

Москва
1902.

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

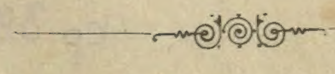
ИСТОРІЯ

ВЛАДИМІРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Составилъ

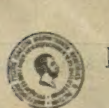
Н. Малицкій.

Выпускъ второй.

Л. Богданов.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902

2744

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, Сентября 6 дня 1901 года.

Цензоръ Священникъ *Александръ Гиляревскій.*

V театра см. здесь стр. 44, 145, 182,

1814—1869 г.

Періодъ I.

(1814—1840).

ГЛАВА I.

Сущность духовно-учебной реформы 1808 г.—Учрежденіе центральнаго органа для управленія духовными школами.—Дѣленіе школъ и ихъ взаимное соподчиненіе.—Учебно-воспитательная область.—Духовно-училищный капиталъ.—Преобразованіе Владимірской семинаріи.—Открытіе училищъ.

Духовно-учебная реформа 1808 года имѣла цѣлью устранить тѣ недостатки школьной жизни, которые ясно намѣтила прошлая исторія нашей духовной школы. Недостатки эти сознавались давно. Отдѣльные голоса противъ нихъ стали раздаваться съ воцаренія Екатерины II. По временамъ принимались и мѣры къ исправленію ихъ. Но всѣ улучшенія, сдѣланныя въ строѣ нашихъ духовныхъ школъ въ теченіе XVIII столѣтія, носили частный, случайный характеръ. Имъ не доставало ни строгой цѣлостности, ни послѣдовательности.

Коренная реформа духовныхъ школъ совершилась лишь въ царствованіе Александра I. Для составленія проекта реформы въ 1807 г. Высочайше учрежденъ былъ особый Комитетъ, въ составъ котораго вошли просвѣщеннѣйшія лица Александровской эпохи. Между ними особенно выдавался и оказалъ наибольшее содѣйствіе дѣлу реформы питомецъ Владимірской семинаріи статсъ-секретарь Мих. Мих. Сперанскій. По личному опыту Михаилъ Михайловичъ превосходно зналъ всѣ больныя мѣста нашей дореформенной школы и, какъ человѣкъ даровитый и вліятельный, постарался найти соотвѣтствующія средства къ ихъ уврачеванію.

Главный недостатокъ нашей дореформенной школы заключался въ отсутствіи общаго объединяющаго надзора надъ духовно-учебными заведеніями. Семинаріи назывались „епархіальными его преосвященства“, и благосостояніе ихъ стояло въ зависимости отъ степени благорасположенія и просвѣщенности епархіальнаго архіерея. Общаго и однообразнаго устава для всѣхъ семинарій не существовало. Комитетъ поднялъ духовное образованіе изъ такого низменнаго и исключительно епархіальнаго положенія и сообщилъ ему обще-церковную постановку. Именно, онъ призналъ

необходимымъ учредить при Св. Синодѣ особое центральное управленіе, которое бы вѣдало всѣми духовно-учебными заведеніями. Такимъ управленіемъ сдѣлалась Коммиссія духовныхъ училищъ, составившаяся на первыхъ порахъ изъ тѣхъ же членовъ, которые засѣдали въ Комитетѣ.

Съ учрежденіемъ центральнаго органа для завѣдыванія духовными школами, явилась возможность произвести болѣе точное распредѣленіе духовно-учебныхъ заведеній по степенямъ. Всѣ училища раздѣлены были на четыре разряда. 1) Академіи должны были давать высшее образованіе лицамъ, окончившимъ въ семинаріяхъ. 2) Семинаріи предназначались для подготовки учениковъ въ академіи и къ священнослужительскимъ мѣстамъ. 3) Уѣздныя училища—для низшаго образованія и для подготовки учениковъ въ семинаріи. 4) Приходскія училища для распространенія единообразнаго и методическаго образованія въ селахъ и деревняхъ. Эти четыре разряда училищъ поставлены были другъ къ другу въ отношеніе соподчиненія. Семинаріи поступили въ ближайшее вѣдѣніе академій. Для завѣдыванія семинарскими дѣлами при академіяхъ учреждены были, такъ называемыя, внѣшнія академическія правленія. Правленія эти служили, во первыхъ, посредствующими инстанціями въ сношеніяхъ между Коммиссіей духовныхъ училищъ и семинаріями, такъ какъ всѣ распоряженія Коммиссіи духовныхъ училищъ посылались въ семинаріи чрезъ академическія правленія. А затѣмъ, во вторыхъ, имъ принадлежалъ ближайшій надзоръ за ходомъ семинарской жизни во всѣхъ ея отправленіяхъ. Въ академическія правленія семинаріи отсылали свои отчеты, конспекты, списки учащихся и формуляры учащихъ; на благоусмотрѣніе ихъ повергали недоумѣнные случаи своей учебно-воспитательной и экономической жизни. И академическія правленія давали разъясненія, посылали предписанія и внушенія. По временамъ одинъ изъ членовъ академической конференціи назначался для присутствованія на семинарскихъ экзаменахъ и для обозрѣнія семинаріи. Это были, такъ называемые, ревизоры.—Низшія духовныя училища стали въ такое же отношеніе подчиненія къ семинаріямъ, въ какомъ семинаріи стояли къ академіямъ.

При такой организаціи управленія духовно-учебными заведеніями, епархіальные архіереи должны были получить для семинарій иное значеніе, чѣмъ какое они имѣли до реформы 1808 года. Прежде архіереи были полновластными распорядителями мѣстныхъ духовныхъ школъ, теперь сдѣлались главными попечителями ихъ и то лишь лично. Участіе въ училищныхъ дѣлахъ духовныхъ консисторій было упразднено. На практикѣ архіерей получилъ для семинаріи значеніе лица, подъ главнымъ руководствомъ котораго дѣйствовало семинарское правленіе. Оно входило къ нему

со своими представленіями и, съ другой стороны, выслушивало его предложенія, при чемъ предложенія эти имѣло право обсуждать. Въ случаѣ разногласія между архіереемъ и семинарскимъ правленіемъ все дѣло чрезъ академическое правленіе представлялось на благоусмотрѣніе Коммиссіи духовныхъ училищъ [1]).

Въ области учебной реформой 1808 г. сдѣлана рѣшительная попытка поднять въ нашихъ семинаріяхъ значеніе предметовъ общеобразовательныхъ и ослабить то схоластико-формальное направленіе, которымъ характеризуется дореформенный періодъ нашей духовной школы. Въ этихъ видахъ философское образованіе было расширено введеніемъ въ семинарскій курсъ историческаго изученія философскихъ системъ. Науки историческія, которыя раньше преподавались очень слабо и не вездѣ, получили болѣе устойчивую и довольно широкую постановку. Математика введена была почти вновь и притомъ въ полномъ объемѣ средняго курса съ присоединеніемъ математической географіи, а также теоретической и опытной физики. Новые языки сдѣлались обязательными; изъ древнихъ усилено значеніе языка греческаго. При опредѣленіи методовъ обученія, уставъ, составленный Комитетомъ, съ особенною настойчивостью говорилъ о самодѣятельности учениковъ, о возбужденіи ихъ силъ къ самостоятельной работѣ, объ усиленіи письменныхъ упражненій. По мысли преобразователей, ученики должны были воспринимать и заучивать немного, но за то много должны думать объ изученномъ, основательно и твердо вкоренять его въ себѣ.—Весь курсъ семинарскій подраздѣленъ былъ на три двухгодичныхъ отдѣленія, которыя по главнымъ предметамъ, преподававшимся въ каждомъ изъ нихъ, назывались: риторика, философія и богословіе.

Въ сферѣ дисциплинарно-воспитательной составители проекта старались держаться на высотѣ тѣхъ гуманныхъ требованій, которыя сдѣлались господствующими со времени Екатерины II.

Но особенно блестящую часть проекта преобразованій составляетъ то мѣсто его, гдѣ говорится объ обезпеченіи духовно-учебныхъ заведеній матеріальными средствами. Составителями проекта, преимущественно Сперанскимъ, созданъ былъ почти изъ ничего громадный, такъ называемый, духовно-училищный капиталъ, на проценты съ котораго можно было содержать духовныя школы. Въ основу этого капитала легли доходы отъ продажи восковыхъ свѣчей. Духовно-училищный капиталъ далъ возможность значительно увеличить штатныя суммы, отпускаемыя на отдѣльныя семинаріи, и, такимъ образомъ, улучшить ихъ положеніе.

---

[1]) См. Проектъ устава дух. училищъ. Отд. I, гл. 1.

Преобразованіе Владимірской семинаріи состоялось 1814 года. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1814 г. во Владимірѣ прибыли новоназначенные профессоры и совмѣстно съ новымъ ректоромъ и инспекторомъ произвели испытанія всѣхъ учениковъ. 31 октября экзамены были закончены, а 1 ноября послѣдовало открытіе преобразованной семинаріи. День открытія освященъ былъ молитвою. Утромъ учащіе и учащіеся собрались въ архіерейской домовой церкви, гдѣ выслушали литургію, совершенную еп. Ксенофонтомъ. По окончаніи литургіи изъ архіерейскаго дома къ семинарскимъ зданіямъ направился крестный ходъ. Звонили во всѣ колокола. При входѣ Ксенофонта въ семинарскій залъ, ученики пропѣли пасхальный стихъ: „Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь", послѣ чего начался торжественный молебенъ съ многолѣтіемъ. По окончаніи молебна читались стихи, говорились рѣчи, привѣтствія...

Въ составъ новопреобразованной семинаріи вошло 490 человѣкъ. 151 человѣкъ предназначены были къ исключенію, какъ оказавшіеся по успѣхамъ или по великовозрастію не годными къ дальнѣйшему пребыванію въ семинаріи. Всѣ исключенные занесены были въ особую вѣдомость, которая представлена была еп. Ксенофонту для распредѣленія ихъ по церковно-служительскимъ мѣстамъ. Такое огромное количество праздныхъ мѣстъ могло открыться, конечно, не сразу, вслѣдствіе чего семинарское правленіе постановило, чтобы ученики, исключенные изъ богословія и философіи, впредь до опредѣленія на мѣста каждодневно ходили для слушанія лекцій въ тѣ классы, къ которымъ принадлежали раньше. Съ учениками риторики и поэзіи такъ поступить было нельзя; новообразованное низшее отдѣленіе отличалось чрезмѣрнымъ многолюдствомъ. Въ виду этого имъ велѣно было ежедневно ходить въ церковь къ утренѣ, литургіи и вечернѣ и кромѣ того собираться вмѣстѣ съ учениками русской школы въ одну комнату для чтенія и пѣнія. Надзоръ за ними порученъ былъ смотрителю уѣзднаго училища іеромонаху Аркадію [1]).

За преобразованіемъ семинаріи послѣдовало открытіе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Во Владимірѣ уѣздное и приходское училища составились изъ низшихъ классовъ семинаріи; уѣздное открылось 1 декабря 1814 г., а приходское 3 декабря [2]). Въ Суздалѣ и Переславлѣ преобразованы были старыя училища [3]).

[1]) Нѣсколько времени спустя и ученики, исключенные изъ высшихъ классовъ семинаріи, стали ходить для занятій въ русскую школу. Арх. семин. 1814 г., кн. 2, № 1; Исторія Надеждина, стр. 132; Арх. консист. 1815 г.: „Дѣло объ ученикахъ семинаріи, исключенныхъ въ 1814 г." и Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Спб. Т. I. 1885 г., стр. 270.

[2]) Арх. семин. 1814 г., кн. 2, № 92.

[3]) Въ Суздалѣ училища открыты въ преобразованномъ видѣ 6 и 7 декабря

Новыя открыты въ Муромѣ, Шуѣ и селѣ Петровскомъ, Юрьевской округи[1]). Въ с. Петровскомъ открыто было одно приходское. Открытіе его совершилось съ особенной помпой: при провозглашеніи многолѣтія палили даже изъ пушекъ. Впрочемъ, это обстоятельство не сообщило существованію Петровскаго училища устойчивости. Въ 1818 г. архимандритъ Аркадій, посланный для ревизіи его, донесъ, что тамъ остается всего два ученика[2]). Въ февралѣ 1819 г. полученъ былъ указъ изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ о закрытіи Петровскаго приходскаго училища[3]). Насколько можно судить по документамъ, училище это вызвано было къ бытію исключительно благотворительностью проживавшаго въ с. Петровскомъ князя М. А. Долгорукаго. Между тѣмъ родители предпочитали посылать своихъ дѣтей для обученія въ тѣ мѣста, гдѣ приходскія училища развивали свою просвѣтительную дѣятельность подъ надзоромъ и при участіи уѣздныхъ. При такихъ условіяхъ естественно, что Петровское училище, даже при значительной матеріальной поддержкѣ со стороны своего благотворителя, должно было скоро закрыться.

ГЛАВА II.

Средства содержанія.—Штатная сумма.—Матеріальный бытъ начальствующихъ и учащихъ.—Средства содержанія учащихся.—Казенные оклады.—Суздальская бурса.—Ходатайство Парѳенія.—Городскія квартиры учениковъ и пища.—Вопросъ объ общежитіи.—Апрянинскій домъ.—Составленіе проектовъ и смѣты.—Залыбедская бурса.—Содержаніе дома.—Отопленіе и прислуга.—Канцелярскіе расходы.—Больница.—Ланге.—Библіотеки фундаментальная и продажная.

Комитетъ 1807 года, при опредѣленіи штатной суммы, принялъ во вниманіе разность цѣнъ на жизненныя потребности, существовавшую въ разныхъ епархіяхъ, и примѣнительно къ этому раздѣлилъ всѣ семинаріи и училища на три разряда. Владимірская семинарія отнесена была ко второму разряду. На содержаніе ея положено было отпускать ежегодно по 14375 руб. На училища Владимірской епархіи ассигновалась особая сумма. Въ 1820 году признано необходимымъ составить новые училищные штаты приспособительно къ измѣнившимся условіямъ жизни. Владимірская

1814 г. См. Историч. записку прот. Смирнова, арх. сем. 1822 г., № 284 и 461. Въ Переславлѣ—28 ноября. Арх. сем. 1822, № 462.

[1]) Въ Муромѣ открытіе училищъ произошло 9 и 11 сентября 1816 г., въ Шуѣ—24 сентября и въ с. Петровскомъ 10 сентября того же года (Арх. сем. Отпуски дѣлъ 1816 г.).

[2]) Арх. сем. 1818 г., № 203.

[3]) Арх. сем. 1819 г., № 86.

семинарія стала получать ежегодно штатной суммы 27950 руб. Въ 1836 году послѣдовали новыя измѣненія въ штатѣ семинарій. Впрочемъ, на этотъ разъ прибавка сдѣлана была по преимуществу въ пользу личнаго состава духовныхъ училищъ.—Въ связи съ этими повышеніями штатныхъ окладовъ шли улучшенія въ жизни учащихъ и учащихся.

Содержаніе учащихъ и служащихъ при семинаріи. Жалованье служащимъ при семинаріи выдавалось обыкновенно, по представленію эконома, чрезъ два мѣсяца. Только 31 мая 1840 года Св. Синодъ разрѣшилъ производить жалованье чиновникамъ и наставникамъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній по прошествіи каждаго мѣсяца [1]). Такимъ образомъ, первое жалованье служащими при Владимірской преобразованной семинаріи было получено въ концѣ декабря 1814 г., при чемъ нѣкоторые изъ наставниковъ, назначенные въ августѣ, получили деньги сразу за цѣлую треть года. Первое жалованье распредѣлилось слѣдующимъ образомъ. Ректоръ Іосифъ получилъ за два мѣсяца (ноябрь и декабрь) 208 руб. 33 коп. ассигн. Въ годъ это составитъ сумму въ 1250 руб., изъ которыхъ 700 руб. было штатнымъ ректорскимъ окладомъ, а 550 руб. онъ получилъ за профессорство. Инспекторъ Іосифъ за 2 мѣсяца — 141 руб. 66 коп. (въ годъ 850 руб.; инспекторскихъ 350 и профессорскихъ 550 руб.) Наставникъ Петръ Подлипскій за треть—183 руб. 33 коп. (въ годъ 550 руб.). Наставники Петръ Туберовскій и Алексѣй Ильинскій—тоже. Учитель Савеловъ за два мѣсяца—58 руб. 33 коп. (въ годъ 350 руб.). Іеромонахъ Аркадій, экономъ и учитель, за два мѣсяца 100 руб. (въ годъ 600 руб.; экономскихъ 250 руб. и учительскихъ 350 руб.) Секретарь правленія за два мѣсяца—37 руб. 50 коп. (въ годъ 225 руб.). Письмоводитель при секретарѣ, ученикъ богословія, за два мѣсяца—20 руб. 83 коп. (въ годъ 125 руб.). Письмоводитель при экономѣ—тоже [2]).

Насколько улучшилось положеніе учительскаго персонала въ сравненіи съ дореформеннымъ временемъ, легко можно видѣть изъ сопоставленія этой таблицы съ росписаніемъ, по которому выдано жалованье учителямъ въ 1810 г. [3]). Жалованье ректора увеличилось въ пять разъ; жалованье наставниковъ, получившихъ высшее образованіе, въ три раза, а если принять во вниманіе добавочныя суммы, то и больше. А такія добавочныя деньги они начали получать съ перваго же года. Такъ, въ декабрѣ Подлипскому, Ту-

---

[1]) Арх. сем. 1840 г., № 27.
[2]) Арх. сем. 1814 г., кн. 2.
[3]) См. Выпускъ I, стр. 193—94.

беровскому и Ильинскому было выдано на квартиру и дрова по 53 руб. 33 коп. за треть (слѣдовательно въ годъ по 160 руб.) [1]).

На этомъ выдача наставникамъ квартирныхъ денегъ, за отсутствіемъ опредѣленныхъ разъясненій со стороны Коммиссіи духовныхъ училищъ, впрочемъ, и остановилась. Въ первое полугодіе 1815 г. профессора снимали квартиры на свои средства. Въ концѣ мая, за нѣсколько дней до ревизіи Владимірской семинаріи архимандритомъ Филаретомъ, ихъ помѣстили въ особомъ домѣ, на Никольской улицѣ, принадлежащемъ къ архіерейскимъ зданіямъ [2]). По докладу ревизора, Коммиссіей духовныхъ училищъ впослѣдствіи велѣно было „выдать Подлипскому, Ильинскому, Туберовскому по 150 руб. единовременно въ вознагражденіе издержекъ, понесенныхъ ими въ теченіе прошлаго года на наемъ квартиры". Столько же повелѣвалось выдавать ежегодно учителямъ не академическаго образованія Савелову и Алякринскому [3]). Со времени послѣдняго распоряженія для трехъ наставниковъ отводилась квартира казенная въ означенномъ выше помѣщеніи [4]), а остальные размѣщались на квартирахъ частныхъ, на наемъ которыхъ получали по 150 руб. въ годъ, кромѣ вспомоществованія, выдаваемаго на дрова. Вспомоществованіе это равнялось на первыхъ порахъ 60 руб. Семинарское правленіе приняло за норму для отопленія квартиры 12 саженъ въ годъ и разсчитывало сажень круглымъ числомъ по 5 руб. Но стоимость дровъ быстро повышалась [5]), и въ 20-хъ гг.

---

[1]) Кромѣ трехъ профессоровъ, казенными квартирами пользовались ректоръ, инспекторъ и экономъ. Въ описи семинарскихъ зданій за 1815 г. казенная обстановка этихъ квартиръ представляется въ слѣдующемъ видѣ. У ректора: канопе, обитая пестрядкой, большое стѣнное зеркало съ рамами подъ красное дерево, двойной съ деревянными створками шкафъ, три стола выкрашенные, изъ коихъ одинъ съ выдвижнымъ ящикомъ. У инспектора: два двойные стола выкрашенные, съ ящиками и нутряными замками, шкафъ, сверху со стеклянными, а снизу съ деревянными створками съ накладкой, канопе, сдѣланная изъ досокъ. У эконома: столъ красный, складной, съ ящикомъ и нутрянымъ замкомъ, столъ простой съ ящикомъ, безъ замка. (Арх. сем. 1815 г., № 511).

[2]) Домъ противъ монастырской стѣны, гдѣ нынѣ помѣщается типографія Новгородской. См. Собр. мнѣній и отз. Филарета. Т. I, стр. 235.

[3]) Тамъ же, стр. 276.

[4]) Въ описи семинарскихъ зданій 1815 г. помѣщеніе это упоминается подъ именемъ дома профессоровъ. Изъ казенныхъ вещей тамъ находились: крашенный столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, столъ ломберный, сдѣланный подъ красное дерево, столикъ небольшой круглый, 12 крашенныхъ стульевъ съ кожаными подушками. Во дворѣ былъ погребъ, покрытый драньемъ, и при немъ дверь на желѣзныхъ крюкахъ, и баня; въ банѣ чугунный котелъ. (Арх. сем. 1815 г., № 511).

[5]) Въ 1816 г. сажень сосновыхъ дровъ на ассигнаціи стоила 4 руб. 30 коп., а березовыхъ 6 руб. 30 коп. (Арх. сем. 1816 г., № 33). Но въ 1818 г. экономъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ уже замѣчалъ, что „цѣна на дрова, какъ изъ

наставники, проживавшие на наемныхъ квартирахъ, предпочитали получать отопленіе натурою [1]).—Въ 1818 г. приспособленъ былъ для помѣщенія учителей еще одинъ недавно предъ тѣмъ купленный домъ Апрянина. Сюда перешли Алякринскій и Савеловъ [2]). Но домъ этотъ оказался совершенно не годнымъ для житья. Въ 1821 г. одинъ изъ наставниковъ Василій Цвѣтковъ доносилъ семинарскому правленію: „какъ семинарскій домъ, въ которомъ я помѣщенъ отъ ветхости по многимъ признакамъ близокъ къ паденію и сверхъ того зимою по причинѣ холода и дыма, не рѣдко случающагося угара, а лѣтомъ по причинѣ течи во многихъ мѣстахъ, къ проживанію въ немъ болѣе не годенъ, то прошу покорно семинарское правленіе дать мнѣ квартиру какъ годную дли житья, такъ и приличную моему состоянію и по разстояніи отъ семинаріи близкую" [3]).

Кромѣ квартирныхъ денегъ, жалованье наставниковъ семинаріи со времени реформы увеличено было еще одной прибавкой, именно окладами за ученыя степени, въ размѣрѣ 250 руб. въ годъ за кандидатскую и 350 руб. за магистерскую. Оклады за ученыя степени давались лишь лицамъ, изъявившимъ согласіе остаться въ духовномъ званіи. Во Владимірской семинаріи на первыхъ порахъ такое согласіе изъявилъ одинъ Подлипскій. Онъ и получилъ въ 1815 г. соотвѣтствующій его степени кандидатскій окладъ. Два остальныхъ наставника не дали опредѣленно выраженнаго обѣщанія. Алексѣй Ильинскій на предложенномъ для подписи листѣ написалъ: „Остаться въ духовномъ званіи имѣю желаніе, хотя не неизмѣняемое; хотя сіе состояніе нахожу болѣе прочихъ соотвѣтствующимъ полученному мною воспитанію и образу моей жизни, но обязаться непремѣнно вступить въ оное до окончанія трехъ лѣтъ не рѣшаюсь" [4]). Впослѣдствіи наставники изъ опыта убѣдились, что обѣщаніе подобнаго рода не есть нѣчто связующее ихъ безусловно, и при поступленіи на училищную службу менѣе Ильинскаго стѣснялись своимъ дѣйствительнымъ расположеніемъ и намѣреніями. Въ случаѣ выхода такого лица, нарушившаго свое обѣщаніе, въ свѣтское званіе, выданные ему за прежніе годы классные оклады обыкновенно не отбирались, а зачислялись въ награду за училищную службу. Впрочемъ, для этого каждый разъ

опыта извѣстно, каждогодно хотя нѣсколько возвышается". Въ этомъ году семинарское правленіе закупало осиновыя дрова по 5 руб. 75 коп. (Арх. сем. 1818 г., № 222), а въ 1822 г. за сажень березовыхъ платило по 7 руб. 50 коп. (Тѣж. 1822 г., № 80).

[1]) Арх. сем. 1821 г., № 481.

[2]) Арх. сем. 1818 г., № 112.

[3]) Арх. сем. 1821 г., № 215.

[4]) Арх. сем. 1815 г., № 106.

требовалось особое представленіе высшему начальству съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства, удостовѣряющаго болѣзнь наставника, выходившаго въ свѣтское званіе [1]).

Въ 1820 г. послѣдовало общее увеличеніе штатной суммы, отпускаемой на духовно-учебныя заведенія. Оклады преподавателей Владимірской семинаріи увеличены были на 100 руб. (650 руб. въ годъ). Но за то наставники потерпѣли нѣкоторыя ограниченія въ другомъ отношеніи. Въ 1825 г. Коммиссія духовныхъ училищъ разъяснила семинарскимъ правленіямъ, что „училищное начальство должно представлять о квартирныхъ деньгахъ только для тѣхъ наставниковъ, которые не менѣе четырехъ лѣтъ прослужатъ въ училищѣ съ одобреніемъ начальства, дабы пособіе сіе служило вмѣстѣ и наградою за службу и поощреніемъ къ продолженію оной“ [2]). Вообще, расходомъ по этой статьѣ Коммиссія духовныхъ училищъ какъ бы тяготилась, и въ послѣдующіе годы мы замѣчаемъ ясно выраженное стремленіе къ возможному ограниченію пользованія казенными квартирами. Въ 1835 г. чрезъ академическія правленія предписано было циркулярно семинаріямъ, чтобы, при назначеніи наставникамъ квартирныхъ денегъ, принималось въ соображеніе количество остаточной по училищамъ суммы и въ представленіи академическому правленію всегда объяснялось, въ счетъ-ли капиталовъ Коммиссіи имѣютъ быть назначены квартирныя деньги, или этотъ расходъ можетъ быть покрытъ изъ собственныхъ средствъ училищъ [3]). — Тотъ же 1835 г. принесъ наставникамъ Владимірской семинаріи и болѣе радостную вѣсть. Именно, Коммиссія духовныхъ училищъ разрѣшила наставникамъ, читающимъ лекціи временно, за выбытіемъ другихъ, давать вознагражденіе изъ суммы, остающейся отъ жалованья убылыхъ наставниковъ, впрочемъ только въ томъ случаѣ, если они будутъ исправлять новыя обязанности не менѣе 3 мѣсяцевъ и если замѣщеніе свободной вакансіи отложено, по распоряженію высшаго начальства, до окончанія учебнаго года [4]). Во Владимірской семинаріи, при быстрой смѣнѣ преподавательскаго персонала, къ такому временному замѣщенію преподавательскихъ вакансій членами семинарской корпораціи приходилось прибѣгать нерѣдко. Распоряженіе Коммиссіи духовныхъ училищъ дало возможность, хотя и со зна-

---

[1]) Предписаніе Москов. акад. правленія отъ 31 дек. 1830 г.

[2]) Арх. сем. 1825 г., № 543.

[3]) Арх. сем. 1835 г., № 611.

[4]) Арх. сем. 1835 г., № 345. Въ 1836 г. положеніе 35 г. было восполнено разъясненіемъ въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ, если новоназначенный наставникъ замедлитъ прибытіемъ къ своей должности, то сумма, слѣдуемая ему со дня опредѣленія, поступитъ или въ экономію, или временно исправляющему его должность (Арх. сем. 1847/8 г., № 296. Опись указовъ).

чительными ограниченіями, вознаграждать этотъ нелегкій сверхдолжный трудъ.

Время между тѣмъ шло впередъ, и оклады, которые казались достаточными въ 1808 г., къ 1836 г. оказались совершенно не соотвѣтствующими ни потребностямъ, ни установившимся цѣнамъ. Недостаточность семинарскихъ окладовъ особенно бросалась въ глаза при сличеніи ихъ съ окладами по вѣдомству свѣтскихъ школъ. Въ Кіевѣ, напр., старшій учитель гимназіи получалъ 1625 руб. въ годъ, а профессоръ семинаріи только 600 руб. [1]). Со второй половины 1836 г. введены были новые штаты семинарій, со значительнымъ повышеніемъ денежныхъ окладовъ въ пользу личнаго состава духовныхъ школъ. Ректору Владимірской семинаріи (второразрядной) положено было, вмѣсто 700 руб., 1000 руб. въ годъ, впрочемъ, съ оговоркой выдавать ему неполный окладъ въ размѣрѣ $^2/_3$ и даже $^1/_2$, если только въ распоряженіи его будетъ находиться какой-нибудь монастырь. Профессорамъ положено было по тысячѣ руб. въ годъ каждому. Эконому 525 руб., лѣкарю 500 руб. и прибавочнаго жалованья: инспектору 525 руб., секретарю 375 руб. и библіотекарю 250 руб. — Высокія цифры штатной смѣты, внушительныя даже для нашего времени, объясняются тѣмъ, что счетъ въ ней веденъ на ассигнаціи. Курсъ же ассигнацій въ 30-хъ гг. палъ очень низко. Около времени введенія новыхъ штатовъ одинъ серебряный рубль равнялся по курсу 3 руб. 75 коп. и 4 руб. на ассигнаціи [2]). Тысячный окладъ профессора семинаріи для опредѣленія его дѣйствительной цѣнности долженъ быть, такимъ образомъ, уменьшенъ по крайней мѣрѣ въ четыре раза.

Все же, даже имѣя въ виду эту курсовую разность, должно признать, что матеріальное положеніе семинарской корпораціи съ 36 года улучшилось въ значительной степени. Кажется, можно сказать даже больше того. Въ концѣ 30-хъ гг. преподаватели Владимірской семинаріи въ матеріальномъ отношеніи поставлены были лучше или во всякомъ случаѣ не хуже преподавателей нашего времени. Справочныя вѣдомости 30-хъ годовъ вполнѣ подтверждаютъ это нѣсколько странное на первый взглядъ положеніе. Изъ нихъ видно, что цѣны на предметы первой необходимости стояли во Владимірѣ въ 30-хъ годахъ болѣе низкія, чѣмъ теперь, такъ что, при счетѣ на ассигнаціи, за эти предметы платили немногимъ больше въ сравненіи съ тѣмъ, что платимъ мы въ настоящее время [3]). Далѣе, потребности и запросы, кото-

---

[1]) Кіевская семинарія по штатамъ отнесена была къ 3 разряду.

[2]) См. арх. сем. 1837 г., дѣло № 95.

[3]) Напр., пара сапогъ въ 39 г. стоила на ассигн. 6 руб., картузъ суконный 2 руб., саж. березовыхъ дровъ 7 руб. 51 коп., осиновыхъ и сосновыхъ

рые предъявляла жизнь преподавателю 30-хъ гг.. были, конечно, далеко не такъ сложны и многочисленны, какъ теперь. А вѣдь въ послѣднее время только нѣсколько человѣкъ получаютъ до полуторы тысячи руб.,— окладъ, ниже котораго въ 30-хъ гг. брали немногіе изъ наличнаго состава семинарской корпораціи! [1]).

Пользуясь такими окладами, наставники Владимірской семинаріи конца 30-хъ гг. имѣли возможность и частную жизнь свою устроить лучше и удобнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ домашнемъ обиходѣ преподавателя семинаріи появляется сравнительно приличный инвентарь. Внѣшній видъ наставника начинаетъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать тому положенію государственнаго чиновника, которое было признано за нимъ въ этотъ періодъ. Тулупы и кафтаны выходятъ понемногу изъ употребленія и постепенно замѣняются принадлежностями европейскаго костюма[2]).

Содержаніе учащихся. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи начальствующихъ, учащихъ и служащихъ при семинаріи рѣшенъ

---

5 руб. 35 коп. Въ 36 г. аршинъ сукна на сертукъ 4 руб. 50 коп., рубашечнаго холста 30 коп., пудъ ржаной муки 1 р. 43 коп., четверть гречневой крупы 16 руб., пудъ говядины 5 руб. 60 коп., пудъ свѣжихъ снятковъ и др. свѣжей рыбы 5 руб. 20 коп., фунтъ севрюги 25 коп., пудъ коровьяго масла 16 руб., постнаго—13 руб., пудъ пшеничной муки 3 руб., (Арх. сем. 1839 г., № 315 и 1836 г., № 235).

[1]) 1000 руб. профес. + 250 или 350 руб. за ученую степень + 150 руб. квартирное пособіе=1400 или 1500 руб. Былъ еще одинъ плюсъ въ средствахъ содержанія наставника семинаріи того времени, но онъ лишенъ легальнаго свойства. Отъ стараго дореформеннаго времени сохранился обычай, чтобы ученики, по прибытіи съ каникулярнаго отпуска, дѣлали приношенія тѣмъ изъ учителей, подъ руководствомъ которыхъ находились. Если вѣрить сохранившимся разсказамъ, то такія приношенія дѣлались не только натурою, но и деньгами. Размѣръ этого плюса и возможность его въ бюджетѣ наставника стояли, конечно, въ зависимости отъ личныхъ особенностей и воззрѣній послѣдняго.

[2]) Вотъ для примѣра опись (неполная) предметовъ, оставшихся послѣ профессора А. Восторгова, скончавшагося въ 1841 г.: 1) Образъ Нерукотвореннаго Спаса — меньшаго размѣра, въ ризѣ серебряной безъ пробы. 2) Образъ Святителя Николая, на немъ вѣнецъ, цата и окладъ серебряныя безъ пробы—басебныя. 3) Карманные серебряные часы безъ означенія имени мастера и мѣста выхода. 4) Серебряная столовая ложка безъ пробы. 5) Шинель суконная на фланелѣ. 6) Шинель суконная на ватѣ. 7) Сертукъ суконный на тафтѣ. 8) Сертукъ полутерновый. 9) Сертукъ суконный. 10) Бекешъ суконный. 11) Два фрака суконные. 12) Двои брюки суконные. 13) Шляпа пуховая. 14) Два картуза,—одинъ изъ нихъ стеганый. 15) Четыре пары бѣлья. 16) Шлафорокъ Бухарской матеріи. 17) Одна пара сапоговъ твердыхъ. 18) Столъ крашенный ломберный. 19) Шесть стульевъ съ подушками голубой нанки. 20) Диванъ съ подушкою голубой нанки. 21) Шкафъ посудный съ тремя ящиками. 22) Самоваръ желтой мѣди. 23) Полдюжинный подносъ. 24) Полдюжина чашекъ фарфоровыхъ. 25) Чайникъ и сахарница фарфоровыя. 26) Графинъ простого хрусталя. 27) Два стакана и двѣ рюмки простого хрусталя. 28) Двѣ мѣдныхъ кастрюли. 29) Мѣдный тазъ и два такихъ же подсвѣчника. (Арх. сем. 1841 г., № 262).

былъ, слѣдовательно, въ разсматриваемый періодъ въ благопріятномъ смыслѣ. Не такъ дѣло обстояло съ улучшеніемъ быта учащихся.

По штату 1808 г. на содержаніе семинаристовъ Владимірской семинаріи положено было 8 тыс. руб., т. е., при ассигновкѣ по 80 руб. на одного ученика въ годъ, разсчитано было содержать на полномъ казенномъ содержаніи 100 человѣкъ. Цифра 80 могла быть вполнѣ достаточна въ первое время для содержанія одного ученика въ теченіе года, — но подъ непремѣннымъ условіемъ общежитной жизни. Между тѣмъ зданія Владимірской семинаріи, какъ видно изъ прежняго, не представляли никакой возможности къ устройству при семинаріи „совокупнаго жительства учениковъ". Пришлось организовать дѣло обезпеченія учениковъ казеннымъ содержаніемъ на прежнихъ началахъ, именно, въ формѣ выдачи имъ денегъ на руки.

Восьмидесятирублевый окладъ получилъ такимъ способомъ не ту цѣнность, какую онъ могъ имѣть при другихъ условіяхъ. Этого мало. Во Владимірской семинаріи, въ силу мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ еще былъ уменьшенъ въ $1^1/_2$ и даже въ 2 раза. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

По количеству учащихся Владимірская семинарія принадлежала къ числу многолюднѣйшихъ. Въ 1824 г. въ ней считалось 697 человѣкъ, а въ 1838 г. число учениковъ возрасло до 986. Сто казенныхъ окладовъ на такую массу людей, изъ которыхъ значительная часть принадлежала къ разряду лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, представляли величину слишкомъ ничтожную. Семинарское начальство, принявъ это въ соображеніе и имѣя въ виду предшествовавшую практику, рѣшило понизить величину отдѣльныхъ окладовъ, съ тѣмъ, чтобы оказать содѣйствіе возможно большему числу нуждающихся. Въ такомъ родѣ сдѣлано было представленіе въ Коммиссію духовныхъ училищъ. Въ высшей инстанціи разрѣшили раздѣлить оклады на болѣе мелкія части, но при этомъ замѣтили, что, „если за удовлетвореніемъ нуждающихся останется отъ назначенныхъ штатомъ 8 тыс. руб. нѣкоторая сумма, то правленіе семинаріи обязано сберегать ее изъ года въ годъ съ тѣмъ, чтобы облегчить себѣ способъ заведенія совокупнаго жительства и общаго содержанія казенныхъ воспитанниковъ, къ учрежденію каковыхъ семинарское правленіе должно имѣть особое прилежаніе и стараніе"[1]). Получивъ разрѣшеніе, семинарское правленіе раздѣлило нуждающихся на три разряда и стало выдавать жалованье однимъ по 60, другимъ по 45 и треть-

---

[1]) Арх. сем. 1814 г., кн. 2, № 81; 1815 г., № 150, предписаніе отъ 15 февраля.

имъ по 35 руб. Въ первой четверти 1815 г. денежное вспомоществованіе получило 123 человѣка[1]).

Полнымъ казеннымъ содержаніемъ, какъ и въ дореформенное время, пользовались лишь питомцы Суздальской бурсы, ученики Суздальскаго училища. Но и они получили необходимыя къ тому средства не сразу; пришлось пережить до этого не мало тяжелыхъ дней. Исторія этихъ злостраданій Суздальской бурсы представляетъ въ высшей степени любопытный матеріалъ для характеристики матеріальнаго быта воспитанниковъ первой четверти XIX столѣтія, вслѣдствіе чего не лишне будетъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

На содержаніе Суздальской бурсы по штату 1808 г. не было отпущено никакихъ спеціальныхъ средствъ. Но въ указѣ Синода отъ 17 сентября 1814 г. значилось, чтобы деньги, вырученныя отъ продажи вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, предназначались для содержанія бѣдныхъ учениковъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Получивъ такой указъ, семинарское правленіе нашло возможнымъ распорядиться 23 января 1815 г. объ отсылкѣ названныхъ суммъ въ количествѣ 1150 р. 37 к. въ Суздальскую бурсу для содержанія семидесяти недостаточныхъ учениковъ[2]). Не успѣли въ Суздалѣ получить предписаніе и сдѣлать въ счетъ присланныхъ денегъ нѣсколько закупокъ, какъ изъ Московской академіи передано было въ семинарію распоряженіе Коммиссіи духовныхъ училищъ, въ которомъ, между прочимъ, повелѣвалось: 1) въ училищахъ, подвѣдомственныхъ Владимірской семинаріи, до 1816 г. бурсъ не учреждать и 2) деньги, вырученныя отъ продажи вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ листовъ, хранить въ семинарскомъ правленіи[3]). Семинарія немедленно заготовила и отправила въ Суздаль предписаніе: „остановить расходъ остающейся суммы впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, а купленныя вещи расходовать со всевозможною бережливостью, вновь ничего не покупая"[4]). Изъ Суздаля увѣдомили семинарію, что значительная часть вѣнчиковой суммы уже израсходована и что въ остаткѣ имѣется всего 473 р. 73 к.[5]) Коммиссія духовныхъ училищъ пріостановила открытіе бурсъ, имѣя въ виду собрать предварительно нужныя свѣдѣнія, касающіяся мѣста и суммъ, потребныхъ для заведенія общежитія и содержанія казеннымъ коштомъ учениковъ. Одновременно съ приказомъ о пріостановкѣ открытія бурсъ Владимірской семинаріи дано было предписаніе доставить въ непродолжительномъ времени

[1]) Арх. сем. 1815 г., № 230.
[2]) Арх. сем. 1815 г., № 89.
[3]) Тамъ же, № 172.
[4]) Тамъ же, № 174.
[5]) Тамъ же, № 183.

докладъ о количествѣ нуждающихся учениковъ, предполагаемой величинѣ окладовъ, удобныхъ мѣстахъ для заведенія общежитій, мѣстныхъ епархіальныхъ источникахъ къ содержанію нуждающихся и т. д. Но для Суздальской бурсы такой поворотъ дѣла едва не сталъ роковымъ. Если 70 бѣдняковъ не остались безъ крова и пищи, то только потому, что начальство Суздальскихъ училищъ успѣло воспользоваться значительною частью вѣнчиковой суммы еще до полученія академическаго предписанія. Тѣмъ не менѣе и при этой счастливой случайности Суздальскимъ бѣднякамъ суждено было пережить много печальныхъ дней.

Послѣ семинарскаго предписанія о пріостановкѣ расходованія вѣнчиковыхъ денегъ въ рукахъ Суздальскаго начальства, кромѣ штатной суммы, предназначавшейся только на содержаніе училищъ, а не бурсы, и разсчитанной притомъ чрезвычайно экономно, не было никакихъ средствъ. Всякій кредитъ былъ закрытъ. А между тѣмъ вскорѣ назрѣли такія нужды по содержанію казеннокоштныхъ учениковъ, удовлетвореніе которыхъ было дѣломъ неотложной необходимости. Безденежье дало себя почувствовать прежде всего въ пищѣ. Въ счетъ присланной изъ семинаріи вѣнчиковой суммы успѣли заготовить провизіи въ достаточномъ количествѣ, но, въ видахъ экономіи, заготовили ее въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Для печенія хлѣбовъ, напр., покупали не муку, а рожь. Когда послѣдовалъ указъ о неприкосновенности названной суммы, оказалось, что рожь имѣлась въ запасѣ, а смолоть ее было не на что. Не было лошади даже, на которой бы можно было свезти рожь на мельницу. Обратились за содѣйствіемъ къ настоятелю Спасоевфиміева монастыря архим. Мелхиседеку. Но тотъ сослался на свой контрактъ съ мельникомъ, по которому мельника нельзя было принуждать къ безденежному исполненію работъ[1]). Началась переписка между бурсой и семинарскимъ правленіемъ. Семинарское правленіе посовѣтовало смотрителю Суздальскихъ училищъ Дмитрію Смирнову еще разъ попросить Суздальскаго архимандрита. Тоже предписалъ и владыка. Обратились вторично съ просьбой къ Мелхиседеку—смолоть рожь безплатно и дать лошадь для перевозки бурсацкой ржи на мельницу. Но Мелхиседекъ и на этотъ разъ дипломатично отклонилъ просьбу. „Купленную для бѣдныхъ учениковъ рожь, сказалъ онъ, молоть на монастырской мельницѣ, ежели есть усердіе содержателя на то, не воспрещаю и могу даже дать еще ему совѣтъ“. Ссудить лошадь для перевозки ржи на мельницу онъ положительно отказался, сославшись на то, что вскорѣ всѣ лошади заняты будутъ безпрестанною возкою песку, воды и кирпича[2]). Обратились за лошадью въ другое мѣсто,

[1]) Арх. сем. 1815 г., № 176.
[2]) Тамъ же, № 281.

къ настоятелю Суздальскаго Васильева монастыря, надѣясь, что, при обѣщанномъ содѣйствіи со стороны Мелхиседека, вопросъ о помолѣ ржи рѣшенъ будетъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Но тотъ также лошади не далъ, ссылаясь „на пашню". Тогда послали пѣшимъ въ Спасское городище, гдѣ была монастырская мельница, служителя, съ цѣлью освѣдомиться по крайней мѣрѣ, согласенъ ли будетъ мельникъ смолоть бурсацкую рожь безплатно? На мельницѣ отговорились тѣмъ, что мельница въ починкѣ... Бурсѣ угрожалъ голодъ. Муки оставалось лишь на 12 дней. Слѣдуетъ новый запросъ въ семинарію, что дѣлать и какъ быть? Семинарія опредѣлила: „пріобщить представленіе къ семинарскимъ дѣламъ и хранить въ правленіи" [1])

Одновременно съ вопросомъ о помолѣ ржи открылось дѣло объ одеждѣ и обуви для бурсаковъ. Недостатокъ въ одеждѣ и обуви для казеннокоштныхъ учениковъ чувствовался еще въ то время, когда Суздальская бурса имѣла въ своемъ распоряженіи вѣнчиковую сумму. По исчисленію смотрителя Смирнова, посланному въ семинарію въ февралѣ 1815 года, изъ ассигнованныхъ на Суздальскую бурсу 2800 руб. (столько предполагалось отпускать ежегодно изъ вѣнчиковыхъ суммъ) на одежду и обувь бурсаковъ можно было удѣлить всего 491 р. 50 к., въ счетъ коихъ обуть и одѣть возможно лишь 20 человѣкъ. Но семинарское правленіе не позволило сдѣлать и этого въ силу распоряженія, даннаго высшею властію[2]). Результаты не замедлили сказаться. Уже 8 марта Смирновъ доносилъ, что пять бурсаковъ заболѣли горячкой. „По совѣту оператора Дмитрія Павловича Моренкова, писалъ смотритель, для нихъ нуженъ особый покой, а также нѣкоторыя лѣкарства; но какъ употребленіе бурсацкой суммы нынѣ воспрещено, то какъ въ семъ случаѣ поступить, о семъ покорнѣйше представляю"[3]). Семинарское правленіе дало совѣтъ отпустить больныхъ учениковъ домой впредь до выздоровленія. Мѣра, рекомендованная правленіемъ, не пріостановила болѣзни и оказалась даже не вполнѣ выполнимою. 20 марта получено было семинарскимъ правленіемъ новое представленіе Суздальскаго смотрителя, не лишенное ядовитой ироніи по адресу всѣхъ санитарныхъ мѣропріятій, строго выполненныхъ по настоянію врача, но не приведшихъ къ цѣли, поскольку не устранена была основная причина заразительной болѣзни. „Число больныхъ учениковъ въ здѣшней бурсѣ день отъ дня увеличивается. 12 человѣкъ отпущены за болѣзнію въ домы сродственниковъ ихъ съ билетами, но теперь заболѣло вновь 10 человѣкъ, которыхъ, за неимѣніемъ попутчиковъ,

[1]) Тамъ же, № 363.
[2]) Тамъ же, № 173.
[3]) Тамъ же, № 192.

отпустить въ домы не съ кѣмъ. Хотя предосторожности отъ увеличенія болѣзни принимаются всѣ, здоровые съ больными не спятъ, въ комнатахъ довольно чисто, всякій день, по совѣту господина оператора Моренкова, курятъ понемногу можжевеловыми ягодами и свѣжій воздухъ въ комнату впускается, но все сіе безуспѣшно. Начальною причиною болѣзни сей полагать можно простуду въ ногахъ, за неимѣніемъ у многихъ обуви". Семинаріи оставалось только дать разрѣшеніе смотрителю на отпускъ всѣхъ учениковъ въ домы родителей. Заболѣвшихъ учениковъ велѣно было оставить въ бурсѣ до попутчиковъ[1]). Затрудненіе было такимъ способомъ устранено, и семинарское правленіе, хотя на время, избавилось отъ докучливыхъ запросовъ Суздальскаго смотрителя.

Но прошла Пасха, прошло Ѳомино воскресенье, и вопросы о помолѣ, объ обуви, нѣсколько позабытые, снова поставлены были на очередь и требовали обстоятельнаго обсужденія. Въ это именно время получено было семинаріею упомянутое выше представленіе Суздальскаго смотрителя о томъ, что муки въ бурсѣ остается всего лишь на 12 дней. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта печальная исторія, если бы на помощь нуждающимся бурсакамъ не пришелъ преосв. Ксенофонтъ. 24 мая онъ далъ въ консисторію указъ, въ силу котораго положено было заимствовать необходимыя для содержанія бурсаковъ средства изъ неокладныхъ монастырскихъ суммъ и добровольныхъ пожертвованій, къ которымъ призывались настоятели и настоятельницы Владимірскихъ монастырей и пустынь[2]). 23 іюня 1815 г. смотритель Суздальскихъ училищъ уже извѣщалъ семинарское правленіе о полученіи имъ предписанія, коимъ дозволяется расходовать присланную при семъ сумму на содержаніе бурсаковъ[3]). На присланныя деньги нельзя, понятно, было сразу заплатать всѣ прорѣхи бурсацкой экономіи. Изъ донесенія смотрителя отъ 1 октября мы узнаемъ, что къ тому числу все еще 20 человѣкъ „имѣли лишь худые лапти"[3]). Но теперь по крайней мѣрѣ можно было думать о завтрашнемъ днѣ безъ страха. Въ исторіи Суздальской бурсы началась болѣе свѣтлая страница. Ея дальнѣйшее существованіе было обезпечено.

Между тѣмъ, пока шли переговоры о содержаніи и обуви оставшихся безъ всякихъ средствъ къ существованію бурсаковъ, семинарія дѣятельно обсуждала вопросъ о приспособленіи Суздальскихъ помѣщеній къ устройству въ Суздалѣ постоянной бурсы. Распоряженіе въ этомъ смыслѣ дано было изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Наконецъ, къ октябрю мѣсяцу 1816 г. подготов-

---

[1]) Тамъ же, № 228.
[2]) Тамъ же, № 435.
[3]) Тамъ же, № 506.
[4]) Тамъ же, № 660.

ленія были закончены, и 8 числа состоялось торжественное открытіе новоустроеннаго общежитія. Архимандритъ Спасоевѳиміева монастыря Мелхиседекъ совершилъ, при участіи учениковъ, крестный ходъ изъ собора въ бурсу. Ученики шли въ рядахъ по 4 человѣка и пѣли „Царю небесный“ на славянскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ. Послѣ окропленія зданій святою водою состоялся актъ. Ученики читали разговоры, стихи, а пѣвчіе пѣли тропари: „Благодарни суще“, „Твоихъ благодѣяній“... За обѣдомъ казеннокоштныхъ учениковъ пѣлись антифоны: „Окрестъ трапезы твоея“, „Се нынѣ что добро“[1]). На содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ училищъ назначена была вѣнчиковая сумма[2]) и ежегодныя доброхотныя пожертвованія. Къ пожертвованіямъ призвано было чрезъ благочинныхъ все епархіальное духовенство. Благочиннымъ преосвященный Ксенофонтъ строжайше предписалъ чтобы они „всемѣрное имѣли стараніе о приглашеніи подвѣдомственнаго имъ духовенства къ пожертвованіямъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ духовнаго званія“. Тѣ изъ благочинныхъ, которыми не представлялись пожертвованія, помѣчались въ числѣ безпечныхъ и подвергались строгому выговору со стороны владыки[3]). Ревностные получали архипастырскую благодарность[4]). Суздальская бурса была единственною для всей епархіи. Сюда присылались сироты изъ всѣхъ училищъ. По переходѣ въ семинарію, гдѣ, какъ сказано было выше, не существовало общежитія, Суздальскіе бурсаки пользовались большимъ въ сравненіи съ другими окладомъ.

Съ 1 янв. 1820 г. сверхъ суммы, назначенной раньше на содержаніе учениковъ семинаріи, Коммиссія духовныхъ училищъ распорядилась отпускать ежегодно извѣстную сумму на содержаніе собственно бурсъ. На бурсы Владимірской епархіи ассигновано было 7200 руб. въ годъ [5]). Съ возвышеніемъ бурсачныхъ штатовъ, явилась возможность усилить средства, отпускавшіяся доселѣ на жалованье семинаристамъ. Семинарія и на этотъ разъ предпочла увеличить не столько величину окладовъ, сколько количество лицъ, получающихъ вспомоществованіе. Сразу же положено было довести число учениковъ, состоящихъ на жалованьи, до 200 чело-

---

[1]) Арх. сем. 1816 г., № 398.

[2]) О количествѣ этой суммы можно судить по тому, что въ 1815 г. было продано молитвъ и вѣнчиковъ на 3045 руб. 80 коп. Въ 1816 г. — на 2928 руб. 88 коп. Арх. сем. 1817 г., № 536.

[3]) Арх. сем. 1820 г., № 304.

[4]) Арх. сем. 1815 г., отпуски дѣлъ 1819 г.

[5]) Въ счетъ ассигнованныхъ 7200 руб. положено было содержать 80 на бурсачномъ и столько же на полубурсачномъ содержаніи, считая на бурсака 60 руб. въ годъ, а на полубурсака 30 руб. Арх. сем. 1820 г., № 308.

вѣкъ [1]). Максимальная величина оклада съ 60 руб. была поднята до 100. Но сторублевые оклады получили лишь очень немногіе. Большая часть изъ вспомоществуемыхъ должна была довольствоваться несравненно меньшею суммой [2]). Въ 1821 г. минимальная сумма опредѣлилась въ 30 руб., а въ послѣдующіе годы опустилась еще ниже. Въ 18²⁶/₂₇ учебномъ году жалованье семинаристамъ роздано было, напр., по такому росписанію: 36 человѣкъ получило по 70 руб. въ годъ, 5 чк.—по 65 руб., 13 чк.—по 60 руб., 9 чк.—по 55 руб., 44 чк.—по 50 руб., 11 чк.—по 45 руб., 26 чк.—по 40 руб.,—16 чк.—по 35 руб., 111 чк.—по 30 руб., 27 чк.—по 25 руб., 64 чк.—по 20 руб., 22 чк.—по 15 руб. Итого 384 чк. съ окладомъ въ 14030 руб. [3]).

Къ 30 году число учащихся во Владимірской семинаріи поднялось свыше 800 чк. Дальнѣйшее дробленіе окладовъ было немыслимо. Многимъ изъ нуждающихся приходилось отказывать. Положеніе семинаріи становилось снова затруднительнымъ.

Близко принялъ къ сердцу интересы бѣдствовавшихъ семинаристовъ въ эту критическую минуту преосв. Парѳеній, преемникъ по каѳедрѣ Ксенофонта. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи Владимірскаго духовенства былъ предметомъ особенныхъ заботъ еп. Парѳенія. Вдовы и сироты находили въ немъ своего покровителя и защитника. Пользуясь благорасположеніемъ митроп. СПБургскаго Серафима, Парѳеній никогда не пропускалъ случая замолвить слово за своихъ „горькихъ Владимірцевъ", и ходатайство сердобольнаго владыки не оставалось безъ отвѣта. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ письма Парѳенія къ митрополиту Серафиму [4]) Отъ 2 окт. 1830 г. Парѳеній писалъ Серафиму: „Будетъ къ Вамъ просьба о бѣдныхъ школьникахъ. О строеніи семинаріи уже сдѣлано представленіе, но до построенія нельзя-ли оказать милость умноженіемъ штатнаго оклада во Владимірѣ пользующихся казеннымъ жалованьемъ? Здѣсь штатъ на 100 человѣкъ, а учениковъ 962, а въ Архангельскѣ и Астрахани на 100 же человѣкъ, а учениковъ не болѣе сотни. Здѣсь сиротъ однѣхъ въ семинаріи 169 человѣкъ, а сколько бѣдныхъ дѣтей заштатныхъ отцовъ, сколько

---

[1]) Въ 1822 г. на жалованьи состояло 158 человѣкъ, 1823 г.—261, 1824 г.—302, 1825 г.—322 (при 620 чк. учащихся), въ 1826 г.—309 (при 750 чк. учащихся), 1827 г.—384 (при 664 чк. учащихся), 1828 г.—352 (при 851 чк. учащихся). Изъ 352 чк., состоявшихъ на жалованьи въ 1828 г., 114 чк. были сироты, не имѣющіе отца, 33—имѣющіе отца заштатнаго, 144 дѣтей причетническихъ и 61—дѣтей священнослужительскихъ. Арх. сем. 1815 г. Дѣло объ устройствѣ корпусовъ для чиновниковъ семинаріи и учениковъ.

[2]) Арх. сем. 1821 г., № 443 и 475.

[3]) Арх. сем. 1826 г., № 693.

[4]) Письма Парѳенія къ Серафиму изданы преподав. сем. В. М. Орловымъ во Влад. Епарх. Вѣдомостяхъ.

бѣдныхъ дѣтей многосемейныхъ причетниковъ! Въ пособіе собирается сумма съ нѣкоторыхъ монастырей и жертвуемая отъ священнослужителей. Но что значатъ сіи лепты для многаго множества требующихъ! Необходимо нужно будетъ впослѣдствіи устроить другую семинарію. Помогите вопіющей бѣдности!" [1]) Вслѣдъ затѣмъ, по предложенію владыки, въ академическое правленіе послано было отъ семинаріи ходатайство объ увеличеніи штатнаго оклада [2]).— 1831 г. 13 апр. Пароеній снова писалъ: „Есть-ли надежда на положеніе окладовъ? Велика у насъ семья. Бѣдныхъ множество во Владимірѣ, а способы скудны" [3]). 2 ноября 1831 г. владыка снова повторяетъ: „Есть-ли надежда на утвержденіе плановъ и фасадовъ для Владимірскихъ семинарскихъ зданій и на отпускъ суммъ?" [4]).

Наконецъ, настойчивое ходатайство было удовлетворено. 30 окладовъ изъ суммъ, положенныхъ на содержаніе учениковъ Архангельской семинаріи, были переданы въ распоряженіе Владимірскаго семинарскаго правленія. Преосв. Пароеній благодаритъ за милость, но попутно дѣлаетъ попытку еще усилить средства для содержанія нуждающихся учениковъ. „Имѣю долгъ, пишетъ онъ отъ 17 декабря 1831 г., благодарить за прибавку 6 тысячъ руб., составляющихъ 30 окладовъ, въ пользу семинаристовъ. Какъ сдѣлано неразсчетливо, что оклады круглымъ числомъ положены по епархіямъ на 100, хотя бы въ иной семинаріи всѣхъ было учениковъ менѣе 100, а въ другой до 1000! По числу учениковъ (851) Владимірская семинарія есть многолюднѣйшая. Даже раздѣливъ на двѣ, будетъ каждая болѣе другихъ семинарій: однѣхъ сиротъ 180, а всѣхъ слѣдуетъ назначить на жалованье по крайней бѣдности. Ежели будетъ возможность дополните вашу милость прибавкою окладовъ или по уравненію или по ассигнованію вновь. Тяжело съ многолюдною бѣдностью управляться" [5]).

И эта просьба Пароенія была исполнена. Изъ суммъ Коммиссіи вновь ассигновано было 40 штатныхъ окладовъ на сумму 6800 руб. [6]). Пароеній послѣ этого писалъ: „Всеискреннѣйше благодарю васъ за милости, явленныя горькимъ семинаристамъ прибавкою 40 окладовъ сверхъ прежнихъ 30. Теперь очень многихъ отрутся слезы". Но вслѣдъ затѣмъ началъ ходатайствовать объ ученикахъ малыхъ училищъ, „изъ парниковъ которыхъ школьники,

---

[1]) Влад. Епарх. Вѣдомости 1878 г., стр. 373.
[2]) Арх. сем. 1830 г., № 218.
[3]) Влад. Епарх. Вѣдомости 1878 г., стр. 418.
[4]) Тжж., стр. 419.
[5]) Тжж., стр. 421 и 1880 г., стр. 57—58.
[6]) Арх. сем. 1832 г., № 321.

пересаживающіеся въ семинарію, по многочисленности терпятъ большую нужду“.[1]).

Кромѣ обезпеченія казеннымъ жалованьемъ былъ еще одинъ источникъ вспомоществованія болѣе нуждающимся изъ воспитанниковъ, именно утвержденіе за болѣе бѣдными изъ нихъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ. Но онъ имѣлъ второстепенное, побочное значеніе и большого подспорья къ семинарскимъ средствамъ не составлялъ. По словамъ семинарскаго правленія, „этотъ родъ пособія соединенъ съ большими затрудненіями какъ для начальства, такъ для содержателя и содержимыхъ“.[2]).

Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ выше цифръ и данныхъ легко можно видѣть, что всѣ увеличенія бурсачныхъ штатовъ въ сущности нисколько не измѣнили того мрачнаго колорита, которымъ окрашенъ былъ матеріальный бытъ питомцевъ Владимірской школы. Величина отдѣльныхъ окладовъ, вслѣдствіе увеличенія получающихъ казенное жалованье, понижалась все болѣе и болѣе. Увеличеніе числа субсидируемыхъ шло лишь пропорціонально общему возрастанію учащихся во Владимірской семинаріи. Такимъ образомъ, при всѣхъ расширеніяхъ круга вспомоществуемыхъ, всегда оставалось достаточное количество лицъ, которыя нуждались въ пособіи. Имѣя это въ виду и принимая во вниманіе то, что и цѣны въ 30-хъ годахъ на все значительно поднялись въ сравненіи съ годами реформы семинаріи, можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что въ 30-хъ годахъ неудобство старой системы обезпеченія сиротъ жалованьемъ должно было сознаваться несравненно сильнѣе, чѣмъ оно чувствовалось въ 1814 г.

Ученики устроивались въ городѣ при невозможныхъ условіяхъ. Затрачивая на свое содержаніе мѣдные гроши, они вынуждены были довольствоваться и самыми убогими жилищами, и самой непритязательной пищей. Вотъ что, напр., разсказывалъ о своей семинарской жизни одинъ изъ протоіереевъ, окончившій семинарію въ 1834 г. „Не такъ жили мы и вели себя, какъ нынѣ живутъ и ведутъ себя воспитанники духовной семинаріи. Я, говорилъ онъ о себѣ, какъ сынъ бѣднаго причетника до богословскаго класса ходилъ въ чапчурахъ (котахъ) съ портянками, и только при переходѣ въ богословскій классъ сшили мнѣ сапоги. Нанковый халатъ съ полосатымъ кушакомъ, а зимой такой же тулупъ на домашнихъ овчинахъ, большой теплый картузъ зимою и лѣтомъ и едва-ли не одинъ на весь семинарскій курсъ—составляли все мое

---

[1]) Влад. Епарх. Вѣдомости 1878 г., стр. 423 (Письмо отъ 4 апр. 1832 г.) и 1880 г., стр. 59.

[2]) См. Дѣло объ устройствѣ корпусовъ для чиновниковъ семинаріи и учениковъ. Арх. сем. 1815 г.

щегольство и украшеніе. Черный и почасту черствый хлѣбъ, съ плохими сѣрыми щами, каша — не всегда, въ грязной гнилой хатенкѣ въ Щемиловкѣ — вотъ обстановка моя и многихъ другихъ товарищей семинарской жизни" [1]).

При какихъ гигіеническихъ условіяхъ приходилось ютиться семинаристамъ „въ грязныхъ хатенкахъ" Щемиловки, объ этомъ можно составить нѣкоторое представленіе по докладу, поданному въ одинъ изъ холерныхъ годовъ попечителемъ 2-й части г. Владиміра коллежскимъ ассесоромъ Гавриловымъ Владимірскому губернатору. „По предписанію Вашего Превосходительства, писалъ попечитель, нашелъ я, что многіе дома обитателей 2-й части наполнены до невѣроятной тѣсноты семинаристами, особливо въ нижней части города, расположенной на сыромъ и низкомъ мѣстѣ. Опрятность и чистота, столь нужныя для предотвращенія холеры, не можетъ быть въ упомянутыхъ домахъ соблюдена по бѣдности жителей и чрезмѣрному скопленію семинаристовъ. Почему, ежели Богу угодно будетъ наказать городъ заразительною болѣзнію, то неисчислимы будутъ бѣдствія отъ неопрятныхъ и тѣсныхъ помѣщеній, наполненныхъ семинаристами, кои сверхъ того по большей части худо одѣты и не имѣютъ здѣсь родственниковъ, которые бы могли заботиться о нихъ въ болѣзни, тѣмъ паче заразительной, какою описывается холера. Въ семъ уваженіи пріемлю смѣлость донести объ этомъ Вашему Превосходительству и просить для отдаленія бѣдствія отъ угрожающей здѣшнему краю опасности, войти въ сношенія съ семинарскимъ начальствомъ о предметѣ толикой важности" [2]).

При такихъ условіяхъ матеріальнаго быта семинаристовъ, вопросъ объ устройствѣ при семинаріи общежитія съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе требовалъ своего разрѣшенія. Петребность въ заведеніи общежитія сознавалась еще и по другимъ причинамъ. Разсѣянные по самымъ отдаленнымъ и глухимъ уголкамъ города, семинаристы стояли внѣ начальническаго надзора, и нравственная жизнь ихъ страдала серьезными поврежденіями и недостатками.

Дѣло объ устройствѣ при семинаріи бурсы было поднято очень рано. Но, по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, ему суждено было осуществиться лишь въ 30-хъ гг. и то пока еще не вполнѣ, наполовину. Главное препятствіе заключалось въ недостаткѣ помѣстительныхъ зданій и нужной для постройки таковыхъ зданій земли.

Ко времени ревизіи Владимірской семинаріи архим. Филаретомъ (1815 г.) служащіе и учащіеся въ семинаріи размѣщались слѣ-

[1]) Влад. Епарх. Вѣдомости 1882 г., стр. 416.

[2]) Арх. сем. 1830 г. Дѣло о холерѣ (докладъ отъ 15 сент.).

дующимъ образомъ. Въ каменномъ двухъэтажномъ зданіи, принадлежавшемъ архіерейскому дому и предоставленномъ въ семинарское вѣдѣніе въ 1798 г., помѣщалось: присутствіе семинарскаго правленія, подьяческая комната, кладовая, библіотека и квартиры ректора, инспектора, эконома и смотрителя училищъ. Верхній этажъ каменнаго зданія, построеннаго при Ксенофонтѣ, отведенъ былъ для залы собраній и семинарскихъ классовъ, нижній для классовъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Часть каменнаго флигеля, построеннаго при основаніи семинаріи, занималъ одинъ изъ учителей уѣзднаго училища, а другую—русскій классъ. Въ старомъ деревянномъ флигелѣ (купленномъ, вѣроятно, у Апрянина въ 1804 г.) жилъ другой учитель уѣзднаго училища. Наконецъ, въ двухъэтажномъ домѣ, находившемся на Никольской улицѣ, уступленномъ семинаріи архіерейскимъ домомъ, ко времени пріѣзда Филарета отведено было помѣщеніе для учителей семинаріи [1]).

Осмотрѣвъ семинарію, Филаретъ констатировалъ, что „разсѣянное жительство учениковъ препятствуетъ семинарскому начальству открывать и исправлять порочныхъ" и что „весьма нуженъ при училищномъ домѣ домъ для учащихъ и совокупнаго жительства учениковъ" [2]). Донося объ этомъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, Филаретъ знакомилъ ее и съ тѣми средствами, при помощи которыхъ возможно было въ то время осуществить мысль о совокупномъ житіи учениковъ. „Коммиссіи духовныхъ училищъ извѣстно, писалъ онъ, что семинарское правленіе намѣрено было купить сосѣдственный деревянный домъ съ землею за 7 тысячъ руб. Но домъ сей, кромѣ одного флигеля, весьма ветхъ; предполагаемому назначенію несоотвѣтственъ, и по признанію самого мѣстнаго начальства не стоитъ и съ землею 3 тыс. р., если не принять въ счетъ заготовленнаго при немъ строевого лѣса, который цѣнятъ до 1000 руб. Нынѣшній владѣлецъ, примѣчая нужду семинаріи, по крайней мѣрѣ 3000 руб. требуетъ напрасно. Потребность же семинаріи составляетъ здѣсь одна земля, по свободной продажѣ едва-ли стоющая болѣе 1000 руб. Впрочемъ, потребность сія важна потому, что нынѣшняя земля семинарская мало представляетъ удобности для произведенія новаго строенія. Итакъ, должно-ли заплатить едва не семерную сумму за землю, которая бы округлила и распространила семинарскій дворъ? или предпринять строеніе съ нѣкоторою тѣснотою и неправильностью вида на нынѣшней землѣ семинарской? Или основать совокупное жительство учениковъ въ существующемъ нынѣ училищномъ домѣ, котораго не малая часть пропадаетъ нынѣ въ сѣняхъ и лѣстни-

[1]) Арх. сем. 1815 г., № 511. Собр. мнѣній и отз. Филарета. Т. I., стр. 235.
[2]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 235. 236.

цахъ, а уѣздное и приходское училище отвести совсѣмъ въ другое мѣсто? Къ разрѣшенію сихъ вопросовъ вести можетъ архитекторъ, время и вниманіе мѣстнаго начальства“ [1]).

Земля, о которой говоритъ въ своемъ донесеніи Филаретъ, принадлежала Апрянину. Часть усадьбы Апрянина съ небольшимъ домикомъ и фруктовымъ садомъ куплена была семинаріей еще въ 1804 г. для постройки на ней каменнаго класснаго корпуса. Въ 1814 г., когда возникъ вопросъ о казенныхъ квартирахъ для учителей, вниманіе семинарскаго правленія остановилось опять на владѣніяхъ Апрянина. Апрянинъ согласился уступить свой домъ съ принадлежащими ему службами и землею, но потребовалъ за это 7 тысячъ рублей. 4 декабря 1814 г. семинарское правленіе сдѣлало представленіе въ Московскую академію о необходимости пріобрѣсти домъ и условіяхъ, какія поставилъ съ своей стороны Апрянинъ. Въ виду предстоявшей ревизіи отвѣта на это представленіе не послѣдовало. Филаретъ, высказавшись за необходимость устройства при Владимірской семинаріи общежитія, не могъ оставить безъ вниманія и семинарскаго проекта о пріобщеніи къ семинарскимъ владѣніямъ при посредствѣ покупки Апрянинской земли и строеній. Впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ высказался неопредѣленно и намѣтилъ, кромѣ покупки Апрянинской земли, еще два пути, менѣе обременительные для Коммиссіи духовныхъ училищъ. Одинъ изъ нихъ Коммиссія духовныхъ училищъ и избрала.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1815 г. еп. Ксенофонтъ получилъ отношеніе отъ Амвросія Петербургскаго, въ которомъ предписывалось ему приложить „попеченіе“ къ пріисканію другого удобнаго мѣста для уѣзднаго и приходскаго училищъ съ тѣмъ, чтобы часть дома, занимаемаго этими училищами, обращена была въ жилыя комнаты учениковъ Владимірской семинаріи [2]). Проектъ расширенія семинарской земли былъ такимъ способомъ оставленъ. Владимірскому епархіальному начальству предлагалась одна изъ довольно трудныхъ задачъ — создать общежитіе для многолюдной семинаріи на тѣсномъ семинарскомъ дворѣ и отыскать новое мѣсто для низшихъ училищъ.

Въ такомъ положеніи сдѣлана была еще разъ попытка завести рѣчь о домѣ Апрянина. Пользуясь тѣмъ, что Апрянинъ изъявилъ согласіе продать домъ со всѣми строеніями и землею, кромѣ строевого лѣса, за 5 тысячъ руб. вмѣсто 7, семинарское правленіе вошло съ вторичнымъ представленіемъ въ Московскую акаде-

---

[1]) Тамъ же, стр. 236.

[2]) Дѣло объ устройствѣ корпусовъ для чиновниковъ семинаріи и учениковъ.

мію[1]). Но оттуда отвѣтили, что одинъ разъ о домѣ Апрянина уже было донесено въ Коммиссію духовныхъ училищъ, вторичнаго же представленія академическое начальство не имѣетъ права дѣлать[2]). Послѣ такого отвѣта семинарское правленіе оказалось въ сильномъ затрудненіи. Въ виду постояннаго увеличенія количества учащихся во Владимірской семинаріи, для него очевидно было, что устройство общежитія при семинаріи возможно единственно подъ условіемъ расширенія семинарской земли; расширеніе же могло быть сдѣлано только въ счетъ Апрянинской усадьбы. для покупки которой не отпускали средствъ и потерять которую, при нерѣшительности и проволочкахъ, было вполнѣ возможно. И вотъ семинарія, съ благословенія Ксенофонта, рѣшаетъ пріобрѣсти Апрянинскую землю на мѣстныя средства. 27 ноября 1817 г. земля съ постройками перешла въ вѣдѣніе семинаріи. За все заплатили 2900 рублей ассигн. Пріобрѣтеніе совершено было въ счетъ суммъ, жертвуемыхъ епархіей на содержаніе бѣдныхъ учениковъ духовныхъ училищъ[3]). Въ пріобрѣтенныхъ зданіяхъ помѣстили временно учителей семинаріи.

Послѣ пріобрѣтенія зданій преосв. Ксенофонтъ поручилъ семинарскому правленію войти въ разсмотрѣніе вопроса о перемѣщеніи училищъ и объ устройствѣ при семинаріи бурсы. Семинарское правленіе, по обсужденіи, признало нижній этажъ класснаго корпуса совершенно непригоднымъ для устройства здѣсь общежитія и высказалось за устройство новаго зданія, въ которомъ бы можно было помѣстить какъ бѣднѣйшихъ учениковъ семинаріи и духовныхъ училищъ, такъ и всѣхъ служащихъ и учащихъ при семинаріи. Высказана была даже мысль о желательности расширить проектируемый корпусъ до такихъ размѣровъ, чтобы въ немъ помѣстить вмѣстѣ съ казеннокоштными учениками и своекоштныхъ, за извѣстную плату, такъ какъ, по словамъ семинарскаго правленія, „они почти всѣ по нуждѣ нанимаютъ у хозяевъ бѣдныхъ квартиры тѣсныя и многолюдныя, занимаемыя разныхъ званіевъ жильцами, что не мало препятствуетъ успѣхамъ нѣкоторыхъ учениковъ; да и присмотръ за ихъ нравственностью на сихъ квартирахъ сопряженъ для инспекторовъ съ довольными неудобствами“. (Отъ 6 марта 1818 г.).

Но всѣмъ этимъ проектамъ не суждено было осуществиться. Обстоятельства сложились для Владимірской семинаріи въ высшей степени неблагопріятно. Прежде всего изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ послѣдовало вторичное предписаніе на имя Ксенофонта

---

1) Арх. сем. 1815 г., нояб. 16.
2) Арх. сем. 1816 г., № 2, отъ 31 дек. 1815 г.
3) Арх. сем. 1861/62 г., копія купчей.

„о скорѣйшемъ перемѣщеніи духовныхъ училищъ въ другое мѣсто“ (отъ 18 мар. 1818 г.). Пришлось собирать мастеровъ, печниковъ, каменьщиковъ, сноситься съ губернскимъ архитекторомъ и формальнымъ образомъ обосновывать то, что было ясно и безъ этого. Нижній этажъ при всѣхъ перестройкахъ не могъ вмѣстить больше 60 человѣкъ, что для Владимірской многолюдной семинаріи составляло цифру слишкомъ ничтожную. Дѣло это заняло однако около года Только 31 мая 1819 г. еп Ксенофонтъ могъ вторично распорядиться: „за показанными неудобствами, замѣченными г архитекторомъ при членахъ правленія семинаріи, предоставляется оному правленію заготовить планъ и фасадъ на построеніе новаго каменнаго корпуса и прочихъ къ оному принадлежностей для общежитія учениковъ и, учиня примѣрную смѣту суммы потребной на все строеніе, представить съ нимъ“. Снеслись съ губернскимъ правленіемъ съ тѣмъ, чтобы оно благоволило предписать Владимірскому губернскому архитектору „составить планъ и фасадъ на построеніе новаго каменнаго корпуса и прочихъ къ оному принадлежностей для помѣщенія чиновниковъ семинаріи и до 200 воспитанниковъ и для сего учинить надлежащую смѣту“ (отъ 5 іюня 1819 г.). На этой стадіи составленія плановъ и смѣты постройка и пріостановилась.

Въ 1821 г. еп. Ксенофонтъ оставилъ Владимірскую епархію. Парѳеній не могъ, конечно, сразу стать въ курсѣ начатой уже переписки, а губернскій архитекторъ не торопился. Сносились нѣсколько разъ съ губернскимъ правленіемъ, но ни плана, ни смѣты не получали. Въ концѣ 1823 г. (26 окт.) семинарія обратилась въ губернское правленіе съ требованіемъ снять по крайней мѣрѣ на планъ землю, занимаемую семинарскимъ домомъ и принадлежащими къ нему училищными зданіями. Планъ земли съ необходимыми поясненіями, касающимися новой постройки, предполагалось послать въ Коммиссію духовныхъ училищъ съ присоединеніемъ ходатайства о составленіи смѣты и плана самою Коммиссіею и объ отпускѣ нужной для постройки суммы.

На этотъ разъ требованіе семинарскаго правленія было удовлетворено. Желаемые рисунки вскорѣ прислали. Но теперь встрѣтилось затрудненіе съ другой стороны. Преосв. Парѳеній, не знакомый хорошо съ исторіей всего дѣла, потребовалъ подробнаго донесенія и вообще отклонилъ мысль семинарскаго правленія о составленіи плана и смѣты въ центральномъ управленіи.

Время между тѣмъ шло впередъ. Ученики по прежнему ютились въ грязныхъ квартирахъ. Ревизовавшій Владимірскую семинарію въ 1827 г. архимандритъ Евлампій нашелъ ее въ незавидномъ состояніи и въ своемъ отчетѣ, представленномъ въ Коммиссію духовныхъ училищъ, повторилъ мысль Филарета: „одной

изъ главныхъ причинъ, противодѣйствующихъ улучшенію учебной и нравственной части, есть то, что ученики не имѣютъ совокупнаго жительства и вмѣсто казеннаго содержанія получаютъ деньги, которыя по лѣтамъ ихъ не всегда могутъ быть хорошо употреблены". Слѣдуютъ новые запросы изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, составляются новыя представленія семинарскаго правленія, и въ концѣ концовъ прибѣгаютъ къ старымъ средствамъ. Резолюціею отъ 26 апр. 1828 г. преосв. Парѳеній предписалъ семинаріи „изготовить отношеніе къ господину губернатору, дабы благоволилъ предписать губернскому архитектору сдѣлать планъ и фасадъ предполагаемымъ строеніямъ съ надлежащею смѣтою" [1]).

Прошло еще два года послѣ этой резолюціи, и наконецъ планъ проектируемыхъ зданій, смѣта съ подробнымъ объясненіемъ были отосланы семинарскимъ правленіемъ въ Коммиссію духовныхъ училищъ (мая 25 1830 г.). Со времени возникновенія дѣла о постройкѣ общежитія прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ. Владимірская семинарія разрослась, вслѣдствіе чего прежніе планы и соображенія по необходимости значительно измѣнились. Важнѣйшею новинкою въ послѣднемъ представленіи семинарскаго правленія былъ проектъ о раздѣленіи Владимірской семинаріи на двѣ. Вторую семинарію предполагалось помѣстить въ Суздалѣ, въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ, занятомъ въ то время помѣщеніемъ духовныхъ училищъ, бурсою, духовнымъ правленіемъ, свѣтскими присутственными мѣстами и винными подвалами. Во Владимірѣ проектировалось построить 1) каменный корпусъ для учащихъ семинаріи, 2) каменный корпусъ на 450 учениковъ съ прислугою, 3) каменный корпусъ для Владимірскихъ духовныхъ училищъ, 4) деревянную больницу на 25 кроватей и 5) каменную баню. Двухъэтажный каменный корпусъ, построенный при Ксенофонтѣ, предполагалось перестроить и расширить [2]). Всѣ расходы по постройкѣ исчислены въ 422644 руб. 45 коп. ассигн. [3]).

Дѣло осложнилось. Вопросъ, поставленный правленіемъ, требовалъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Отвѣта изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ можно было ожидать нескоро. Предвидя такой исходъ, семинарія рѣшила, въ ожиданіи грандіозныхъ построекъ, предпринять нѣкоторыя болѣе мелкія, сдѣлавшіяся

---

1) См. Дѣло о постройкѣ корпусовъ...

2) Но смотря на сравнительно недолгое существованіе, онъ, вслѣдствіе частыхъ передѣлокъ и приспособленій, вызванныхъ открытіемъ новыхъ классовъ въ семинаріи, представлялъ уже, по крайней мѣрѣ внутри, картину убожества и разрушенія. Потолки обветшали, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли подпоры, полы и рамы сгнили. См. Дѣло объ обревизованіи семинаріи и училищъ инспекторомъ академіи Платономъ. Арх. сем. 1832 г.

3) Арх. сем. 1835 г. Дѣло о постройкахъ.

неотложными. Старый деревянный флигель, въ которомъ помѣщалось въ то время приходское училище, сдѣлался совершенно ветхимъ и не годнымъ къ проживанію. Въ 1831 году на семинарскомъ дворѣ въ оврагѣ построили новый деревянный флигель, гдѣ помѣщенъ былъ одинъ классъ уѣзднаго и два приходскаго училища[1]). Въ 1832 году представился удобный случай для пріобрѣтенія мѣста, на которомъ впослѣдствіи можно было построить зданія для духовныхъ училищъ, вопросъ о выдѣленіи коихъ изъ семинаріи въ принципѣ былъ уже рѣшенъ. Именно, за р. Лыбедью удѣльная контора продавала небольшой клочекъ земли съ домомъ и службами. Цѣна запрошенная была сравнительно недорога, и Коммиссія, послѣ личнаго ходатайства еп. Парѳенія[2]), изъявила свое согласіе на пріобрѣтеніе его въ вѣдѣніе семинаріи. Покупка дома съ землею дала возможность семинарскому правленію осуществить давно лелѣянную мысль объ общежитіи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1833 года въ Залыбедскомъ помѣщеніи открыта была бурса. Въ 1835 г. семинарія увеличила свои Залыбедскія владѣнія покупкой еще одного дома, смежнаго съ домомъ, купленнымъ раньше. Домъ съ землею принадлежалъ вдовѣ Соколовой и стоилъ семинаріи 2000 руб. ассигн.[3]).

Въ Залыбедскую бурсу приняты были ученики, лишенные всякихъ средствъ содержанія. Пользовались они какъ пищею, такъ и одеждою. Въ первое время число казеннокоштныхъ ограничено было цифрою 70, но съ пріобрѣтеніемъ дома Соколовой простиралось до 100. Учениковъ размѣстили въ 14 комнатахъ. Обстановка общежитія на первыхъ порахъ была самая убогая. Сразу не нашлось даже средствъ къ пріобрѣтенію желѣзныхъ кроватей, такъ что въ теченіе 5 лѣтъ, вопреки требованіямъ семинарскаго устава, довольствовались кроватями деревянными, и только въ 38 г. пріобрѣтено было 20 желѣзныхъ кроватей изъ Баташовскаго завода[4]). Въ пищѣ и одеждѣ господствовала суровая простота. Въ видѣ опыта на первыхъ порахъ сшили два суконные сертука для двухъ старшихъ воспитанниковъ. Но на томъ и остановились. Сертукъ суконный оказался одеждою дорогою, а главное непрактичною. Вскорѣ выяснилось, что отдаленность общежитія отъ классовъ не позволяла въ зимнее время довольствоваться однимъ суконнымъ сертукомъ, а требовала болѣе теплой одежды. Въ силу этого рѣшено было впредь до усмотрѣнія допустить, вмѣсто суконныхъ сертуковъ, овчинные тулупы, по-

---

[1]) Арх. сем. 18$^{31}/_{32}$ г. Дѣло о постройкѣ деревяннаго училищнаго флигеля на каменномъ фундаментѣ.

[2]) Влад. Епарх. Вѣд. 1880 г., стр. 251, письмо отъ 19 дек. 1832 г.

[3]) Арх. сем. 1835 г., кн. 3, № 389.

[4]) Арх. сем. 1838 г., № 91.

крытые нанкой,—тѣмъ болѣе, что ученики, поступившіе въ общежитіе, имѣли уже (хотя не совсѣмъ исправные) тулупы, „поддерживать которые, по словамъ семинарскаго правленія, стоило гораздо дешевле, нежели заводить вновь вмѣсто оныхъ суконные сертуки съ панталонами и жилетами, поелику устроеніе овчиннаго тулупа съ покрытіемъ его нанкой равняется устроенію одного суконнаго сертука безъ панталонъ и жилета"[1]). Лѣтомъ тулупы замѣнялись нанковою парой, нанковымъ голубымъ халатомъ или шлафоромъ. Аршинъ нанки платили по 14 к. Нанковые сертуки шились на холщевой подкладкѣ до пояса, длиною отъ полу 4 вершка. Устройство такого длиннополаго сертука обходилось семинарской экономіи въ 9 руб. 40 к. Нанковый жилетъ изготовлялся на крашенинѣ и со стоячимъ воротникомъ. Брюки, согласно господствовавшей модѣ, шились съ большимъ бантомъ[2]). Нанковый халатъ, какъ и сертукъ, имѣлъ холщевую подкладку до пояса; не доставалъ пола только на 2 вер ; на лѣвомъ боку продѣлывался карманъ[3]). Косынка, манишка и суконный картузъ довершали убранство казеннокоштнаго воспитанника Владимір. семинаріи 30-хъ гг. Холстъ подкладочный и рубашечный доставлялся изъ Боголюбова монастыря съ уступкой $^1/_3$ части цѣны противъ торговой[4]). Обувью казеннокоштные воспитанники снабжались въ достаточномъ количествѣ. Въ условіи на поставку обуви въ 1839 г. значилось: „Шить въ годъ казеннокоштнымъ воспитанникамъ 2 пары выросковые сапоги и 1 головы къ сапогамъ, съ подметками и починками тѣхъ и другихъ. Поддерживать оные починкою такъ, чтобы не было никакого безобразія"[5]).—Ближайшій надзоръ за всѣмъ теченіемъ хозяйственной жизни въ Залыбедской бурсѣ принадлежалъ эконому, помѣщавшемуся въ комнатахъ, смежныхъ съ учениками. Эконому данъ былъ особый помощникъ въ лицѣ комиссара. Въ „начертаніи должности комиссара", составленномъ семинарскимъ правленіемъ 10 ноября 1837 года, онъ является лицомъ, при посредствѣ котораго экономъ дѣлаетъ заготовки и закупки, выдаетъ каждодневно провизію, слѣдитъ за цѣлостью казенныхъ вещей и надзираетъ за

---

1) Арх. сем. 1836 г., № 235.

2) Бантъ помѣщался въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь идетъ продольный разрѣзъ.

3) Арх. сем. 1834 г., № 466 и 1837 г., кн. 2, № 79.

4) Арх. сем. 1836 г., № 235.

5) Арх. сем. 1839 г. Въ годъ за каждаго ученика платили поставщику 18—19 р., разсчитывая по 6 р. за пару новыхъ сапогъ, по 3 р. 50 к. за пару головъ и по 3 р. 50 к. за починки тѣхъ и другихъ въ теченіе года. Въ 1839 г. семинарское правленіе, согласно представленію эконома, хотѣло, вмѣсто устроенія обуви натурою, выдавать ученикамъ деньгами по 18 р. въ годъ. Но преосв. Парѳеній на докладѣ написалъ: „не согласенъ, развѣ въ особенныхъ случаяхъ". Арх. сем. 1839 г., № 113.

служителями. Послѣднее особенно вмѣнялось въ обязанность комиссару; при этомъ ему внушалось „предшествовать во всемъ служителямъ примѣромъ и, кромѣ нужныхъ къ нимъ отношеній, не имѣть съ ними тѣснаго общенія“[1]).

Въ 1836 г. послѣдовалъ отвѣтъ Коммиссіи духовныхъ училищъ на семинарскій докладъ отъ 1830 г. Проектъ о раздѣленіи семинаріи на двѣ отвергнутъ былъ всецѣло. Коммиссія нашла, что и половинное число учениковъ Владимірской семинаріи потребовало бы зданія весьма обширнаго, какого въ Суздалѣ совершенно нѣтъ. Вмѣсто подраздѣленія семинаріи на двѣ отдѣльныхъ, Коммиссія признала удобнѣйшимъ построить во Владимірѣ одинъ большой корпусъ въ три этажа, достаточный для помѣщенія всѣхъ, кому надлежитъ жить въ семинаріи. Такое зданіе, по разсчету Коммиссіи, потребуетъ площадь по лицевой сторонѣ въ 100 саженъ и въ ширину 60, кромѣ пространства земли, необходимаго для сада. Правленію семинаріи предписывалось дать подробное донесеніе о томъ, можно ли предполагаемое зданіе помѣстить на землѣ, принадлежащей семинаріи, и въ случаѣ, если не можно, гдѣ и какъ должна быть произведена его постройка?

Еп. Парѳенію это опредѣленіе Коммиссіи не совсѣмъ понравилось. „По проекту и, кажется, по настоянію бывшаго оберъ-прокурора, Коммисіею духовныхъ училищъ предположено устроить одну семинарію во Владимірѣ, писалъ Парѳеній Серафиму. Но слишкомъ должно быть огромно и людно. Трудно будетъ управиться“[2]). Измѣрили еще разъ семинарскую землю, и она, понятно, оказалась недостаточною для такого огромнаго зданія. Справились у владѣльцевъ, земли которыхъ были смежны съ семинарскими владѣніями. Нѣкоторые изъ нихъ согласились продать свои участки. Но и въ случаѣ пріобрѣтенія чужихъ участковъ, 100 саженъ по лицевой сторонѣ не получалось. Слѣдуетъ новый проектъ о постройкѣ, вмѣсто одного большого, трехъ корпусовъ, въ которыхъ можно бы было помѣстить 600 учениковъ семинаріи, нѣкоторыхъ наставниковъ (монашествующихъ и холостыхъ по преимуществу) и классы. Архіерейскій домъ предполагалось возвратить въ епархіальное вѣдомство, училища вывести за Лыбедь, гдѣ, вмѣсто существующихъ деревянныхъ домовъ, построить новые каменные. Новый проектъ съ новымъ планомъ и смѣтою представленъ былъ въ Духовно-учебное управленіе лишь въ 1844 г.[3]). О дальнѣйшей судьбѣ этого проекта будетъ сказано ниже (см. періодъ II).

---

[1]) Арх. сем. 1837 г.

[2]) Влад. Епарх. Вѣдом. 1878 г., стр. 647, письмо отъ 11 апр. 1837 г.

[3]) Арх. сем. 1835 г. Дѣло о постройкахъ.

Почти 30 лѣтъ прошло въ безплодной перепискѣ. Проекты слѣдовали одинъ за другимъ. Но жизнь обгоняла ихъ и, когда какой нибудь изъ нихъ былъ близокъ къ осуществленію, она заявляла уже новыя требованія, ставила новые запросы. Приходилось по необходимости начинать дѣло съ начала. А между тѣмъ бѣдность и нужда все росли и крѣпли.

Содержаніе дома. За вычетомъ денегъ на жалованье учащимъ и содержаніе учениковъ, остальная часть штатной суммы предназначалась на содержаніе дома и служителей, на библіотеку, канцелярскіе расходы и больницу. По штату 1814 г. на содержаніе дома и служителей назначено было всего 900 р. Въ эту сумму включены были канцелярскіе и всякаго рода мелочные расходы. Нечего говорить, кажется, о томъ, что содержать, какъ слѣдуетъ, нѣсколько довольно большихъ семинарскихъ домовъ, отапливать и освѣщать ихъ на 900 р. ассигн. было трудновато, — тѣмъ болѣе, что изъ этой же суммы приходилось оплачивать семинарскихъ служителей и нести расходы по семинарской канцеляріи. Въ 1817 г., напр., по этой статьѣ издержано было 2770 руб. 71 коп.[1]). Передержка равнялась, слѣдовательно, 1870 руб. 71 коп. Въ 1818 г. передержка значительно возвысилась и опредѣлилась цифрой 6166 руб. 72½ коп.[2]). Не смотря на эти передержки, восполняемыя урѣзываніемъ расходовъ по другимъ статьямъ, главнымъ образомъ по содержанію учениковъ, сумма, затрачиваемая на содержаніе семинарскихъ домовъ и двора, все-таки была далеко недостаточною. Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ архивныхъ дѣлъ, семинарскій дворъ во второмъ десятилѣтіи XIX в. представлялъ картину, о которой не легко даже можно составить себѣ представленіе. Характернымъ въ этомъ отношеніи является докладъ семинарскаго эконома отъ 3 іюля 1818 г.

„Поелику, писалъ онъ, при учебномъ семинарскомъ, что при Богородицкомъ монастырѣ, корпусѣ бывшія нужныя мѣста, бывъ не чищены лѣтъ 15, сдѣлались вовсе неудобны и, требуя для чистки большой суммы денегъ, все таки по малости своей относительно количества учениковъ не удовлетворятъ настоящей нуждѣ, умноженной свозкою бревенъ, замѣнявшихъ нѣкоторымъ образомъ недостатокъ нужныхъ мѣстъ: то въ настоящемъ случаѣ почти вовсе не имѣется при означенномъ корпусѣ нужныхъ мѣстъ". Докладывая о таковой нуждѣ, экономъ проситъ дозволенія выстроить 4 срубца на новомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ. „Подлинной смѣты" на

---

1) Арх. сем., приходо-расходная за 1817 г.

2) Приходо-расходная за 1818 г. Въ генеральномъ экономическомъ отчетѣ за 1818 г. расходы по содержанію дома подсчитаны такъ: канцелярскіе расходы 144 руб. 2 коп., прислуга 210 руб., отопленіе 1146 руб. 55½ к., освѣщеніе 49 р., содержаніе дома 5517 руб. 15 коп.

постройку онъ не представляетъ, въ виду того, что „лѣсъ будетъ употребленъ индѣ старый, а прочій изъ купленнаго въ запасъ казеннаго лѣса“[1]).

Докладъ эконома былъ принятъ во вниманіе. На дешевыя средства изъ стараго лѣса построили 4 плохенькихъ срубца по образцу уже существовавшихъ. Но эта дешевизна стоила впослѣдствіи семинаріи очень дорого. Чрезъ 2 года (21 апр. 1820 г.) тотъ же экономъ увѣдомлялъ правленіе объ одномъ прискорбнѣйшемъ инцидентѣ, который, вѣроятно, въ значительной степени обусловливался непрочностью и дешевизною постройки.

„Честь имѣю донести семинарскому правленію, что вчерашняго числа 20 апрѣля 1820 года, часу въ седьмомъ пополудни, поднявшимся отъ юго-востока сильнымъ вихремъ на Богородицкомъ монастырѣ со всѣхъ семи семинарскихъ нужниковъ сорвало всю крышу, длиною девяти слишкомъ саженей, отнеся оную сажени на три отъ нужниковъ, даже и съ верхнимъ вѣнцомъ, къ которому была оная крыша прибита... Къ несчастію, въ то самое время, когда свирѣпствовало бурное стремленіе вихря, двое мальчиковъ здѣшняго уѣзднаго училища шли къ всенощному бдѣнію въ Богородицкую церковь чрезъ упомянутый Богородицкій монастырь и несомою вихремъ крышею были захвачены; одинъ, какъ кажется, ушибленъ только духомъ о землю, будучи брошенъ на оную усиленнымъ стремленіемъ воздуха отъ вихря и падающей крыши—и въ немъ, по свидѣтельству г. городского лѣкаря Мержинскаго, никакой опасности не примѣчается, кромѣ нѣкоторой боли въ ухѣ и около онаго съ той стороны, которою онъ упалъ на землю; а другой захваченъ былъ самою срединою крыши и отъ сильнаго удара оною, будучи пришибленъ къ землѣ, волею Божіею помре; и хотя прилагаемы были средства къ оживленію, по нѣкоторымъ сомнительнымъ признакамъ жизни, онымъ, г. лѣкаремъ, но всѣ оказались тщетными“[2]).

Въ 1820 г. на содержаніе дома и служителей Владимірской семинаріи было положено 2000 руб., при чемъ канцелярскіе расходы выдѣлены въ особую статью. Но и этой суммы въ виду того, что приходилось чинить ветшавшія зданія, было мало. 1822 г., напр., семинарская экономія передержала 924 р. 68 к.[3]). Въ 1827 г.

---

[1]) Арх. сем. 1818 г., № 214.

[2]) Арх. сем. 1820 г., № 111.

[3]) Расходы по содержанію дома распредѣлились въ этомъ году такъ: 1) Освѣщеніе—37 р. 75 к. (фунтъ сальныхъ свѣчъ стоилъ 30 к.). 2) Отопленіе—1340 р. 3) Различныя починки — 93 р. 23 к. 4) За поденныя работы — 80 руб. 79½ к. 5) За починку печей—144 р. 14 к. 6) За починку рамъ и вставку стеколъ—176 р. 98 к. 7) За купленную вновь мебель—300 р. 8) За замки, петли и пр.—29 р. 52 к. 9) На наемъ квартиръ профессорамъ—379 р. 30 к. 10) На жалованье

на одинъ ремонтъ архіерейскаго дома, гдѣ жили начальствующіе семинаріи, потребовалось 4261 р. 14½ к.[1]). Правда, въ 1826 г. помѣчено въ числѣ остаточныхъ по содержанію дома 812 р. 51 к.[2]), но остатокъ этотъ созданъ преднамѣренно путемъ разныхъ сбереженій въ виду ремонта, имѣвшаго послѣдовать въ 1827 г. Въ 1832 г. передержано было 407 р. 93 к.[3]), въ 1834 г.—502 р. 77 к.[4]).

Что и при этихъ передержкахъ семинарская экономія дѣйствовала въ высшей степени разсчетливо, допуская расходы только на самое необходимое, можно видѣть изъ того, какъ отоплялись семинарскія зданія и насколько они удерживали тепло. Въ 1830 г. семинарское правленіе въ своей перепискѣ съ губернскимъ комитетомъ по предохраненію жителей г. Владиміра отъ холеры само сознавалось, что „въ зимнее время при самомъ лучшемъ отопленіи, помѣщаясь въ каждомъ классѣ до 200 человѣкъ, едва въ тепломъ платьѣ согрѣваются"[5]).

Въ 1836 г. цифра, ассигнованная на содержаніе семинарскихъ домовъ, снова возвышена была вдвое, т. е. возрасла до 4000 р. Но передержки продолжались по прежнему. Такъ, въ 1836 г. передержано было 1923 р. 61 к. ассигн., 1837 г —2473 р., 1838 г.—2278 р. 73 к., 1839 г.—1147 р. 97 к. и въ 1840 г.—1045 р. 43²/₇ к. сер. Деньги на покрытіе передержки въ 1836 г. взяты были изъ статьи содержанія учениковъ, въ 37 и 38 г. изъ лажевой суммы[6]),

---

сторожамъ—228 р. 23 к. 11) На мелочные расходы 114 р. 73½ к. Всего 2924 р. 68 к. Арх. сем. 1822 г. Генеральный отчетъ.

[1]) Арх. сем. 1827 г., № 242.

[2]) Арх. сем. 1826 г. Генеральный отчетъ.

[3]) Арх. сем. 1832 г. Генеральный отчетъ.

[4]) Арх. сем. 1834 г. Журналы правленія.

[5]) Арх. сем. 1830 г., № 741.

[6]) Лажевая сумма составляла для семинаріи особый добавочный источникъ содержанія. Чтобы понять происхожденіе ея, надобно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. 9 апр. 1812 г. изданъ былъ манифестъ о томъ, чтобы на всемъ пространствѣ имперіи всѣ счеты и платежи основаны были на ассигнаціяхъ. Но манифестъ этотъ сразу не былъ приведенъ въ исполненіе. Лишь въ 1817 г. впервые въ государственной росписи всѣ государственные доходы исчислены были къ поступленію въ ассигнаціяхъ и мѣдной монетѣ и всѣмъ мѣстамъ и лицамъ предписано было принимать въ казну всѣ подати и сборы только ассигнаціями и мѣдною монетой. По мѣрѣ уменьшенія ассигнацій распоряженіе это оказалась для населенія слишкомъ стѣснительнымъ. Плательщики податей и сборовъ вынуждены были нарочно пріобрѣтать для того ассигнаціи, что вызвало появленіе, такъ называемаго, простонароднаго лажа, который въ сущности былъ ничѣмъ инымъ, какъ произвольной прибавкой нѣсколькихъ процентовъ къ нарицательной стоимости ассигнацій. Размѣръ этой прибавки то возвышался, то понижался, смотря по количеству ассигнацій, находящихся въ данной мѣстности. Въ 1830 г., напр., Владимірская семинарія на 3750 р. ассигн. получила 300 р. лажу, т. е. 8%. (См. Приходо-расходная 1830 г.). Подробнѣе объ этомъ: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 3, стр. 319.

въ 39 г.—изъ жалованья наставникамъ, въ 1840 г.—изъ содержанія учениковъ[1]).

Семинарская прислуга набиралась по большей части изъ исключенныхъ учениковъ. Въ случаѣ нужды въ сторожахъ и истопникахъ правленіе семинарское письменно обращалось въ консисторію, и та присылала изъявившихъ согласіе вступить въ сторожевскую должность кандидатовъ. Такой порядокъ заведенъ былъ на основаніи особаго распоряженія Коммиссіи духовныхъ училищъ[2]). Бывали случаи, когда семинарія пользовалась даровыми услугами своихъ учениковъ, зачисленныхъ въ составъ сторожей въ виду какихъ-нибудь важныхъ провинностей. Такъ, въ 1819 г. одинъ изъ учениковъ риторики Алексѣй Тихомировъ уличенъ былъ въ кражѣ холста, за какой проступокъ исключенъ изъ семинаріи и опредѣленъ сторожемъ для дальнѣйшаго усмотрѣнія его поведенія. Въ званіи сторожа онъ оставался при семинаріи болѣе года[3]). До 1833 г. служитель при семинаріи получалъ отъ 60—70 р. въ годъ. Со времени учрежденія при семинаріи бурсы жалованье служителей колебалось между 60—100 р., при чемъ они стали пользоваться казенною пищей[4]).

На канцелярскіе расходы, какъ мы уже видѣли, до 1820 г. спеціальной ассигновки не было. Въ 1820 г. назначили 250 руб. Въ 1836 г. не послѣдовало прибавки. По этой статьѣ въ нѣкоторые годы получались остатки[5]).

Больница. На содержаніе больницы во Владимірской семинаріи по штату 1814 г. положено было 500 р., въ томъ числѣ лѣкарю 300 р. Въ 1820 г. жалованье лѣкаря повысили до 350 р., а на больницу положили 400 р. Однако до 1823 г. включительно больницы при семинаріи не успѣли завести. Штатная сумма, назначенная на этотъ предметъ, расходовалась по другимъ статьямъ. 20 іюня 1823 г. инспекторъ семинаріи Василій Алявдинъ донесъ семинарскому правленію о томъ, что онъ сносился съ Владимірскимъ операторомъ Карломъ Ланге и что тотъ согласился быть лѣкаремъ учениковъ семинаріи на предложенныхъ ему условіяхъ. Ланге обязывался выполнить слѣдующее: 1) Способствовать своими совѣтами въ устроеніи больницы и въ снабженіи оной нужными лѣкарствами. 2) Пользовать не однихъ учениковъ, но и всѣхъ чиновниковъ и низшихъ служителей семинаріи по предварительнымъ приглашеніямъ. 3) Посѣщать больницу во время опасныхъ болѣзней учениковъ каждый день два раза — по утру и къ вечеру.

---

[1]) Арх. сем. 1842 г. Дѣло № 87.
[2]) Арх. сем. 1816 г., № 125.
[3]) Арх. сем. 1820 г. См. свидѣтельство его за № 400.
[4]) Арх. сем. 1836 г., № 235.
[5]) Напр., 1823 г., 1826 и 1834.

4) Всѣмъ приписываемымъ рецептамъ для больныхъ учениковъ и низшихъ служителей вести запись и, составляя изъ оныхъ ежемѣсячную вѣдомость съ показаніемъ цѣны лѣкарствъ, представлять въ исходѣ каждаго мѣсяца за своимъ подписаніемъ; о числѣ же больныхъ давать знать правленію еженедѣльно. 5) Поелику штатомъ семинаріи положено на больницу всего 400 р. въ годъ, какъ на лѣкарства, такъ на прочія потребности, то стараться, дабы безъ необходимой крайности не превышать сего числа и наблюдать во время приписыванія рецептовъ возможную умѣренность. 6) Каждаго, вновь поступающаго въ больницу, осматривать и размѣщать больныхъ по различію ихъ болѣзней. За все сіе лѣкарь имѣетъ въ каждый годъ пользоваться штатнымъ жалованьемъ, состоящимъ изъ 350 р. 7) Какъ назначеніе больнымъ пищи, питья и прогулокъ, такъ распоряженіе перемѣною бѣлья и больничной прислуги находятся въ полной власти лѣкаря[1]).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 23 года сдѣланы были первыя пріобрѣтенія для новозаводимой больницы: купили 6 кроватей, 6 тюфяковъ, столько же подушекъ, коленкору и войлоку для обшивки двери [2]). Больные размѣщены были въ двухъ небольшихъ комнатахъ въ архіерейскомъ домѣ подъ квартирою инспектора. Пріобрѣтенныя кровати уставились здѣсь съ трудомъ.

Починъ былъ сдѣланъ,—хотя, конечно, больница на 6 человѣкъ при 700 учащихся въ семинаріи предполагала слишкомъ ужъ рѣдкіе случаи заболѣваемости.—Изъ документовъ не видно, чтобы Ланге относился къ дѣлу серьезно, какъ оно требовало. Быть можетъ тѣ неудовлетворительныя условія, въ которыя на первыхъ порахъ поставлена была больница, помѣщенная въ двухъ маленькихъ комнатахъ, побуждали его махнуть на все рукой и отказаться отъ всякихъ попытокъ къ улучшенію врачебнаго дѣла въ семинаріи. Притомъ же онъ былъ человѣкомъ болѣзненнымъ; новыя хлопоты по семинарской больницѣ были для него въ тягость. Къ одному только изъ пунктовъ заключеннаго условія Ланге относился вполнѣ добросовѣстно, именно къ 5-му. Насколько корректенъ былъ въ этомъ отношеніи первый семинарскій врачъ, можно видѣть изъ того, что при немъ расходы по семинарской больницѣ стояли всегда ниже ассигнуемой нормы. Напр., отъ 1825 г. къ началу 1826 г. наличными деньгами оставалось 290 руб. 44½ коп.; къ началу 1827 г. остатокъ вмѣстѣ съ прежними достигалъ 444 руб. 34½ коп. [3]).

Въ 1830 г. Владимірскую губ. посѣтила холера. Надвигающаяся опасность заставила семинарское начальство подумать болѣе

---

[1]) Арх. сем. 1823 г., № 274.

[2]) Тмж., № 512.

[3]) Арх. сем. Генеральный экономическій отчетъ за 1826 г.

серьезно объ организацiи врачебной помощи. Нашли прежде всего другое болѣе обширное помѣщенiе для больницы. Для этой цѣли отведенъ былъ монастырскiй домъ на Никольской улицѣ, гдѣ помѣщались наставники семинарiи. Наставники переведены были на частныя квартиры [1]. Купили 20 желѣзныхъ кроватей и столько же тюфяковъ. Приблизительная смѣта расходовъ по обзаведенiю больницы нужными вещами простиралась до 461 руб. 15 коп. [2]. Въ слѣдующемъ году при больницѣ устроили новую баню [3]. Съ этого момента семинарская больница и начала собственно свое существованiе. Не мало содѣйствовала болѣе прочной организацiи ея и перемѣна семинарскаго врача.

30 мая 1831 г. Карлъ Ланге заявилъ ректору семинарiи, что онъ, по разстроенному здоровью, получилъ отъ начальства увольненiе въ Москву для пользованiя, а оттуда имѣетъ просить увольненiя на Кавказъ. Мѣсто лѣкаря при семинарской больницѣ занялъ инспекторъ врачебной управы, бывшiй питомецъ Владимiрской семинарiи Митрофанъ Алякринскiй [4] (его формуляръ см. ниже). По личному опыту онъ превосходно зналъ нужды нашей духовной школы и принялъ въ нихъ горячее участiе. Остатки по статьѣ „содержанiе больницы" прекратились. Ежегодно сталъ получаться огромнѣйшiй перерасходъ. Въ 1832 г. издержано было, напр., 1658 руб. 58 коп. (вм. 400 руб.), въ 1833 г. — 1676 руб. 64 коп., въ 1834 г.—1253 руб. 50 коп. [5], въ 1835 году—1042 руб. 37 коп. [6]. Съ 1834 г. сумма, расходуемая на содержанiе больницы, какъ будто нѣсколько понижается; но это находитъ для себя объясненiе въ томъ, что съ 1833 г. начала существовать при семинарiи бурса и часть потребностей по содержанiю пищей больныхъ учениковъ удовлетворялась въ счетъ средствъ, положенныхъ на казеннокоштныхъ воспитанниковъ.—Изъ таблицы о больныхъ ученикахъ, пользовавшихся помощью и совѣтомъ семинарскаго врача, можно видѣть, какъ больница постепенно завоевывала себѣ довѣрiе семинаристовъ и какъ съ каждымъ годомъ увеличивалось число пацiентовъ Алякринскаго. Въ 1832 г., при 870 учащихся, въ больницѣ лѣчилось 279 человѣкъ, а на квартиры отпущены были лѣкарства 483 чк. Въ 1836 г., при 847 учащихся, больничнымъ помѣщенiемъ пользовалось 397 чк., а на квартиры отпускались лѣкарства 789 и т. д. [7].

---

[1] Арх. сем. 1830 г. Отношенiе отъ окт. 2 за № 743.

[2] Арх. сем. 1830 г., № 811.

[3] Арх. сем. 1831 г., № 309.

[4] Арх. сем. 1831.

[5] Въ 1834 г. выписано было Алякринскимъ изъ Москвы лѣкарствъ на 128 руб. 50 коп. Арх. сем. 1834 г., № 777.

[6] Арх. сем. 1836 г., № 235

[7] Арх. сем. 1844 г., № 286.

По штату 1836 г. лѣкарю Владимірской семинаріи назначено жалованья 500 руб. и на содержаніе больницы отпущено 800 руб. Въ 1839 г., при 856 учащихся въ семинаріи, пользовались лѣченіемъ въ больницѣ 442 чел. и получили лѣкарства на домъ 1324. Въ томъ же году, по представленію Алякринскаго, одинъ изъ исключенныхъ учениковъ оставленъ семинарскимъ правленіемъ при больницѣ въ званіи подлѣкаря. За труды ему положили въ годъ 80 руб. [1]).

Сопоставляя движеніе приведенныхъ выше цифръ, нельзя не признать быстраго роста врачебной помощи во Владимірской семинаріи, которая въ промежутокъ какихъ нибудь 15—20 лѣтъ успѣла изъ ничего такъ значительно разростись. Но объ успѣхѣ здѣсь можно говорить лишь въ относительномъ смыслѣ, т. е въ сравненіи съ прошлымъ. При своей многолюдности, Владимірская семинарія требовала несравненно большаго. До 1836 г. семинарская больница имѣла, напр., всего 24 кровати. Располагая такимъ количествомъ мѣстъ, она, понятно, съ трудомъ могла удовлетворить существовавшей потребности въ обычное время, но оказывалась безусловно маловмѣстительной въ случаѣ появленія какихъ нибудь эпидемическихъ болѣзней. А съ такими болѣзнями семинаріи приходилось считаться очень часто. Тѣсные и грязные углы Владимірскихъ лачугъ, населенныхъ семинаристами, представляли самую удобную почву для развитія эпидемическихъ заболѣваній. Голодные и плохо одѣтые питомцы Владимірской семинаріи были особенно легко подвержены горячкамъ всякаго вида. Достаточно сказать, напр , что въ 1841 г. лѣчилось отъ горячки 470 чк. [2]) Не надобно при этомъ забывать, что Владимірскія училища не имѣли особой больницы, и ученики ихъ въ случаѣ надобности обращались къ тому же семинарскому врачу.

Библіотека. Новый періодъ семинарской жизни послѣ реформы 1814 г. оказался благопріятнымъ для развитія и благосостоянія семинарской библіотеки. Съ началомъ его совпало упорядоченіе ея. Ближайшій толчекъ къ этому данъ ревизіей архим. Филарета. Филаретъ въ своемъ отчетѣ отозвался о состояніи семинарской библіотеки неодобрительно. „Библіотека, такъ называемая, Владимірская находится въ низкой и темной комнатѣ подъ колокольнею церкви, находящейся при домѣ архіерейскомъ. Не велика и не важна. Библіотека преосв. Ѳеофилакта (т. е. Переславская) находится надъ первою въ комнатѣ, которая нѣсколько свѣтлѣе и суше. Не велика, но кажется составлена съ добрымъ выборомъ, сколько можно было сіе усмотрѣть въ короткое время. Лучшія книги бого-

[1]) Арх. сем. 1839 г., № 42.
[2]) Арх. сем. 1841 г. Больничная вѣдомость, № 271.

словскія. Библіотека Суздальская находится въ Суздалѣ; обозрѣвающимъ не видѣна" [1]). Оказывается, такимъ образомъ, что библіотеки трехъ семинарій, составившихъ въ 1788 г. одну, до 1815 г. не были еще объединены. Книги собственно Суздальской семинаріи не были даже еще всѣ перевезены во Владиміръ. Получивъ такое донесеніе Филарета, Коммиссія духовныхъ училищъ предписала семинарскому правленію состоящія въ его вѣдѣніи библіотеки соединить въ одну и, по составленіи имъ описи, сообразно предписанной классификаціи, представить въ Коммиссію реестръ повторительныхъ экземпляровъ [2]). Въ 1816 г. соединенныя библіотеки помѣстили въ архіерейскомъ домѣ на мѣстѣ богословскаго и философскаго класса. Оба названные класса перевели въ Ксенофонтовскій классный корпусъ [3]). Новосоставленная опись [4]) дала возможность оріентироваться съ большимъ удобствомъ въ книжныхъ богатствахъ Владимірской семинарской библіотеки; а ежегодно отпускаемая сумма на ея приращеніе позволяла постепенно расширять ее, хотя и медленно, но за то постоянно и съ извѣстною правильностью. На первыхъ порахъ (1814 г.) ассигновано было на библіотеку и классическія (учебныя) книги всего 250 руб. Въ 1820 г. ассигновка увеличена была до 400 руб. и въ такомъ видѣ оставалась до конца разсматриваемаго періода. Завѣдующему библіотекой сперва не назначено было никакого жалованья, въ 1820 г. положено 160 руб., а въ 1836 г. добавлено еще 250 руб.

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I., стр. 234.

[2]) Тмж., стр. 276. Повторительные экземпляры предполагалось, по мысли Филарета, „разослать для размѣна въ другія семинаріи къ обоесторонней пользѣ". Въ 1829 г. Владимірская семинарія, дѣйствительно, отослала въ Олонецкую семинарію, въ силу высшаго распоряженія, девять экземпляровъ изъ Твореній Отцевъ Церкви. (Арх. сем. 1829 г., № 573). Но сама взамѣнъ, кажется, ничего не получила.—Кромѣ экземпляровъ, отосланныхъ въ Олонецкую семинарію, изъ состава книгъ Владимірской семинарской библіотеки исключены были въ 25—26 г., въ силу распоряженія Св. Синода, сочиненія, „заключающія въ себѣ противныя вѣрѣ и благочестію ученія" (сочиненія, изданныя въ період мистическихъ вѣяній Александровскаго времени): 1) Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова. 1820 г. 2) Божественная философія въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ, открытымъ въ тройственномъ зерцалѣ: вселенныя, человѣка и Св. Писанія. 1818—19. 3) Сіонскій Вѣстникъ на 1817 г. въ двухъ экземпл. 4) Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской 1820. 5) Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ. 1820. 6) Іоанна Мессона разсужденіе о познаніи самого себя. 1820. 7) Прославленная любовь. Разсужденіе о истинной премудрости и истинномъ счастіи. 1818.—Всѣ эти сочиненія переданы были преосв. Парѳенію въ его распоряженіе. (Арх. сем. $18^{46}/_{47}$ г. Дѣло № 244).

[3]) Арх. сем. 1816 г., № 125.

[4]) Главные труды по составленію описи принадлежатъ іеромонаху Аркадію, впослѣдствіи еп. Олонецкому.

Въ счетъ ассигнуемыхъ суммъ пріобрѣтеніе книгъ производилось иногда по инициативѣ самого семинарскаго правленія. Такъ, въ 1822 г. семинарское правленіе купило у профессора Ильинскаго математическихъ книгъ на 100 руб. [1]). Но большею частью книги выписывались по рекомендаціи Коммиссіи духовныхъ училищъ и даже прямо присылались изъ нея въ семинарское правленіе со счетомъ.

Крупныхъ пожертвованій книгами въ этотъ періодъ не встрѣчаемъ. Даровымъ образомъ обогатилась семинарія книгами лишь въ 1827 г., когда, въ силу указа Св. Синода, переданы были въ фундаментальную библіотеку находившіяся въ библіотекѣ Владимірскаго комитета россійскаго библейскаго общества изданія этого общества. Отдѣленіе библейскаго общества открылось во Владимірѣ 15 сент. 1817 г. Открытіе состоялось въ зданіи Владимірской семинаріи, и книгамъ, оставшимся послѣ закрытія Владимірскаго отдѣленія, всего естественнѣе было перейти въ вѣдѣніе семинаріи. Семинарія, дѣйствительно, и получила 43 экземпляра изданій библейскаго общества на разныхъ языкахъ, для нея большею частью неизвѣстныхъ и непонятныхъ. Въ числѣ этихъ экземпляровъ были: библія на еврейскомъ, нѣмецкомъ, финскомъ, шведскомъ, французскомъ и новые завѣты на армянскомъ, голландскомъ, лапландскомъ, финскомъ, латышскомъ, грузинскомъ, персидскомъ, татарскомъ, калмыцкомъ, чувашскомъ, турецкомъ, „самогитскомъ" и др. языкахъ [2]).—Любопытный подарокъ получила фундаментальная библіотека въ 1829 г. 16 сент. этого года ученикъ высшаго отдѣленія Иванъ Милоглядовъ представилъ „слоновый зубъ", найденный близъ с. Ставрова, вѣсу въ которомъ было 15 фунтовъ. Зубъ для всегдашняго храненія помѣщенъ былъ въ фундаментальную библіотеку [3]). (Въ 70-хъ гг. онъ еще существовалъ въ библіотекѣ. Теперь нѣтъ).

Кромѣ фундаментальной библіотеки въ собственномъ смыслѣ, во Владимірѣ еще существовала библіотека продажная. Заведена она была еще до реформы [4]). Но послѣ реформы ее организовали на нѣсколько иныхъ началахъ, чѣмъ на какихъ она существовала до сихъ поръ. Именно, въ началѣ учебнаго года семинарское правленіе собирало свѣдѣнія о томъ, сколько учениковъ чувствуетъ нужду въ тѣхъ или иныхъ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ. Списокъ этихъ пособій съ приблизительнымъ обозначеніемъ требуемаго количества ихъ посылали въ Коммиссію духовныхъ училищъ, а Коммиссія, по полученіи требованія, снабжала ими семи-

---

[1]) Арх. сем. 1822 г., № 429.
[2]) Арх. сем. 1827 г., № 787.
[3]) Арх. сем. 1829 г., № 541.
[4]) См. I выпускъ, стр. 233.

нарію. Часть книгъ (небольшая сравнительно) шла въ безвозмездную раздачу бѣднѣйшимъ ученикамъ (для пользованія) и лучшимъ (на публичныхъ испытаніяхъ въ награду), а остальныя продавались по цѣнѣ, назначенной отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Деньги за экземпляры, назначенные въ продажу, немедленно возвращались семинаріею въ Коммиссію. Въ случаѣ, если продажа по какимъ нибудь причинамъ затягивалась, или же семинарія выписывала изъ Коммиссіи книгъ больше, чѣмъ требовалось въ данное время, книги остающіяся поступали въ запасъ, для храненія въ семинарскую библіотеку впредь до новыхъ требованій. Деньги, слѣдуемыя за нихъ, заимствовались семинаріею изъ какихъ нибудь остаточныхъ средствъ и отправлялись по принадлежности.—О состояніи продажной библіотеки можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Къ 1823 г. въ запасѣ библіотеки хранилось 1784 экз. на сумму 4283 руб. 61 коп. Въ 1823 г. вновь поступило изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ 209 экз. на сумму 1032 руб. 70 коп. Изъ этого числа въ 1823 г. отослано въ Шуйское и Переславское училища 20 экз. на сумму 80 руб. (лексиконы Розанова и Кронеберга), роздано при публичномъ испытаніи 12 экз. на 20 руб. 90 коп. и продано ученикамъ Владимірской семинаріи 102 экз. на сумму 294 руб. 66 коп. Въ послѣдующіе годы число книгъ, раздаваемыхъ безвозмездно, значительно увеличилось. Такъ, къ 1832 г. всѣхъ книгъ, присланныхъ Коммиссіей духовныхъ училищъ для продажи, было въ семинарской продажной библіотекѣ 1848 экз. цѣною на 2221 руб. 43 коп. Новыхъ книгъ въ 1832 г. не было прислано. Изъ хранившихся въ запасѣ продано было въ теченіе 1832 г. 208 экз. на сумму 221 руб. 78 коп., а 614 экземпляровъ цѣною 788 руб. 41 коп., съ разрѣшенія Коммиссіи духовныхъ училищъ, обращены въ безвозмездное употребленіе учащихся [1]. Въ 1835 году было уже роздано 3272 экз., а въ слѣдующій годъ число безвозмездно раздаваемыхъ книгъ поднялось еще выше. Книжная субсидія бѣднѣйшимъ воспитанникамъ семинаріи, разросшаяся до такихъ предѣловъ, оказалась, наконецъ, непосильною для Коммиссіи духовныхъ училищъ, и въ 1837 г. послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы книги давались безвозмездно только воспитанникамъ, наиболѣе имѣющимъ въ томъ нужду [2]).—Денежныя операціи, которыя вѣдала семинарія при перепродажѣ книгъ, присылаемыхъ изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, первоначально не приносили ей никакой матеріальной выгоды; имѣлось въ виду лишь облегчить ученикамъ способъ пріобрѣтенія учебныхъ руководствъ, которыя Ком-

---

[1]) См. отчеты о книгахъ продажной библіот. въ сем. арх. за названные годы. Срокъ безвозмезднаго пользованія учебникомъ опредѣлялся въ 5 лѣтъ, послѣ чего книга исключалась изъ библіотеки за ветхостію.

[2]) Опись указовъ и распоряженій. Арх. сем. $18^{17}/_{18}$, № 296.

миссія продавала съ нѣкоторою уступкою. Въ 1838 г. издано было распоряженіе о томъ, чтобы при продажѣ учебныхъ книгъ дѣлать прибавку по 2 коп. на рубль; имѣющій образоваться отъ такой 2% прибыли капиталъ долженъ быть обращаемъ въ общій составъ остаточныхъ суммъ [1]).

Продажная библіотека, равно какъ и фундаментальная, въ силу распоряженія Коммиссіи духовныхъ училищъ отъ 1827 г., свидѣтельствовались ежегодно. Отчетъ о состояніи ихъ семинарское правленіе обязано было въ сентябрѣ мѣсяцѣ представлять въ Московскую академію.

ГЛАВА III.

Начальники и наставники семинаріи.—Преосв. Ксенофонтъ и Пароеній.—Ректоры: Іосифъ, Павелъ, Неофитъ, Поликарпъ.—Инспекторы.—Экономы и ихъ значеніе.—Наставники.—Принятіе священнаго сана.—Производство въ гражданскіе чины.—Докладъ профессора Ильинскаго.—Служебныя обязанности наставниковъ.—Перечень учащихъ во Владимірской семинаріи въ 1814—40 г. съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. — Лекторы. — Семинарское правленіе, какъ высшая судебно-административная инстанція въ отношеніи къ наставникамъ.— Секретари.—Библіотекари.—Помощники инспекторовъ.

Ближайшимъ начальникомъ семинаріи и послѣ реформы 1808 г. остался, какъ говорилось уже раньше, епархіальный архіерей, хотя права и полномочія его въ семинарскихъ дѣлахъ подверглись значительнымъ ограниченіямъ. *Преосв. Ксенофонтъ*, такъ много сдѣлавшій для Владимірской семинаріи въ предшествовавшій періодъ, естественно, не могъ сразу измѣнить прежнее свое отношеніе къ семинаріи послѣ реформы и остался по прежнему, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, внимательнымъ руководителемъ всѣхъ отправленій семинарской жизни, особенно въ области нравственно-дисциплинарной. Изъ его резолюцій можно видѣть, что провинившіеся ученики, по обычаю стараго времени, часто были представляемы ему, оправдывались предъ нимъ въ своей винѣ и выслушивали его отеческія внушенія. Близкое общеніе съ учащимися составляло для Ксенофонта, какъ и раньше, насущную и пріятную потребность. Онъ посѣщалъ ихъ рекреаціи, публичныя празднества и выслушивалъ въ дни своего ангела ихъ рѣчи и стихи на разныхъ языкахъ. Не могли быть чужды отеческому вниманію Ксенофонта и матеріальные интересы семинаріи. Особенную услугу Владимірскимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ оказалъ Ксенофонтъ въ 1815 г., когда, обозрѣвая Владимірскую епархію, онъ постарался склонить именитыхъ гражданъ уѣздныхъ городовъ къ по-

---

[1]) Арх. сем. 1838 г., № 99.

сильнымъ пожертвованіямъ въ пользу учреждаемыхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ[1]). Такъ же близко принялъ къ сердцу преосв. Ксенофонтъ постройку семинарскаго общежитнаго корпуса. Очень возможно, что, еслибы Ксенофонтъ оставался дольше на Владимірской каѳедрѣ, вопросъ этотъ, благодаря его энергичной и рѣшительной дѣятельности, пришелъ бы скорѣе къ своему осуществленію. При всемъ томъ, новые порядки въ реформированной Владимірской семинаріи должны были давать себя довольно сильно чувствовать, и преосв. Ксенофонтъ не могъ быть для Владимірской духовной школы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до 1814 г.

3 іюля 1821 г. Ксенофонтъ назначенъ былъ архіепископомъ Подольскимъ. Выѣзжая изъ Владиміра, онъ остановился у Владимірской часовни, наклонился, взялъ горсть земли у крыльца часовни и, завязывая ее въ платокъ, со слезами промолвилъ: „эту землю попрошу бросить на гробъ мой, когда положатъ меня въ могилу"[2]). Эти послѣднія слова Ксенофонта превосходно обрисовываютъ его близость и любовь къ Владиміру. 1832 г. янв. 24 арх. Ксенофонтъ уволенъ на покой въ Коржевецкій монастырь, а 4 мая 1834 г. скончался[3]). Преемникомъ Ксенофонта на Владимірской каѳедрѣ былъ Парѳеній.

Еп. Парѳеній, въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Чертковъ. Обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи. 1803 г. назначенъ былъ учителемъ низшаго грамматическаго класса въ той же академіи, 1805 г. — поэзіи, 1808 г. — риторики и высшаго краснорѣчія. 1810 г. постриженъ въ монашество, 1811 г. опредѣленъ префектомъ Московской академіи, 1814 г. — ректоромъ Виѳанской семинаріи, 1817 г.—Московской, 21 авг. 1821 г.—еп. Владимірскимъ. На Владимірской каѳедрѣ Парѳеній, произведенный въ 1833 г. въ архіепископы, оставался около 30 лѣтъ. Хотя во Владиміръ Парѳеній прибылъ въ расцвѣтѣ лѣтъ (39), но уже со значительно надломленнымъ здоровьемъ. Въ своихъ письмахъ къ митр. Серафиму онъ горько жалуется на свои тѣлесныя немощи, и Серафимъ въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ справедливо замѣчаетъ: „вы еще въ среднихъ лѣтахъ, а слабы какъ какой-нибудь семидесятилѣтній старикъ"[4]). Эта слабость здоровья, естественно, мѣшала выполнить Парѳенію все то, что онъ могъ при своихъ дарованіяхъ и хотѣлъ сдѣлать.

Для Владимірской семинаріи останутся незабвенными хлопоты преосв. Парѳенія и ходатайства его предъ высшею властью объ увеличеніи штатныхъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе

---

[1]) Арх. сем. 1815 г., № 698.
[2]) Влад. Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 8.
[3]) Списки архіереевъ... 1896 г., № 185.
[4]) Письмо отъ 13 ноября 1837 г.

бѣдныхъ учениковъ. Нуждающіеся духовнаго званія вообще находили въ преосв. Парѳеніи сердобольнаго защитника и покровителя. Для нихъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ чадолюбивѣйшимъ отцомъ. Уровень учебной жизни и учебныхъ успѣховъ Владимірской семинаріи Парѳеній обычно провѣрялъ на лѣтнихъ испытаніяхъ, которыя, по разсказамъ учившихся въ то время, часто производились въ присутствіи владыки. Протоіерей Сила Архангельскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Владимірскихъ духовныхъ училищахъ и семинаріи 1818—32 гг." такими чертами описываетъ присутствіе еп. Парѳенія на годичныхъ экзаменахъ въ семинаріи.

„На первогодичный экзаменъ пожаловалъ въ нашъ классъ преосв. Парѳеній. Ученики собраны были изъ обоихъ отдѣленій. Веселый, улыбающійся владыка съ удовольствіемъ выслушивалъ отвѣты учениковъ на вопросы ректора и инспектора, дѣлалъ часто возраженія и, когда отвѣчавшій заминался, обращался за отвѣтомъ къ другому, третьему, вызывалъ даже охотниковъ отвѣчать; если отвѣтъ былъ удаченъ, Парѳеній приговаривалъ: „молодецъ, умникъ!" Рѣчь зашла о божественности христіанской религіи; ученики читали согласно выданнымъ запискамъ, повидимому, хорошо,—но Парѳенію показались доказательства божественности христіанства недостаточными; онъ началъ говорить о быстромъ, повсемѣстномъ распространеніи христіанства, не сулившаго никакихъ матеріальныхъ выгодъ въ настоящей жизни, а напротивъ лишавшаго многихъ удовольствій и наслажденій, и о тѣхъ преградахъ, какія ставило христіанству язычество, іудейство и философія, говорилъ болѣе часа, говорилъ такъ сильно и одушевленно, что мы и наставники наши слушали съ наслажденіемъ. Вотъ, ребята, самое сильное, очевидное доказательство божественности христіанской вѣры", закончилъ владыка. Довольный нашими успѣхами, довольный ректоромъ и инспекторомъ, какъ преподавателями богословія, владыка оставилъ насъ еще болѣе довольными, что мы доставили удовольствіе своими отвѣтами любимѣйшему нашему архипастырю"[1]).

На майскихъ рекреаціяхъ преосв. Парѳеній такъ близко соприкасался съ учащимися, что игралъ съ ними даже въ лапту. Но привѣтственныя стихи, именинные канты и рѣчи были уничтожены. Въ 1821 году изготовлена была питомцами Владимірской семинарской музы послѣдняя тетрадь стихотворныхъ подношеній.

Владиміръ оставленъ былъ Парѳеніемъ въ 1850 г., 21 февр.

---

[1]) См. отд. оттискъ изъ №№ 10—14 Влад. Епарх. Вѣдом. за 1875 г., стр. 51—52.

этого года онъ назначенъ былъ архіепископомъ въ Воронежъ, гдѣ вскорѣ (5 авг. 1853 г.) и скончался[1]).

Ректоры. Іосифъ Величковскій (1814—19). Обучался, кажется, въ Московской славяно-греко-латинской академіи и постриженъ въ монашество въ 1801 г. Въ 1807 г. утвержденъ ректоромъ Курской семинаріи и архимандритомъ Николаевскаго Бѣлгородскаго монастыря. Въ 1809 г. переведенъ въ Переславскій Даниловъ монастырь, а ко времени реформы сдѣланъ ректоромъ Владимірской семинаріи, вмѣсто бывшаго Анатолія (Веселовскаго), и исправляющимъ должность профессора богословскихъ наукъ (какъ не имѣющій ученой степени). Объ этомъ ректорѣ, правившемъ Владимірской семинаріею всего 4 года, преданіе не сохранило намъ почти никакихъ свѣдѣній. Архивныя дѣла обрисовываютъ его личность также въ недостаточномъ свѣтѣ. Извѣстно только, что ревизія Филарета (1815 г.) сопровождалась для Іосифа благопріятными результатами. По воспоминаніямъ учениковъ того времени, ректоръ въ присутствіи ревизора объяснялъ изъ Св. Писанія: „еда о волѣхъ радитъ Богъ" (1 Кор. IX, 9) и что будто бы ревизоръ остался доволенъ пріемами преподаванія и объясненіями Іосифа и тутъ же поздравилъ его со званіемъ профессора[2]). Дѣйствительно Филаретъ, хотя о богословскихъ познаніяхъ воспитанниковъ далъ отзывъ въ высшей степени неудовлетворительный, но самого Іосифа похвалилъ. „Ректоръ и профессоръ богословскихъ наукъ архимандритъ Іосифъ, доносилъ Филаретъ въ Коммиссію духовныхъ училищъ, способенъ довольно, прилеженъ неослабно. Бывъ призванъ къ настоящимъ должностямъ нечаянно и вступивъ въ нихъ изъ послушанія, онъ дѣйствуетъ въ нихъ не такъ, какъ начинающій. Можетъ быть тихость и, такъ сказать, страдательность его характера, впрочемъ, основанная на чистыхъ правилахъ, недовольно благопріятствуетъ скорому благоустроенію многолюдной и во многомъ недостаточествующей семинаріи, ввѣренной его управленію; но чистота его правилъ обѣщаетъ, что его дѣйствованіе ко благу общему благословится успѣхомъ"[3]). Послѣ такого отзыва „въ соотвѣтствіе засвидѣтельствованному ревизоромъ прилежанію", Іосифъ утвержденъ былъ Коммиссіею духовныхъ училищъ въ званіи профессора[4]). Въ концѣ 1818 г. получено было извѣстіе о вызовѣ Іосифа на чреду въ Петербургъ. 9 ноября 1819 г. Іосифъ

---

[1]) Подробнѣе о Пароеніи см. „Высокопреосвященный Пароеній" В. Орлова. 1882. Владиміръ; Влад. Епарх. Вѣд. 1881 г., стр. 576 и сл., статья С. Архангельскаго.

[2]) Исторія Надеждина, стр. 134.

[3]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 295—96.

[4]) Арх. сем. 1815 г., № 646.

назначенъ еп. Архангельскимъ, 1821 г. іюля 3—Смоленскимъ, 1834 г. февр. 17 уволенъ на покой; умеръ 1851 г. сент. 26[1]).

Павелъ, въ мірѣ Петръ Подлипскій (1820—1830 г.), 12 дек. 1808 г. назначенъ къ поступленію изъ Владимирской семинаріи въ С. Петербургскую академію. Въ 1814 году, по окончаніи академическаго курса со степенью кандидата, опредѣленъ былъ во Владимирскую семинарію профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка. Филаретъ одобрительно отозвался объ успѣхахъ учениковъ по церковной исторіи. „Онъ одинъ изъ обучающихъ церковной исторіи по семинаріямъ, доселѣ осмотрѣннымъ, написалъ Филаретъ въ своемъ отчетѣ, успѣлъ уже отчасти занимать учениковъ и сочиненіями по сему предмету. Въ греческомъ языкѣ успѣхи его не велики потому, что долженъ былъ руководствовать учениковъ отъ первыхъ началъ: но начальные уроки поняты вѣрно"[2]). Въ 1817 г. Подлипскій постриженъ въ монашество. 23 іюня того же года Павелъ утвержденъ инспекторомъ на мѣсто умершаго Іосифа Березина, но остался, по собственному желанію, при прежнихъ предметахъ. Въ началѣ 1820 г. Павелъ назначенъ былъ ректоромъ Владимирской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, въ коемъ званіи оставался до 1830 г. 26 мая 1830 г. сдѣланъ епископомъ Костромскимъ, 1836 г. — Черниговскимъ, 1830 г.—архіепископомъ. 1859 г. уволенъ на покой въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ и скончался 27 ноября 1861 г.[3]).

Павелъ оставилъ по себѣ память одного изъ самыхъ добрыхъ и снисходительныхъ ректоровъ семинаріи. „Строгостей большихъ, говорилъ онъ, состоя на покоѣ въ Переславскомъ Даниловомъ монастырѣ, я не употреблялъ; особенно остерегался много исключать учениковъ изъ семинаріи. А нравственность ихъ была прекрасная. Лаской и привѣтливостію я укрощалъ самые упрямые характеры. И учились всѣ хорошо. Въ какое учебное заведеніе ни посылаемы были изъ моей семинаріи, вездѣ мои воспитанники выдерживали себя съ честію"[4]). Такой отзывъ Павла о самомъ себѣ нельзя заподозрить въ неискренности, потому что онъ вполнѣ согласуется съ тѣми воспоминаніями, которыя сохранились о Павлѣ у его питомцевъ. „Это былъ добрѣйшій человѣкъ, какого только можно встрѣтить, говоритъ протоіерей С. Архангельскій. Въ 12 лѣтъ едва ли онъ сдѣлалъ кому какую-либо непріятность"[5]). „Замѣчательно, разсказывалъ протоіерей Яковъ Миловскій, что мы его

1) Списки архіереевъ... № 234.
2) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 297.
3) Списки архіереевъ... № 287.
4) „Странникъ", 1863 г., декабрь.
5) Изъ воспоминаній о Владимирскихъ духовныхъ училищахъ и семинаріи. стр. 35.

любили и очень боялись, не смотря на то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ наказаніямъ, никогда ученики не слыхали отъ него бранныхъ и угрожительныхъ словъ. Вотъ, если бывало ударитъ пальцемъ по столу,—ну, бѣда! весь классъ смущался духомъ". Снисходительность и доброта Павла простирались до того, что онъ защищалъ учениковъ предъ довольно строгимъ инспекторомъ Алявдинымъ и ободрялъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, подъ вліяніемъ строгостей, падали духомъ и горевали. „Не печалься, говорилъ онъ обычно пострадавшему ученику; вотъ поговорю съ нимъ, я вѣдь знаю, что ты мальчикъ хорошій"[1]). Внутренней добротѣ Павла отвѣчалъ его внѣшній видъ и пріятныя обходительныя манеры. По разсказу ученика-очевидца, это былъ человѣкъ высокаго роста, пріятной наружности, тихой, ласковый, подчасъ очень веселый, но въ тоже время необычно тучный, хотя онъ и велъ жизнь умѣренную[2]).

Безмѣрное добродушіе Павла, за которое его хвалятъ ученики, имѣло, понятно, не одни только добрыя послѣдствія. Оно много содѣйствовало упадку дисциплины въ семинаріи. „Двѣнадцатилѣтнее управленіе семинаріей архимандрита Павла положило особый отпечатокъ какъ на наставниковъ, такъ и на воспитанниковъ. Не будь такихъ жесткихъ и строгихъ инспекторовъ, доброта ректора могла бы допустить безпорядки значительнѣе тѣхъ, какіе существовали". Въ учебной жизни послабленія Павла сказались непосѣщеніемъ уроковъ, особенно со стороны наставниковъ. „Звонокъ Богородицкой колокольни, пишетъ Архангельскій, не служилъ сигналомъ для начала лекцій: нѣкоторые наставники приходили въ классы, когда какъ придется; ректоръ, кромѣ времени экзаменовъ, не заглядывалъ въ другія отдѣленія; всѣмъ было льготно, всѣ жили нараспашку"[3]). Ученики, въ ожиданіи прихода наставника, коротали время въ занятіяхъ, не только не соотвѣтствующихъ классному времени, но и вообще мало приличныхъ ихъ положенію. Разныя несерьезныя игры, кулачные бои получили самое широкое распространеніе. Примѣръ неисправнаго посѣщенія классовъ подавалъ отчасти самъ Павелъ. По словамъ Архангельскаго, по пятницамъ онъ постоянно ѣздилъ въ баню, стоявшую въ семинарскомъ саду, и въ субботу, опасаясь простуды послѣ бани, въ классъ на свой урокъ никогда не жаловалъ; „пришлетъ бывало, говоритъ Архангельскій, ученикамъ своимъ какую-либо духовную книжку для прочтенія, тѣмъ дѣло по субботамъ и кончалось"[4]). Со всѣми этими неустройствами, вызван-

[1]) Малицкій. Исторія Влад. семинаріи, стр. 129).
[2]) Изъ воспоминаній... С. Архангельскаго, стр. 35.
[3]) Тамъ же, стр. 35.
[4]) Тамъ же.

ными чрезмѣрною добротою Павла, пришлось считаться его преемнику Неофиту.

Неофитъ (1830—36), въ мірѣ Николай Соснинъ, занялъ мѣсто ректора во Владимірской семинаріи послѣ довольно основательной подготовки на учебно-административномъ поприщѣ. Съ 1804 г. онъ обучался въ Ярославской семинаріи, по окончаніи которой завершилъ богословское образованіе въ Московской академіи (кандидатъ). Въ 1820 г. опредѣленъ былъ учителемъ всеобщей исторіи и нѣмецкаго языка въ Костромскую семинарію, гдѣ исправлялъ обязанности и библіотекаря. 1822 г. рукоположенъ во священники. 11 февр. 1825 г. постриженъ въ монашество. 1 сент. того же года перемѣщенъ въ Псковскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ философіи. 2 февр. 1826 г. занялъ мѣсто ректора въ Архангельской семинаріи. 19 авг. 1830 г. прибылъ во Владиміръ на мѣсто Павла[1]). Его пріѣзду предшествовали во Владимірѣ многочисленные слухи о тѣхъ жестокостяхъ и строгостяхъ, которыми будто бы онъ прославился въ Архангельскѣ, и ученики встрѣтили новаго начальника невесело, уныло. Протоіерей С. Архангельскій, переведенный въ 30 году въ богословскій классъ, такъ описываетъ первые дни ректорства и профессуры Неофита во Владимірѣ.

„Молебенъ предъ началомъ ученія, торжественно и соборно отправленный ректоромъ въ Богородицкой церкви, кончился; за тѣснотою въ церкви, новаго ректора мы не успѣли еще видѣть. Изъ церкви съ трепетнымъ ожиданіемъ вступили въ новую для насъ классную залу и размѣстились за столами. Къ намъ, своимъ будущимъ слушателямъ, взошелъ прежде всѣхъ Неофитъ, въ сопровожденіи новаго ректора училищъ магистра Остроумова. По обыкновенію пропѣли: „Salutamus“. Неофитъ небольшого роста, худощавый, нѣсколько рябоватый, съ длиннымъ острымъ носомъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на насъ внимательно, обошелъ вдоль столовъ нѣсколько разъ, остановился у каѳедры и сказалъ: „сегодня, послѣ молитвы, можете идти на квартиры и къ завтрашнему дню приготовьте на бумагѣ отвѣтъ на вопросъ: „изучивши философію, нужно-ли изучать богословіе и почему?“—улыбаясь, ласково поклонился намъ и съ Остроумовымъ вышелъ изъ нашего класса для посѣщенія прочихъ. Мы, повѣся головы, разбрелись по квартирамъ, - и ну думать и додумываться: нужно-ли въ самомъ дѣлѣ, изучивши философію, изучать еще богословіе? Смѣтливые поняли, что коль скоро начальство перевело ихъ въ богословское отдѣленіе, стало быть учиться богословію надо; а почему?—этотъ вопросъ по большей части игнорировали. Несмѣтливые рѣшили, что

---

[1]) Арх. сем. 1830 г., № 577.

послѣ философіи можно и не учиться богословію, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно, о чемъ оно трактовать будетъ. На другой день Неофитъ собралъ отвѣты, пробѣжалъ, иные возвратилъ молча, нѣкоторые нашелъ не содержавшими отвѣта, а другіе похвалилъ и прочиталъ вслухъ. Покончивши съ сими занятіями, развернулъ принесенную имъ тетрадь и, изрѣдка заглядывая въ нее, началъ знакомить насъ съ понятіемъ о богословіи, его содержаніи, раздѣленіи, пользѣ и необходимости. Мы жадно ловили каждое слово. Рѣчь наставника была тихая, медленная, основательная и ясная; изъ нея мы увидѣли и пользу, и необходимость изученія богословія послѣ философіи; теперь бы легко написать отвѣтъ на заданный вчера вопросъ, да было ужъ поздно. Два раза повторилъ ректоръ свою лекцію, и она крѣпко засѣла въ нашей памяти. Отнявъ отъ тетради нѣсколько поллистовъ, онъ оставилъ ихъ намъ, чтобы каждый списалъ для себя. Смотримъ: лекціи изложены на латинскомъ языкѣ. Инымъ пришлась эта латынь очень не по вкусу. Въ такомъ порядкѣ стали продолжаться и слѣдующія лекціи. Кто усвоилъ хорошо латинскій языкъ, тому онѣ составляли лишь трудъ переписки: изложеніе было такъ вразумительно и доступно, а повтореніе изложеннаго такъ облегчало память, что двухъ разъ достаточно было внимательно прочитать лекцію вечеромъ, и она долго удерживалась въ памяти. Отвѣты заданной лекціи ректоръ требовалъ по латыни, хотя не съ буквальною точностью; плохо знавшимъ латынь приходилось плохо: надо было сперва перевести лекцію на русскій языкъ, иначе она становилась для нихъ непонятной,—и потомъ уже учить латынь. Слухи о строгостяхъ Неофита стали сами собой рѣдѣть и слабѣть. Всегда ровный, ласковый, скромный даже въ замѣчаніяхъ и выговорахъ, Неофитъ съ каждымъ днемъ привязывалъ насъ къ себѣ". Особенно понравилось, по словамъ Архангельскаго, распоряженіе новаго ректора выдавать ученикамъ изъ фундаментальной библіотеки для пользованія книги [1]).

Итакъ, по воспоминаніямъ Архангельскаго, выходитъ, что Неофиту вскорѣ удалось разсѣять циркулировавшіе на счетъ его строгостей слухи и снискать любовь своихъ питомцевъ. Но само собою понятно, что эта любовь и привязанность, о которой говоритъ Архангельскій, были совсѣмъ иного рода, чѣмъ та любовь, которою платили ученики добродушному Павлу. Неофита любили только лучшіе и болѣе способные ученики (къ числу которыхъ принадлежалъ и Архангельскій). Цѣня способности и знанія такихъ учениковъ, Неофитъ, дѣйствительно, относился къ нимъ снисходительно. Онъ прощалъ имъ даже серьезныя погрѣшности. Имъ

---

[1]) Изъ воспоминаній... стр. 42—44.

позволялось, напр., почти безнаказанно пропускать даже лекціи, такъ какъ Неофитъ спрашивалъ хорошихъ учениковъ не болѣе одного, двухъ разъ въ годъ и то на, такъ называемыя, „возраженія“. Къ ученикамъ же посредственнымъ, лѣнивымъ новый ректоръ былъ строгъ и дѣйствовалъ безъ послабленій, былъ именно такимъ, какимъ рисовала его молва до пріѣзда во Владиміръ.

Строгимъ, требовательнымъ явился новый ректоръ и къ членамъ семинарской корпораціи. Въ отношеніи къ нимъ онъ дѣйствовалъ по временамъ слишкомъ рѣшительно. Напр., чтобы уничтожить или по крайней мѣрѣ сократить опаздыванія наставниковъ къ уроку, Неофитъ ввелъ систему контроля надъ ихъ посѣщеніемъ класса со стороны старшаго дежурнаго. „Въ каждый классъ, говоритъ Архангельскій, выдана была отъ него особая тетрадь, въ которую старшій по классу обязанъ былъ вносить вѣрную отмѣтку о времени прихода и ухода каждаго наставника, и эта тетрадь должна была лежать на столѣ наставника въ теченіе всего класса, а по окончаніи классовъ старшіе передавали ее старшему по семинаріи для ежедневнаго просмотра ректоромъ, который собственноручно въ этихъ тетрадяхъ дѣлалъ свои замѣчанія по случаю поздняго прихода или ранняго ухода наставника; эти замѣчанія неизбѣжно прочитывались на другой день и классомъ, и тѣмъ, кого они касались. Понятно намъ стало, что строгость Неофита направлена была не столько противъ насъ, сколько противъ наставниковъ, изъ которыхъ многіе злоупотребляли добротою бывшаго предъ симъ ректора и не надлежащимъ образомъ относились къ своимъ обязанностямъ. Наставники также скоро поняли, что вѣтеръ для нихъ перемѣнился: къ условному звонку стали внимательнѣе и безъ приготовленій въ классъ начали являться рѣже, потому что ректоръ каждый почти день, покончивъ у насъ, посѣщалъ то тотъ, то другой классъ, садился тамъ съ учениками въ видѣ слушателя,—и наставникамъ надобно было держать ухо востро“ [1]).

Подобные пріемы побужденія наставниковъ къ исправному исполненію своихъ обязанностей были вызваны, конечно, безпорядками, господствовавшими въ этой области. Но принимая во вниманіе даже эту господствовавшую распущенность, надобно сказать, что они въ общемъ были суровы, а главное не всѣ тактичны въ педагогическомъ отношеніи (какъ, напр., полномочія, данныя старшимъ). Нѣсколько ниже мы увидимъ, что къ безпечнымъ и нерадивымъ наставникамъ примѣнялись Неофитомъ мѣры и болѣе внушительныя.

Шестилѣтній періодъ правленія Неофита долженъ быть разсматриваемъ, такимъ образомъ, какъ время водворенія дисциплины,

[1]) Тмж., стр. 44.

насажденія новыхъ болѣе строгихъ порядковъ. И усилія Неофита въ этомъ направленіи не остались безплодными. „Справедливость требуетъ сказать, пишетъ Архангельскій, что съ ректорствомъ Неофита многое дурное, усвоенное до него, брошено: нощиха исчезла [1]), кулачный бой прекращенъ; ученикамъ едва ставало времени для занятій по лекціямъ и письменнымъ работамъ,— нѣкогда было думать о гуляньяхъ и выпивкахъ; наставники встрепенулись, аккуратно посѣщали классы и въ классахъ ревностнѣе занимались дѣломъ; инспекторъ, и прежде дѣятельный въ наблюденіи за порядкомъ на ученическихъ квартирахъ, получилъ облегченіе по должности: старшіе по семинаріи, руководимые его совѣтами и наставленіями ректора, усердно исполняли свою обязанность по надзору за учениками, а въ нерѣдкихъ случаяхъ и за наставниками. Экономъ семинаріи сталъ внимательнѣе ремонтировать домъ, чище содержать его, теплѣе топить, своевременнѣе раздавать ученикамъ жалованье—и каждому особо, а не группамъ сторублевыми, для размѣна которыхъ прежде приходилось платить въ лавки порядочный процентъ... А свободный доступъ къ семинарской библіотекѣ столько послужилъ для умственнаго развитія учениковъ, что и высказать невозможно... И все это сдѣлалось какъ то само собою, безъ крутой ломки, безъ вспышекъ и крика: такъ былъ мудръ и на своемъ мѣстѣ незабвенный нашъ Неофитъ“ [2]).

Парѳеній въ своихъ письмахъ отзывается о дѣятельности и характерѣ Неофита тоже въ высшей степени одобрительно. Вотъ, напр., что писалъ онъ о немъ митр. Серафиму 2 нояб. 1834 г.: „Владимірской семинаріи ректоръ уже лѣтъ 10 ректоромъ. Пора ему и во владыки. Нрава кроткаго, жизни благочестивой, правилъ честныхъ, къ дѣлу усерденъ, православенъ“ [3]).

Но съ другой стороны, какъ замѣчено было уже выше, насажденіе всѣхъ этихъ хорошихъ порядковъ, усиленіе дисциплины

---

[1]) Объ этой „нощихѣ“ Архангельскій разсказываетъ слѣдующее. „Внутри семинарскаго двора, утромъ и послѣ обѣда, въ сѣняхъ на подоконникѣ являлась каждодневно одна привилегированная пирожница, старуха, подъ названіемъ „нощиха“, съ шевернею теплыхъ пшеничныхъ пирожковъ, начиненныхъ въ скоромные дни зайчатиною, а въ постные гречневой кашей съ лукомъ, окутанныхъ въ три четыре ряда замасленныхъ грязныхъ тряпокъ, и открыто торговала тутъ во всѣ учебные часы. Нужно замѣтить, что эта нощиха промышляла также и омовеніемъ покойниковъ. Не смотря на это, пирожками ея лакомились не только ученики семинаріи, но и профессоры, жившіе на холостую ногу. Нощиха не пряталась, когда по сѣнямъ разгуливали и смотритель училищъ, и наставники; только при проходѣ ректора семинаріи сѣнями, она съ шевернею своею скрывалась подъ лѣстницу, ведшую въ верхній этажъ, хотя ректоръ хорошо зналъ, что она тутъ скрывалась. Тыж., стр. 20.

[2]) Тыж., стр. 49—50.

[3]) Влад. Епарх. Вѣдом. 1878 г., стр. 621.

не могло совершиться безъ нѣкоторыхъ строгостей, къ которымъ, повидимому, былъ склоненъ Неофитъ, и даже крайностей. Извѣстно, напр., что при Неофитѣ прекратились майскія рекреаціи, невинный характеръ которыхъ едва-ли позволялъ причислять ихъ къ разряду развлеченій предосудительныхъ и нездоровыхъ. Самъ Архангельскій, разсказавшій много хорошаго о Неофитѣ, высказываетъ сожалѣніе по поводу уничтоженія рекреацій и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что сумма, расходованная раньше экономомъ на угощеніе начальства, шла теперь на болѣе полезное употребленіе [1]).—Оттого то Неофита въ семинаріи не особенно любили. По крайней мѣрѣ преосв. Савва въ своей автобіографіи замѣчаетъ, что такимъ, какимъ Неофитъ нарисованъ у Архангельскаго, онъ былъ лишь до 1832 г., когда авторъ воспоминаній окончилъ курсъ; въ послѣдующее время взглядъ на Неофита, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ отношеніяхъ, измѣнился, такъ что, когда онъ въ концѣ 1836 г. отправлялся въ Петербургъ для посвященія въ епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи, на него сочинена была однимъ изъ учениковъ довольно злая эпиграмма [2]). Въ Исторіи Надеждина сохранились два начальные стиха этой эпиграммы [3]). Къ сожалѣнію, они ничего не даютъ для характеристики Неофита.

По высочайшему указу отъ 3 окт. 1836 г. Неофитъ назначенъ былъ епископомъ Старицкимъ, 1838 г. переведенъ на Вятскую каѳедру; 1851 г. опредѣленъ архіеп. Пермскимъ. 5 іюля 1868 г. скончался [4]).

Мѣсто Неофита занялъ его родной братъ *Поликарпъ* (1836—47). Въ лицѣ Поликарпа начальническій постъ во Владимірской семинаріи переходитъ въ руки лица, не получившаго высшаго богословскаго образованія. До перехода во Владиміръ Поликарпъ (Соснинъ) испыталъ много служебныхъ перемѣнъ. Окончивъ курсъ въ Ярославской семинаріи еще до реформы духовныхъ училищъ, онъ въ сентябрѣ 1813 г. назначенъ былъ учителемъ россійскаго класса, въ мартѣ 1814 г. повышенъ въ информаторскій. По преобразованіи училищъ въ 1814 г., его оставили въ высшемъ отдѣленіи Ярославскаго училища учителемъ греческаго языка, ариѳметики и славянской грамматики. 1817 г. назначили библіотекаремъ библіотекъ Ярославской семинаріи и училищной, съ оставленіемъ при должности инспектора надъ казеннокоштными учениками училищъ. 26 окт. 1826 г. Поликарпъ уволенъ былъ отъ упомянутыхъ

1) Тыж., стр. 50.

2) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго. Т. I., стр. 92.

3) „Здѣсь нѣкто ректоръ есть Соснинъ,
Напрасно сосны пострадали...“ (стр. 130).

4) Списки архіереевъ... № 290.

должностей и произведенъ во священники Ярослав. уѣзда въ погостъ Никольскій, что у Іисусова Креста. 1827 г. переведенъ къ Ростовской градской Покровской церкви. 1829 г. снова опредѣленъ въ высшее отд. Ярославскаго училища учителемъ греческаго языка, ариѳметики и закона Божія. 1830 г. 3 марта постриженъ въ монашество. Того же года сдѣланъ смотрителемъ Ростовскихъ и Борисоглѣбскихъ училищъ. 2 нояб. 1832 г. назначенъ инспекторомъ Астраханской семинаріи, 1833 г. 12 февр. смотрителемъ Астраханскихъ училищъ. Въ 1836 г. переведенъ на мѣсто Неофита [1]).

Неожиданное назначеніе Поликарпа на трудный и непосильный для него постъ объясняли его родственными связями. Поликарпъ былъ роднымъ племянникомъ архимандрита Ростовскаго Яковлевскаго монастыря Иннокентія, который пользовался особеннымъ вниманіемъ извѣстной графини А. А. Орловой-Чесменской. По ходатайству Орловой-Чесменской, Поликарпъ и получилъ мѣсто начальника Владимірской семинаріи [2]).

Во Владимірѣ епархіальная власть отнеслась неодобрительно къ такому выбору преемника Неофиту и встрѣтила новаго ректора съ сильнымъ предубѣжденіемъ. „Рѣдкій случай, писалъ Парѳеній Серафиму, что братъ его (Неофита) родной заступаетъ, какъ бы по наслѣдству, его ректорство. Не знаю, не будетъ-ли онъ слабъ и малосиленъ для Владимірской семинаріи и сумѣетъ-ли управиться съ 900 учениковъ и 21 преподавателемъ изъ магистровъ и кандидатовъ, не учась въ академіи, будучи безъ ученой степени и лѣтъ священникомъ, не бывъ преподавателемъ ни риторики, ни философіи, ни богословіи, какъ бывало въ нашихъ старыхъ школахъ. Не имѣя вѣса, трудно будетъ поддержать порядокъ, не имѣя ученыхъ свѣдѣній поддержать ученую часть, а надобно строить огромный корпусъ въ семинаріи. Его бы послать въ какую нибудь небольшую семинарію“ [3]).—Чрезъ полтора мѣсяца послѣ этого письма, уже по пріѣздѣ Поликарпа во Владиміръ, Парѳеній снова писалъ. „Новый ректоръ семинаріи, назначенный изъ Астраханской семинаріи, четыре раза перемѣнялъ экипажъ лѣтній на зимній и зимній на лѣтній. Непостоянство природы физической, кажется, вторитъ непостоянству природы нравственной“ [4]).

Однако, нѣсколько позже преосв. Парѳеній перемѣнилъ свое мнѣніе о Поликарпѣ; въ письмѣ къ Серафиму отъ 1839 г. уже говорилось. „Семинарія многолюдная, но ректоромъ старой печати

[1]) Арх. сем. 1836 г., № 761.
[2]) Савва. Хроника моей жизни, стр. 117.
[3]) Письмо отъ 1 нояб. 1836 г. Влад. Епарх. Вѣдом. 1878 г., стр. 645.
[4]) Тыж., стр. 646. Письмо отъ 18 дек. 1836 г.

доволенъ"[1]). Примирили Парѳенія съ Поликарпомъ, вѣроятно, то добродушіе и незлобивость, которыми Поликарпъ отличался, подобно Павлу Подлипскому. „Ректоръ Поликарпъ, говоритъ одинъ изъ его питомцевъ, былъ воплощенная доброта; звали его всѣ папашей. Никогда не видѣли мы его гнѣвающимся, на лицѣ его всегда сіяла добрая улыбка. Когда она пропадала, это было знакомъ, что нашъ папаша возмущенъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Самымъ чувствительнымъ наказаніемъ для виновнаго ученика было то, если папаша погрозится на него"[2]).

Строгая дисциплина, заведенная при Неофитѣ, при Поликарпѣ значительно ослабѣла, и только со времени назначенія на должность инспектора Евѳимія (1841 г.) начался поворотъ къ старымъ порядкамъ. Послѣдній собственно и былъ фактическимъ правителемъ семинаріи. Поликарпъ больше числился. Административно-учебный строй семинарской жизни направлялся не имъ. Какъ не получившій академическаго образованія, онъ не могъ даже преподавать никакого семинарскаго предмета, и всѣ научные труды его сводились лишь къ составленію проповѣдей, которыя назначались ему, какъ ректору, въ высокоторжественные дни. Отсутствіе солидной образовательной подготовки ставило Поликарпа по временамъ прямо въ смѣшное положеніе. Особенно тяжело ему приходилось на экзаменахъ, гдѣ онъ обязанъ былъ присутствовать въ силу занимаемаго положенія. Такъ, разсказываютъ, что одинъ изъ молодыхъ профессоровъ нашелъ болѣе основательнымъ раньше логики пройти курсъ психологіи. Поликарпъ присутствовалъ на экзаменѣ и слушалъ, повидимому, внимательно отвѣты экзаменовавшихся. Но къ концу экзамена выдалъ сразу свою некомпетентность однимъ неосторожнымъ словомъ. „Благодарю васъ, промолвилъ онъ, обращаясь къ профессору, у васъ ученики очень хорошо усвоили логику".

Своимъ человѣкомъ Поликарпъ чувствовалъ себя лишь въ области хозяйственно-житейской. Какъ извѣдавшій семейную жизнь, онъ зналъ ея нужды и потребности въ достаточной степени; а отзывчивое и мягкое сердце его находило всегда матеріалъ для примѣненія этихъ познаній на дѣлѣ[3]).

Указомъ Св. Синода отъ 31 янв. 1845 г. Поликарпъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди[4]), а 14 марта 1847 г. по разстроенному его здоровью, согласно прошенію, уволенъ отъ училищной службы и назначенъ настоятелемъ Ро-

---

[1]) Тамъ же, 1879 г., стр. 51.
[2]) Воспоминанія о Влад. сем. 1844—50 г. Ркп. А. С.
[3]) Ср. Савва. Хроника моей жизни. Т. I, стр. 173.
[4]) Арх. сем. 18 41/43 г., № 1

стовскаго Спасояковлевскаго монастыря[1]). 1867 г. Поликарпъ уволенъ на покой и вскорѣ (18 ноября 1868 г.) скончался[2]).

Инспекторы. По уставу 1808 г. инспекторъ назначался для наблюденія по преимуществу за нравственной жизнью семинаріи[3]). Впрочемъ, и въ этой области онъ не могъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, а находился въ зависимости отъ правленія, главнымъ образомъ ректора[4]). Первымъ инспекторомъ по реформѣ былъ *Іосифъ* (въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Березинъ), игуменъ Козмина монастыря (1814—1817)[5]). Какъ инспектору, Іосифу было ввѣрено и преподаваніе философіи. Филаретъ при ревизіи остался доволенъ его классомъ. Вопросы, предложенные ревизоромъ, рѣшались въ общемъ удовлетворительно. Ученики настолько ободрились, что одинъ позволилъ себѣ даже сострить. Филаретъ обыкновенно, давая ученику какое-нибудь возраженіе и не получая отвѣта, обращался къ другому, ближайшему, говоря: „sequens“ (слѣдующій); отъ этого переходилъ къ новому и т. д. Предложенъ былъ какой-то трудный философскій вопросъ. Ревизоръ уже нѣсколько разъ повторялъ: „sequens“, никто не могъ отвѣтить. „Какъ же вы этого не понимаете? сказалъ раздражительно Филаретъ, хоть бы кто слово сказалъ!“ Sequens, обратился онъ къ одному рослому дѣтинѣ, слѣдовавшему по очереди. „Sequentem“, протянулъ тотъ, поднимаясь изъ-за стола. Ревизоръ улыбнулся и самъ разрѣшилъ задачу. При выходѣ изъ класса, Филаретъ поздравилъ Іосифа съ профессорствомъ[6]). Въ отзывѣ о немъ въ Коммиссію духовныхъ училищъ Филаретъ написалъ. „Инспекторъ и въ должности профессора философскихъ наукъ игуменъ Іосифъ способенъ и прилеженъ. Хотя философскія его свѣдѣнія относятся наиболѣе къ философіи Вольфіанской: впрочемъ, онъ руководствуетъ въ ней правильно и основательно, какъ наставникъ, утвержденный въ своемъ дѣлѣ не маловременнымъ опытомъ. По моему мнѣнію, онъ достоинъ званія профессора, котораго еще не имѣетъ. По управленію нравственному не имѣетъ онъ отличныхъ успѣховъ по причинѣ многолюдства и разсѣяннаго жительства семинаристовъ“[7]).

Преданіе рисуетъ Іосифа человѣкомъ нѣсколько грубымъ въ обращеніи, но добрымъ по сердцу и внимательнымъ къ ученикамъ.

---

[1]) Арх. сем. $18^{16}/_{17}$ г., № 1.

[2]) См. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви. П. Строевъ. 1877 г.

[3]) Отд. I, гл. V, 44.

[4]) Отд. II, гл. III, 84.

[5]) См. Выпускъ I, стр. 202—203.

[6]) Исторія Надеждина, стр. 135.

[7]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 296.

Онъ ихъ несомнѣнно любилъ и всячески отстаивалъ ихъ права въ тѣхъ случаяхъ, когда эти права подвергались поруганію. Напр., въ ноябрѣ (24) 1814 г. Іосифъ подалъ въ семинарское правленіе докладъ слѣдующаго рода. „Сего ноября 24 дня старшій, перваго отдѣленія ученикъ Иванъ Розовъ запискою мнѣ представилъ, что квартирующій вмѣстѣ съ нимъ въ домѣ пѣвчаго священника Андрея Лебедева ученикъ 2 отд. Андрей Целебровскій 23 числа въ 9 часовъ ночи, вышедши для закрытія оконъ своей комнаты, схваченъ былъ дворовыми людьми его превосходительства, господина Владимірскаго гражданскаго губернатора и былъ нещадно битъ, а потомъ на сей случай подоспѣвшими второй части служителями взятъ былъ въ одной рубашкѣ безвинно въ съѣзжій домъ и посаженъ въ цѣпь, о чемъ правленію семинарскому донося, прошу, дабы оно по своему усмотрѣнію благоволило принять законныя мѣры къ предотвращенію обидъ и оскорбленій, наносимыхъ воспитанникамъ семинаріи, а о взятіи ученика Целебровскаго подъ арестъ потребовать отъ кого слѣдуетъ надлежащаго изъясненія“[1]). Начатое по поводу этого доклада разслѣдованіе окончилось не въ пользу семинаристовъ. Владимірскій полицеймейстеръ освѣтилъ приведенный инцидентъ въ томъ смыслѣ, что квартальный надзиратель съ 4 рядовыми, обходя городъ дозоромъ, услышалъ противъ дома Богословскаго священника необычный крикъ, на который пришедши, увидѣлъ, что 4 семинариста въ однѣхъ рубахахъ бьютъ живущихъ въ домѣ г. губернатора италіанца и столяра, почему имъ и былъ взятъ семинаристъ Целебровскій; прочіе же разбѣжались. Существованіе цѣпи въ съѣзжемъ домѣ полицеймейстеръ безусловно отвергалъ[2]) Хотя, такимъ образомъ, протестъ, поднятый Іосифомъ, остался безъ послѣдствій, но самая возможность его въ то время и при такихъ исключительныхъ условіяхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что интересы учениковъ были Іосифу близки и дороги.

Періодъ инспекторства Іосифа во Владимірской семинаріи былъ непродолжителенъ. Въ 1817 г. онъ заболѣлъ желтухой. Въ то время въ Суздалѣ проживалъ докторъ медицины и хирургіи знаменитый Моренковъ, о которомъ тогда разсказывали чуть не чудеса[3]). За отсутствіемъ хорошаго врача во Владимірѣ, Іосифъ обратился за содѣйствіемъ къ нему. Но сдѣлалъ это поздно. Въ половинѣ мая Іосифъ выѣхалъ изъ Владиміра, а 27 мая извѣстили Ксенофонта о кончинѣ Іосифа въ Суздалѣ. Извѣстіе о смерти инспектора было встрѣчено учениками съ непритворнымъ сочув-

[1]) Арх. сем. 1814 г., кн. 2, № 68.

[2]) Арх. сем. 1815 г., кн. 2, № 83.

[3]) О немъ подробнѣе см. Уроженцы и дѣятели Владимірской губ. А. Смирнова, вып. 2, 1897 г., стр. 145.

ствіемъ. Студенты богословія и философіи обратились къ ректору и умоляли его отпустить ихъ въ Суздаль, дабы отдать послѣдній долгъ любимому профессору и начальнику. Но начальство не могло, понятно, отпустить учениковъ за 35 верстъ въ учебное время и отказало. Тогда они рѣшили дѣйствовать самостоятельно и 27 мая всѣ до одного вышли въ Суздаль. Дорогой проектировались рѣчи и стихи. На другой день утромъ прибылъ въ Суздаль откомандированный семинарскими властями профессоръ. Его немедленно осадили неотступными просьбами о разрѣшеніи то тому, то другому что-нибудь прочитать при погребеніи... Составленъ былъ опредѣленный церемоніалъ погребенія, отличавшійся сложностью и торжественностью. Всѣхъ надгробныхъ рѣчей сказано было 8, стихотвореній прочитано 12. Когда гробъ, поддерживаемый учениками, принесенъ былъ къ вратамъ собора, ученикъ средняго отдѣленія Иванъ Ельцинскій встрѣтилъ покойнаго такими словами:

„Не къ намъ-ли, гость драгой, спѣшишь давать уроки?
Гряди, напой сердца, ихъ жажда злѣ томитъ!
Излей на вертоградъ живой воды потоки,—
Онъ сохнетъ безъ тебя, теряетъ лѣтній видъ и т. д.

Вслѣдъ за Ельцинскимъ говорилъ рѣчь учитель семинаріи о. Савеловъ:

„Итакъ, за этимъ-то ты и оставилъ насъ? Ахъ, если бы мы знали это,—мы бы не пустили тебя; мы бы стали заклинать и умолять нашею къ тебѣ и твоею къ намъ любовью—и ты бы не оставилъ насъ. Или любящее твое сердце предчувствовало сей смертный часъ и ты не хотѣлъ поразить насъ вдругъ вѣчною съ тобою разлукою?...“ и т. д.

Въ церкви читалъ стихи ученикъ средняго отдѣленія Александръ Знаменскій:

Встань, драгой отецъ! Сыны твои пришли;
Мы съ радостью твой гласъ услышать притекли!
Но, други, гласа нѣтъ, уста его безмолвны,
Скончались наши дни, блаженства, счастья полны...

Въ числѣ прочитанныхъ надъ гробомъ стихотвореній, одно было составлено на латинскомъ, другое—на греческомъ языкахъ. Ученики до такой степени отдавались кручинѣ, что нѣкоторые, зачитавъ стихотвореніе, не могли окончить его безъ слезъ. По распоряженію еп. Ксенофонта, тѣло Іосифа по отпѣваніи перенесено было въ Юрьевъ для погребенія въ Архангельскомъ монастырѣ. Ученики отъ собора до самой заставы бросали на дорогу цвѣты и зелень. Гробъ какъ бы шествовалъ по цвѣтамъ.

Погребеніе окончилось. Ученики возвратились во Владиміръ. Можно было ожидать суровой расправы за допущенное своевольство. Но семинарское начальство оставило дѣло безъ всякихъ по-

слѣдствій. Быть можетъ принято было во вниманіе сердечное расположеніе молодежи къ своему учителю и воспитателю, а можетъ быть и боялись какихъ-нибудь непріятныхъ толковъ. Вмѣсто наказанія, семинаристы удостоились даже благодарности „за особенную преданность и любовь къ профессору“[1]).

23 іюня 1817 г. инспекторомъ утвержденъ былъ профессоръ церковной исторіи *Павелъ* (Подлипскій), о которомъ говорилось уже выше.

Въ 1820 г. мѣсто Павла занялъ инспекторъ Пензенской семинаріи *Василій Ѳеод. Алявдинъ* (1820—27). По окончаніи курса во Владимірской семинаріи въ 1812 г., онъ опредѣленъ былъ учителемъ низшаго французскаго класса[2]). Въ 1814 г. поступилъ въ Московскую академію, которую окончилъ со степенью магистра. Въ Пензѣ, куда Алявдинъ назначенъ былъ непосредственно по окончаніи курса, онъ нашелъ губернаторомъ своего родственника, извѣстнаго Мих. Мих. Сперанскаго. Сперанскій былъ расположенъ къ нему и оказывалъ свое покровительство. Пользовался Алявдинъ расположеніемъ и Пензенскаго епископа, извѣстнаго Иннокентія (Смирнова). Иннокентій даже скончался на рукахъ Алявдина[3]). Въ 1820 г., когда уже въ Пензѣ не было ни Иннокентія, ни Сперанскаго, В. Ѳ. Алявдинъ, по своему желанію, переведенъ былъ на должность инспектора въ родную Владимірскую семинарію.

Во Владимірѣ Алявдинъ оставилъ по себѣ дурную славу. Какъ наставникъ онъ, несомнѣнно, былъ образованъ и даровитъ; но, какъ инспекторъ, по общему отзыву современниковъ, отличался самыми несимпатичными качествами. Шпіонству, наушничеству дана была при немъ самая широкая свобода. Появились любимцы, которые, пользуясь привилегированностью своего положенія, оговаривали виновныхъ и безвинныхъ товарищей. Съ нарушителями дисциплинарныхъ требованій расправа была самая суровая. Алявдинъ былъ строгъ и грубъ: провинившихся бранилъ

---

[1]) См. Исторія Надеждина, стр. 153—55. Интересное дѣло, передающее этотъ эпизодъ, характеризующій, съ одной стороны, любовь учениковъ къ своему начальнику, съ другой, нѣкоторое своевольство, къ сожалѣнію, къ настоящему времени не сохранилось. Но оно несомнѣнно было въ рукахъ К. Ѳ. Надеждина.

[2]) См. Выпускъ I, стр. 211.

[3]) По смерти Иннокентія, Алявдинъ издалъ его сочиненія въ первый разъ и написалъ біографію. Изъ литературныхъ трудовъ Алявдина можно еще указать: 1) Собраніе воскресныхъ поученій, въ двухъ частяхъ. С.-Петерб. 1838 г. 2) Поучительныя слова на праздники, въ двухъ частяхъ. М. 1838 г. и 3) О Михайловскомъ монастырѣ. К. 1835 г. См. Филарета. Обзоръ русской духовной литературы. 1863 г., стр. 250 сл.

нецензурными словами, дралъ за волосы, билъ по щекамъ, а нѣкоторыхъ и сѣкъ розгами. Грубость и суровость Алявдина особенно бросались въ глаза по сравненію съ благодушіемъ ректора Павла, который, какъ говорилось раньше, не разъ защищалъ учениковъ предъ взыскательнымъ инспекторомъ. Но, съ другой стороны, понятно, что это самое благодушіе Павла, распустившаго бразды правленія, давало лишніе поводы къ строгостямъ Алявдина. Семинарская жизнь страдала, дѣйствительно, серьезными поврежденіями, и раздражительному, вспыльчивому инспектору трудно было удержаться въ предѣлахъ умѣренности. Вотъ, напр., что пишетъ объ ученикахъ того времени и педагогическихъ мѣрахъ Алявдина современникъ С. Архангельскій.

„У него были свои любимцы-наушники, и горе тѣмъ, кто попадался подъ его расправу и судъ. Ритористы еще не успѣли усвоить себѣ привычки пить водку, буйствовать на квартирахъ, или другія чинить проказы: все это было удѣломъ философовъ и богослововъ. Поэтому съ инспекторомъ намъ (риторамъ) почти не приходилось имѣть дѣла. Но любители выпивки и буйства, ученики высшихъ и среднихъ отдѣленій, жестоко платились за свою разгульную жизнь: ихъ сажали въ карцеръ на нѣсколько дней; ихъ, по секретному опредѣленію правленія семинаріи, сѣкли и даже исключали, съ худыми отмѣтками въ свидѣтельствахъ. Жестокость инспектора проявлялась, при обходѣ по вечерамъ семинарскихъ квартиръ, надъ нюхателями табака. Взойдетъ внезапно въ комнату; ученики сидятъ во-кругъ стола, — кто читаетъ, кто пишетъ, кто учитъ урокъ, зажавши руками уши; табакерку со стола убрать не успѣли. Вопросъ „чья табакерка?“ вынуждалъ указать на преступника. Инспекторъ бралъ табакерку въ руку и дотолѣ ее не бросалъ, доколѣ не изломаетъ ее всю о виски и затылокъ табачника. Обоняніе онъ имѣлъ очень тонкое, запахъ сивухи узнавалъ издалека. „Дохни на меня“, скажетъ пахнувшему водкой; тотъ дохнетъ, сивушный запахъ есть: руки инспектора пойдутъ разгуливать по ланитамъ винолюбца, такъ что ланиты къ утру и припухнутъ; или обѣими руками вцѣпится въ волосы виноватаго, — и ну качать голову его направо и налѣво Кого въ квартирѣ не застанетъ, прикажетъ рано утромъ явиться къ себѣ. „Дохни на меня, бездѣльникъ!...“ Тотъ дохнетъ, сивушнаго запаха не окажется: „ступай въ классъ“, закончитъ; а запахъ есть, — расправа опять та же, что и на квартирахъ. Наушники, въ желаніи угодить и выслужиться предъ инспекторомъ, какъ-то узнавали о всѣхъ случаяхъ попоекъ и доводили до его свѣдѣнія. Вслѣдствіе ручныхъ, чувствительныхъ для головы, расправъ инспектора, всѣ страшно боялись даже встрѣчаться съ нимъ. Только непосредственные ученики ректора составляли исключеніе: надъ ними ин-

спекторъ не давалъ воли своимъ рукамъ, а ограничивался только бранью" [1]).

Въ такомъ же родѣ говоритъ и К. Ѳ. Надеждинъ, пользовавшійся разсказами старожиловъ, современниковъ Алявдина. „Деспотичный и грубый, онъ притомъ держался макіавелевской системы; сбить ученика на пустую, перетолковать его показанія въ свою пользу и т. п. онъ считалъ за позволительное; поэтому ученики съ своей стороны никогда не признавались въ проступкахъ и всегда старались „провести его" [2]).

Къ концу своего инспекторства Алявдинъ попытался даже было учинять сѣкуціи надъ философами и богословами, но встрѣтилъ энергичный протестъ со стороны Невскаго и Дербскаго [3]).

Въ 1825 г. скончался протоіерей Владимірскаго Успенскаго собора Пѣвницкій. Алявдинъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на эту вакансію и настойчиво требовалъ удовлетворенія своей просьбы. Но преосв. Парѳеній отказалъ ему и замѣстилъ вакантное мѣсто заслуженнымъ протоіереемъ Павломъ Ставровскимъ. Это глубоко оскорбило впечатлительнаго Алявдина, и онъ немедленно подалъ прошеніе о поступленіи въ монашество и при этомъ будто бы сказалъ: „такъ я же самъ буду не хуже его (т. е. Парѳенія) архіереемъ" [4]).

Предсказаніе Алявдина исполнилось. 7 янв. 1827 г. въ Боголюбовѣ происходило его постриженіе въ монашество, а 15 сентября того же года онъ былъ уже переведенъ инспекторомъ въ Петербургскую семинарію [5]). 1829 г. мы видимъ В. Алявдина, въ монашествѣ Владиміра, ректоромъ Калужской семинаріи, 1835 г. янв. 20—еп. Чигиринскимъ, 1836 г. сент. 26—Костромскимъ. Проѣзжая изъ Кіева въ Кострому, преосв. Владиміръ остановился на нѣкоторое время во Владимірѣ и здѣсь 6 декабря служилъ вмѣстѣ съ Парѳеніемъ, отказавшимъ ему 11 лѣтъ тому назадъ въ настоятельскомъ мѣстѣ при соборѣ, литургію. 1842 г. нояб. 14 Владиміръ произведенъ въ архіеп. Тобольскаго. Сконч. 1845 г. мая 20 [6]).

Одновременно съ указомъ о переводѣ Алявдина въ Петербургъ получено было распоряженіе о замѣщеніи его вакансіи іеромонахомъ Саввою. *Савва* (1827 — 28), въ мірѣ Семенъ Ольхинъ, учился съ 1813 г. въ Новгородской семинаріи и довершилъ обра-

---

[1]) Изъ воспоминаній..., стр. 28-29.

[2]) Исторія Влад. дух. семинаріи, стр. 129.

[3]) Подробности этого процесса, къ сожалѣнію, неизвѣстны. О немъ К. Ѳ. Надеждинъ лишь упоминаетъ (стр. 129.), не считая удобнымъ разсказывать въ деталяхъ эту интересную исторію.

[4]) Савва. Хроника моей жизни, т. 1, стр. 118.

[5]) Арх. сем. 1827 г., № 727.

[6]) Списки архіереевъ... № 285.

зованіе въ Петербургской академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата (1823 г.) 31 іюля 1823 г. постриженъ въ монашество и назначенъ въ Петербургскую семинарію наставникомъ словесности. Дек. 4 1824 г. опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и учителемъ церковной исторіи и греческаго языка. Сент. 1 1825 г. перемѣщенъ на классъ философіи. 1 мая 1826 г. получилъ степень магистра по экзамену и по написаніи сочиненій на двѣ темы. 17 сентября 1827 г. Савва перемѣщенъ на должность инспектора во Владиміръ. Формуляръ Саввы былъ переданъ во Владимірскую семинарію съ письмомъ митр. Серафима, въ которомъ сказано было, что Савва переведенъ во Владиміръ изъ Петербурга по причинѣ суроваго климата, его слабому здоровью вреднаго [1]).—Но слабость здоровья была, кажется, не единственною причиною перевода Саввы. Въ Питерѣ имъ вообще были недовольны. Вскорѣ по пріѣздѣ Саввы во Владиміръ, здѣсь получено было предписаніе Московской академіи, въ которомъ говорилось: „При обозрѣніи С.-Петербургской семинаріи въ 1827 г. замѣчено, что бывшій инспекторъ оной и профессоръ философіи іеромонахъ Савва во всей подробности читаетъ устарѣлыя правила публичной юриспруденціи, политической экономіи, церковнаго правовѣдѣнія (которое у автора (Бауменстера) приспособлено къ протестантской церкви), вмѣсто того, чтобы усугублять занятіе въ логикѣ, естественномъ богословіи и наукѣ о должностяхъ, и что книга о поведеніи учениковъ начинается негодными поступками и въ ней изъ двухъ годовъ означено только по одному мѣсяцу". Въ виду всего этого семинарскому правленію предписано было поставить на видъ іеромонаху Саввѣ, дабы онъ въ нынѣшнихъ должностяхъ избѣгалъ прежнихъ погрѣшностей [2]).

Какъ бы то ни было, изъ Петербурга Савва ушелъ мрачно-настроеннымъ, недовольнымъ и еще до выѣзда во Владиміръ просилъ высшее начальство объ увольненіи его отъ училищной службы. Многолюдная Владимірская семинарія для слабаго здоровьемъ и склоннаго къ уединенію Саввы оказалась еще болѣе не по силамъ. Тѣ упущенія и недочеты по инспекторской части, которыя замѣтилъ ревизоръ, осматривавшій Петербургскую семинарію, повторились и во Владимірѣ. Въ концѣ декабря 1827 г. Савва, напр., доносилъ семинарскому правленію, что, по многочисленности учениковъ, имѣющихъ пребываніе въ разныхъ мѣстахъ города, онъ въ продолженіе столь короткаго времени не могъ замѣтить въ точности ихъ поведенія и донести по окончаніи мѣсяца (разум. ноября) о нихъ [3]).

---

[1]) Арх. сем. 1827 г., № 727.

[2]) Арх. сем. 1827 г., № 849.

[3]) Арх. сем. 1827 г., № 959.

Ученики полюбили Савву. Его мягкія манеры представляли рѣзкую противоположность тѣмъ педагогическимъ пріемамъ, которые были въ ходу во время Алявдина. „Худощавый, бѣлокурый, небольшого роста, симпатичной наружности, чрезвычайно скромный и, примѣтно, добрый, пишетъ С. Архангельскій, о. Савва на первыхъ порахъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе“ [1]). Но пользоваться его добротою ученикамъ долго не пришлось. Въ сент. мѣсяцѣ 1828 г. полученъ былъ указъ объ увольненіи Саввы по разстроенному здоровью отъ занимаемыхъ имъ должностей и о назначеніи ему мѣста пребыванія въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ пожелаетъ, съ оставленіемъ магистерскаго оклада [2]). „17 сент., пишетъ Архангельскій, явился къ намъ о. Савва унылый, растроганный; помолившись, сѣлъ на стулъ (каѳедры въ нашемъ отдѣленіи не было), вынулъ поллистъ, кругомъ исписанный, и дрожащимъ голосомъ прочелъ на немъ прощальную рѣчь къ намъ, — всталъ, поклонился низко на обѣ стороны сидѣвшимъ воспитанникамъ и, взволнованный, тихо вышелъ“ [3]). Рѣчь Саввы сохранена у Архангельскаго въ точности. Нѣкоторый интересъ для характеристики ея автора представляетъ начало.

„Се уже въ послѣдній разъ слышите гласъ мой; се въ послѣдній разъ бесѣдую съ вами въ родѣ наставника. Милосердіе Всевышняго зоветъ меня къ новому служенію. — Не удивляйтесь сему, для васъ нечаянному и, повидимому, необыкновенному, а для меня давно желаемому измѣненію своего жребія. Времена перемѣняются, а вмѣстѣ съ ними и мы, т. е. наши желанія, стремленія и дѣйствія. Отъ самой колыбели возлюбилъ я иноческое званіе; а промыслъ Божій различными средствами располагалъ меня къ уединенной жизни. Не буду при семъ случаѣ исчислять вамъ всѣхъ милостей, оказываемыхъ мнѣ Господомъ въ продолженіе жизни, не стану указывать на тѣ тайныя и очевидныя знаменія, многократно являемыя благодатію въ обращеніи меня отъ суетнаго сего пути ко спасенію; не дерзну раскрывать предъ вами всѣхъ трудностей и преткновеній на пути къ славѣ человѣческой, которыя мною были всегда преодолѣваемы съ великимъ насиліемъ,—равно всѣхъ болѣзней тѣлесныхъ и озлобленій, причиненныхъ несправедливою местію. Скажу только, что и самая философія, по большей части суетная въ познаніи истины, первоначально затемняла, а потомъ, по недостатку собственнаго свѣта, усиливала во мнѣ чистое желаніе работать единому Господу, узрѣть небесный свѣтъ истины Его и обрѣтать въ Немъ

---

[1]) Изъ воспоминаній... стр. 30.

[2]) Арх. сем. 1828 г., № 603.

[3]) Изъ воспоминаній... стр. 31.

единомъ наше благо, котораго ищутъ и не находятъ философы“ [1]).

По выходѣ изъ Владимірской семинаріи, Савва поступилъ, кажется, въ братство Валаамскаго монастыря.

Савву смѣнилъ *Агапитъ*, въ мірѣ Петръ Ив. Введенскій, воспитанникъ Владимірской семинаріи и магистръ Московской академіи. Мѣсто инспектора во Владимірской семинаріи предоставлено было Агапиту непосредственно по окончаніи имъ академическаго курса (31 авг. 1828 г.) и оставалось за нимъ въ теченіе 6 лѣтъ (1828—34). Питомцы Агапита сохранили о немъ благопріятныя воспоминанія. „Какъ инспекторъ, о. Агапитъ, пишетъ Архангельскій, неусыпно смотрѣлъ за поведеніемъ учениковъ, ежедневно обходилъ часть квартиръ ихъ, не оставлялъ безъ замѣчаній и выговоровъ и малыя шалости, о проступкахъ болѣе тяжкихъ доносилъ правленію семинаріи; но своеручной расправы, какъ А. (Алявдинъ), никогда не допускалъ. Воспитанники уважали его, боялись, но не были противъ него озлоблены“ [2]).

Отзывъ этотъ можетъ быть исправленъ только въ одномъ пунктѣ, именно, что въ семинарское правленіе съ докладами о предосудительныхъ поступкахъ учениковъ Агапитъ обращался сравнительно рѣдко. Его мѣсячные отчеты наполнены больше именами учениковъ, отличающихся хорошими качествами. Въ ряду проступковъ семинарской жизни особенно ненавистны были Агапиту попойки. Не любилъ онъ также франтовства; короткихъ сертуковъ Агапитъ положительно не выносилъ [3]). Матеріальныя нужды учащихся составляли для Агапита предметъ столь же близкій, какъ и ихъ нравственность. Преосв. Савва отзывается объ Агапитѣ въ этомъ отношеніи, какъ объ „попечительномъ отцѣ бѣдныхъ и сиротъ“. Иниціатива Залыбедской бурсы, по словамъ Саввы, принадлежитъ именно Агапиту. Семинарской бурсѣ онъ оказалъ на первыхъ порахъ и матеріальную поддержку изъ своихъ собственныхъ средствъ и къ этому же расположилъ Боголюбовскій монастырь, который находился подъ его управленіемъ [4]).

Такой человѣкъ не могъ не нравиться преосв. Пароенію. Когда въ 1831 г. по какимъ-то неизвѣстнымъ обстоятельствамъ Агапитъ захотѣлъ отказаться отъ инспекторской должности и просилъ оставить его при одной профессорской, Пароеній рѣшительно воспротивился этому. На докладѣ семинарскаго правленія, сообщавшемъ о прошеніи Агапита, владыка написалъ. „Отецъ ректоръ Неофитъ и отецъ инспекторъ за отличную ревность въ исполне-

---

1) Тыж., стр. 58.

2) Тыж., стр. 33—34.

3) См. Влад. Епарх. Вѣд. 1877 г., стр. 630 сл.

4) Хроника моей жизни, т. 1, стр. 93.

нии своихъ обязанностей заслуживаютъ особеннаго вниманія начальства. Отецъ инспекторъ, хотя и отказывается отъ инспекторской должности, но поелику имѣетъ помощника, болѣзни же особенной въ немъ не примѣтно, то долженъ и можетъ оставаться какъ при профессорской, такъ и при инспекторской должности"[1]). Вскорѣ послѣ перевода Агапита изъ Владимірской семинаріи въ Виѳанскую, еп. Парѳеній писалъ митр. Серафиму: „Явился къ должности изъ Курска инспекторъ на мѣсто инспектора (Агапита), взятаго въ Виѳанскую семинарію. И новый (Израиль), кажется, хорошъ; а тотъ рабъ Божій воистинну Израильтянинъ; младенецъ по чувствамъ въ новой жизни"[2]).

Кромѣ инспекторскихъ обязанностей, Агапитъ, согласно принятой практикѣ, исполнялъ должность профессора философскихъ наукъ въ среднемъ отдѣленіи. „Для преподаванія философіи, читаемъ въ воспоминаніяхъ Архангельскаго, о. Агапитъ не взялъ въ руководство Баумейстера, какъ дѣлалъ товарищъ его во 2 отдѣленіи Лебедевъ, а для каждаго урока ежедневно давалъ свои записки, частію на русскомъ, частію на латинскомъ языкѣ. Это нѣсколько облегчало воспитанниковъ, плохо знавшихъ языкъ латинскій. До прихода наставника въ классъ, съ записки его, подъ диктовку старшаго ученика класса, мы писали урокъ къ слѣдовавшему дню: наставникъ являлся и списанный нами урокъ объяснялъ два, три раза, чтобы всѣ могли усвоить оный; объясненія дѣлалъ просто, вразумительно даже и для туго воспріимчивыхъ. Въ чьей головѣ рождались какія-либо недоумѣнія, тотъ свободно вставалъ и просилъ разрѣшенія недоумѣній; наставникъ удовлетворялъ вопрошавшихъ, видимо довольный, что лекціи его не бьютъ воздухъ, а попадаютъ прямо на мозги. Рѣчь о. Агапита не была блестяща, не отличалась эффектаціей, но богата истиною и пропитана духомъ христіанскимъ... Прилежные и болѣе даровитые ученики ..., пользуясь добротою наставника, предлагали ему вопросъ за вопросомъ, и онъ не затруднялся и не тяготился давать успокоительные отвѣты искателямъ истины"[3]).

7 февраля 1834 г. Агапитъ назначенъ былъ ректоромъ Виѳанской семинаріи; отсюда въ 1839 г. настоятелемъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря. Въ 1842 г. по прошенію уволенъ отъ училищной службы въ Іосифо-Волоколамскій монастырь, вслѣдствіе стремленія къ уединенію и столкновенія съ Москвичами[4]). Въ 1850 г. митроп. Филаретъ писалъ объ Агапитѣ: „Изъ моихъ можно бы

---

[1]) Арх. сем. 1831 г., № 317.
[2]) 1834 г. 15 апр. Влад. Епарх. Вѣдом. 1878 г., стр. 619.
[3]) Стр. 32.
[4]) Влад. Епарх. Вѣдом. 1877 г., стр. 630 сл.

представить (въ настоятели Донского монастыря) Агапита, Іосифовскаго архимандрита, бывшаго Виоанскаго ректора; но онъ не обѣщаетъ быть довольно благовиднымъ въ обращеніи съ знатными посѣтителями Донского, которые многочисленны ради монастыря и ради кладбища въ немъ"[1]. Въ слѣдующемъ году Агапитъ назначенъ былъ настоятелемъ Московскаго Новоспасскаго монастыря, гдѣ и скончался 28 мая 1874 г.

Израиль (Лукинъ) (1834—35). Обучался въ Орловской семинаріи. 1821 г. отправленъ въ Кіевскую академію. 4 дек. 1825 г. опредѣленъ учителемъ словесности Курской семинаріи. 1827 г. возведенъ на степень магистра. Ноября 21 1831 г. постриженъ въ монашество, а 6 февр. 1832 г. утвержденъ инспекторомъ Курской семинаріи. Ноября 13 того же года опредѣленъ профессоромъ философіи; 21 ноября 1833 г.—богословія. Предписаніемъ Кіевскаго академ. правленія 10 февр. 1834 г. назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи во Владимірскую семинарію[2]. Въ томъ же году Израилю поручено было семинарскимъ правленіемъ обревизовать Шуйскія дух. училища. Преосв. Савва, который въ то время учился въ Шуѣ, передаетъ свои впечатлѣнія по поводу этой ревизіи такъ: „Мы увидѣли предъ собою молодого іеромонаха съ магистерскимъ крестомъ на золотой цѣпочкѣ, невысокаго роста, съ свѣтлорусыми волосами на головѣ и бородѣ, съ живыми глазами и громкимъ тенористымъ голосомъ. По прочтеніи молитвы и по пропѣтіи обычнаго въ то время: „Salutamus", ревизоръ сѣлъ въ кресло, пригласивъ сѣсть и смотрителя, но учителей не удостоилъ этой чести: они стояли, прислонившись къ партамъ"[3].

Классъ философіи за Израилемъ числился во Владимірской семинаріи недолго. Вскорѣ ему передано было преподаваніе богословія въ высшемъ 2 отд. Преподавалъ Израиль блестяще. При своихъ отличныхъ дарованіяхъ и счастливомъ дарѣ слова, онъ, естественно, затмилъ ректора и привлекъ къ себѣ вниманіе и расположеніе учениковъ. О его дѣятельности, какъ инспектора, неизвѣстно ничего. Да, вѣроятно, и сдѣлать что-нибудь особенное по этой части онъ не могъ, такъ какъ оставался во Владимірской семинаріи слишкомъ мало.

25 августа 1835 года Израиль утвержденъ былъ ректоромъ Калужской семинаріи; 1843 г. мая 3—ркт. Курской семинаріи,

---

[1] Письмо митр. Филарета къ Григорію Казанскому отъ 20 іюля 1850 г, Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1877 г., дек. Объ Агапитѣ см. также Исторію Московск. акад. Смирнова, стр. 453 и Списки начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Виоанской семинаріи. 1898, стр. 13—14.

[2] Арх. сем. 1834 г., формулярный списокъ Израиля.

[3] Хроника моей жизни, т. 1, стр. 77.

іюля 25 1845 г.—Херсонской, 1848 г. апрѣля 22—Харьковской, 1851 г. іюля 27—Тифлисской. 1858 г. мая 2 назначенъ ректоромъ Кіевской академіи; 1859 г. ноября 16—еп. Винницкимъ; 1861 г. марта 25, съ упраздненіемъ викаріатства, оставленъ настоятелемъ Шаргород. Николаевскаго монастыря Подольской еп. Скончался 11 октября 1864 года[1]).

1 ноября 1835 г. преосв. Пареенiй писалъ Серафиму: „Изъ Владиміра взяли инспектора въ Калугу въ ректоры; стоитъ того. Даютъ намъ, какъ говорятъ, магистра іеромонаха — владимірца. Дай Богъ, что-бы былъ не просто хорошъ, а очень хорошъ“ [2]).— Слухи, достигшіе до преосв. Пареенія, дѣйствительно, оправдались, но пожеланія и надежды, къ сожалѣнію, остались тщетными.

Прибывшій на мѣсто Израиля іеромонахъ *Митрофанъ* (1835—39) въ мірѣ именовался Ив. Мих. Добронадеждинымъ. Изъ высшаго отдѣленія Владимірской семинаріи Добронадеждинъ въ 1831 году поступилъ въ Петербургскую академію. 1833 г. постриженъ въ монашество; 1835 г. утвержденъ магистромъ и назначенъ во Владиміръ. Первые шаги его на новомъ поприщѣ снискали ему благорасположеніе. „Молодой, очень красивый собой, пишетъ о немъ Савва, съ свѣтлымъ умомъ и добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, онъ появленіемъ своимъ произвелъ на насъ самое благопріятное впечатлѣніе“ [3]). Къ сожалѣнію, вскорѣ обнаружился за нимъ существенный недостатокъ, который дѣлалъ его пребываніе на инспекторскомъ мѣстѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неудобнымъ. Еще до поступленія въ Петербургскую академію онъ имѣлъ во Владимірѣ нѣсколько нехорошихъ и недобрыхъ знакомствъ. По возвращеніи изъ Петербурга, Митрофанъ, не смотря на свой монашескій санъ, возобновилъ свои прежнія связи. И эти связи погубили его безвозвратно.

1838 года 20 декабря Пареенiй писалъ къ митрополиту Филарету: „Къ сожалѣнію инспекторъ семинаріи іеромонахъ Митрофанъ сталъ подвергаться слабости невоздержанія. Покаялся, что разстроилъ себя въ Питерѣ знакомствомъ съ купцами. Наблюдаю—хуже словно, не знаю, что впередъ“ [4]). Впереди измѣненій не послѣдовало. Въ слѣдующемъ письмѣ, написанномъ въ мартѣ 1839 г., читаемъ: „Не знаю, что дѣлать съ инспекторомъ семи-

---

[1]) Изъ сочиненій Израиля можно указать: 1) Слова и бесѣды въ двухъ томахъ. 2) Обозрѣніе ложныхъ религій: языческой, ново-іудейской и магометанской.

[2]) Влад. Епарх. Вѣд. 1878 г., стр. 640.

[3]) Хроника моей жизни, т. 1, стр. 105.

[4]) Влад. Епарх. Вѣдом. 1880 г., стр. 427—28.

наріи? Недугъ невоздержанія доселѣ его не оставляетъ. Борется, но часто побораетсяˮ [1]).

Наконецъ, дѣло дошло до печальныхъ послѣдствій. Однажды ночью, возвращаясь изъ гостей въ нетрезвомъ видѣ съ однимъ изъ наставниковъ, Митрофанъ началъ дебоширить на улицѣ. Полиція, подоспѣвшая на шумъ, наставника забрала въ часть, а съ Митрофана сорвала рясу. На другой день скандалъ огласился по городу, и еп. Парѳеній вынужденъ былъ донести о случившемся до свѣдѣнія высшаго начальства. 22 мая 1839 г. послѣдовало распоряженіе объ увольненіи Митрофана отъ должности съ оставленіемъ ему магистерскаго оклада. Семинарскому правленію дано внушеніе внимательнѣе надзирать за исправностью начальниковъ и наставниковъ семинаріи и, въ случаѣ упущеній съ ихъ стороны, подобныхъ тѣмъ, какія допущены въ іеромонахѣ Митрофанѣ, немедленно доносить въ академическое правленіе [2]). Митрофана сослали въ число братства Переславскаго Данилова монастыря. Но и здѣсь онъ недолго былъ. Изъ Данилова монастыря его вскорѣ перевели въ Южскую Дорофееву пустынь Ярославской губ. Въ Южской пустынѣ Митрофанъ и нашелъ себѣ безвременную и печальную кончину. „Кто-то мнѣ разсказывалъ, говоритъ преосв. Савва, что о. Митрофанъ, отлучившись разъ, въ зимнее время, изъ пустыни, болѣе въ нее не возвращался, и только уже весною найденъ былъ на полѣ или въ лѣсу съ выклеванными глазамиˮ [3]).

Экономы. Ректоры и инспекторы по уставу семинаріи были непремѣнными членами семинарскаго правленія. Кромѣ ихъ, въ составъ правленія входилъ еще экономъ, должность котораго вслѣдствіе этого пріобрѣтала важное значеніе. По уставу онъ утверждался епархіальнымъ архіереемъ изъ профессоровъ или монашествующихъ [4]).

Первымъ по счету экономомъ послѣ реформы былъ *Аркадій* (впослѣдствіи архіеп. Олонецкій), въ то время строитель Солбинской Николаевской пустыни [5]). Утвержденіе его въ экономской должности состоялось 5 ноября 1814 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣленъ былъ учителемъ французскаго языка и библіотекаремъ. Въ помощники ему по части экономическаго управленія назначенъ былъ учитель Владимірскаго училища Стефанъ Знаменскій [6]). Именно, Знаменскій утвержденъ былъ въ званіи „исполнителя по экономіиˮ; вѣдѣнію его, какъ живущаго на семинар-

---

1) Тамъ же, стр. 428.
2) Арх. сем. 1839 г., № 162.
3) Хроника моей жизни, стр. 145.
4) Отд. I, гл. I, 22.
5) См. I выпускъ, стр. 208—209.
6) См. выпускъ I-й, стр. 209.

скомъ дворѣ, ввѣренъ былъ надзоръ за находящимися на Богородицкомъ монастырѣ семинарскими домами [1]).—23 дек. 1814 года Аркадій занялъ мѣсто смотрителя Владимірскихъ училищъ; изъ прежнихъ должностей онъ оставилъ за собою лишь должность библіотекаря.

Іеромонахъ *Никодимъ*, въ мірѣ Николай Андр. Быстрицкій (1815—16). По окончаніи курса во Владимірской семинаріи въ 1808 г., 21 сентября того же года назначенъ учителемъ Переславскаго училища; 11 января 1811 г. переведенъ въ Суздальское, 19 дек. 1814 г. постриженъ, 5 января 1815 г.—іеромонахъ, а 25—экономъ семинаріи [2]). Экономское мѣсто Никодимъ занялъ въ трудную минуту. Близилась ревизія Филарета, надобно было показать семинарію въ нѣсколько приличномъ видѣ, а между тѣмъ накопившаяся лѣтами грязь и нечистота дѣлали эту задачу трудно выполнимой. Въ самый день прибытія Филарета во Владиміръ Никодимъ растерялся до такой степени, что полами своей рясы помогалъ служителямъ мести семинарскій дворъ. „Что вы дѣлаете?“ усмѣхаясь, спрашивали его семинаристы. „Полноте, полноте! Скорѣе надо мести... Ревизоръ!“ [3])—Филарету понравился Никодимъ. „Экономъ, іеромонахъ Никодимъ, написалъ Филаретъ въ своемъ отчетѣ, способенъ и приleженъ, нрава кроткаго и готоваго къ послушаніямъ. Жаль, что, бывъ около 7 лѣтъ учителемъ, онъ не имѣетъ нынѣ учительскаго мѣста, гдѣ способности его получили бы болѣе соотвѣтственную имъ дѣятельность“ [4]). Послѣ такого отзыва Никодимъ сталъ быстро возвышаться. 1816 г., съ открытіемъ Муромскихъ духовныхъ училищъ, онъ назначенъ былъ ихъ смотрителемъ. 25 декабря 1820 г. Никодимъ опредѣленъ игуменомъ Благовѣщенскаго Муромскаго монастыря; 16 февраля 1825 года — архимандритомъ Боголюбова монастыря; 23 декабря 1827 г.—настоятелемъ Московскаго Златоустов. монастыря; 16 іюня 1828—Богоявленскаго. Іюня 22 того же года Никодиму повелѣно быть епископомъ Орловскимъ. Скончался 30 дек. 1839 г. [5]).

Петръ Туберовскій (1817—22), совмѣстившій обязанности профессора и эконома; о немъ будетъ сказано ниже.

Михаилъ Пѣвницкій (1822—28)—тоже.

Іеромонахъ *Варсонофій* (1828—29) былъ экономомъ недолго; въ февралѣ 1829 года перешелъ во Флорищеву пустынь казначеемъ [6]).

---

[1]) Арх. сем. 1814 г., кн. 2, № 25.
[2]) Арх. сем. 1815 г., № 40.
[3]) Исторія Надеждина, стр. 133—34.
[4]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 296.
[5]) Списки архіереевъ... № 262.
[6]) Арх. сем. 1829 г., № 110.

Варсонофія смѣнилъ священникъ Богородицкой семинарской церкви *Іоаннъ Фліоринскій* (1829—32), котораго назначили впредь до пріисканія кого-нибудь изъ монашествующихъ [1]).

Такой монашествующій найденъ былъ въ 1832 году въ лицѣ вдоваго священника Якова Яковлева, не обучавшагося въ семинаріи. По постриженіи въ монашество, онъ носилъ имя *Иларія* (1832—35). 1 февраля 1835 г. Иларій уволенъ отъ экономской должности въ число братства Троицкія Сергіевы лавры [2]).

Іеромонахъ *Никонъ* (1835—38), въ мірѣ Николай Вас. Константиновскій. По окончаніи богословскаго курса во Владимірской семинаріи въ 1808 году, посвященъ къ Переславской Успенской церкви во священника, 1812 г.—переведенъ къ Духовской; 1833—уволенъ за штатъ; 1834 г.—постриженъ въ монашество въ Рождественской церкви архіерейскаго дома. 1835—экономъ семинаріи. Въ 1838 году Никонъ уволился отъ этой должности вслѣдствіе болѣзни [3]).

Меѳодій (1838—40) изъ іеромонаховъ Боголюбова монастыря. Въ 1840 г. вышелъ изъ семинаріи, за назначеніемъ казначеемъ въ Даниловъ монастырь [4]).

Насколько можно видѣть изъ приведеннаго перечня, экономы семинаріи назначались большею частью изъ лицъ монашествующихъ, при чемъ не всѣ изъ нихъ получили даже среднее образованіе. Вслѣдствіе этого на практикѣ значеніе эконома сильно сепонизилось въ сравненіи съ тѣмъ, что предполагалъ уставъ семинаріи. О полноправномъ участіи его въ дѣлахъ семинарскаго правленія не могло быть и рѣчи. Онъ являлся лишь исполнителемъ порученій ректора и инспектора. Въ 1833 г. семинарское правленіе, имѣя въ виду, что, проходившій въ то время экономскую должность іеромонахъ Иларій не имѣлъ никакой ученой степени и, слѣдовательно, не могъ участвовать въ дѣлахъ правленія, относящихся къ учебной части, опредѣлило третьимъ членомъ правленія учителя философіи, помощника инспектора Егора Борисоглѣбскаго. Академическое правленіе, когда ему донесено было объ этомъ, нашло такое распоряженіе семинарскаго правленія несогласнымъ съ прямымъ смысломъ училищныхъ уставовъ и распорядилось объ отмѣнѣ его. Семинарскому правленію, впрочемъ, дозволено было сдѣлать положеніе о томъ, „чтобы означенный учитель замѣнялъ третьяго члена правленія, а потому являлся бы въ оное по опредѣленнымъ днямъ для разсужденія по дѣламъ,

---

1) Арх. сем. 1829 г., № 123.
2) Арх. сем. 1835 г., аттестатъ Иларія.
3) Тамъ же, формуляръ Никона.
4) Арх. сем. 1840 г., № 14.

относящимся къ учебной части, пока нынѣшній экономъ, не имѣющій ученой степени, будетъ находиться въ сей должности" [1]).

Наставники. Наставники назначались обыкновенно Московскимъ академическимъ правленіемъ. Имѣвшіе степень магистра (соотвѣтствующую нынѣшней магистранта) носили титулъ профессора [2]), не имѣвшіе — учителя. Преимущество при замѣщеніи преподавательскихъ мѣстъ отдавалось, понятно, лицамъ священническаго званія или тѣмъ, которые изъявили согласіе принять священный санъ. Но, такъ какъ въ составѣ преподавателей всегда были и такіе, которые не давали согласія на принятіе священнаго сана, или не могли дать его, то справедливость требовала подумать объ обезпеченіи правъ и такого рода лицъ. Въ 1817 г. Св. Синодъ ходатайствовалъ предъ императоромъ о дарованіи „приличествующихъ служебныхъ правъ и преимуществъ лицамъ, находящимся на духовно-училищной службѣ". Въ томъ же году во Владимірскую семинарію прислана была копія съ опредѣленія Коммиссіи духовныхъ училищъ, по которому не духовныя лица ученаго званія, учащія при духовныхъ училищахъ, могли быть производимы въ гражданскіе чины, присвоенные кандидатамъ, магистрамъ и адъюнктамъ гимназій, именно кандидатъ—въ чинъ XII класса, магистръ—IX, докторъ—VIII [3]). Свѣтскіе наставники семинаріи, не изъявившіе согласія оставаться въ духовномъ званіи, сдѣлались, такимъ образомъ, гражданскими чиновниками. Привилегія эта имѣла въ свое время громадное значеніе: она подняла самосознаніе семинарскихъ преподавателей, дала имъ льготы при переходѣ на другую службу и ограждала ихъ отъ обидъ и оскорбленій при столкновеніяхъ съ людьми необразованными, но кичащимися своими служебными правами. Вотъ, напр., инцидентъ, относящійся къ 1819 г., выхваченный прямо изъ жизни, въ которомъ профессору семинаріи пришлось напомнить другимъ о своемъ служебномъ рангѣ.

„Минувшаго августа, 30 числа, докладывалъ семинарскому правленію профессоръ Ильинскій [4]), въ исходѣ 10 часа вечера, у занимаемаго свѣтскими Владимірской семинаріи профессорами дома случилось и на другой день въ 9-мъ часу утра донесено отъ меня Его Преосвященству слѣдующее. Изъ мимоходящихъ къ Ивановскому мосту неизвѣстные мнѣ люди, желая-ли болѣе раздразнить

---

[1]) Арх. сем. 1833 г., № 1005.

[2]) Впрочемъ, въ началѣ этого періода званіе профессора давалось и безъ степени магистра, за ученыя занятія.

[3]) Арх. сем. 1817 г., № 482.

[4]) Въ виду бытового интереса докладъ Ильинскаго приводится почти дословно.

собаку, лающую внутри двора у калитки, что на Большую улицу, или по другимъ какимъ причинамъ, начали, чѣмъ попало, и стучать, и бросать какъ въ самую калитку, такъ и въ смежный съ оною заборъ. Находясь въ ближайшей къ калиткѣ комнатѣ верхняго этажа дома и слыша сіе, яко живущій въ семъ казенномъ домѣ и за отсутствіемъ эконома семинаріи, въ семъ же домѣ живущаго, въ ономъ яко хозяйствующій,—велѣлъ семинарскому сторожу, жившему при мнѣ въ вакаціальное время, выйти къ калиткѣ, а самъ, подойдя къ ближайшему окну и повторяя приказаніе сторожу, отворилъ оное и смотрѣлъ, чтобы кто изъ дебоширствующихъ его не обидѣлъ. Въ сію самую минуту около дома, отъ Ивановскаго моста вверхъ, шелъ съ примѣтною торопливостію человѣкъ, показавшійся мнѣ по одеждѣ какимъ-нибудь изъ господскихъ людей мастеровымъ и отвернувшимся отъ тѣхъ, кои дебоширствовали. Проходящій по Ивановскому мосту около дома неизвѣстный чиновникъ,—можетъ быть слыша слова мои, кои говорилъ я сторожу при открытіи окна—остановилъ онаго попавшагося ему на встрѣчу человѣка и спросилъ: „что онъ за человѣкъ?“ Сей послѣдній съ грубостью отвѣчалъ: „тебѣ какое до меня дѣло“. Слыша слова сіи, спрашивающему, почетши его за полицейскаго чиновника, учтивымъ образомъ я сказалъ: „Государь мой! удержите сего человѣка; сойду и я посмотрю на него“; и поспѣшилъ къ упомянутой калиткѣ. При выходѣ въ калитку увидѣлъ токмо здѣшняго гарнизоннаго баталіона г. офицера, котораго прежде почелъ я за полицейскаго чиновника, и спросилъ его: „гдѣ тотъ человѣкъ, котораго я просилъ удержать?“ Г. офицеръ мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ у него вырвался и ушелъ впередъ къ Ивановскому мосту. Поелику же при иллюминаціи удобно было различить проходящихъ, я спросилъ г. офицера: „который именно этотъ человѣкъ?“ Онъ сверхъ словеснаго объясненія показалъ мнѣ его знаками, по коимъ, обшедши здѣшняго купецкаго сына Михаила Зубкова, я и настигъ онаго поспѣшно идущаго неизвѣстнаго человѣка. На вопросъ, кто онъ таковъ, онъ отвѣтствовалъ, какъ и прежде г. офицеру, съ грубостью: „ты что за спросъ и какое тебѣ до меня дѣло?“ Я сказалъ что заставило меня спросить его. Между тѣмъ подошелъ съ нимъ къ Доронину дому, чтобы удобнѣе при свѣтѣ отъ иллюминаціи разсмотрѣть его, и снова спросилъ его: „кто онъ таковъ?“ Онъ отвѣтствовалъ, что прохаживающійся губернскій секретарь. Поелику же онъ былъ въ кучерскомъ армякѣ, даже безъ косынки и жилета, на головѣ имѣлъ странную лакейскую шапченку и сказался, что квартиру имѣетъ за Ивановскимъ мостомъ, я замѣтилъ, что губернскому секретарю въ такомъ одѣяніи, такъ далеко отъ квартиры и по Большой улицѣ, а паче въ высокоторжественный день и при иллюминаціи, ходить

неприлично и что его въ такой одеждѣ скорѣе можно почесть какимъ-нибудь мастеровымъ, нежели чиновникомъ. Въ эту самую минуту подошелъ и г. офицеръ, который также не преминулъ замѣтить назвавшемуся секретаремъ какъ о неприличіи одежды, такъ и о томъ, что чрезъ сіе одно онъ можетъ подпасть подозрѣнію. Подозрѣваемый устремился на г. офицера, называя его по имени и отчеству и, кажется, по фамиліи; угрожалъ ему его начальникомъ, котораго также называлъ по имени и отчеству и которому на другой день хотѣлъ на него г. офицера жаловаться; сверхъ того требовалъ отъ г. офицера, чтобы онъ не мѣшался въ наше дѣло, говоря, что онъ пьянъ. Слыша сіе, я замѣтилъ назвавшемуся секретаремъ, что такъ жестко обходясь съ г. офицеромъ, онъ выходитъ изъ границъ благопристойности и скромности. Тогда, когда сіе я говорилъ, г. офицеръ, сказавъ что-то за себя въ отвѣтъ, нѣсколько устранился. Назвавшійся секретаремъ, при окончаніи послѣдняго со стороны моей замѣчанія, изъяснясь, что онъ себя знаетъ, также хотѣлъ итти; но я остановилъ его, дабы вѣрно узнать, съ кѣмъ именно разговариваю, съ чиновникомъ-ли или съ кѣмъ другимъ, прикрывающимъ себя названіемъ губернскаго секретаря. Здѣсь назвавшійся секретаремъ, кажется, забылъ все и, подобно какъ прежде на г. офицера, устремился на меня со словами: „ты какъ можешь меня останавливать? я офицеръ!“ Я сказалъ ему: „дѣло не о чинахъ; я, можетъ быть, буду и штабъ-офицеръ“. Онъ, прервавъ слова сіи, продолжалъ: „ты не имѣешь и званія офицерскаго“. „Если точно, сказалъ я, ты губернскій секретарь, стыдно тебѣ не знать постановленій и правъ, дарованныхъ служащимъ при духовныхъ училищахъ“. Далѣе, имѣвъ въ виду привести назвавшагося секретаремъ въ самочувствіе и ослабить предъ стекшимися на нашъ разговоръ сказанное имъ въ униженіе меня,—я сказалъ: „если бы и не состоялъ я ни въ какомъ классѣ, то и тогда не слѣдовало-бы тебѣ такъ обидно и грубо говорить со мною. Со мною лучшіе тебя обходятся, какъ съ благороднымъ, извѣстнымъ и въ обществѣ принятымъ человѣкомъ“. Потомъ снова спросилъ я именовавшагося губернскимъ секретаремъ: „кто онъ?“ Изъ предстоящихъ кто-то сказалъ: „это губернскій секретарь Златоустовскій“. Слыша сіе, замѣтилъ я ему, что предшественники его г. Никулинъ и Требиновъ такъ унизительно для ихъ званія не поступали. Послѣ сего, поелику не былъ еще увѣренъ, что ведущій со мною разговоръ есть губернскій секретарь, и поелику Златоустовскихъ два брата, я спросилъ его: „гдѣ служишь?“ Онъ отвѣтствовалъ — во Владимірѣ. „Въ какомъ именно мѣстѣ?“ На сей вопросъ тоже отвѣтствовалъ, то есть, во Владимірѣ. Видя, что назвавшійся секретаремъ продолжаетъ грубости и не чувствуетъ, что съ нимъ говорятъ, не хотя его обидѣть, я

сказалъ ему: „мѣсто не краситъ человѣка, ты собою лучше всего доказываешь“. Наконецъ, дабы показать, что истинно не хотѣлъ я его ни стыдить, ни обидѣть, — сказалъ ему: „искать, гдѣ ты служишь, не хочу; за обидный отзывъ твой о мнѣ не вяжусь, ибо считаю его за ничто; кто ты, я теперь знаю, поди. Но поелику ты такъ много нашумѣлъ, не имѣя къ тому довольной причины, то завтра не премину довести о семъ до свѣдѣнія моего начальника—Преосвященнѣйшаго, а, можетъ быть, дойдетъ сіе и до твоего“.—Вотъ все, что Златоустовскому въ общемъ разговорѣ со стороны моей говорено было! Ругать же его Златоустовскаго—не ругалъ и словъ скверныхъ, укорительныхъ, скаредныхъ и похабныхъ никакихъ не употреблялъ“ [1]).

1820 г. 9 сентября былъ, наконецъ, Высочайше утвержденъ особый докладъ Коммиссіи духовныхъ училищъ о правахъ, служащихъ по духовно-учебной службѣ. Въ немъ значилось:

§ 7. Магистръ, опредѣленный въ училищную службу при семинаріи, именуется профессоромъ, и по самой степени магистра, состоя въ IX классѣ, получаетъ слѣдующій чинъ VIII класса, по выслугѣ 6 лѣтъ съ одобреніемъ.

§ 9. Учители (т. е. не имѣющіе степени магистра) изъ кандидатовъ состоятъ въ IX классѣ, а изъ студентовъ въ X, но утверждаются въ оныхъ классахъ не прежде, какъ выслуживъ 4 года съ одобреніемъ.

§ 10. Таковые учители, продолжая службу въ семъ званіи, а иногда по особеннымъ уваженіямъ получая и званіе профессоровъ, имѣютъ 2 года старшинства въ классахъ и производятся въ дальнѣйшіе чины на общихъ правилахъ гражд. службы [2]).

Въ 1834 г. состоялось положеніе о гражданскихъ мундирахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1835 года во Владимірской семинаріи получено было предписаніе Коммиссіи духовныхъ училищъ, по которому наставникамъ, имѣющимъ гражданскіе чины (не изъявившимъ согласія принять священный санъ), предоставлялось право ношенія гражданскихъ мундировъ; наставникамъ, давшимъ обязательство поступить въ духовное званіе, дозволялось „для соблюденія единообразія въ одеждѣ употреблять присвоенные вообще Синодальному вѣдомству мундирные фраки съ бархатными воротниками“ [3]).

Указомъ Синода отъ 31 декабря 1839 г. должностныя лица свѣтскаго званія, состоящія на духовно-учебной службѣ, сравнены были съ наставниками по вѣдомству министерства народнаго про-

---

[1]) Арх. сем. 1819 г., № 320. Докладъ поданъ Ильинскимъ вслѣдствіе резолюціи Ксенофонта, послѣдовавшей на прошеніе Златоустовскаго.

[2]) Арх. сем. 1821 г., № 53.

[3]) Арх. сем. 1835 г., № 155.

свѣщенія и въ томъ отношеніи, что разрѣшено было производить ихъ не однимъ только, но тремя чинами выше класса, присвоеннаго занимаемой имъ должности [1]).

Какъ свѣтскіе чиновники, преподаватели семинаріи (не изъявившіе согласія вступить въ духовное званіе), естественно, подчинялись всѣмъ тѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ, которыя относились къ чиновникамъ. Въ 1837 г. они расписывались, напр., въ чтеніи указа о неношеніи ни усовъ, ни бороды. „Государь Императоръ, говорилось въ этомъ указѣ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражая французскимъ модамъ Его Императорское Величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и вслѣдствіе сего Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру“ [2]).

Главная обязанность наставниковъ заключалась въ преподаваніи ввѣренныхъ имъ предметовъ и воспитательномъ надзорѣ за учениками. Но кромѣ этого, они обязаны были произносить проповѣди въ праздничные дни въ назначенныхъ для того церквахъ. Росписаніе проповѣдей составлялось въ началѣ года. Проповѣди прежде произношенія рецензировались преосв. владыкою.

Приводимый ниже списокъ наставниковъ Владимірской семинаріи составленъ соотвѣтственно времени поступленія ихъ въ семинарію. Было бы болѣе желательнымъ, конечно, дать списокъ, въ которомъ бы наставники были распредѣлены по каѳедрамъ. Но къ сожалѣнію, это невозможно—во первыхъ, потому, что наставники очень часто переходили съ одного предмета на другой, а во вторыхъ, что однимъ и тѣмъ же наставникомъ часто читались предметы совершенно разнородные.

Въ день своего открытія преобразованная Владимірская семинарія въ числѣ своихъ наставниковъ считала слѣдующихъ лицъ: учителя еврейскаго и нѣмецкаго языка священника Ивана Савелова,—французскаго языка свящ. Ивана Алякринскаго, профессора церковной исторіи и греческаго языка Петра Подлипскаго, профессора словесности и всеобщей исторіи Петра Туберовскаго и профессора физики и математики Алексѣя Ильинскаго.

О священникѣ *Иванѣ Ефимовичѣ Савеловѣ* (1809—20 гг.)

---

1) Арх. сем. 1840 г., № 1.

2) Арх. сем. 1837 г., дѣло № 93.

уже говорилось раньше [1]). Въ преобразованной семинаріи онъ послужилъ немного. Филаретъ, ревизовавшій семинарію въ 1815 г., не далъ о Савеловѣ въ сущности никакого отзыва. „Учитель священникъ Иванъ Савеловъ, донесъ Филаретъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, способенъ-ли и прилеженъ ли утвердить трудно, потому что испытаніе въ еврейскомъ и нѣмецкомъ языкѣ было самое краткое, такъ какъ въ первомъ изъ сихъ предметовъ по малому числу часовъ учебныхъ сдѣланы малые успѣхи, а въ послѣднемъ обозрѣвающій мало свѣдущъ“ [2]). Но, если бы испытанія продолжились больше, то ревизоръ едва-ли бы похвалилъ Савелова. Предметы, назначенные ему для чтенія, разсматривались, какъ второстепенные, неважные; содержаніе онъ получалъ самое ограниченное (350 руб. въ годъ);—а такимъ качествомъ, какъ прилежаніе къ учебной службѣ, онъ, при всей своей талантливости и даровитости, не отличался и въ прежнее время. Послѣ ревизіи Кутневича въ 1820 г. Савеловъ былъ уволенъ отъ должности въ силу предписанія правленія Московской академіи. Состоялъ на семинарской службѣ по 6 окт. 1820 г. [3]).

Священникъ *Иванъ Александровичъ Алякринскій* (1813—20 г.), какъ и Савеловъ, служилъ во Владимірской семинаріи еще до преобразованія ея [4]). По преобразованіи, ему поручено преподаваніе французскаго языка съ жалованьемъ за это 200 рублей въ годъ. Съ священническаго мѣста, на которомъ онъ числился (въ с. Ставровѣ), Алякринскій получалъ не болѣе 150 руб. въ годъ, при чемъ, какъ замѣтилъ Филаретъ, къ своему мѣсту даже не смѣлъ и являться, дабы отправляющій его должность не сдѣлалъ вычета изъ сей уговоренной суммы. Казенной квартиры ему, какъ и Савелову, не полагалось. Какимъ образомъ Алякринскій существовалъ при такихъ условіяхъ, сказать трудно. Къ счастью, Филаретъ обратилъ вниманіе на его бѣдственную участь и донесъ объ условіяхъ его матеріальнаго быта въ Коммиссію дух. училищъ. „Оставить ихъ (т. е. Алякринскаго и Савелова, хотя Савеловъ получалъ нѣсколько больше) безъ одобренія, писалъ Филаретъ, значитъ оставить ихъ мѣста безъ преемниковъ“. Объ учебныхъ трудахъ Алякринскаго Филаретъ не сказалъ тоже ничего дурного („способенъ и, кажется, прилеженъ“). Послѣ ревизіи Коммиссія духовныхъ училищъ распорядилась производить ежегодно на наемъ квартиры Алякринскому и Савелову по 150 рублей [5]).

---

1) Выпускъ 1, стр. 209—10.
2) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. 1, стр. 297.
3) Арх. сем. 1820 г., № 386.
4) Выпускъ 1, стр. 211—12.
5) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, стр. 236. 276.

Кромѣ французскаго языка Алякринскому въ 1815 г. дали читать греческій въ философскомъ отдѣленіи, но содержанія не увеличили [1]). Ревизія Кутневича сдѣлалась роковою и для Алякринскаго. Онъ уволенъ былъ отъ училищной службы одновременно съ Савеловымъ. Положеніе изгоняемыхъ было критическое. При скудости окладовъ, которые платили имъ въ семинаріи за труды, они не имѣли въ своемъ распоряженіи средствъ даже для выѣзда изъ Владиміра. Семинарское правленіе изъ сочувствія назначило каждому по 150 р. единовременнаго вспомоществованія [2]). Алякринскій выѣхалъ въ с. Кохму, Шуйск. уѣзда, куда онъ былъ переведенъ изъ Ставрова въ 1818 г. и гдѣ вскорѣ померъ (1824), а Савеловъ въ Судогду къ собору, гдѣ скончался протоіереемъ 27 декабря 1847 года.

Петръ Өеодоровичъ Туберовскій (1814—22 г.). Съ 1800—1808 обучался во Владимірской семинаріи. 1808 г. поступилъ въ Петербургскую академію, которую окончилъ со степенью кандидата. Ревизоръ Филаретъ написалъ о Туберовскомъ: „Способенъ и прилеженъ. Могъ бы достигнуть большихъ успѣховъ, если бы не былъ обремененъ множествомъ учениковъ, изъ которыхъ многіе не имѣли потребной степени образованія предварительнаго, и воспрепятствованъ слабостью здоровья“ [3]). 1817 г. Туберовскій утвержденъ экономомъ семинаріи, а въ 1822 г. вышелъ по собственному желанію на гражданскую службу. Въ 1831 г. мы видимъ его служащимъ по министерству финансовъ въ департаментѣ внѣшней торговли.

Алексѣй Никаноровичъ Ильинскій (1814—1822 г.). Съ 1800 по 1808 обучался въ Орловской семинаріи. Въ исходѣ 1808 года поступилъ въ Петербургскую академію; курсъ окончилъ со степенью кандидата. 13 августа 1814 г. назначенъ во Владимірскую семинарію профессоромъ математики. 4 ноября того же года утвержденъ секретаремъ семинарскаго правленія. Ревизоръ Филаретъ отзывался объ Ильинскомъ, какъ о способномъ и прилежномъ, въ должности секретаря терпѣливо дѣятельномъ [4]). Секретарская должность во времена Ильинскаго требовала, дѣйствительно, терпѣливой дѣятельности. Надобно было упорядочивать и старыя бумаги, валявшіяся разрозненно, безъ описей, и въ то же время вырабатывать образчики новыхъ формъ для бумагъ текущихъ, такъ какъ съ реформой переписка увеличилась и видоизмѣнилась. 28 авг. 1817 г. Ильинскому поручено было преподаваніе

---

[1]) Арх. сем. 1815 г., № 41.

[2]) Арх. сем. 1820 г., № 386.

[3]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, стр. 297.

[4]) Тамъ же.

Въ день тезоименитства Его Высоко благородія Г. Профессора Философіи Маѳематики и Физики Секретаря Алексѣя Никоноровича Ильинскаго

Къ тебѣ желаньемъ ненасытнымъ
Богиня радостей! парю,
Весна! я чувствомъ сердца скрытымъ
Тебя всегда боготворю!
Предстань въ величіи на тронѣ
Гряди въ блистающей коронѣ,
Въ сей день величьемъ дыши!
Излей въ сердца бальзамъ душистый,
И нектаръ вкусный, сладкій, чистый,
Излей на чувства, оживи!

философіи съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ. Философію онъ преподавалъ по 4 октября 1820 г. Ревизоръ 1820 г. (Кутневичъ) опять похвалилъ Ильинскаго, вслѣдствіе чего „за отличные успѣхи и усердіе" ему было изъявлено Коммиссіею духовныхъ училищъ отъ 25 февр. 1822 г. одобреніе [1]). Въ томъ же году Ильинскій ушелъ изъ семинаріи и поступилъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. † 25 сентября 1837 г. преподавателемъ Горнаго корпуса [2]). Ильинскимъ написана и напечатана книга „Основанія геометріи". До нашего времени сохранилась ода, поднесенная Ильинскому учениками въ день его тезоименитства. Ода украшена виньеткой [3]).

Михаилъ Ив. Пѣвницкій (1820—32 г.), воспитанникъ Владимірской семинаріи и магистръ Московской академіи (1816—20). Въ сентябрѣ 1820 г. назначенъ былъ во Владиміръ на классъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка. Въ 1826 г., по взаимному согласію съ профессоромъ Целебровскимъ, уступилъ послѣднему нѣмецкій языкъ, а отъ него взялъ еврейскій. Съ 1822—28 правилъ экономскую должность. Профессоръ Пѣвницкій не принадлежалъ къ числу выдающихся наставниковъ, хотя и былъ магистръ. С. Архангельскій характеризуетъ его такъ: „Человѣкъ онъ былъ мягкій, кроткій, а подчасъ и слабый; по исторіи въ объясненія не пускался, держался крѣпко за учебники Филарета и Иннокентія; весь методъ его преподаванія состоялъ въ томъ, что, прослушавши заданный урокъ, задавалъ къ слѣдующему два три листика. Потому-ли, что не близко онъ жилъ отъ семинарскаго дома, или по чему другому, онъ какъ-то часто опаздывалъ къ своему классу и на журналѣ классическомъ на другой день нерѣдко прочитывалъ непріятныя для себя нотаціи ректора; къ счастью, душа его была невозмутима: спокойно поглядитъ на нотацію,—на лицѣ не выразится ни малѣйшей перемѣны, въ голосѣ та же тишина, будто дѣло не его касалось. Еврейскій языкъ, преподаваемый въ послѣ-обѣденный классъ, шелъ не лучше исторіи; переводили на русскій языкъ съ еврейскаго первыя главы Бытія, съ подробнымъ грамматическимъ разборомъ; кто имѣлъ охоту, занимался больше самъ. Къ концу курса о. П. утратилъ и малую дозу внимательности къ своей обязанности, такъ что составленіе списка учениковъ по еврейскому языку для экзамена ректоръ поручилъ старшему по семинаріи, помимо наставника" [4]). Михаилъ Пѣвницкій, дѣйствительно, жилъ далеко отъ семинаріи. Онъ былъ священни-

---

[1]) Арх. сем. 1822 г., № 426.

[2]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. 60, стр. 308.

[3]) Труды Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи. Т. 3, стр. 316—318.

[4]) Изъ воспоминаній... стр. 50—51.

комъ при женскомъ монастырѣ. Но не эта отдаленность пути должна считаться причиною тѣхъ его запаздываній на уроки, о которыхъ говоритъ С. Архангельскій. Пѣвницкій подверженъ былъ тому же недугу, который свелъ въ могилу іеромонаха Митрофана (Добронадеждина). А между тѣмъ наступили строгія времена— правленіе Неофита, когда нехожденіе и запаздываніе въ классъ строго каралось. Въ 1831 г. Неофитъ донесъ о неаккуратности Пѣвницкаго въ правленіе Московской духовной академіи. 17 октября того же года правленіе Московской академіи предписало доносить по третямъ „о качествѣ службы профессора Пѣвницкаго". Прошла треть, и Неофитъ сообщилъ, что Пѣвницкій съ 20 октября по 24 декабря ходилъ на классъ церковной исторіи только 14, 16 и 18 числа мѣсяца декабря, на классъ еврейскаго языка только одинъ разъ—16 декабря; въ прочіе же дни не ходилъ, отзываясь болѣзнью. Въ слѣдующую треть, не смотря на предупрежденіе, опущенія уроковъ продолжались. 1 марта 1832 года Владимірская духовная консисторія увѣдомила семинарію, что священникъ Пѣвницкій за невоздержную жизнь отосланъ въ архіерейскій домъ. Вторично сообщили въ Московскую академію. Но Пѣвницкій не могъ уже бороться съ овладѣвшимъ имъ недугомъ. Въ Аврааміевъ день 1832 г. ему назначено было произнести проповѣдь въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ. Проповѣдь предварительно нужно было отдать для просмотра владыкѣ. Пѣвницкій явился съ проповѣдью лишь наканунѣ Авраамієва дня вечеромъ послѣ всенощной и... въ нетрезвомъ видѣ. Терпѣніе преосв. Парѳенія истощилось, и онъ послалъ Пѣвницкаго „въ надежду исправленія во Флорищеву пустынь на 4 мѣсяца" [1]). Ревизовавшій Владимірскую семинарію въ 1832 году архимандритъ Платонъ нашелъ познанія учениковъ по церковной исторіи въ высшей степени недостаточными. Послѣ ревизіи Пѣвницкаго уволили отъ училищной службы. 9 мая 1835 г. онъ скончался.

Василій Яков. Цвѣтковъ (1820—26), студентъ Владимірской семинаріи и кандидатъ Московской академіи. 1820 г. назначенъ во Владиміръ учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Въ 1823 г., по опредѣленію Коммиссіи духовныхъ училищъ, Московская академія обратилась въ семинарское правленіе съ предписаніемъ поручить кому слѣдуетъ переводъ съ еврейскаго первой книги Паралипоменонъ. За этотъ трудъ взялся Цвѣтковъ и дѣйствительно доставилъ переводъ къ 12 февраля 1824 года [2]). Ученики Василія Яковлевича описываютъ его, какъ человѣка „невысокаго роста, но очень полнаго собою". По ихъ отзыву, онъ отличался

---

1) Арх. сем. 1831 г. Дѣло о профессорѣ Пѣвницкомъ.

2) Арх. сем. 1824 г., № 254 и 151.

добротою, доходившею иногда до слабости [1]). Въ семинаріи Цвѣтковъ оставался недолго. Еще въ 1822 г. онъ былъ рукоположенъ во священники въ г. Александровъ къ Христорождественскому собору съ оставленіемъ при должности учителя семинаріи. Въ 1825 г. назначенъ исправляющимъ должность ректора и учителемъ Переславскаго дух. училища. Въ 1829 г. перемѣщенъ на тѣ же должности въ Шуйское духовное училище. Въ 1831 г. опредѣленъ священникомъ къ Шуйскому собору. Въ 1836 году—протоіерей. Въ 1840 г. уволился отъ учительской должности и остался только испр. должность ректора. Умеръ 1851 г. [2]).

Петръ Мих. Богословскій (1820—28) съ 1804 по 1806 годъ обучался въ Переславскомъ дух. училищѣ, съ сентября по ноябрь 1806 г. въ Троицкой лаврской, а съ ноября въ Спасо-Виѳанской семинаріи. По окончаніи курса въ 1814 г., поступилъ въ Московскую академію; окончилъ кандидатомъ съ правомъ получить чрезъ два года степень магистра и опредѣленъ въ Казанскую дух. семинарію преподавателемъ философскихъ наукъ. 1819 г.—магистръ, 1820 г. переведенъ во Владиміръ профессоромъ словесности и гражданской исторіи, 1822 г. опредѣленъ библіотекаремъ, 1825 г.—секретаремъ. Какъ профессору словесныхъ наукъ, П. М. Богословскому приходилось заниматься съ учениками младшаго класса, лишь только вступившими на порогъ семинаріи. Реформа 1814 г. на первыхъ порахъ произвела мало измѣненій въ постановкѣ главныхъ предметовъ этого отдѣленія. Бургій съ его сухою и непонятною латынью по прежнему здѣсь господствовалъ. Богословскій сумѣлъ внести въ свой предметъ новую струю жизни, такъ что стараго Бургія ученики и не раскрывали. О методѣ преподаванія Петра Михайловича сохранились въ воспоминаніяхъ С. Архангельскаго самыя подробныя свѣдѣнія.

„Худощавый, съ остроконечнымъ длиннымъ носомъ, ежеминутно слегка покашливающій, со слабымъ голосомъ, на первыхъ порахъ П. М. не привлекалъ къ себѣ своею наружностью. Положивши Бургія на столъ предъ собою, мы съ нетерпѣніемъ ожидали перваго появленія къ намъ своего наставника, надѣясь, что онъ заставитъ насъ перевести первую страничку мудреной для насъ книги. Надежды наши не сбылись. Богословскій взошелъ, раскланялся, осмотрѣлъ насъ и, вмѣсто Бургія, началъ говорить о предложеніяхъ, какъ ихъ составлять, видоизмѣнять, дополнять вводными, выставляя примѣры того, другого и третьяго. Рѣчь плавная, необрывистая, понятная; много представилъ примѣровъ предложеній, уясняя ихъ такъ все просто, толковито, доступно

---

[1]) Савва. Хроника моей жизни, т. I, стр. 51.

[2]) См. Исторія Шуйскаго дух. училища Е. Правдина. 1887, стр. 65—67.

нашей воспріимчивости. Болѣе часа говорилъ, потомъ повторилъ нѣсколько сжатѣе сказанное и тутъ же заставлялъ многихъ учениковъ порознь сказать предложеніе. Отвѣты выходили удачны; профессоръ остался доволенъ и на слѣдующій урокъ приказалъ приготовить каждому на тетрадкѣ свои предложенія съ видоизмѣненіями: про Бургія—ни одного слова. Къ слѣдующему дню предложенія были придуманы и старательно написаны. Богословскій по приходѣ въ классъ почти всѣ ихъ пересмотрѣлъ, неправильно изложенныя выправилъ, на нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ останавливался, разъясняя и повторяя сказанное прежде; все это дѣлалось вслухъ всему классу. Въ недѣлю, не больше, понятія о предложеніяхъ, о сочетаніи и видоизмѣненіи ихъ усвоены были нашими головами: Бургія не раскрывали. Трактатецъ о предложеніяхъ, объясненный въ теченіе нѣсколькихъ дней, Богословскій изложилъ въ сжатомъ видѣ на полулистѣ и каждому изъ насъ приказалъ списать и знать наизусть: это начало риторическихъ записокъ, вмѣсто Бургія, къ которому во весь курсъ такъ и не обращались. Во второмъ отдѣленіи было не такъ,—ломали головы о Бургія не мало... Отъ предложеній очередь дошла до періодовъ — причинныхъ, условныхъ и проч Съ ними наставникъ возился долго. Толкованіе его о періодахъ было такъ же ясно и просто, какъ и о предложеніяхъ; но наша воспріимчивость была слаба и требовала большихъ усилій къ усвоенію слышаннаго. Дастъ, бывало, учитель изъ предложенія—трудъ полезенъ - написать періодъ причинный: ученикъ съ первою частью періода кое-какъ еще совладѣетъ,—разгонитъ два слова предложенія на двѣ, на три строчки; но почему трудъ полезенъ,—до этой истины добраться было трудно. Хорошо было тѣмъ, которые квартировали съ учениками средняго или высшаго отдѣленія семинаріи: когда голова отказывалась выработать требуемую истину,—воспитанники старшіе открывали ее тщетно искавшему; трудъ ему предстоялъ только—изложить открытое правильно и безъ грамматическихъ ошибокъ. Вся почти первая треть употреблена была на обученіе искусству составлять разноформенные періоды... Окончивши трудъ надъ періодами, принялся Петръ Михайловичъ за хріи — простыя и превращенныя. Хлопотъ у него съ хріями было тоже много; головы наши были безсодержательны, свѣдѣній у насъ было очень мало. Если давая предложеніе, учитель самъ раскроетъ намъ и причины, и условія и сравненія, и примѣры предложенія — мы не затруднялись; съ однимъ же голымъ предложеніемъ возились мы долго и часто безуспѣшно... Посвящено было нѣсколько времени въ теченіе курса и искусству стихотворенія, съ раскрытіемъ всѣхъ его тайнъ. Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и Крыловъ—только и были четыре авторитетные поэта, произведенія которыхъ, по указанію

Богословскаго, мы выучивали наизусть и читали въ его присутствіи. Оды Державина, псалмы Ломоносова, „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ" и „Свѣтлана" были выучены даже и лѣнивыми".

„Кромѣ риторики профессоръ Богословскій преподавалъ еще всеобщую исторію. Учебникомъ была исторія Шрекка; но Богословскій такъ же игнорировалъ это руководство, какъ и Бургія. Помнится, приносилъ онъ на историческій классъ съ собою двѣ толстыя книги, садился на каѳедрѣ, книги разлагалъ предъ собою, просилъ нашего вниманія и начиналъ разсказывать. Первая треть посвящена была разсказу о Персидской монархіи. Разсказъ кончался; профессоръ требовалъ, чтобы разсказанное къ слѣдующему классу каждый изъ учениковъ изложилъ своими словами на бумагѣ и ему представилъ. Это насъ не затрудняло; мы охотно составляли для себя историческія записки, кто какъ умѣлъ; выдумывать тутъ не приходилось: слушай внимательно лекцію и перелагай на бумагу. Между тѣмъ симъ способомъ мы пріучались свободно, быстро и логично излагать разсказъ; намъ уже мерещилось, что мы сочинители. Самый разсказъ, внимательно выслушанный, усвоенный памятью и выраженный на бумагѣ, оставался въ памяти твердо и, такъ сказать, долговѣчно: дѣянія Персидскихъ монарховъ и теперь еще живы въ памяти. Отъ Персіи перешли мы къ Греціи и Риму. Ни средней, ни новой исторіи намъ не читалъ,— не доставало времени. Составленныя нами записки онъ отбиралъ отъ насъ, прочитывалъ у себя на квартирѣ, неправильно выраженное исправлялъ и внизу подписывалъ похвалу. Возвращая записки ученикамъ, лучшія, по его мнѣнію, или самъ читалъ во всеуслышаніе, или приказывалъ читать составителю... Богословскій деликатнымъ обращеніемъ, своимъ умѣніемъ приспособляться къ нашимъ узкимъ понятіямъ и развивать ихъ постепенно, своимъ мастерствомъ возбуждать въ насъ любовь къ изучаемымъ предметамъ, умѣлъ въ теченіе курса такъ насъ привязать къ себѣ, что и доселѣ съ чувствомъ живѣйшей признательности вспоминаемъ эту умную и свѣтлую личность" [1]).

13 дек. 1828 г., согласно желанію, Богословскій былъ уволенъ отъ занимаемыхъ при семинаріи должностей и поступилъ въ государственную экспедицію для ревизіи счетовъ [2]). Скончался чиновникомъ государственнаго контроля въ 1864 г. [3]).

Козьма Успенскій (1821—25). Студентъ Новгородской семи-

---

[1]) Стр. 23—26.

[2]) Арх. сем. 1833 г., № 820.

[3]) Исторія Казанской духовной семинаріи А. Благовѣщенскаго. 1881 года, стр. 321.

наріи и магистръ Петербургской академіи. Во Владиміръ назначенъ въ 1821 г. для преподаванія философскихъ наукъ. Въ 1822 г. занялъ мѣсто секретаря. Какъ преподаватель, Успенскій не пользовался хорошей репутаціей: читалъ онъ вяло и невнятно. Но особенно онъ былъ нетерпимъ за свои нравственныя качества. Будучи человѣкомъ практичнымъ и недостаточно деликатнымъ, онъ задумалъ извлечь выгоду изъ своего положенія, какъ профессора главныхъ наукъ въ среднемъ отдѣленіи, и сталъ пользоваться услугами семинаристовъ при исполненіи разнаго рода своихъ домашнихъ работъ. Сперва ходили къ нему съ этою цѣлью, вѣроятно, только нѣкоторые, но потомъ, мало-по-малу это обратилось въ своего рода повинность. Ученики средняго отдѣленія являлись поочередно къ Успенскому на домъ и выполняли работы, совсѣмъ непристойныя философамъ: помогали кухаркѣ выносить лоханку, мыли посуду, чистили ножи, ходили на Клязьму за водой. Начались, понятно, насмѣшки. Сперва смѣялись только богословы, дальше пошли издѣвательства со стороны риторовъ, а наконецъ и въ городѣ узнали объ этой своеобразной повинности и стали дразнить философовъ прозвищемъ „батраковъ“. Философы негодовали, устроили нѣсколько непріятностей Успенскому, но тотъ упорно притворялся непонимающимъ, въ чемъ дѣло. Наконецъ, послѣ одной крупной непріятности, послѣ которой нельзя было не понять, что семинаристы недовольны имъ за введенную чреду, Успенскій пришелъ въ классъ и повелъ рѣчь такого рода.

„Господа, вѣдь я васъ не неволю. Кто хочетъ, тотъ и ходитъ ко мнѣ на чреду. Вотъ листъ бумаги,—подписывайтесь желающіе!“

У философовъ не хватило духа открыто устроить оппозицію, и всѣ записали свои фамиліи. Но внутри затаили ожесточенную злобу, которая, наконецъ, и прорвалась инцидентомъ, надѣлавшимъ много шума въ семинаріи.

13 марта 1825 г. Успенскій подалъ въ семинарское правленіе докладъ слѣдующаго содержанія. „Небезъизвѣстны семинарскому правленію обстоятельства, неоднократно нарушавшія мое собственное и всего моего семейства спокойствіе, но еще угрожавшія крайнею опасностію жизни моея; небезъизвѣстно семинарскому правленію также и то, что я единственно изъ повиновенія моему начальству и по чувству христіанской любви уже готовъ былъ оставить ихъ безъ вниманія и даже оставилъ въ той увѣренности, что мое терпѣніе и моя невинность сильны будутъ возвратить мнѣ прежнее спокойствіе. Но какъ я недавно узналъ, что и доселѣ въ нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ ученикахъ моихъ кроется духъ незаслуженнаго мною мщенія, угрожающаго мнѣ опасностью жизни; для сего рѣшился я прибѣчь подъ покро-

вительство семинарскаго правленія, чтобы благоволило оно принять надлежащія мѣры къ предотвращенію сихъ обстоятельствъ".

Начались усиленные розыски, въ которыхъ принялъ участіе В. Алявдинъ. Розыски выяснили, что профессору Успенскому подкинуто было два пасквиля, первый—18 ноября 1824 г., второй—24 ноября того же года. Первый въ видѣ письма, адресованнаго на имя Успенскаго, найденъ былъ въ сѣняхъ, а второй съ камнемъ ночью пущенъ былъ въ окно занимаемой Успенскимъ квартиры. Послѣдній, написанный стихами, приложенъ къ дѣламъ правленія и даетъ ключъ къ уясненію совершеннаго безчинства.

Послушай ты, плѣшивый ч...ъ,
Или на смѣхъ тебѣ сказали,
Чтобъ мы воды твоей не знали!
Такъ знай—что не на смѣхъ и вотъ—
Вотъ первое тебѣ отмщенье.
Совѣтовъ нашихъ за презрѣнье!
Но то-ль еще увидишь другъ—
Быть можетъ, что отдашь и духъ,
Коль будешь такъ же ты послушенъ
И такъ же къ намъ великодушенъ,
Какъ былъ и нынѣ есть какой.
Но спросишь ты—за что съ тобой
Нашъ братъ такъ дерзко поступаетъ?
За то, что цѣлый городъ знаетъ
Подъ именемъ насъ батраковъ—
Подумай сей привѣтъ каковъ?
А все причиной ты—Козмина!
Философъ, бормота, скотина.
Ну стали-бъ-ль мы тебя ругать,
Въ бѣду самихъ себя ввергать,
Коль не было бъ къ тому причины?
Нѣтъ, нѣтъ! Никакъ! Мы не скотины
И не инстинктомъ, а умомъ
Желаемъ мы всегда водиться.
Но еслижъ зло отъ насъ родится,
Такъ не вольны жъ мы сами въ томъ;
Твои неистовы мученія
Ужъ вывели насъ изъ терпѣнія,
Итакъ ужъ просимъ извиненія
Любезный! намъ за наше буйство,
И отмѣни свое дежурство... [1])

---

[1]) Дальше нельзя разобрать, такъ какъ клочекъ бумаги, въ который завернутъ былъ камень, въ этомъ мѣстѣ изорванъ.

Виновныхъ въ дебошѣ при всѣхъ стараніяхъ Алявдинъ не могъ открыть. Успенскій утверждалъ, что одинъ изъ учениковъ Парійскій еще раньше разслѣдованія признался въ своей винѣ и выдалъ нѣсколькихъ своихъ товарищей-соучастниковъ. Хотя Парійскій упорно отрицалъ это, но правленіе разсудило: „Учениковъ Парійскаго, Соколова, Косаткина, Доброхотова и Надеждина обязать подписками, что, если въ чемъ нибудь будутъ замѣчены, то не только исключены будутъ, но и опредѣлены къ сторожевскимъ должностямъ,—имѣть за ними строгій надзоръ и вывести обратно въ низшее отдѣленіе; Разумовскаго, какъ находящагося на лучшемъ замѣчаніи у правленія и у самого профессора, поставить на колѣни чрезъ 5 классовъ и посадить на послѣднее мѣсто“ [1]).

Послѣ описаннаго печальнаго случая Успенскій нашелъ свое дальнѣйшее пребываніе во Владимірѣ неудобнымъ. Выѣхавъ на каникулы изъ Владиміра, онъ больше сюда не возвратился. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1825 г. его опредѣлили на церковную исторію и греческій языкъ въ Петербургскую семинарію. Въ 1830 г. онъ вышелъ во священники къ церкви Института корпуса путей сообщенія. Но и тутъ ему не жилось. Въ 1832 г. онъ былъ удаленъ отсюда и отправленъ въ Валаамскій монастырь на три года, по истеченіи которыхъ получилъ мѣсто священника въ селѣ царскосел. уѣзда. Умеръ 1841 г. [2]).

Алексѣй Гумилевскій (1822—25), изъ Виѳанской семинаріи. По окончаніи Московской академіи со степенью кандидата (1820 г.), назначенъ учителемъ всеобщей исторіи и еврейскаго языка въ Кіевскую семинарію; 1822 г. переведенъ во Владиміръ на классъ словесности и гражданской исторіи. 21 апрѣля 1825 г. Гумилевскій скончался [3]).

Иванъ Петровичъ Остроумовъ (1822—1827), воспитанникъ Владимірской семинаріи и магистръ Московской академіи. Назначенъ во Владимірскую семинарію одновременно съ Гумилевскимъ на классъ математики и французскаго языка. 22 марта 1825 г. рукоположенъ во священника въ пог. Унжу Меленк. уѣзда съ оставленіемъ при должности профессора; 26 г. переведенъ къ Николаевской г. Владиміра церкви. Въ іюнѣ 1827 г. Остроумовъ опредѣленъ на мѣсто уволившагося по прошенію отъ должности смотрителя Суздальскихъ училищъ Дмитрія Смирнова. Чрезъ годъ, по опредѣленію Коммиссіи духовныхъ училищъ отъ 31 августа 1831 г., онъ занялъ то же мѣсто во Владимірѣ. Сдѣлавшись смо-

---

[1]) Арх. сем. 1825 г., № 165.
[2]) См. Исторія Петербургской семинаріи Надеждина, стр. 36.
[3]) Арх. сем. 1826 г., № 212.

трителемъ Владимірскихъ училищъ, Иванъ Петровичъ Остроумовъ по необходимости близко соприкасался со всѣми событіями семинарской жизни и, какъ человѣкъ живой, умный и дѣятельный, несомнѣнно оказывалъ на нихъ не мало вліянія. О дѣятельности его, какъ преподавателя, свѣдѣній не сохранилось. Скончался Ив. Петровичъ въ санѣ протоіерея (съ 30 г.) 23 дек. 1841 г.

Петръ Ив. Сиротинскій (1825—34), воспитанникъ Владимірской семинаріи и затѣмъ Петербургской академіи (окончилъ съ правомъ получить степень магистра чрезъ два года; утвержденъ въ этой степени 1828 г.). Въ 1825 г. онъ назначенъ былъ во Владиміръ на классъ словесности и гражданской исторіи. О пріемахъ и постановкѣ его преподаванія нѣтъ свѣдѣній. На основаніи нѣсколькихъ словъ С. Архангельскаго можно только полагать, что Сиротинскому не доставало той общедоступности и того умѣнія излагать просто основы риторики, которымъ, напр., отличался профессоръ Богословскій. Бургій оставался въ отдѣленіи Сиротинскаго основнымъ руководствомъ, и изъ-за этого Бургія, по словамъ С. Архангельскаго, ломали головы не мало. Выходъ Сиротинскаго изъ семинаріи нѣсколько напоминаетъ исторію Михаила Пѣвницкаго. 1831—32 г. послѣдовало два доклада въ семинарское правленіе ректора Неофита. Въ одномъ изъ нихъ Неофитъ заявлялъ, что профессоръ словесности, священникъ Борисоглѣбской церкви [1]) Петръ Сиротинскій домашнія ученическія упражненія за февраль и мартъ ему, ректору, не представилъ къ 12 мая и ученикамъ до сихъ поръ не сдалъ,—а въ другомъ, что 11 января 1832 г. профессоръ Сиротинскій на классъ словесности съ 2 до 4 часовъ не приходилъ и ученикамъ въ тѣ часы не велѣлъ собираться въ классъ. Кромѣ того, почти одновременно экономъ внесъ докладъ въ семинарское правленіе о какихъ-то 175 руб., которые Сиротинскій взялъ заимообразно, но до сихъ поръ не хочетъ отдавать. Экономъ жаловался при этомъ, что, при полученіи жалованья, Сиротинскій росписался не подъ той статьей, гдѣ надлежало. Семинарское правленіе опредѣлило сдѣлать Сиротинскому за всѣ эти непорядки приличное внушеніе [2]). Внушеніе не подѣйствовало. Упущенія по службѣ продолжались. 1833 г. семинарское начальство аттестовало Сиротинскаго „ненадежнымъ по упущенію должности за болѣзнью“, а въ 1834 г. Коммиссія дух. училищъ уволила Сиротинскаго совершенно отъ занимаемаго имъ при семинаріи мѣста. Чѣмъ вызывались эти неисправности по службѣ, изъ документовъ прямо не видно. Но терминъ „за болѣзнью“ въ аттестаціяхъ имѣлъ техническое значеніе и указывалъ именно на

---

1) Рукоположенъ во священники къ этой церкви 18 марта 1830 г.
2) Арх. сем. 1832 г., № 220.

тотъ недугъ, съ которымъ боролся, но былъ побораемъ Михаилъ Пѣвницкій. 29 іюля 1837 г. магистръ Сиротинскій скончался.

Максимъ Терент. Лебедевъ (1825—46), изъ Владимірской семинаріи, кандидатъ Петербургской академіи (съ правомъ получить магистра чрезъ два года; получилъ 1828 г. [1])). Во Владимірской семинаріи, куда Лебедевъ назначенъ былъ 17 декабря 1825 года, ему даны были для преподаванія философскіе предметы. Преосв. Савва, учившійся у Лебедева, говоритъ о немъ слѣдующее. „Профессоръ Лебедевъ слылъ у насъ серьезнымъ мыслителемъ, но, къ сожалѣнію, не обладалъ свободнымъ даромъ слова; притомъ голосъ имѣлъ тихій и выговоръ нѣсколько гугнивый, такъ что на самомъ близкомъ разстояніи съ трудомъ можно было слышать. Поэтому его преподаваніе не приносило для насъ большой пользы, тѣмъ болѣе, что онъ не всегда своевременно приходилъ въ классъ и былъ къ ученикамъ излишне снисходителенъ. Оффиціальнымъ учебникомъ по предмету философіи у насъ продолжала еще быть система Баумейстера, но на практикѣ она стала выходить изъ употребленія... Намъ профессоръ давалъ для изученія составленныя имъ самимъ, вѣроятно, по руководству академическихъ лекцій, записки на латинскомъ языкѣ... Но такъ какъ всѣ эти записки были довольно кратки, а объясненія профессора Лебедева были невнятны, то я всегда имѣлъ печатныя, болѣе или менѣе пространныя руководства по всѣмъ отдѣламъ философіи“ [2]).—Благодаря такимъ особенностямъ преподаванія, на долю Лебедева выпадали дурные отзывы высшаго начальства. Напр., послѣ ревизіи 1832 г. ему подтверждено было „усугубить труды въ образованіи юношества“. Ближайшее начальство Лебедева было тоже имъ недовольно. Вотъ, напр., что писалъ о Лебедевѣ Неофитъ въ рапортѣ, поданномъ на имя преосвящен. Пароенія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1832 года.

„23 числа сего года, когда я производилъ испытаніе въ высшемъ 2 отдѣленіи по греческому языку, а семинаріи инспекторъ въ среднемъ 2-мъ отдѣленіи, проф. философіи Лебедеву препоручено было произвесть испытаніе въ среднемъ 1-мъ отдѣленіи по тому же языку. Но въ 12 часовъ, зашедши въ сіе отдѣленіе вмѣстѣ съ инспекторомъ семинаріи для наблюденія за производствомъ экзамена, усмотрѣлъ, что проф. Лебедевъ нетрезвъ, и нашелъ въ классѣ ведро воды, принесенное, какъ я послѣ узналъ,

---

[1]) Лебедевъ окончилъ академію одновременно съ Сиротинскимъ со степенью старшаго кандидата, хотя и подъ № 8. Надобно замѣтить, что и всѣ остальные перворазрядные студенты этого курса, въ томъ числѣ покойный митр. Исидоръ, оставили академію съ такими же правами.

[2]) Хроника моей жизни, т. I, стр. 111—112.

для профессора Лебедева, который и пилъ изъ онаго воду и еще съ экзамена уходилъ на довольное время, оставивъ оный производить одному наставнику греческаго языка учителю Романовскому. 24 числа, по окончаніи главныхъ классовъ, назначено было испытаніе въ 3-хъ отдѣленіяхъ словесности по сочиненію на латинскомъ языкѣ, и проф. Лебедеву, по силѣ предписанія, надлежало наблюдать за учениками 2-го отд. словесности; но, по входѣ на экзаменъ, я замѣтилъ его недовольно трезвымъ, въ каковомъ, конечно, видѣ онъ былъ и въ своемъ классѣ въ предшествовавшіе часы, а съ экзамена въ самомъ началѣ онаго ушелъ и за учениками не наблюдалъ. По каковымъ обстоятельствамъ, того же дня призвавъ къ себѣ на домъ профессора Лебедева, учинилъ я ему приличное внушеніе, по которому и далъ онъ обѣщаніе исправиться. Но вмѣсто того, послѣ праздничныхъ дней 25 и 26 числъ онъ, проф. Лебедевъ, 27 числа, бывъ назначенъ къ участію въ экзаменѣ по математикѣ, не только для онаго экзамена не пришелъ, но и въ классѣ не былъ, и отчета отъ учениковъ въ повтореніи уроковъ, назначенныхъ на предшествовавшіе праздники, не истребовано, поелику онъ, проф. Лебедевъ, о небытности своей въ классѣ меня не предупредилъ. А хотя того жъ дня въ 11 часовъ предъ полуднемъ посланному отъ меня письмоводителю узнать о причинѣ отсутствія его, проф. Лебедева, отъ класса и отъ экзамена отвѣтствовалъ онъ, что онъ нездоровъ поносомъ, но по предшествовавшимъ обстоятельствамъ неисправности его, въ болѣзни его сомнѣваться нахожу причину. 28 дня проф. Лебедевъ также не былъ въ классѣ, извѣстивъ чрезъ цензора, что онъ нездоровъ тою же болѣзнью“ [1]).

Не смотря на строгіе выговоры, получаемые отъ начальства за подобнаго рода неисправность по должности, Лебедевъ до конца своей службы во Владимірской семинаріи не измѣнилъ своихъ привычекъ. Даже незадолго до смерти ему поставлено было на видъ его неисправное хожденіе въ классъ. Нѣкоторый поводъ къ этому, впрочемъ, подалъ онъ самъ. Именно, 4 окт. 1845 года на урокѣ латинскаго языка Лебедевъ взялъ журналъ, предназначавшійся для записи учениковъ, не ходящихъ въ классъ, и написалъ въ графѣ, назначенной для особыхъ отмѣтокъ: „прошу правленіе семинаріи обратить вниманіе на беззаботность г. эконома семинаріи относительно вставки внутреннихъ рамъ и отопленія учебной залы“. Исправляющій должность инспектора Аполлосъ увѣрялъ, что „означенное замѣчаніе свое на журналѣ Лебедевъ сопровождалъ соблазнительнымъ для учениковъ отзывомъ о начальствѣ“. Экономъ, учитель Ив. Бѣляевъ, вступилъ съ объясне-

---

[1]) Арх. сем. 1832 г.

ніемъ въ семинарское правленіе. Въ объясненіи онъ ссылался на то, что теперь еще не холодно „по неслишкомъ позднему времени, не очень низкой температурѣ внѣшней атмосферы и особенно по множеству учениковъ въ классахъ", и обвинялъ Лебедева въ клеветѣ и неправдѣ. Правленіе сдѣлало выговоръ Лебедеву и подтвердило, чтобы онъ „не занимался въ классахъ никакими разсужденіями, не относяшимися къ его предмету и соблазнительными для учащихся, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшей отвѣтственности; а преосв. Парѳеній въ резолюціи на семинарскомъ докладѣ напомнилъ Лебедеву о его собственныхъ погрѣшностяхъ и вмѣнилъ семинарскому правленію въ обязанность внимательно наблюдать за исправнымъ и своевременнымъ хожденіемъ Лебедева въ классъ для преподаванія [1]). 22 іюля 1846 года Лебедевъ скончался.

Владиміръ Петр. Целебровскій (1826—35), воспитанникъ Владимірской семинаріи и магистръ Московской академіи (1820—24). По окончаніи академическаго курса, назначенъ въ Пензенскую дух. семинарію на классъ церковной исторіи и греческаго языка. 18 сентября 1826 г. переведенъ во Владиміръ профессоромъ греческаго и еврейскаго языка. Вслѣдствіе добровольнаго соглашенія съ М. Пѣвницкимъ, въ томъ же году, вмѣсто еврейскаго языка, который передалъ Пѣвницкому, сталъ читать нѣмецкій. 1828 года его назначили библіотекаремъ, а 1829 г.—помощникомъ инспектора съ выдачей за труды по 200 руб. въ годъ. Должность эта возникла вслѣдствіе представленія (въ 1828 г.) инспектора Саввы, который не находилъ возможнымъ ходить самому по всѣмъ квартирамъ учениковъ. 1833 г. 27 окт. Целебровскій подалъ заявленіе, въ которомъ говорилъ, что „по наклонности къ простуднымъ болѣзнямъ въ осеннее и особенно зимнее время обходить квартиры учениковъ онъ не можетъ; а такъ какъ должность помощника инспектора въ семъ единственно и заключается, то онъ проситъ семинарское правленіе отъ этой должности его уволить". Просьба была удовлетворена [2]). В. П. Целебровскій принадлежалъ къ числу лучшихъ и умнѣйшихъ наставниковъ. „Греческій языкъ, говоритъ С. Архангельскій, преподавалъ намъ профессоръ В. П. Ц., отлично знавшій этотъ предметъ. Сухощавый, нескладный, всегда серьезный, онъ слылъ въ средѣ наставниковъ дорогимъ умницей; его проповѣди преосв. Парѳеній трактовалъ, какъ умнѣйшія изъ всѣхъ. Какъ преподаватель, онъ ревностенъ былъ къ своей обязанности, и, хотя греческій языкъ не имѣлъ видимаго значенія, на него смотрѣли вскользь, но, уважая глубоко наставника, мы

---

[1]) Арх. сем. 1845/46 г., № 328.
[2]) Арх. сем. 1833 г., № 794.

по возможности занимались этимъ предметомъ" [1]). Къ сожалѣнію, этотъ уважаемый учениками профессоръ окончилъ жизнь печальнѣйшимъ образомъ. Подъ вліяніемъ нервнаго разстройства, которое развилось въ немъ до самой крайней степени, онъ рѣшился оскопить себя. Болѣзнь началась осенью 1834 г. 8 ноября 1834 г. ректоръ Неофитъ доложилъ семинарскому правленію, что Целебровскій, находясь съ нѣкотораго времени въ помѣшательствѣ ума, 5-го числа сего ноября оставилъ свою квартиру и, ходя въ вечернее позднее время по монастырю дома Его Высокопреосвященства, при снѣжной рѣзкой погодѣ, дрожалъ отъ стужи и едва наконецъ былъ убѣжденъ имъ, обще съ инспекторомъ семинаріи іеромонахомъ Израилемъ, взойти въ ихъ комнаты, а въ свою же квартиру взойти вовсе отказался, отзываясь тѣмъ, что ему представляются тамъ разныя видѣнія"...[2]) Вскорѣ послѣ этого, вѣроятно, и произошла роковая катастрофа. Целебровскаго помѣстили въ семинарской больницѣ въ особой комнатѣ. Въ началѣ 1835 г. врачебная управа, которой данъ былъ запросъ со стороны семинарскаго правленія о здоровьи Целебровскаго, сообщила слѣдующія неутѣшительныя извѣстія. „Целебровскій находится въ помѣшательствѣ ума, которое, судя по предшествовавшимъ болѣзненнымъ припадкамъ, произошло вслѣдствіе гипохондрическаго разстройства и состоитъ въ непрестанной боязни со стороны какихъ-то ему недоброжелателей, вездѣ за нимъ наблюдающихъ. Впрочемъ, и относительно другихъ предметовъ сужденія его бываютъ нерѣдко сбивчивы... Скораго выздоровленія ожидать нельзя" [3]). Снеслись съ академическимъ правленіемъ, послѣ чего Целебровскій былъ уволенъ отъ училищной службы съ пенсіей по 216 рублей въ годъ впредь до выздоровленія. 28 октября 1837 г. Целебровскій скончался [4]).

Иванъ Аристовъ (1827—29), изъ Ярославской семинаріи. По окончаніи Петербургской академіи (кандидатомъ), назначенъ 15 сентября 1827 г. во Владимірскую семинарію учителемъ матема-

---

[1]) Стр. 51.

[2]) Арх. сем. 1835 г. „Дѣло объ увольненіи за болѣзнью отъ профессорской должности магистра Владиміра Целебровскаго". См. Саввы „Хроника моей жизни", т. I, стр. 123.

[3]) Тамъ же.

[4]) Подъ какими воздѣйствіями развилась болѣзнь Целебровскаго, сказать трудно. Въ семинарскомъ архивѣ (1835 г.) хранится счетъ по заборной книжкѣ Целебровскаго, представленный лавочникомъ въ семинарское правленіе въ то время, когда опредѣлилась неизлѣчимость болѣзни Владиміра Петровича. Счетъ этотъ даетъ не мало основаній думать, что Целебровскій палъ жертвою того страшнаго недуга, которому обязано своею гибелью не мало даровитыхъ головъ Владимірской семинаріи.

тики и французскаго языка. До 29 сентября 1828 г. онъ обучалъ математикѣ учениковъ обоихъ среднихъ отдѣленій въ одномъ классѣ и въ одно и тоже время, съ 29 же сент. 1828 г., вслѣдствіе увеличенія учениковъ, занимался съ каждымъ отдѣленіемъ порознь по два часа. 17 ноября 1828 г. опредѣленъ секретаремъ, а въ октябрѣ 1829 г. переведенъ въ Ярославскую семинарію на вакансію профессора математики и еврейскаго языка.

Рождественскій Василій (1828—31), питомецъ Московской семинаріи и магистръ Московской академіи (1824—28). 28 августа 1828 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на словесность и гражданскую исторію. Но во Владимірѣ недолго суждено было ему учить. Въ ночь на 1 октября 1831 года Рождественскій скончался.

Никифоръ Прокоп. Левитскій (1829—35) обучался съ 1819 г. въ Псковской семинаріи и съ 1825 г. въ Петербургской академіи. По окончаніи курса со степенью кандидата, 25 сентября 1829 г. назначенъ во Владиміръ учителемъ французскаго языка и математики. 1834 г. 25 ноября, вмѣсто французскаго, ему поручено было преподаваніе нѣмецкаго языка. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года онъ ходатайствовалъ объ увольненіи отъ даннаго обязательства поступить въ духовное званіе въ виду его вдовства. Ходатайство было уважено. Классный окладъ, полученный имъ до того времени, зачтенъ былъ ему въ награду за пятилѣтнюю службу. Предметы, которые преподавалъ Левитскій, хотя и были обязательными, но считались второстепенными, занимались ими очень немногіе. „Десятокъ охотниковъ, пишетъ С. Архангельскій, окружатъ бывало доску, на которой профессоръ Левитскій раздѣлывалъ математическія задачи.., остальные же, размѣстившись группами, вели между собою философскій споръ“ [1]).—1835 г. Левитскій подалъ прошеніе, въ которомъ жаловался на стѣсненіе въ груди и просилъ уволить его отъ училищной службы. 28 окт. того же года послѣдовало дозволеніе [2]). Изъ семинаріи Левитскій перешелъ на службу въ Московскій почтамтъ по иностранной экспедиціи. На новомъ мѣстѣ ему жилось не особенно привольно. Въ 1840 г. въ прошеніи, поданномъ на имя Парѳенія, онъ писалъ: „Хотя я и занимаю теперь мѣсто въ Московскомъ почтамтѣ по иностранной экспедиціи, но еще не могу ожидать себѣ отъ новаго начальства особенныхъ милостей и долженъ покамѣстъ рекомендовать себя“. Въ виду этого онъ просилъ у Парѳенія выдачи ему квартирныхъ денегъ за два года, которыми онъ имѣлъ право пользоваться, какъ прослужившій при семинаріи 4 года. Парѳеній

---

[1]) Стр. 34.

[2]) Арх. сем. 1835 г., № 951.

передалъ просьбу въ семинарское правленіе. Правленіе отказало. Левитскій обратился въ Московскую академію. По справкѣ, которую навела Московская академія, оказалось, что квартирныя деньги Левитскому на 1834—35 г. отпускались и получались имъ, какъ видно изъ семинарскихъ отчетовъ. Послѣдовалъ запросъ въ семинарское правленіе, насколько справедливо требованіе Левитскаго. Семинарское правленіе замедлило отвѣтомъ; вторично послана была бумага. Какое объясненіе дала семинарія, къ сожалѣнію, неизвѣстно [1]). Въ 1849 г. Левитскій все еще служилъ въ Московскомъ почтамтѣ.

Василій Θеод. Романовскій (1829—54) обучался во Владимірской семинаріи и Московской академіи. Окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1828 г. Въ томъ же году 1 октября назначенъ учителемъ церковной исторіи и французскаго языка въ Астраханскую семинарію. 12 октября 1829 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію учителемъ двухъ отдѣленій словесности по классу всеобщей исторіи. 26 ноября того же года опредѣленъ секретаремъ, въ каковой должности оставался до 1843 г. Какъ секретарь, Романовскій сдѣлалъ очень много для семинарскаго архива, который былъ имъ приведенъ въ порядокъ (отчасти) и просмотрѣнъ, начиная съ 1814 г. [2]) 11 мая 1830 г., вмѣсто преподаванія исторіи въ другомъ классѣ словесности, Романовскій опредѣленъ учителемъ греческаго языка въ 1-мъ классѣ философіи. 5 сентября 1840 г., со времени преобразованія учебной части въ семинаріяхъ, онъ поступилъ учителемъ по предметамъ, назначеннымъ по росписанію для 1-го наставника въ среднее 1-е и низшее 1-е отд. (катихизич. ученіе, всеобщая исторія, греческій языкъ). Романовскій прочно утвердился во Владимірѣ; имѣлъ здѣсь небольшой домикъ и довольно многочисленную семью. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ преподавателей Протасовской эпохи, которые оставались на училищной службѣ въ теченіе 25 лѣтъ. Къ своимъ учительскимъ обязанностямъ Романовскій относился серьезно. Ревизоры отзывались о немъ одобрительно. Ученики характеризуютъ его, какъ человѣка отзывчиваго и сострадательнаго. Въ 1854 г. послѣдовало увольненіе его отъ училищной службы съ пенсіей, равняющейся получаемому имъ жалованью. Умеръ 1860 г. [3]).

---

1) Арх. сем. 1840 г., № 9. Объ отказѣ бывому учителю титулярному совѣтнику Никифору Левитскому въ выдачѣ квартирныхъ денегъ.

2) См. арх. сем. $18^{43}/_{44}$ г., № 1. Только съ 30 года, т. е. со времени вступленія Романовскаго на секретарскую должность, дѣла семинарскаго архива расположены въ порядкѣ, при которомъ отыскиваніе ихъ и пользованіе ими не представляетъ особенныхъ трудностей.

3) Арх. сем. $18^{53}/_{54}$ г., №. 55.

Иванъ Мих. Смирновъ (1830—31), воспитанникъ Тульской семинаріи и магистръ Московской академіи (1826—30). Опредѣленъ во Владимірскую семинарію на философскій классъ 18 сентября 1830 г. Въ январѣ 1831 года переведенъ въ родную семинарію на тотъ же предметъ.

Яковъ Вас. Миловскій (1830—36), изъ Владимірской семинаріи. По окончаніи Московской академіи со степенью магистра, въ августѣ 1830 года назначенъ во Владиміръ на классъ философіи. 13 сентября того же года опредѣленъ семинарскимъ правленіемъ субъ-инспекторомъ. 1835 г. рукоположенъ во священники къ Вознесенской церкви г. Владиміра 1836 года оставилъ семинарскую службу и перешелъ въ законоучители Владимірской гимназіи. Законоучителемъ Миловскій былъ до 1842 г., когда въ санѣ протоіерея переведенъ къ Александровскому собору. 1867 г. опять перемѣщенъ во Владиміръ къ Николо-Златовратской церкви и назначенъ членомъ консисторіи. † 15 апрѣля 1878 г. [1]).

Иванъ Яков. Предтеченскій (1830—36), изъ Калужской семинаріи, кандидатъ Московской академіи (съ правомъ на магистра). По окончаніи академическаго курса, въ августѣ 1830 г. Предтеченскій назначенъ во Владиміръ на математику и французскій языкъ. Съ 1831 г., вмѣсто французскаго языка, сталъ читать греческій. Послѣ ревизіи 1832 г. Предтеченскому объявлена благодарность отъ Коммиссіи духовн. училищъ. 30 августа 1836 года И. Я. Предтеченскій переведенъ въ родную семинарію на классъ словесности.

Иванъ Ив. Лилеевъ (1830—40). Въ 1797 г. поступилъ въ Славяно греко-латинскую академію, въ 1808 г.—въ Петербургскую дух. академію, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью студента съ правомъ студента университета. 13 августа 1814 г. назначенъ въ Виоанскую семинарію и. д. профессора словесности и нѣмецкаго языка. 15 апрѣля 1816 г.—библіотекарь. Октября 12 1816 г. утвержденъ въ званіи профессора. Августа 30 1830 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на классъ словесности. Послѣ ревизіи 1832 г. Лилеевъ удостоился благодарности отъ Коммиссіи дух. училищъ. 1835 г. получилъ знакъ отличія за 20-лѣтнюю безпорочную службу. 1840 г. 28 октября Ив. Ив. Лилеевъ по прошенію уволенъ отъ семинарской службы съ назначеніемъ пенсіи въ размѣрѣ получаемаго жалованья [2]). 1841 г. ему пожалованъ знакъ отличія за 25-лѣтнюю безпорочную службу. Лилеевъ принадлежалъ къ числу лучшихъ наставниковъ своего времени. Даже тѣ изъ его учениковъ, которые, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоя-

[1]) Некрологъ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1878 г., стр. 237—40.
[2]) Арх. сем. 1840 г., № 6.

тельствъ, имѣютъ основаніе отзываться дурно о нравственныхъ его качествахъ [1]), говорятъ объ его ревности къ дѣлу, умѣніи хорошо толковать урокъ и внимательномъ отношеніи къ письменнымъ работамъ своихъ питомцевъ.

Егоръ Данил. Борисоглѣбскій (1830—39), студентъ Владимірской семинаріи и кандидатъ Московской академіи (1826 — 30). 27 августа 1830 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію наставникомъ гражданской исторіи и греческаго языка. 13 сентября того же года назначенъ вмѣстѣ съ Миловскимъ субъ-инспекторомъ. Въ началѣ 1831 г. переведенъ на классъ философіи. Послѣ ревизіи 1832 г. объявлена ему благодарность отъ Коммиссіи дух. училищъ. Въ 1835 г. рукоположенъ священникомъ къ Владимірской градской Богородицкой церкви. 1836 г. уволенъ отъ должности субъинспектора.. 17 февраля 1839 г. скончался. Преосв. Савва о смерти Борисоглѣбскаго въ своей автобіографіи припоминаетъ слѣдующее. „1 октября, въ день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, 1838 г., возвращаясь съ своими молодыми товарищами изъ гостей отъ священника Вознесенской церкви, онъ бѣжалъ въ высокую и крутую гору въ перегонку съ кѣмъ-то изъ этихъ товарищей, и взбѣжавши на гору упалъ и едва не умеръ тутъ же. Съ этого дня открылась у него какая-то внутренняя болѣзнь, которая приковала его надолго къ постели. Болѣзнь продолжалась во всю зиму; наконецъ, въ половинѣ великаго поста 1839 года свела его въ могилу. Чинъ погребенія совершался въ семинарской Богородицкой церкви. Не помню, кто изъ наставниковъ говорилъ надгробную рѣчь и кто изъ учениковъ произносилъ стихи, но живо помню, какъ молодая вдова Елисавета Ивановна (урожденная Флоринская), оставшаяся съ тремя малолѣтними дѣтьми, рыдала и терзалась при гробѣ столь преждевременно умершаго мужа. Картина была поразительная“...[2])

Михаилъ Якимовичъ Смирновъ (1831—58), изъ Владимірской семинаріи и Московской академіи (1826—30), которую окончилъ однимъ изъ послѣднихъ кандидатовъ. 31 января 1831 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ гражданской исторіи и французскаго языка. 29 ноября 1833 года назначенъ помощникомъ инспектора; должность эту проходилъ по 16 мая 1844 г. Со времени преобразованія учебной части во Владимірской семинаріи Смирновъ поступилъ учителемъ по предметамъ, назначеннымъ для I наставника (катихиз. ученіе, всеобщая исторія, греческій яз.).

---

[1]) Говорятъ, что будто бы Лилеевъ любилъ получать приношенія отъ учениковъ, вслѣдствіе чего отличался нѣкоторою пристрастностью въ оцѣнкѣ ихъ успѣховъ.

[2]) Т. I, стр. 139.

Оставался на училищной службѣ Мих. Яким. до 20 мая 1858 г., когда уволился по прошенію. О Михаилѣ Якимовичѣ сохранились воспоминанія, какъ о человѣкѣ добрѣйшемъ и простѣйшемъ, хотя не глубокомъ знатокѣ своего предмета. „Если принять въ разсужденіе количество учениковъ, пишетъ преосв. Савва, и краткость времени, назначеннаго для этого предмета, а именно, не болѣе двухъ послѣобѣденныхъ классовъ въ недѣлю; если притомъ взять во вниманіе ограниченныя свѣдѣнія въ предметѣ самого наставника: то не трудно понять, какіе успѣхи могли мы имѣть въ изученіи французскаго языка“ [1]).

Иванъ Вас. Репьевъ (1832—33), воспитанникъ Нижегородской семинаріи, кандидатъ Петербургской академіи. 30 января 1832 г. опредѣленъ наставникомъ словесности во Владимірскую семинарію. 27 сентября того же года по прошенію переведенъ на нѣмецкій и греческій языкъ. Но и эти предметы преподавалъ недолго. 19 декабря 1832 года семинарскій врачъ Митрофанъ Алякринскій вступилъ съ докладомъ въ семинарское правленіе такого содержанія.

„Честь имѣю донести, что сегодня въ часу шестомъ утра, бывъ призванъ къ профессору здѣшней семинаріи Репьеву, нашелъ его въ сильной бѣлой горячкѣ, въ припадкѣ коей въ нынѣшнюю ночь онъ отрѣзалъ себѣ часть дѣтороднаго члена, отъ чего послѣдовало опасное кровотеченіе, для прекращенія коего, равно какъ и для лѣченія бѣлой горячки необходимо нужно помѣстить его въ семи-

---

[1]) Т. I, стр. 116. О Михаилѣ Якимовичѣ ходило въ семинаріи въ свое время множество анекдотовъ, которые варіировались до безконечности и въ которыхъ осмѣивалась безмѣрная его житейская простота. Исправляя обязанности помощника инспектора, Смирновъ однажды погнался за какимъ-то мѣщаниномъ, принявъ его за семинариста. Тотъ, полагая, что за нимъ гонится полицейскій, побѣжалъ во весь духъ и, наконецъ, не имѣя возможности скрыться, бросился въ открытую дверь колокольни Троицкой церкви. Мих. Якимовичъ—за нимъ. Мѣщанинъ ловко увернулся на лѣстницѣ, выбѣжалъ изъ колокольни и закрылъ дверь на крючокъ. Убѣдившись, что онъ попалъ въ западню, Михаилъ Якимовичъ взобрался на верхъ и сталъ взывать о помощи. Сбѣжалось множество народа. Праздной толпѣ доставлено было даровое развлеченіе.—Или вотъ другой распространенный анекдотъ. Михаилъ Якимовичъ, будучи человѣкомъ состоятельнымъ, купилъ небольшое имѣніе. Пошли хлопоты по снабженію имѣнія всѣми необходимыми хозяйственными предметами. Здѣсь то Мих. Якимовичъ и зарекомендовалъ себя невѣроятнѣйшей простотой. Однажды была имъ куплена за дорогую цѣну породистая Холмогорская корова. Съ торжествомъ доставилъ Смирновъ свое пріобрѣтеніе въ имѣніе къ женѣ. Вышли посмотрѣть на купленное за дорогую цѣну животное. И можно представить себѣ ужасъ и изумленіе разгнѣванной супруги Михаила Якимовича, когда она, вмѣсто породистой Холмогорской коровы, увидѣла обыкновеннаго... быка. Такой же характеръ носитъ разсказъ о мочалѣ, которую Мих. Яким. Смирновъ купилъ вмѣсто вязиги.

нарскую больницу... Изъ собранныхъ свѣдѣній отъ живущихъ въ одномъ домѣ съ г. Репьевымъ я узналъ, что онъ и прежде почасту бывалъ боленъ и жаловался болѣе всего на головную боль и что за нѣсколько предъ симъ дней сказывалъ имъ, что онъ чувствуетъ въ головѣ сильную боль и жаръ... Изъ словъ его самого видно, что онъ, при разстройствѣ умственныхъ своихъ способностей, самъ не знаетъ, для чего и какъ онъ причинилъ себѣ означенный вредъ. Въ мысляхъ у него происходитъ смѣшеніе понятій и совершенный безпорядокъ. Слова произноситъ отрывисто. Въ глазахъ какая-то дикость. Непрестанно пугается разныхъ призраковъ—то незнакомыхъ ему людей, то какихъ-то звѣрей" [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1833 г. Московская академія увѣдомила Владимірскую семинарію, что кандидатъ Репьевъ по болѣзненному состоянію уволенъ отъ училищной службы и обращенъ въ Нижегородскую епархію, съ тѣмъ, чтобы епархіальное начальство поступило съ нимъ, какъ найдетъ возможнымъ [2]). Какой былъ внѣшній поводъ, вызвавшій это сильное потрясеніе нервной системы Репьева, извѣстій не сохранилось. Изъ документовъ видно только, что семинарское правленіе сдѣлало ему замѣчаніе за небытіе у исповѣди и пріобщеніи Св. Тайнъ въ четыредесятницу 1832 года. Въ апрѣлѣ 1832 г. Репьевъ подалъ особое объясненіе по этому поводу [3]). Очевидно, замѣчаніе глубоко задѣло его. Но едва-ли оно было главнѣйшимъ и единственнымъ поводомъ его декабрской болѣзни.

Аѳанасій Никол. Яковлевскій (1833—58), обучался въ Тульской семинаріи и Московской академіи; окончилъ академію со степенью кандидата (1828—32). Съ 20 сентября 1832 г. по 19 апр. 1833 г. занималъ должность письмоводителя при Комитетѣ для цензуры книгъ, учрежденномъ при Московской академіи. 6 мая 1833 г. опредѣленъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языка во Владимірскую семинарію. О преподаваніи Яковлевскаго преосв. Савва говоритъ такъ. „Что и какъ преподавалъ намъ въ высшемъ отдѣленіи изъ греческаго языка учитель А. Н. Яковлевскій, хорошо не помню. Почтенный наставникъ предметъ свой зналъ, можетъ быть, и основательно, но преподаваніе его было слишкомъ неувлекательно: даромъ слова онъ почти вовсе не обладалъ. Въ особенности онъ обнаружилъ предъ нами свою безталантность, когда временно, послѣ выхода изъ семинаріи профессора Смирнова (Іос. Як.), ему поручено было преподаваніе церковной исто-

---

1) Арх. сем. 1832 г. „Дѣло объ увольненіи учителя Репьева отъ должности за болѣзнью."

2) Тамъ же, № 352.

3) Тамъ же, № 296.

рія»[1]. При такихъ качествахъ, Яковлевскій едва-ли пользовался уваженіемъ учениковъ. Въ 1837 году въ правленіи семинарскомъ обсуждался инцидентъ, заставляющій предполагать скорѣе обратное. Именно, въ ночь на 27 ноября этого года въ квартирѣ Яковлевскаго было разбито нѣсколько стеколъ. Аѳанасій Николаевичъ заподозрилъ ученика богословскаго класса Алексѣя Оранскаго, взялъ съ собою четырехъ человѣкъ учениковъ и пришелъ въ квартиру названнаго ученика. Оранскій притворился спящимъ. Но Яковлевскій, замѣтивъ, что онъ не задолго предъ тѣмъ возвратился домой, сталъ будить его и допрашивать о случившемся. Оранскій обругалъ своего учителя скверными словами и, какъ показали ученики свидѣтели, взялъ его за шиворотъ и вытолкалъ за дверь. Начавшееся по этому поводу дѣло не установило виновности Оранскаго въ разбитіи стеколъ, хотя онъ и оставленъ былъ въ подозрѣніи за грубое обращеніе со своимъ учителемъ, за что былъ наказанъ уединеннымъ заключеніемъ на три дня, и получаемое имъ жалованье было уменьшено на 20 руб. Кромѣ того постановлено было испросить ему прощеніе у Яковлевскаго въ присутствіи семинарскаго правленія[2]).—Со времени преобразованія учебной части въ семинаріяхъ (5 сент. 1840 г.) Яковлевскій опредѣленъ былъ учителемъ по предметамъ, положеннымъ для V наставника, т. е. библейской, церковной исторіи и каноническому праву. Сверхъ сего съ 5 сент. 1840 г. по 15 іюля 1843 г. имъ же читано было, вмѣсто медицины (еще не введенной), православное исповѣданіе ученикамъ высшаго отдѣленія, а въ $18^{44}/_{45}$ г. церковная исторія. Въ апрѣлѣ 1858 г. Яковлевскій вышелъ въ отставку. Послѣ преобразованія семинаріи (1869 г.) Яковлевскій нѣкоторое время (1876—78) преподавалъ французскій языкъ. † 16 апрѣля 1881 г.[3]).

Іосифъ Яковл. Смирновъ (1832—39), студентъ Владимірской семинаріи и магистръ Московской академіи. 1832 г. назначенъ во Владимірскую семинарію на классъ библейско-церковной исторіи и еврейскаго языка. „Библейскую и церковную исторію, говоритъ Савва, мы изучали по печатнымъ руководствамъ архимандрита Филарета Дроздова и Иннокентія. Устныхъ объясненій отъ профессора І. Я. Смирнова мы слышали очень мало. Впрочемъ, онъ не долго преподавалъ намъ этотъ предметъ. Среди курса онъ оставилъ семинарскую службу и поступилъ въ Москву на службу въ опекунскій совѣтъ"[4]). Вышелъ изъ семинаріи Смирновъ въ 1839 г.

[1]) Т. I, стр. 132.
[2]) Арх. сем. 1837 г., № 33.
[3]) Некрологъ въ Влад. Епарх. Вѣд. 1881 г. № 11.
[4]) Т. I, стр 132.

Врачебная управа выдала свидѣтельство о томъ, что онъ подверженъ головокруженію и стѣсненію въ груди, вслѣдствіе чего къ духовному званію неспособенъ. Московская академія отъ 26 ноября дала разрѣшеніе на увольненіе Смирнова отъ училищной службы безъ взысканія съ него магистерскаго оклада [1]).

Иванъ Никиф. Солярскій (1832—58), студентъ Владимірской семинаріи и магистръ Московской академіи (1828—32). 29 августа 1832 г. назначенъ во Владиміръ профессоромъ по классу церковной исторіи и греческаго языка. 4 ноября 1838 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. 15 янв. переведенъ съ класса церковной исторіи и греческаго языка на словесность. 18 февр. 1839 г. опредѣленъ библіотекаремъ. Какъ профессоръ словесности, Солярскій пользовался хорошею репутаціей. Вотъ, напр., что разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ его питомцевъ. „Въ 1844 г. поступилъ я изъ Шуйскаго училища во Владимірскую семинарію и, по распредѣленіи учениковъ по отдѣленіямъ, попалъ въ 3-е отдѣленіе къ К. И. Волкову. Тогда отдѣленія считались по главнымъ учителямъ, преподававшимъ словесность. Знакомые мнѣ семинаристы, перешедшіе изъ словесности въ высшій классъ, узнавъ, что я попалъ въ 3-е отдѣленіе, начали вкладывать мнѣ въ уши, что это неладно, что я тутъ не скоро разовьюсь, что въ 3-мъ отдѣленіи не обращается особеннаго вниманія на сочиненія, что въ виду этого мнѣ надобно непремѣнно перепроситься во 2-е отд. къ Ив. Никиф. Солярскому. Смущенный этими рѣчами, пошелъ я къ о. ректору Поликарпу. Вхожу. „Что тебѣ нужно?“ спросилъ онъ. Я объяснилъ, что попалъ въ третье отд., а хочу учиться во второмъ. „Вотъ еще что задумалъ; куда попалъ, тамъ и учись! Ступай!“ Я въ слезы и въ поклоны. „Да почему же тебѣ хочется учиться во второмъ отдѣленіи, сказалъ ректоръ, вѣдь науки преподаются однѣ и тѣ же во всѣхъ отдѣленіяхъ?“ „Я во второмъ отдѣленіи скорѣе разовьюсь“. „Вотъ какъ! ступай, учись, а я тамъ посмотрю“. Вышелъ я отъ ректора совсѣмъ необнадеженный и сталъ уже примиряться со своею участью. Дня чрезъ три во время урока по греческому языку входитъ въ классъ дежурный старшій, выкликаетъ мою фамилію и велитъ мнѣ перейти во второе отдѣленіе. Во 2-мъ отд. Ив. Никиф. Солярскій, дѣйствительно, былъ преподавателемъ очень хорошимъ, опытнымъ и требовательнымъ. Главное вниманіе его обращено было на писаніе періодовъ, хрій. Прочитывалъ онъ ученическія упражненія очень скоро и, сдавая ихъ, разбиралъ внимательно въ классѣ. Независимо отъ сочиненій, даваемыхъ на домъ (каждую недѣлю), онъ каждый урокъ

---

[1]) Арх. сем. 1839 г., № 3. Выходъ изъ семинаріи Смирнова стоитъ въ связи съ дѣломъ инспектора Митрофана (см. выше стр. 69).

заставлялъ нѣсколько человѣкъ говорить экспромптомъ періоды на задаваемыя темы—и подвергалъ ихъ строгому разбору, приглашая лучшихъ учениковъ сказать, что тутъ хорошо и что дурно, какъ въ составѣ періода, такъ и въ изложеніи его. Къ концу года мы выучились писать періоды хорошо и быстро, такъ что не затруднялись писать и хріи, составленныя изъ періодовъ"[1]).

Въ мартѣ 1858 г. Ив. Никиф. Солярскій уволился отъ семинарской службы по слабости здоровья. Сконч. 12 апр. 1859 г.[2]).

Александръ Вас. Восторговъ (1832—41), изъ Ярославской семинаріи, окончилъ Московскую академію со степенью магистра и назначенъ во Владиміръ на классъ математики и еврейскаго языка. По воспоминаніямъ учениковъ, это былъ наставникъ, основательно знавшій свой предметъ и умѣвшій заинтересовать учениковъ[3]). 13 авг. 1841 г. Восторговъ скончался.

Григорій Евим. Вознесенскій (1832—58), изъ Владимірской семинаріи. По окончаніи Московской академіи со степенью кандидата (1828—32), опредѣленъ 29 авг. 1832 г. во Владиміръ учителемъ гражданской исторіи и греческаго языка. О преподаваніи Вознесенскимъ гражданской исторіи ученики его отзываются плохо. „Всеобщая исторія, пишетъ преосв. Савва, преподавалась

---

1) Рукопись А. С.

2) См. Саввы Хроника моей жизни. Т. 2, 1899 г., стр. 461.

3) Въ моемъ распоряженіи имѣется одна выдержка изъ письма А. В. Восторгова къ своему другу и земляку, священнику Московской Воскресенской, что въ Кадашевѣ, церкви Іоанну Стеф. Маргаритову отъ 26 мая 1836 г., интересная не столько для обрисовки личности Восторгова, сколько для характеристики отношеній и требованій еп. Парѳенія, предъявляемыхъ къ очереднымъ проповѣдникамъ изъ семинарскихъ преподавателей. Письмо написано подъ живымъ впечатлѣніемъ пережитой непріятности и не чуждо нѣкоторой рѣзкости. „Проповѣдь на Николинъ день, которую только по утру наканунѣ представилъ преосвященному, тогда какъ мы обязаны подпискою представлять за 3 дня, доставила мнѣ случай испытать силу его молніеноснаго краснорѣчія, отъ котораго сокрушились бы и кедры на Ливанѣ. Послѣ столь живого эпизода, онъ измаралъ мой приступъ, а въ трактаціи нѣсколько словъ подчеркнулъ, будто бы свѣтскихъ, напр., счастіе, и заключилъ рекомендаціею, что мысли сбивчивы и неосновательны. Такія выходки отбили у меня память и, не нашедши на проповѣди надписи: „Богъ да благословитъ", я пошелъ на другой день сказывать ее, одѣлся въ стихарь, и онъ не допустилъ меня ко кресту, и я раздѣлся. Такія штуки играетъ съ нами въ той мысли, будто мы дѣлаемъ сіе изъ неуваженія къ его требованію и хотимъ подвергнуть архіерея своей лѣности и безразсудству; онъ требуетъ проповѣди, какъ отъ солдата требуютъ чистки ружья... Не мѣшало бы помнить владыкамъ, что и пророкъ Елисей, по требованію Іосафата, не тотчасъ прорекъ, а настроившись игрою въ гусли... Впрочемъ, владыка, видно, нѣсколько сознаетъ свою жестокость: говорилъ нашему секретарю, моему двоюродному свояку, обо мнѣ, спрашивая о поведеніи и службѣ, не намѣренъ ли я перейти въ Ярославль, не намѣренъ ли выйти въ свѣтское званіе".

очень неудовлетворительно. Наставникъ Г. Е. Вознесенскій не отличался особеннымъ даромъ слова и не имѣлъ подъ руками достаточныхъ пособій для основательнаго изученія преподаваемаго имъ предмета. Единственными пособіями для него служили—старинный переводъ съ французскаго всеобщей исторіи аббата Милота и Руководство къ познанію всеобщей исторіи И. Кайданова. Учебною же книгою для насъ служила Краткая всеобщая исторія I. Шрекка. Что касается до русской исторіи, то мы ее проходили по какой-то очень маленькой книжкѣ, да и той не успѣли пройти до конца"[1]). Греческій языкъ, какъ второстепенный, поставленъ былъ, понятно, еще хуже[2]).—Съ 30 ноября 1838 г. по 15 янв. 1839 г., вмѣсто греческаго языка, Вознесенскій преподавалъ французскій. 15 января 1839 г. съ класса гражданской исторіи и французскаго языка переведенъ на классъ церковной исторіи и греческаго языка. Со времени преобразованія учебной части въ семинаріи (5 сент. 1840 г.) поступилъ учителемъ предметовъ. назначенныхъ для V наставника (библейская исторія, каноническое право и церковная исторія). 5 февр. 1845 г. по прошенію уволенъ изъ духовнаго званія. Къ тому времени ревность Вознесенскаго къ выполненію своихъ служебныхъ обязанностей ослабѣла еще больше. Приходилъ онъ въ классъ обыкновенно поздно, не задолго до конца уроковъ; а бывало и такъ, что и совсѣмъ пропускалъ уроки, дозволяя себѣ иногда неблаговидныя хитрости. Такъ, напр., 12 іюня 1846 г. на классъ церковной исторіи онъ совсѣмъ не пришелъ, а между тѣмъ въ классномъ журналѣ помѣтилъ себя (послѣ конечно) бывшимъ. Донесли ректору Поликарпу. При всемъ своемъ добродушіи, Поликарпъ вошелъ съ докладомъ объ этомъ случаѣ въ семинарское правленіе, и Вознесенскій подвергнутъ былъ строжайшему замѣчанію въ присутствіи правленія и обязанъ подпискою проходить свою должность добросовѣстно[3]). 20 мая 1858 г. Вознесенскій уволенъ отъ службы по прошенію. Изъ его сочиненій извѣстно—Арсеній архіепископъ Суздальскій. 1856 года.

Іеромонахъ *Діонисій* (1834—51), въ мірѣ Дмитрій Аннинскій, учился въ Рязанской семинаріи, окончилъ Московскую академію (1828—32) со степенью кандидата. 2 ноября 1832 г. опредѣленъ учителемъ Рязанскаго дух. училища по классамъ латинскаго языка, географіи и нотнаго пѣнія. 30 сент. 33 г. постриженъ въ мона-

---

[1]) Т. I, стр. 96.

[2]) Вознесенскій, подобно А. Н. Яковлевскому, особенно любилъ упражнять учениковъ въ отыскиваніи корней греческихъ словъ, за что они оба получили отъ учениковъ кличку „греческихъ свиней“.

[3]) Арх. сем. 18$^{15}/_{46}$ г., № 25.

шество. 20 ноября — іеромонахъ. 20 февр. 1834 г. утвержденъ инспекторомъ Рязанскихъ дух. училищъ. 20 авг. 1834 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію въ высшее 2-е отд. учителемъ богословскихъ наукъ. Съ 1 окт. 1834 г. по 16 мая 1844 г. проходилъ должность помощника инспектора. Какъ наставникъ, Діонисій не блисталъ талантами, однако оставилъ о себѣ благодарныя воспоминанія у питомцевъ. „Діонисій, преподаватель богословія, говоритъ преосв. Савва, съ усердіемъ изучалъ свой предметъ, но, не владѣя въ достаточной степени даромъ слова, старался этотъ недостатокъ въ преподаваніи восполнить обширными записками съ разными къ нимъ примѣчаніями. Составляемыя имъ на русскомъ (а не на латинскомъ уже) языкѣ записки мы должны были для себя переписывать... Въ дополненіе и объясненіе своихъ уроковъ, Діонисій имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою въ классъ книги или духовные журналы и даже свѣтскія газеты и заставлялъ меня читать ихъ вслухъ цѣлаго класса"[1]). „Что особенно насъ привлекало къ нему, пишетъ другой питомецъ Діонисія, это его кротость и незлобіе. Разъ на его урокѣ двое учениковъ (Горскій и Эдемскій), сидѣвшихъ на заднихъ партахъ, повздорили между собою и назвали одинъ другого скверными словами. О. Діонисій слышалъ это, но далъ пройти уроку безъ всякаго замѣчанія. По окончаніи урока, онъ всталъ и сказалъ намъ: „среди васъ есть нехорошіе воспитанники, ругаются скверными словами; пусть же они покаются и помолятся Богу о прощеніи своемъ". Тѣмъ дѣло и кончилось. Пожалѣли мы праведнаго старца возмутившагося, а безобразникамъ досталось таки отъ всего класса"[2]).

Указомъ Св. Синода отъ 31 дек. 1851 г. іеромонахъ Діонисій назначенъ въ Вологодскую семинарію инспекторомъ, наставникомъ богословскихъ наукъ и настоятелемъ Спасокаменнаго монастыря. 18 февраля 1851 г. — архимандритъ. 22 ноября 1859 г., вслѣдствіе прошенія, уволенъ отъ духовно-училищной службы съ оставленіемъ настоятелемъ Спасокаменнаго монастыря. 1863 г. 14 февр., указомъ Св. Синода, уволенъ отъ должности настоятеля и помѣщенъ на жительство въ число братіи Спасоприлуцкаго монастыря. Ум. 31 мар. 1868 г. Изъ литературныхъ трудовъ Діонисія извѣстно Слово на кончину императора Николая Павловича, говоренное въ Вологод. каѳедр. соборѣ 26 февр. 1855 г. С.-Пб. 1861 г.[3]).

---

[1]) Т. I, стр. 129, 130.

[2]) Рукопись А. С.

[3]) О Діонисіи (Аннинскомъ) см. Вологод. Епарх. Вѣд. 1869 г., № 21 (какъ объ инспекторѣ Вологод. семинаріи); Описаніе Вологодскаго Спасокаменнаго монастыря, стр. 29 (какъ о настоятелѣ этого монастыря) и Вологод. Епарх. Вѣдом. 1868 г., № 8 (некрологъ).

Яковъ Ильичъ Владыкинъ (1834—38), изъ Владимірской семинаріи въ 1826 г. поступилъ въ Московскую академію. 1830 года утвержденъ въ степени кандидата и 26 авг. того же года назначенъ учителемъ философіи въ Олонецкую семинарію. 12 февраля 1834 г. перемѣщенъ во Владиміръ преподавателемъ словесности. По словамъ Саввы, это былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ наставниковъ семинаріи, хотя и не имѣлъ степени магистра. „О немъ извѣстно, что онъ, бывши студентомъ младшаго курса въ Московской академіи, занималъ въ спискѣ едва-ли не первое мѣсто. Между тѣмъ, по передержкѣ на старшій курсъ, онъ, не переставая заниматься науками, не хотѣлъ по своему характеру подчиняться дисциплинарнымъ академическимъ порядкамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ былъ вынесенъ изъ перваго разряда во вторый и окончилъ курсъ въ 1830 г. со степенью кандидата". Особенно, по словамъ Саввы, Яковъ Ильичъ внимательно занимался составленіемъ своихъ проповѣдей, которыми весьма дорожилъ. „Онъ никогда не давалъ своихъ черновыхъ листовъ для переписки набѣло въ бурсѣ; но всегда призывалъ меня къ себѣ въ квартиру и диктовалъ мнѣ, держа въ то же время въ зубахъ трубку съ табакомъ... Онъ имѣлъ обыкновеніе почти каждый годъ перечитывать свои проповѣди и писать о нихъ одобрительные или неодобрительные отзывы"[1]. Владыкинъ недолго преподавалъ во Владимірской семинаріи. По протекціи ректора Московской академіи, архим. Филарета (Гумилевскаго), товарища его по академическому образованію, 4 дек. 1838 г. онъ переведенъ былъ въ Виѳанскую семинарію на классъ философіи. 1855 г. рукоположенъ во священники при Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ оставленіемъ при прежней должности. 1857 г. Яковъ Ильичъ уволенъ отъ училищной службѣ и опредѣленъ священникомъ къ Московск. церкви св. Іоакима и Анны за Москвой рѣкой. Умеръ отъ рака 14 февр. 1860 г.[2]).

Павелъ Абрам. Прудентовъ (1834—58), изъ Владимірской семинаріи и Московской академіи. Окончилъ 1832 г. со степенью кандидата. 25 сент. того же года опредѣленъ учителемъ Муромскаго дух. училища по классамъ латинскаго языка, катихизиса и географіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ помощникомъ инспектора Муромск. духов. училищъ. 25 ноября 1834 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на классъ греческаго и французскаго языковъ. 1838 г.

---

1) Т. I, стр. 98—99. Преосв. Савва, въ бытность ученикомъ семинаріи и студентомъ академіи, пользовался большимъ расположеніемъ Владыкина. Быть можетъ отзывъ этотъ и страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями.

2) Списки начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Виѳанской дух. семинаріи, стр. 29; Саввы Хроника моей жизни, т. 2, стр. 506.

24 окт. переведенъ на классъ математики и греческаго языка. 25 янв. 1840 г. рукоположенъ во священника къ Владимірскому Успенскому женскому монастырю. Со времени преобразованія семинаріи (5 сент. 1840 г.) поступилъ учителемъ по предметамъ, назначеннымъ для IV наставника (математика, физика и пасхалія). 9 октября 1842 г. перемѣщенъ на предметы, назначенные для III наставника (герменевтика, св. писаніе и чтеніе отцевъ греческихъ). Въ іюнѣ 1858 г. Прудентовъ уволился отъ училищной службы. Незадолго предъ этимъ (1855 г.) его постигла крупная хозяйственная непріятность. Во время бывшаго во Владимірѣ пожара онъ поспѣшилъ въ женскій монастырь, чтобы вынести изъ загорѣвшейся церкви мощи св. Авраамія, что и успѣлъ сдѣлать съ большою для себя опасностію, проходя съ ними среди пылавшихъ домовъ и чрезъ пламень, охватившій уже ворота. Въ это самое время его собственный домъ со всѣмъ имуществомъ сгорѣлъ. Вслѣдствіе ходатайства семинарскаго правленія Св. Синодъ постановилъ выдать Прудентову временное вспомоществованіе въ размѣрѣ годового жалованья [1]). Какъ наставникъ, Пав. Абр. Прудентовъ не могъ заявить себя основательнымъ знаніемъ преподаваемыхъ имъ предметовъ уже по одному тому, что, при сравнительно небогатыхъ дарованіяхъ, часто мѣнялъ эти предметы.

Іосифъ Трофим. Сердцевъ (1835—64), обучался въ Петербургской и Олонецкой семинаріяхъ (1826—31 г.) и, по окончаніи курса С.-Петербургской академіи со степенью старшаго кандидата, 10 окт. 1835 г. опредѣленъ во Владиміръ учителемъ словесности. 25 ноября того же года перемѣщенъ по прошенію на классъ математики, нѣмецкаго языка и чтенія Св. Писанія. 4 окт. 1838 г., вмѣсто чтенія Св. Писанія, возложено было на него преподаваніе церковно-библейской исторіи. 30 ноября 1838 г., за назначеніемъ особаго наставника на нѣмецкій языкъ, Сердцеву поручили преподаваніе греческаго языка. Со времени преобразованія учебной части въ семинаріяхъ (5 сент. 1840 г.) Сердцевъ поступилъ учителемъ по предметамъ, назначеннымъ для IV наставника (математика). Со 2 сент. 44 г. по 1 сент. 46 г. сверхъ сего читалъ еврейскій языкъ. $^3/_{24}$ авг. 1845 г., согласно желанію, уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское [2]). 18 окт. 1845 года Сердцевъ пере-

---

1) Арх. сем. $18^{54}/_{55}$ г., № 52.

2) „Въ теченіе десятилѣтней службы, писалъ Сердцевъ въ прошеніи, все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ невозможности совмѣстить исправное прохожденіе своей должности съ обязанностями приходскаго священника и, привыкнувъ еще съ дѣтства предпочитать учебную службу всѣмъ прочимъ, я нахожу себя въ необходимости отказаться отъ всѣхъ видовъ на священство“. Арх. сем. $8^{44}/_{45}$ г., № 5.

шелъ на классъ логики, психологіи и чтенія латинскихъ писателей.

Отзывы всѣхъ питомцевъ Владимірской семинаріи, учившихся у Сердцева, согласуются въ томъ, что онъ былъ человѣкъ даровитый, энергичный, относившійся серьезно къ своимъ служебнымъ обязанностямъ: объяснялъ толково, спрашивалъ строго. На уроках логики и психологіи Осипъ Троф. устраивалъ нѣчто въ родѣ дореформенныхъ диспутовъ, пріучалъ учениковъ къ діалектикѣ и умѣнію отстаивать свои положенія. Ученическія сочиненія перечитывались имъ внимательно и подробно разбирались въ классѣ. Оцѣнка ихъ, по словамъ одного изъ питомцевъ Сердцева, была и мѣткая, и справедливая. Но эти почтенныя качества Сердцева, какъ наставника, въ значительной степени затемнялись его чрезвычайно воспламеняющимся и горячимъ характеромъ. Въ гнѣвѣ Осипъ Трофимовичъ былъ грозой для учениковъ, доходилъ до неистовства и способенъ былъ на всякія жестокости. Вотъ, для примѣра, сцена, которую рисуетъ одинъ изъ учениковъ Сердцева, окончившій курсъ въ 60 г. „Къ Осипу Трофим. отвѣчать урокъ по логикѣ и психологіи выходили обыкновенно къ столу. Вотъ однажды вызываетъ онъ Б. и, неудовлетворенный его отвѣтомъ (что-то о рогатомъ силлогизмѣ), начинаетъ трепать его за волосы. Вызываетъ А., и съ нимъ такая же расправа. Вызываетъ меня, беретъ записки и въ концѣ концовъ приглашаетъ придвинуться къ нему. Я возымѣлъ дерзновеніе не подходить, говоря, что у меня голова болитъ. Взбѣшенный ослушаніемъ, Осипъ Троф. швырнулъ мои тетрадки, и разлетѣлись онѣ по полу. Собирать ихъ я не счелъ удобнымъ, сообразивъ вторично, что разсерженный преподаватель можетъ застичь меня на срединѣ комнаты и раздѣлаться со мной съ сугубымъ усердіемъ. Такъ какъ я ушелъ на мѣсто, отказавшись собирать листы, то навлекъ на себя такой гнѣвъ наставника, что онъ тутъ же пригрозилъ низвести меня въ 3-й разрядъ, что къ моему ужасу потомъ и исполнилъ“[1]). Въ припадкѣ гнѣва, Сердцевъ придумывалъ иногда утонченныя наказанія, напоминающія собою истязанія дореформеннаго времени. Напр., онъ ставилъ провинившихся учениковъ на колѣни на ребрахъ парты и оставлялъ ихъ въ такомъ положеніи въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ.

Но за этою пылкостью характера, граничившею нерѣдко съ жестокостью, все же, какъ говорилось уже выше, скрывалось доброе сердце, желаніе ученикамъ блага, стремленіе развить ихъ, поднять ихъ интеллектуальный уровень. „Не мало нужно было лѣтъ, пишетъ цитованный выше ученикъ Сердцева, чтобы за сту-

---

1) Рукопись П. В.

шевавшеюся непохвальною рѣзкостью учителя узрѣли очи наши то его сердечное радѣніе о насъ, которымъ онъ вдохновлялся, доходя иногда до неистовства... Еще и теперь припоминается, съ какою онъ, бывало, образною, хотя подчасъ и грязноватою, мимикою рисовалъ нашу легкомысленную, чуждую серьезнаго труда повадку въ приготовленіи уроковъ, съ какимъ рвеніемъ и вдохновеніемъ переводилъ Цицерона, заставляя заучивать по цѣлой страницѣ наизусть латинскаго текста". Много сохранилось разсказовъ о томъ, какъ этотъ строгій и требовательный наставникъ сочувственно относился къ семинаристамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ постигала какая-нибудь неожиданная бѣда или незаслуженное несчастіе. Однажды ректоръ Алексій, заподозривъ какого-то больного въ притворствѣ, велѣлъ силою забрать его изъ больницы и привести въ классъ. Шелъ урокъ Сердцева. Больной сѣлъ за парту и заплакалъ. Осипъ Трофимов. подошелъ къ нему, внимательно осмотрѣлъ его, вынулъ изъ кармана нѣсколько мелочи и, подавая больному, проговорилъ: „Отправляйтесь домой! Вотъ вамъ на извозчика!". „Я боюсь ректора", возразилъ ученикъ. „Я васъ отпускаю на свой рискъ!" Послѣ урока Сердцевъ побѣжалъ въ комнаты Алексія и съ обычною своею горячностью наговорилъ ему много такого, чего не осмѣливались сказать другіе [1]). Кромѣ отзывчивости къ чужимъ нуждамъ и невзгодамъ, лица, близко знавшія О. Т. Сердцева, отмѣчаютъ въ числѣ похвальныхъ чертъ его характера религіозность: надѣнетъ, бывало, на плечи котомку въ каникулярное время и съ посохомъ въ рукѣ идетъ на богомолье то въ Кіевъ, то въ Соловки, то въ Саровъ, то въ Воронежъ.

7 дек. 1864 г. Сердцевъ переведенъ, по ходатайству архим. Саввы, въ Виѳанскую семинарію на классъ логики и соединенныхъ съ нею предметовъ. 13 авг. 1866 г. перемѣщенъ на классъ педагогики. 10 октября того же года рукоположенъ во священника къ Московской Смоленской, что въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, церкви съ оставленіемъ на службѣ при семинаріи. 27 окт. 1869 г. опредѣленъ къ Московской, Григорія Богослова, церкви, а отсюда перешелъ къ церкви св. Алексія митрополита, что на Глинищахъ. Скончался въ санѣ протоіерея 9 февр. 1884 г.[2]). Изъ литературныхъ трудовъ Сердцева извѣстны: „Память трехъ великихъ святителей вселенскихъ" во Влад. Епарх. Вѣд. 1884 г., №№ 4—7; „Эмансипація женщины" въ Душеполезномъ Чтен. 1865 г., кн. 9 и „Еврейско-русскій словарь на библейскій текстъ", надъ которымъ Сердцевъ трудился 25 лѣтъ. Словарь не изданъ. Смерть застигла

---

[1]) Арх. сем. Рукоп. Дневникъ бурсака.

[2]) См. некрологъ во Влад. Епарх. Вѣд. 1884 г., стр. 177—78. Отзывъ о Сердцевѣ см. Саввы Хроника моей жизни, т. 2, стр. 749.

Осипа Троф. въ то время, когда ему уже оставалось немного, чтобы довести этотъ грандіозный трудъ до конца.

Василій Ив. Миловидовъ (1835—63), обучался въ Нижегородской семинаріи и окончилъ курсъ въ Петербургской академіи со степенью магистра. 10 окт. 1835 г. назначенъ во Владимірскую семинарію на классъ математики и нѣмецкаго языка. 25 ноября того же года, согласно его желанію, переведенъ на классъ словесности. 26 дек. 1838 г. рукоположенъ во священники къ Владимірской семинарской церкви. Со времени преобразованія учебной части въ семинаріяхъ поступилъ на предметы, назначенные по росписанію для II наставника (Св. писаніе, риторика и латинскій яз. въ низшемъ отд.). 30 авг. 1847 г. произведенъ въ протоіерея. 14 окт. 1852 г. переведенъ съ класса словесности на классъ чтенія Св. Писанія и греческаго языка въ высшемъ и среднемъ отд. 11 февр. 1862 г. уволенъ отъ исправленія священнической должности при Богородицкой церкви. 22 янв. 1863 г. назначенъ инспекторомъ въ Кавказскую (Ставропольскую) семинарію. 11 апр. того же года постриженъ въ монашество, 14 апр. возведенъ въ санъ архимандрита. Изъ Кавказской семинаріи архим. Владиміръ переведенъ ректоромъ въ Курскую, а отсюда въ 1868 г. назначенъ настоятелемъ Толгскаго монастыря. 1878 г. уволенъ на покой и умеръ во Владимірѣ 4 ноября 1891 г. Погребенъ при семинарской церкви. — Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстно соч. „Ярославскій Толгскій монастырь". 1873 г.

Вас. Ив. Миловидовъ пользовался извѣстностью не столько, какъ профессоръ[1]), сколько какъ священникъ Богородицкой церкви. Богослуженіе онъ совершалъ всегда благоговѣйно, внятно и съ чувствомъ. Къ этому же пріучалъ читавшихъ и пѣвшихъ на клиросѣ учениковъ. „Если Вас. Ив. замѣчалъ, что, напр., часы ученикъ прочиталъ скоро, то заставлялъ обыкновенно его перечитывать ихъ вновь, не спѣша и съ чувствомъ благоговѣнія къ читаемому"[2]).

Михаилъ Мих. Соловьевъ (1836—38), обучался во Владимірской семинаріи и Московской академіи (1832—36). По окончаніи академіи по 2 разряду, 20 авг. 1836 г. опредѣленъ во Владимірскую дух. семинарію учителемъ математики и греческаго языка. 29 сент. того же года назначенъ помощникомъ инспектора. 10 нояб. 1838 г. переведенъ въ Пензенскую семинарію учителемъ математики, еврейскаго языка и церковно-библейской исторіи. Съ введеніемъ новаго учебнаго устава въ 1840 г. на Мих. Мих. Соловьева воз-

---

1) Преосв. Савва, ревизовавшій Влад. семинарію въ 1862 г., даетъ о Вас. Ив. Миловидовѣ такой отзывъ. „По отзыву ректора, наставникъ трудолюбивый, опытный и усердный, но, по излишней снисходительности къ ученикамъ, трудъ его не приноситъ должныхъ плодовъ". Т. 2, стр. 749.

2) См. Влад. Епарх. Вѣд. 1882 г., стр. 199.

ложено было преподаваніе математическихъ наукъ, естественной исторіи, сельскаго хозяйства и еврейскаго языка. 25 мая 1843 г. назначенъ помощникомъ инспектора. 21 февр. 1844 г.—смотрителемъ Краснослободскихъ дух. училищъ. 22 дек. 1859 г. снова переведенъ во Владимірскую семинарію (см. ниже). Переходъ М. М. Соловьева изъ Владиміра въ Пензу былъ, какъ говорятъ, ближайшимъ слѣдствіемъ вступленія его въ бракъ съ мѣщанскою дочерью, на что въ то время начальство смотрѣло въ высшей степени неблагосклонно. Первый періодъ пребыванія Соловьева во Владимірской семинаріи былъ непродолжителенъ, и М. М., естественно, не могъ зарекомендовать себя наставникомъ, основательно ознакомившимся со своимъ предметомъ. „Когда мы перешли въ среднее отдѣленіе, пишетъ преосв. Савва, онъ только лишь окончилъ въ Московской дух. академіи курсъ съ званіемъ кандидата и едва-ли достаточно былъ подготовленъ къ преподаванію назначенныхъ ему предметовъ. По крайней мѣрѣ, на первый разъ онъ не иначе могъ разрѣшать алгебраическія и геометрическія задачи, какъ съ помощью учебника, да и то не безъ ошибокъ. Понятно, что такое преподаваніе не могло расположить учениковъ къ внимательному слушанію уроковъ. Почтенный преподаватель убѣждалъ насъ къ занятію математикой примѣромъ самого Іисуса Христа, который въ дѣтствѣ занимаясь, подъ руководствомъ праведнаго Іосифа, древодѣліемъ, не могъ-де не знать математики. Но и этотъ доводъ не имѣлъ успѣха. Съ бо́льшимъ вниманіемъ и интересомъ мы слушали уроки по физикѣ; особенно памятны для меня чтенія объ электричествѣ, потому что эти чтенія подкрѣпляемы были опытами. Въ нашей семинаріи въ то время былъ очень жалкій физическій кабинетъ. Въ немъ была однакожъ старая испорченная электрическая машина, которую Мих. Михайловичъ сумѣлъ какъ-то исправить и не разъ приносилъ ее къ намъ въ классъ. На публичномъ экзаменѣ 1838 г. Мих. Михайловичъ заинтересовалъ публику своимъ предметомъ. Онъ начертилъ на бумагѣ въ довольно большомъ размѣрѣ рисунокъ паровой машины, съ обозначеніемъ буквами и цифрами составныхъ ея частей, и мы предъ публикой объясняли значеніе и взаимное отношеніе этихъ частей“ [1]).

Михаилъ Маіевскій (1836—44), изъ Костромской семинаріи, кандидатъ Московской академіи (1832—36). По окончаніи академическаго курса, 1836 г. опредѣленъ во Владиміръ на классъ словесности (новооткрытый 4-й) и оставался на немъ до 1844 г., когда, согласно изъявленному желанію, уволенъ отъ училищной службы для поступленія въ свѣтское званіе. У питомцевъ М. Маіевскаго

---

[1]) Т. I, 115—16.

сохранилось о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ усердномъ къ дѣлу, гуманномъ въ обращеніи и опытномъ въ преподаваніи.

Іеромонахъ *Рафаилъ* (1837—41), въ мірѣ Степанъ Дм. Шипулинскій, изъ Черниговской семинаріи, окончилъ курсъ въ Кіевской академіи въ 1827 г. первымъ магистромъ и оставленъ былъ баккалавромъ по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія. Профессорская служба Рафаила въ Кіевѣ была непродолжительна и окончилась несчастливо. Въ 1830 г. Рафаилъ „по разстройству въ разсудкѣ“ [1]) удаленъ былъ изъ Кіева въ заточеніе въ Спасоевѳиміевъ монастырь съ пенсіей въ размѣрѣ 200 р. въ годъ, впредь до выздоровленія. 18 ноября 1835 г. пенсія была прекращена за выздоровленіемъ; Рафаилъ опредѣленъ въ число братій означеннаго монастыря. Положеніе его значительно ухудшилось. Средствъ къ содержанію не было никакихъ, а между тѣмъ лѣченіе рака, открывшагося у Рафаила на груди, соединено было съ большими расходами. Рафаилъ впалъ въ неоплатные долги. Къ счастью, въ судьбѣ его принялъ участіе сострадательный Парѳеній. Въ 1836 г. онъ ходатайствовалъ уже предъ Серафимомъ объ освобожденіи изъ заточенія Кіевскаго баккалавра. Въ силу этого ходатайства, Рафаилъ переведенъ былъ изъ Суздаля въ архіерейскій Владимірскій домъ. Парѳеній на этомъ не остановился. Вслѣдствіе его отношенія, 22 дек. 1836 г. Коммиссія дух. училищъ поручила Рафаилу чтеніе ученическихъ сочиненій въ высшемъ отд. Владимірской семинаріи, каковую обязанность онъ исправлялъ до 12 іюня 1837 г. 19 сент. того же года Коммиссія дух. училищъ положила открыть во Владимірѣ третій классъ богословія и учителемъ его опредѣлить Рафаила. 15 октября 1839 г. Рафаилъ назначенъ былъ инспекторомъ. Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 30 апр./25 мая 1841 г. онъ переведенъ на ту же должность въ Новгородскую семинарію, отсюда ректоромъ въ Пермскую. Въ іюнѣ 1846 г. удаленъ отъ должности ректора и помѣщенъ подъ надзоръ въ Предтеченскій Трегуляевъ монастырь Тамбовской епархіи. Въ Предтеченскомъ монастырѣ Рафаилъ велъ себя хорошо, „въ образѣ мыслей его ничего сомнительнаго не было“, вслѣдствіе чего опредѣленіемъ отъ 28 нояб./31 дек. 1847 г. Св. Синодъ постановилъ перевести Рафаила изъ Тамбовской во Владимірскую епархію, согласно его желанію, для помѣщенія въ

---

[1]) Такова оффиціальная причина удаленія Рафаила изъ академіи. Но, насколько можно судить по послѣдующей исторіи Рафаила, причиною тому былъ его горячій характеръ, а можетъ быть и нѣкоторое свободомысліе. Такъ думать даетъ право еп. Парѳеній, который въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Серафиму по поводу назначенія Рафаила инспекторомъ говоритъ: „заступившій его (Митрофана) мѣсто баккалавръ Кіевскій Рафаилъ, за норовъ свой попавшій въ Спасоевѳиміевъ монастырь и тамъ обсидѣвшійся, кажется, надеженъ. (Влад. Епарх. Вѣд. 1879 г., стр. 51.

одномъ изъ монастырей. Для содержанія его разрѣшено было производить ему классный окладъ по степени магистра. Но и здѣсь Рафаилъ оставался недолго. Въ концѣ 1848 года мы видимъ уже его въ Кіевѣ.

Рафаилъ, понятно, явился во Владимірской семинаріи однимъ изъ ученѣйшихъ профессоровъ. Извлеченія изъ его лекцій по догматическому и нравственному богословію хранятся до сего времени въ фундаментальной библіотекѣ Владимірской семинаріи [1]). Его конспекты по богословскимъ наукамъ носятъ замѣтный отпечатокъ оригинальности, самостоятельности и рѣзко отличаются отъ конспектовъ его сотоварищей по предметамъ. Ученики понимали, что видятъ предъ собою профессора не изъ обычныхъ и что Рафаилу мѣсто въ академіи, а не въ семинаріи. Глубокое впечатлѣніе, которое производили на учениковъ лекціи Рафаила, усиливалось благодаря краснорѣчивому изложенію ихъ и хорошей дикціи профессора. Вдохновленная рѣчь этого нервнаго и тщедушнаго человѣка наэлектризовывала аудиторію. По разсказамъ одного изъ питомцевъ Владимірской семинаріи, окончившаго курсъ въ 1842 г. [2]), лишь только начиналось объясненіе Рафаила, аудиторія замирала, боясь проронить одно слово оратора. Случалось, что послушать Рафаила приходили ученики даже другихъ отдѣленій.

Къ сожалѣнію только, при такихъ научныхъ и ораторскихъ достоинствахъ, Рафаилъ отличался вспыльчивымъ и въ высшей степени самолюбивымъ характеромъ. Характеръ этотъ послужилъ причиною изгнанія его изъ Кіева; онъ причинилъ ему много непріятностей и во Владимірѣ. Когда въ 1838 году, разсказываетъ преосв. Савва, разнесся слухъ о скоромъ пріѣздѣ въ семинарію ревизора архимандрита Филарета (впослѣдствіи архіеп. Черниговскаго), среди насъ начались толки о томъ, какъ встрѣтится ожидаемый ревизоръ съ баккалавромъ, и многіе предугадывали полемику, такъ какъ Рафаилъ отличался горячимъ, вспыльчивымъ характеромъ. Ожиданія, дѣйствительно, оправдались. „Я былъ свидѣтелемъ, пишетъ Савва, этой полемики. Не помню, по какому вопросу завязался между ревизоромъ и профессоромъ жаркій споръ. Рафаилъ, послѣ долгаго словопренія, разгорячившись (а онъ былъ чрезвычайно пылкаго характера), сказалъ наконецъ: „да объ этомъ нигдѣ не говорится у отцевъ церкви“. Ревизоръ, въ свою очередь разсердившись, сказалъ на это въ отвѣтъ: „да ты еще не всѣхъ отцевъ-то прочиталъ“. На этомъ и прекратилась бурная полемика между двумя учеными борцами. Рафаилъ послѣ

---

1) См. отд. рукоп., № 14.

2) Разумѣется А. И. Алявдинъ.

сильно негодовалъ на ревизора за такой его отвѣтъ“ [1]).—Даже въ отношеніяхъ къ своему благодѣтелю Парѳенію Рафаилъ былъ далеко не корректенъ [2]). Самолюбіе и раздражительность толкали Рафаила по временамъ на поступки довольно опрометчивые, оскорбительные для Парѳенія.

Не смотря однако на такую вспыльчивость и неуживчивость, Рафаилъ, по званію инспектора семинаріи, оставилъ по себѣ воспоминанія, какъ о человѣкѣ добромъ и снисходительномъ къ погрѣшностямъ другихъ. Случилось, разсказываетъ А., что въ одинъ изъ престольныхъ праздниковъ Богословской церкви два семинариста высшаго класса, состоявшіе пѣвчими при этой церкви, получивъ денежное вознагражденіе отъ церковнаго старосты, устроили въ этотъ счетъ угощеніе, перешли предѣлы дозволеннаго и захмелѣли. Одинъ изъ нихъ облеченъ былъ правами старшаго. Внезапно Рафаилъ позвалъ послѣдняго къ себѣ и началъ съ нимъ осмотръ квартиръ, принадлежащихъ къ округу его старшинства. Ни живъ, ни мертвъ бродилъ уличенный преступникъ, сознавая всю нелѣпость и безвыходность своего положенія. Рафаилъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ. Наконецъ, вошли въ квартиру, гдѣ едва держался на ногахъ сотоварищъ уличеннаго. На столѣ валялись остатки трапезы,—новыя улики проступка. Рафаилъ, намѣренно направился въ другую сторону комнаты, заинтерессовался канарейкой, которая висѣла въ окнѣ, и сталъ разсматривать чрезъ окно пышную растительность сада, а затѣмъ повернулся и направился къ выходу. На бѣду пьяный собутыльникъ старшаго совершенно утратилъ чувство самосохраненія. Съ видомъ предупредительности онъ ринулся къ двери, чтобы открыть ее, но не удержалъ равновѣсія и покатился кубаремъ по лѣстницѣ. Виновные выдали себя головой. Долготерпѣніе Рафаила было настолько велико, что и послѣ этого онъ хотѣлъ оставить дѣло безъ послѣд-

---

[1]) Т. I, стр. 140—41.

[2]) Разсказываютъ, что однажды Рафаилу понравились у Парѳенія сухари, предложенные къ чаю. Парѳеній, желая оказать вниманіе своему любимцу, на другой день послалъ ему нѣсколько такихъ сухарей и, когда они были приняты, посылалъ ихъ Рафаилу впослѣдствіи еще нѣсколько разъ. Но Рафаилъ посмотрѣлъ на такую любезность иначе. Она показалась ему обидною. Сухари оставались нетронутыми; Рафаилъ бросалъ ихъ въ особую корзинку, выжидая случая открыто заявить свое недовольство. Случай не заставилъ себя долго ждать. Парѳеній исправилъ нѣсколько выраженій въ проповѣди Рафаила, предназначенной для произнесенія при архіерейскомъ богослуженіи. Рафаилъ оставилъ безъ вниманія поправки и произнесъ проповѣдь въ ея первоначальной редакціи. Когда Парѳеній упрекнулъ его въ этомъ, Рафаилъ наговорилъ владыкѣ много обиднаго и въ заключеніе отослалъ ему корзинку съ накопленными сухарями, замѣтивъ, что въ покровительствѣ и подачкахъ отъ кого бы то ни было онъ совершенно не нуждается.

стій, желая прикрыть своею снисходительностью погрѣшность учениковъ, которыхъ считалъ достойными этого. Но сами виновные почувствовали необходимость искупленія своей вины. По взаимному соглашенію, они на слѣдующій день встали на ноги на урокѣ Рафаила и оставались въ такомъ положеніи въ теченіе трехъ классовъ, пока онъ не сказалъ, что прощаетъ ихъ.

Ѳеодоръ Мих. Надеждинъ (1837—42), съ 1828 - 33 г. обучался во Владимірской семинаріи, съ 33—37 г. Петербургской академіи, которую окончилъ четвертымъ магистромъ. 18 сентября 1837 года опредѣленъ во Владимірскую семинарію на классъ философскихъ наукъ. 7 февраля 1842 г. рукоположенъ къ Владимірской Николо-златовратской церкви во священники и въ томъ же году апр. 12 опредѣленъ ректоромъ Владимірскихъ дух. училищъ. 1 февраля 1847 г. утвержденъ членомъ духовной консисторіи, а 24 августа того же года возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1852 г. (15 дек.) переведенъ въ Успенскій каѳедральный соборъ. Съ 24 іюня 1857 г. по 25 сентября того же года исправлялъ должность ректора семинаріи. Наставникомъ философіи Ѳ. Мих. состоялъ недолго, но и въ этотъ короткій промежутокъ завоевалъ себѣ солидную репутацію. Преосв. Савва отзывается о Надеждинѣ, какъ объ основательномъ преподавателѣ, одномъ изъ лучшихъ въ свое время наставниковъ семинаріи [1]). Умеръ Ѳ. М. Надеждинъ 14 декабря 1876 года [2]).

Алексѣй Сахаровъ (1838—39), воспитанникъ Тульской семинаріи и Московской академіи, окончилъ со степенью кандидата въ 1838 г. и въ томъ же году опредѣленъ во Владимірскую семинарію на классъ греческаго и нѣмецкаго языка. Въ іюлѣ 1839 г. Сахаровъ оставилъ семинарію за слабостью здоровья и уѣхалъ въ Тульскую епархію. Въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, выданномъ ему изъ врачебной управы, говорилось о завалѣ печени и ревматизмѣ.

Василій Ежел Богородицкій (1839—42), уроженецъ Владиміра и воспитанникъ Владимірской семинаріи. 1839 года окончилъ Петербургскую академію со степенью кандидата и въ томъ же году опредѣленъ наставникомъ Владимірской семинаріи по предмету чтенія Св. Писанія и библейской исторіи. Въ 1842 г. переведенъ на классъ логики и психологіи и въ томъ же году рукоположенъ во священники къ церкви Владимірскаго благороднаго пансіона и назначенъ законоучителемъ гимназіи. Семинарскую службу, понятно, оставилъ. Въ 1864 г. возведенъ въ санъ протоіерея. „По

[1]) Т. I, стр. 122.

[2]) Воспоминанія о Ѳ. М. Надеждинѣ, какъ смотрителѣ Владимірск. дух. училищъ, см. Влад. Епарх. Вѣдом. 1900 г., №№ 6—8.

классу Св. Писанія, пишетъ преосв. Савва, намъ даны были преподавателемъ В. Е. Богородицкимъ не очень пространныя записки только на двѣ, если не ошибаюсь, книги Н. Завѣта, а именно: на евангеліе отъ Іоанна и на посланіе ап. Павла къ Евреямъ. Какъ Богородицкій только лишь въ 1839 г. окончилъ курсъ академіи, то, естественно, что онъ не могъ быть еще удовлетворительнымъ наставникомъ" [1]). Умеръ Богородицкій въ Кронштадтѣ. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: „Священная исторія Ветхаго Завѣта". 1865 г. 220+XII стр.; „Легчайшій способъ находить мѣсяцъ и число дня Пасхи". Влад. Епарх. Вѣд. 1870 г., 366—67.

Матвей Ив. Соколовъ (1839—48), изъ Владимірской семинаріи, магистръ Кіевской академіи (1835—39). 27 сентября 1839 г. опредѣленъ во Владиміръ наставникомъ философіи. Съ 9 мая 1840 г. по 10 сентября 1841 г. проходилъ должность помощника инспектора надъ казеннокоштными учениками семинаріи. Со времени преобразованія учебной части въ семинаріи назначенъ профессоромъ по классамъ логики. психологіи и чтенія латинскихъ писателей. 17 мая 1843 г. утвержденъ секретаремъ. Въ 1845 г. уволенъ изъ духовнаго званія вслѣдствіе вдовства. 6 января 1848 г. опредѣленъ на службу въ контору Московской синодальной типографіи (секретаремъ) и вышелъ изъ Владимірской семинаріи. Впослѣдствіи М. Ив. Соколовъ сдѣлался смотрителемъ и членомъ совѣта Куманинской богадѣльни въ Москвѣ [2]).

Алексѣй Ив. Педяшевъ (1839), кандидатъ Петербургской академіи, сынъ протоіерея и законоучителя Смольнаго монастыря въ Петербургѣ. 15 октября 1839 г. назначенъ во Владимірскую семинарію для преподаванія церковной исторіи и еврейскаго языка. „Молодой, красивый собою, съ изящными манерами, пишетъ Савва, Алексѣй Ивановичъ явился къ намъ въ классъ въ модномъ фракѣ и въ шубѣ на какомъ-то невиданномъ у насъ, дорогомъ мѣху. Небрежно сбросивъ съ себя шубу, онъ остался во фракѣ и началъ, ходя по классу взадъ и впередъ, что-то намъ проповѣдывать; но какъ наша классная комната, хотя очень небольшая, была недостаточно натоплена, а можетъ быть и вовсе не была топлена и какъ въ поученіи юнаго наставника не возгорался еще огонь, то нашъ петербуржецъ ежился—ежился, наконецъ, попросивши у насъ извиненія, поспѣшилъ завернуться въ свою теплую шубу и продолжалъ ораторствовать, сидя уже за своимъ преподавательскимъ столомъ. Съ порученнымъ ему предметомъ онъ былъ, какъ видно, очень мало знакомъ; но намъ пріятно было слышать его живую, веселую болтовню; у насъ вовсе почти не было настав-

[1]) Т. I, стр. 132.
[2]) См. Савва. Т. I, стр. 287, пр. 1.

никовъ съ живымъ, свободнымъ словомъ. Нашъ молодой наставникъ, вмѣсто серьезнаго преподаванія предмета, занималъ насъ забавными анекдотами. Онъ разсказывалъ, напр., намъ, что онъ видѣлъ въ Ревельской лютеранской киркѣ картину, на которой изображено путешествіе Іакова въ Месопотамію: Іаковъ представленъ сидящимъ въ коляскѣ, запряженной парою лошадей цугомъ. Единственнымъ памятникомъ преподаванія церковной исторіи Недешевымъ сохранились у меня на двухъ или трехъ листахъ записки объ отдѣленіи Западной церкви отъ Восточной.—Что касается до еврейскаго языка, который суждено было преподавать г. Недешеву, то онъ не зналъ по этому предмету, какъ говорится, ни аза въ глаза. Мы по крайней мѣрѣ научились уже у прежняго профессора читать и писать по еврейски и даже умѣли дѣлать разборъ грамматическій, знали довольно твердо формы глаголовъ: онъ читать даже не умѣлъ. Бывало, придетъ къ намъ въ классъ съ нѣмецкою библіею, и когда кто-нибудь изъ насъ, прочитавши по еврейской библіи какой-нибудь стихъ, начинаетъ повторять готовый уже переводъ протоіерея Павскаго, онъ, не обинуясь, говорилъ иногда: „что это, господа, по нѣмецки-то не такъ нужно перевесть". Диковинныя дѣла творились въ наши блаженныя времена!.. Но г. Недешевъ, не разумѣя еврейскаго языка, владѣлъ нѣмецкимъ такъ же свободно, какъ и русскимъ: поелику родился и воспитался среди нѣмцевъ, въ Ревелѣ, гдѣ отецъ его былъ сначала на службѣ. Недолго однакожъ оставался у насъ этотъ милый учитель–полунѣмецъ; онъ мелькнулъ предъ нашими глазами, какъ метеоръ: чрезъ мѣсяцъ или два его уже не стало: онъ улетѣлъ назадъ въ сѣверную столицу, не помню, на какую должность" [1]). Опредѣленіемъ отъ 18 ноября 1839 г. А. Н. Недешевъ перемѣщенъ былъ въ Новгородскую семинарію.

Алексѣй Вас. Миртовъ (1839—46), изъ Владимірской семинаріи, окончилъ Кіевскую академію со степенью кандидата въ 1839 г. 19 октября того же года опредѣленъ во Владиміръ учителемъ по классу библейской исторіи и чтенія Св. Писанія. По случаю преобразованія семинаріи назначенъ учителемъ по предметамъ, положеннымъ для III наставника (герменевтика, св. писаніе и чтеніе отцевъ греческихъ). Съ 24 сентября 1841 года по 19 октября 1842 г. и съ 10 ноября 1844 г. по 1846 г. проходилъ должность помощника инспектора надъ казеннокоштными учениками. Съ 2 ноября 1844 г., кромѣ своихъ предметовъ, сталъ читать нѣмецкій языкъ. Въ 1846 г. уволенъ по прошенію отъ семинарской службы. Въ іюнѣ 1846 г. А. В. Миртовъ опредѣленъ на гражданскую службу въ Енисейскую губ.

---

1) Т. I, стр. 146—47.

Александръ Аоан. Кохомскій (1839—44), изъ Владимірской семинаріи и Петербургской академіи, которую окончилъ со званіемъ кандидата (1835—39). Во Владимірѣ опредѣленъ на мѣсто Недешева 1839 года 18 ноября. „Кохомскій, по словамъ преосв. Саввы, составлялъ совершенный почти контрастъ съ Недешевымъ. Высокаго роста, плечистый, съ грубоватыми манерами и съ сильнымъ басистымъ голосомъ, онъ производилъ на нервы какое-то раздражающее впечатлѣніе, хотя былъ характера простого и очень добраго. На его долю выпало преподавать намъ исторію русской церкви. Вытвердитъ, бывало, на память какой-нибудь разсказъ по печатному руководству и, ходя по классу, читаетъ своимъ басистымъ, отрывистымъ голосомъ, какъ будто дрова рубитъ. Не знаю, почему, ему же поручено было преподавать намъ уроки по Св. Писанію Ветхаго Завѣта. Желая, вѣроятно, блеснуть предъ нами своею ученостью, онъ предложилъ намъ самимъ указать ему ту или другую книгу Ветх. Завѣта для объясненія, и когда я предложилъ ему книгу пророка Іезекіиля, то онъ, подошедши ко мнѣ и положивъ свои могучія руки на мои плечи, съ наивностію сказалъ: „нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, эту книгу я не въ состояніи объяснить, укажите другую“... А. А. Кохомскій оставилъ по себѣ въ нашей семинаріи память тѣмъ, что онъ первый вывезъ изъ Петербурга литографированный экземпляръ русскаго перевода учительныхъ и пророческихъ книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и надѣлавшаго въ свое время столько шума. Съ этого экземпляра тотчасъ же сдѣлано было наставниками и учениками семинаріи нѣсколько списковъ“ [1]).—1844 г. Кохомскій рукоположенъ въ г. Шую къ Спасской церкви во священника, а 19 сент. 1849 г. скончался.

Михаилъ Мин. Никольскій (1839—57), студентъ Владимірской семинаріи и кандидатъ Петербургской академіи (1831—35). 14 апр. 1836 г. назначенъ лекторомъ греческаго и нѣмецкаго языка при Владимірской семинаріи. 11 сент. того же 1836 г. опредѣленъ въ Шуйское дух. училище въ низшее отдѣленіе учителемъ греческаго языка, катихизиса, ариѳметики и славянской грамматики. 1838 г. января 28 дня переведенъ въ Суздальское училище учителемъ латинскаго языка, ариѳметики, россійской и славянской грамматики. Предписаніемъ академическаго правленія отъ 15 янв. 1839 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на классъ гражданской исторіи и французскаго языка. Со времени преобразованія учебной части въ семинаріи (1840 г. 5 сент.) занялъ мѣсто учителя по предметамъ, положеннымъ для перваго наставника (катихизическое ученіе, всеобщая исторія, греческій языкъ). „Все-

1) Стр. 147—48.

общую исторію, пишетъ одинъ изъ учениковъ 40-хъ гг., преподавалъ намъ учитель М. М. Никольскій. Разсказывалъ больше по Шрекку, но не имѣлъ хорошей дикціи и дара слова. Его разсказъ, который онъ велъ, не сходя со стула, былъ до того монотоненъ, что нѣкоторые ученики засыпали за партой хорошимъ сномъ. Къ тому же рѣчь его постоянно изобиловала повтореніями одного и того же слова. Вотъ, напр., осталось въ памяти отъ одного изъ его разсказовъ о какой-то древней войнѣ: „Это была война, война кровопролитная, это была война, которая служила переворотомъ въ государствѣ"... Для произведенія, должно быть, большаго эффекта при каждомъ повтореніи онъ понюхаетъ табачку изъ табакерки, лежавшей съ платкомъ на столѣ"[1]). По выслугѣ пенсіи, въ 1857 г. Мих. Миничъ рукоположенъ былъ во священника къ Шуйской Крестовоздвиженской церкви, откуда въ 1867 г. переведенъ во Владиміръ къ церкви Успенскаго женскаго монастыря. Скончался 1872 г.

Кромѣ профессоровъ и учителей, дѣломъ обученія занимались, такъ называемые, *лекторы*. Семинарскимъ уставомъ разрѣшалось избирать изъ старшихъ учениковъ, по усмотрѣнію правленія, лучшихъ въ пособіе учителю по классу какого-нибудь языка. Такіе помощники „обучали начаткамъ языка отдѣльно отъ учителя, но подъ его надзоромъ и назывались лекторами". Не смотря на учительскія обязанности, лекторы не исключались изъ числа учениковъ и не прерывали своего ученія въ высшемъ отдѣленіи [2]). На практикѣ лекторы получили полномочія болѣе обширныя, чѣмъ предполагалъ уставъ. Языки имѣли второстепенное значеніе въ ряду другихъ семинарскихъ предметовъ. Надзоръ за успѣхами учениковъ въ нихъ былъ слабъ. Наставники, преподававшіе языки, естественно, постарались воспользоваться такимъ положеніемъ своихъ предметовъ въ семинарскомъ курсѣ и всю тяжесть обученія взваливали на лекторовъ, чѣмъ, конечно, еще болѣе понижали интересъ къ нимъ обучавшихся. Первые лекторы во Владимірской преобразованной семинаріи утверждены были 7 декабря 1814 г., по представленію профессора греческаго языка Подлинскаго. Такими лекторами были избраны Александръ Соловьевъ и Иванъ Розановъ [3]). Впослѣдствіи лекторы стали назначаться и на другіе предметы. 16 декабря 1816 г. правленіе Московской академіи предписало семинаріи, „по уваженію великаго числа учениковъ, въ классѣ словесности дать профессору помощника изъ учениковъ высшаго отдѣленія или изъ студентовъ, по-

---

[1]) Ркп. А. С.
[2]) Проектъ устава. Ч. I, отд. 1, гл. III, 37.
[3]) Арх. сем. 1814 г., кн. 2, дек. 3.

ступившихъ на мѣсто во Владимірѣ, которому именоваться лекторомъ и получать изъ остатковъ училищныхъ, соразмѣрно трудамъ его, жалованье". Лекторомъ назначенъ былъ священникъ Николозлатовратской церкви Александръ Соловьевъ съ жалованьемъ 150 руб. въ годъ [1]). Въ концѣ 1818 г. Московская академія сообщила во Владимірскую семинарію точныя правила, касающіяся числа учениковъ, ввѣряемыхъ одному профессору, и условіяхъ, при которыхъ возможно назначеніе наставнику помощника—лектора. Въ этихъ правилахъ, между прочимъ, говорилось: 1) Если число учениковъ простирается свыше 75, то профессору давать помощника со званіемъ лектора изъ лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія, коего долгъ состоять будетъ въ разсмотрѣніи сочиненій, назначенныхъ ученикамъ, и ему, сверхъ казеннаго жалованья, ежели таковымъ онъ будетъ пользоваться, производить умѣренное жалованье изъ хозяйственныхъ суммъ по усмотрѣнію. 2) Ежели число учениковъ будетъ свыше 150, то раздѣлить классъ на двѣ половины и на другую половину опредѣлить другого наставника [2]). Со времени этого указа во Владимірской семинаріи, какъ таковой, въ которой число учениковъ каждаго отдѣленія превышало цифру 150, стали открываться новые классы съ новыми штатными наставниками. Лекторы назначались послѣ этого почти исключительно только для преподаванія языковъ. Въ приведенномъ выше указѣ 1818 г. касательно такихъ лекторовъ говорилось слѣдующее. „Въ случаѣ многочисленности, профессору греческаго языка, какъ предмета общаго для всѣхъ учениковъ семинаріи, давать одного или двухъ помощниковъ со званіемъ лекторовъ и съ произведеніемъ жалованья на вышеозначенномъ основаніи съ тѣмъ, чтобы такимъ помощникамъ отдѣляемы были ученики менѣе успѣвающіе, между тѣмъ какъ профессоръ руководствуетъ успѣвающихъ руководственными наставленіями въ греческой словесности". —Лучшіе ученики оставались лекторами иногда и по окончаніи семинарскаго курса,—впрочемъ, не надолго. Лекторскіе оклады были слишкомъ скудны и давали мало средствъ къ существованію.

Высшій надзоръ за учебно-педагогическою дѣятельностью наставниковъ принадлежалъ правленію семинаріи и въ частности ректору. Семинарское правленіе вѣдало и постороннія жалобы на преподавателей. По нимъ давались въ правленіи тѣ или иныя рѣшенія. Такъ, въ 1846 г. учитель Мих. Никольскій пришелъ въ квартиру своей бывшей кухарки Василисы Яковлевой, сдѣлалъ осмотръ ея имѣнію и взялъ съ собою нѣкоторыя изъ ея вещей: двѣ шубы, войлокъ, три подушки, одѣяло, лисій воротникъ и три

---

[1]) Арх. сем. 1817 г., № 45.
[2]) Арх. сем. 1819 г., № 14.

платка, изъ которыхъ одинъ былъ шелковый. Вещи взяты были Никольскимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Яковлева, уходя отъ него со службы уворовала двѣ серебряныя ложки, шарфъ большой изъ аглицкой шерсти и нѣсколько штукъ бѣлья. Василиса Яковлева оцѣнила забранныя у нея Никольскимъ вещи въ 125 руб. ассигн. и подала жалобу полиціи. Но полиція отказалась дать ходъ дѣлу, отзываясь тѣмъ, что г. Никольскій есть лицо ей неподвѣдомое. Послѣ этого Василиса перенесла процессъ въ семинарское правленіе. Никольскій поспѣшилъ возвратить все забранное. Тогда Василиса прекратила искъ, и дальнѣйшее производство дѣла должно было само собою пріостановиться. Тѣмъ не менѣе, правленіе, принявъ во вниманіе то обстоятельство, что „Никольскій одинъ, безъ чиновника полиціи, рѣшилъ въ чужомъ домѣ обыскивать помянутую работницу и по одному недоказанному подозрѣнію въ покражѣ его вещей, взялъ у ней вещи ей принадлежащія“, поставило ему все это на замѣчаніе, съ тѣмъ, чтобы на будущее время избѣгалъ подобныхъ поступковъ [1]).

Секретари. Секретарь семинарскаго правленія избирался изъ числа преподавателей семинаріи. Въ 1818 г. вышло даже особое распоряженіе Коммиссіи дух. училищъ, по которому секретаремъ семинаріи долженъ назначаться кто-нибудь изъ учителей, „а не изъ постороннихъ чиновниковъ, служащихъ при консисторіи“, такъ какъ поступающіе въ секретари изъ консисторіи и другихъ подобныхъ учрежденій „по пріобрѣтенному ими навыку могутъ увеличить приказныя формы, обременительныя для училищнаго управленія“ [2]). Секретарями были: *Алексѣй Ильинскій* (1814—22), *Козьма Успенскій* (1822—25), *Петръ Богословскій* (1825—28), *Ив. Аристовъ* (1828—29), *Василій Романовскій* (1829—43 г.).

Секретарь имѣлъ помощника въ лицѣ письмоводителя, который назначался архіереемъ, по представленію семинарскаго правленія, изъ дѣйствительныхъ или исключенныхъ учениковъ семинаріи.

Библіотекари: Іеромонахъ *Аркадій* (1817—22 г.) [3]), *Петръ Богословскій* (1822—28), *Владиміръ Целебровскій* (1828—34), *Егоръ Борисоглѣбскій* (1835—36), *Михаилъ Соловьевъ* (1836—38), *Иванъ Солярскій* (1839—53).

Помощники инспектора. Должность помощниковъ инспектора, или субъинспекторовъ, учреждена была въ 1830 г. Ее исправляли

---

[1]) Арх. сем. 18$^{16}/_{17}$ г., № 318.

[2]) Арх. сем. 1818 г., № 122.

[3]) Съ 1818—22 Аркадій завѣдывалъ одной продажной библіотекой; собственно фундаментальной завѣдывалъ священникъ Богородицкой церкви Иванъ Флоринскій.

обыкновенно два молодыхъ профессора изъ наличнаго состава семинарской корпораціи, пользовавшіеся въ вознагражденіе за это казенными квартирами [1]). При разрозненности ученическихъ квартиръ, исправленіе обязанностей помощника инспектора соединено было съ большими трудностями [2]), вслѣдствіе чего мы видимъ постоянную смѣну лицъ, исправляющихъ должность помощниковъ инспектора, такъ какъ наставники всячески старались освободиться отъ бремени, которое возлагалось на нихъ почти принудительно. Это обстоятельство, въ связи съ отсутствіемъ въ семинарскомъ архивѣ формулярныхъ списковъ учащихъ [3]), лишаетъ насъ возможности дать хронологическій перечень помощниковъ инспектора въ періодъ съ 1830 по 1840 годъ.

ГЛАВА IV.

Учебная часть.—Поступленіе въ семинарію.—Отдѣленія и классы.—Предметы семинарскаго курса.—Росписаніе уроковъ.—Письменныя работы.—Темы.—Проповѣди.—Общія собранія.—Дни торжествъ.—Стихотворные опыты и ихъ значеніе.—Чтеніе книгъ.—Авдиторы.—Частныя и публичныя испытанія.—Разрядные списки. — Окончившіе курсъ и надзоръ за ними. — Высшія учебныя заведенія: духовныя академіи, медицинская академія, педагогическій институтъ и медицинскій институтъ при Московскомъ университетѣ.—Каникулы.

Со времени реформы 1814 г. трудъ элементарнаго образованія взяли на себя низшія училища: приходскія и уѣздныя. Семинарія принимала въ свои стѣны питомцевъ, окончившихъ полный училищный курсъ, послѣ краткихъ испытаній или совершенно безъ таковыхъ въ томъ случаѣ, если на выпускныхъ училищныхъ экзаменахъ присутствовалъ уполномоченный членъ семинарской корпораціи.

По уставу 1808 года весь семинарскій курсъ распадался на три двухгодичныхъ отдѣленія: высшее, среднее и низшее. Въ каждомъ изъ отдѣленій были свои главные предметы, которыми ученики обязаны были усиленно заниматься и по имени которыхъ отдѣленія получали свое названіе. Такимъ образомъ, въ семинаріи различались: богословіе, философія и риторика. Каждое изъ отдѣленій впослѣдствіи, со времени увеличенія учениковъ въ семинаріи, раздѣлилось на нѣсколько классовъ. Правилами, утвержден-

---

1) Подробнѣе объ учрежденіи должности помощниковъ инспектора см. ниже въ главѣ V.

2) См. выше докладъ В. П. Целебровскаго.

3) Формулярные списки начальствующихъ и учащихъ во Владимірской семинаріи имѣются въ семинарскомъ архивѣ только съ $18^{41}/_{42}$ учебнаго года.

ными Коммиссіей дух. училищъ 1818 г., разрѣшалось раздѣлять отдѣленіе на два класса въ томъ случаѣ, если число учениковъ превышаетъ цифру 150. Въ 1835 г. эта предѣльная цифра понижена была еще на 50 [1]. Къ концу разсматриваемаго періода во всѣхъ отдѣленіяхъ Владимірской семинаріи было по три класса, а въ низшемъ четыре.

Богословіе. Богословскія науки признавались главнѣйшими въ семинарскомъ курсѣ и проходились въ высшемъ отдѣленіи. Читалъ ихъ обыкновенно ректоръ, а съ подраздѣленіемъ богословскаго отдѣленія на классы, кромѣ его, инспекторъ и еще кто-нибудь изъ монашествующихъ. Учебника по богословію, какъ и по другимъ предметамъ, не существовало. Ученикамъ выдавались профессоромъ краткія записки на латинскомъ языкѣ, которыя въ классѣ пополнялись русскими объясненіями [2]). Русскій языкъ вообще получалъ все большія и большія права гражданства; латынь постепенно вытѣснялась и забывалась. Уже въ 1815 году ревизовавшій семинарію Филаретъ замѣтилъ при испытаніи учениковъ по догматикѣ, что „многіе не были свободны въ употребленіи латинскаго языка“ [3]). Когда въ 1831 г. Неофитъ издалъ по богословію лекціи на латинскомъ языкѣ, то „многимъ эта латынь, по словамъ Архангельскаго, пришлась не по вкусу“. Въ концѣ разсматриваемаго періода іеромонахъ Діонисій выдавалъ уже записки русскія [4]). На русскомъ же языкѣ написана богословская система, преподанная въ Владимірской семинаріи іеромонахомъ Рафаиломъ.

Въ семинарскомъ архивѣ хранятся конспекты предметовъ, читанныхъ во Владимірской семинаріи, начиная съ 1830 г. На основаніи ихъ можно составить нѣкоторое представленіе о составѣ и содержаніи богословскихъ наукъ этого времени. Вотъ, напр., кон-

---

[1]) Предписаніе отъ 30 іюня.

[2]) Коммиссія дух. училищъ въ 1825 г., чтобы облегчить трудъ учащихся, которыхъ наставники обременяли списываніемъ съ тетрадокъ лекцій, и „положить нѣкоторый предѣлъ тѣмъ изъ учащихъ, кои, избирая въ руководство, по своему произволу, писателей иностранныхъ, при изъясненіи предметовъ богословскихъ и философскихъ, уклоняются въ излишнія умствованія“, признала нужнымъ распорядиться циркулярно, чтобы богословіе преподавалось въ академіяхъ и семинаріяхъ „токмо по слѣдующимъ книгамъ: толковательное богословіе—по Рамбахію, догматическое и дѣятельное—по Феофилакту, обличительное—по Иринею (Фальковскому), бесѣдовательное—по Руководству къ церковному краснорѣчію“. (Арх. сем. 1825 г., № 30[illegible]). Но предписаніе это не измѣнило старыхъ порядковъ. Рекомендованныя руководства были не вполнѣ пригодны въ качествѣ учебниковъ, а обычай выдавать записки коренился въ самомъ строѣ тогдашней школы.

[3]) Собраніе мнѣній и отз. Филарета. Т. I, стр. 233.

[4]) Въ 1836 году часть конспекта Діонисія (дѣятельное богословіе) писана уже на русскомъ языкѣ. Въ 1837 г. весь конспектъ изложенъ по русски.

спектъ богословія, читаннаго семинаристамъ ректоромъ Неофитомъ въ 1830—32 г.[1]).

A. Introductio in Theologiam universam. Sectio I. De Theologia in genere. II. De religione, quippe cujus veritates constituunt Theologiae objectum. III. De S. Scriptura, quippe quae est religionis fons ac Theologiae principium.—Вслѣдъ за этимъ отдѣломъ, соотвѣтствующимъ нашему введенію въ кругъ богословскихъ наукъ (основному богословію), у Неофита слѣдуетъ: B. Sacra Hermeneutica. Она начиналась отдѣломъ Introductio in S. Hermeneuticam и подраздѣлялась на слѣдующія части: I. De sensu S. Scripturae. II. De mediis sensum S. Scripturae invieniendi: a) internis et b) externis[2]). По изученіи герменевтики, ученики перешли къ догматикѣ. На первомъ мѣстѣ здѣсь преподано было Introductio in Theologiam dogmaticam. Далѣе слѣдовала Theologia absoluta, въ которой трактовалось: Membrum I. De Deo, ut uno in essentia. M. II. De Deo, ut trino in personis. Въ отдѣлѣ Theologia relativa преподано было: M. I. Cosmologia (de mundi creatione, de providentia Divina, de consummatione mundi). M. II. Pneumatologia (de Angelis in genere, de Angelis bonis, de Angelis malis) и M. III. Antropologia (de statu hominis primitivo, de statu hominis lapsi). Тѣмъ и закончился первый учебный годъ. Начало 18³¹/₃₂ учебнаго года посвящено было разъясненію третьяго члена антропологіи De statu gratiae, въ которомъ трактовалось: 1) De gratia tanquam restitutionis principio, 2) De restitutione generis humani, 3) De applicatione salutis per Christum partae. Четвертымъ членомъ антропологіи De hominis ultimo заканчивалась догматика и послѣ нея ученики перешли къ Theologia moralis. Нравственное богословіе въ конспектѣ Неофита подраздѣляется на двѣ обширныя части: 1) De legibus divinis universalibus и 2) de legibus divinis in specie (praecepta decalogi). Обличительнаго богословія, какъ видно изъ конспекта, Неофитъ не касался; но имъ не совѣтовалъ заниматься и уставъ, указывая на то, что слово Божіе не состоитъ въ преніяхъ и умствованіяхъ человѣческихъ[3]).

Конспектъ Діонисія, написанный на русскомъ языкѣ, начинается довольно обширнымъ введеніемъ въ курсъ наукъ богословскихъ. Послѣ него слѣдуютъ предуготовительныя науки: богослов-

---

1) Конспектъ приводится въ извлеченіяхъ.

2) Учебной книгой по герменевтикѣ до 1829 г. считалась указанная въ распоряженіи Коммиссіи дух. училищъ герменевтика Рамбахія. Филаретъ въ 1815 г. не нашелъ ее во Владимірской семинаріи. (Собраніе мнѣній и отз. Т. I, стр. 233). По его настоянію, въ слѣдующемъ году выписано было въ семинарію 80 экз. этой книги (Арх. сем. 1816 г., № 272). Въ 1829 году Рамбахія смѣнило руководство арх. Іоанна (Арх. сем. 1829 г., № 401).

3) Проектъ устава. Отд. III, гл. II, п. 145.

ская исагогика и богословская герменевтика, или истолковательное богословіе. Дальше преподаны были составительныя науки богословія: а) христіанская догматика, подраздѣленная на богословіе отрѣшенное, или о Богѣ Самомъ въ Себѣ, и богословіе относительное, или ученіе о Богѣ въ отношеніи къ конечнымъ бытіямъ (послѣднее снова расчленяется на 1) богословское міресловіе, 2) богословское духословіе и богословское человѣкословіе); b) христіанская практика, или богословіе дѣятельное;—въ дѣятельномъ богословіи излагалось: богословіе дѣятельное основное и богословіе дѣятельное прикладное. Въ запискахъ Діонисія, озаглавленныхъ: „Начертанія системы христіанскаго богословія по духу Православной Греко-россійской церкви" въ концѣ помѣщалось еще богословіе частное—отрицательное или случайное (противъ раскольниковъ)[1]. Но въ конспектъ оно не вошло.

Философія. Въ началѣ разсматриваемаго періода философія читалась инспекторомъ; впослѣдствіи, со времени увеличенія классовъ, стали ввѣрять преподаваніе этого предмета простымъ наставникамъ, но по преимуществу со званіемъ магистра. Въ конспектѣ М. Лебедева за 1830—32 годъ поименованы слѣдующіе отдѣлы. Prolegomena philosophiae. A) Philosophia teoretica. Logica: Logica pura: conceptus, judicium, ratiocinatio, de methodo. Logica applicata (impedimenta cognitionis, remedia erroris, de veritate in genere, de veritate certa, de veritate probabili, de veritate cum aliis communicanda, de modo alia confutandi et de modo disputandi). Metaphysica: 1) Ontologia. 2) Cosmologia. 3) Psychologia empirica et rationalis. 4) Theologia metaphysica.—B) Philosophia practica. a) Philosophia practica universalis, b) Jus naturae, c) Ethica, d) Politica, e) Oeconomica juris prudentia, f) Jus civile publicum.—Такой же почти характеръ съ небольшими измѣненіями носятъ конспекты по этому предмету другихъ наставниковъ. Составныя части науки тѣ же, разница только въ объемѣ курса, который не во всѣхъ конспектахъ одинаковъ. Въ конспектѣ Я. Миловскаго, напр., за $18^{33}/_{34}$ г. послѣ отдѣла Philosophia politica слѣдуетъ обширный отдѣлъ Historia philosophicorum systematum, именно Philosophia Chaldeorum, Persarum, Indarum, Aegyptorum, philosophia apud Graecos, Romanos, philosophia medii aevi и наконецъ новѣйшаго времени, оканчивая Кантомъ и Фихте.

Учебникомъ философіи оставался старый Баумейстеръ—по плану котораго составлены и конспекты. Неудовлетворительность его сознавалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ 40-мъ годамъ. Еще въ 1834 г. преосвященный Парѳеній спрашивалъ Се-

---

1) См. Саввы т. I, стр. 129.

рафима: „А дряхлаго Баумейстера не смѣняютъ вышеопытные?“ [1]). Но лучшаго пока ничего не являлось. Руководствомъ по изученію исторіи философіи служила книга Бруккера Institutiones historiae philosophiae [2]).

Въ 1838 г. постановлены были Коммиссіей дух. училищъ нѣкоторыя правила относительно усовершенія учебнаго устройства духовныхъ семинарій. Правила эти были присланы для руководства во Владимірскую семинарію въ началѣ $18^{38}/_{39}$ учебнаго года. Въ частности, наставникамъ философіи въ этихъ правилахъ былъ преподанъ совѣтъ „истинной пользы философской исторіи искать въ дознаніи, что усилія разума человѣческаго недостаточны къ удовлетворительному открытію истины и что слѣдственно, истиннаго и спасительнаго познанія должно искать выше разума человѣческаго—въ откровеніи“. Кромѣ сего рекомендовалось всемѣрно беречься недуга состязаній и словопреній лжеименнаго разума и отнюдь не вдаваться въ изслѣдованія или превышающія возрастъ учащихся, или находящіяся внѣ круга свойственнаго ихъ образованію и въ сторонѣ отъ цѣли, для нихъ поставленной, каковы, напр., изслѣдованія, относящіяся къ праву естественному, и вопросы политическіе [3]).

Словесность. Въ конспектѣ учителя Репьева предметы, читанные въ 1830—32 году, расположены въ такомъ порядкѣ. P. I. Sect. I. De constructione periodi, de periodi simplicis dilatatione, de periodo composita. Sect. II. De tropis, de figuris. Sect. III. De chria, de epistolis. Sect. IV. De syllogismo.— P. II. Institutiones eloquentiae. Sect. I. De doctrina oratoria et oratione in genere, de inventione, dispositionis doctrina, de elocutione, de actione s. pronuntiatione. Изъ этого конспекта видно, что изученіе риторическихъ предметовъ начиналось съ періода. Первыя строки латинскаго учебника Бургія гласили: „Omnis eloquentiae imum fundamentum est periodus“. Послѣ періода переходили къ тропамъ и фигурамъ, а далѣе начинали упражняться въ составленіи хрій и епистолій. Этимъ оканчивалась первая часть риторики. Вторая посвящена была изученію элоквенціи, или ораторскаго искусства въ собственномъ смыслѣ. Ученики знакомились съ выдающимися произведеніями ораторскаго творчества и изучали правила ихъ составленія. Курсъ риторики заканчивался пиитикой. Конспектъ ея написанъ у Репьева на русскомъ языкѣ. Ч. I. О стихосложеніи. Ч. II. О разныхъ родахъ поэтическихъ произведеній: о поэзіи

1) Влад. Епарх. Вѣдом. 1878 г., стр. 624.

2) Оба названныя руководства рекомендованы предписаніемъ Коммиссіи отъ 1825 г. Арх. сем. 1825 г., № 308.

3) Арх. сем. 1838 г., № 92.

лирической, о поэзіи дидактической, или поучительной, о поэзіи описательной, о поэзіи эпической, о поэзіи драматической и поэзіи смѣшанной.—Въ такомъ же родѣ написаны конспекты другихъ профессоровъ. Нѣкоторую особенность въ сравненіи съ ними представляетъ конспектъ В. Миловидова курса 37—38 г. Отдѣлъ объ ораторствѣ изложенъ у Миловидова по слѣдующему плану. Ч. I. 1) Объ ораторствѣ вообще [1]). 2) Объ ораторствѣ духовномъ. 3) Объ ораторствѣ свѣтскомъ. 4) О дѣйствованіи ораторскомъ. Ч. 2. О письмахъ. 1) О письмахъ вообще. 2) О письмахъ по предметамъ общежитія. 3) О литературныхъ письмахъ (при этомъ разсмотрѣны были и читаны письма слѣдующихъ писателей: Цицерона, Плинія Младшаго, Фонъ-Визина, Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго и Ѳ. Глинки).

Вообще, изученіе риторическихъ правилъ сопровождалось чтеніемъ классическихъ образцовъ по выбору учителя. Напр., въ 1839 г. ученики въ отдѣленіи В. Миловидова, кромѣ примѣровъ, представленныхъ въ учебникѣ Бургія, изучили: въ примѣръ на хрію превращенную - слово преосв. Иннокентія въ недѣлю мытаря и фарисея и на Рождество Христово, рѣчь Георгія Конисскаго по случаю прибытія Екатерины II въ Мстиславль; въ примѣръ на фигуру hypotyposis—слово на новый годъ Иннокентія, рѣчь о маломъ числѣ избранныхъ Масильона; на фигуру Epanorthosis—слово Иннокентія по случаю землетрясенія, бывшаго въ Кіевѣ 11 января 1838 г. и т. д. Духовной литературѣ отдавалось предпочтеніе предъ свѣтской и при выборѣ отдѣльныхъ мѣстъ для подтвержденія тѣхъ или иныхъ риторическихъ правилъ.

Классическимъ руководствомъ по словесности была риторика Бургія (Elementa oratoria 1776), о которой преосв. Парѳеній въ 1834 г. спрашивалъ Серафима: „а сухій Бургій не на пенсіи?“ [2]) Пособіями служили: Правила пiитики преосв. Аполлоса Байбакова (изд. 1774), Начертаніе теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ Мейнерса, Правила словесности Толмачева.

Распоряженіемъ 1838 г. предписано было наставнику словесности „правила и образцы свѣтскаго краснорѣчія показывать только мимоходомъ... и обращать преимущественное и полное вниманіе на правила и образцы словесности духовной и краснорѣчія церковнаго“. О свѣтской поэзіи замѣчено было, что главные роды ея довольно наименовать и опредѣлить. „Отъ незаконныхъ порожденій поэзіи, въ которыхъ преобладаетъ страсть и чувственность“, велѣно было всемѣрно остерегать юные умы. „Пусть плѣняются,

---

[1]) Эта часть конспекта написана на русскомъ языкѣ.

[2]) Влад. Епарх. Вѣд. 1878 г., стр. 624.

говорилось въ правилахъ, словомъ Св. Писанія и съ тѣмъ вмѣстѣ непримѣтно напитываются его духомъ“ [1]).

Исторія. А) Церковная. Библейская, общая и русская церковная исторія преподавались въ разсматриваемый періодъ совмѣстно. Сначала изучалась библейская исторія по руководству Филарета, а по окончаніи ея переходили къ церковной исторіи по учебнику Иннокентія (Смирнова): Начертаніе Церковной Исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в. Изъ послѣдней книги усвояли столько, сколько позволяло время. Въ 1830—32 г. учитель Мих. Смирновъ окончилъ свой курсъ лишь VII в. по Рожд. Христ. [2]). Но обычно прочитывалось больше. Съ русской церковной исторіей знакомились попутно при изученіи общей. Лишь въ 1839 г. Владимірская семинарія получила предписаніе отъ Коммиссіи дух. училищъ „о введеніи въ духовныхъ училищахъ преподаванія исторіи россійской церкви отдѣльно отъ общей“. Учебнымъ руководствомъ по русской церковной исторіи назначалась вновь изданная книга Муравьева: „Исторія Россійской церкви“, по которой велѣно, было „окончивъ общую исторію въ высшемъ отдѣленіи, излагать россійскую церковную въ непрерывномъ порядкѣ“ [3]). Въ томъ же 1839 г., по распоряженію Коммиссіи дух. училищъ, библейская исторія отдѣлена была отъ церковной и составила самостоятельный предметъ преподаванія въ среднемъ отдѣленіи. Учебныя руководства остались тѣ же.

В. Гражданская исторія. Преподавалась въ низшемъ отдѣленіи тѣмъ же профессоромъ, который читалъ и риторику. Въ 1829 г., вслѣдствіе многочисленности учениковъ въ низшемъ отдѣленіи, получила самостоятельнаго наставника [4]). Учебникомъ служила гражданская исторія Шрекка. Нѣкоторое представленіе о содержаніи и планѣ этого учебника можетъ дать конспектъ лекцій В. Романовскаго, читанныхъ въ 1831—32 г. Введеніе. 1) Отъ сотворенія міра до потопа. 2) Отъ Ноя до Моисея. 3) Отъ Моисея до Ромула. 4) Отъ Ромула до Кира. 5) Отъ Кира до Александра Македонскаго. 6) Отъ Александра до Іисуса Христа. 7) Начало христіанства. Состояніе Римской имперіи при императорахъ. 8) Постепенное паденіе Римской республики и нарожденіе на развалинахъ ея новыхъ государствъ. 9) Явленіе магометанства. 10) Возобновленіе имперіи западной. Дальше слѣдуетъ русская исторія, оканчивая царствованіемъ Петра Великаго. Въ нѣкоторые годы по русской исторіи знакомили учениковъ и съ періодомъ послѣ-

---

[1]) Арх. сем. 1838 г., № 92, пп. 2, 3.
[2]) См. конспекты 1830—38 г.
[3]) Арх. сем. 1839 г., № 84.
[4]) Арх. сем. 1829 г., № 253 и 668.

Петровскимъ. Въ 1838 году, напр., русская исторія въ отдѣленіи Григорія Вознесенскаго закончена была смертью императора Александра I. Учебникомъ по русской исторіи служило руководство Кайданова.

Правилами 1838 г. предписывалось „преподаваніе исторіи въ семинаріяхъ охранять отъ нѣкоторыхъ односторонностей, которымъ оно было подвержено до того времени. Именно, a) отъ усиленнаго критицизма, который орудіемъ односторонней логики покушается разрушать историческіе факты и особенно древнюю исторію думаетъ начать неизвѣстностью и баснями, забывая, что достовѣрнѣйшія начала исторіи рода человѣческаго о древнихъ народахъ находятся въ Св. Писаніи; b) отъ произвольнаго систематизма, который, усиливаясь дать исторіи единство, по произволу, въ извѣстное историческое время, назначаетъ какой-нибудь народъ представителемъ рода человѣческаго и какого - либо человѣка представителемъ своего времени и воображаетъ народъ и его исторію невольнымъ развитіемъ какой - нибудь роковой для него идеи; c) отъ неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ“ [1]).

Математика. Классическими книгами по математикѣ въ изслѣдуемый періодъ были: Основанія алгебры Себржинскаго (изд. въ началѣ 20-хъ гг.), Начальныя основанія геометріи Райковскаго, Начальныя основанія математики Фусса, Умозрительная и опытная физика Шрадера и Пасхалія Тяжелова (съ 1820 г.). Математика читалась въ среднемъ отдѣленіи, и курсъ ея былъ очень обширенъ, хотя занимались ею немногіе да и то, какъ предметомъ второстепеннымъ, слабо. 1830—32 г. учителемъ Ив. Предтеченскимъ прочитано было слѣдующее. Изъ алгебры: о количествахъ простыхъ, о количествахъ сложныхъ, объ алгебраическихъ уравненіяхъ и рѣшеніяхъ оныхъ, о пропорціяхъ и прогрессіяхъ. Изъ геометріи: 1) Планиметрія: опредѣленія и аксіомы, линіи, прямые углы и стороны прямолинейныхъ фигуръ, кругъ и фигуры въ немъ вписанныя и около него описанныя. линіи пропорціональныя и подобіе фигуръ, сравненіе и измѣненіе фигуръ. 2) Стереометрія: опредѣленія, аксіомы, взаимное положеніе плоскостей и положеніе ихъ въ разсужденіи прямыхъ линій, внѣ ихъ проведенныхъ, поверхность тѣлъ, сравненіе тѣлъ. Изъ тригонометріи: опредѣленія и предварительныя свѣдѣнія, происхожденіе и свойство тригонометрическихъ линій, приложеніе тригонометрическихъ линій къ треугольникамъ, употребленіе правилъ тригонометріи къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до практической геометріи.

---

[1]) Пунктъ 6-й.

Дальше слѣдовалъ отдѣлъ о коническихъ сѣченіяхъ (о кривыхъ линіяхъ, кругѣ, эллипсисѣ, параболѣ, гиперболѣ). Изъ физики преподано было: введеніе, о веществѣ, о свѣтѣ, о тяжести, о воздухѣ, объ электричествѣ, о гальванизмѣ, о магнитности и метеорахъ. Изъ пасхаліи: опредѣленіе новолуній и полнолуній, опредѣленіе дней седмицы, опредѣленіе дня Пасхи, опредѣленіе подвижныхъ праздниковъ.

Въ 1835 году Владимірская семинарія получила предписаніе „упражнять непремѣнно учениковъ въ основательномъ приложеніи на практикѣ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній въ математическихъ наукахъ“ и озаботиться пріобрѣтеніемъ пособій и инструментовъ для обученія практическимъ измѣреніямъ. По справкѣ, во Владимірской семинаріи оказались слѣдующіе инструменты: 1) астролябія безъ ватерпасовъ, компаса и подножія, 2) 4 небесныхъ глобуса на англійскомъ языкѣ, 3) 3 земныхъ глобуса, изъ коихъ одинъ на англійскомъ, другіе два на русскомъ языкѣ—всѣ поврежденные и ветхіе, 4) электрическая машина безъ всякихъ къ ней приборовъ и 5) камеръ-обскура съ 36 картинами, при чемъ ящикъ былъ разломанъ. Правленіе семинаріи 14 ноября 1836 г. постановило выписать приборовъ на 283 руб. изъ остаточныхъ библіотечныхъ суммъ за прошлый годъ [1]).—Въ слѣдующемъ году во Владимірскую семинарію прислали новые конспекты физико - математическихъ наукъ. Конспекты эти составлены были Коммиссіей дух. училищъ, которая нашла, что курсъ физико-математическихъ наукъ по утвержденной въ 1814 г. программѣ очень обширенъ и, при неопустительномъ изученіи главныхъ предметовъ, обременителенъ.

Языки. По *латинскому языку* особыхъ уроковъ не было. Предполагалось, что ученики переходятъ въ семинарію съ достаточнымъ навыкомъ въ этомъ языкѣ. Въ семинаріи на немъ читались главные предметы. Въ низшемъ отдѣленіи кромѣ того на урокахъ риторики занимались переводомъ на русскій языкъ нѣкоторыхъ классиковъ. Напр., въ 1831—32 г. у Сиротинскаго переведены были изъ Лактанція: 1) De origine erroris, 2) De falsa sapientia и 3) De vita beata. Пособіями были: латинская грамматика Каменскаго, словари—Шеревеллія, Целларія, Розанова, Кронеберга.

Греческій языкъ. Въ 1830—32 учениками высшаго отдѣленія переводились нѣкоторыя бесѣды Василія Великаго и „Наставникъ“ Климента Александрійскаго, при чемъ, по замѣчанію профессора Целебровскаго, изъ этихъ статей „предварительно извлекаемы были греческія слова и съ объясненіемъ знаменованія выдаваемы для классическаго употребленія; при самомъ же переводѣ, сопро-

1) Арх. сем. 1839 г., кн. 2, № 448.

вождаемомъ аналитическимъ разборомъ, кромѣ того повторялись грамматическія правила“. Въ тѣ же года въ среднемъ отдѣленіи у Предтеченскаго переводили по христоматіи Каченовскаго: 1) Повѣсти изъ Плутарха 1—31, 2) изъ Страбона о правахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, 3) изъ Секста Емпирика о томъ же, 4) изъ Аполлодора—миѳологическія повѣсти, 5) изъ Лукіана—о людяхъ, доживщихъ до глубокой старости, 6) нѣсколько разговоровъ, 7) анекдоты изъ Діогена, Лаерція и др., 8) статьи изъ Геродота, 9) избранныя мѣста изъ твореній Іоанна Златоустаго: a) отъ зримыхъ вещей доказательство Божіяго промысла, b) отъ состава тѣла человѣческаго доказательство Божіей премудрости, c) разумъ человѣка и составъ тѣла его превышаетъ тѣлесныя способности животныхъ, d) о прореченіяхъ Христовыхъ, e) слово о молитвѣ, f) слово на Евтропія; 10) изъ Василія Великаго: a) слово на Варлаама мученика, b) слово на текстъ: разорю житницы моя и большія созижду.—Въ низшемъ отдѣленіи изучали синтаксисъ и переводили нѣсколько отрывковъ изъ той же христоматіи Каченовскаго. Преподаваніе греческаго языка въ этомъ отдѣленіи всецѣло находилось въ рукахъ лектора.

Филаретъ, ревизовавшій семинарію въ 1815 г., отозвался о постановкѣ греческаго языка во Владимірской семинаріи плохо. „Классъ греческаго языка не богатъ успѣхами, потому что до преобразованія семинаріи многіе даже изъ учениковъ богословія не обучались оному“ [1]). Едва-ли онъ стоялъ лучше и впослѣдствіи. Какъ и математика, греческій языкъ принадлежалъ къ числу предметовъ второстепенныхъ, неважныхъ.—Учебными руководствами по этому предмету были: грамматика Лящевскаго, христоматія Каченовскаго и изданная Коммиссіей дух. училищъ въ 1822 году „изъ отличныхъ сочиненій св. отцевъ“, Clavis linguae Graecae и словарь Шеревеллія.

Еврейскій языкъ. На первыхъ порахъ послѣ реформы еврейскій языкъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, преподавался во Владимірѣ всего разъ въ недѣлю. Филаретъ нашелъ познанія учениковъ по этому языку слабыми [2]). На основаніи предложенія Филарета, Коммиссія дух. училищъ распорядилась преподавать его во Владимірской семинаріи 3 раза въ недѣлю [3]). Но это не дало возможности еврейскому языку занять сколько-нибудь видное мѣсто даже среди второстепенныхъ предметовъ семинарскаго курса. Въ 1821 г. Коммиссія дух. училищъ, въ видахъ поднятія успѣховъ по еврейскому языку, постановила сдѣлать его общеобя-

---

1) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 233.

2) Тамъ же, стр. 233—34.

3) Тамъ же, стр. 269.

зательнымъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ учениковъ обучался ему по крайней мѣрѣ два года, начиная это обученіе по желанію въ низшемъ, среднемъ или высшемъ отдѣленіи [1]). Въ 1831 г. само семинарское правленіе жаловалось на недостаточность познаній учениковъ въ еврейскомъ языкѣ и назначило особаго лектора въ пособіе наставнику [2]). Но и это мало помогло. Преосв. Савва прямо говоритъ, что „еврейскій языкъ не пользовался у насъ особеннымъ вниманіемъ" [3]).—Въ 1830—32 г. проф. Восторговымъ прочитана была ученикамъ вся грамматика и переведены съ грамматическимъ разборомъ первыя главы книги Бытія. Руководствомъ служили грамматика Павскаго и евр. словарь Штоккія.

Новые языки преподавались воспитанникамъ низшаго и средняго отдѣленія. Преподаваніе ихъ лежало на обязанности наставниковъ опредѣленныхъ каѳедръ и нерѣдко попадало въ руки лицъ, мало знакомыхъ съ ними. Начатки грамматики читались лекторомъ; профессоръ занимался лишь со старшими учениками. Успѣхи учащихся по этимъ предметамъ были, конечно, выше, чѣмъ по еврейскому языку, но интересъ къ нимъ, несомнѣнно, ослабѣлъ въ сравненіи съ послѣдними годами дореформеннаго періода. Учебною книгою по французскому языку служила грамматика Толмачева и христоматія Leçons de litterature et de morale par M. Noël. По нѣмецки — грамматика Гильфердинга и христоматія Ульриха (съ 1826 г.). Съ 1834 года грамматика Гильфердинга замѣнена была грамматикой того же Ульриха въ силу распоряженія Коммиссіи дух. училищъ [4]). При переводахъ съ французскаго ученики пользовались лексикономъ Татищева, а съ нѣмецкаго Аделунга.

Относительно содержанія переводимыхъ въ классѣ статей въ правилахъ 1838 г. говорилось: „Въ классахъ новыхъ языковъ отъ чтенія свѣтскихъ сочиненій должно удержаться такъ же, какъ и отъ сочиненій, написанныхъ въ духѣ иновѣрія, секты или толка; читать же проповѣдниковъ и сочиненія о религіи, нравственности и церковной исторіи благонамѣренныя и безпристрастныя. Если въ семъ чтеніи встрѣтится мысль, не согласная съ православіемъ, наставникъ долженъ исправить ее замѣчаніемъ, чтобы она не оставила ложнаго впечатлѣнія въ умахъ неопытныхъ" [5]).

Изъясненіе Св. Писанія. Предметъ этотъ появляется въ семинарскомъ курсѣ не сразу послѣ реформы. Какъ и латинскій языкъ, предметъ Св. Писанія не имѣлъ для себя особыхъ классовъ.

---

[1]) Арх. сем. 1821 г., № 253. И послѣ этого распоряженія еврейскій языкъ по преимуществу слушали только воспитанники высшаго отдѣленія.

[2]) Арх. сем. 1831 г., № 1056.

[3]) Саввы т. I, стр. 132.

[4]) Арх. сем. 1833 г., № 861.

[5]) П. 5.

Предполагалось, что ученики усвоятъ его при изученіи богословскихъ наукъ. Практика не оправдала этихъ ожиданій. Въ отчетѣ о ревизіи Владимірской семинаріи Филаретъ замѣтилъ, что „отрывочное познаніе Слова Божія во многихъ случаяхъ испытанія оказывалось недостаточнымъ". На весь богословскій классъ имѣлся только одинъ экземпляръ Св. Писанія; но и того во время испытаній, устроенныхъ Филаретомъ, не было въ классѣ. Вмѣсто Св. Писанія, ученики имѣли подъ руками тетради, въ которыя вписывались тексты, встрѣчающіеся въ урокахъ [1]). Въ 1819 г. получено было распоряженіе Коммиссіи дух. училищъ о томъ, чтобы въ училищахъ предъ начатіемъ ученія прочитывать извѣстный отдѣлъ Новаго Завѣта, а въ семинаріи сверхъ сего удѣлять для этой цѣли два часа каждую субботу, дабы такимъ образомъ составился общій классъ Св. Писанія для всѣхъ отдѣленій. Чтеніе Св. Писанія въ субботній урокъ предоставлялось профессору богословія или другимъ профессорамъ по очереди, съ тѣмъ однако, чтобы они сопровождали чтеніе изустнымъ наставленіемъ. Чрезъ три года (1822 г.) послѣдовали новыя измѣненія. Именно, велѣно было ввести толкованіе Св. Писанія въ воскресные дни предъ литургіею или послѣ литургіи; сохраненіе или уничтоженіе субботнихъ собраній предоставлялось усмотрѣнію семинарскихъ начальствъ. По выслушаніи этого предписанія Коммиссіи дух. училищъ, всѣ наставники Владимірской семинаріи изъявили согласіе принять участіе въ веденіи этихъ каждонедѣльныхъ бесѣдъ. Мѣстомъ бесѣдъ избрана была домовая архіерейская церковь. Субботніе уроки положено было оставить. Въ видахъ непрерывности чтеній составили особое росписаніе ихъ. Для толкованія назначено было на первый разъ соборное посланіе Іакова. Чтенія открылись въ ноябрѣ 1822 г.; но продолжались сравнительно недолго. Въ 1830 г. семинарское правленіе толкованіе Св. Писанія по воскреснымъ днямъ предъ литургіею признало неудобнымъ вслѣдствіе того, что ученики собирались къ богослуженію въ разныя церкви. Вмѣсто воскресныхъ толкованій, поставлено было въ обязанность наставникамъ главныхъ предметовъ, кромѣ чтенія Новаго Завѣта предъ началомъ уроковъ (согласно опредѣленію 1819 г.), каждую субботу отдѣлять время отъ обыкновенныхъ уроковъ на изъясненіе спеціально Св. Писанія.

Но и послѣ всѣхъ этихъ распоряженій и перемѣнъ предметъ Св. Писанія не могъ занять подобающаго ему мѣста въ кругу семинарскихъ наукъ. Прежде всего обнаружился недостатокъ въ библіяхъ. Въ семинарской библіотекѣ нашлось только 34 библіи, а между тѣмъ учениковъ числилось къ 30-му году около 800.

---

[1]) Собраніе мнѣній и отз. Филарета. Т. I, стр. 232.

изъяснять для которыхъ Св. Писаніе безъ библіи, по справедливому замѣчанію семинарскаго правленія, было совершенно безполезно[1]). Въ 1831 г. Коммиссія дух. училищъ прислала 100 экз. библіи для безмезднаго употребленія бѣднымъ воспитанникамъ; но дѣло отъ этого, при неудовлетворительности общей постановки предмета Св. Писанія въ семинаріяхъ, мало улучшилось. Такъ, въ 1832 г. академическое правленіе предписало семинаріи принять мѣры къ усиленію знанія Св. Писанія, успѣхи учениковъ по которому найдены слабыми [2]). Въ 1835 г. получено новое предписаніе объ освобожденіи отъ чтенія Св. Писанія наставниковъ главныхъ предметовъ, „по важности сихъ наукъ, требующихъ большихъ занятій и по множеству ученическихъ ежемѣсячныхъ упражненій, требующихъ непрерывнаго исправленія", и о возложеніи этой обязанности на наставниковъ исторіи, математики и языковъ". Очереди ихъ рекомендовалось дѣлить по третямъ [3]).

Такимъ способомъ, Св. Писаніе оставалось все предметомъ добавочнымъ, не классньмъ. Лишь въ 1839 г. для класса Св. Писанія отдѣлено было, въ силу высшаго распоряженія, во всѣхъ отдѣленіяхъ по 2 часа отъ греческаго языка, и оно явилось въ семинарскомъ курсѣ, какъ самостоятельный предметъ. Семинарскому начальству при этомъ приказано было имѣть бдительный надзоръ и неослабное наблюденіе за успѣшнымъ преподаваніемъ Св. Писанія и при составленіи списковъ обращать особенное вниманіе на успѣхи по оному ученика [4]). — До 1839 г. читались и изъяснялись однѣ книги Новаго Завѣта. Съ 1839 года сталъ преподаваться и Ветхій Завѣтъ.

Съ 1832 г. въ курсѣ семинарскихъ наукъ появился еще одинъ предметъ, кромѣ перечисленныхъ выше, который, впрочемъ, занималъ третьестепенное мѣсто. 6 мая 1816 г. Московское академическое правленіе предписало начальству Владимірской семинаріи, на основаніи опредѣленія Коммиссіи дух. училищъ, „чтобы ученикамъ семинаріи при окончаніи курса показываемы были непремѣнно способы прививанія коровьей оспы" [5]). Предписаніе это не могло быть выполнено, за отсутствіемъ при семинаріи врача. Въ 1823 г. заведена была при семинаріи небольшая больница, и появился постоянный врачъ Ланге; но оспопрививанію онъ никого изъ семинаристовъ не училъ, да вообще и самъ мало интересовался врачебнымъ дѣломъ при семинаріи. Только въ 1830 г., когда оспенный комитетъ обратился съ просьбою къ Пареенію обучать

1) Арх. сем. 1830 г., № 1005.

2) Арх. сем. 1832 г. Дѣло объ обревизованіи семинаріи и училища инспекторомъ академіи Платономъ.

3) Арх. сем. 1834 г., № 1005.

4) Арх. сем. 1839 г., № 2.

5) Арх. сем. 1816 г., № 153.

„семинаристовъ искусству оспы", вошли въ особое соглашеніе на этотъ счетъ съ К. Ланге. Ланге согласился давать уроки, но своего обѣщанія, кажется, не привелъ въ исполненіе. Первый разъ урокъ оспы преподанъ былъ въ семинаріи въ 1832 г. Митрофаномъ Алякринскимъ [1]). Съ того времени курсъ оспопрививанія читался ученикамъ высшаго отдѣленія по окончаніи ими семинарскаго курса.

О количествѣ учебныхъ часовъ и ихъ распредѣленіи во Владимірской семинаріи до 1840 г. можно составить представленіе на основаніи расписаній уроковъ начала и конца этого періода. Ко времени реформы Владимірской семинаріи прислано было сюда изъ Коммиссіи дух. училищъ слѣдующее примѣрное расписаніе учебныхъ часовъ, которое долгое время и служило образцомъ.

Высшее отдѣленіе.	Среднее отдѣленіе.	Низшее отдѣленіе.	Часы: Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
Богословіе.	Философія.	Словесность.	9—10	9—10	9—10	9—10	9 - 10	9—10
Церковн. истор.	Математика.	Всеоб. истор.	11—12	—	11—12	—	11—12	—
Греческій яз.	Греческій яз.	Греческій яз.	—	11—12	—	11—12	—	11—12
Повторенія и отчетъ въ собственныхъ упражненіяхъ учениковъ по богословію.	По философіи	По словесности.	3—4	—	—	—	—	—
Повторенія по церковн. исторіи.	По математикѣ.	По всеобщей исторіи.	—	—	—	—	—	3—4
Еврейскій яз. Нѣмецкій и французскій яз.	Тоже.	Тоже, кромѣ еврейск. яз.	—	3—4	3—4	—	3—4	—

[1]) Арх. сем. 1836 г., № 121.

Количество учебныхъ часовъ, насколько можно видѣть изъ приведеннаго росписанія уроковъ, значительно сократилось въ сравненіи съ дореформеннымъ временемъ [1]). Въ четыре часа по полудни оканчивались всѣ уроки. Четвергъ былъ совершенно свободенъ отъ послѣобѣденныхъ классовъ. Нѣсколько позже (послѣ 1814 г.), вслѣдствіе нѣкоторыхъ злоупотребленій, допущенныхъ лицами, составлявшими росписаніе, послѣдній урокъ сталъ оканчиваться въ 6 часовъ. Ректоръ Неофитъ опротестовалъ подобное нарушеніе устава и потребовалъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ росписаніи [2]). Къ 40-му году учебные часы во Владимірской семинаріи распредѣлялись въ такомъ видѣ:

Отдѣленія.	Часы.	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
Высшее отдѣленіе.	9—10	Церков. ист.	Церков. ист.	Греческій яз.	Церков. ист.	Церков. ист.	Греческій яз.
	11—12	Богословіе.	Богословіе.	Богословіе.	Богословіе.	Богословіе.	Богословіе.
	3—4	Еврейск. яз.	Богословіе.	Еврейскій яз.	Еврейскій яз.	Св. Писаніе	—
Среднее отдѣленіе.	9—10	Математика.	Библейская исторія.	Греческій яз.	Библейская исторія.	Математика	Греческій яз.
	11—12	Философія.	Философія.	Философія.	Философія.	Философія.	Математика.
	3—4	Нѣмецкій и франц. яз.	Философія.	Св. Писаніе.	Нѣмецкій и франц. яз.	Нѣмецкій и франц. яз.	—
Низшее отдѣленіе.	9—10	Всеобщ. ист.	Всеобщ. ист.	Греческій яз.	Всеобщ. ист.	Всеобщ. ист.	Греческій яз.
	11—12	Словесность.	Словесность.	Словесность.	Словесность.	Словесность.	Словесность
	3—4	Нѣмецкій и франц. яз.	Словесность.	Нѣмецкій и франц. яз.	Св. Писаніе.	Нѣмецкій и франц. яз.	—

[1]) См. выпускъ I-й, стр. 224—25.

[2]) Арх. сем. 1832 г., № 951.

Кромѣ посѣщенія классовъ и приготовленія уроковъ, учебныя занятія воспитанниковъ состояли въ сочиненіи письменныхъ упражненій на заданныя темы. Какъ и въ дореформенное время, на письменныя работы учениковъ обращалось особенное вниманіе. Въ теченіе учебнаго года предлагались наставниками (главныхъ предметовъ) самыя разнообразныя темы на русскомъ и латинскомъ языкѣ. Одна письменная работа смѣняла другую, и все написанное подвергалось самому тщательному просмотру. Въ 1833 г. И. Лилеевъ, напр., доносилъ семинарскому правленію, что въ теченіе сентября, октября и ноября этого года дано было имъ ученикамъ низшаго отдѣленія для сочиненій разнаго рода болѣе 30 темъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ и что въ теченіе этого времени имъ просмотрѣно и исправлено, кромѣ выслушанныхъ и поправленныхъ въ классѣ, (коимъ опредѣлить число нельзя), до 600 сочиненій, при чемъ 200 сочиненій еще не просмотрѣны [1]). Кромѣ разсужденій на разныя темы, ученики высшаго отдѣленія обязаны были въ теченіе года написать нѣсколько проповѣдей на воскресные и праздничные дни [2]). При такихъ условіяхъ даже самые посредственные ученики пріучались излагать свои мысли связною, періодически закругленною рѣчью. Правда, въ работахъ этого рода мы напрасно стали бы искать содержательности, глубины мыслей. Авторъ ихъ болѣе думаетъ о риторическихъ прикрасахъ. Его трудъ разукрашенный, искусственный цвѣтокъ, который лишенъ естественной простоты. Но это обстоятельство объясняется общимъ духомъ тогдашняго образованія, проникнутаго въ значительной степени формальнымъ характеромъ и еще далеко не вполнѣ освободившагося отъ давленія дореформенной схоластики.

Вотъ для образца нѣкоторыя изъ темъ, предложенныхъ въ этотъ періодъ для письменныхъ работъ. Въ низшемъ отдѣленіи: 1) Должно поститься духомъ и тѣломъ. 2) Должно любить Бога. 3) Должно поклоняться Кресту Господню. 4) Должно праздновать день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. 5) Nemo sine naevo и 6) Стихотвореніе на тему „весна“. Сочиненія на эти темы написаны съ 8 марта по 10 апрѣля 1836 года. На публичномъ испытаніи того же года читалось учениками низшаго отдѣленія разсужденіе на тему: „Quaenam sunt officia oratoris“, ораторскій силлогизмъ изъ предложенія: „Jejunia sancte sunt servanda“, русское разсужденіе на тему: „Нельзя быть краснорѣчивымъ, не бывъ добродѣтельнымъ“ и историческое разсужденіе: „О прево-

1) См. Конспекты 1830—38 г.

2) Напр., въ сентябрскую треть 1837 г. ученики Митрофана написали по 3 проповѣди на разные воскресные и праздничные дни. См. тамъ же.

Великому Господину

Преосвященнѣйшему

КСЕНОФОНТУ

Епископу Владимірскому и Суздальскому

и орденовъ

Св. равноапостольнаго Князя Владиміра

второй степени большаго креста и

Св. Анны перваго класса

КАВАЛЕРУ

Милостивѣйшему Архипастырю

и

ОТЦУ

Въ день тезоименитства

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

усерднѣйше посвящаетъ

Владимірская Семинарія

Генв: 26 дня 1819го года

сходствѣ монархическаго образа правленія предъ аристократическимъ и демократическимъ".

Въ среднемъ отдѣленіи въ теченіе 1829—30 г. Агапитъ просмотрѣлъ слѣдующія сочиненія. 1) О пользѣ логики въ философскихъ познаніяхъ. 2) Обманываютъ-ли насъ чувства, или нѣтъ? 3) Откуда философія получила свое начало? 4) Можно-ли быть философомъ, не будучи благочестивымъ человѣкомъ? 5) Старѣетъ-ли природа? 6) Въ чемъ состоитъ образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ? 7) О средствахъ укрощать страсти. 8) О необходимости и пользѣ внѣшняго Богопочитанія. 9) О началѣ добра. 10) О назначеніи настоящей жизни. 11) Опроверженіе на ученіе безбожниковъ, что міръ произошелъ отъ случайнаго сцѣпленія атомовъ. 12) — что матерія есть Богъ. 13) — что природа или видимый міръ есть Богъ. 14) О промыслѣ. 15) Si existentia Dei cuique certa est, nonne vana est ejus demonstratio? 16) An mundus hic perfectus est? 17) Ob quas rationes phantasia inter philosophos orientales magis viguerat, quam occidentales? и 18) Utrum parabolae habent vim probandi? [1]) Въ 1832 г. на годичномъ испытаніи ученики средняго отдѣленія подали работы, написанныя на такую тему: An licitum est mendacium necessitatis? 1835—36 г. ученики средняго отдѣленія писали сочиненія на предложенія: 1) Любовь къ истинѣ должна одушевлять философа на поприщѣ умозрѣнія. 2) О томъ, сколько важно и необходимо въ наукѣ употребленіе силлогистическихъ выводовъ. 3) При какихъ условіяхъ возможно раскрытіе характера нравственно-добраго? 4) Исторія рода человѣческаго есть памятникъ особеннаго Божественнаго промысла о человѣкѣ. 5) Какое сильнѣйшее доказательство безсмертія души? 6) Multa legenda, sed cum judicio. 7) Veri nominis philosophia praeservat hominem ab incredulitate. 8) Perturbationes animi (affectus) praeter sensationes voluptatis, aut aegritudinis, an etiam quosdam appetitus vel aversationes sensitivas adjunctas sibi habent? 9) Unde patet, revera adesse discrimen actionis moraliter bonas et malas? 10) Quomodo fides in existentiam Dei potest ali et confirmari in homine? 11) Quibusnam rationibus incitantur homines ad vitam civilem colendam? [2]) Въ теченіе послѣдней трети 1837 г. даны были темы: 1) Нужно-ли естественное богословіе при богооткровенномъ? 2) Исполненіе человѣческихъ молитвъ не противорѣчитъ-ли предвѣдѣнію Божію и совершенству міра? 3) Нужны-ли науки тому, кто готовится къ сельской жизни? (классное) 4) Взглядъ на внутреннее состояніе безбожника. 5) Utrum visibilis mundus in perfectionem moralem influxum habere potest? [3])

[1]) См. Воспоминанія С. Архангельскаго, стр. 32—33.

[2]) См. Саввы, т. I, стр. 113—115.

[3]) Темы даны Ѳ. Надеждинымъ. (См. Конспекты 1830—38). Противъ этихъ

Въ высшемъ отдѣленіи ректоромъ Неофитомъ даны были для разсужденій въ 1830—32 г. такія предложенія. 1) Должно-ли принимать разумъ за начало познанія истинъ богословскихъ? 2) О необходимости таинствъ. 3) Размышленіе на слова: Блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но отецъ ..., иже на небесѣхъ. 4) Изъясненіе притчи: о лукавомъ приставникѣ. 5) Изъясненіе псалма: На рѣкахъ Вавилонскихъ. 6) Изъясненіе текстовъ: Нынѣ радуюся въ страданіяхъ моихъ, 7) Иже аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю..., 8) Всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, 9) Сынъ человѣческій, пришедъ убо, обрящетъ-ли вѣру на земли. 10) Не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю и пр. 11) Utrum providentia divina ac speciatim gubernatio tollit libertatem humanam? 12) In quo consistit usus religionis naturalis? 13) Sine fide salus obtineri non potest [1]). Въ сентябрскую треть 1837 г. ученики высшаго отдѣленія писали сочиненія на слѣдующія темы [2]). 1) Cur Deus permisit lapsum Adami? 2) De praestantia muneris Christi sacerdotalis. 3) — prophetici. 4) О причинахъ поздняго пришествія Мессіи. 5) О благодатныхъ дарахъ, какіе подаетъ Богъ людямъ чрезъ слово свое. Во второмъ отдѣленіи въ тоже время было предложено для письменныхъ упражненій (іеромонахомъ Рафаиломъ): 1) Почему для спасенія человѣка надлежало воплотиться Богу? 2) Почему для спасенія человѣка воплотился Сынъ Божій, а не Богъ Отецъ или Духъ Святый? 3) Не противно-ли правдѣ суда Божія спасеніе человѣка? 4) Въ чемъ сходно первосвященство Іисуса Христа съ ветхозавѣтнымъ первосвященствомъ и чѣмъ отличается отъ него [3])? Діонисій въ 37—38 г. въ числѣ другихъ темъ предлагалъ: 1) О крещеніи христіанскихъ младенцевъ. 2) О безсиліи человѣка грѣшника въ дѣлѣ своего спасенія. 3 Чѣмъ и какъ христіанину укрѣплять и утѣшать себя въ злоключеніяхъ жизни? 4) Размышленіе на слова: Иже аще постыдится Мене... (Лук. IX. 26). 5) Экспромптъ на слова: Нынѣ пребываютъ: вѣра, надежда, любы, три сія: больше же сихъ любы. (1 Кор. XIII, 13). 6) Salus aeterna hominum extra Ecclesiam christianam acquiri non potest. 7) Quid sibi vult imago Dei, secundum quam primus homo creatus esse dicitur. 8) De immortalitate animae humanae [4]). Въ отдѣленіи Митрофана въ 1837—38 г. ученики рѣшали на бумагѣ такіе вопросы: 1) Nonne tollitur justit...

темъ на полѣ рукою неизвѣстнаго (м. б. ревизора) сдѣлана язвительная замѣтка: „были представляемы, но не читаны".

[1]) С. Архангельскій, стр. 47—48.

[2]) Темы даны были іеромонахомъ Митрофаномъ.

[3]) См. Конспекты 1830—38 г.

[4]) Савы, т. I, стр. 130—31.

Regia Pharaonis.
Aegyptus, Ejusque poenae, et Israelitarum labores.
Rubus ardens.
יהוה
Rubrum mare, ejusque in undis immersus Pharaonis exercitus et transitus Israelis
Amaras aqua Merrae
Manna et coturnices.
Moses baculo et lapide Choribiaquam producit Hamalekitas
Moses a Deo decalogum sumit
Ignis de coelo allapsus.
Aeneus Serpens
Quisque, qui est morsus, et eum aspexit cum sani = tatem recipiet

Dei in redimendo homine peccatore? 2) Послѣ смерти не довольно-ли одного суда частнаго или всеобщаго? 3) Quod si ex theoreticis principiis per se ipsa innotescunt consectaria moralia, nonne superflua est Theologia practica post perlectam theoreticam? 4) Quomodo juxta amorem erga se ipsum locum habere potest abnegatio sui, quam proscribit Practica Christiana? [1])

Вспомогательнымъ средствомъ къ возбужденію интереса со стороны учениковъ къ письменнымъ работамъ служили по прежнему общія собранія. Въ назначенное время, большею частью въ субботу, въ богословскій классъ сходились воспитанники всѣхъ отдѣленій и классовъ, и тѣ ученики, письменныя задачи которыхъ въ теченіе извѣстнаго періода времени оказались наилучшими, всходили на каѳедру и предлагали ихъ вниманію общаго собранія. Чтеніе лучшихъ сочиненій въ публичныхъ собраніяхъ было возбудительнымъ средствомъ не для однихъ только учениковъ. Тотъ наставникъ, у котораго не оказалось въ цѣломъ классѣ ни одной задачи, достойной публичнаго прочтенія, естественно чувствовалъ себя неловко и впослѣдствіи старался возстановить свою репутацію, усиливъ вниманіе къ ученическимъ письменнымъ работамъ. Кромѣ лучшихъ сочиненій, къ публичному произнесенію предназначались проповѣди, составляемыя учениками высшаго отдѣленія. Именно, тѣ изъ проповѣдей, которыя одобрялись наставниками, читались авторами, по назначенію ректора, въ разныхъ церквахъ г. Владиміра. Особенно усиливалась проповѣдническая дѣятельность питомцевъ Владимірской семинаріи въ лѣтніе мѣсяцы, когда приносили во Владиміръ икону Боголюбской Божіей Матери. Богословы въ это время по очереди должны были произносить проповѣди въ каждой церкви, куда приносилась икона [2]).

Такое же значеніе стимула, усиливающаго интересъ къ писательству, имѣли публичныя испытанія, происходившія въ концѣ учебнаго курса,—на которыхъ письменнымъ работамъ учениковъ отведено было самое видное мѣсто,—а равнымъ образомъ и обычай, перешедшій отъ дореформеннаго періода, ознаменовывать торжественные моменты семинарской жизни учено-литературными, если можно такъ выразиться, празднествами. День тезоименитства преосв. Ксенофонта преимуществовалъ въ этомъ отношеніи предъ другими торжественными днями. Какъ и въ прежній періодъ, семинарскіе піиты заготовляли къ 26 января много стихотвореній въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и на разныхъ языкахъ. Изъ нихъ выбирались отборнѣйшія и переписывались тщательнѣйшимъ образомъ въ особую тетрадь. Благодаря счастливой случайности,

---

1) Конспекты 1830—38 г.

2) См. Архангельскій, стр. 49.

тетради эти сохранились въ частныхъ рукахъ до настоящаго времени (именно, годъ 1809, 1813, 1815, 1817, 1818, 1819, 1820). Всѣ онѣ въ золотомъ обрѣзѣ, и обложка ихъ украшена виньеткой, разрисованной красками. Узоръ виньетки съ каждымъ годомъ принималъ болѣе и болѣе сложный видъ (см. рисун.). Въ виньеткѣ 1820 г. мы видимъ и принадлежности архіерейскаго служенія, и монограмму Ксенофонта, и даже его награды. И все это сгруппировано довольно искусно, перевито цвѣтами, листьями и лентами. Этимъ художественная отдѣлка подносимой тетради-альбома не ограничивалась. Семинаристы художники изготовляли кромѣ того рисунки для украшенія тетради въ срединѣ. Особенно сложенъ по своей композиціи рисунокъ, помѣщенный въ тетради 1818 г. Принадлежитъ онъ кисти ученика низшаго отдѣленія Василія Тарбаева и представляетъ иллюстрацію къ латинскому стихотворенію Vita Israëlitorum vivente Mose (см. ниже въ приложеніяхъ). Рисунокъ отдѣланъ съ кропотливою тщательностью (напр., зданія Египта и дворецъ Фараона) и даетъ цѣлый рядъ сценъ изъ жизни Моисея и исторіи странствованія Евреевъ по пустынѣ Аравійской. Въ тетради 1813 г. вслѣдъ за выходнымъ листомъ на первой страницѣ помѣщенъ небольшой ландшафтъ, повидимому, имѣющій лишь декоративный смыслъ и не стоящій ни въ какой связи съ слѣдующими за нимъ словами оды: „Міровъ владыка и содѣтель". Въ тетради 1817 г. ученикомъ низшаго отдѣленія нарисована звѣзда съ акростихомъ (см. рисун.). Въ тетради 1819 г. на первомъ листѣ изображенъ человѣкъ въ позѣ благоговѣйнаго изумленія; вверху небесный храмъ Божества. Пояснительный текстъ къ этой иллюстраціи находится на 5-мъ листѣ:

Ахъ! что се зрю! временъ въ туманѣ
Какъ будто на концѣ міровъ,
На зыбкомъ, сткляномъ океанѣ,
Величественный, чудесный,
Превознесенъ до облаковъ,
Храмъ не земный, но храмъ небесный
И неописанный умомъ,
Блистаетъ весь, какъ изумрудный,
Къ нему путь узкій, скользкій, трудный,—
И бездна страшная кругомъ.

Горятъ тамъ милліоны солнцевъ,
Не видно мрачности слѣда,
Порфироносцевъ, вѣнценосцевъ
Преводитъ славы Царь туда,—
Мужей,—которые дѣлами,
Побѣдою надъ ихъ страстями

Сердца подобныхъ привлекли;—
И время не темнитъ ихъ мглою,
Но златояркою чертою
Малюетъ кистію ихъ дни...

Ѻ Пастырь, Ангелъ, утѣшенье
Отцевъ и юныхъ ихъ дѣтей!
Небесное благословеніе
Почіетъ на главѣ твоей.
Не есть мечта сей храмъ чудесный,—
То славы вѣчной храмъ небесный—
Я зрѣлъ тебя въ сіяньи тамъ!
Тамъ ликъ мужей превознесенныхъ,
Немолчной славой окрыленныхъ,
Готовитъ мзду твоимъ дѣламъ.

Въ подношеніи 1820 г. первый листъ украшенъ рисункомъ [1]), объясненіемъ къ которому служатъ слѣдующія строфы помѣщенной подъ нимъ оды:

Законъ судебъ не измѣнится,
Его ничто здѣсь не минетъ;
Что воспріяло жизнь, родится,
То рано-ль, поздно-ли падетъ;
А время быстрое—вихрь ярый
Все сокрушатъ его удары,
Все, что бы ни явилось въ свѣтъ!...
Воззрите на полетъ орлиный,
Какъ царь сей эфирны равнины
Сѣчетъ крыломъ,—но слѣда нѣтъ.

Гдѣ нынѣ грады процвѣтаютъ,
Тамъ будетъ вихрь одинъ свистать,
И тамъ, гдѣ тьмы свѣтилъ сіяютъ,
Ночныя тѣни обитать.
Египта пирамиды славны
И древній Вавилонъ державный
Громады были,—чудеса;
Но избѣжали-ль разрушенья?
Какія тамъ опустошенія,
Гдѣ ни блеснетъ временъ коса!

---

1) Рисунокъ прилагается.

Такъ пали царства знамениты,—
Ихъ грады больше не цвѣтутъ.
Герои лаврами покрыты
Подобно нѣкогда падутъ;
Ихъ титла, подвиги чудесны,
Трофеи будутъ неизвѣстны
И имена между людей;
Надъ ихъ истлѣвшими гробами
Ужъ лить не будутъ слезъ ручьями,
И зарастетъ мхомъ Мавзолей...

Стихи Космофонтовыхъ тетрадей совершенно однообразны. Въ тетрадяхъ позднѣйшихъ чувствуется довольно сильная зависимость, даже по формѣ, отъ тетрадей болѣе ранняго времени. Вообще, въ литературномъ отношеніи поэтическія изліянія стихотворцевъ, доставлявшихъ матеріалъ для офиціальныхъ подношеній Космофонту, стоятъ гораздо ниже Семинарскаго Вѣстника. Все здѣсь напыщенно, искусственно. Большая часть стихотвореній написана языкомъ тяжеловѣснымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно уловить даже грамматическій смыслъ фразы. На первомъ планѣ вездѣ стоитъ стремленіе рабски подражать принятымъ образцамъ, соблюсти рекомендованныя въ пиитикѣ регулы, показать свои пиитическія способности въ умѣніи составлять всѣ роды стихотворныхъ произведеній. Въ разсматриваемыхъ тетрадяхъ встрѣчаемъ: оды, сонеты, мадригалы, [illegible], акростихи, кантаты, пѣсни, загадки, разговоры, эклоги, эпиграммы, [illegible][1]. Одинъ умудрился написать стихи въ видѣ пирамиды:

[1] [illegible] стихи стояли [illegible] 1812 г., стр. [illegible]. Въ [illegible] 1811 г. помѣщены [illegible], одно на латинскомъ, другое на греческомъ языкѣ:

I.

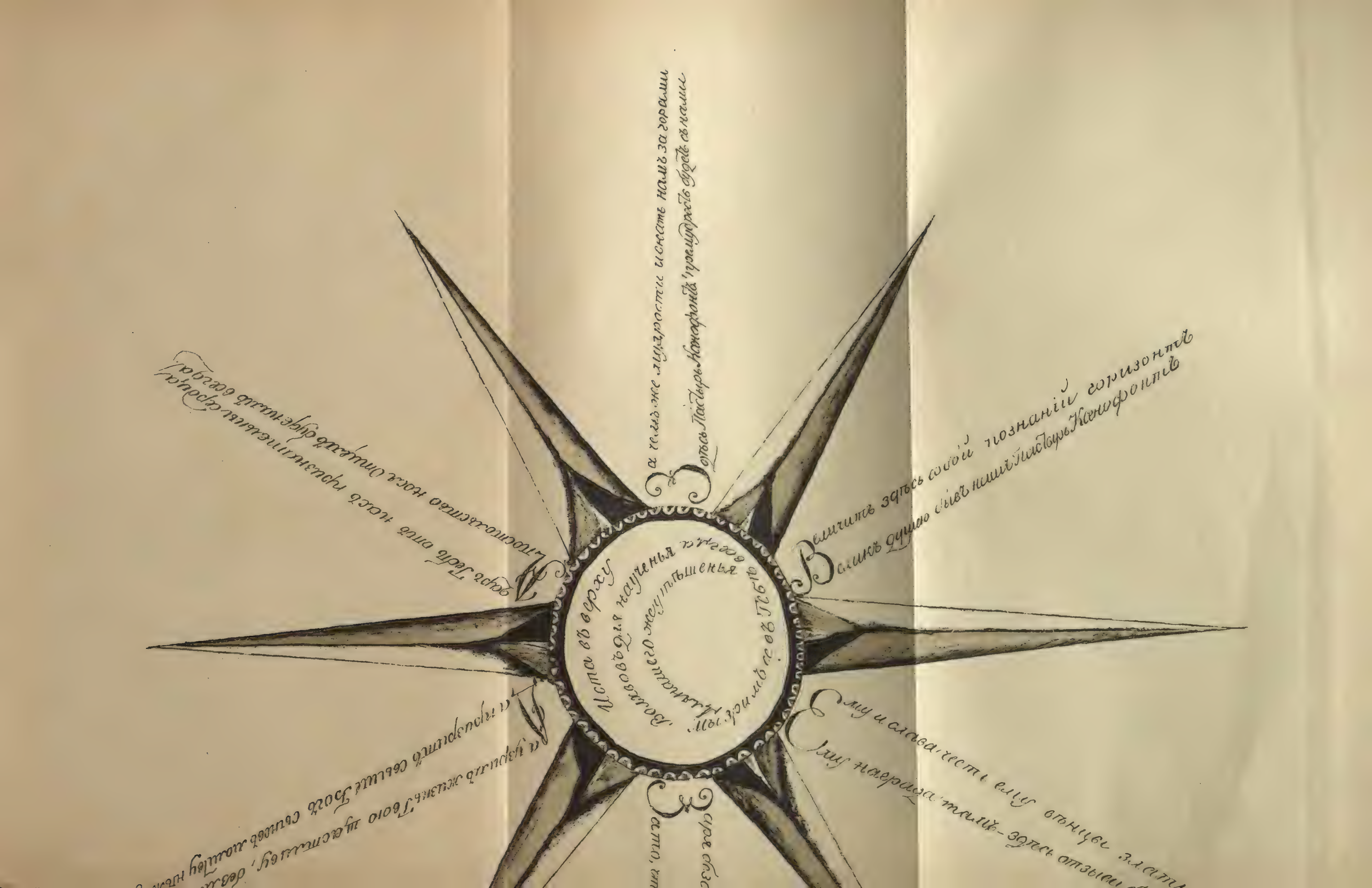
Non licet volitare nobis
ad coelos per aeva
Te fert Pater! Musa laude.

Учен. низш. отд. *Иванъ Холуйскій.*

II.

[illegible]

Учен. [illegible]

Величитъ здѣсь собой познаній горизонтъ
Великъ душою сiе нашъ Пастырь Ксенофонтъ
Ему и слава честь ему луны злат
а темъ же мудрости искати намъ за горами
Иста въ верху

Растущая слава.

Съ ефира
Питатель міра,
Блестящій лучъ простря
И свѣтъ свой разлія,
Ночные мраки прогоняетъ
И сводъ небесный позлащаетъ
Блистательнымъ своимъ лучемъ златымъ;
Возставъ отъ сна природа вмѣстѣ съ нимъ,
Въ великолѣпномъ семъ красуяся убранствѣ,
Въ величественномъ намъ является пріятствѣ.

Ручей
Сперва струей
Малѣйшей протекаетъ,
Но если продолжаетъ,
Теченье далѣ простираетъ,
То станетъ болѣй прибывать
И наконецъ является рѣкою
Красивою и славною большою,
И горы, и холмы, премножество полей
Питаетъ свѣжею онъ влагою своей.

Такъ человѣкъ,
Крася свой вѣкъ
Цвѣтами дѣлъ полезныхъ
И Вышнему любезныхъ,
Для радости другихъ живетъ,
Числомъ своихъ священныхъ лѣтъ
Всѣхъ счастіе и радость умножаетъ—
Блаженство, честь въ ихъ пользу посвящаетъ;
И даже жертвуетъ спокойствіемъ своимъ —
Невинность, сиротство живутъ и дышатъ имъ.

Но кто на свѣтъ
Столь благъ ліетъ?
О Пастырь нашъ священный!
Въ Тебѣ покой блаженный!
Ты насъ всегда своей рукой
Ведешь въ блаженство и покой.
И подъ Твоимъ отеческимъ покровомъ
Мы всѣ цвѣтемъ въ блаженствѣ, счастьѣ новомъ.
Чѣмъ болѣ Ты живешь, тѣмъ болѣ зримъ отрадъ—
И гордо высится нашъ юный вертоградъ!

Ученикъ низшаго отдѣленія *Егоръ Надеждинъ.*

Другой написалъ свое произведеніе въ формѣ, которую назвалъ песочными часами.

Бьетъ часъ—
И вдругъ погрязъ
Онъ въ вѣчности глубокой...
Когда взведу я бренно око
На машину часы—песокъ,
Струей, какъ тонкій волосокъ,
Чуть течетъ; но скоро движетъ
И непримѣтно бѣжитъ
Къ концу, какъ насъ, сосудъ
Чтобъ перевернуть.
Ахъ! еслибъ мочь имѣлъ я древняго Навина,
Чтобъ для меня коса Сатурнова и сила?
Пресѣкъ
Я бъ солнца бѣгъ,
Пресѣкъ конечно
И время съ нимъ, а Пастырь вѣчно
Подъ сѣнью бъ мирныхъ крылъ
Своей насъ благостью живилъ,
И нашего бъ покоя
Ни время тучъ, ни зноя
Нарушить не могло,
Ни зло,
Которое весь міръ мятетъ и потрясаетъ;
Ни мысль о вѣчности, гдѣ правда зло караетъ.

Учен. высш. отд. *Иванъ Саваренскій.*

Отдѣлъ стиховъ, помѣченныхъ въ піитикѣ подъ общимъ именемъ „curiosa“ [1]), нашелъ, такимъ образомъ, для себя видныхъ представителей среди Владимірскихъ стихотворцевъ начала XIX столѣтія [2]).

Указанные недостатки поздравительныхъ стихотвореній могутъ быть въ значительной части объяснены оффиціально-торжественнымъ характеромъ ихъ. Несомнѣнно, что и въ этотъ періодъ семинарскій Парнасъ не лишенъ былъ дарованій. Сохранившійся до нашего времени рукописный сборникъ 1830-хъ гг. можетъ дать достаточное подтвержденіе того, что въ числѣ піитовъ Владимірской семинаріи были не одни только риѳмоплеты [3]).

Но даже въ томъ малосовершенномъ видѣ, какой носятъ опыты семинарской музы въ тетрадяхъ Ксенофонта, они не оставались безслѣдными въ смыслѣ выработки и укрѣпленія въ ученикахъ навыка излагать свои мысли на бумагѣ. Не говоримъ уже, что заготовленіе всѣхъ этихъ стихотворныхъ подношеній освѣжало

---

1) См. Правила піитическія, стр. 61.

2) Русскія стихотворенія Ксенофонтовыхъ тетрадей изданы А. В. Смирновымъ въ 3-й книгѣ Трудовъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, стр. 211—315. Лучшія и болѣе характерныя изъ нихъ помѣщены въ приложеніяхъ I и II вып. Тамъ же приведено нѣсколько стихотвореній изъ этихъ тетрадей на иностранныхъ языкахъ.

3) Сборникъ названъ „Майская роза“; см. въ немъ стихотворенія Протопопова. Сборникъ принадлежитъ къ коллекціи рукописей А. В. Смирнова.

атмосферу семинарской жизни, вносило въ будничную обстановку нѣкоторое оживленіе. Какъ указывалось еще раньше (I вып.), при составленіи привѣтствій Ксенофонту, начиналась усиленная конкурренція. Каждому хотѣлось быть въ числѣ тѣхъ немногочисленныхъ счастливцевъ, письменные труды которыхъ удостоятся попасть въ разукрашенную тетрадь и будутъ прочитаны самимъ владыкою.

Подготовленіе уроковъ по выдаваемымъ запискамъ и учебнымъ руководствамъ, составленіе сочиненій наполняло собою, понятно, не все время, посвящаемое учениками занятіямъ. Чтеніе стороннихъ книгъ, относящихся къ изучаемымъ предметамъ и содѣйствующихъ общему развитію, всегда составляло существенную часть въ курсѣ семинарскаго образованія, для успѣховъ котораго состояніе этой части въ данный моментъ являлось дѣломъ далеко не безразличнымъ. Къ сожалѣнію, надобно сказать, что эта отрасль семинарской жизни требовала болѣе внимательнаго отношенія къ себѣ, чѣмъ какое въ разсматриваемый періодъ ей удѣлялось. Въ 1827 г. послѣдовало особое предписаніе Коммиссіи дух. училищъ, вызванное ревизорскимъ донесеніемъ, изъ котораго усматривалось, что „ученики семинаріи мало занимаются чтеніемъ хорошихъ авторовъ". Въ предписаніи требовалось, чтобы „ученикамъ назначались отъ профессоровъ приличныя книги для чтенія съ надлежащимъ требованіемъ отъ нихъ отчета въ прочитанномъ" [1]). На этомъ же усиленно настаивалъ вступившій въ 1830 г. на ректорское мѣсто архим. Неофитъ. Съ того времени установилась во Владимірской семинаріи практика такого рода. Главный наставникъ каждаго класса бралъ изъ фундаментальной библіотеки книги и отъ себя давалъ для чтенія учащимся. Матеріальный рискъ, которому подвергалъ себя наставникъ при такомъ способѣ раздачи ученикамъ сокровищъ фундаментальной библіотеки, невыгодно отражался на успѣхѣ дѣла, который при этомъ имѣлся въ виду. „Нашъ почтенный профессоръ, Максимъ Терентьичъ, пишетъ преосв. Савва [2]), былъ семейный человѣкъ и жалованья въ годъ получалъ не болѣе 600 руб. ассигнаціями [3]); поэтому онъ остерегался брать изъ библіотеки цѣнныя книги, а старался выбирать, какія подешевле и постарѣе. Мнѣ, напр., досталась изъ его рукъ маленькая по формату книжка, едва-ли не 17 столѣтія, на латинскомъ діалектѣ, подъ заглавіемъ: Jus canonicum. Такъ какъ эта книга показалась мнѣ не очень интересною, то я положилъ ее въ ящикъ и крѣпко тамъ заперъ, чтобы она не утратилась, а чрезъ годъ или два возвратилъ ее по принадлежности въ

[1]) Арх. сем. 1827 г., № 89.
[2]) Хроника моей жизни, т. 1, стр. 113.
[3]) Савва имѣетъ въ виду время до 1836 г.

цѣлости и сохранности». Изъ этихъ словъ преосв. Саввы можно видѣть, что реформа 1814 г. внесла мало новаго въ дореформенные библіотечные порядки перваго десятилѣтія XIX вѣка [1]).

Провѣрка знаній, пріобрѣтаемыхъ учениками въ семинаріи, производилась, какъ и теперь, посредствомъ спроса на урокахъ. Нѣкоторую особенность въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ составляло сохранившееся отъ стараго времени авдиторство, которое находило для себя примѣненіе, впрочемъ, только въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Для облегченія своего труда наставники выбирали успѣшнѣйшихъ учениковъ своего класса и поручали имъ прослушиваніе уроковъ учениковъ менѣе успѣвшихъ. Ко времени прихода въ классъ наставника, авдиторомъ заносилась въ нотаты условная помѣтка, которой обозначалась степень усвоенія урока порученнымъ ему ученикомъ. Отмѣченный незнающимъ обыкновенно простаивалъ цѣлый классъ на ногахъ [2]). По такому же наказанію подвергался и авдиторъ въ томъ случаѣ, если кто-нибудь изъ помѣченныхъ знающимъ оказывался на самомъ дѣлѣ не усвоившимъ урока.

Генеральною провѣркой способностей и знаній являлись испытанія. Испытанія, какъ и раньше, подраздѣлялись на частныя и публичныя. Частныя испытанія производились предъ Рождественскими праздниками и каникулами. Во время Неофита для нихъ предназначалось время съ 12 по 22 декабря и съ 19 іюня (приблизительно) по 10 іюля. Предъ каникулярными испытаніями каждый изъ наставниковъ обязанъ былъ представить въ семинарское правленіе конспектъ читаннаго въ теченіе года или курса и разрядный списокъ учениковъ по своему предмету съ соотвѣтствующими помѣтками на поляхъ объ ихъ способностяхъ и успѣхахъ. Въ 1838 г. правленіе семинаріи для единообразія въ отзывахъ рекомендовало наставникамъ пользоваться слѣдующими терминами: для перваго разряда — отлично хорошо, весьма хорошо, очень хорошо; для второго разряда — хорошо, весьма не худо, очень не худо, довольно не худо; для третьяго разряда — средственно, слабо, мало или даже худо [3]). Къ балльной системѣ при оцѣнкѣ успѣховъ прибѣгали рѣдко и въ томъ случаѣ, когда пользовались ею, употребляли только 3 цифры: 1 — съ значеніемъ весьма хорошо, 2—хорошо и 3—слабо. На экзаменахъ всѣхъ учениковъ спрашивали лишь по главнымъ предметамъ (и то не всегда); по второ-

---

[1]) См. Выпускъ I, стр. 232.

[2]) Учителя строгіе не чуждались въ такихъ случаяхъ и мѣръ болѣе чувствительныхъ и грубыхъ, какъ-то: стояніе на колѣнахъ, дранье за волосы, битье по щекамъ и всякаго рода заушенія.

[3]) Арх. сем. 1838 г., № 40.

степеннымъ вызывали къ столу лишь нѣкоторыхъ. Экзаменъ производился по жребію, или по билетамъ.

Публичныя испытанія слѣдовали за частными каникулярными. Имъ подвергались только лучшіе ученики. Какъ и въ предшествовавшій періодъ публичныя испытанія представляли своего рода выставку, торжество семинарской науки, имѣвшее въ виду показать плоды семинарскаго питомника именитымъ стороннимъ лицамъ. Публичныя испытанія длились три дня по числу отдѣленій. Программа ихъ заготовлялась заблаговременно. Каждый изъ наставниковъ еще задолго до публичнаго испытанія указывалъ какой-нибудь небольшой отдѣлъ своей науки, познанія въ которомъ своихъ питомцевъ находилъ возможнымъ демонстрировать предъ почтеннымъ собраніемъ. Далѣе, выбирались лучшія сочиненія изъ числа написанныхъ въ теченіе года; составлялись стихи, разговоры, приготовлялся концертъ. За нѣсколько дней до публичныхъ испытаній разсылали всѣмъ виднымъ представителямъ г. Владиміра пригласительные билетики, которыми „любители духовнаго просвѣщенія почтенно приглашались на публичныя испытанія учениковъ семинаріи“. Въ назначенный день семинарскій залъ наполнялся почетными посѣтителями; среди нихъ были, конечно, люди образованные, но вмѣстѣ съ образованными сюда часто попадали и лица совсѣмъ малограмотныя, хотя и сильныя своимъ вліяніемъ или богатствомъ. Собраніе открывалось съ прибытіемъ владыки. Вотъ для образца программа публичныхъ испытаній учениковъ богословія, произведенныхъ въ 1815 г. Въ 12 часовъ пополудни, при входѣ владыки, пѣвчими былъ пропѣтъ кантъ. Одинъ изъ учениковъ сказалъ владыкѣ и посѣтителямъ привѣтственную рѣчь, а другой произнесъ разсужденіе на русскомъ языкѣ: „О совершенствахъ Божіихъ по отношенію ихъ къ разуму“. За разсужденіемъ слѣдовали испытанія учениковъ по догматическому богословію. Для сего избраны были трактаты: 1) De gratia, 2) De incarnatione Filii Dei, 3) De communicatione in Christo naturarum et idiomatum, 4) De statu duplici Christi и 5) De triplici officio Christi. По окончаніи испытаній, читалось латинское разсужденіе: „Quo probari potest, Scripturam Sanctam esse Verbum Dei“ и разговоръ между богословомъ, магометаниномъ, саддукеемъ и простолюдиномъ объ ангелахъ. За разговоромъ ученикамъ предлагались вопросы изъ церковной исторіи. Для испытанія назначенъ былъ періодъ 1, 3, 4, 6 и 7 по руководству Филарета (Библейская исторія). Дальше читалось россійское разсужденіе: „О промыслѣ Божіемъ надъ ветхозавѣтною церковью“ и производились испытанія въ греческомъ языкѣ. Собраніе окончилось благодарственною рѣчью и пѣніемъ канта [1]).

[1]) Литературныя произведенія, читанныя въ этомъ собраніи, сохра-

По такой программѣ устроялись всѣ почти публичныя испытанія. Видоизмѣнялись, понятно, только предметы чтеній и вопросы. Бывали случаи, когда изъ уваженія къ какому-нибудь имениитому посѣтителю для чтенія выбирался отрывокъ, который долженъ былъ доставить ему особенное удовольствіе. Такъ, въ 1840 г., желая оказать почтеніе Владимірскому губернатору Кугутѣ, греку по происхожденію, семинарское начальство распорядилось прочитать на публичномъ испытаніи что-нибудь по гречески. Преподаватель Аѳ. Ник. Яковлевскій выбралъ для этого гимнъ Богу Григорія Богослова и перевелъ его на русскій языкъ мѣрною стихотворною рѣчью. Греческій текстъ гимна и русскій переводъ его прочитанъ былъ Ив. Тихомировымъ (преосв. Саввою) и доставилъ Кугутѣ удовольствіе [1]).

Не всѣ, конечно, почетные посѣтители могли сознательно относиться къ предлагаемымъ чтеніямъ и устнымъ испытаніямъ учениковъ. У большинства всѣ эти латинскія рѣчи и высокопарныя разсужденія вызывали только благоговѣйный страхъ къ семинарской учености. Болѣе благоразумные изъ нихъ тупо смотрѣли въ предложенныя имъ программы, повернувъ ихъ иногда вверхъ ногами, а въ концѣ выражали знаки одобренія, благодарили, хвалили. Но бывали случаи и активнаго участія подобнаго рода посѣтителей въ семинарскихъ учено-литературныхъ торжествахъ. При этомъ, естественно, не обходилось дѣло безъ курьезовъ. Много сохранилось разсказовъ на этотъ счетъ. Къ сожалѣнію, достовѣрность ихъ не можетъ быть твердо установлена.

По окончаніи публичнаго испытанія, прочитывался иногда списокъ учениковъ, отличившихся успѣхами или благонравіемъ, и раздавались въ награду книги. Въ 1818 г. награждено было, напр., книгами 30 учениковъ [2]).

Тѣ лѣтнія испытанія, которыя производились въ четные по счету годы, имѣли во Владимірской семинаріи особенное значеніе, такъ какъ послѣ нихъ переводили учениковъ въ слѣдующее, высшее по порядку отдѣленіе. Неуспѣвшіе сносились въ третій разрядъ и оставлялись въ томъ же классѣ еще на два года, или же увольнялись для поступленія на мѣста.

Въ дореформенное время исключаемые и увольнявшіеся до окончанія курса нерѣдко опредѣляемы были епархіальною властью на священническія мѣста. Въ 1818 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода, въ которомъ напоминалось, что „таковое опредѣленіе на священническія мѣста исключенныхъ ввергаетъ въ искушеніе до-

---

нилось въ рукописи доселѣ (кол. рукоп. А. В. Смирнова). См. приложенія II выпуска.

[1]) Савва. Хроника моей жизни. Т. I, стр. 149—51.

[2]) Арх. сем. 1818 г., № 333.

могаться исключенія" и въ предотвращеніе такого соблазна предписывалось „не производить учениковъ, увольняемыхъ изъ семинаріи до окончанія курса, на первый разъ далѣе діаконскаго чина" [1]). Ограниченіе служебныхъ правъ увольняемыхъ до окончанія курса повело къ тому, что многіе изъ нихъ усиленно стали стремиться получить дозволеніе обратно поступить въ семинарію [2]). И нѣкоторые на основаніи § 173 проекта устава принимались. Имъ дозволялось продолжать ученіе въ семинаріи приватно, до усмотрѣнія ихъ успѣховъ на слѣдующемъ испытаніи. Принятые на такихъ условіяхъ должны были содержаться на собственномъ иждивеніи.

Окончившіе полный курсъ семинаріи опредѣлялись на священническія и рѣдко на діаконскія (лучшія) мѣста. Студентамъ [3]) отдавалось предпочтеніе предъ окончившими по второму и третьему разряду. Назначеніе на мѣста въ періодъ ближайшій къ реформѣ

---

[1]) Арх. сем. 1815 г., окт. 8.

[2]) Вотъ одно изъ прошеній о такомъ пріемѣ. „По исключеніи меня изъ семинаріи въ 1816 г., утруждалъ я Ваше Преосвященство по причинѣ бѣдности моего родителя, содержащаго четырехъ насъ въ семинаріи на его пропитаніи, о произведеніи меня во діакона къ новопостроенной церкви Мальцевымъ при его вотчинѣ, называемой Гусь, куда, хотя имѣю достаточно причинъ поступить, но вслѣдствіе многолюдства исключенныхъ я скоро поступить на мѣсто не надѣюсь. Быть безъ мѣста, безъ должности, значитъ быть въ праздности, хуже скота. Но, когда я обучался въ семинаріи, цѣль моего обученія была, по окончаніи курса, принять монашескій образъ. Но по небольшимъ моимъ дарованіямъ и непроворству въ изустномъ сочиненіи, при отдачѣ трехгодичныхъ успѣховъ, назначено было остаться еще на два года къ слушанію словесности, что для меня очень обидно; на что осмѣливаюсь, съ позволенія сказать, чѣмъ солнце свѣтлѣе, тѣмъ для глазъ темнѣе и чѣмъ я старѣе, тѣмъ для слушанія нравственныхъ предметовъ мой умъ тупѣе. Того ради благоволите, Ваше Высокопреосвященство, принять меня паки въ семинарію, пока лѣта мои еще несовершенны къ предпринятой цѣли, и включить въ число учениковъ философіи, дабы я не былъ празденъ и не оставался совершенно неученымъ, какъ и прочіе, презрѣвъ науку, отходятъ въ пустыню вести въ юности праздную жизнь. Бывый учен. словесности Іосифъ Свѣтозаровъ". Резолюція: „Разсмотрѣвъ и справясь, буде проситель исключенъ изъ семинаріи по неисправности въ ученіи, отказать". (Арх. сем. 1816 г., № 366).

[3]) Такое наименованіе присвоено было окончившимъ по первому разряду. Въ дореформенной семинаріи названіе студента носили ученики богословія и философіи. Дореформенная практика оказалась живучею и въ семинаріи реформированной, такъ что потребовалось даже особое распоряженіе Коммиссіи дух. училищъ для того, чтобы имя студента усвоялось только тѣмъ, которые имѣли на него право по уставу. (Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 271). При опредѣленіи количества лицъ, предназначаемыхъ къ выпуску изъ семинаріи студентами, семинарское правленіе было ограничено предписаніемъ Московской академіи отъ 8 марта 1819 г. Этимъ распоряженіемъ требовалось, чтобы въ первый разрядъ высшаго отдѣленія входило не болѣе $1/3$ части всего числа учениковъ этого отдѣленія (Арх. сем. 1819 г., № 144).

производилось въ тотъ же годъ. Но въ 20-хъ и 30 хъ гг., когда количество оканчивающихъ значительно возрасло, кандидатамъ священства приходилось ждать мѣста по 2—3 года и даже больше. Въ 1820 г. семинарское правленіе получило отъ Московской академіи относительно лицъ, не получающихъ сразу по окончаніи мѣста и лишенныхъ средствъ содержанія, слѣдующее предписаніе. A) Казеннокоштнымъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ и не имѣющимъ средствъ къ содержанію, дозволить до опредѣленія на священнослужительскія мѣста пользоваться жительствомъ въ училищномъ корпусѣ и казенною пищею на ряду съ продолжающими курсъ казеннокоштными учениками, однако при собственной ихъ одеждѣ. B) Деньги для продовольствія такихъ учениковъ пищею заимствовать изъ остаточныхъ суммъ по семинаріи или училищамъ. C) Вспомоществованіемъ этимъ могутъ пользоваться только тѣ изъ окончившихъ, которые дадутъ письменное обязательство вступить въ духовное званіе, впрочемъ, и таковые не должны пользоваться имъ далѣе окончанія слѣдующаго года. D) Чтобы они не проводили время въ праздности, давать имъ какія-нибудь порученія по учебной части, употребляя ихъ вмѣсто лекторовъ или вмѣсто уѣздныхъ и приходскихъ учителей, или занимая переводами отцевъ и упражненіемъ въ собственныхъ назидательныхъ сочиненіяхъ. E) Академическому правленію представлять вѣдомость о нихъ вмѣстѣ съ годичнымъ отчетомъ объ экономическихъ суммахъ [1]. —Во Владимірской семинаріи приведенное распоряженіе Московской академіи оказалось трудно исполнимымъ на практикѣ, во-первыхъ, по отсутствію общежитія, а во-вторыхъ, вслѣдствіе огромнаго числа нуждающихся среди наличнаго состава учениковъ.

Въ 1834 г. Коммиссія дух. училищъ дала болѣе подробное разъясненіе, касающееся надзора за всѣми вообще окончившими курсъ семинаріи. Семинарскому правленію предписывалось имѣть въ своемъ вѣдѣніи до опредѣленія на мѣсто всѣхъ воспитанниковъ, окончившихъ семинарскій курсъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ нужду по бѣдности, или обѣщаютъ быть особенно полезными, семинарское начальство должно было содержать въ счетъ остаточныхъ училищныхъ суммъ, помѣщать на жительство при семинаріи или въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Остальнымъ дозволено было жить у родителей и родственниковъ и въ другихъ домахъ, не представляющихъ никакой опасности для чистоты ихъ нравовъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они два раза въ годъ въ назначенное время (такъ же, какъ и живущіе на содержаніи семинаріи) являлись къ семинарскому начальству для отчета въ своихъ занятіяхъ. Домашнія занятія кандидатовъ священства должны были

---

1) Арх. сем. 1820 г., № 143.

состоять въ чтенiи Св. Писанiя, отцевъ церкви, церковной исто- ... служебныхъ книгъ, сочиненiи поученiй и т. д. Живу- ... въ епархiальномъ городѣ кромѣ того дозволялось посѣщать ... лекцiи по тѣмъ предметамъ, по которымъ они желаютъ ... аго усовершенствованiя, преимущественно же по бого- слов... Семинарскому начальству предоставлялось право утили- зова... труды послѣднихъ для своихъ цѣлей, именно на нихъ могла бы... возлагаема должность лектора по классамъ языковъ, должность старшаго и руководителя учениковъ и наконецъ письмо- водителя при семинарскомъ правленiи. Провѣряя ежегодно заня- тiя окончившихъ курсъ семинарiи, семинарское правленiе должно было дѣлать объ этомъ соотвѣтствующiя надписи въ ихъ аттеста- тахъ, а епархiальное начальство принимать эти надписи въ со- ображенiе при опредѣленiи на мѣста [1]). Получивъ это предписа- нiе, правленiе Владимiрской семинарiи назначило два срока для явки во Владимiръ окончившихъ съ отчетами въ своихъ занятiяхъ— въ январѣ и сентябрѣ и извѣстило объ этомъ всѣхъ благочинныхъ и настоятелей монастырей.

Лучшiе ученики семинарiи довершали свое образованiе въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Послѣ реформы ежегодно по нѣ- ... человѣкъ вызывалось въ духовныя академiи — въ четные ... Московскую и въ нечетные въ Петербургскую и Кiев- скую. Вслѣдствiе такого распредѣленiя академическихъ курсовъ въ Петербургъ и Кiевъ были посылаемы изъ Владимiрской семи- нарiи воспитанники, не окончившiе полнаго семинарскаго курса, но по своимъ дарованiямъ и успѣхамъ имѣвшiе возможность пе- рейти къ высшему образованiю безъ замѣтнаго ущерба для дѣла. Высылаемые на казенный счетъ снабжались отъ семинарiи, въ силу предписанiя академическаго правленiя отъ 19 iюня 1816 г., одеждой и деньгами на путевое содержанiе [2]). Кромѣ посылаемыхъ на казенный счетъ, нѣкоторые изъ воспитанниковъ пытали счастье въ качествѣ волонтеровъ.

Высшiя свѣтскiя учебныя заведенiя въ свою очередь при- влекали не мало семинарскихъ силъ, рисуя заманчивыя перспек- тивы новыхъ знанiй и болѣе обезпеченнаго матерiальнаго поло- женiя въ будущемъ. Стремленiе попасть въ эти заведенiя сильно поддерживалось еще и тѣмъ, что для этого не требовалось полнаго окончанiя семинарскаго курса. Какъ и въ прошлый перiодъ, наи- болѣе значительный процентъ семинаристовъ, поступившихъ въ высшiя свѣтскiя заведенiя, падаетъ на медицинскiя академiи.

[1]) Арх. сем. 1834 г.

[2]) Въ примѣрной смѣтѣ 1831 г. семинарскiе расходы по снабженiю всѣмъ ...димымъ одного воспитанника, отправляемаго въ Петербургъ, вычислены въ 11.. руб. 50 коп., въ Кiевъ—115 руб. 50 коп. (Арх. сем. 1831 г., № 726).

Въ 1814 г. измѣненъ былъ прежній порядокъ испытаній семинаристовъ, желающихъ поступить въ медицинскія академіи. До этого времени испытанія производились во врачебныхъ управахъ. Въ 1814 г. велѣно было испытанія семинаристовъ производить въ губернскихъ гимназіяхъ, въ присутствіи членовъ врачебной управы и членовъ училищныхъ правленій. Выбираемые для поступленія въ медицинскую академію воспитанники семинаріи должны были подвергаться экзамену не только по русскому и латинскому языкамъ, но и по логикѣ, физикѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Вся отвѣтственность за ихъ подготовку стала падать на директора гимназіи [1]). Непріятныя полномочія, возложенныя на директора гимназіи, заставили его, конечно, тяготиться своими новыми правами и вызвали цѣлый рядъ довольно рѣзкихъ столкновеній съ семинарскимъ начальствомъ, полная неотвѣтственность котораго при выборѣ учениковъ въ медицинскую академію казалось гимназической испытательной коммиссіи и несправедливой, и обидной. Въ 1816 году испытаніе для избранныхъ къ поступленію въ медицинскую академію назначено было въ 4 часа пополудни 28 іюня. Къ назначенному часу ученики не явились. Раздраженный директоръ гимназіи Дмитревскій писалъ по этому поводу въ семинарское правленіе. „По истеченіи уже шестого часа, когда ожидали ихъ (т.-е. учениковъ) два сословія, нижеподписавшійся получилъ чрезъ сторожа семинарскаго словесное извѣстіе отъ назначеннаго правленіемъ къ присутствію въ семъ актѣ строителя Никодима, что ни онъ, ни воспитанники не будутъ теперь къ экзамену для того, что назначенный тутъ же быть секретарь правленія г. Ильинскій, которому тогда же былъ сказанъ сей срокъ, отлучился за городъ. Важность государственной службы оному правленію извѣстна“. 4 іюля собралась вторично коммиссія, и всѣ четыре представленныхъ семинаріею воспитанника были обращены назадъ. Директоръ гимназіи, извѣщая объ этомъ ректора семинаріи, просилъ прислать къ испытаніямъ въ гимназію „другихъ достойнѣйшихъ, буде таковые имѣются“. Семинарскому начальству такой отвѣтъ объ экзаменовавшихся ученикахъ показался „пристрастнымъ“. „Коммиссіонеры“ изъ семинарскихъ преподавателей, присутствовавшіе на директорскомъ испытаніи, прямо заявили, что „ученики оказались отвѣтствующими на вопросы и переводившими хорошо“. Послали директору гимназіи отношеніе, въ которомъ сообщали о нежеланіи другихъ учениковъ подвергать себя испытанію г. директора, „опорочившаго всѣхъ безъ изъятія прежде посланныхъ“, и требовали доставить сочиненія и переводы всѣхъ четырехъ учениковъ, имъ испытанныхъ и отвергнутыхъ, въ подлинникѣ или

---

1) Арх. сем. 1816 г., № 200.

копіяхъ [1]). Директоръ отвѣтилъ, что такъ какъ и актъ испытанія присланныхъ отъ правленія семинаристовъ, и отвѣтственность за знанія ихъ возложены правительствомъ на гимназію, то вмѣстѣ съ симъ естественно предоставлено и право сужденія о знаніяхъ ихъ единственно гимназіи, а не кому-либо изъ присутствовавшихъ при экзаменахъ лицъ, тѣмъ менѣе внутреннему испытанію семинарскаго правленія. Доставить въ правленіе, по требованію его, переводы и сочиненія всѣхъ испытанныхъ учениковъ, значило бы, по его словамъ, унизить оное право и уполномоченныхъ гимназическихъ экзаменаторовъ, вопреки порядку, отдать на испытаніе семинаріи. „Впрочемъ, изъ уваженія къ мѣсту, пишетъ директоръ, объявляю правленію, что въ помянутыхъ сочиненіяхъ и переводахъ найдены экзаменаторами многія грамматическія и филологическія погрѣшности, что въ геометріи ученики умѣли только сказать наименованія фигуръ и что въ ариѳметикѣ оказались слабо знающими даже первыя четыре правила, далѣе которыхъ отреклись вовсе незнаніемъ“ [2]).

Семинарія однако осталась при своемъ мнѣніи и въ этомъ смыслѣ сдѣлала донесеніе въ Московскую академію. Московское академическое правленіе предписало семинаріи вторично избрать учениковъ для поступленія въ медико-хирургическую академію и послать на экзаменъ въ гимназію, съ тѣмъ однако, чтобы при испытаніи присутствовали ректоръ и инспекторъ. Изъ четырехъ, изъявившихъ желаніе подвергнуться снова экзамену при гимназіи, признанъ былъ годнымъ къ отправленію въ медико-хирургическую академію только одинъ Виноградовъ [3]). Сообщили и объ этомъ въ Московскую академію, освѣтивъ и на сей разъ неуспѣхъ семинаристовъ въ духѣ предшествовавшаго донесенія. Изъ Московской академіи послѣ такого доклада дѣло направлено было въ высшія инстанціи, и въ началѣ 1817 г. директоръ гимназіи получилъ запросъ отъ попечителя Московскаго учебнаго округа, на какомъ основаніи семинаристы, оказавшіеся достойными по экзамену къ поступленію въ медико-хирургическую академію, не были рекомендованы гимназическимъ начальствомъ? Слѣдуетъ новое отношеніе директора въ семинарское правленіе по поводу „извѣта духовной академіи, сдѣланнаго, естественно, съ донесенія семинарскаго правленія“. Директоръ ставитъ на видъ семинарскому начальству, что оно избираетъ учениковъ не способнѣйшихъ, а только желающихъ, какъ явствуетъ изъ его же отношенія, вслѣдствіе чего неудивительно, что они оказываются слабо подготов-

---

[1]) Арх. сем. 1816 г., № 198.
[2]) Арх. сем. 1816 г., № 200.
[3]) Арх. сем. 1816 г., №№ 229. 450.

ленными къ поступленію въ медико-хирургическую академію. „
благоволитъ вѣдать семинарское правленіе, пишетъ въ зак прис.
директоръ, что и ученикъ Виноградовъ, отличавшійся зна
отъ всѣхъ прочихъ, въ строгомъ смыслѣ предписанія началь
не заслуживалъ одобренія гимназіи; а удостоенъ назначенія то
и единственно изъ уваженія къ мѣсту, имѣющему счастіе бы
подъ начальствомъ безпримѣрнаго архипастыря, котораго добр
дѣтели и щедрость превыше всѣхъ похвалъ". Къ отношенію пр
ложена была копія съ латинскихъ переводовъ экзаменовавших
учениковъ [1]). Переводы сдѣланы были, дѣйствительно, плохо [2]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года семинарское начальство п
лучило предписаніе Коммиссіи дух. училищъ „приложить возмо
ное тщаніе къ усиленію успѣховъ учащихся въ наукахъ и яз
кахъ" [3]).

Послѣ описаннаго конфликта отношенія между семинаріей и ги
назіей принимаютъ мало-по-малу болѣе мирный характеръ. Сем
нарское начальство старалось подыскивать кандидатовъ бол
подготовленныхъ къ испытаніямъ при гимназіяхъ, а гимназичес
экзаменаторы, не подвергшись ни разу той непріятности, жертв
которой сдѣлался нѣкогда Певіандтъ и Байцуровъ [4]), стали от
ситься нѣсколько снисходительнѣе къ познаніямъ испытуемыхъ.
Въ 1829 г. право производства испытаній семинаристовъ, жела
шихъ поступить въ медицинскую академію, перешло опять въ в
дѣніе врачебной управы. Въ архивахъ врачебной управы хранят
доселѣ экзаменскія сочиненія подлежавшихъ испытаніямъ учен
ковъ семинаріи съ поправками членовъ управы. Сочиненія пис
лись въ формѣ разсужденій, по большей части на латинско
языкѣ. Темами служили отдѣльныя изреченія, пословицы, напр
„На Бога надѣйся, а самъ не плошай", „Per angusta itur ad aug
sta", „Ne cede malis, sed contra audentior ito", „Quisque su
fortunae faber", „Similis simili gaudet" и т. д. [5]). Кромѣ письме

[1]) Арх. сем. 1817 г., № 16.

[2]) Напр., для перевода съ латинскаго на русскій данъ былъ слѣдующій н
трудный по конструкціи отрывокъ: Accessit ad Aristippum philosophum pate
familias rogavitque ut filium acciperet erudiendum. Quum vero ille pro merce
petiisset quingentas drachmas: pater deterritus pretio, quod ignaro avaroque h
mini nimium videbatur, tanti, inquit, emere mancipium possum. Tum philosophu
eme, inquit, et habebis duo. Подвергавшійся испытанію семинаристъ Ив. Ушаков
перевелъ на бумагѣ этотъ отрывокъ такъ. „Пришелъ къ Аристиппу нѣкоторы
отецъ и просилъ, чтобы онъ сына его взялъ учить. Но когда онъ въ доплат
требовалъ пятьдесятъ драхмъ, то отецъ, устрашенный цѣною, которая незнак
щему человѣку казалась малѣйшею, сказалъ, что онъ могъ бы купить любов
такого, тогда Аристиппъ, купи и будешь имѣть два". Тамъ же.

[3]) Арх. сем. 1817 г., № 188.

[4]) См. выпускъ I, стр. 235—236.

[5]) Арх. врачеб. управы 1830 г., № 125 и 1838 г., № 172.

ужденій на латинскомъ языкѣ, отъ экзаменовавшихся требовался небольшой переводъ съ русскаго на латин-. Въ 1838 году одинъ изъ семинаристовъ (Ксенофонтъ й) выполнилъ латинскія письменныя работы въ высшей еудачно, и преосв. Парѳеній предписалъ семинарскому подтвердить учащимъ, чтобы они обращали большее а успѣхи учениковъ въ латинскомъ языкѣ[1]).

бщемъ, по мѣрѣ приближенія къ 40-мъ гг. замѣтно явное е медицинскаго начальства ограничить доступъ въ меди-кадеміи лицамъ съ семинарскимъ образованіемъ[2]). Семи-ослужили уже свою службу. Врачебная наука стала Россіи; дорога ей была расчищена. Семинаристы должны упить свое мѣсто претендентамъ, которые, если не по стямъ и усидчивости, то по сравнительно лучшей под-(въ спеціальномъ смыслѣ), были болѣе желательны въ медицинскомъ разсадникѣ. Въ ряду такихъ ограничи-мѣръ, изданныхъ въ 30-хъ гг., можно упомянуть о распо-касательно нравственности лицъ, поступающихъ въ ме-академіи. Въ 1835 г. государю императору, въ бытность Москвѣ, представлена была записка о причинахъ упадка нности между учащимися медицинской академіи. Въ числѣ причинъ было указано, между прочимъ, и то, что, при ій въ академіи изъ духовныхъ семинарій, учениками ко-преимущественно наполняется убыль медицинскихъ сту-епархіальное начальство никогда не избираетъ лучшихъ ственности. Прочитавъ записку, государь велѣлъ поста-обязанность епархіальному начальству избирать въ меди-академіи учениковъ нравственно благонадежныхъ[3]).

дицинскій институтъ при Московскомъ университетѣ также время наполнялся семинаристами. Изъ Владиміра вызыва-да ученики очень часто. Повѣрочные экзамены произво-при гимназіи; испытуемые выдерживали здѣсь пробу далеко да блистательно. Объяснялось это какъ посредственностью цъ, которыхъ семинарское начальство отпускало въ дру-омство, такъ отчасти и тѣмъ новымъ направленіемъ въ ваніи, которое стало замѣтно развиваться въ свѣтскихъ іяхъ. Формально-схоластическая постановка, отъ которой ю еще вполнѣ освободиться преподаваніе нѣкоторыхъ пред-въ семинаріи, мало отвѣчала требованіямъ, предъявляе-ременемъ. Въ 1835 году семинаристы, изъявившіе желаніе

Арх. сем. 1838 г., № 25.
См. Исторія Императорской военно-медицинск. академіи. 1898, стр. 456.
Арх. сем. 1835 г., № 26.

поступить въ медицинскій институтъ, отказались экзаменоваться въ гимназіи въ томъ случаѣ, если на экзаменѣ не будетъ присутствовать особый депутатъ съ духовной стороны. Командировали учителя Никифора Левитскаго. Левитскій послѣ испытаній (окончившихся для семинаристовъ неудачно) заявилъ, что экзаменаторы, соображаясь съ программою, выданною университетомъ для руководства, при испытаніи требовали больше, нежели сколько можно требовать отъ учениковъ семинаріи. 1) Спрашивали по статистикѣ, которой не проходятъ въ семинаріи. 2) При вопросахъ изъ исторіи всеобщей преимущественно и даже исключительно имѣли въ виду хронологію, а не повѣствовательное раскрытіе событій и прагматическую оныхъ послѣдовательность и 3) вообще, отъ испытываемыхъ учениковъ не столько требовали собственныхъ размышленій, сколько *положительныхъ знаній*, и непрерывнымъ стояніемъ, исключая случаевъ, когда ученики писали сочиненія, отнимали у нихъ физическія силы, притупляя ихъ вниманіе и дѣлая ихъ неспособными къ соображенію [1]). Послѣ этого доклада Левитскаго новыхъ лицъ для испытанія семинарское начальство не посылало. Въ слѣдующемъ году изъ Владимірской семинаріи въ медицинскій институтъ затребовано было 5 человѣкъ. Но семинаристы не могли забыть нанесеннаго оскорбленія. На листѣ, выданномъ отъ начальства для записи желающихъ поступить въ медицинскій институтъ, каждый изъ учениковъ высшаго и средняго отдѣленія за собственноручнымъ подписомъ написалъ: „не желаю" [2]). Это было послѣднее требованіе въ медицинскій институтъ.

Поступленіе въ Главный педагогическій институтъ, учрежденный въ 1828 г., обставлено было для семинаристовъ меньшими формальностями, чѣмъ поступленіе въ медицинскія высшія заведенія. Семинарское начальство само испытывало изъявившихъ желаніе учиться въ педагогическомъ институтѣ и отправляло ихъ туда въ счетъ семинарскихъ средствъ, которыя впослѣдствіи возвращались полностью. Принимались въ педагогическій институтъ лишь воспитанники, окончившіе по меньшей мѣрѣ классъ наукъ философскихъ [3]). Для отсылки въ педагогическій институтъ семинарское начальство выбирало учениковъ съ большею осторожностью и внимательностью, чѣмъ въ медицинскія школы, вслѣдствіе предписаній, получаемыхъ на этотъ счетъ отъ своей высшей власти.

Каникулярное время. Срокъ каникулярнаго времени точно опредѣленъ былъ въ проектѣ устава: съ 24 декабря по 7 января,

---

1) Арх. сем. 1835 г., №№ 480, 583.

2) Арх. сем. 1836 г., № 565.

3) Арх. сем. 1829 г., № 78.

отъ недѣли Вай до недѣли Новой и отъ 15 іюля до 1 сентября. Но въ разсматриваемый періодъ бывали иногда отпуски экстренные, вызванные особыми обстоятельствами. 15 сентября 1830 г. попечитель 2-й части г. Владиміра донесъ губернатору, чтобы тотъ „для отдаленія бѣдствія отъ угрожающей здѣшнему краю опасности вошелъ въ сношенія съ семинарскимъ начальствомъ", въ виду того, что, „если Богу угодно будетъ наказать городъ заразительною болѣзнью, то неисчислимы будутъ бѣдствія отъ неопрятныхъ и тѣсныхъ помѣщеній, наполненныхъ семинаристами, кои сверхъ того по большей части худо одѣты" [1]). Во второй половинѣ сентября семинаристы были отпущены домой. 17 ноября того же года губернаторъ увѣдомилъ Парѳенія, что „дѣйствіе эпидемической болѣзни—холеры въ здѣшней губерніи, благодареніе милосердному Богу, совершенно прекратилось". Учениковъ собрали во Владиміръ, но внутреннихъ рождественскихъ испытаній не могли произвести; ихъ отсрочили до годичныхъ экзаменовъ. Но и годичнымъ испытаніямъ также не суждено было произойти во время. Коммиссія дух. училищъ распорядилась для лѣтнихъ каникулъ назначить лишь одинъ іюль мѣсяцъ, августъ обратить въ учебное время, а 1 сентября начать испытанія [2]). Лѣтомъ 1831 года между тѣмъ открылась вторично холера. Ученики собрались лишь послѣ 20 октября, а къ экзаменамъ приступили со 2 ноября [3]).

ГЛАВА V.

Дисциплинарно-воспитательная часть.—Инспекторъ.—Старшіе и дежурные.—Помощникъ инспектора.—Инструкція помощнику инспектора и старшимъ.—Хорошія черты семинарской жизни.—Недостатки.—Причина ихъ.—Пьянство и дебоширство.—Распутство.—Воровство.—Ложь.—Нехожденіе въ классъ и своевольныя отлучки.—Разгромъ классныхъ комнатъ.—Жалоба на семинарское начальство въ Коммиссію дух. училищъ.—Дисциплинарныя мѣры взысканій.—Наказаніе розгами.—Исключеніе изъ семинаріи.—Общій взглядъ на воспитательное дѣло въ разсматриваемый періодъ.—Докладъ Іосифа.

„Нравственное управленіе, говорится въ проектѣ устава, ввѣряется особенно инспектору". Ему поручается надзоръ за ученическою жизнью во всѣхъ ея отправленіяхъ. Его попечительное око, какъ выражается уставъ, должно быть обращено на учениковъ въ классахъ, слѣдовать за ними внѣ классовъ и невидимо

---

1) Арх. 1830 г. Дѣло о холерѣ.
2) Арх. сем. 1831 г., № 428.
3) Арх. сем. 1831 г., № 803.

сопровождать ихъ даже внѣ училища [1]). Естественно, что одно лицо не въ состоянiи было выполнять такую отвѣтственную и сложную функцiю. Чтобы облегчить инспектору выполненiе его трудныхъ обязанностей, проектъ устава оставляетъ въ прежней силѣ дореформенный институтъ старшихъ.

Во Владимiрской семинарiи на первыхъ же порахъ послѣ реформы институтъ этотъ восполненъ былъ учрежденiемъ, такъ называемыхъ, старшинъ, которыхъ назначили три человѣка, по числу частей города, гдѣ проживали воспитанники [2]). Послѣ ревизiи Филарета, по его требованiю, званiе старшинъ было уничтожено [3]), но взамѣнъ ихъ появились главные старшiе. Въ 1816 г. главныхъ старшихъ для общаго надзора за воспитанниками семинарiи было два и старшихъ по отдѣленiямъ 6 (по 2 на отдѣленiе). Кромѣ ихъ, существовали еще старшiе для надзора за воспитанниками въ церкви, именно на каждую церковь по два старшихъ и по два помощника имъ. Въ 1821 г. классные старшiе (цензоры) получили особыхъ помощниковъ, названныхъ дежурными. Инициативу учрежденiя этого новаго вида старшихъ подалъ экономъ семинарiи П. Туберовскiй.

„Хотя, писалъ онъ въ докладѣ, ключи отъ классовъ сдѣланы и розданы старшимъ каждаго класса, равнымъ образомъ и ключи отъ отхожихъ мѣстъ, чтобы возможная чистота могла быть въ нихъ сохраняема, но замки безпрестанно ломаютъ, и, не смотря на починку и перемѣну ихъ, двери большею частiю остаются незапертыми. А между тѣмъ въ очень немаломъ количествѣ разбиваютъ стекла, ломаютъ скамьи и столы—не только старыя, но и новыя, особенно же портятъ изразцовыя печи, въ которыхъ во многихъ мѣстахъ пробиты изразцы, сломаны душники, верхнiя и нижнiя заслонки переломаны“.

Для устраненiя всѣхъ этихъ безпорядковъ экономъ рекомендуетъ избрать въ каждомъ классѣ 30—40 взрослыхъ и завести дежурства. Дежурный долженъ первымъ явиться въ корпусъ, отперѣть классъ и послѣднимъ выйти и запереть его. Въ зимнее время онъ обязанъ вмѣстѣ со сторожемъ истопить печь, закрыть трубу, послѣ чего запереть снова классъ, а ключъ на ночь оставить у старшаго сторожа. Въ каждый классъ, говоритъ экономъ, должна быть выдана за скрѣпою книга, въ которой дежурный каждодневно обязанъ отмѣчать, все ли въ цѣлости принято отъ предшественника и что разбилось.—8 февраля 1821 года докладъ эконома былъ утвержденъ правленiемъ [4]).

[1]) Ср. проектъ устава, введенiе. п. 12.
[2]) Арх. сем. 1814 г., дек. 10.
[3]) Собранiе мнѣнiй и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 270—71.
[4]) Арх. сем. 1821 г., № 25.

Спустя 6 лѣтъ послѣ этого доклада инспекторъ получилъ сотрудниковъ, болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ воспитательнаго дѣла. Именно, въ 1830 г. учреждена была должность, такъ называемыхъ, помощниковъ инспектора. Учрежденіе ея вызвано особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Въ Кіевской семинаріи ученикъ низшаго отдѣленія Чепурковскій нанесъ ножемъ рану своему товарищу. Императоръ Николай, получивъ свѣдѣніе объ этомъ происшествіи, повелѣлъ поставить на видъ сіе всѣмъ высшимъ и непосредственнымъ начальникамъ семинаріи и подтвердить, чтобы они впредь въ исполненіи своихъ обязанностей были точнѣе. Послѣ этого Коммиссія дух. училищъ чрезъ академическія правленія распорядилась, „чтобы, для точнѣйшаго надзора за поведеніемъ учениковъ, смотря по многолюдству училищъ и по другимъ обстоятельствамъ, опредѣляемы были съ утвержденія епархіальныхъ архіереевъ по одному, или по два, или по три помощника инспектора изъ семинарскихъ профессоровъ или учителей, а по нуждѣ, въ случаѣ нераздѣльнаго помѣщенія семинаристовъ съ учениками низшихъ училищъ, и изъ учителей сихъ послѣднихъ и чтобы о раздѣлѣ надзора между инспекторомъ и помощникомъ сдѣланы были распоряженія примѣнительно къ обстоятельствамъ". — Опредѣленіемъ правленія Владимірской семинаріи отъ 13 сент. 1830 г. избраны были къ должности субъ-инспекторовъ два молодыхъ профессора — Я. Миловскій и Е. Борисоглѣбскій. Вмѣсто жалованья, за добавочную службу ихъ положено было вознаградить казенною квартирою [1]).

Послѣ учрежденія должности помощника инспектора воспитательный надзоръ надъ учениками организованъ былъ въ такомъ видѣ. Во главѣ воспитательнаго дѣла стоялъ инспекторъ, ближайшимъ помощникомъ котораго былъ субъ-инспекторъ. Субъ-инспектору непосредственно подчинялись главные старшіе (въ количествѣ 2—3), наблюдавшіе за дѣятельностью всѣхъ вообще старшихъ, число которыхъ возрастало по мѣрѣ общаго увеличенія учениковъ семинаріи. Въ вѣдѣніи каждаго старшаго находилось нѣсколько квартиръ. Одинъ изъ старшихъ, по очереди, въ теченіе недѣли несъ обязанности старшаго очередного, заключавшіяся въ надзорѣ за учениками совмѣстно съ цензоромъ въ классное время. Старшимъ подчинены были пріоры, избиравшіеся изъ благонравнѣйшихъ учениковъ въ каждой отдѣльной квартирѣ. Въ каждой квартирѣ заведенъ былъ нравственный журналъ и книга для записи занятій. Въ нравственномъ журналѣ отмѣтки о поведеніи квартирующихъ дѣлалъ пріоръ, въ журналѣ для занятій каждый собственноручно вносилъ свѣдѣнія о своихъ домашнихъ

[1]) Арх. сем. 1830 г., кн. 2, № 376.

упражненіяхъ. Журналы ежедневно просматривались старшимъ. Съ другой стороны, и старшимъ выдана была особая книга для записи поведенія ввѣренныхъ имъ учениковъ. Книга эта представлялась для просмотра ближайшему начальству.

Чтобы дать болѣе наглядное представленіе о правахъ, обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ помощниковъ инспектора и старшихъ, я позволю себѣ привести въ подлинникѣ инструкціи, выданныя имъ для руководства инспекторомъ Израилемъ въ 1834 г. Такого рода инструкціи составлялись почти каждымъ новоприбывшимъ инспекторомъ. Инструкціи Израиля подробнѣе и характернѣе другихъ; онѣ даютъ не мало данныхъ для обрисовки внѣшняго быта учениковъ, распорядка ихъ будничной жизни и въ этомъ отношеніи являются не лишенными историческаго интереса.

Инструкція помощнику инспектора.

Помощникъ инспектора долженъ имѣть бдительный надзоръ за учениками I) въ ихъ квартирахъ и II) при богослуженіи.

1. Надзоръ за учениками въ ихъ квартирахъ.

1. Помощникъ инспектора долженъ по своей части имѣть вѣрный списокъ всѣхъ занимаемыхъ учениками квартиръ. Сей списокъ, поелику ученики иногда по обстоятельствамъ перемѣняютъ квартиры, составляетъ онъ въ началѣ каждой трети при помощи квартирныхъ старшихъ и живущихъ на оныхъ учениковъ.

2. Онъ долженъ имѣть вѣрный списокъ всѣхъ учениковъ, ввѣренныхъ его надзору, и безъ означенія квартиръ. Сей общій списокъ онъ составляетъ также изъ частныхъ списковъ, которые должны представлять ему старшіе въ началѣ каждой трети и въ концѣ каждаго мѣсяца съ отмѣткою учениковъ въ поведеніи.

3. Онъ долженъ всѣ квартиры учениковъ посѣщать лично непремѣнно хотя два раза въ недѣлю. Квартиры же, въ какихъ-либо безпорядкахъ замѣченныя имъ лично или чрезъ старшихъ, обязывается посѣщать три и четыре раза въ недѣлю.

4. Таковыя посѣщенія должны имѣть преимущественно ту цѣль, чтобы внушать ученикамъ смиреніе, покорность начальству и почтительность ко всѣмъ высшимъ, любовь къ порядку и прилежаніе къ наукамъ, отвращеніе отъ всякаго порока и своеволія и вообще всѣ тѣ обязанности, какія имъ предписываются религіею, семинарскимъ уставамъ и данною правленіемъ инструкціею.

5. Посѣщенія квартиръ могутъ быть во всякое время днемъ, а особенно вечеромъ до 11 часовъ, когда всѣ ученики должны сидѣть дома въ порядкѣ и заниматься своимъ дѣломъ.

6. Для удобнѣйшаго обозрѣнія квартиръ онъ имѣетъ право брать себѣ для сопровожденія или главнаго старшаго или другого изъ старшихъ довереннѣйшаго, по своему усмотрѣнію, а для безопасности — служителя семинарскаго дома.

7. Если, по донесенія старшаго или другимъ какимъ-либо образомъ узнаетъ объ особенномъ на квартирѣ безпорядкѣ между учениками, то немедленно посѣщаетъ оную и производитъ тамъ изслѣдованіе и, что по сему откроется, доноситъ о томъ инспектору или о. ректору.

8. Безпорядки между учениками незначительные, взаимныя ихъ жалобы и жалобы на нихъ хозяевъ разбираетъ и рѣшаетъ самъ, по своему усмотрѣнію, неупустительно наказывая виновныхъ, сообразно ихъ проступку, или замѣчаніемъ и выговоромъ предъ другими учениками, или лишеніемъ стола, или поклонами, или стояніемъ на колѣняхъ во время вечерней или утренней молитвы, или внесеніемъ ихъ проступка чрезъ старшаго въ нравственный журналъ для представленія инспектору и тому подобное.

9. Особенно, при посѣщеніи учениковъ, долженъ наблюдать, не читаютъ-ли они книгъ, къ чтенію неодобренныхъ и несовмѣстныхъ съ духовнымъ образованіемъ и, если таковыя найдетъ, то отбираетъ тотчасъ и представляетъ инспектору или о. ректору.

10. Онъ долженъ наблюдать, чтобы ученики отнюдь безъ его позволенія не становились на новыхъ квартирахъ по пріѣздѣ въ семинарію и не перемѣняли оныхъ никогда по своему произволу, переходя изъ вѣдомства одного помощника инспектора къ другому.

11. Отнюдь не долженъ позволять ученикамъ нанимать квартиры въ дальнемъ разстояніи отъ семинаріи, въ домахъ хозяевъ сомнительнаго поведенія, а особенно, гдѣ есть такія лица, съ коими близкое обращеніе можетъ имѣть вредныя послѣдствія для нравственности. Распознавать же хорошія и худыя квартиры онъ можетъ или самъ при посѣщеніи оныхъ или чрезъ старшихъ, въ вѣдѣніи коихъ онѣ состоятъ. Учениковъ, живущихъ на подозрительныхъ квартирахъ, немедленно долженъ сводить на другія съ честнымъ именемъ квартиры.

12. Не долженъ позволять ученикамъ стоять на квартирахъ поодиночкѣ, исключая тѣхъ, которые живутъ въ домахъ родителей и ближайшихъ родственниковъ, или кои совершенно благонадежны по своему поведенію.

13. Онъ долженъ смотрѣть, чтобы всѣ вообще ученики, а особенно старшіе во всей точности соблюдали правила семинарскаго устава и инструкціи, данной имъ семинарскимъ правленіемъ. Для сего

14. Онъ обязываетъ старшихъ, какъ инструкція того требуетъ, чтобы они непремѣнно каждый день посѣщали ввѣренныя имъ квартиры учениковъ и замѣчали свойства, наклонности и весь образъ жизни каждаго изъ нихъ. Для каковой цѣли каждый старшій или многіе вмѣстѣ должны имѣть за скрѣпою помощника инспектора нравственный журналъ съ спискомъ при немъ всѣхъ учениковъ, ввѣренныхъ ихъ смотрѣнію, въ которомъ ежедневно вообще доносятъ о благосостояніи учениковъ и въ частности отмѣчаютъ ихъ поступки какъ особенно хорошіе, такъ и предосудительные.

15. Ежедневно старшіе, подъ его вѣдомствомъ состоящіе, въ 12-ть часовъ утра или въ другіе часы дня, по его назначенію, доносятъ ему словесно и письменно въ нравственномъ журналѣ о поведеніи учениковъ, подъ ихъ смотрѣніемъ находящихся, было-ли оное согласно, или нѣтъ съ правилами семинарскаго устава и инструкціи.

16. Особенно требуетъ отъ старшихъ, чтобы они всѣ проступки, замѣченные ими за учениками, искренно и по совѣсти, безъ всякой утайки, открывали ему на словахъ, или вносили въ нравственный журналъ.

17. При окончаніи каждаго мѣсяца, требуетъ отъ нихъ особыя, составленныя по назначенной формѣ, вѣдомости о поведеніи учениковъ, подъ ихъ смотрѣніемъ находящихся, изъ коихъ извлекаетъ списокъ особенно благонравныхъ и особенно замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ и сообщаетъ оный инспектору для составленія общаго списка поведенія учениковъ семинаріи.

18. Кромѣ старшихъ надъ нѣсколькими квартирами, онъ въ каждой квартирѣ, по личному своему усмотрѣнію или по одобренію старшихъ, долженъ на-

значить пріора, или довѣреннаго изъ благонравнѣйшихъ учениковъ, который обязывается непрестанно смотрѣть за поведеніемъ прочихъ учениковъ, съ нимъ живущихъ, и объ ихъ поступкахъ ежедневно доносить своему старшему.

19. Онъ долженъ наблюдать какъ лично, такъ и чрезъ старшихъ, не тратятъ-ли ученики денегъ на излишнее щегольство и лакомство, не наживаютъ-ли долговъ, не продаютъ-ли своихъ или чужихъ вещей, не промѣниваютъ-ли оныхъ, или не закладываютъ ли гдѣ-либо; а особенно долженъ всемѣрно удерживать ихъ отъ того, чтобы они нимало не употребляли никакихъ хмельныхъ напитковъ. Въ комъ примѣчаются сіи пороки, и особенно послѣдній, о томъ немедленно доноситъ инспектору или о. ректору.

20. Долженъ наблюдать, чтобы ученики, исключая 5-го часа пополудни,— въ каковое время могутъ они отлучаться изъ квартиры по благовиднымъ причинамъ куда слѣдуетъ,—во всѣ прочіе часы, по самой крайней необходимости, не иначе отлучались изъ квартиры, какъ съ позволенія старшаго, записываясь въ квартирную книгу поведенія, съ означеніемъ времени, мѣста и срока отлучки.

21. Онъ долженъ наблюдать, всѣ-ли подъ его вѣдомствомъ ученики ходятъ въ классъ неупустительно. Отсутствіе отъ классовъ ни подъ какимъ предлогомъ, кромѣ дѣйствительной болѣзни и необходимой какой-либо нужды, не должно быть допускаемо. Для сего

22. Онъ требуетъ отъ старшихъ, чтобы они знали всѣхъ подъ ихъ смотрѣніемъ учениковъ, неходящихъ въ классъ, и отмѣчали ихъ ежедневно въ нравственномъ журналѣ, съ показаніемъ истинной причины нехожденія.

23. Всякаго ученика, отзывающагося больнымъ, онъ или осматриваетъ во время посѣщенія квартиръ, или призываетъ къ себѣ для свидѣтельствованія, или чрезъ старшаго требуетъ отъ него, чтобы къ извѣстному числу мѣсяца непремѣнно представилъ ему свидѣтельство о своей болѣзни отъ смотрителя семин. больницы или отъ семинарскаго лѣкаря.

II. Надзоръ за учениками при богослуженіи.

24. Помощникъ инспектора долженъ наблюдать лично и чрезъ старшихъ, чтобы всѣ безъ изъятія ученики, подъ его вѣдѣніемъ состоящіе, исключая дѣйствительно больныхъ, непремѣнно въ воскресные, праздничные и табельные дни находились при богослуженіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ назначено быть отъ начальства.

25. Объ ученикахъ, отсутствующихъ отъ богослуженія, онъ узнаетъ или самъ, лично присутствуя при богослуженіи и замѣчая, кого именно нѣтъ въ церкви изъ ввѣренныхъ его надзору, или отъ старшихъ, которые обязаны инструкціею сопровождать къ богослуженію всѣхъ учениковъ, подъ ихъ смотрѣніемъ находящихся. Таковыхъ уклоняющихся по разсѣянности отъ богослуженія приказываетъ онъ старшему отмѣчать на особой запискѣ или вносить въ нравственный журналъ для представленія инспектору.

26. Онъ наблюдаетъ, чтобы ученики по первому удару колокола къ обѣдни и ко всенощной, шли въ церковь изъ своихъ квартиръ всѣ вмѣстѣ, порядкомъ и въ сопровожденіи своихъ старшихъ.

27. Во время самаго богослуженія онъ также лично или чрезъ старшихъ наблюдаетъ за учениками, чтобы они стояли въ порядкѣ, чинно и благоговѣйно. Неблаговременный приходъ и выходъ изъ церкви не должны быть терпимы. Всякая неблагопристойность ученика во время богослуженія замѣчается и вносится въ нравственный журналъ для представленія инспектору.

28. По окончаніи богослуженія, онъ наблюдаетъ, чтобы ученики выходили изъ церкви тихо и чинно и тѣмъ же порядкомъ, какъ шли въ церковь.

29. Хотя за нравственностію учениковъ, живущихъ въ казенномъ семинарскомъ домѣ, имѣютъ непосредственный надзоръ о. ректоръ и инспекторъ; впрочемъ и помощникъ инспектора обязуется по временамъ, а особенно въ отсутствіе сихъ начальниковъ, смотрѣть за учениками въ ихъ комнатахъ, посѣщать ихъ во время обѣда и ужина и наблюдать за ихъ домашними занятіями.

Начертаніе должности старшихъ.

1) Старшій избирается училищнымъ начальствомъ изъ сословія учащихся въ помощь инспектору и помощникамъ его, для ближайшаго и безпрерывнаго надзора за поведеніемъ учениковъ, смотрѣнію его ввѣряемыхъ. А потому онъ долженъ:

а) собственнымъ примѣромъ предшествовать сословію, ему ввѣренному, въ постоянномъ и самомъ точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ благонравія.

б) Онъ долженъ строго наблюдать, чтобы сіи правила въ точности соблюдаемы были и отъ всѣхъ учениковъ, смотрѣнію его ввѣренныхъ, и обо всѣхъ отступленіяхъ отъ оныхъ доносить начальству съ совершенною справедливостію и искренностію, безъ малѣйшей утайки.

II. Исправное прохожденіе старшимъ своей должности, усердіе, вѣрность въ смотрѣніи и откровенность его предъ начальствомъ будутъ всегда въ особенномъ вниманіи онаго и приняты будутъ въ уваженіе при распредѣленіи по разрядамъ и при выпускѣ учениковъ изъ семинаріи по окончаніи курса.

III. Должность старшаго состоитъ: I) въ надзорѣ за нравственностію воспитанниковъ, II) въ наблюденіи за учебными ихъ занятіями и III) въ смотрѣніи по части хозяйственной.

1) Надзоръ за нравственностію.

1. Поелику особенная цѣль воспитанія въ семинаріи духовнаго юношества состоитъ въ томъ, чтобы образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей Слова Божія, то очевидно, что главнѣйшая обязанность старшаго есть надзоръ за поведеніемъ учениковъ.

2. Старшій тщательно замѣчаетъ свойства и наклонности каждаго изъ ввѣренныхъ его смотрѣнію, вникая въ образъ его поведенія не токмо въ квартирѣ, но и внѣ—во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только воспитанникъ проводитъ какую-либо часть времени, и развѣдывая, по возможности, какъ онъ себя ведетъ, отлучаясь изъ семинаріи въ домъ родителей или родственниковъ или только лицъ ему знакомыхъ, и не имѣетъ-ли онъ связи или знакомства съ людьми подозрительнаго поведенія.

3. Подозрѣвая какого-либо ученика въ поступкѣ предосудительномъ, или замѣчая въ немъ наклонность къ чему-либо худому, старшій дѣлаетъ ему приличное внушеніе, стараясь пресѣчь и малѣйшее покползновеніе къ пороку въ самомъ началѣ, и доводитъ о томъ до свѣдѣнія помощника инспектора или прямо самого инспектора семинаріи.

4. Вообще старшій старается укоренять въ ученикахъ чувство истиннаго благородства, по которому бы они отвращались отъ пороковъ и всякихъ предосудительныхъ поступковъ не столько изъ страха наказанія, сколько по внутреннему убѣжденію въ гнусности оныхъ и несообразности съ достоинствомъ образованнаго человѣка и особенно съ достоинствомъ духовнаго воспитанника.

5. Первое правило благонравія есть порядокъ въ распредѣленіи времени. Посему первый предметъ наблюденія старшаго есть, чтобы всѣ часы учениковъ располагаемы были по установленному назначенію. Общее росписаніе часовъ есть слѣдующее:

1) въ шесть часовъ вставать; 2) седьмой, по одѣяніи, на молитву; 3) осьмый на приготовленіе къ урокамъ; 4) девятый до двѣнадцатаго включительно въ классахъ; 5) первый и вторый на обѣдъ и приготовленіе къ классу; 6) третій и четвертый въ классахъ; 7) пятый на отдыхъ и прогулку; 8) шестой до девятаго на домашнія упражненія; 9) девятый и десятый на ужинъ, отдыхъ, домашнія упражненія и на вечернюю молитву; 10) въ десять часовъ спать.

6. Старшій долженъ наблюдать, чтобы сіе росписаніе времени, особливо часы молитвы, которая должна быть совершаема непремѣнно въ собраніи всѣхъ учениковъ одной квартиры, съ точностію были наблюдаемы. Отсутствіе или небрежность въ положенныхъ часахъ молитвы должно считать вящшимъ зломъ, нежели опущеніе важнѣйшихъ уроковъ.

7. Не всѣмъ, но нѣкоторымъ ученикамъ, не исправившимъ своего дѣла не по лѣности, а по другимъ какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, можно дозволять вечеромъ заниматься до 11 часовъ; но въ 12 мъ часу огонь непремѣнно долженъ быть погашенъ. Вставать, особливо въ лѣтнее время, можно и ранѣе шести часовъ.

8. Положенные въ общемъ росписаніи часы отдохновенія не должны быть проводимы въ совершенной праздности: но должны имѣть свои родъ занятій, состоящія въ невинныхъ и занимательныхъ разговорахъ или въ чтеніи удобнѣйшихъ для разумѣнія и невредныхъ для нравственности книгъ. Самыя прогулки, которыя позволяется имѣть внутри города и внѣ онаго не далѣе полуверсты, должны быть тоже поучительны.

9. Только благонравнымъ и благонадежнымъ ученикамъ старшій позволяетъ прогуливаться поодиночкѣ въ той увѣренности, что уединеніе ихъ ведетъ не къ чему-нибудь предосудительному, а къ лучшему и свободнѣйшему размышленію: прочимъ же позволяется прогулка только нѣкоторымъ небольшимъ сообществомъ въ сопровожденіи или самого старшаго, или его довѣреннаго, или какого-либо благонравнаго ученика, по назначенію старшаго.

10. Впрочемъ, отдыхъ и прогулка учениковъ могутъ сопровождаться нѣкоторыми благопристойными играми: игры же предосудительныя, какъ напримѣръ въ карты, и тому подобное, вовсе запрещаются, и не соблюдающіе сего правила подвергаются строгой отвѣтственности.

11. Совершенное повиновеніе и уваженіе къ начальству, искреннее почтеніе учениковъ низшихъ къ высшимъ, взаимное между собою согласіе, откровенность, радушіе, вѣжливость, воздержаніе и трезвенность жизни составляютъ украшеніе каждаго воспитанника, а слѣдовательно важнѣйшій предметъ наблюденія старшаго. Ссоры же, распри, драки и всякаго рода пустословія, оскорбительныя для благороднаго чувства, невоздержаніе и нетрезвость отнюдь не должны быть терпимы въ сословіи учащихся. Ученики, изобличившіеся въ оныхъ, замѣчаются старшимъ и, по его доносу, строго наказываются инспекторомъ или помощникомъ его. Имѣть ученикамъ трубки и курить табакъ совершенно воспрещается.

12. Неудовольствія и жалобы учениковъ маловажныя разбираетъ самъ старшій и дѣлаетъ возможное справедливой сторонѣ удовлетвореніе, донося, впрочемъ, о томъ помощнику инспектора, а въ важныхъ требуетъ разрѣшенія отъ инспектора.

13. Старшему дается право, по разсмотрѣнію помощника инспектора, штрафовать учениковъ, отступающихъ отъ правилъ доброй нравственности, а

также и лѣнивыхъ, замѣчаніями, выговорами при товарищахъ, разными пристыженіями и лишеніемъ прогулки.

14. Въ воскресные и въ извѣстные праздничные и табельные дни всѣ ученики, исключая больныхъ, непремѣнно должны находиться при богослуженіи, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ назначено отъ начальства. Старшій строго наблюдаетъ, чтобы ученики, ввѣренные его надзору, отнюдь, безъ позволенія субъ-инспектора, не ходили по другимъ церквамъ, куда имъ не назначено. Для сего онъ долженъ сопровождать ихъ какъ въ церковь, такъ и изъ церкви.

15. Еще до колокольнаго благовѣста къ богослуженію всѣ ученики должны уже быть одѣты по надлежащему и, по первому удару колокола, итти всѣ вмѣстѣ изъ квартиры въ церковь чинно и въ порядкѣ. Въ церкви должны становиться на показанныхъ мѣстахъ рядами и поровну, такъ, чтобы въ каждомъ отдѣленіи въ первомъ ряду стояли ученики меньшаго, а за ними большаго роста. Старшіе становятся при рядахъ учениковъ сихъ отдѣленій. Изъ церкви выходятъ прямо въ свои квартиры такъ же чинно въ порядкѣ и совершенной тишинѣ.

16. Въ церкви, по очереди, всѣ, а особенно ученики богословія, становятся на клиросы, поютъ по простой нотѣ, читаютъ и вникаютъ въ церковный уставъ. Но строго воспрещается ученикамъ составлять пѣвческіе хоры и пѣть въ церквахъ по партесной нотѣ, исключая хоры, дозволенные начальствомъ.

17. Никакой проступокъ не можетъ быть болѣе предосудителенъ, какъ нехожденіе къ богослуженію по лѣности и невнимательности къ долгу христіанскому, какъ безчиніе и неблагопристойность въ церкви; вины сего рода строго наказываются. Старшіе обращаютъ на учениковъ особенное по сему предмету вниманіе и дѣлаютъ нужныя донесенія помощнику инспектора въ нравственномъ журналѣ послѣ каждаго богослуженія, а по окончаніи мѣсяца не бывшихъ когда-либо при богослуженіи, или неблагочинно стоявшихъ въ церкви отмѣчаютъ въ спискѣ поведенія.

18. Ни въ какое время не дозволяется ученикамъ ночевать внѣ квартиры; даже и днемъ отлучка изъ квартиры въ учебное время можетъ быть дозволяема, по разсмотрѣнію старшаго, только ученикамъ благонравнымъ и надежнымъ

19. Отлучка изъ квартиры въ положенный пятый часъ отдохновенія пополудни въ учебное время для исправленія нуждъ можетъ быть дозволена каждому ученику. Но на воскресные и праздничные дни къ родственникамъ ученики отпускаются по разбору. Посему старшій заблаговременно представляетъ объ нихъ записку помощнику инспектора, помѣщая въ ней однихъ исправныхъ и благонадежныхъ. Отлучка на ночь въ крайнихъ случаяхъ не можетъ быть иначе, какъ всегда съ дозволенія самого о. ректора.

20. Всякій уволенный долженъ возвратиться на квартиру непремѣнно въ означенное время и явиться старшему, который входитъ въ его положеніе и разсматриваетъ, въ надлежащемъ-ли видѣ онъ къ нему явился.

21. Самъ старшій отлучается изъ своей квартиры въ учебное время только для исправленія своихъ обязанностей и для надзора за учениками въ другихъ квартирахъ.

22. Хотя посѣщеніе учениковъ отъ постороннихъ лицъ вовсе не запрещается; но а) о всякомъ таковомъ посѣщеніи въ тотъ же день старшій доноситъ помощнику инспектора, б) частыя посѣщенія, особливо лицъ малоизвѣстныхъ или подозрительныхъ и позднимъ временемъ, строго воспрещаются, равно какъ и ночлегъ въ квартирѣ какого бы то ни было лица посторонняго.

23. Для ближайшаго и точнѣйшаго наблюденія за поведеніемъ учениковъ, старшій въ каждой квартирѣ имѣетъ, по назначенію помощника инспектора, довѣреннаго, или пріора изъ благонравнѣйшихъ учениковъ, который обязывается:

а) непрестанно смотрѣть за порядкомъ и поведеніемъ учениковъ, съ нимъ живущихъ, б) ежедневно доносить объ ихъ поступкахъ своему старшему; в) наблюдать за чтеніемъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ присутствіи всѣхъ учениковъ; г) имѣть и хранить у себя *квартирную книгу поведенія* за скрѣпою старшаго, въ которой ежедневно отмѣчаетъ хорошіе и худые поступки учениковъ и всякую отлучку изъ квартиры, даже на самое краткое время, съ означеніемъ, кто именно, куда, зачѣмъ и насколько часовъ отлучался и когда возвратился.

II. Надзоръ за учебными занятіями.

24. Въ часы, назначенные для занятій въ классахъ, никто ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ оставаться въ квартирахъ. Не могущій по болѣзни итти въ классъ долженъ заблаговременно извѣщать о семъ своего старшаго чрезъ квартирнаго довѣреннаго или чрезъ другого ученика, живущаго на одной и той же или смежной квартирѣ, и старшій немедленно свидѣтельствуетъ его, доноситъ помощнику инспектора и отмѣчаетъ или самъ въ классическомъ журналѣ, что онъ точно боленъ, или о его болѣзни извѣщаетъ классическаго цензора.

25. Смотрѣніе за благочиніемъ въ классахъ поручается особымъ классическимъ цензорамъ, или пріорамъ, которыхъ въ каждомъ порознь классѣ, по назначенію начальства, должно быть не менѣе двухъ изъ учениковъ лучшихъ. Сіи цензоры должны: 1) вносить въ классическій журналъ всѣхъ, безъ изъятія и безъ всякаго лицепріятія, не бывшихъ въ классѣ, съ означеніемъ причины ихъ отсутствія, а о причинѣ сего ихъ отсутствія спрашивать у ихъ старшихъ; 2) сіи журналы послѣ класса немедленно доставлять чередному старшему для выписки изъ нихъ отсутствовавшихъ отъ класса; 3) доносить о. ректору, если нѣтъ или не будетъ наставника въ классѣ; 4) немедленно извѣщать инспектора, если произойдетъ въ классѣ какой-либо безпорядокъ отъ учениковъ; 5) строго наблюдать въ классахъ и сѣняхъ классическихъ за цѣлостію стеколъ, скамеекъ, заслонокъ и вьюшекъ въ печахъ.

26. Поздній приходъ въ классъ и неблаговременный изъ онаго выходъ не могутъ быть терпимы: равно нетерпимы шумъ, безпорядокъ и всякая неблагопристойность и невнимательность въ классѣ. Виновные противъ сихъ правилъ помѣчаются цензоромъ въ классическомъ журналѣ и строго наказываются начальствомъ.

27. Въ часы, назначенные для домашнихъ занятій, всѣ ученики на квартирахъ въ совершенной тишинѣ занимаются дѣломъ, свойственнымъ порядку преподаванія уроковъ въ классахъ, или по назначенію отъ учащихъ, или по собственному учениковъ избранію, когда дѣло назначенное ими бываетъ исправлено.

28. Старшій наблюдаетъ, чтобы подъ видимымъ занятіемъ не скрылась дремлющая праздность, и потому онъ долженъ входить въ то, кто чѣмъ занимается, требовать отъ него отчета, о замѣчаемыхъ неисправными и требующихъ побужденій къ прилежанію и также объ отличающихся особенною исправностію и прилежаніемъ доносить помощнику инспектора въ ежедневномъ журналѣ своемъ, а въ концѣ мѣсяца отмѣчать ихъ въ спискѣ поведенія.

29. Для точнѣйшаго узнанія прилежанія учениковъ, во всякой квартирѣ должна быть въ соединеніи съ квартирною книгою поведенія *особая тетрадь занятій* за скрѣпою старшаго, въ которую каждый ученикъ собственноручно вноситъ домашнія свои упражненія въ продолженіе дня, или отмѣчаетъ оныя квартирный пріоръ, а старшій, при посѣщеніи, повѣряя сіи записки, въ ту же тетрадь вно-

ситъ свои замѣчанія объ исправности или неисправности учениковъ съ означеніемъ мѣсяца и числа и представляетъ оную по требованію инспектору или помощнику его.

30. Старшіе строго наблюдаютъ, какія учениками читаются книги, одобренныя или неодобренныя, требуя также по временамъ нѣкотораго отъ нихъ отчета.

31. Хотя между домашними упражненіями учениковъ музыка, кто оной учится, или обучался, и можетъ быть терпима; а искусство пѣнія, пріобрѣтенное въ уѣздномъ училищѣ, должно быть сохраняемо и поддерживаемо, но пѣніе свѣтское и простонародное строго воспрещается.

III. Надзоръ по части хозяйственной.

32. Старшій надъ квартирными учениками наблюдаетъ: 1) чтобы никто изъ нихъ не нанималъ квартиры безъ дозволенія помощника инспектора и чтобы посему всякій ученикъ, по пріѣздѣ въ семинарію, объявлялъ ему, гдѣ онъ намѣренъ остановиться и кто его хозяева; 2) чтобы никто ни подъ какимъ видомъ въ продолженіе года не перемѣнялъ квартиры, переходя изъ подвѣдомства одного помощника инспектора къ другому, а нанималъ бы оную, хотя и въ другомъ домѣ, но всегда въ вѣдомствѣ одного и того же помощника инспектора; 3) чтобы нанимаемыя учениками квартиры находились не въ дальнемъ отъ семинаріи разстояніи и у обывателей съ честнымъ именемъ и преимущественно у духовныхъ; 4) чтобы квартиры учениковъ, по возможности, находились въ отдаленности отъ хозяевъ; 5) особенно же, чтобы ученики не нанимали квартиръ такихъ, въ которыхъ находятся лица подозрительныя, или такія, сообщеніе съ коими можетъ имѣть вредныя послѣдствія для нравственности.

33. Въ квартирахъ ученическихъ должна быть наблюдаема возможная чистота и опрятность. Для сего старшій, имѣя списокъ всѣмъ квартирамъ и жительствующимъ въ оныхъ ученикамъ, непремѣнно ежедневно ихъ посѣщаетъ и требуетъ отъ хозяевъ, чтобы отведенные ученикамъ покои для жительства всегда содержались въ надлежащей исправности и чистотѣ.

34. Заботясь о чистотѣ и опрятности квартиръ, старшій долженъ смотрѣть, чтобы и каждый ученикъ наблюдалъ всевозможную чистоту и опрятность въ отношеніи къ своему тѣлу, убранству волосъ, одежды на себѣ и кровати и бережливость въ употребленіи вещей, принадлежащихъ каждому.

35. Предъ выходомъ учениковъ въ церковь старшій особенно обязывается ихъ осматривать въ приличіи ихъ одежды; желательно, чтобы въ цвѣтѣ, покроѣ, матеріи верхняго платья и въ самой обуви учениковъ наблюдалось нѣкоторое единообразіе какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время.

36. Каждый день въ 12-ть часовъ утра всѣ вмѣстѣ или нѣкоторые старшіе являются къ своему субъ-инспектору и доносятъ ему словесно и письменно вообще о поведеніи учениковъ, было-ли оное согласно, или нѣтъ съ правилами сей инструкціи, и въ частности, о проступкахъ, особливо ими замѣченныхъ; о происшествіяхъ же, заслуживающихъ особенное вниманіе, доносятъ ему или инспектору безъ малѣйшаго промедленія и во всякое время.

37. По окончаніи же каждаго мѣсяца, представляютъ помощнику инспектора особую, составленную по назначенной имъ формѣ, вѣдомость объ ученикахъ, въ которой съ точностію отмѣчаютъ хорошую или худую ихъ сторону, съ прописаніемъ именно того, въ чемъ кто особенно былъ замѣченъ по части нравственной и учебной.

Дополнительныя правила по отношенію къ старшимъ въ казенномъ семинарскомъ домѣ.

38. Въ комнатахъ казенныхъ воспитанниковъ должна быть наблюдаема особенная чистота и опрятность. Для сего старшему подчиняется комнатный служитель, который обязуется отоплять и очищать комнаты.

39. Въ комнаты не позволяется вносить изъ столовой никакой пищи и посуды. Особенно воспрещается имѣть и курить трубки.

40. Старшій отвѣчаетъ за цѣлость столовъ, табуретокъ, кроватей, стеколъ въ окнахъ, душниковъ, вьюшекъ и заслонокъ въ печкахъ и вообще всѣхъ казенныхъ экономическихъ вещей, находящихся въ его комнатѣ.

41. По первому удару колокола къ обѣдни во всякое время года, а ко всенощной во время лѣта, всѣ ученики должны итти въ столовую и оттуда попарно въ церковь.

42. Въ разсужденіи стола старшій наблюдаетъ: 1) чтобы прежде звонка отнюдь никто не смѣлъ уходить въ столовую, но чтобы, по пробитіи звонка, изъ каждаго покоя шли всѣ попарно, не торопясь, не тѣснясь и не опережиная одни другихъ, и чтобы въ столовой садились на показанныхъ мѣстахъ, никогда не перемѣняя оныхъ безъ дозволенія старшаго, 2) чтобы въ столовой была соблюдаема совершенная тишина и чтобы, въ случаѣ нужды потребовать себѣ хлѣба или чего другого сему подобнаго, служитель былъ призываемъ чрезъ скромный стукъ ложкою о тарелку, 3) чтобы, по окончаніи стола, прежде прочтенія молитвы, никто не смѣлъ вставать съ своего мѣста. По прочтеніи же молитвы ученики выходятъ попарно изъ столовой, начиная съ учениковъ высшаго отдѣленія.

43. Для ближайшаго наблюденія за всѣмъ симъ старшій въ столовой садится при своихъ ученикахъ.

44. Одинъ изъ учениковъ высшаго и средняго отдѣленія по очереди читаетъ молитвы предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, а въ продолженіе стола житія святыхъ или душеполезныя какія-либо бесѣды и поученія отцевъ церкви.

Особенныя обязанности старшаго череднаго.

45. Должность старшаго череднаго исправляютъ понедѣльно всѣ старшіе, исключая главныхъ.

46. Чередный старшій обязывается ранѣе всѣхъ учениковъ приходить въ классы и смотрѣть за чистотою оныхъ. Буде усмотритъ, что какой-либо классъ не чистъ, то немедленно заставляетъ служителя подместь оный и о неисправности его доноситъ эконому.

47. Также, по приходѣ въ классъ, онъ, вмѣстѣ съ служителемъ и классическими цензорами, долженъ осмотрѣть во всѣхъ классахъ, все-ли въ нихъ цѣло, и если усмотритъ гдѣ-либо стекло разбитымъ или что-либо другое поломаннымъ, то немедленно доводитъ о семъ до свѣдѣнія эконома. По окончаніи часовъ ученія, онъ опять съ служителемъ и съ цензорами долженъ осмотрѣть всѣ классы и, если замѣтитъ какія-либо поврежденія въ нихъ, то немедленно отыскиваетъ виновнаго въ томъ и доноситъ о немъ инспектору. Поломка стеколъ и поврежденіе или утрата другихъ классическихъ вещей падаетъ внѣ часовъ ученія на отвѣтственность приставленныхъ къ классамъ служителей, а въ классическое время на отвѣтственность череднаго и цензоровъ, буде они не найдутъ дѣйствительно въ томъ виновнаго.

48. Чередный старшій долженъ всѣхъ учениковъ, бродящихъ по семинарскому двору и уходящихъ изъ класса во время преподаванія уроковъ, замѣчать и представлять инспектору въ особомъ *нравственномъ журналѣ.*

49. По окончаніи классовъ, онъ отбираетъ у всѣхъ цензоровъ классическіе журналы, изъ коихъ всѣхъ учениковъ, не бывшихъ по какимъ-либо причинамъ въ классѣ, а равно и замѣченныхъ по классу въ лѣности и безпорядочныхъ поступкахъ, выписываетъ и вноситъ въ нравственный журналъ со всею вѣрностію, подъ опасеніемъ, въ случаѣ небреженія, строгой отвѣтственности.

50. Послѣ таковой выписки чередный старшій представляетъ нравственный журналъ инспектору, а всѣ классическіе журналы о. ректору.

Особенныя обязанности главныхъ старшихъ.

51. Главные старшіе избираются начальствомъ изъ благонравнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ учениковъ семинаріи высшаго отдѣленія.

52. Главные старшіе должны наблюдать за исполненіемъ правилъ инструкціи не только по своимъ квартирамъ, но и по всѣмъ другимъ и нѣкоторымъ образомъ смотрѣть за исправностію всѣхъ прочихъ старшихъ.

53. Они непремѣнно четыре или пять разъ въ недѣлю должны обойти всѣ ученическія квартиры для точнѣйшаго соблюденія въ оныхъ порядка и благоученія. Для сего они имѣютъ *общій журналъ*, въ который вносятъ все, что только найдутъ заслуживающимъ вниманія съ хорошей-ли то, или съ худой стороны, и представляютъ, послѣ каждаго посѣщенія квартиръ, на разсмотрѣніе инспектору.

54. Они сопровождаютъ инспектора и помощниковъ его при посѣщеніи ими учениковъ на квартирахъ и въ казенномъ домѣ.

55. О нуждахъ и прошеніяхъ, относящихся вообще до всѣхъ учениковъ семинаріи, по какой бы то ни было части, докладываютъ инспектору или отцу ректору одни главные старшіе; и чрезъ нихъ же объявляются приказанія и распоряженія начальства, относящіяся ко всѣмъ ученикамъ.

56. По окончаніи каждаго мѣсяца, они представляютъ инспектору, за общимъ подписомъ, списокъ поведенія всѣхъ старшихъ, живущихъ на квартирахъ и въ казенномъ домѣ.

NB. Старшимъ казеннокоштнымъ за подписаніемъ инспектора, а квартирнымъ за подписаніемъ своихъ субъ-инспекторовъ имѣть у себя сію инструкцію и непремѣнно однажды въ мѣсяцъ читать оную всѣмъ, ввѣреннымъ ихъ надзору, ученикамъ, со внушеніемъ, чтобы они по долгу воспитанниковъ и по доброй совѣсти старались всегда и во всемъ поступать сообразно съ начертанными въ ней правилами.

Семинаріи инспекторъ соборный іеромонахъ Израиль.

Является теперь вопросъ, какихъ результатовъ достигала вся эта строго-организованная система надзора?—Уставъ дух. семинарій требовалъ, чтобы инспекторъ ежемѣсячно представлялъ въ правленіе отчетъ о поведеніи учениковъ. Въ отчетѣ этомъ помѣчались всѣ тѣ, „кои особенно замѣчены въ благонравіи, или въ поступкахъ оному противныхъ“ [1]). Правленіе разсматривало отчетъ, призывало отмѣченныхъ учениковъ и „одни получали одобреніе ихъ поступковъ, другимъ изъяснялись ихъ вины“. Въ концѣ года на основаніи инспекторскихъ отчетовъ составлялась

[1]) Проектъ устава ч. I, п. 94.

общая вѣдомость, „и имена учениковъ, благонравіемъ своимъ отличное вниманіе заслужившихъ", объявлялись на публичныхъ экзаменахъ [1]).—Эти-то инспекторскіе отчеты и даютъ намъ возможность, кромѣ темныхъ сторонъ семинарской жизни, указать тѣ добрые и хорошіе элементы ея, которые хотя, можетъ быть, и не были прямымъ слѣдствіемъ всего этого сложнаго дисциплинарно-охранительнаго надзора, но не могли быть не отмѣчены имъ.

Инспекторскіе отчеты указываютъ прежде всего очень часто на примѣры прилежанія учениковъ, доходившихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до пожертвованія своимъ здоровьемъ. „Ученикъ средн. отд. Ив. Остроумовъ, Григ. Орловъ и Сергѣй Новосильцевъ особенно благонравны и прилежны, доносилъ инспекторъ въ апр. 1815 г. Они на праздникъ Св. Пасхи въ домъ не ходили, чтобы имѣть здѣсь больше времени заниматься учебными предметами" [2]). „Ученикъ средн. отд. Егоръ Перловъ чрезмѣрно прилеженъ; не дорожа своимъ здоровьемъ, онъ столь много занимается, что не больше двухъ или трехъ часовъ въ сутки опредѣляетъ для сна, а нерѣдко просиживаетъ ночи съ вечера до самаго утра" [3]). „Дм. Полунинъ (низш. отд.), по замѣчанію и отзыву старшинъ и старшаго, особенно скроменъ, прилеженъ и великодушенъ. Онъ за крайнею бѣдностью пробылъ три дня безъ пищи и, нимало на то не жалуясь, съ обыкновенною ему ревностью занимался учебными предметами" [4]).

Много затѣмъ встрѣчается отзывовъ, свидѣтельствующихъ о религіозности и набожности нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ. „Александръ Спасскій и Вас. Неаполитанскій благонравны и набожны, часто въ свободное отъ классовъ время въ поліелейные дни ходятъ на молитвословіе въ церковь по одному усердію" [5]). „Ученикъ выс. отд. Андрей Никольскій отличается ревностью къ церкви, по коей для пѣнія въ каѳедральномъ соборѣ, собравши и устроивши изъ учениковъ хоръ, остаточное отъ ученія время жертвуетъ на образованіе себя съ прочими искусству пѣнія" [6]).

Но особенно трогательны отзывы касательно сострадательности и щедролюбія учениковъ, качествъ особенно цѣнныхъ въ людяхъ, которые сами ничего не имѣли. „Ив. Розановъ (высш. отд.) человѣколюбивъ, добръ и снисходителенъ. 5 февр. 1815 г. квартирующій съ нимъ солдатъ укралъ у него лексиконъ и платокъ и при допросѣ чистосердечно въ томъ признался,—

---

1) Тамъ же пп. 98, 101.
2) Арх. сем. 1815 г., № 350.
3) Арх. сем. 1817 г., № 552.
4) Арх. сем. 1815 г., № 178.
5) Арх. сем. 1815 г., № 510.
6) Арх. сем. 1815 г., № 469.

принесъ лексиконъ и сказалъ, гдѣ заложенъ платокъ. Розановъ, изъ уваженія къ признанію, простилъ его, выкупилъ платокъ за свои деньги и ходилъ самъ просить начальника, чтобы его не наказывали" [1]). „Ѳедоръ Павлиновъ и Аврамій Карминовъ (низш. отд.) добры и услужливы; узнавъ о состояніи Полунина (см. выше), они по любви и добродушію своему, безъ предварительной его просьбы, дали ему пудъ муки для пропитанія безмездно" [2]). „Алексѣй Нарбековъ (средн. отд.) нищелюбивъ, ибо многократно замѣченъ въ подаяніи нищимъ милостыни; сверхъ того занимается чтеніемъ Слова Божія" [3]) и т. д.

Къ сожалѣнію, нужно признаться, что эти одобрительные отзывы затемняются подавляющимъ числомъ отзывовъ противоположнаго свойства. Конечно, недостатки замѣтнѣе достоинствъ; они рѣзче бросаются въ глаза и, какъ требующіе уврачеванія, воздѣйствія, заставляютъ о себѣ больше говорить. Однако, принимая во вниманіе даже и это обстоятельство, должно прійти къ выводу, что реформа 1814 г. немногимъ измѣнила моральный обликъ Владимірскаго семинариста. Семинарская жизнь по прежнему страдала серьезными поврежденіями. На это жалуется само семинарское начальство, объ этомъ говорятъ почти всѣ ревизоры. Причину всѣхъ дисциплинарно-нравственныхъ неустройствъ ревизоры отыскивали въ отсутствіи общежитія, въ разсѣянности учениковъ по разнымъ концамъ города, благодаря которой ученики находились въ безпризорномъ положеніи. Въ объясненіи этого рода есть несомнѣнно много правды. Съ нимъ нельзя не согласиться, особенно, если принять во вниманіе вопіющую бѣдность нашего духовенства, тяжелыя условія голодной и холодной квартирной жизни, сожительство съ разными подозрительными, грубыми и необразованными людьми, въ родѣ солдатъ, спившихся подмастерьевъ и пр. Среда, окружающая учениковъ въ ихъ будничной жизни, огрубляла, портила ихъ. Подъ вліяніемъ ея глохли тѣ хорошія сѣмена, которыя случайно попадали въ школѣ. Но кромѣ всего этого, самую дисциплинарно-воспитательную сторону семинарской жизни, покоющуюся всецѣло на дореформенныхъ началахъ, нельзя признать удовлетворительною. Ближайшій воспитатель ученика былъ его же собственный сотоварищъ, педагогическая роль котораго, естественно, сводилась къ внѣшне-формальному надзору за точнымъ выполненіемъ правилъ инструкціи, къ точной регистраціи всѣхъ уклоненій отъ нея и соотвѣтствующихъ оповѣщаніяхъ начальству. Насколько такой воспитатель способенъ

---

1) Арх. сем. 1815 г., № 178.
2) Тамъ же.
3) Арх. сем. 1815 г., № 714.

былъ укрѣпить въ ученикахъ „чувство истиннаго благородства, по которому бы они отвращались отъ пороковъ и всякихъ предосудительныхъ поступковъ не столько изъ страха наказанія, сколько по внутреннему убѣжденію къ гнусности онаго и несообразности съ достоинствомъ образованнаго человѣка, а особенно съ достоинствомъ дух. воспитанника", легко можно себѣ представить.—Но даже въ роли простыхъ надсмотрщиковъ старшие не могли стоять на высотѣ своего назначенія. При всемъ своемъ нравственномъ или умственномъ превосходствѣ, старшій былъ въ общемъ тотъ же ученикъ-сотоварищъ, который и самъ нечуждъ былъ нѣкоторыхъ грѣшковъ и котораго въ случаѣ бѣды, если нельзя уже было ублаготворить словами и просьбами, то всегда можно было склонить на свою сторону небольшими приношеніями въ формѣ подарка, дарового угощенія и т. д. Польза была обоюдная. Начальникъ и подчиненный сохраняли допущенный компромиссъ въ тайнѣ, а дисциплина, между тѣмъ, страдала.—Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это начальствованіе однихъ учениковъ надъ другими не только не было полезно, а прямо таки отзывалось вредными послѣдствіями въ нравственномъ отношеніи. Создавался типъ, въ высшей степени несимпатичный, зазнавшагося ментора, который своимъ начальническимъ „командирствомъ" способенъ былъ оскорблять нравственное чувство подчиненныхъ и воспитывать въ ихъ сердцахъ принципы, прямо противоположные тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣло въ виду семинарское образованіе. Несомнѣнно, что въ разсматриваемое время въ сравненіи съ годами основанія семинаріи институтъ старшинства улучшился, облагородился, освободился отъ тѣхъ крайне неблаговидныхъ чертъ, которыя указывались на первыхъ страницахъ исторіи Владимірской семинаріи. Но не подлежитъ сомнѣнію также и то, что основа этого института осталась таже...

На изображеніи нравственныхъ недостатковъ питомцевъ Владимірской семинаріи изслѣдуемаго періода мы позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе, въ виду того, что въ разсказахъ о погрѣшностяхъ и проступкахъ семинаристовъ попутно передается много жизне-бытового матеріала, что, слѣдовательно, разсказы эти лучше всѣхъ разсужденій и описаній переносятъ насъ въ отдаленную прошлую жизнь Владимірскаго семинариста во всей ея будничной и неподкрашенной обстановкѣ.

Самымъ грубымъ порокомъ семинарской жизни, съ которымъ семинарскому начальству приходилось наичаще вести борьбу, былъ общерусскій порокъ нетрезвости съ сопровождающими его печальными проявленіями—буйствомъ, дебоширствомъ и распутствомъ. Обстановка, окружающая семинариста, была сѣра и неприглядна. Книгъ для чтенія не было. Музыка была только „тер-

пимою". Присущее каждому человѣку стремленіе отдохнуть, развлечься и находило для себя исходъ въ самой грубой формѣ. „Ученикъ низш. отд. Ив. Успенскій, доносилъ инспекторъ въ мартѣ 1815 г., склоненъ къ пьянству и распутству. Марта 1 числа вмѣстѣ съ ученикомъ высш. отд. Ананіею Ефебовскимъ пьянствовалъ съ непотребными женщинами, что особенно непростительно, потому что день тотъ былъ первымъ днемъ приготовленія къ исповѣди и св. причащенію. Ученикъ сред. отд. Ив. Голубевъ 11 марта пьяный, въ самомъ безобразномъ видѣ, ѣздилъ по Большой дорогѣ въ извощичьихъ саняхъ; изъ уваженія къ признанію штрафованъ былъ выговоромъ". Семинарское правленіе постановило обязать ихъ подпискою въ нечиненіи пьянства [1]). Отзывовъ подобнаго рода попадается чрезвычайно много. Незначительность наказанія, опредѣленнаго семинарскимъ правленіемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что съ проступками подобнаго рода приходилось считаться очень часто.—При недостаткѣ денежныхъ средствъ, обращались къ вещамъ, которыя довѣрчивые кабатчики охотно принимали въ залогъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1827 г. инспекторъ доносилъ въ правленіе, что ученикъ низш. отд. Александръ Заболотскій 13 дня въ 10 часовъ пополудни ходилъ въ Ивановскій кабакъ и взялъ подъ закладъ кварту водки [2]). Въ докладѣ инспектора за мартъ 1816 г. читаемъ: „Ео. Желѣзовскій безнадежно распутный человѣкъ; 29 февр. былъ нетрезвъ, 3 марта промоталъ 2 свои учебныя книги, 6-го продалъ картузъ..., 15 промоталъ еще двѣ очень значительныя книжки, а сверхъ того и въ долгъ вошелъ у одного харчевника" [3]). Старшина В. Грачевъ въ янв. 1815 г. донесъ, что ученикъ сред. отд. Ив. Глѣбовъ 13 янв., будучи пьянымъ, въ харчевнѣ игралъ въ карты съ приказными, проигралъ и пропилъ 2 р. 75 коп., жилетку, платокъ и шапку ученика Правдина [4]).

Увлеченіе хмельными напитками доходило иногда до невѣроятныхъ размѣровъ и оканчивалось страшными послѣдствіями. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1817 г. въ Златовратскомъ питейномъ домѣ поднятъ былъ трупъ скоропостижно умершаго ученика богословія Зефирова. Врачъ констатировалъ смерть отъ апоплексическаго удара. Въ желудкѣ, по вскрытіи, найдено было огромное количество винной жидкости. Преосв. Ксенофонтъ съ сокрушеніемъ прочиталъ докладъ объ этомъ печальномъ инцидентѣ и сверху написалъ: „Какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что несчастная ско-

---

[1]) Арх. сем. 1815 г., № 272.
[2]) Арх. сем. 1827 г., № 485.
[3]) Арх. сем. 1816 г., № 99.
[4]) Арх. сем. 1815 г., № 61.

ропостижная кончина Зефирова послѣдовала отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, то сіе непріятное слѣдствіе должно возбудить въ сердцѣ учащихъ и учащихся самыя печальныя чувства и внушить всѣмъ сотоварищамъ его крайнюю осторожность и отвращеніе отъ подобныхъ поступковъ, тѣмъ паче, что онъ, Зефировъ, былъ воспитанникъ духовнаго званія, скончался въ неблагопристойномъ мѣстѣ и безъ напутствованія Св. Тайнъ по долгу христіанскому". Тѣло Зефирова предано было землѣ „безъ всякихъ съ духовной стороны церемоній" [1]).

Семинарскій архивъ указываетъ далѣе случаи, когда бражничанье семинаристовъ превращалось въ разгулъ со всѣми его безобразными аттрибутами. Болѣе другихъ характеренъ въ этомъ отношеніи проступокъ ученика средняго отдѣленія Мих. Лирина. „Сказываясь, что онъ говѣлъ на первой недѣлѣ великаго поста, доносилъ о Лиринѣ инспекторъ 10 апрѣля 1826 г., фальшивую отъ священника представилъ записку; между тѣмъ открыто, что 23-го и 24-го февраля съ исключеннымъ ученикомъ Глѣбомъ Сарментовымъ безобразно по трактирамъ во Владимірѣ пьянствовалъ; а съ 25-го по 29-е того же мѣсяца февр. въ г. Суздалѣ также пьянствовали оба и катались съ непотребными женщинами. 1 марта, пріѣхавъ во Владиміръ, также пьянствовалъ. На 1-й недѣлѣ великаго поста 3, 5 и 7-го дней марта велъ себя такъ же во Владимірѣ, а сего 7-го дня ѣздилъ въ Суздаль и, обратно пріѣхавъ 8-го дня, привезъ съ собою какую то непотребную женщину, называя ее родною сестрою, которая и пробыла у него далѣе 10-го дня, и во все сіе время велъ жизнь нетрезвую. Послѣ того 13-го марта весьма безчинно поступилъ съ нѣкоторою госпожею Авдотьею Ивановой, приносившею на него жалобу, по случаю чего взятъ былъ въ семинарское правленіе и задержанъ былъ въ немъ до 20-го д.; сего же дня, изругавши всѣхъ матерно, убѣжалъ безъ картуза и больше не хотѣлъ являться. Наконецъ, 5 апр. въ самопьянѣйшемъ видѣ перебилъ на квартирѣ окна и прибилъ товарища своего Сахарова. А 9-го дня безъ билета самовольно отлучился съ квартиры неизвѣстно куда и не ночевалъ на оной на 10-е число. Между тѣмъ онъ, Лиринъ, въ сіе время былъ исканъ для отобранія отъ него допроса по дѣлу о подозрѣваніи титулярною совѣтницею Авдотьею Ѳедоровною бываго ученика словесности Глѣба Сарментова въ похищеніи у нее денегъ".— Того же 10 числа, въ которое была подана докладная записка инспектора, Лиринъ попался на улицѣ профессору Богословскому; Богословскій привелъ его въ правленіе и поставилъ на допросъ. На допросѣ Лиринъ солгалъ; указалъ на какого-то пріѣзжаго го-

---

[1]) Арх. сем. 1818 г., № 74.

сподина Секерина, у котораго будто бы онъ пробылъ цѣлую ночь. „Для провѣрки показанія, сдѣланнаго ученикомъ Лиринымъ, сообщалъ, по окончаніи дознанія, инспекторъ, былъ-ли онъ, дѣйствительно у Секерина, квартировавшаго, по его словамъ, на Большой улицѣ близъ Николозлатовратской церкви, отъ Владимірской часовни на лѣвой сторонѣ, нужнымъ почелъ я того же утра, въ которое взято было съ ученика Лирина показаніе, отправиться на то подворье, гдѣ стоялъ означенный господинъ Секеринъ, почему и взялъ съ собою сего ученика и сторожа Ив. Медушевскаго. По прибытіи нашемъ къ постоялымъ дворамъ, я говорилъ ученику Лирину, чтобы онъ указалъ мнѣ подворье, на которомъ онъ ночевалъ. а потомъ еще до полудни пробылъ. Но ученикъ Лиринъ отвѣчалъ, что онъ позабылъ сіе подворье. Почему я нужнымъ нашелъ обойти всѣ постоялые дворы, начиная отъ кофейнаго до гимназическаго дома; и вездѣ дворники лично мнѣ показывали, что ни у кого изъ нихъ г. Секеринъ не останавливался. Нашелся одинъ дворъ, на которомъ, хотя и сказано было, что Секеринъ иногда останавливался въ немъ, но вмѣстѣ прибавлено, что уже весьма давно онъ не бывалъ и на прошедшихъ дняхъ совсѣмъ здѣсь не останавливался“. Не смотря на такой наглый обманъ, для изобличенія котораго инспектору понадобилось обойти всѣ постоялые дворы Владимира [1]), Лиринъ не былъ исключенъ изъ семинаріи.—Прошло еще 2 мѣсяца. Лиринъ по прежнему продолжалъ искушать терпѣніе начальства. Въ іюльскомъ отчетѣ инспекторъ сообщилъ: „7 іюля М. Лиринъ близь б... дома разодрался съ дворовымъ человѣкомъ; 9 числа того же мѣсяца таскался поздно вечеромъ около непотребнаго дома“. Но и на этотъ разъ Лирина пощадили. Исключенъ онъ былъ по подозрѣнію въ кражѣ [2]).

При широкомъ распространеніи пьянства и соединеннаго съ нимъ распутства, бывали случаи, когда семинарскому начальству приходилось считаться и съ докладами о заболѣваніи учениковъ „любострастными болѣзнями“. Въ маѣ мѣсяцѣ 1825 г. инспекторъ сообщилъ семинарскому правленію, что ученикъ средняго отдѣленія Левъ Никологорскій оказался, по свидѣтельству лѣкаря, въ предосудительной для сего ученика болѣзни, отъ которой съ помощью лѣкаря, хотя и излѣчился, однако же достоинъ строгаго наставленія въ примѣръ другимъ ученикамъ [3]).

О другомъ грубѣйшемъ порокѣ—воровствѣ находимъ также упоминаніе въ дѣлахъ семинарскаго архива. Впрочемъ, просту-

[1]) Въ инспекторѣ, рѣшившемся на такой подвигъ, легко узнать В. Аляндина.

[2]) Арх. сем. 1826 г., № 314 и 338.

[3]) Арх. сем. 1825 г., № 223. отч. за апр.

покъ этого рода встрѣчается сравнительно рѣдко; карался онъ всегда жестоко. Въ инспекторскомъ отчетѣ за апрѣль 1816 года находимъ: „Яковъ Смирновъ и Василій Кандидовъ лѣнивы и развращены. Отъ 17 апр. почти никогда не ходили въ классъ, 27 числа у квартирующаго съ ними купца украли 125 р. денегъ, а посему донынѣ содержатся въ градской полиціи“ [1]). 4 дек. 1817 г. семинарское правленіе доносило владыкѣ о проступкѣ ученика риторики Конст. Туторскаго и Макс. Янова, о которыхъ въ отчетѣ инспекторскомъ значилось, что „они 21 окт. въ воскресенье предъ обѣдомъ украли нѣсколько денегъ у купца Ив. Никифор. Жуликова, въ чемъ при допросѣ и признались“. Послѣдовала резолюція: „разсмотрѣть совершенное ими преступленіе и опредѣлить соотвѣтствующее наказаніе“. 15 марта 1818 г. правленіе семинарское представило на благоусмотрѣніе владыки: „не благоволено-ли будетъ, на основаніи проекта устава части 1 й, отд. 2, гл. 6, п. 108, [2]) наказать ихъ розгами въ духѣ отеческаго попеченія о пользѣ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ сверстниковъ“. Но преосв. Ксенофонтъ еще до введенія реформы былъ противъ тѣлесныхъ наказаній. „Согласно сему, написалъ онъ на докладѣ, оштрафовать означенныхъ учениковъ въ страхъ другимъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія“ [3]). Въ концѣ разсматриваемаго періода возникло аналогичное дѣло по жалобѣ на ученика философіи Петра Товарова, обвинявшагося въ кражѣ съ парника огурцовъ у мѣщанина Алексѣя Демидова и Гавріила Шерстобитова. Владимірскій уѣздный судъ освободилъ виновнаго отъ тѣлеснаго наказанія, принимая во вниманіе, что кража имъ сдѣлана „по бѣдности и глупости“. Постановлено было только выдержать его при полиціи 3 дня на хлѣбѣ и водѣ. Изъ семинаріи Товаровъ былъ исключенъ [4]).

Образчикъ злонамѣренной лжи со стороны ученика приводится въ инспекторскомъ отчетѣ за май 1821 г. „Ученикъ низш. отд. Левъ Кандидовъ въ первыхъ числахъ мая обнаружилъ въ себѣ низкое свойство, показавши, что будто на квартирѣ его похищено много книгъ и вещей, по поводу чего производилось разысканіе, послѣ котораго показаніе его признано ложнымъ, съ

---

[1]) Арх. сем. 1816 г., № 121.

[2]) Въ процитованномъ пунктѣ проекта устава говорилось слѣдующее: „Не возбраняется ректору и инспектору, кромѣ опредѣленныхъ здѣсь, употреблять и другія подобныя поощренія и наказанія, которыя должны быть примѣняемы къ разнымъ родамъ похвальныхъ или предосудительныхъ поступковъ и употребляемы въ духѣ отеческаго попеченія, составляющаго истинный характеръ начальства училищнаго“.

[3]) Арх. сем. 1818 г., № 119.

[4]) Арх. сем. 1839 г., № 90.

тѣмъ намѣреніемъ учиненнымъ, чтобы не заплатить хозяину денегъ на квартирѣ застоенныхъ" [1]).

Неисправное посѣщеніе классовъ принадлежало, кажется, къ родамъ проступковъ настолько обычныхъ, что семинарская власть не всегда даже преслѣдовала его. Въ 1837 г. инспекторъ представилъ списокъ лицъ, часто не посѣщавшихъ классы въ продолженіе мая по лѣности. Списокъ заключалъ въ себѣ 40 человѣкъ. Правленіе опредѣлило: „поручить ректору семинаріи сдѣлать ученикамъ симъ внушеніе съ таковымъ подтвержденіемъ, что, если они и послѣ сего не исправятся, то ихъ частое нехожденіе въ классъ отнесено будетъ къ худой нравственности" [2]). — Наказаніе за неисправное посѣщеніе класса примѣнялось только въ томъ случаѣ, когда опущеніе классовъ сопровождалось своевольною отлучкою виновнаго изъ Владиміра. Много интереснаго въ бытовомъ отношеніи даетъ исторія похожденій ученика Як. Взорова. Въ февральскомъ отчетѣ 1816 г. о немъ говорилось: „Своеволенъ и недобросовѣстенъ. Онъ перемѣнилъ для себя квартиру безъ дозволенія; отъ 10 янв. почти никогда не ходилъ въ классъ, а отъ 14 февр. до 25 самовольно отлучился въ домъ отца своего. При спросѣ моемъ объ отлучкѣ его февраля 29-го, честью и чистотою совѣсти своея увѣрялъ, что онъ на сырной недѣлѣ изъ г. Владиміра никуда не отлучался и упорно защищалъ себя до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ крестьянъ и прихожанъ его отца въ этомъ не изобличилъ его" [3]). Чрезъ нѣкоторое время дѣло осложнилось отягощающими вину обстоятельствами. Оказалось, что въ видахъ поживки или прямо только ради баловства, Взоровъ разыгралъ роль Хлестакова въ одной глухой деревушкѣ, въ чемъ и былъ изобличенъ. Семинарское правленіе въ такихъ словахъ донесло объ этомъ инцидентѣ преосв. Ксенофонту. „Сего мѣсяца (марта) 4 дня поступило въ правленіе семинаріи Ковровской округи г-на Александра Иванова Татаринова деревни Илекина отъ селеннаго старосты крестьянина Дениса Алексѣева прошеніе слѣдующаго содержанія. Семинаріи, къ вашему правленію принадлежащей, ученикъ низш. отдѣл. Як. Взоровъ, прибывъ на сырной недѣлѣ въ домѣ отца своего Шуйской округи, с. Всѣхъ Святыхъ священника Петра Иванова, пріѣхалъ въ деревню Илекино съ пышностію въ видѣ господина въ домъ Михайла Гаврилова, имѣвшаго тогда тѣло скончавшагося скоропостижною смертью и, объявивъ себя присланнымъ отъ земскаго суда для осмотру тѣла, въ свидѣтельство чего показалъ бу-

---

[1]) Арх. сем. 1821 г., № 242.
[2]) Арх. сем. 1834 г., № 66.
[3]) Арх. сем. 1816 г., № 57.

магу сему неученому крестьянину и, тѣмъ заслуживъ у него вѣроятіе, выпросилъ чернильницу, написалъ для себя нѣчто намъ неизвѣстное, а отправляясь домой, былъ очень почтенъ и прошенъ хозяиномъ о неоставленіи. Я же вышеозначенный проситель послѣ пріѣхавшимъ судьямъ о немъ объявилъ, которые, призвавши его къ себѣ, пристыдили. По сей причинѣ означенный ученикъ, по отъѣздѣ судей, призвавъ меня къ себѣ, тяжко прибилъ и очень тяжко и впредь грозитъ еще тягчайшими побоями. Того ради, я прошу нижайшій для безопасности своей поступить съ нимъ по законамъ, и тѣмъ укротить его ярость". Съ утвержденія владыки, остроумная продѣлка Взорова подверглась тяжкой отвѣтственности: онъ преданъ былъ суду консисторіи [1]).

Въ дѣлѣ Взорова встрѣчаемся съ проступкомъ, выходившимъ изъ ряда обыкновенныхъ, единичнымъ. Къ числу такихъ же долженъ быть отнесенъ разгромъ классныхъ комнатъ, произведенный учениками низш. отд. 1817 г. 17 марта 1817 г. экономъ Туберовскій, осматривая послѣ общаго отпуска семинарскій корпусъ, нашелъ, что скамьи и столы во всѣхъ учебныхъ залахъ были съ намѣреніемъ опрокинуты и многія изъ нихъ разломаны и разбито 28 стеколъ. Подозрѣніе въ порчѣ классного добра пало на учениковъ низш. отд. Алексѣя Соболева, Алексѣя Экземплярскаго, Модестова и Звѣрева. Соболева замѣтилъ старшій въ день отпуска бѣгающимъ по столамъ въ низш. отд. уѣзднаго училища съ выдернутою отъ стола ножкою Экземплярскаго и Модестова товарищи видѣли кидающими камни въ оконныя рамы. А Звѣревъ былъ замѣченъ въ опрокидываніи столовъ. Семинарское правленіе постановило: „Въ предотвращеніе подобныхъ шалостей и въ страхъ другимъ оштрафовать Экземплярскаго и Соболева посылкой на двѣ недѣли въ уѣздное училище и взысканіемъ съ нихъ по 5 р. на починку столовъ и скамей. Товарищей же ихъ Модестова и Звѣрева посадить на три дня въ темную камеру, что при семинарскомъ правленіи, и взыскать съ нихъ по два рубля на ремонтъ испорченнаго." Преосв. Ксенофонтъ утвердилъ постановленіе семинарскаго правленія, но взысканіе штрафной суммы велѣлъ на первый разъ оставить [2]). Три изъ заподозрѣнныхъ безропотно подчинились опредѣленію семинарскаго правленія, но Соболевъ захотѣлъ протестовать. Когда 30 іюня того же года Соболевъ позванъ былъ ректоромъ изъ высшаго отд. Владимірскаго училища для экзамена въ классъ словесности съ тѣмъ, чтобы и оставить его въ классѣ словесности, онъ въ присутствіи всѣхъ учителей грубо и дерзко сказалъ, что въ уѣздномъ училищѣ останется дотолѣ,

---

[1]) Арх. сем. 1816 г., № 57 и 74.
[2]) Арх. сем. 1817 г., № 184.

доколѣ не послѣдуетъ резолюція Коммиссіи духовн. училищъ на прошеніе отъ него въ оную посланное. Ректоръ распорядился отдать Соболева подъ надзоръ профессора словесности, которому вмѣнилъ въ обязанность рапортовать, будетъ-ли Соболевъ ходить въ классъ. Прошеніе, которымъ похваливался Соболевъ, между тѣмъ дѣйствительно было послано имъ на Высочайшее имя. Въ немъ Соболевъ обжаловалъ свое непосредственное начальство, которое, писалъ онъ, „не позвавъ меня въ семинарское правленіе, не давъ мнѣ положенныхъ на допросѣ допросныхъ пунктовъ при зерцалѣ и не сдѣлавъ надлежащаго по сему дѣлу слѣдствія, поручило учинить разсмотрѣніе частное однимъ проф. Туберовскимъ. Туберовскій же, продолжалъ Соболевъ въ прошеніи, призвалъ меня на квартиру и допрашивалъ пристрастно, жесточайшими по щекамъ ударами, потомъ, пришедъ въ классъ, допрашивалъ меня симъ же образомъ и притомъ съ рѣшительной угрозой отдать меня въ солдаты; наконецъ, посадя въ камеру, четыре дня лишилъ меня пищи и питья. При всѣхъ возможныхъ со стороны Туберовскаго ударахъ, я не повинился, да и повиниться было не въ чемъ“. Коммиссія дух. училищъ чрезъ Московское академическое правленіе затребовала справокъ отъ семинарскаго правленія, а потомъ повелѣла исключить Соболева изъ училищнаго вѣдомства и отослать въ консисторію [1]).

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно составить представленіе о характерѣ дисциплинарныхъ взысканій, которымъ подвергались провинившіеся. При опредѣленіи ихъ, семинарское начальство должно было руководиться относящимися сюда пунктами устава, который „для неблагонравныхъ и строптивыхъ“ устанавливалъ слѣдующія наказанія. a) Увѣщаніе и выговоръ инспектора въ комнатѣ предъ соучениками. b) Назначеніе особеннаго мѣста за столомъ ниже всѣхъ и въ сторонѣ отъ прочихъ. c) Осужденіе на хлѣбъ и на воду отъ одного до семи дней. d) Призывъ и строгій выговоръ въ правленіи. e) Уединенное заключеніе [2]) по опредѣленію правленія. Заключаемый отсѣкается: 1) отъ всякаго сообщенія съ прочими; 2) содержится на хлѣбѣ и водѣ; 3) лишается книгъ и всѣхъ способовъ къ письму и упражненію и оставляется скукѣ и раскаянію; 4) изрѣдка для увѣщанія посѣщается инспекторомъ. f) Исключеніе изъ семинаріи и отсылка къ гражданскому правительству [3]). Не возбраняется ректору и инспектору, замѣчалось въ заключеніе, [4]) кромѣ опредѣленныхъ здѣсь, упо-

---

[1]) Арх. Москов. академіи. Владимір. сем. 1817 г., № 7.

[2]) Особый карцеръ для заключенія провинившихся устроенъ былъ при семинаріи въ 1817 г. (См. Арх. сем. 1817 г., № 354.

[3]) Отд. II, гл. VI, 103.

[4]) Тамъ же п. 108.

треблять и другія подобныя поощренія и наказанія, которыя должны быть примѣняемы къ разнымъ родамъ похвальныхъ или предосудительныхъ поступковъ и употребляемы въ духѣ отеческаго попеченія, составляющаго истинный характеръ начальства училищнаго". Послѣднее замѣчаніе (п. 108) давало возможность семинарскому начальству проявлять нѣкоторую самостоятельность въ избраніи наказаній, которымъ подвергались нарушители дисциплины, чѣмъ и объясняется то явленіе, что всѣ почти виды дисциплинарныхъ взысканій, существовавшіе въ дореформенной семинаріи, перешли и въ разсматриваемый періодъ. Въ этомъ легко можно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ.

Прослушавъ отчетъ инспектора за мартъ мѣсяцъ 1831 г., семинарское правленіе постановило: „Ученика высшаго 1-го отдѣленія Петра Никольскаго за самовольную отлучку изъ семинаріи въ домъ его отца въ учебное время наказать стояніемъ на колѣняхъ въ богословскомъ классѣ чрезъ столько дней, сколько онъ пропустилъ. Ученика высшаго 2-го отдѣленія Ив. Успенскаго за разсѣянную жизнь и расточительность наказать заключеніемъ въ карцеръ и продержать въономъ на хлѣбѣ и водѣ съ потребнымъ внушеніемъ и наблюденіемъ, будетъ-ли приходить въ чувство раскаянія, соразмѣрно которому и продолжить время заключенія, не нарушая, впрочемъ, статью устава; а назначенное ему жалованье прекратить и взамѣнъ онаго, для пособія въ содержаніи его отца, дать меньшему брату, ученику низшаго отд. Владимірскаго училища Василію Успенскому соотвѣтствующее жалованье" [1]).—Въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 г. ученикъ средняго отд. Николай Владыкинъ замѣченъ въ нетрезвости. Опредѣлено: наказать стояніемъ на колѣняхъ во всѣхъ низшихъ классахъ [2]).—5 іюня 1819 г. ученикъ низшаго отд. Алексѣй Тихомировъ и Василій Радонежскій изобличены въ кражѣ холста. Наказаніе: поставить на колѣняхъ въ сѣняхъ семинарскаго корпуса на столько времени, пока ученики семинаріи и училищъ могутъ пройти мимо ихъ, потомъ исключить изъ семинаріи и помѣстить въ число сторожей къ здѣшнимъ училищамъ, для дальнѣйшаго усмотрѣнія ихъ поведенія [3]).—25 іюня 1825 г. ученикъ высш. отд. Василій Шепелевъ явился къ инспектору въ нетрезвомъ видѣ. Въ наказаніе инспекторъ назначилъ ему выучить нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта. Шепелевъ обѣщалъ, но не исполнилъ своего обѣщанія. Въ іюньскомъ рапортѣ инспекторъ донесъ о немъ въ правленіе, при чемъ обвинялъ его не столько въ пьянствѣ, сколько въ неисполненіи даннаго слова [4]).

---

[1]) Арх. сем. 1831 г., № 241.
[2]) Арх. сем. 1829 г., № 282.
[3]) Арх. сем. 1819 г., № 295.
[4]) Арх. сем. 1825 г., № 539.

Тѣлесныя наказанія практиковались въ формѣ разнаго рода щипковъ, толчковъ, битья по щекамъ и всякихъ заушеній. О наказаніи розгами въ семинарскомъ архивѣ встрѣчается только одинъ разъ упоминаніе, именно въ томъ случаѣ, когда семинарское правленіе вошло съ представленіемъ къ Ксенофонту о примѣненіи этого взысканія въ духѣ отеческаго попеченія къ ученикамъ Константину Туторскому и Максиму Янову. Преосв. Ксенофонтъ не допустилъ однако экзекуціи (см. выше). Но несомнѣнно, что неоффиціальнымъ образомъ семинарское правленіе пользовалось этой мѣрой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, сталкиваясь съ проступками болѣе важнаго свойства, не хотѣло подвергать ученика исключенію изъ заведенія.

Исключеніе изъ семинаріи и отсылку въ гражданскую службу уставъ вообще рекомендовалъ не иначе допускать, какъ за важныя вины и тогда, какъ всѣ другіе способы исправленія тщетно были уже употреблены [1]). И семинарское правленіе точно руководствовалось этимъ пунктомъ устава. Какъ и въ дореформенной семинаріи, исключеніе часто не допускалось даже въ отношеніи къ тѣмъ, которые всѣми средствами домогались и достойны были его.—Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1819 г. ученикъ сред. отд. Андрей Никологорскій, позванный въ правленіе по обвиненію въ грубости, показалъ слѣдующее. „Я, ученикъ средняго отд. Анд. Никологорскій, въ нетрезвомъ видѣ приходилъ на квартиру къ профессору Алекс. Никан. Ильинскому за тѣмъ, чтобы дать объясненіе ему нѣкотораго своего личнаго неудовольствія, состоящаго въ претензіи на одного моего классическаго товарища въ разсужденіи классическаго достоинства, гдѣ много наговорилъ, по свидѣтельству очевидца, грубаго и непріятнаго; по сей-то причинѣ г. профессоръ приказалъ меня отвести въ правленіе, въ коемъ я пробылъ цѣлую ночь запертымъ въ темной камерѣ, въ которой стучалъ и кричалъ, видя себя жертвою собственной рѣшительности. Все это основывалось на желаніи, къ чему я давно тщетно стремлюсь, исключенія меня изъ семинаріи, потому именно, что родители на сіе не соглашаются, а этими средствами я хотѣлъ достигнуть желаемой цѣли“. Никологорскій былъ оставленъ въ семинаріи [2]). Въ 1833 г. возникло въ гражданскомъ судѣ дѣло по обвиненію ученика богословія Василія Минервина въ одномъ изъ гнуснѣйшихъ пороковъ. Свидѣтели, товарищи Минервина, показывали въ его пользу, и онъ по суду былъ оправданъ. Но самое обвиненіе было настолько серьезно и самъ Минервинъ во время судебнаго процесса велъ себя такъ подозрительно, что семинар-

[1]) Отд. II. гл. VI, 106.
[2]) Арх. сем. 1819 г., № 284.

ское правленіе признало нужнымъ его, „какъ ненадежнаго по поведенію“, исключить вовсе изъ семинаріи. Однако, впослѣдствіи видимъ Минервина опять въ богословіи. Въ 1834 г. онъ даже окончилъ курсъ, хотя и съ дурной рекомендаціей относительно поведенія.—Съ точки зрѣнія гуманности такая великодушная терпимость къ погрѣшностямъ учениковъ, конечно, можетъ быть оправдана; но другой вопросъ, насколько она согласуется съ серьезными принципами педагогическаго дѣла.

Итакъ, реформированная семинарія въ періодъ до 40-го г. мало внесла въ воспитательное дѣло новаго по сравненію съ предшествовавшимъ временемъ. Тѣже внѣшніе, чисто механическіе пріемы воздѣйствій воспитывающихъ на воспитываемыхъ, тѣже суровыя, унижающія человѣческое достоинство взысканія и тѣже пороки. Педагогія въ Владимірской семинаріи мало двинулась въ сравненіи съ тѣмъ, что было достигнуто ею, благодаря Ксенофонту, въ началѣ XIX столѣтія.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1816 г. инспекторъ семинаріи Іосифъ въ рапортѣ, поданномъ въ семинарское правленіе, между прочимъ писалъ: „Чтобы правила нравственности и благоприличія твердо впечатлѣвались на сердцахъ учениковъ, я нахожу полезнымъ велѣть каждому ученику списать, чаще прочитывать и даже напамять выучить приложенныя къ концу латинской грамматики г. Бантышъ-Каменскаго Praecepta morum in usum juventutis collecta, на что и ожидаю разрѣшенія семинарскаго начальства“ [1]).—Этотъ проектъ инспектора улучшить нравственность учениковъ путемъ затверживанія ими напамять нравоучительныхъ правилъ можетъ быть признанъ въ высшей степени характернымъ для обрисовки воззрѣній эпохи. Онъ является лишь частнымъ выраженіемъ тѣхъ формально-механическихъ воззрѣній педагогіи, которыя были господствующими въ это время.

ГЛАВА VI.

Жизнь семинаристовъ въ часы отдыха.—Развлеченія.—Чтеніе книгъ.—Музыка.—Пѣніе.—Живопись.—Танцы. — Устройство домашняго театра.—Игры на открытомъ воздухѣ. — Азартныя игры. — Кулачные бои. — Рекреаціи. — Рыбная ловля.

Слушаніе лекцій, подготовленіе данныхъ уроковъ, составленіе хрій, диссертацій, переводовъ отнимало у учениковъ не мало времени, требовало извѣстнаго напряженія, подъема. Спрашивается теперь, каковы были тѣ развлеченія, которыя могли слу-

---

[1]) Арх. сем. 1816 г., № 458.

жить отдохновеніемъ для молодыхъ силъ, которыя могли содѣйствовать освѣженію ихъ ослабѣвающей энергіи? Какова была ученическая жизнь въ свободное незанятное время?—Къ сожалѣнію, надобно сказать, что и въ этой области, какъ и въ воспитательной, время успѣло сдѣлать немногое. Семинаристъ 30-хъ годовъ XIX ст. имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣже развлеченія, которыми услаждался ученикъ временъ Сперанскаго.—О библіотекѣ уже говорилось. Отдохновеніе въ формѣ эстетическаго наслажденія изящной или научной литературой ученику было недоступно, такъ какъ книгу для чтенія онъ могъ достать съ большимъ трудомъ. О музыкѣ и пѣніи п. 67 устава гласилъ: „хотя между домашними упражненіями учениковъ музыка, кто оной учится или обучался, и можетъ быть терпима, а искусство пѣнія, пріобрѣтенное въ уѣздномъ училищѣ, должно быть сохраняемо: но пѣніе свѣтское и простонародное строго воспрещается“. Означенный пунктъ устава вошелъ во всѣ инструкціи, выдаваемыя старшимъ, и онъ едва-ли могъ содѣйствовать развитію этихъ двухъ благороднѣйшихъ искусствъ среди семинаристовъ.

Тѣмъ не менѣе молодость, вошедшая въ плоть и кровь духовенства любовь къ хорошему пѣнію, заявляли свои права. Извѣстно, что у семинаристовъ начала 30-хъ гг. былъ свой любительскій оркестръ, состоявшій изъ скрипокъ, кларнетовъ и флейтъ; были любители хорошаго простонароднаго пѣнія. „Музыкантовъ въ наше время, пишетъ Архангельскій, было довольно; прекрасно играли на скрипкахъ и кларнетахъ. Гусли составляли особенно любимый музыкальный инструментъ; даже инспекторъ не преслѣдовалъ игры на немъ“ [1]).

Искусство живописи находило также не мало любителей въ средѣ семинаристовъ начала XIX столѣтія. Тетради, поднесенныя Ксенофонту, могутъ служить лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго. „Страсть къ рисованію, говоритъ Архангельскій, проявлялась у большинства учениковъ; любитель живописи деньги, данныя отцемъ на крупу, предпочиталъ употребить на покупку ящичка съ красками и кисточками: заведется ими и все свободное отъ ученическихъ дѣлъ время посвящаетъ рисованію сельскихъ пейзажей. За неимѣніемъ красокъ употреблялся карандашъ“ [2]). Рисунками украшались сборники стихотвореній, планы публичныхъ экзаменовъ и въ особенности билеты. „Билеты въ наше время, говоритъ Архангельскій, писались самымъ тщательнымъ почеркомъ вдоль полулиста, а края ихъ любители украшали ара-

---

[1]) Изъ воспоминаній..., стр. 41.
[2]) Стр. 18.

бесками изъ водяныхъ красокъ; вверху слово „Билетъ“ обводилось вѣнкомъ изъ цвѣтовъ или дубовыхъ вѣтвей“ [1]).

Танцы среди воспитанниковъ семинаріи имѣли менѣе благопріятную почву для своего распространенія. Участіе семинаристовъ въ развлеченіяхъ этого вида семинарское начальство строго преслѣдовало, находя такія развлеченія неприличными для воспитанниковъ духовнаго званія. Были, впрочемъ, и другія основанія, которыя побуждали семинарское начальство относиться неодобрительно къ танцамъ. Тотъ кругъ городского общества, среди котораго семинаристъ вращался, въ домахъ котораго жилъ, былъ такого типа, что всякое близкое общеніе съ нимъ, особенно участіе въ его развлеченіяхъ, вело всегда къ непристойностямъ. Семинарская власть настойчиво и запрещала танцы въ виду того, что они вели большею частью къ подозрительнымъ знакомствамъ и совершались при недостаточно приличной обстановкѣ. Въ семинарскомъ архивѣ можно встрѣтить много инспекторскихъ докладовъ приблизительно такого содержанія: „ХХ замѣченъ въ хороводѣ съ нетрезвыми посторонними людьми и неприличными дѣвками“. Танцы при такихъ условіяхъ являлись уже несомнѣнно не развлеченіемъ, а дисциплинарно-нравственнымъ проступкомъ.

Участіе семинаристовъ въ спектакляхъ принадлежало также къ числу развлеченій недозволенныхъ и строго преслѣдуемыхъ. Что попытки устроить домашній спектакль, дѣйствительно, были въ разсматриваемый періодъ, это можно видѣть изъ одного доклада инспектора Алявдина семинарскому правленію. „Честь имѣю донести, говорилъ Алявдинъ въ этомъ докладѣ, что сего (1824 г.) ноября 23 дня на квартирѣ ученика средняго отд. Александра Косаткина, который того дня былъ именинникомъ, вопреки данному ученикамъ наставленію, играна была комедія слѣдующими учениками семинаріи: Николаемъ Лебедевымъ, Гавріиломъ Самоволовымъ (высш. отд.), Ив. Соловьевымъ, Никитою Парижскимъ, Ив. Успенскимъ (средн. отд.), Васильемъ Парижскимъ, Ив. Смирновымъ и Семеномъ Беневоленскимъ (низш. отд.). Находя сей поступокъ для нравственности соблазнительнымъ, нужнымъ почитаю просить семинарское правленіе, дабы благоволило оно внушить какъ симъ, такъ и всѣмъ вообще ученикамъ о непристойности таковаго поведенія, между тѣмъ напомнить также и старшимъ того смотрѣнія, въ коемъ находится ученикъ Косаткинъ, чтобы они были повнимательнѣе къ своей должности“. Правленіе опредѣлило: „призвать учениковъ въ сем. правленіе и оштрафовать ихъ по достоинству, а старшимъ внушить, чтобы ни подъ какимъ видомъ подобныхъ собраній не дозволяли“. Ксенофонтъ

---

1) Тамъ же.

нашелъ наказаніе, назначенное семинарскимъ правленіемъ, слабымъ и подъ приведеннымъ опредѣленіемъ написалъ: „какъ старшихъ за потворство и несмотрѣніе, такъ и участвовавшихъ оштрафовать въ примѣръ другимъ" [1]). „Штрафованъ въ примѣръ другимъ", въ дореформенной семинаріи было синонимомъ „штрафованъ лозами". Возможно, что и въ данномъ случаѣ примѣнили къ провинившимся, если не наказаніе розгами, то что-нибудь особенно чувствительное.

Всѣ перечисленныя развлеченія принадлежатъ къ разряду не всѣмъ доступныхъ, а нѣкоторыя и къ запрещеннымъ. Большинство учащихся искало отдохновенія въ развлеченіяхъ болѣе простыхъ, но за то иногда и болѣе грубыхъ. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ разнаго рода игры на свѣжемъ воздухѣ: игра въ мячъ, игра въ бабки, или козлоки, въ орлянку. Игра въ орлянку часто принимала азартный характеръ и на ряду съ карточной игрою преслѣдовалась начальствомъ. Вообще должно сказать, разнаго рода азартныя игры среди семинаристовъ къ концу 30-хъ гг. получили довольно широкое распространеніе и велись такъ открыто, что въ дѣло должна была вмѣшаться городская полиція. „Квартальный надзиратель 2-й части, увѣдомила она семинарское начальство 20 апр. 1840 г., замѣтилъ что многіе изъ учениковъ семинаріи въ праздное отъ ученія время производятъ разныя противозаконныя игры, какъ-то карточную азартную и киданіемъ вверхъ монеты близъ Богородицкаго монастыря и на ономъ, отъ каковыхъ игръ происходитъ необыкновенный шумъ и даже драка, чѣмъ нарушается спокойствіе жителей". Сообщая объ этомъ, полиція просила увѣдомить семинаристовъ, что, если кто будетъ пойманъ въ азартной игрѣ, преданъ будетъ уголовному суду [2]).

Игры и гимнастическія упражненія принимали по временамъ совершенно некультурный характеръ. Напр., деревенскій простонародный обычай развлекаться кулачными боями нашелъ для себя примѣненіе и въ стѣнахъ семинаріи. Архангельскій въ своихъ воспоминаніяхъ нарисовалъ цѣлую картину этого рода семинарскихъ увеселеній.

„Языки преподавались большею частью въ послѣобѣденные часы. Во время этихъ уроковъ въ семинарскій классъ не заглядывали ни ректоръ, ни инспекторъ, ни главные профессора семинаріи. Вслѣдствіе отсутствія всякаго надзора со стороны семинарскихъ властей, ученики, особенно изъ малоприлежныхъ и неспособныхъ, затѣвали кулачные бои. Собравшись, раздѣлялись

---

1) Арх. сем. 1824 г., № 496.

2) Арх. сем. 1840 г., 204.

на двѣ половины; младшіе возрастомъ и слабѣйшіе по физическимъ силамъ, становясь между столовъ, одни противъ другихъ, начинали кулачную возню, съ условіемъ не бить въ лицо, чтобы не оставить синяка и не отвѣчать предъ начальствомъ. Бой усиливался; вмѣшивались болѣе рослые и болѣе сильные. Бой превращался въ свалку,—перевѣса нѣтъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Въ резервѣ сохранялись Геркулесовскія силы у той и у другой; эти силы выступали на помощь по фамиліямъ и вступали тоже въ дѣйствіе; свалка становилась съ минуты на минуту яростнѣе, ожесточеннѣе,—и въ результатѣ всегда выходило такъ, что Геркулесъ одной стороны, одушевляемый, поддерживаемый сотоварищами, поражалъ Геркулеса противной стороны,—и вся масса побѣдителей съ гикомъ преслѣдовала предавшихся бѣгству, награждая ихъ полновѣсными кулаками въ шею, спину и плечи. Не участвовавшіе въ битвѣ стояли на скамьяхъ и привѣтствовали побѣдителей криками: ура! Условіе—не бить въ лицо, конечно, забывалось: гдѣ и когда тутъ высматривать, куда направить кулакъ: онъ носился безъ осторожности и не рѣдко попадалъ въ носъ, разбивая его до крови, или оставлялъ багровые слѣды подъ глазами. Лекторъ часто приходилъ въ классъ въ моментъ самой свалки и волей-неволей долженъ былъ, стоя у двери, ожидать ея окончанія. Побоище кончилось: раненные выходили и у колодца изъ бадьи пользовали свои разбитые носы холодною водой; прочіе размѣщались по своимъ мѣстамъ, возстановлялись тишь и миръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Геркулесы побѣдители окружаемы были особымъ почетомъ; про ихъ подвиги стоустая молва быстро разносила вѣсть по всѣмъ классамъ; ихъ, по окончаніи класса, поздравляли, имъ жали руки. И странное дѣло; эти побоища были, особенно по зимамъ, чуть не ежедневно,—и ректоръ, и инспекторъ не могли не знать объ нихъ; но не только взысканій, даже запрета продолжать эти побоища не было. Просто начальство игнорировало эти потѣхи; оно хорошо знало, что въ низшихъ отдѣленіяхъ происходили кулачные бои, но смотрѣло на это, какъ на гимнастику, полезную для развитія силъ физическихъ, и потому молчало“. [1]).

Совершенно въ иномъ свѣтѣ является другой, также исчезнувшій къ нашему времени, обычай старой семинаріи посвящать отдохновенію и общему гулянью нѣсколько майскихъ дней. Это, такъ называемыя, рекреаціи. О симпатичныхъ чертахъ этого еще дореформеннаго учрежденія говорилось въ первомъ выпускѣ [2]). Рекреаціи послѣ 1814 г. сохранило тотъ же характеръ, какой онѣ

---

[1]) Стр. 26—28.

[2]) См. стр. 259—61.

носили до реформы. Измѣнились только нѣкоторыя подробности, зависѣвшія отъ перемѣны въ составѣ лицъ высшей семинарской администраціи. С. Архангельскій далъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ подробное описаніе рекреацій времени Парѳенія. Описаніе его, какъ очевидца-современника, представляетъ столько бытового интереса, что оно заслуживаетъ быть приведеннымъ подробно, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при этомъ пришлось повторить извѣстное уже изъ I-го выпуска.

„Воспитанники семинаріи настоящаго времени, пишетъ онъ, могли, конечно, слышать о существованіи нашихъ рекреацій, но они не могутъ представить того обаянія, тѣхъ восторговъ, съ какими рекреаціонные дни встрѣчали семинаристы—дѣды настоящихъ. Въ маѣ каждогодно пять—шесть дней будничныхъ отдавалось гулянью,—гулянью не одиночному, гдѣ кто хотѣлъ, а общему для всей семинаріи въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ.—Мальчики училищъ въ семь часовъ утра являлись въ классы и, видя, что на небѣ солнце безоблачно, вѣтра нѣтъ и тепло, сговорясь, отправлялись группою къ квартирѣ старшаго семинаріи и, выровнявшись предъ окнами квартиры, начинали громко пѣть: „Domine Senior (фамилія старшаго), recreationem humillime rogamus“. Разъ десять пропоютъ эту пѣсню, все выше и выше тономъ, покуда вызовутъ старшаго. Старшій, одѣвшись, идетъ въ классъ и, посовѣтовавшись съ товарищами, отправляется, въ сообществѣ съ другимъ старшимъ, къ ректору и проситъ исходатайствовать у владыки разрѣшенія на рекреацію. Ректоръ соглашается, оставляетъ старшихъ у себя въ кельи, а самъ отправляется къ преосвященному Парѳенію. Владыка благословляетъ ребятъ погулять. Ректоръ, возвратившись отъ архіерея, приказываетъ старшимъ оповѣстить семинаристовъ, чтобы немедленно шли на архіерейскій дворъ лично просить рекреаціи у владыки. Покуда шли эти переходы старшихъ къ ректору, ректора къ архіерею и обратно, бьетъ восемь часовъ. Вся семинарія въ ожиданіи возврата старшихъ. Мальчики отъ нетерпѣнія выходятъ за семинарскія ворота, жадно устремляютъ взоры къ Ивановскому мосту, замѣчаютъ, наконецъ, возвращающихся старшихъ, по ихъ походкѣ стараются угадать, какой несутъ они отвѣтъ, начинаютъ волноваться, массою идутъ на встрѣчу къ старшимъ, близъ Богословской церкви безъ картузовъ окружаютъ ихъ; тѣ молчатъ и идутъ въ семинарскій дворъ; мальчики имъ сопутствуютъ, глядятъ въ глаза, забѣгая впередъ, ждутъ разрѣшенія; старшіе все молчатъ. На крыльцѣ семинарскаго дома и вокругъ крыльца огромная масса семинаристовъ взрослыхъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ мальчики, ожидаютъ, что скажетъ депутація. Старшіе, ставши на крыльцѣ, громогласно объявляютъ, чтобы всѣ въ порядкѣ, по классамъ, не-

медленно отправлялись на архіерейскій дворъ просить рекреаціи у владыки и затѣмъ въ два часа пополудни чтобы собирались на дворъ семинарскій и уже оттуда отправлялись въ Марьину рощу. Едва услышатъ эту радостную вѣсть, всѣ съ крикомъ и гамомъ бросятся въ свои классы забрать тетради и книги и, устроясь на дворѣ по классамъ, чинно отправляются на архіерейскій дворъ. Младшіе на дворѣ архіерейскомъ занимали мѣсто впереди противу двухъ оконъ пріемной, въ одномъ изъ которыхъ долженъ явиться владыка; каждый классъ своей группой размѣщался позади младшаго, такъ что богословы становились въ самомъ концѣ этой длинной вереницы, близъ крыльца ректорскихъ келій,—и всѣ съ обнаженными головами. Водворяется полное молчаніе. Близъ воротъ двора собирается огромная толпа стороннихъ зрителей. Инспекторъ семинаріи выйдетъ изъ своихъ келій, помѣщавшихся въ одномъ домѣ съ ректорскими, и проходя въ домъ къ владыкѣ мимо стоявшихъ семинаристовъ для доклада о приходѣ ихъ, тихо говоритъ имъ, чтобъ всѣ стояли стройно и смирно. Изъ двухъ завѣтныхъ оконъ пріемной владыки, на которыя устремлены глаза всѣхъ воспитанниковъ, одно растворяется рукою лакея. Богословы, зная, что владыка ту же минуту подойдетъ къ окну, медленно и тихо начинаютъ пѣть „Salutamus“. Владыка дѣйствительно подходитъ къ окну и смотритъ на воспитанниковъ. Богословы, подымая тономъ выше, начинаютъ: „Illustrissime“, а мальчики подхватываютъ: „Archipraesul, recreationem humillime rogamus“. Архипастырь улыбается и привѣтливо глядитъ на поющихъ. Тѣ, возвышая еще тонъ, продолжаютъ ту же просьбу нѣсколько разъ,—чѣмъ дальше, тѣмъ учащеннѣе и выше. Наконецъ, владыка благословляетъ пѣвцовъ обѣими руками; пѣвцы самымъ возвышеннымъ тономъ, на весь Владиміръ, отвѣчаютъ: „Gratias agimus“,—и, отвѣсивъ поклонъ, мигомъ оборачиваются лицомъ къ кельямъ ректора. Ректоръ окна не открываетъ, но медленно проходитъ мимо оконъ по своей залѣ; ученики, примѣтивъ его шествіе, тихо поютъ: „Salutamus“, и потомъ громче: „Gratias agimus“.

По окончаніи этихъ поздравленій, прошеній и благодареній, воспитанники до полудня расходились по квартирамъ. Въ первомъ часу за полдень начинали собираться на семинарскій дворъ, одѣвшись по праздничному. Мальчики устраивали игры въ козлы; старшіе, сидя подъ тѣнью вязовъ, распѣвали пѣсни. Въ третьемъ часу всѣ отправлялись къ Марьиной рощѣ. Мальчики, разсыпавшись по рощѣ, собирали ландыши и вязали ихъ въ пучки; старшіе группами или купались въ рѣкѣ за рощею, или прохаживались вдоль рощи по лужайкѣ. Въ четыре часа являлись съ лотками грушники, блинники, пышечники, продавцы кваса со льдомъ и мороженаго. Въ пять часовъ пріѣзжали и прихо-

дили наставники училищъ и семинаріи и являлся на своихъ вороныхъ ректоръ. Вся семинарія сгруппировывалась на обширной луговинѣ возлѣ рощи. Мальчики, поднесши ректору и наставникамъ пучки ландышей, сами врассыпную предавались разнымъ играмъ: одни вдоль дороги играли въ козлы, другіе на луговинѣ въ горѣлки, старшіе въ лапту мячемъ; любители пѣнія составляли хороводы, съ представленіемъ дѣйствія по содержанію пѣсни. Любимыми пѣснями въ хороводахъ были: „какъ по морю, морю синему“, „какъ изъ улицы въ конецъ“; „какъ не бѣлъ горючъ камень разгорается“; „какъ по рѣчкѣ, по рѣчкѣ, по быстрой рѣкѣ“; „какъ подъ наши ворота, разстилалася трава“. Ректоръ и наставники играли въ маршалки. Въ антрактахъ между игрою экономъ семинаріи угощалъ начальствующихъ апельсинами, лимонадомъ, конфектами и чаемъ. Семинаристы музыканты на скрипкахъ, кларнетахъ и флейтахъ составляли особые кружки и вмѣстѣ съ семинарскимъ хоромъ отхватывали веселыя пѣсни. Ректоръ, для потѣхи себя и угощенія мальчиковъ, откупалъ у продавцевъ цѣлые лотки грушъ и дуль и приказывалъ ребятамъ брать ихъ съ бою. Сотня мальчиковъ нападала стремглавъ на грушника, подминала его и лотокъ подъ себя; груши не столько хватали, сколько раздавливали; валились другъ на друга, желая захватить груши, куча шевелившихся выростала все выше и выше; ректоръ улыбался, и мальчикамъ было весело. Иногда экономъ привозилъ телѣгу, наполненную дешевой бакалеей. Всѣхъ насъ ставили рядомъ въ четвероугольникъ, и экономъ съ кѣмъ-либо изъ учителей обходилъ квадратъ нашъ и каждому давалъ по полной пригоршнѣ орѣховъ или пряниковъ. Ректоръ, нагулявшись и наигравшись въ маршалки (а играть былъ мастеръ), подходилъ къ хороводамъ послушать стройнаго пѣнія простонародныхъ пѣсенъ, или подзывалъ къ себѣ музыкантовъ и пѣвчихъ, приглашая пѣть, не стѣсняясь, и, довольный музыкою, бросалъ обѣими руками въ толпу апельсины, которые ловко налету подхватывались пѣвчими. Нерѣдко посѣщалъ наши рекреаціонныя гулянья и самъ преосвященный Парфеній, въ сопровожденіи губернатора, графа Апраксина, прокурора, предсѣдателя уголовной палаты и другихъ близко знакомыхъ ему лицъ. Гулянья отъ присутствія владыки нисколько не измѣняли своего характера: такъ же было непринужденно и разнообразно; а раздача лакомствъ, въ присутствіи владыки, усугублялась по милости его и губернатора. Сопровождаемый большою свитою, архипастырь часа два гулялъ среди насъ, любуясь на ловкость играющихъ въ горѣлки, на высокій полетъ мяча отъ удара лаптой, или слушая съ удовольствіемъ самоучекъ-музыкантовъ, игравшихъ любимую его канту: „красны какъ пришли денечки, я гулялъ въ лугу весной“. Случалось и такъ, что когда преосвя-

щенному подадутъ карету для возвращенія въ городъ и онъ готовъ уже въ нее садиться, мальчики, наученные старшими, окружатъ его со всѣхъ сторонъ, не допуская до кареты, лихо два—три раза пропоютъ: „Illustrissime Archipraesul, recreationem humillime rogamus“. Владыка смѣется, гладитъ по головамъ мальчиковъ и, наконецъ, побѣжденный неотступными просьбами, благословляетъ: „гуляйте, гуляйте и завтра“. Лишь только скажетъ это владыка, тотчасъ всѣ, и старшіе и младшіе, прокричатъ: „Gratias agimus“ на всю окрестность. Карета скрывалась; начальство наше гуляло съ нами еще часъ и также уѣзжало; оставались лишь нѣкоторые наставники и при наступленіи сумерекъ, вмѣстѣ съ нами, отправлялись обратно въ городъ. Вразбивку возвращаться было воспрещено; шли всѣ вмѣстѣ, какъ пѣхотинцы колонной. Впереди открывалъ шествіе учитель училища З. и звонко запѣвалъ пѣсню: „сивобокая свинья на дубу гнѣздо свила“, колонна подхватывала дружно: „трай, трай, трай!“ и учащеннѣе: „трай, трай, трай, трай, трай!“ По ясной зарѣ этотъ припѣвъ тысячи молодыхъ голосовъ разносился верстъ на пять кругомъ. Кончали эту пѣсню, начинали другую, третью и т. д. Двѣ версты съ пѣснями дѣлали возвратъ незамѣтнымъ. Когда приближались къ городу, пѣніе смолкало; подъ надзоромъ церковныхъ старшихъ воспитанники мирно расходились по квартирамъ и пріятно засыпали. — Вотъ слабый очеркъ нашихъ майскихъ гуляній! Той полной радости, того одушевлявшаго насъ веселія, той патріархальной простоты, которая такъ рѣзко выступала въ сношеніяхъ учениковъ и учителей на общемъ нашемъ гуляньи, передать нельзя. Эта простота, эта искренность для современныхъ людей можетъ казаться странной; но мы были довольны и счастливы своей судьбой. Гулянья рекреаціонныя не ограничивались, впрочемъ, одной Марьиной рощей; изрѣдка мѣстомъ для рекреаціи назначались, такъ называемые, Дубники за рѣкою Рпенью, а иногда ограничивались однимъ семинарскимъ дворомъ. Но рекреаціи на этихъ мѣстахъ далеко не имѣли того веселаго характера и того обаянія, какъ рекреаціи въ Марьиной рощѣ. Въ Дубникахъ, впрочемъ, была роскошь для купанья, потому что ихъ окаймляли Клязьма и Рпень; за то не было тамъ тѣни, не было той просторной и гладкой луговины, на которой безъ стѣсненія могла бы размѣщаться вся семинарія съ училищами. Тѣмъ болѣе семинарскій дворъ, какъ внутри города, не давалъ простора играмъ и пѣнію; тутъ неумѣстно было пѣть про сивобокую свинью; тутъ негдѣ было разгуляться съ мячемъ. Въ Дубники и на семинарскій дворъ рѣдко даже жаловало и начальство; на этихъ мѣстахъ преимущество въ удовольствіяхъ отдавалось скромному пѣнію и музыкѣ“ [1])

[1]) Стр. 36–41.

Въ дополненіе къ воспоминаніямъ Архангельскаго слѣдуетъ упомянуть о томъ, что преосв. Пароеній принималъ и болѣе активное участіе въ увеселеніяхъ семинаристовъ. „Однажды, разсказывалъ священникъ С. Альбицкій, окончившій семинарскій курсъ 1838 г., во время рекреаціи, владыка, любуясь рѣзвившимися воспитанниками, воткнулъ въ землю трость, положилъ на верху ея талеръ, назначилъ дистанцію и предложилъ устроить состязаніе въ бѣгахъ: кто добѣжитъ прежде, тотъ получитъ талеръ. Охотниковъ нашлось много. Я былъ ловокъ и проворенъ, такъ что вскорѣ оставилъ позади всѣхъ своихъ соперниковъ, но, не добѣжавъ нѣсколько шаговъ къ цѣли, споткнулся и упалъ. Другіе опередили меня, и мой призъ погибъ. Но владыка великодушно вручилъ мнѣ талеръ, какъ побѣдителю, по несчастной случайности только побѣжденному другими".

Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ спортѣ, который также не мало скрашивалъ многотрудные дни лѣтняго ученія. Разумѣю рыбную ловлю. Альбицкій (свящ. с. Сновицъ) разсказывалъ, что онъ проводилъ надъ Клязьмою большую часть ночи, такъ что иногда просыпалъ даже классныя занятія. Однажды за позднюю явку въ классъ послѣ одной изъ такихъ ловлей, профессоръ назначилъ ему написать стихи на тему: „Поздно пришелъ". Въ стихотвореніи піитъ обязанъ былъ изобразить картину рыбной охоты со всѣми треволненіями ловца, поджидающаго свою добычу. Стихи при общемъ смѣхѣ прочитаны были потомъ въ классѣ.

ГЛАВА VII.

Ревизіи: Филарета, Кутневича, Евлампія, Платона и Филарета.—Ревизіи училищъ.

Первый разъ Владимірская семинарія была ревизована въ первомъ же году по преобразованіи. Ревизоромъ назначенъ былъ ректоръ Петербургской академіи архим. Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Нѣкоторые пункты его отзыва о состояніи Владимірской семинаріи приводились уже раньше. Въ общемъ, Филаретъ нашелъ во Владимірской реформированной семинаріи немного достойнаго похвалы. „Семинарія сія, началъ онъ свое донесеніе въ Коммиссію дух. училищъ, въ сравненіи съ другими мною видѣнными, находится на низшей степени благоустройства, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ".—Въ богословскомъ классѣ ревизоръ нашелъ всего одинъ экземпляръ Св. Писанія; познанія учениковъ въ Словѣ Божіемъ оказались вслѣд-

ствіе этого недостаточными. Употребленіе латинскаго языка, по его словамъ, для многихъ соединено было съ большими трудностями. Особенно не понравился Филарету многолюдный классъ словесности. Много слабыхъ и ненадежныхъ онъ посовѣтовалъ семинарскому начальству исключить немедленно; впрочемъ, и самъ сомнѣвался, произведетъ-ли эта мѣра желаемое дѣйствіе въ виду того, что назначеніе исключаемыхъ высшимъ начальствомъ прямо на священническія мѣста располагало другихъ домогаться исключенія изъ семинаріи. О нравственности семинаристовъ Филаретъ отозвался также неодобрительно. „Разсѣянное жительство учениковъ препятствуетъ семинарскому начальству открывать и исправлять порочныхъ", доносилъ Филаретъ Коммиссіи. О наставникахъ даны удовлетворительные отзывы [1]).

Въ 1820 г. семинарію ревизовалъ проф. Московской академіи протопресвитеръ Московскаго Архангельскаго собора Василій Ив. Кутневичъ, впослѣдствіи оберъ-священникъ арміи и флота и членъ Св. Синода [2]). Ревизоръ вмѣстѣ съ преосв. Ксенофонтомъ присутствовалъ на годичныхъ испытаніяхъ Владимірской семинаріи и предлагалъ ученикамъ вопросы изъ преподавательскихъ конспектовъ. Учениками всѣхъ отдѣленій написаны были и поданы ревизору сочиненія на темы, данныя самимъ Кутневичемъ, именно высшаго отд. на тему: „Иже аще хощетъ душу свою спасти"..., средняго: „Quodnam est firmissimum argumentum immortalitatis animae?" и низшаго: „Въ злохудожную душу не внидетъ премудрость". Имена авторовъ, написавшихъ лучшія сочиненія на данныя темы, сообщены были въ Московскую академію [3]). Докладъ Кутневича о ревизіи Владимірской семинаріи не найденъ въ архивахъ. Изъ результатовъ ревизіи намъ извѣстно только увольненіе отъ службы учителей Савелова и Алякринскаго.

1827 г. ревизовалъ семинарію инспекторъ Московской академіи архимандритъ Евлампій, впослѣдствіи архіеп. Тобольскій. Объ этой ревизіи, какъ и о предшествующей, сохранилось свѣдѣній мало. Ревизорскаго отчета нѣтъ ни въ дѣлахъ семинарскаго архива, ни въ дѣлахъ архива Московской академіи [4]). О внѣшнемъ порядкѣ этой ревизіи С. Архангельскій говоритъ слѣдующее. „Ревизія эта не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ въ памяти. Сопутствуемый ректоромъ, инспекторомъ и нѣкоторыми изъ профессоровъ, реви-

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета. Т. I, стр. 232—37, 268—76 и 295—97.

[2]) Смирновъ. Исторія Московской дух. академіи до ея преобразованія. 1879, стр. 389—390.

[3]) Арх. сем. 1820 г., № 181.

[4]) Не найденъ мною докладъ Евлампія и въ Синодальномъ архивѣ.

зоръ явился въ наше отдѣленіе утромъ и по списку вызвалъ на средину класса десятка полтора учениковъ, которымъ профессоръ давалъ вопросы по словесности и исторіи. Ученики, зная твердо записки наставника, тѣмъ болѣе что онѣ не были обширны, отвѣчали удовлетворительно. Ревизоръ, примѣтно, былъ доволенъ. Такъ шло дѣло и въ другихъ классахъ" [1]). Но едва-ли ревизоръ остался доволенъ, какъ думаетъ Архангельскій. Одно мѣсто изъ писемъ преосв. Парѳенія къ Серафиму даетъ основаніе думать иначе. „Еще молодой ревизоръ, пишетъ Парѳеній, инспекторъ Московской академіи, много для семинаріи сдѣлалъ непріятностей. Любы созидаетъ, а разумъ кичитъ. Нескладно людямъ малоопытнымъ дѣйствовать безъ всякаго отношенія къ мѣстному архіерею" [2]).

4 іюля 1832 г. начата была ревизія семинаріи архимандритомъ Платономъ, также инспекторомъ Московской академіи [3]). Кромѣ устныхъ испытаній, ученикамъ предложены были для письменныхъ работъ слѣдующія темы. Въ высшемъ отдѣленіи: 1) Примирить тексты: Іак. II, 21 и Рим IV, 3. 2) An homini christiano licita est cura opum? Въ сред. отд.: 1) Чувственные злые навыки переходятъ-ли въ будущую жизнь? 2) An licitum est mendacium necessitatis? Въ низшемъ: 1) Юноши должны упражняться въ полезныхъ трудахъ. 2) Adolescentis est majores natu vereri. Испытаніе продолжалось до 8 іюля. Объ устныхъ испытаніяхъ, произведенныхъ при ревизорѣ, Архангельскій говоритъ такъ. „Вызванные на средину противъ стола, за которымъ сидѣлъ ревизоръ и съ правой стороны ректоръ, три первые ученика, на вопросъ ректора, стали отвѣчать на латинскомъ языкѣ. Ревизоръ долгонько послушалъ и началъ возражать по русски; ученики, какъ смогли, отвѣчали на возраженія по-латыни; ревизору этого не хотѣлось,—заставилъ дѣлать отвѣты по-русски. Возраженія не были сильны.—съ ними первая тройка сладила. Предметомъ возраженій было—состояніе, въ какомъ находился первый человѣкъ въ раю, т. е. былъ-ли созданъ совершеннымъ, или постепенно развивался и совершенствовался? При отвѣтахъ прочихъ учениковъ экзаменъ уже не возвращался къ латинскому языку; и вопросы и отвѣты на возраженія происходили по-русски. Богословскій экзаменъ сдали удовлетворительно. Послѣ обѣда часть времени удѣлена была св. писанію, а часть—самая малая—исторіи и языкамъ. Тѣмъ вся ревизія по нашему отдѣленію и кончилась. По выѣздѣ ревизора изъ Влади-

---

1) Стр. 29—30.

2) Влад. Епарх. Вѣд. 1878 г., стр. 207. Письмо отъ 16 дек. 1827 г.

3) Архимандритъ Платонъ въ 1833 г. перемѣщенъ на должность ректора въ Нижегородскую семинарію; скончался въ 1865 г. въ Желтиковомъ монастырѣ. См. Исторія Московской дух. академіи Смирнова, стр. 382—83.

міра, начальство наше не сочло нужнымъ возобновлять экзамены въ болѣе дробномъ видѣ, хотя времени до отпуска еще оставалось. Ревизоръ не спросилъ и половины учениковъ: неспрошенные имъ такъ и остались безъ экзамена; да въ немъ не было и нужды, потому что и ректоръ, и инспекторъ знали своихъ учениковъ очень хорошо" [1]).—Въ отчетѣ о ревизіи Платонъ похвалилъ Неофита и Агапита, ученики которыхъ отвѣчали „много, скоро и удовлетворительно", и проф. Лилеева, въ которомъ поставлена на видъ „опытность и искусство сообщать свои познанія ученикамъ". Многіе, сообщалъ ревизоръ, изъ учениковъ его говорили чрезъ нѣсколько минутъ хорошо придуманныя риторическія фигуры, хріи, ораторскія силлогизмы на латинскомъ и россійскомъ языкѣ, а также россійскіе стихи. По количеству написанныхъ въ теченіе года задачъ классъ Лилеева занималъ первое мѣсто. Кромѣ Лилеева, одобренія удостоились проф. Целебровскій и секретарь и учитель Романовскій. Слабыми найдены знанія учениковъ въ св. писаніи, церковной исторіи, философіи (въ отд. Лебедева) и въ предметахъ Реньева, Сиротинскаго и ...витскаго.—Система дисциплинарнаго надзора за учениками понравилась ревизору. Онъ одобрилъ дежурства, старшинства и надзорства въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали къ 1832 г., похвалилъ усердіе инспектора, посѣщавшаго квартиры учениковъ отъ 3—5 разъ въ недѣлю. Непріятное впечатлѣніе на ревизора произвели лишь семинарскія зданія и въ особенности классный корпусъ, „полы котораго были всѣ ветхи и потолки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поддерживались подпорками" [2]).

Слѣдующая ревизія семинаріи 1839 г. вызвана была упущеніями по должности инспектора Митрофана. Ревизовалъ ректоръ Московской академіи архим. Филаретъ (впослѣдствіи архіеп. Черниговскій). „8 числа іюля, часа въ 2 пополудни, читаемъ у прот. Саввы, прибылъ во Владиміръ ректоръ Московской академіи, архим. Филаретъ, а въ 4 часа мы собраны были уже въ семинаріи, и онъ немедленно приступилъ къ испытанію учениковъ высшаго отдѣленія по предмету библейской и церковной исторіи. Угрюмый видъ ревизора произвелъ на насъ подавляющее впечатлѣніе. При экзаменѣ, онъ по всѣмъ предметамъ много дѣлалъ ученикамъ возраженій, которыя ставили ихъ иногда втупикъ: въ этомъ случаѣ за учениковъ долженъ былъ отвѣчать наставникъ" [3]). Судя по отзыву, данному Филаретомъ о состояніи Владимірской семина-

[1]) Стр. 52—53.

[2]) Арх. Св. Синода, 1832 года, № 4055 и арх. сем. 1832 г., дѣло объ обревизованіи семинаріи и училищъ архим. Платономъ.

[3]) Хроника моей жизни. Т. I, стр. 140.

ріи, ревизія, дѣйствительно, была строгою и имѣла своимъ слѣдствіемъ для семинаріи цѣлый рядъ внушеній со стороны высшаго начальства.—Въ сферѣ учебной ревизоръ отмѣтилъ недостатокъ хорошаго знанія латинскаго языка въ низшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ и неудовлетворительные отвѣты, при ограниченномъ количествѣ данныхъ въ теченіе года сочиненій, въ первомъ богословскомъ и первомъ философскомъ классахъ. Ревизору не понравился далѣе обычай, существовавшій во Владимірской семинаріи, выдавать ученикамъ записки даже по тѣмъ предметамъ, по которымъ имѣлись учебныя руководства. При многочисленности классовъ во Владимірской семинаріи, многолюдности учительскаго персонала, смѣнявшагося притомъ очень часто, записки по одному и тому же предмету въ разныхъ классахъ отдѣленій и въ разное время мѣнялись до неузнаваемости. Въ силу донесенія Филарета, академическое правленіе признало полезнымъ ввести слѣдующія правила для руководства при выдачѣ лекцій. 1) Записки должны составляться только въ случаѣ крайней нужды и по тѣмъ предметамъ, для которыхъ классическія руководства не вполнѣ удовлетворительны. 2) Если признано будетъ необходимымъ преподавать какой-нибудь предметъ въ раздѣленныхъ отдѣленіяхъ по наставническимъ запискамъ, то, для надлежащаго разсмотрѣнія и выбора изъ нихъ лучшихъ, предварительно учреждать, подъ предсѣдательствомъ ректора семинаріи, совѣщаніе изъ опытнѣйшихъ наставниковъ, а затѣмъ лучшія по основательности, ясности и чистотѣ изложенія записки вводить, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, въ единообразное классическое употребленіе во всѣхъ классахъ раздѣленнаго отдѣленія. 3) Для возбужденія въ наставникахъ соревнованія къ достиженію большихъ успѣховъ по ввѣреннымъ имъ классамъ, дозволить имъ дѣлать свои объясненія и дополненія къ запискамъ въ видѣ прибавленій и по окончаніи учебнаго курса представлять оныя на разсмотрѣніе тѣмъ же порядкомъ, какой указанъ въ предъидущемъ пунктѣ, на тотъ конецъ, не признано-ли будетъ полезнымъ ввести сіи прибавленія для преподаванія ученикамъ слѣдующаго курса[1]).—Въ числѣ отрицательныхъ сторонъ нравственной жизни воспитанниковъ Владимірской семинаріи ревизоръ на первомъ мѣстѣ ставитъ неисправное посѣщеніе учениками классовъ вслѣдствіе лѣности. Нѣкоторые изъ учениковъ, по его словамъ, въ теченіе мѣсяца не посѣщали классовъ около 25 дней. Инспекторъ доносилъ объ

---

[1]) Приведенное постановленіе едва-ли было выполнимо и выполнялось на практикѣ. Осуществленіе его сопряжено было съ нѣкоторыми уколами для самолюбія всѣхъ тѣхъ, лекціи которыхъ по просмотрѣ оказывались стоящими ниже одобренныхъ.

этомъ правленію, но правленіе не принимало никакихъ серьезныхъ мѣръ. Вообще, семинарское правленіе послѣ 1835 г. (по выходѣ ректора Неофита) подвергало проступки учениковъ далеко не такому тщательному и справедливо-строгому разсмотрѣнію, какому они подвергались до 1835 г. Проступокъ Оранскаго въ отношеніи наставника Яковлевскаго изслѣдованъ слишкомъ слабо (см. выше, стр. 98) и наказанъ съ недостаточною внимательностью. Для усиленія надзора за учениками ревизоръ рекомендовалъ и академическое правленіе распорядилось помѣстить при домѣ, гдѣ жили казенные ученики, особаго помощника инспектора, который бы совмѣстно съ экономомъ слѣдилъ за всѣми отправленіями ученической жизни. Важность и значеніе помощника инспектора, по докладу ревизора, предписано было Владимірской семинаріи усилить и поддержать. При переходѣ учениковъ изъ класса въ классъ ревизоръ рекомендовалъ обращать вниманіе не на одни успѣхи, но и на поведеніе учениковъ.—Въ области хозяйственно-экономической замѣчены были ревизоромъ также значительныя неустройства, въ силу которыхъ семинарскому правленію было предписано: a) чтобы оно само производило подряды на значительныя покупки, а не поручало ихъ одному эконому; b) чтобы пріемъ вещей покупаемыхъ своевременно свидѣтельствовало; c) чтобы, приступая къ значительнымъ подрядамъ, передѣлкамъ, выдачамъ денегъ, также и въ другихъ важныхъ случаяхъ предварительно испрашивало утвержденія отъ мѣстнаго преосвященнаго. Наконецъ, кромѣ сего, семинарскому правленію было поставлено на видъ озаботиться соблюденіемъ чистоты въ казеннокоштномъ домѣ и кухнѣ, а также и о томъ, чтобы хлѣбъ для учениковъ былъ приготовляемъ лучше [1]). Наставникамъ В. Миловидову, П. Солярскому, М. Маіевскому, А. Восторгову, А. Яковлевскому и врачу М. Алякринскому послѣ ревизіи Филарета объявлена была благодарность.

Семинарское правленіе имѣло значеніе такой же высшей административной инстанціи въ отношеніи къ училищамъ, какое и академическое правленіе имѣло въ отношеніи къ семинаріямъ. Вслѣдствіе этого ревизіи училищъ производились часто лицами, назначаемыми семинарскимъ правленіемъ [2]). Ревизорскія обязан-

[1]) Арх. Св. Синода, 1839 года, № 2405 и арх. сем. 1839 г., кн. 2, № 106.

[2]) Нѣкоторое исключеніе представляли Владимірскія училища; они большею частью ревизовались академическимъ ревизоромъ попутно при осмотрѣ семинаріи. Изъ 8 ревизій, которымъ подверглось съ 1814 г. по 1852 г. Переславское училище, только 3 произведены были лицами, уполномоченными Московской академіей. (Историч. записка о Переславль-Залѣсскомъ дух. училищѣ Н. Виноградова, 1888 г., стр. 70). Шуйское училище до 1840 года ревизовано было 4 раза и все ревизорами, назначенными изъ семинаріи (Исторія Шуйскаго училища Е. Правдина, 1887 г., стр. 59—60).

ности и права возлагались не только на инспектора и ректора семинаріи, но и на наставниковъ. Ревизору предъ выѣздомъ на ревизію вручалась семинарскимъ правленіемъ подробная инструкція, соотвѣтственно запроснымъ требованіямъ которой, ревизоръ по окончаніи ревизіи представлялъ правленію подробный отчетъ. Отчетъ заслушивался, послѣ чего слѣдовали предписанія, внушенія, одобренія.

Періодъ II.

(1840–1869).

ГЛАВА I.

Протасовская реформа.—Основныя задачи ея.—Взглядъ Протасова на характеръ образованія въ духовныхъ школахъ.—Главные пункты преобразованій въ области учебной.—Административная реформа.—Духовно-учебное управленіе.—**Недостатки Протасовской реформы.**

Духовно-учебная реформа начала 1840-хъ г.г. обязана своимъ происхожденіемъ оберъ-прокурору Св. Синода Николаю Алексѣевичу Протасову (1836—55 г.). Онъ задался цѣлью приспособить семинарское образованіе къ ближайшимъ потребностямъ того званія, къ которому семинаристы главнымъ образомъ готовились, именно къ потребностямъ пастырскаго служенія среди простого сельскаго народа. Преобразованіе 1840 г. имѣло въ виду поставить учебное дѣло въ семинаріяхъ такъ, чтобы воспитанники, какъ говорилось въ указѣ о преобразованіи, „по основательномъ изученіи богословскихъ наукъ, умѣли нисходить къ понятіямъ простого народа и бесѣдовать съ нимъ о спасительныхъ истинахъ вѣры и христіанскихъ обязанностяхъ языкомъ простымъ и вразумительнымъ, а между тѣмъ и по части вспомогательныхъ наукъ получили такія познанія, которыя могли бы съ пользою для себя и для будущихъ своихъ прихожанъ прилагать къ ихъ сельскому быту и, содѣйствуя ихъ благосостоянію, пріобрѣтали бы тѣмъ болѣе средствъ къ вліянію нравственному на сей важнѣйшій по многочисленности классъ народонаселенія“.

Недостатки прежней постановки учебнаго дѣла въ семинаріяхъ Протасовъ въ бесѣдахъ съ архим. Никодимомъ характеризовалъ такими словами. „Вы учились не столько для себя, сколько для насъ, вы наши учители въ вѣрѣ. Но мы васъ не понимаемъ. Ваша богословія очень выспрення. Ваши проповѣди высоки. У васъ нѣтъ народнаго языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ неизвѣстно. Вы почитаете низкимъ знать и изучать его: оттого смѣшите, вступая въ священную должность. Не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете церковнаго устава. Васъ

руководятъ дьячки, надъ вами издѣваются начитанные мѣщане. Въ вашихъ школахъ нѣтъ спеціальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У насъ всякій кадетъ знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу, инженеръ пересчитаетъ всевозможные ломы, лопаты, крюки, канаты. А вы духовные не знаете вашихъ духовныхъ вещей... Помните: семинарія не академія. Изъ академій идутъ профессоры, имъ много знать нужно. Изъ семинарій поступаютъ во священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину, даже въ его дѣлахъ житейскихъ. Итакъ, на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе. И довольно! Всякія науки пусть останутся въ академіяхъ" [1]).

Исходя изъ такихъ воззрѣній, Протасовъ своей учебной реформой пытался упростить семинарскій курсъ удаленіемъ изъ него предметовъ, которые, по его мнѣнію, совершенно не нужны были воспитанникамъ семинаріи, какъ будущимъ пастырямъ простого народа, какъ напр., философія, и усиленіемъ знаній церковно-практическаго характера, а равнымъ образомъ и тѣхъ, которыя могли быть „особенно полезны въ общежитіи и житейскомъ быту священника". Въ видахъ усиленія знаній церковно-практическихъ въ семинарскій курсъ внесены были слѣдующія новыя науки: патристика, пастырское и собесѣдовательное богословіе, естественныя науки, медицина, сельское хозяйство, съемка и черченіе плановъ. Старымъ наукамъ сообщили нѣсколько иную постановку. Прежняя стройность и постепенность въ распредѣленіи изучаемыхъ предметовъ была порушена. Богословскія науки изъ высшаго спеціальнаго отдѣленія перенесены были во всѣ классы.

Проектъ учебной реформы, естественно, долженъ былъ повлечь за собою и реформу административную. Преобразовательные планы Протасова не встрѣтили сочувствія среди духовенства того времени. Митрополитъ Филаретъ Московскій былъ противъ нихъ. Коммиссія дух. училищъ, состоявшая изъ членовъ Св. Синода, отнеслась къ нимъ также отрицательно. При всемъ томъ Протасовъ не могъ не сознавать, что собственно оффиціальнаго права для распоряженія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ онъ не имѣетъ; для проведенія реформы ему необходимо было это право пріобрѣсти. Протасовъ и рѣшилъ для достиженія намѣченной цѣли

---

[1]) Записки еп. Никодима. Чт. въ общ. ист. 1877 г. II. См. Исторія С.-Петербургской дух. семинаріи А. Надеждина, 1885, стр. 298—99.

уничтожить Коммиссію дух. училищъ, которая, по его словамъ, „дѣйствуя и независимо не достигала своей цѣли, при множествѣ обременяющихъ ее разнородныхъ дѣлъ, особенно экономическихъ, и при отвлеченіи членовъ ея другими болѣе прямыми обязанностями ихъ званія“. Высочайшій указъ объ упраздненіи Коммиссіи дух. училищъ послѣдовалъ 1 марта 1839 г. Высшее завѣдываніе духовно-учебною частью велѣно было сосредоточить въ Св. Синодѣ, а надзоръ за повсемѣстнымъ исполненіемъ существовавшихъ по сей части законовъ ввѣрить оберъ-прокурору Св. Синода. Но Св. Синоду переданы были права Коммиссіи лишь по главнымъ предметамъ. По прочимъ же дѣламъ исполнительнаго производства права Коммиссіи перешли къ Духовно-учебному и Хозяйственному управленіямъ.

Духовно-учебное управленіе, согласно положенію, стало „главнымъ исполнительнымъ мѣстомъ по постановленіямъ и распоряженіямъ, относящимся къ образованію юношества и къ предназначеннымъ для этого средствамъ“. Оно состояло, подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора, изъ Общаго присутствія, двухъ отдѣленій, секретарскаго стола, бухгалтеріи, казначейства и вообще чиновъ, по штату положенныхъ, всего до 40 человѣкъ. Директоромъ управленія сдѣлался на первыхъ порахъ бывшій правитель дѣлъ Коммиссіи дух. училищъ Карасевскій, который въ теченіе долгаго времени имѣлъ сильное вліяніе на ходъ всѣхъ дѣлъ училищнаго вѣдомства [1]).

Протасовская реформа, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, представляетъ довольно неудачную попытку исправленія недостатковъ устава 1808 г. Непосредственное и близкое отношеніе Св. Синода къ духовно-учебнымъ заведеніямъ было ею подорвано. Духовно-учебное управленіе, замѣнившее собою Коммиссію дух. училищъ и ставшее посредникомъ между Синодомъ и школами, явилось учрежденіемъ бюрократическаго характера, учрежденіемъ малокомпетентнымъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя оно призвано было вѣдать. Въ управленіи духовно-учебными заведеніями почувствовался духъ канцеляризма. Правда, онъ сообщилъ дѣлопроизводству по духовно-учебнымъ дѣламъ больше стройности и точности, но за то же онъ внесъ въ живое дѣло струю мертвящей оффиціальности.—Далѣе, задавшись цѣлью приспособить семинарское образованіе къ задачамъ пастырскаго служенія въ селахъ, Протасовъ понизилъ уровень общаго образованія воспитанниковъ семинаріи и, казалось, хотѣлъ приготовить изъ нихъ не опытныхъ пастырей церкви, а лишь совершителей таинствъ и

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. Исторія Петербургской семинаріи А. Надеждина, стр. 303—305.

богослуженія. Предметы прикладные, практическіе, введенные въ семинарскій курсъ реформой Протасова, при обиліи наукъ собственно семинарскихъ, изучались лишь отрывочно, поверхностно. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя такимъ путемъ, едва-ли „могли имѣть благотворное вліяніе на благосостояніе народа“, какъ думалъ проектъ устава[1]). „Поверхностное знаніе семинаристами медицины безполезно, даже вредно, писалъ преосв. Филаретъ. Вмѣсто излѣченія могутъ увеличить болѣзнь..., а неудачное лѣченіе лишаетъ (священника) довѣрія даже и въ совѣтахъ духовныхъ“.

ГЛАВА II.

Средства содержанія.—Штатная сумма.—Храненіе ея.—Жалованье начальствующимъ и учащимъ.—Квартирное пособіе. — Побочныя должности.—Содержаніе учащихся.—Матеріальный бытъ квартирныхъ.—Залыбедская бурса: помѣщеніе, пища, одежда и обувь.—Надзоръ за продовольствіемъ бурсаковъ.—Снабженіе ихъ письменными принадлежностями.—Расходы по содержанію дома.—Постройка новыхъ зданій и ограды.—Больница.—Штатный подлѣкарь.—Эпидемическія болѣзни. Библіотека фундаментальная и продажная.—Исключеніе книгъ, вышедшихъ изъ классическаго употребленія.—Ученическая библіотека.—Канцелярія.—Почетный блюститель.

Сумма, отпускаемая на содержаніе семинаріи, осталась та же, какая назначена была по штату 1836 г., съ тою только разницею, что внушительныя цифры стараго времени сильно понизились съ 1840 г., когда вышло распоряженіе о переложеніи всѣхъ счетовъ съ ассигнацій на серебро, считая 3 руб. 50 коп. ассигн. за каждый серебряный рубль[2]). Недостаточность штатной суммы для удовлетворенія всѣхъ потребностей семинарской жизни чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ общаго возрастанія цѣнъ и къ 1867 г. сказалась хроническимъ дефицитомъ по всѣмъ статьямъ семинарскаго бюджета. Въ 1867 г. послѣдовало увеличеніе штатной суммы.

Семинарскія деньги въ началѣ разсматриваемаго періода хранились, по обычаю прежняго времени, въ архіерейской ризницѣ. Въ 1853 г. преосв. Іустинъ предложилъ семинарскому правленію хранить свои суммы въ казначействѣ, въ виду того, что помѣщеніе ихъ въ архіерейской ризницѣ онъ признаетъ небезопаснымъ. Послѣ этого заявленія сдѣланъ былъ сундукъ, окованный желѣзомъ, и сумма передана на храненіе во Владимірское казначей-

---

1) Арх. сем. 1840 г., № 258.
2) Арх. сем. 1840 г., № 260.

ство. Въ ризницѣ архіерейскаго монастыря семинарія испросила себѣ разрѣшеніе хранить сумму въ 300 рублей для текущихъ расходовъ[1]).

Содержаніе начальствующихъ, учащихъ и служащихъ при семинаріи. Жалованье начальствующаго, учащаго и служащаго персонала при Владимірской семинаріи опредѣлилось послѣ указа 1840 г. въ такихъ цифрахъ. Ректоръ семинаріи получалъ 190 р 66 к. сер. въ годъ+профессорскій окладъ[2]). Инспекторъ—150 р. сер.+профессорскій окладъ. Профессоръ—286 руб.+классный окладъ (магистръ 100 р. 10 к., кандидатъ 71 р. 50 к.), а нѣкоторые еще и квартирное пособіе, цифра котораго колебалась между 42 руб 90 коп. и 28 руб. 60 коп. Экономъ—150 руб. 15 коп.; секретарь — 107 руб. 25 коп.; врачъ—143 руб.; библіотекарь — 71 руб 50 коп.; письмоводители и помощники ихъ — 214 руб. 50 коп.

Всѣ эти оклады, въ свое время значительные, къ концу Протасовскаго періода оказались совершенно недостаточными къ сколько-нибудь приличному существованію тѣхъ лицъ, которыя ихъ получали. Квартирное пособіе давалось лишь немногимъ. Еще до 1840 г. Коммиссія дух. училищъ старалась ограничить раздачу этого пособія, находя ее для себя обременительною. Въ 1842 г. сдѣланы были новые поступательные шаги въ такомъ направленіи. Въ этомъ году семинарскому правленію строго предписано было, чтобы оно „свои представленія о назначеніи квартирныхъ денегъ вносило со строгою разборчивостью и не ограничивалось одною выслугою наставникомъ 4 лѣтъ съ одобреніемъ, а объясняло бы въ своихъ постановленіяхъ и тѣ заслуги, которыя приняты въ уваженіе при испрашиваемой наградѣ предпочтительно предъ другими служащими въ томъ же училищѣ наставниками“[3]). Послѣ такого опредѣленія хлопоты о квартирномъ пособіи стали соединяться съ большими трудностями.

Нѣкоторое вспомоществованіе въ своихъ денежныхъ рессурсахъ наставники находили въ занятіи, такъ называемыхъ, побочныхъ должностей, именно, должности секретаря, эконома, помощника инспектора, наставника новыхъ языковъ и библіотекаря. Но во Владимірской семинаріи, при многочисленномъ составѣ преподавательскаго персонала, этими побочными статьями дохода могли

---

[1]) Арх. сем. 18$^{52}/_{53}$ г., № 294.

[2]) 23 декабря 1857 г. государь императоръ отмѣнилъ существовавшее съ 1836 г. правило касательно вычета изъ жалованья ректоровъ семинарій и академій, управляющихъ второклассными и первоклассными монастырями. (См. выше, стр. 14. Арх. сем. 18$^{57}/_{58}$ г., № 225).

[3]) Арх. сем. 1842 г., № 16.

воспользоваться лишь немногіе. Благодаря стеченію разнаго рода обстоятельствъ, часто случалось, къ несчастію, такъ, что эти немногіе совмѣщали по 2 и по 3 побочныхъ должности, ограничивая тѣмъ еще болѣе количество лицъ, которымъ доступно было это небольшое вспомоществованіе. Дѣло дошло до того, что въ 1862 г. шесть наставниковъ семинаріи (Θеодоръ Виноградовъ, Миронъ Никольскій, Иванъ Тихомировъ, Николай Бѣляевъ, Мих. Повлянскій и Алексѣй Спасскій) подали формальное заявленіе въ семинарское правленіе съ просьбой, „чтобы оно, принявъ во вниманіе сравнительно долговременную службу, усердіе въ прохожденіи должностей и численность содержанія всѣхъ наставниковъ семинаріи позаботилось бы о возможно равномѣрномъ распредѣленіи между ними побочныхъ должностей". Просьбѣ данъ былъ ходъ, и приняты были мѣры къ болѣе правильному распредѣленію побочныхъ источниковъ дохода. Лишены были, между прочимъ, побочныхъ должностей лица священнаго сана, получавшіе доходы отъ церквей, при которыхъ служили [1]).

Побочныя должности въ вопросѣ объ обезпеченіи преподавателей составляли единственный пунктъ, который вносилъ нѣкоторую рознь въ семинарскую корпорацію и давалъ поводъ къ неудовольствію, интригамъ и вызывалъ даже, какъ мы видѣли, жалобы. Въ остальномъ же всѣ обезпечены были одинаково. Равенство содержанія устраняло экономическія соображенія изъ числа мотивовъ, которыми руководились преподаватели при переходахъ съ одной каѳедры на другую. Кромѣ того, одинаковость обезпеченія, не стоявшаго въ случайной связи съ той или иной каѳедрой, не мало содѣйствовала единству, корпоративности семинарскихъ наставниковъ. Некому было завидовать, некому превозноситься. Быть можетъ этимъ до нѣкоторой степени обусловливалось и то обстоятельство, что общія собранія семинарской корпораціи носили въ то время, по разсказамъ, въ высшей степени дружескій, задушевный характеръ. Всѣхъ объединяло равенство матеріальнаго обезпеченія и сближала одна общая нужда. А нужда, дѣйствительно, была велика...

Несоотвѣтствіе между потребностями жизни и штатными окладами 1836 г. къ 60-мъ г.г. дало себя почувствовать въ такой рѣзкой формѣ, что бѣгство наставниковъ съ духовно-учебной службы въ другія вѣдомства сдѣлалось явленіемъ, съ которымъ надобно было считаться серьезно. Обездоленные труженики всячески урѣзывали свои расходы, но сводить концы съ концами все-таки не могли. Въ тяжкой борьбѣ за существованіе не всѣ могли устоять на высотѣ требованій своего долга, и въ свое время въ

---

[1]) Арх. сем. $18^{61}/_{62}$ г., № 33.

епархіи циркулировали упорные слухи о томъ, что нѣкоторыхъ изъ преподавателей можно склонить къ снисходительности денежными и вещевыми подарками. Въ 1853 г., напр., священникъ Ао. Свѣтозаровъ, сынъ котораго учился въ высшемъ богословскомъ отдѣленіи, прислалъ на имя профессора Николая Ив. Флоринскаго 10 руб. сер. въ особомъ письмѣ, гдѣ, напомнивъ Флоринскому о скоромъ наступленіи экзаменовъ, „коими воздается должное по дѣламъ, иного поставятъ одесную, а другого ошую", просилъ оказать его сыну „въ семъ опасномъ положеніи снисхожденіе, дабы не подвергнуться ему участи оглашенной", и предлагалъ для незабвенія „его просимости отъ душевнаго расположенія 10 руб. сереб." Флоринскій донесъ правленію, послѣднее владыкѣ. Правленіе просило владыку опубликовать о поступкѣ Свѣтозарова по всей епархіи, съ одной стороны, для огражденія чести наставниковъ, а съ другой, для предостереженія другихъ священнослужителей отъ поступковъ подобнаго рода. Но консисторія, которой передано было дѣло Іустиномъ, признала „такое распубликованіе излишнимъ, въ виду того, что законы государства, воспрещающіе дѣлать подарки лицу, состоящему въ службѣ государственной, по дѣлу, касающемуся до обязанностей его по службѣ, должны быть всякому извѣстны". Свѣтозаровъ штрафованъ былъ 10 руб. въ пользу бѣдныхъ дух. званія; въ счетъ этихъ 10 руб. обращены были деньги, присланныя имъ Флоринскому [1]).

Въ 1867 г. учащіе и начальствующіе получили жалованье по новымъ штатамъ, значительно увеличеннымъ въ сравненіи съ прежнимъ. Но этотъ годъ въ экономическомъ отношеніи является уже началомъ новаго періода въ исторіи Владимірской семинаріи.

Улучшеніе быта учащихся въ разсматриваемый періодъ прогрессировало также слабо. Къ 40 г., ко времени переоцѣнки ассигнацій на серебро, общая сумма, ассигнованная на содержаніе учащихся, выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ. По штату 1820 г., на 100 воспитанниковъ ассигновано было 4856 руб., по журналу Коммиссіи 1832 г. изъ штата суммъ Архангельской семинаріи (30 окладовъ) 1714 р. 20 к. и сверхъ того по тому же журналу (40 окладовъ) — 1942 р. 40 к.; всего 8512 р. 60 к. Въ 1840 г. въ счетъ этихъ средствъ [2]) содержалось: 1) 273 чел. си-

---

[1]) Арх. сем. 1853/54 г., № 36.

[2]) Ассигнуемыя суммы въ нѣкоторые годы восполнялись сторонними пожертвованіями, впрочемъ, не особенно значительными. Въ 1843/44 г., напр., собрано было пожертвованій 204 руб. 80¾ коп. (Арх. сем. 1843/44 г., № 97). Сюда же, къ нештатнымъ источникамъ содержанія, должны быть отнесены частныя стипендіи: 1) протоіерея І. Рождественскаго, внесшаго 1866 г. 2 тыс.

ротъ; изъ нихъ 106 бѣднѣйшихъ помѣщены были на казеннокошт-номъ содержаніи въ Залыбедской бурсѣ, а прочіе 167 получали пособіе, не простирающееся, впрочемъ, выше 21 р. сер. въ годъ: и 2) 250 учениковъ бѣдныхъ и многосемейныхъ родителей; имъ назначено было пособіе, въ зависимости отъ степени состоятельности, отъ 6—13 р. въ годъ. Вообще, къ отпуску на жалованье ученикамъ предназначалось изъ всей смѣтной суммы 5000 руб.; остальныя деньги опредѣлены были на содержаніе Залыбедской бурсы.

Такимъ образомъ, большая часть штатныхъ суммъ въ этомъ году, какъ и въ послѣдующіе, была роздана ученикамъ на руки для содержанія ихъ на частныхъ квартирахъ, на условіяхъ, какія найдутъ для себя болѣе выгодными. Въ экономическомъ быту воспитанниковъ этого разряда, а равно и тѣхъ, которые содержались въ городѣ на свои средства, произошло мало перемѣнъ. Положеніе ихъ по прежнему было тяжелое. Правда, по временамъ семинарское правленіе изыскивало для нихъ экстренное вспомоществованіе и вообще старалось оказать имъ, въ предѣлахъ возможности, всяческое содѣйствіе. Напр., въ 18⁴⁰/₄₁ учебн. году было куплено ржаной муки до 600 пуд., заведена „мучная тетрадь", и семинарскій экономъ сталъ отпускать муку болѣе нуждающимся ученикамъ въ счетъ ихъ жалованья съ значительной уступкой. Послѣ окончательной распродажи муки оказалось, что семинарія понесла убытку, вслѣдствіе сдѣланной уступки, до 300 р. ассигн. Недоимка эта покрыта была изъ частныхъ пожертвованій [1]). Въ томъ же году семинарское правленіе вошло съ представленіемъ въ Московскую академію о дозволеніи истребовать хранившійся въ сохранной казнѣ семинарскій капиталъ 4571 р. $42\frac{2}{7}$ к. сер. съ процентами (всего 5334 р. 18 к. сер [2]), для оказанія изъ сей суммы пособія неимущимъ ученикамъ, въ виду наступившей (по случаю неурожая) дороговизны хлѣба и квартиръ [3]) и увеличенія

руб. билетами государственнаго 6% безсрочнаго займа (арх. сем. 18⁶⁵/₆₆ г., № 74) и 2) Конст. Ив. Громова, оставившаго по завѣщанію 3600 руб. капитала, который препровожденъ былъ имъ въ правленіе Московскаго университета съ тѣмъ, чтобы проценты съ него выдавались одному изъ достойнѣйшихъ студентовъ Владимірской семинаріи, поступившихъ въ университетъ по какому бы то ни было факультету, или же въ случаѣ, если таковаго не окажется, бѣднѣйшему и достойнѣйшему изъ учениковъ семинаріи, имѣющихъ поступить въ университетъ впослѣдствіи (18⁶¹/₆₃ г., № 98).

[1]) Арх. сем. 1841 г., № 270.

[2]) Капиталъ этотъ образовался изъ сбереженій бурсачной суммы, сдѣланныхъ въ прошлые годы.

[3]) Въ началѣ 1832 г. за пудъ ржаной муки платили 1 р. 20 к. ассигн., въ 1840 г. 1 руб. сер. Квартира ученическая въ началѣ 1839 г. стоила по 2 руб. и ниже ассигн., въ 1840 г. отъ 2 р. 40 к. до 3 руб.

числа нуждающихся Св. Синодомъ, куда передали изъ академіи ходатайство, дано было разрѣшеніе, но при этомъ рекомендовалось, вмѣсто выдачи ученикамъ денегъ на руки, учинить, гдѣ возможно, совокупное ихъ продовольствіе, или нанимать у обывателей помѣщенія вмѣстѣ съ пищею. Правленіе составило условія для найма квартиръ и оповѣстило о нихъ благонадежныхъ обывателей Владиміра. Согласился принять къ себѣ на квартиру учениковъ (и то училища) и содержать ихъ своимъ коштомъ одинъ канцеляристъ Холуйскій; но онъ потребовалъ въ годъ за воспитанника 51 р. 42 6/7 к. сер. Сообразивъ, что на содержаніе полнаго бурсака ассигнуется всего лишь 28 р. 56 к. сер., семинарское правленіе не нашло возможнымъ принять предложеніе и Холуйскаго. Ученики по прежнему оставлены были на частныхъ квартирахъ. Въ счетъ полученнаго капитала повышены были только нѣсколько оклады учениковъ, увеличено число субсидируемыхъ и куплено около 800 пудовъ ржаной муки для безплатной раздачи болѣе нуждающимся [1]). — Въ 1848 г. преосв. Парѳеній велѣлъ выдать изъ запаса архіерейскаго дома 100 пудовъ ржаной муки съ условіемъ, „чтобы она была распредѣлена между тѣми изъ учениковъ, проживающихъ на квартирахъ, кои получаютъ лишь небольшое жалованье отъ семинаріи“ [2]).

Но все это были лишь экстренныя, вызванныя тяжелыми обстоятельствами момента, вспомоществованія. Въ остальное время довольствовались тѣмъ, что отпускалось по штату. По прежнему, вслѣдствіе этого, семинаристы населяли грязнѣйшіе уголки города, по сосѣдству и въ сообществѣ самыхъ подозрительныхъ личностей [3]). Семинарское начальство видѣло это, но сдѣлать ничего не могло и только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ случаяхъ сосѣдства квартиры съ какимъ-нибудь порочнымъ домомъ, поднимало дѣло о переходѣ ученика въ другое мѣсто [4]). Продовольственный вопросъ квартирныхъ учениковъ поставленъ былъ на строго экономическихъ началахъ. Обыкновенно выбирали завѣдующаго по хозяйственной части, которому квартирующіе вручали свои продукты и который велъ строгій подсчетъ доставленнаго и слѣдуемаго съ каждаго. Капуста и квасъ получались безплатно отъ квартиросодержателя [5]). Обѣдъ былъ болѣе, чѣмъ скроменъ.

---

[1]) Арх. сем. 1841 г., № 270.

[2]) Арх. сем. 1847/48 г., № 228.

[3]) О скученности семинарскихъ квартиръ можно судить по тому, что въ д. Прянишникова у Мироносицкой церкви въ началѣ 50-хъ гг. помѣщалось 75 учениковъ. Въ квартирахъ съ такимъ населеніемъ кроватей не полагалось; ихъ замѣняли нары.

[4]) См. арх. сем. 1863/64 г., № 35.

[5]) Плата за квартиру на такихъ условіяхъ колебалась въ началѣ 50-хъ гг. между 40—75 к. сер. въ мѣсяцъ.

Каша составляла самое лакомое блюдо, такъ какъ щи, забѣленныя молокомъ и безъ говядины, были далеко не вкусны. Утренній чай замѣнялся сбитнемъ съ калачомъ. Сбитенщикъ игралъ въ обыденной жизни учениковъ вообще большую роль. Въ опредѣленные часы утромъ онъ переходилъ отъ одного окна къ другому и кричалъ: „сбитень, сбитень, surgite!“ Ученики поднимались съ кроватей, и начинался завтракъ. Сбитень брали въ долгъ. Расплата за сбитень производилась по пріѣздѣ изъ дому съ каникулъ, причемъ сбитенщикъ, по окончаніи расчета, угощалъ своихъ должниковъ. Калачами кредитовали воспитанниковъ мелочныя лавочки или тотъ же сбитенщикъ. Чай разсматривался, какъ роскошь, которую позволяли себѣ только раза 2 въ теченіе трети и то немногіе. День чаепитія являлся въ буквальномъ смыслѣ торжествомъ. Къ чаю приглашали въ видахъ captatio benevolentiae старшихъ. Воду для самовара приносили ученики училищъ; угли гдѣ-нибудь воровали. Насколько чай разсматривался, какъ лакомство, видно изъ того, что въ 1862 г. одинъ священникъ (Александръ Третьяковъ) прямо отказался заплатить по заборной книжкѣ [1]) за своего сына, на томъ основаніи, что въ заборной книжкѣ значились „такія лакомыя и излишнія вещи, какъ чай и сахаръ, совершенно не необходимыя для жизненности“ [2]).

Залыбедская бурса въ 40-хъ гг. давала пріютъ въ своихъ стѣнахъ 100 воспитанникамъ. Благодаря воспоминаніямъ одного изъ питомцевъ Владимірской семинаріи конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ [3]), можно дать сравнительно подробныя свѣдѣнія о бытѣ и условіяхъ жизни казеннокоштныхъ учениковъ этого времени.

Бурса помѣщалась въ деревянномъ двухъ-этажномъ, на высокомъ каменномъ фундаментѣ зданіи. Зданіе обшито было тесомъ

---

[1]) По заборнымъ листамъ лавочекъ отпускались товары только тѣмъ ученикамъ, въ правоплатежности которыхъ лавочники были увѣрены. Въ лавочкахъ этого типа (на подобіе нынѣшняго Баканова) ученики находили не только всѣ предметы первой необходимости, но даже кредитовались деньгами. Вотъ для примѣра заборный листъ одного изъ учениковъ, сравнительно состоятельнаго (судя по суммѣ, на которую ему лавочникъ довѣрялъ, и по роду товаровъ, которые ему отпускались), относящійся къ 1864 г. „14 янв. свинины — 1 р. 50 к., калачъ 2 к.; 15 и 16 янв. 2 калача по 2 к.; 17 янв. 2 фун. свѣчъ 50 к., 2 хлѣба 10 к.; 18 янв. 2 золотн. чаю 5 к.; 19 янв. взято деньгами 12 к.; 22 янв. калачъ 2 к.; 28 янв. хлѣбъ 6 к.; 2 февр. шкаликъ 4 к.; 9 февр. говядины $24^1/_4$ фун. 1 р. $42^1/_2$ к. сер., 1 фунтъ пряниковъ 20 к.; 11—2 ф. сахару 60 к. и т. д. Къ 10 апр. заборщикъ остался долженъ въ лавку Мих. Абр. Кондратьева 14 р. 30 к. (Арх. сем. 1864 г., № 172).

[2]) Арх. сем. $18^{62}/_{63}$ г., № 81.

[3]) См. Владим. Епарх. Вѣд. 1890 г., стр. 713—26, „Владимірская бурса“, статья свящ. А. Ключарева.

и внутри оштукатурено. Внизу въ фундаментѣ помѣщалась кладовая для съѣдобныхъ припасовъ. Изъ кладовой въ первый этажъ зданія, особенно въ осенніе мѣсяцы, проникалъ непріятный запахъ отъ закисающихъ овощей. Сколоченъ общежитный домъ былъ нескладно. При сильномъ вѣтрѣ онъ трещалъ и качался, а въ зимніе холода вода замерзала въ умывальникахъ. Лѣвая сторона общежитія выходила на югъ, на широкую, частію мощеную, улицу. По линіи къ западу стоялъ другой домъ меньшихъ размѣровъ, въ которомъ помѣщался экономъ,—онъ же преподаватель семинаріи и субъинспекторъ бурсы. По восточной сторонѣ занимало мѣсто низкое деревянное зданіе, гдѣ была кухня и столовая, раздѣленная корридоромъ. Домъ общежитія заключалъ 5 нумеровъ, каюту для комиссара внизу и два нумера въ верхнемъ этажѣ. Въ каждомъ нумерѣ помѣщалось до 15 чел. Комнаты эти служили занятными и спальнями. По срединѣ комнаты ставили обыкновенно длинный столъ со скамьями для занятія учениковъ, въ сторонѣ гардеробъ для одежды и шкафъ для книгъ съ отдѣльными ящиками для каждаго изъ учащихся. У стѣны въ рядъ уставлены были желѣзныя и деревянныя кровати, относительно которыхъ авторъ статьи „Владимірская бурса" замѣчаетъ: „во имя правды не скрою отъ читателя, что эти койки вообще, а въ особенности деревянныя [1]), изобиловали извѣстными насѣкомыми съ отдающимъ запахомъ; но мы, съизмала не изнѣженные, не чувствовали большого безпокойства отъ этихъ насѣкомыхъ". Комнаты, служившія и занятными, и спальнями были небольшія, и обитатели ихъ чувствовали себя нѣсколько тѣсновато. Особенно трудно было помѣстить требуемое количество кроватей. Для экономіи мѣста ихъ изготовляли, не соображаясь съ ростомъ тѣхъ, кому онѣ предназначались. Владѣльцы кроватей приспособлялись и къ этому неудобству, пріучаясь спать, свернувшись клубкомъ. Въ 1851 г. семинарское правленіе само заявило, что „означенное число (100) учениковъ помѣщается нынѣ въ казенныхъ домахъ съ крайнимъ стѣсненіемъ и неудобствомъ, въ чемъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на устройство и расположеніе ученическихъ кроватей, которыя по необходимости устрояются иногда короткими, не по росту учениковъ и устанавливаются часто поперекъ комнаты и притомъ съ малыми промежутками, недостаточными для того, чтобы можно было подходить къ нимъ, когда это нужно". По крайней тѣснотѣ и неудобству положили содержать въ казенномъ домѣ лишь 80

---

[1]) До 1854 г. кровати въ домѣ казеннокоштныхъ учениковъ были по преимуществу деревянныя (см. выше, стр. 31); съ этого года, за ветхостью деревянныхъ, рѣшено было устроить желѣзныя. Кровать обошлась по 10 р. (Арх. сем. 1854 г., № 273).

человѣкъ [1]), что и было приведено въ исполненіе [2]).—Зато лѣтомъ забывались всѣ невзгоды зимней обстановки. Содѣйствовалъ этому находившійся при бурсѣ садъ. „Онъ, по словамъ автора цитованной статьи, составляетъ предметъ самаго пріятнаго и незабвеннаго воспоминанія для питомцевъ бурсы". Садъ этотъ занималъ довольно обширную площадь и содержался чисто и прилично. Дорожки каждую весну утрамбовались и посыпались пескомъ; вѣковыя аллеи пересѣкали садъ въ разныхъ направленіяхъ. Неудивительно, что въ лѣтнее время классные нумера оставались почти пустыми, а ученики поголовно переселялись въ садъ. Здѣсь готовились къ слѣдующему дню уроки, здѣсь вечеромъ послѣ ужина раздавалось общее пѣніе „во всеуслышаніе всей Залыбедской страны". Но не одинъ только просторъ и воздухъ искали и находили въ Залыбедскомъ саду питомцы бурсы; онъ служилъ къ удовлетворенію потребностей и болѣе матеріальнаго свойства. Къ 15 іюля, ко дню отпуска изъ семинаріи, дозрѣвали вишни, малина, крыжовникъ и смородина. Всѣ эти ягоды поступали въ пользованіе учениковъ; одни только яблоки доставались эконому.

Вообще, въ продовольственномъ отношеніи, надобно сказать, обитатели бурсы были поставлены несравненно лучше большинства квартирныхъ учениковъ. Въ 1856 г., напр., на содержаніе 70 бурсаковъ пищею назначено было 1992 руб. $64\frac{1}{4}$ коп. сер., (ок. 28 руб. $46\frac{1}{2}$ коп. въ годъ на каждаго). Принимая во вниманіе цѣны этого года на предметы первой необходимости, должно сказать, что сумма эта позволяла содержать казеннокоштныхъ учениковъ скромно, но безъ особенныхъ ограниченій [3]). Бурсаки пользовались даже говядиной, о которой только мечтало большинство изъ квартирныхъ. Особенно улучшилось положеніе бурсаковъ съ сокращеніемъ штатнаго числа ихъ со ста человѣкъ на 70. „Хотя и по сокращеніи штата, пишетъ авторъ воспоминаній, въ бурсѣ полагались на обѣдъ и ужинъ тѣже щи съ говядиной и каша, а въ постные дни картофельная похлебка съ той же кашей; но порціи выходили уже болѣе объемистыми. Въ высокоторжественные дни и великіе праздники къ пуду мяса прибавлялось еще полпуда и приготовлялось (только на обѣдъ) третье холодное кушанье изъ говяжьей окрошки, а въ постные дни изъ

---

1) Впослѣдствіи число казеннокоштныхъ сокращено было еще на 10 человѣкъ.

2) Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 306.

3) Пудъ ржаной муки для хлѣба стоилъ $47\frac{3}{4}$ коп. сер.; пудъ муки пшеничной для щей въ постные дни и на булки въ праздничные $89\frac{1}{2}$ коп.; пудъ говядины 1 руб. 73 коп.; пудъ рыбы кореной—3 руб. 40 коп.; пудъ снятковъ—4 руб. 50 коп.; четверть гречневой крупы—6 руб. 78 коп.; пудъ коровьяго масла—5 руб.; пудъ постнаго—2 руб. 50 коп. и т. п. Арх. сем. 1856 г., № 96.

рыбы. Въ эти исключительные дни выдавалась еще каждому питомцу двухкопѣечная булка, которая составляла уже роскошь, сравнительно съ обыденнымъ довольствіемъ .. Если кто чувствовалъ себя голоднымъ, тому давалось утромъ и послѣ вечерняго класса чернаго хлѣба столько, сколько ему требовалось, даже и больше потребности. Этотъ излишекъ хлѣба бурсаки нерѣдко передавали узелками квартирнымъ ученикамъ, особенно нуждавшимся въ концѣ учебныхъ третей года".—Все это было, конечно, просто и, понятно, не особенно вкусно. „Но оно, какъ замѣчаетъ авторъ цитованныхъ воспоминаній, удовлетворяло насъ". Кто не удовлетворялся казенной нелакомой пищей, тотъ, соотвѣтственно своимъ средствамъ, прибѣгалъ къ разнымъ дополненіямъ, не особенно, впрочемъ, тоже пышнымъ. „Утромъ въ бурсу являлся сбитенщикъ съ калачами и молочницы, предлагая за 3 коп. два стакана сбитня и калачъ, а молоко за 1½ коп. полуштофъ". Тѣ, чьи рессурсы не позволяли сдѣлать и этихъ скромныхъ расходовъ, старались восполнить меню казеннаго стола еще болѣе дешевымъ способомъ. Такъ, одни варили картофель въ собственныхъ чугунахъ, другіе—цикорный кофе, который пили съ молокомъ. Чай у бурсаковъ, какъ и у квартирныхъ, составлялъ роскошь. Для приготовленія его имѣлся единственный самоварчикъ на всю бурсу, и то частное, а не казенное достояніе. Въ концѣ 50-хъ годовъ число самоваровъ въ бурсѣ увеличилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла опасность для зданій общежитія. „Многіе изъ учениковъ семинаріи, доносилъ экономъ Розовъ въ мартѣ 1858 г., имѣютъ обыкновеніе послѣ бани и въ случаяхъ какихъ-нибудь легкихъ простудныхъ болѣзней и нуждъ пить свой чай. Для сего они употребляютъ свои самовары, большею частью ветхіе, безъ поддонковъ, и потому самому небезопасные для казеннаго дома. Честь имѣю донести о семъ правленію семинаріи съ тѣмъ, не благоволено-ли будетъ дозволить пріобрѣсти для казеннокоштныхъ учениковъ семинаріи самоваръ, общій для всѣхъ, который и имѣется въ виду, вмѣстимостью до 2 ведеръ, изъ подержанныхъ, но крѣпкій и прочный". Самоваръ былъ пріобрѣтенъ [1]).—Посуда при столѣ казеннокоштныхъ учениковъ была обычно деревянная, въ праздничные дни каменная [2]).

Ближайшій надзоръ за продовольственною частью бурсаковъ находился въ рукахъ семинарскаго комиссара. Нѣкоторая доля участія въ надзорѣ принадлежала, впрочемъ, и ученикамъ. Именно, были особые дежурные по экономической части. Ученики, несшіе эту обязанность (понедѣльно), должны были совмѣстно съ комис-

---

[1]) Арх. сем. 18⁵⁷/₅₈ г., № 258.

[2]) Арх. Св. Синода. Отчетъ о ревизіи Влад. сем. за 1844 г., № 76.

саромъ принимать отъ поставщиковъ продукты, свидѣтельствовать годность и доброкачественность ихъ, взвѣшивать говядину, крупу, масло и муку, предназначавшіяся къ дневному отпуску, и все это записывать въ особый экономическій журналъ. Во время обѣда и ужина старшій слѣдилъ за равномѣрнымъ распредѣленіемъ порцій говядины и масла. Львиныя доли доставались, конечно, ему самому и комиссару.

Одежда шилась для бурсаковъ по прежнимъ формамъ и на прежнихъ основаніяхъ. Лѣтомъ казенные получали сертукъ съ брюками и жилетомъ, а зимой тулупы. Сертуки шились изъ нанки, на холстѣ до пояса, съ однимъ карманомъ, съ пуговицами изъ нанки, длиною на 1/4 арш. ниже колѣнъ; брюки — изъ трико на холстѣ, жилетъ изъ ситца на коленкоровой подкладкѣ [1]). Для покрытія тулупа шла темносѣрая нанка; воротникъ дѣлался изъ мерлушекъ. „Овчины для тулуповъ, по словамъ А. Ключарева, ставились какія-то ордынскія, съ грубой и жесткой шерстью, чрезъ мѣру пропитанныя дубильной кислотой. Появленіе бурсаковъ въ новыхъ тулупахъ въ классахъ или въ церкви наполняло воздухъ непріятнымъ запахомъ. По этому поводу бурсаки отъ своихъ даже сотоварищей (квартирныхъ) получили нелестное прозвище — „кислая шерсть“ [2]). Указанная одежда возобновлялась по истеченіи года; зимняя шла въ передѣлку, а лѣтняя отдавалась въ собственность владѣльцу. Съ 1853 г. питомцы бурсы, вмѣсто нанковой, стали получать суконную лѣтнюю пару. „При нарядѣ въ сукно, мы будто преобразились, говоритъ авторъ воспоминаній о бурсѣ, если не внутренно, то внѣшне, и какъ бы выросли, потому что стали выше держать свои головы и сознавать себя болѣе равноправными съ товарищами, жившими на частныхъ квартирахъ“. Но особенно самосознаніе бурсаковъ возрасло съ того времени, когда овчинные тулупы смѣнились чистенькими и приличными шинелями. Случилось это въ концѣ 1855 г. Экономъ семинаріи Бѣляевъ доложилъ правленію, что, въ виду возвышенія цѣнъ на овчины (съ 57—70 к. на 1 р.—1 р. 20 к.), для семинаріи выгоднѣе будетъ сшить для казеннокоштныхъ учениковъ, вмѣсто тулуповъ, суконныя шинели, которыя обойдутся немногимъ дороже тулуповъ, а между тѣмъ будутъ благовиднѣе и могутъ быть въ употребленіи не одинъ, а три года. Семинарское правленіе изъявило свое согласіе. Куплено было темносѣрое сукно по 1 р. 95 к. арш., и изъ него изготовлены шинели на зеленой [3]) флане-

---

1) За шитье сертука въ 1850 г. платилось 75 коп., брюкъ 35 к. и жилета 20 к. (Арх. сем. 1849/50 г., № 239).

2) Пошитье каждаго тулупа въ 1850 г. обходилось семинаріи въ 74 коп.

3) Здѣсь можно отмѣтить нѣкоторое неравнодушіе того времени къ зеленому цвѣту. Такъ, въ 1853 г., вслѣдствіе распоряженія директора Духовно-

левой подкладкѣ — въ 65 к. арш. Шинели были, несомнѣнно, не такъ теплы, какъ тулупы, но за то удобнѣе и несравненно приличнѣе [1]). Въ 1867 г. шинели замѣнены были пальто. Въ первый годъ пальто устроили изъ стараго матеріала, окрасивъ сукно и подкладку старыхъ шинелей въ черный цвѣтъ [2]).

Обувью казеннокоштные ученики снабжались въ достаточномъ количествѣ. „Хотя намъ и приходилось, говоритъ А. Ключаревъ, каждодневно совершать два путешествія въ семинарію на утренніе и вечерніе (послѣобѣденные) уроки, при всякой погодѣ, чрезъ овраги, р. Лыбедь и гору, но двѣ пары сапогъ и третьи головки не могли изнашиваться въ теченіе года“ [3]). Начальство семинарское предоставляло ученикамъ право, при полученіи сапогъ, избирать или простые (дегтярные), или выростковые, а вмѣсто головокъ заказывать калоши. Купля, продажа и промѣнъ сапогъ, которыми семинаристы снабжались въ количествѣ, часто превышающемъ потребности, производились свободно. Семинарская власть не возбраняла коммерческихъ оборотовъ этого рода [4]).

Носильное бѣлье выдавалось не каждый годъ. Ученики должны были запасаться имъ дома. Вмѣсто бѣлья, бурсаки получали, большею частію предъ отпускомъ на Рождество, Пасху и вакаціи, около 1 р. на человѣка. Деньги эти, конечно, изводились на расходы по отправкѣ домой. Постельныя принадлежности состояли изъ тюфяка, простыни, двухъ перяныхъ подушекъ и зеленаго одѣяла, подбитаго холстомъ. Простыни и наволоки на подушкахъ мѣнялись чрезъ каждый мѣсяцъ. Стиралось бѣлье на казенный счетъ. Ученики сдавали его комиссару по особо заведеннымъ для этой цѣли тетрадямъ, скрѣпленнымъ ректоромъ или инспекторомъ. Бѣлье отдавалось въ стирку каждую недѣлю съ половиннаго числа

учебнаго управленія А. И. Карасевскаго, который нашелъ, что зданіе бурсы въ лѣтнее время дѣлается почти совершенно неудобнымъ для житья учениковъ „по большому въ немъ свѣту и жару отъ солнца“, устроены были занавѣски на всѣ окна Залыбедской бурсы и для занавѣсокъ купленъ зеленый коленкоръ (1852/53 г., № 287). Одѣяла, пріобрѣтенныя для бурсаковъ въ 1845 г., сдѣланы были изъ зеленаго фризу (100 шт.=261 руб. 62 1/2 коп.). Впрочемъ, въ 1856 г. ихъ замѣнили новыми изъ бѣлой верблюжьей шерсти (Арх. сем. 1856/57 года, № 259).

1) Арх. сем. 1855/56 г., № 233.

2) Арх. сем. 1867 г., эконом. отд.

3) Иначе обстояло дѣло съ обувью у квартирныхъ учениковъ. Даже въ 50-хъ гг. бывали случаи, что нѣкоторые изъ квартирныхъ учениковъ риторики вынуждены были являться въ классъ босыми.

4) Въ экономическихъ отчетахъ 1850/51 г. первый разъ упоминается о покупкѣ для казеннокоштныхъ учениковъ ваксы. Куплено 1 п. 5 ф. по 15 к. фунтъ (Арх. сем. 1850/51 г., № 355).

казеннокоштныхъ воспитанниковъ попеременно и возвращалось обратно въ срокъ, не превышающій 12 дней. Баня для бурсаковъ топилась въ зимнее и осеннее время чрезъ двѣ недѣли по субботамъ, въ виду того, что въ эти дни не полагалось послѣобѣденныхъ уроковъ.

Кромѣ пищи и одежды, бурсаки пользовались и казенными письменными принадлежностями. На этотъ предметъ отпускалось въ годъ около 150 р. Деньги эти шли на покупку бумаги, чернилъ и перьевъ [1]).

Въ 1858 г. Залыбедская бурса была закрыта. Разсказываютъ, что въ лѣтнія каникулы этого года зданіе бурсы обрушилось и задавило сторожа. Послѣ этого рѣшено было перестроить его для классовъ Владимірскаго дух. училища. Пользовавшіеся казеннымъ коштомъ сироты и дѣти многосемейныхъ родителей перешли на квартиры и стали получать казенное пособіе. Въ 1862 г. во время ревизіи архим. Саввы пользовалось пособіемъ 183 человѣка. Ежегодные оклады учениковъ простирались отъ 12—48 р. въ годъ [2]). Содержаніе учениковъ на полномъ囗коштѣ началось въ годы, ближайшіе къ реформѣ, по окончаніи постройки общежитнаго корпуса.

Содержаніе дома. На содержаніе семинарскихъ домовъ ассигновалось 1142 р. 80 к. сер. Въ 1856 г. штатная сумма по содержанію дома распредѣлилась въ такомъ видѣ: 1) На плотничьи работы и матеріалы — 450 р. 2) На штукатурку и обѣлку — 100 р. 3) На печныя работы и матеріалы—75 р. 4) На вставку стеколъ— 57 р. 15 к. 5) На полуду мѣдной посуды — 45 р. 6) На устройство новой посуды и мебели—280 р. 7) На 150 саж. дровъ берез. цѣною 2 р. 46 коп. (369 р.), 156 саж. сосновыхъ цѣною 1 р. 73$^3/_4$ к. (275 р. 73 к.) и 34 осиновыхъ по 1 р. 99$^1/_2$ к. саж. (67 р. 83 к.). 8) На чистку трубъ—22 р. 9) На 30 пуд. свѣчъ (цѣною 3 р. 94 к. пудъ) 118 р. 20 к. 10) На плошки—5 р. 11) На жалованье служителямъ—670 р. 12) На мытье половъ —30 р. 13) На набивку 5 погребовъ—20 р. 14) Чистку ретирадовъ—80 р.[3]). 15) На 50 четвертей овса, цѣною 2 р. 88 к. четв., 144 р. 16) На сбрую и экипажъ— 30 р.[4]). 17) На мелкіе расходы—40 р. Всего 2878 р. 91 к.

---

1) Для перьевъ пріобрѣтались, такъ называемыя, писчія крылья. Такое крыло въ 1844 году, напр., стоило 2 коп. за штуку.

2) Арх. св. Синода, 1862 г., № 2056.

3) Сравнительно правильная чистка семинарскихъ ретирадовъ началась въ концѣ 40-хъ годовъ. Въ 1848 году встрѣчаемъ въ семинарскомъ архивѣ особое условіе на отдачу чистки ретирадныхъ мѣстъ. Подрядившійся обязывался производить чистку по третямъ года непремѣнно, а по нуждѣ и чаще.

4) До 1844 г. при семинаріи была лишь одна лошадь. 8 марта 1844 года экономъ семинаріи донесъ, что лошадь, купленная за 200 р. ассигн. въ 1842 г., при очень хорошихъ качествахъ и среднихъ лѣтахъ, начинаетъ терять силу

Вообще, по этой статьѣ, какъ и въ прежній періодъ, семинарская экономія испытывала постоянныя недоимки [1]). Въ нѣкоторые годы дефицитъ по содержанію дома превышалъ 1½ тыс. руб. Нужныя средства для покрытія ежегодныхъ дефицитовъ по этой статьѣ заимствовались изъ вѣнчиковой суммы, хотя эта сумма и предназначалась для другой цѣли. Наконецъ, въ 1850 г. семинарское правленіе, имѣя въ виду въ счетъ вѣнчиковой суммы увеличить оклады, получаемые учениками училищъ, вошло съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ объ усиленіи средствъ, положенныхъ къ отпуску на содержаніе дома. Со второй половины 1851 г., въ силу распоряженія Св. Синода, вызваннаго этимъ ходатайствомъ, на расходы по дому положено было отпускать по 2200 руб. ежегодно [2]) Но недоимки, насколько можно видѣть изъ приведенныхъ выше отчетовъ 1856 г., и послѣ увеличенія ассигновки окончательно не прекратились. Хроническій дефицитъ по этой статьѣ объяснялся плачевнымъ состояніемъ семинарскихъ зданій, которыя семинарское начальство съ трудомъ поддерживало починками въ ожиданіи давно затѣянной постройки большого каменнаго корпуса.

Выше сказано было [3]), что въ 1844 г. семинарское правленіе представило въ Св. Синодъ свой проектъ объ устройствѣ трехъ зданій, разсчитанныхъ на помѣщеніе въ нихъ до 600 воспитанниковъ и нѣкоторыхъ изъ наставниковъ. Эскизы предполагаемыхъ зданій чрезъ нѣкоторое время были возвращены во Владиміръ „для соображенія съ мѣстными обстоятельствами“ и въ 1847 году препровождены снова въ Синодъ. Но наступилъ 1850 г., а дѣлу все еще не дано было движенія. А между тѣмъ деревянный флигель, построенный въ 1831 г. и занятый классами училищъ, при-

---

отъ множества работъ, именно отъ каждодневной доставки провизіи въ немаломъ количествѣ, воды съ Клязьмы въ два отдѣльныя мѣста (за Лыбедь и въ классный корпусъ) и разъѣздовъ въ потребныхъ случаяхъ чиновниковъ семинаріи, такъ что врачебныя пособія дѣлаются для нея недостаточными. Экономъ совѣтуетъ поставить эту лошадь на кормъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сбыть ее выгоднѣе, а на мѣсто ея пріобрѣсти другую. Такимъ образомъ, при семинаріи появилось двѣ лошади. Одна стала употребляться для черныхъ работъ, другая для разъѣзда чиновниковъ семинаріи (Арх. сем. 1844 года, № 87). Для послѣдней цѣли куплена была въ 1847 г. новая пролетка за 150 р. сер., такъ какъ старыя семинарскія дрожки, по отзыву каретника, не стоили платы за починку ихъ. (Арх. сем. 18⁴⁶/₄₇ г., № 262).

[1]) Такъ, въ 1840 г. было передержано 1045 р. 43²/₇ к., 1841 г. — 602 р. 23²/₇ к., 1842 г.—334 р. 7⁶/₇ к., 1843 г.—833 р. 73¼ к., 1844 г.—842 р. 55¼ к., 1845 г. — 1069 р. 83 к., 1846 г. — 1655 р. 25 к., 1847 г.—1671 р. 75 к., 1848 г.— 1776 р. 63½ к., 1849 г.—1670 р. 85 к.

[2]) Арх. сем. 1850 г., № 308.

[3]) См. стр. 33.

шелъ въ такую ветхость, что сталъ грозить паденіемъ и держался только при помощи подпорокъ. Такъ какъ онъ стоялъ въ оврагѣ, куда послѣ дождя стекала вода, то оставлять его въ такомъ же положеніи было рисковано для жизни учащихся. Семинарское начальство, наученное опытомъ, оставляетъ въ сторонѣ на время мысль о грандіозныхъ постройкахъ и вступаетъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на остаточныя бурсачныя суммы, хранившіяся въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, построить пока, вмѣсто деревяннаго флигеля, новый на каменномъ фундаментѣ съ желѣзною кровлею, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, по устроеніи общежитія, обратить это зданіе въ семинарскую больницу. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ $^{10}/_{19}$ дек. 1852 г. разрѣшеніе было дано. Средства для возведенія флигеля, въ количествѣ 4436 р. 50 к., взяли изъ остаточныхъ училищныхъ суммъ, находившихся въ вѣдѣніи семинарскаго правленія. Постройка начата была и закончена въ 1854 г.[1]). Старый деревянный домъ продали съ торговъ за 200 р. 50 к.[2]). Одновременно съ постройкою деревяннаго училищнаго дома шла перестройка каменнаго двухъэтажнаго корпуса, всѣ части котораго, по отзыву Костромскаго епархіальнаго архитектора Попова (производившаго постройки), пришли въ совершенную ветхость. Въ немъ сдѣланъ былъ капитальный ремонтъ внутри и „для большей благовидности“ передѣланъ лицевой фасадъ. Для этой цѣли отпущено было изъ духовно-учебнаго строительнаго капитала 13555 р. сер. Постройки взялъ съ торговъ Платоновъ за 12606 р. 93½ к.; въ сентябрѣ 1855 г. работы по постройкѣ приведены были въ окончаніе.

Между тѣмъ, пока строили флигель и чинили классный корпусъ, данъ былъ ходъ давно начатому дѣлу о постройкѣ общежитія. Именно, въ 1852 г. директоръ Духовно-учебнаго управленія Карасевскій произвелъ осмотръ семинарскихъ зданій и, послѣ совѣщанія съ преосвященнымъ, представилъ отъ себя докладъ въ Св. Синодъ, которымъ всѣ предшествовавшія предположенія о постройкѣ семинарскихъ зданій, какъ несоотвѣтствующія настоящимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе уменьшенія во Владимірской семинаріи числа воспитанниковъ, рекомендовалось оставить, какъ трудноисполнимыя и ненужныя. Соображенія Карасевскаго были утверждены. Положено было ограничиться постройкой на семинарскомъ дворѣ корпуса для помѣщенія 150 воспитанниковъ, ректора, инспектора, эконома, а также столовой, библіотеки и другихъ принадлежностей. Грандіозные планы сведены были къ очень немногому. Подрядъ былъ взятъ тѣмъ же Платоновымъ за 87170

---

[1]) Въ этомъ флигелѣ въ настоящее время помѣщается образцовая школа.
[2]) Арх. сем. $18^{55}/_{56}$ г., № 265.

руб. сер. Въ эту сумму включены были расходы по постройкѣ бани, сарая, ледника, навѣса для дровъ. Въ 1860 году приступили къ работамъ, а въ октябрѣ 1863 г. во вновь устроенномъ домѣ открыто общежитіе. Въ составъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, помѣщенныхъ въ общежитіи, вошло на первыхъ порахъ 145 человѣкъ изъ сиротъ и болѣе нуждающихся.

Въ зданія Залыбедской бурсы, закрытой 1858 г., послѣ ремонта переведены были въ 1861 г. классы духовнаго училища. Съ переходомъ училищъ на семинарскомъ дворѣ освободилось два зданія. Одно—старое каменное, построено было въ 1750 г. Его, по отзыву архитектора, починить и обратить въ жилое помѣщеніе было совершенно невозможно; а между тѣмъ оно безобразило прочія семинарскія зданія. Опредѣленіемъ Св. Синода 2—14 окт. 1863 г. семинарскому правленію разрѣшалось разобрать этотъ вѣковой остатокъ семинарской жизни, бывшій нѣмымъ свидѣтелемъ ея первыхъ проявленій. На опустѣвшемъ мѣстѣ и смежной съ нимъ землѣ положили развести садъ [1]). Другое зданіе, оставшееся въ распоряженіи семинаріи, представляло деревянный на каменномъ фундаментѣ флигель, построенный въ 1854 г. Онъ, согласно опредѣленію Св. Синода, на основаніи котораго допущена была его постройка, послѣ перехода училища за Лыбедь приспособленъ былъ къ помѣщенію семинарской больницы.

Лишь только закончилась постройка трехъэтажнаго корпуса, ректоромъ семинаріи Алексіемъ поднятъ былъ вопросъ о помѣщеніяхъ для наставниковъ, съ тѣмъ, чтобы дать хотя небогатыя квартиры тѣмъ изъ преподавателей, которые получали меньшій въ сравненіи съ другими окладъ. Правленіе семинаріи положило устроить на углахъ съ западной стороны семинарской ограды два каменныхъ флигеля для квартиръ ректора, инспектора, эконома, секретаря и бѣднѣйшихъ изъ преподавателей. Съ переходомъ въ эти зданія начальствующихъ лицъ, предполагалось увеличить количество воспитанниковъ, помѣщающихся въ общежитіи, до 200. Имѣлись въ виду, такимъ образомъ, не только интересы начальствующихъ и учащихъ, но и учащихся. Послѣ огромныхъ затратъ, произведенныхъ Хозяйственнымъ управленіемъ на устройство казеннокоштнаго корпуса, надѣяться на какое-нибудь новое вспомоществованіе, хотя бы самое незначительное, не было никакихъ основаній, и семинарское правленіе, съ разрѣшенія преосв. Ѳеофана, обратилось къ Владимірскому духовенству съ приглашеніемъ оказать посильное содѣйствіе въ постройкѣ проектируе-

---

[1]) Къ разведенію сада при семинаріи приступили еще раньше. Въ маѣ 1857 г. уже куплено было для первоначальнаго заведенія сада 630 липокъ, березокъ и елокъ (Арх. сем. $18^{56}/_{57}$ г., № 286).

маго помѣщенія. Въ 1864 г. собрано было, такимъ образомъ, 1143 руб. 19¾ коп. Да кромѣ того отъ стараго каменнаго зданія осталось до 63 тыс. кирпичей, нѣсколько балокъ, половыхъ досокъ и т. п. Въ виду скудости пожертвованій, рѣшено было производить работы хозяйственнымъ способомъ. Особенную надежду семинарское правленіе возлагало на 1867 г., въ который, вслѣдствіе увеличенія штатовъ, проектировалось сдѣлать сбереженій до 4 тыс. руб. Въ такомъ смыслѣ составлено было представленіе въ Св. Синодъ сперва преосв. Ѳеофаномъ, потомъ, по выходѣ Ѳеофана за штатъ, Антоніемъ. Указомъ отъ 7 дек. 1867 г. Св. Синодъ далъ разрѣшеніе, но только на постройку одного флигеля; о постройкѣ другого флигеля семинарскому правленію предоставлено было право войти съ новымъ ходатайствомъ, когда постройка перваго будетъ окончена.

Но и этому флигелю не суждено было получить то назначеніе, для котораго онъ проектировался. По новому уставу квартиръ секретарю и наставникамъ вовсе не полагалось. Въ 1868 г. временностроительный комитетъ при Владимірской семинаріи получилъ оповѣщеніе отъ высшаго начальства о приспособленіи строющагося зданія подъ помѣщеніе ректора, а также семинарскаго правленія съ архивомъ и канцеляріею. Сумма, нужная для достройки и приспособленія флигеля, въ размѣрѣ 2250 р. сер., была прислана изъ Хозяйственнаго управленія [1]).

Къ году реформы, такимъ образомъ, внѣшній видъ Владимірской семинаріи измѣнился до неузнаваемости. Старый классный корпусъ былъ ремонтированъ. Полуразвалившіяся старыя постройки были снесены, и вмѣсто нихъ красовались три новыхъ зданія. Открылась возможность архіерейскіе дома передать въ ихъ прежнее владѣніе. Разрозненныя части семинаріи соединились въ одно. Видимымъ знакомъ этого единства явилась ограда, съ лицевой стороны каменная, съ двумя воротами и желѣзными рѣшетками, а съ задней и боковыхъ—деревянная. Къ 1863 г., по выраженію журнала семинарскаго правленія, „около семинарской земли во многихъ мѣстахъ ограды вовсе не имѣлось, а гдѣ оная и имѣлась, матеріалъ ея, кромѣ дровъ, по крайней своей ветхости, никуда не годился“. Первоначально директоромъ Духовно-учебнаго управленія положено было, вмѣсто каменной ограды по лицевой сторонѣ, о чемъ ходатайствовало семинарское правленіе, устроить, для сокращенія издержекъ, деревянную. Но семинарское начальство послало второе ходатайство, въ которомъ указывало много соображеній въ пользу каменной ограды и въ числѣ ихъ, между прочимъ, то, что „стоя на Большой Нижегородской

[1]) Кромѣ того 400 р. было прислано на нѣкоторыя дополнительныя работы и меблировку.

улицѣ, по которой проѣзжаютъ часто Высочайшія особы, деревянная ограда будетъ только безобразить вновь устроенныя семинарскія зданія, а по непрочности деревяннаго матеріала будетъ требовать постоянныхъ поправокъ и окраски по отношеніямъ городской полиціи; а такихъ требованій, при скудости ассигнуемой на содержаніе семинарскихъ зданій суммы, семинарское правленіе не въ состояніи будетъ выполнить" [1]). Послѣ такого представленія постройка ограды по плану, намѣченному правленіемъ, была разрѣшена. Ограда строилась въ теченіе 1864 года (Платоновымъ) и обошлась 13300 руб.[2]).

Больница. На содержаніе семинарской больницы отпускалось по счету на серебро 228 р. 50 к. Изъ нихъ 50—100 р. тратились ежегодно на медикаменты [3]), а остальныя деньги шли на пищу больнымъ, больничной прислугѣ и подлѣкарямъ [4]). Недочеты по содержанію больницы восполнялись изъ остаточныхъ средствъ по содержанію бурсаковъ [5]). А они случались очень часто, такъ какъ на одинъ бѣлый хлѣбъ для больныхъ выходило въ годъ до 90 р. — Съ 1843 г. подлѣкарь изъ учениковъ замѣненъ былъ постояннымъ фельдшеромъ. Семинарскій врачъ Митрофанъ Алякринскій особымъ докладомъ семинарскому правленію выяснилъ тѣ неудобства, какія соединены съ исправленіемъ подлѣкарской должности учениками, учебныя занятія которыхъ не давали имъ возможности всецѣло отдаться больницѣ. Указывая на то, что семинарскіе служители по свойственной имъ тупости и лѣности не могутъ быть тоже приспособлены къ означенной цѣли, Алякринскій предлагалъ правленію искать спеціальныхъ средствъ къ учрежденію при семинаріи постояннаго фельдшера. Св. Синодъ не призналъ возможнымъ учредить при Владимірской семинаріи должность штатнаго фельдшера, но тѣмъ не менѣе позволилъ нанять въ помощь

---

1) Арх. сем. $18^{53}/_{64}$ г.

2) Сообщенныя выше свѣдѣнія о постройкѣ семинарскихъ зданій заимствованы изъ дѣлъ семинарскаго архива „О постройкѣ семинарскихъ зданій 1852—1857 г".

3) Медикаментовъ покупалось немного. Лѣкарства изготовлялись большею частію изъ травъ, собираемыхъ семинаристами во время спеціально устроявшихся для этой цѣли экскурсій.

4) Въ 1856 г. издержано было, напр., на лѣкарства 75 р., на піявки—15 р., на воскъ—18 р. 40 к., на аптекарскую посуду—7 р., на свѣчи и пищу—392 р. 83¾ коп.

5) Въ счетъ этихъ же (бурсачныхъ) средствъ погребались умершіе ученики. Опредѣленіемъ Синода отъ 1842 г. апрѣля 3 дня велѣно было издержки по погребенію учениковъ ограничивать 4 р. 50 к., которыя требовать отъ родителей умершаго; въ случаѣ, если родители откажутся по несостоятельности, принимать этотъ экстренный расходъ на казенный счетъ. Арх. сем. 1842 г., № 92.

врачу лѣкарскаго помощника или опытнаго фельдшера съ платою ему изъ остаточныхъ семинарскихъ суммъ до 71 р. 50 к. въ годъ (жалованье письмоводителя). По рекомендаціи Алякринскаго, фельдшеромъ при больницѣ сдѣланъ былъ Ѳеодоръ Сапоровскій, остававшійся при семинарской больницѣ еще съ 1839 г. Въ вознагражденіе за труды ему опредѣлено было выдавать по 60 руб. въ годъ [1]). Въ 1848 г. во время холеры во Владимірской семинаріи видимъ двухъ подлѣкарей. Кромѣ Сапоровскаго, эту должность исправлялъ окончившій курсъ Ив. Виноградовъ. По окончаніи холеры, Алякринскій далъ самые лестные отзывы о дѣятельности семинарскихъ подлѣкарей. „Въ то время когда даже родные и близкіе, писалъ онъ, боялись приблизиться къ больному, Сапоровскій и Виноградовъ, забывая о собственной опасности, по первому призыву тотчасъ же являлись къ больному и днемъ, и ночью и подавали пособіе съ неутомимою дѣятельностію, такъ что весьма многіе изъ больныхъ спасеніемъ своей жизни обязаны единственно ихъ неусыпному старанію и искусной помощи". Въ этомъ духѣ послано было представленіе Алякринскимъ во Владимірскій холерный комитетъ, и семинарскимъ подлѣкарямъ выдали по 50 к. суточныхъ [2]).

Учрежденіемъ должности подлѣкарей, кажется, исчерпываются всѣ тѣ улучшенія, которыя сдѣланы были семинарскимъ начальствомъ въ области его попеченій о здоровьѣ семинаристовъ. Да больше, собственно говоря, и трудно было сдѣлать. Недостаточность штатной суммы, недовѣріе, которое питали тогда вообще къ медицинѣ, обезоруживали и сравнительно энергичнаго Алякринскаго, заставляя его довольствоваться тѣмъ немногимъ, что было. Неудивительно, что въ больницѣ по прежнему считалось всего 24 кровати, несмотря на огромное количество учащихся и на то, что въ больницу принимались, кромѣ учениковъ, и лица, не принадлежащія къ наличному составу учащихся (по особымъ прошеніямъ, подаваемымъ владыкѣ, и съ обязательствомъ заплатить за лѣкарства и содержаніе). Появленіе эпидемическихъ болѣзней при такихъ условіяхъ являлось тяжелымъ бичемъ для семинаріи и вызывало рядъ экстренныхъ мѣръ, въ родѣ открытія временныхъ отдѣленій больницы, скорѣйшаго отпуска учениковъ по домамъ (напр. въ $18^{30}/_{31}$ г.). Самымъ тяжелымъ годомъ въ этомъ отношеніи былъ 1848 г. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1848 г. холерная эпидемія, появившаяся до этого времени въ разныхъ мѣстахъ губерніи, открылась и во Владимірѣ. Семинарское начальство, не дожидаясь каникулъ, распорядилось отпустить воспитанниковъ, снабдивъ казеннокошт-

---

1) Арх. сем. 1843 г., № 112.
2) Арх. сем. $18^{18}/_{49}$ г., № 200.

ныхъ прогонами въ размѣрѣ 50 к. сер. на каждаго, а получающихъ жалованіе деньгами, слѣдуемыми имъ за мѣсяцъ іюнь. 1 сент. занятія снова открылись. Въ учебное время, ни до отпуска учениковъ въ дома, ни послѣ сбора во Владиміръ, ни одинъ изъ нихъ не умеръ отъ холеры [1]).

Библіотека. Разсматриваемый періодъ, какъ и предшествовавшій, начался провѣркою и упорядоченіемъ семинарскихъ библіотекъ. Предписаніемъ академическаго правленія отъ 15 января 1840 г. велѣно было старый каталогъ замѣнить новымъ. Трудъ по повѣркѣ библіотеки и составленію каталога возложенъ былъ на библіотекаря Ив. Солярскаго, который и закончилъ работы въ 1847 году [2]). Утраченныя книги и совершенно ветхія исключили изъ новосоставленнаго каталога [3]). Въ число исключенныхъ вошло 192 названія тѣхъ дубликатовъ, которые, въ силу распоряженія Св. Синода отъ 1844 г., отосланы были для образованія библіотеки въ новоучрежденную Симбирскую семинарію [4]) Въ послѣдующее время исключеніе книгъ ветхихъ, сдѣлавшихся негодными къ употребленію, производилось по представленіямъ наставниковъ, ревизовавшихъ семинарскую библіотеку, съ особаго каждый разъ разрѣшенія высшей власти [5]). Книги, утраченныя кѣмъ-нибудь изъ наставниковъ или учениковъ, замѣнялись другими, при чемъ имѣлась въ виду денежная равноцѣнность экземпляровъ, принимаемыхъ въ уплату, а не соотвѣтствіе содержанія [6]). Крупную потерю понесла фундаментальная библіотека въ 1861 г. 29 мая этого года невдалекѣ отъ зданій, гдѣ помѣщалась библіотека, произошелъ пожаръ. Началось спѣшное перенесеніе книгъ изъ библіотечнаго помѣщенія въ одну изъ ямъ, находившихся вблизи монастыря. Естественно, что книги приведены были въ полнѣйшій безпорядокъ. Нумерованныя наклейки были сорваны и утрачены. Много книгъ похищено, не мало повреждено; особенно много пропало раскольничьихъ книгъ. Увѣдомили о случившемся градскую

---

[1]) Арх. сем. $18^{47}/_{48}$ г., № 221.

[2]) Арх. сем. $18^{46}/_{47}$ г., № 241.

[3]) Исключены были, напр., 41 гравюра католическаго характера; въ числѣ этихъ гравюръ находились: Coronatio Matris Dei, изображеніе съ надписью Factus est cor meum tanquam cera liquescens (Арх. сем. $18^{44}/_{45}$ г., № 46).

[4]) Арх. сем. 1844 г., № 81.

[5]) Такая ревизія происходила ежегодно.

[6]) Напр. въ 1860 г. разрѣшено было академическимъ правленіемъ принять отъ А. Н. Яковлевскаго. вмѣсто затерянныхъ имъ—Сокращенная всеобщая исторія Сюра 1820 г., Притчи и повѣсти Круммахера, Первые четыре вѣка христіанства Муравьева,—слѣдующія: Словарь бывшихъ писателей духовнаго чина греко-россійской церкви, логику Шада на латинскомъ языкѣ и стихотворенія Боало на французскомъ языкѣ (Арх. сем. $18^{59}/_{60}$ г., № 151).

полицію и просили наблюдать, не будетъ-ли продаваться на рынкѣ, или не откроется-ли у кого-нибудь изъ раскольниковъ книга, отмѣченная въ числѣ утраченныхъ; но поиски оказались безуспѣшными. Найдены были только нѣкоторыя и то менѣе цѣнныя книги. Для приведенія библіотеки въ прежній порядокъ потребовалось учреждать цѣлую коммиссію. Утраченныя книги исключили изъ каталога [1]). Въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода фундаментальная библіотека испытала еще одно передвиженіе, именно перенесена была изъ архіерейскаго дома, гдѣ она помѣщалась въ сыромъ и холодномъ мѣстѣ, въ новоустроенный семинарскій корпусъ.

Восполненіе фундаментальной библіотеки совершалось частію путемъ пожертвованій, но главнымъ образомъ посредствомъ пріобрѣтенія. Пожертвованій было немного. Въ 1850 году нѣсколько книгъ пожертвовалъ преосвященный Пароеній [2]). Въ 1851 г. три латинскія книги присланы священникомъ Ковровскаго собора Алексѣемъ Радугинымъ [3]); въ 1857 г. 26 книгъ изданія Оптиной пустыни настоятелемъ этой пустыни [4]). Въ 1865 г. четыре названія пожертвовалъ профессоръ Н. Флоринскій [5]) и т. д. Въ 1863 году консисторіи передана слѣдованная псалтирь. Псалтирь эта, отобранная у содержавшагося въ Вязниковской тюрьмѣ раскольника Еѳ. Мих. Старовѣрова, была напечатана въ частной типографіи и содержала „неправильное ученіе о сложеніи перстовъ и на 226 л. къ книгѣ пророка Исаіи прибавленіе, вымышленное раскольниками". Консисторія опредѣлила отослать ее въ семинарскую библіотеку для употребленія въ миссіонерскихъ классахъ [6]).

Но главнымъ образомъ фундаментальная библіотека пополнялась въ счетъ штатныхъ средствъ. Штатная сумма, положенная на библіотеку, послѣ 1840 г. опредѣлилась на серебро цифрою 114 р. 20 к. въ годъ. Сумма эта, понятно, была невелика. Но семинарское начальство расходовало ее съ такою осмотрительностію, что въ нѣкоторые годы получались солидные (соотвѣтственно смѣтной ассигновкѣ) остатки [7]). Въ счетъ ассигнуемыхъ денегъ нѣкоторыя книги выписывались въ силу распоряженія Духовно-учебнаго управленія, а другія по собственной инниціативѣ семинарскаго начальства. Пріобрѣтеніе книгъ по распоряженіямъ Ду-

---

1) Арх. сем. 18$^{61}/_{62}$ г., № 123.

2) Арх. сем. 18$^{49}/_{50}$ г., № 171.

3) Арх. сем. 18$^{51}/_{52}$ г., № 171.

4) Арх. сем. 18$^{56}/_{57}$ г., № 217.

5) Арх. сем. 18$^{64}/_{65}$ г., № 78.

6) Арх. сем. 18$^{62}/_{63}$ г., № 82.

7) Къ 1856 г., напр., считалось въ остаткѣ по библіотечной статьѣ 130 р. 14$^{3}/_{4}$ коп.

ховно-учебнаго управленія значительно стѣсняло самодѣятельность семинарскихъ властей и заставляло ихъ ограничивать выписку книгъ, въ которыхъ чувствовалась нужда въ данный моментъ, до минимума [1]). Имѣя въ виду это, Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 8—25 іюля 1860 г. положилъ „прекратить пріобрѣтеніе по распоряженію Духовно-учебнаго управленія книгъ для библіотекъ дух. академій и семинарій въ счетъ библіотечныхъ суммъ, кромѣ книгъ, вводимыхъ, какъ учебныя руководства, и предоставить на будущее время правленіямъ сихъ заведеній самимъ пріобрѣтать, сообразно съ мѣстными средствами, книги для своихъ библіотекъ по непосредственному ихъ усмотрѣнію“ [2]). Выписка книгъ по собственной иниціативѣ семинарскаго правленія производилась такъ. Въ началѣ года, по рекомендаціи наставниковъ, составлялся ректоромъ реестръ предназначенныхъ къ выпискѣ книгъ. Реестръ представлялся затѣмъ на усмотрѣніе архіерея. Бывали случаи, что архіерей нѣкоторыя изъ книгъ, означенныхъ въ реестрѣ, не позволялъ выписывать [3]); но обычно онъ изъявлялъ свое согласіе,—послѣ чего книги пріобрѣтались. Правленіе выписывало книги не только на русскомъ и древнеклассическихъ языкахъ, но и на новыхъ, съ которыми были основательно знакомы многіе изъ преподавателей и которыми пользовались для своихъ лекцій [4]).

Въ 1862 г., во время ревизіи Владимірской семинаріи Саввою, фундаментальная библіотека заключала въ себѣ до 6000 томовъ [5]).

Къ той же фундаментальной библіотекѣ, какъ часть ея, относилась библіотека продажная. Послѣдняя подраздѣлялась на слѣ-

---

[1]) Въ 1856 г., напр., по распоряженію Духовно-учебнаго управленія выписано было книгъ на 75 р. 20 к. Для выписки книгъ по собственной иниціативѣ осталось, такимъ образомъ, всего 30 руб., причемъ часть этихъ денегъ должна была пойти въ уплату за переплетъ. Изъ Духовно-учебнаго управленія наиболѣе высылалось книгъ сельско-хозяйственнаго, медицинскаго и математическаго содержанія, согласно общему направленію реформы 1840 г.

[2]) Арх. сем. 1860/61 г., № 170.

[3]) Въ 1851 г., напр., Іустинъ сдѣлалъ отмѣтку „не выписывать“ противъ слѣдующей книги: „Мнемоника по методу Ревентлова для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ исторіи, статистикѣ, законовѣдѣніи, химіи и другихъ наукахъ“ 1849 г. С.-Пб.

[4]) Кромѣ отдѣльныхъ изданій, въ фундаментальную библіотеку выписывались духовные журналы. Изъ свѣтскихъ газетъ Владимірская семинарія въ 1852 году, по особому предложенію ректора Евѳимія, который заявилъ, что „для семинаріи, какъ и для всякаго заведенія, было бы полезно выписывать какія-нибудь публичныя вѣдомости, дабы слѣдить за ходомъ просвѣщенія въ образованномъ мірѣ, знать распоряженія правительства въ отечествѣ по разнымъ отраслямъ управленія и не быть въ неизвѣстности относительно событій политическихъ“, стала выписывать „Московскія Вѣдомости“. (Арх. сем. 1851/52 г., № 174).

[5]) Арх. Св. Синода 1862 г., № 2056.

дующіе отдѣлы: 1) библіотека книгъ, выписываемыхъ изъ Духовно-учебнаго управленія въ запасъ Владимірскаго семинарскаго правленія; 2) биб. книгъ, принадлежащихъ запасной семинарской библіотекѣ; 3)—книгъ для безмездной раздачи ученикамъ и 4) книгъ, высланныхъ отъ бывшей Коммиссіи дух. училищъ. Нѣкоторое представленіе о величинѣ продажной семинарской библіотеки можно составить по слѣдующимъ цифрамъ. Къ 1850 году книгъ перваго разряда осталось при семинаріи и низшихъ училищахъ 802 экз. на 475 руб. 52½ коп. Въ 1850 г. выслано изъ книгохранилищъ Духовно-учебнаго управленія и Московской синодальной типографіи 320 экз. на сумму 92 руб. 85 коп. Изъ этого числа въ 1850 г. продано 290 экз. на сумму 105 р. 92 к.[1]). Къ 1851 г. осталось 832 экз. на сумму 462 р. 45½ к. Книгъ 2 разряда къ 1850 г. оставалось 298 экз. на 300 р. 5 к. Изъ сего числа проданъ одинъ экземпляръ за 3 руб. 14¼ к. Осталось къ 1851 году 297 экз. на 296 р. 90¾ к. Книгъ 3 разряда къ 1850 г. состояло на лицо 3741 экз. Въ 1850 г. роздано 1622 экз.[2]). Продажа книгъ, высланныхъ бывшей Коммиссіей дух. училищъ, шла слишкомъ туго[3]). Библіотека эта состояла большею частью изъ руководствъ, давно вышедшихъ изъ употребленія. Въ 1846 г. Духовно-учебное управленіе разрѣшило продавать эти книги по существовавшей въ 1846 г. на нихъ цѣнѣ, которая была значительно ниже назначенной въ прежнее время[4]). Въ концѣ 50-хъ г.г. аналогичная участь постигла и нѣкоторыя руководства, выписанныя въ запасъ изъ хранилищъ Духовно-учебнаго управленія. Св. Синодъ въ 1858 г. разрѣшилъ семинарскому правленію перечислить ихъ въ безмездную библіотеку для раздачи неимущимъ ученикамъ[5]). Окончательно вопросъ о книгахъ продажной библіотеки, вышедшихъ изъ употребленія, рѣшенъ былъ въ 1860 г. Въ одномъ изъ указовъ (⁵/₁₇ авг.) Св. Синода всѣ книги, вышедшія изъ классическаго употребленія и хранящіяся въ семинарскихъ учебныхъ библіотекахъ, раздѣлены были на 3 разряда. 1) Тѣ, которыя еще

---

[1]) Деньги, вырученныя отъ продажи, поступали въ восполненіе остаточныхъ семинарскихъ суммъ, изъ которыхъ были заимствованы.

[2]) Росписки учениковъ въ полученіи книгъ третьяго разряда представлялись академическому правленію. Въ 1861 г. правило это было отмѣнено. Книга „Грамата царская и грамата вселенскихъ патріарховъ объ учрежденіи Святѣйшаго Всероссійскаго Синода съ изложеніемъ Православнаго исповѣданія Восточной Каѳолической Церкви“ выдавалась всѣмъ ученикамъ высшаго отдѣленія безмездно.

[3]) Въ 1845 г., напр., было продано изъ этой библіотеки всего лишь два часослова. (Арх. сем. 18⁴⁵/₄₆ г., № 128).

[4]) Арх. сем. 18⁴⁵/₄₆ г., опред. отъ 31 дек. 1845 г.

[5]) Арх. сем. 18⁵⁶/₅₇ г., № 189.

могутъ быть употребляемы при преподаваніи въ настоящее время; ихъ велѣно было раздать бѣднымъ ученикамъ училищъ и семинаріи. 2) Совершенно вышедшія изъ классическаго употребленія; ихъ положено раздавать въ награду лучшимъ ученикамъ при годичныхъ испытаніяхъ. 3) Книги, которыя хотя не относятся къ учебнымъ руководствамъ, но могутъ быть полезнымъ пособіемъ для наставниковъ или служить для чтенія воспитанниковъ; ихъ велѣно перечислить въ фундаментальную библіотеку [1]. Съ точки зрѣнія приведеннаго циркуляра легко объясняется то нѣсколько странное для питомцевъ 60-хъ г.г. явленіе, когда имъ въ награду за успѣхи дарили какія-то антикварныя, полуистлѣвшія изданія, облекши ихъ предварительно въ приличные и новенькіе переплеты.

Для учениковъ фундаментальная библіотека оставалась попрежнему мало доступна. Со стороны высшаго начальства, впрочемъ, принимались нѣкоторыя мѣры къ открытію болѣе свободнаго доступа учащихся къ пользованію ея богатствами. Такъ, въ 1854 г. Св. Синодъ постановилъ выдавать ученикамъ изъ семинарскихъ библіотекъ книги дважды или трижды въ недѣлю, назначивъ для такой выдачи постоянные дни и часы. Во Владимірской семинаріи, въ силу этого распоряженія, назначено было время для выдачи ученикамъ книгъ отъ 2—4 часовъ въ четвергъ и субботу. Но мѣра эта осталась безъ должнаго вліянія. Значеніе ея было ослаблено тѣмъ, что отъ учениковъ, желавшихъ получить какую-нибудь книгу изъ фундаментальной библіотеки, требовалась особая записка съ засвидѣтельствованіемъ наставника, что данная книга, дѣйствительно, для него полезна, при чемъ наставникъ обязывался слѣдить за чтеніемъ ученикомъ рекомендованной книги и контролировать его [2]. Указанная мѣра имѣла въ виду создать нѣкоторый контроль въ области пользованія ученикомъ книгами фундаментальной библіотеки, но вмѣстѣ съ тѣмъ она служила сильнымъ тормазомъ къ тому, чтобы это пользованіе пріобрѣло широкій характеръ. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія можно было найти только въ правильной организаціи такой библіотеки, книгами которой ученикъ имѣлъ бы возможность свободно пользоваться безъ особыхъ на то всякій разъ рекомендацій и безъ особаго контроля. Такою и явилась ученическая библіотека, для устройства и пополненія которой въ разсматриваемое время сдѣлано было сравнительно не мало.

Ученическая библіотека открылась во Владимірской семинаріи въ 1848 г. въ силу предписанія академическаго правленія отъ

---

1) Арх. сем. 1860/61 г., № 167.
2) Арх. сем. 1853/54 г., № 215.

9 дек. 1847 г.[1]). Ко дню открытія ученической библіотеки составъ ея книгъ достигалъ 450 экз., при наличности капитала въ 7 руб. 30 коп. сер. И то, и другое собрано было путемъ доброхотныхъ пожертвованій, главнымъ образомъ со стороны наставниковъ[2]). Всѣ книги записаны были въ библіотечный каталогъ, распредѣлены по классамъ и отданы ученикамъ для употребленія[3]). Въ особыхъ правилахъ, составленныхъ ректоромъ Евѳиміемъ, предполагалось дальнѣйшее существованіе ученической библіотеки организовать и обезпечить на такихъ началахъ. Каждый изъ учениковъ 3 раза въ годъ, послѣ явки съ каникулъ, долженъ былъ внести на увеличеніе книгъ ученической библіотеки не менѣе 15 к. сер. Деньги эти вручались особымъ библіотекарямъ, утвержденнымъ ректоромъ. На первыхъ порахъ такихъ библіотекарей было по 2 на классъ, слѣдовательно, по 6 на отдѣленіе. Библіотекарь вписывалъ пожертвованія въ особую тетрадь на приходъ[4]) и свѣдѣнія о пожертвованіяхъ представлялъ ректору. Ректоръ, имѣя въ виду общее количество денегъ, собранныхъ классомъ, выписывалъ для этого класса книги, сообразно съ его нуждами и средствами, и разрѣшалъ дѣлать другіе расходы. Однажды въ теченіе курса (2 года) ректоръ кромѣ того приглашалъ письменно къ пожертвованіямъ и наставниковъ. Книги помѣщались въ особыхъ шкафахъ, устроенныхъ на счетъ учениковъ[5]). Шкафы стояли въ классахъ. Пользоваться книгами ученической библіотеки имѣли право всѣ участвовавшіе въ пожертвованіяхъ на составленіе ея. Взятыя книги ученики не должны были держать у себя, согласно

---

[1]) Въ 1847 г. ректоръ Московской дух. академіи Алексій, обозрѣвая Рязанскую семинарію, нашелъ тамъ, сверхъ семинарской библіотеки, собственную ученическую, составленную повременно на средства учениковъ. Ревизоръ одобрилъ это нововведеніе и затѣмъ чрезъ академическое правленіе рекомендовалъ другимъ семинаріямъ завести у себя такія же библіотеки.

[2]) Митрофанъ Алякринскій, напр., пожертвовалъ 8 названій религіозно-нравственнаго содержанія, 39—медицинскаго, 3 разнаго и 6 періодическихъ изданій.

[3]) Арх. сем. $18^{47}/_{48}$ г., № 86.

[4]) Въ этой же тетради велся и расходъ означенныхъ денегъ на покупку и переплетъ книгъ. Кромѣ ея, въ распоряженіи библіотекаря было еще двѣ тетради: одна для собственноручнаго вписыванія учениками жертвуемыхъ денегъ, а другая для собственноручныхъ же росписокъ въ полученіи отъ библіотекаря книгъ для чтенія.

[5]) Въ 1857 г. старые шкафы, устроенные при учрежденіи ученической библіотеки, были проданы Владимірскому дух. училищу. Для семинарской библіотеки заказали новые шкафы на сумму 120 руб. Недостающія деньги заимствовали изъ статьи по содержанію учениковъ въ виду того, что сумма, собираемая съ учениковъ семинаріи доброхотно, была „едва достаточна и для уплаты за выписку и переплетъ книгъ, ежегодно пріобрѣтаемыхъ“. (Арх. сем. $18^{56}/_{57}$ г., докладъ отъ 4 марта).

инструкціи, болѣе трехъ сутокъ. Въ концѣ года ученическая библіотека свидѣтельствовалась кѣмъ-нибудь изъ наставниковъ [1]).

Ученическая библіотека, естественно, должна была получить первостепенное значеніе въ дѣлѣ развитія учащихся. Но въ разсматриваемый періодъ она находилась лишь въ процессѣ образованія, который не могъ совершиться скоро и легко. Какъ скудно обезпечены были ученики въ матеріальномъ отношеніи, мы уже видѣли. 15 коп. сер. въ ихъ бюджетѣ составляло величину не малоцѣнную. Хотя въ правилахъ, касающихся ученической библіотеки, и говорилось, что „пожертвованіе ученикомъ большаго количества денегъ (+15 коп.) будетъ приниматься семинарскимъ начальствомъ за знакъ особенной ревности и къ собственному образованію, и къ общему благу сотоварищей" (прим. къ п. 4), но на практикѣ начальству едва-ли приходилось часто утѣшаться ревностью, обнаруженной въ этой именно формѣ.

Въ концѣ 50-хъ г.г. и 15 копѣечные сборы стали вноситься въ высшей степени неисправно. Вызвано это было нѣкоторыми преобразованіями, произведенными въ порядкѣ пользованія книгами ученической библіотеки. Именно, въ 1857 году всѣ шкафы ученической библіотеки, по распоряженію ректора Леонтія, снесены были въ одну комнату. Семинарское начальство имѣло въ виду при этомъ дать возможность каждому ученику во всякое время пользоваться не только тѣми книгами, которыя имѣлись въ одномъ его классѣ, но и всѣми, какія только были въ библіотечныхъ шкафахъ. Сборъ съ учениковъ не былъ возвышенъ; но завѣдываніе библіотекою ввѣрено было одному изъ наставниковъ, который самъ собиралъ съ учениковъ деньги, выписывалъ книги, выдавалъ ихъ ученикамъ и велъ приходо-расходныя библіотечныя записи. На практикѣ новые порядки оказались хуже старыхъ. Наставнику-библіотекарю, занимавшемуся безвозмездно, было обременительно выдавать книги каждый день, поэтому онъ обыкновенно сталъ открывать библіотеку раза 2 въ недѣлю. Получателей сходилось такъ много, что у библіотекаря недоставало времени одѣлить всѣхъ книгами. Многіе уходили съ тѣмъ же, съ чѣмъ приходили. Затѣмъ, ученики высшихъ отдѣленій, естественно, стали пользоваться преимуществомъ при полученіи изъ библіотеки книгъ предъ учениками низшихъ классовъ; имъ доставалось и больше книгъ и сравнительно лучшія по содержанію. Слѣдствіемъ такихъ порядковъ было то, что ученики, которымъ по какимъ-либо причинамъ доставалось мало книгъ, перестали вносить опредѣленную плату. Понужденія начальства, если и достигали цѣли, то возбуждали въ ученикахъ ропотъ. А безъ понужденій сборъ

---

[1]) См. подробнѣе арх. сем. $18^{47}/_{48}$ г., № 82.

давалъ цифру, стоящую далеко ниже нормы. Такъ, въ 1860 году сборъ примѣрно съ 500 учениковъ простирался только до 148 р. (вмѣсто 225 р.); въ 1861 году годовой сборъ составилъ сумму въ 118 р. 56 к.; въ 1862 г.—90 р. 95 к. Тогда для предотвращенія опасности полнаго упадка ученической библіотеки рѣшено было въ видѣ опыта обратиться къ прежнему раздѣленію библіотеки по классамъ. Въ 1861 году выдѣлено было изъ общей библіотеки соразмѣрное по разсчету количество книгъ для учениковъ одного класса низшаго отд., а въ слѣдующіе года произошло дальнѣйшее дѣленіе.—О количествѣ книгъ, составлявшихъ ученическую библіотеку, можно судить по тому, что въ шкафахъ упомянутаго выше класса низшаго отд. въ 1863 г. считалось до 200 названій и почти до 300 томовъ. Между ними были: Слова и рѣчи преосв. Филарета (3 т.), сочиненія преосв. Иннокентія (5 т.), поученія Родіона Путятина (1 т.), журналъ Духовная Бесѣда (11 т.), житія святыхъ росс. церкви (4 т.), Училище благочестія (6 т.), исторія Шлоссера (7 т.), ист. Вебера (7 т.), разсказы изъ исторіи Англіи Маколея (2 т.), всемірная исторія Беккера (7 т.), Лоренца (3 т.), сочиненія Аксакова (5 т.), Гончарова—Фрегатъ Паллада (2 т.), Шекспира (3 т.), Фонъ-Визина (3 т.), Карамзина (3 т.), Державина (2 т.), Путешествіе Муравьева (5 т.), Библіотека для воспитанія и др. [1]).

Смѣтная ассигновка на *канцелярію* ограничивалась 71 руб. 40 коп. сер. Въ счетъ этихъ средствъ переплетались дѣла, пріобрѣталась бумага, перья, сургучъ, бланки, холстъ для тюковъ и пр.

Изъ всего сказаннаго легко видѣть, что матеріальный бытъ и наставниковъ Владимірской семинаріи, и питомцевъ ея становился все болѣе и болѣе неприглядньмъ по мѣрѣ приближенія къ годамъ реформы 1867—1869 г. Жизнь двинулась впередъ; создалось много новыхъ потребностей и запросовъ, а источники содержанія оставались тѣми же, даже значительно меньшими въ сравненіи съ 30-ми годами, такъ какъ деньги потеряли свою прежнюю цѣну. Годы, ближайшіе къ реформѣ, были особенно тяжелы. Высшая духовная власть изыскивала всѣ мѣры, чтобы уравновѣсить колеблющійся семинарскій бюджетъ. Одною изъ такихъ палліативныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ силу распоряженія Св. Синода, было учрежденіе при семинаріи должности почетнаго блюстителя по

[1]) Подробнѣе объ ученич. библ. Влад. семинаріи см. Православное Обозрѣніе 1863 г., май, стр. 42—44.

хозяйственной части [1]) Главная обязанность почетнаго блюстителя заключалась въ томъ, чтобы „содѣйствовать училищному начальству къ устройству хозяйственной части, способствуя сему единовременными и постоянными денежными и другими приношеніями", что обѣщалось вмѣнить ему въ особую заслугу. „Почетный блюститель имѣлъ право и обязанность посѣщать заведенія, особенно въ неучебные часы, присутствовать при столѣ воспитанниковъ, входить въ ихъ нужды по содержанію не только пищею, но и одеждою, осматривать жилыя комнаты, больницу, библіотеку, кухню и др. хозяйственныя мѣста". „Посѣщая зданія, почетный блюститель, говорилось въ Высочайшемъ указѣ объ учрежденіи должности блюстителей въ семинаріи, хотя и не дѣлаетъ самъ собою въ оныхъ никакихъ распоряженій, но имѣетъ право, замѣтивъ упущенія и безпорядки по хозяйственной части, обращать на нихъ вниманіе училищнаго начальства, а въ случаяхъ важныхъ представлять объ этомъ епархіальному преосвященному (пп. 5. 6). Почетнымъ блюстителямъ позволено было носить мундиръ VIII класса.

Синодальный указъ объ избраніи для семинаріи почетнаго блюстителя изданъ былъ 19 мая 1859 г., а 8 февраля 1861 г. на эту должность избрали во Владимірѣ 2-й гильдіи купца степеннаго гражданина Ивана Сергѣевича Лосева, состоявшаго бургомистромъ Владимірскаго городоваго магистрата и старостою при Николаевской градской церкви [2]).

Изъ приведеннаго выше указа достаточно ясно можно видѣть, что почетному блюстителю при семинаріи назначена была не столько ревизорская и начальническая роль, сколько роль благотворителя. Самое дозволеніе, данное ему, посѣщать семинарскія зданія, присутствовать на экономическихъ собраніяхъ имѣло въ виду обратить его вниманіе на существующіе недочеты экономической жизни семинаріи и побудить его прійти съ посильною помощью.—Первый почетный блюститель Владимірской семинаріи на первыхъ порахъ слабо уяснилъ себѣ свою роль; да и семи-

---

[1]) Поводомъ къ этому распоряженію послужило, какъ видно изъ отчета оберъ-прокурора за 1858 г., посѣщеніе императоромъ въ 1858 г. Нижегородской семинаріи. См. Исторія Спб. дух. семинаріи, стр. 337, прим.

[2]) Избранію Лосева предшествовали многочисленныя справки, касающіяся кандидатовъ на эту должность. Относительно Лосева городская дума заявила, что къ избранію его почетнымъ блюстителемъ препятствій не имѣется, хотя, добавила, въ настоящее время и производится дознаніе губернскимъ правленіемъ о неприличныхъ поступкахъ Лосева въ нетрезвомъ видѣ при производствѣ городскихъ выборовъ на общественныя должности. Слѣдствіе окончилось лишь замѣчаніемъ, сдѣланнымъ Лосеву административнымъ порядкомъ. Послѣ этого Лосевъ безъ всякихъ затрудненій утвержденъ былъ почетнымъ блюстителемъ семинаріи. Арх. сем. $18^{60}/_{61}$ г., № 181.

нарское начальство отнеслось съ недостаточнымъ вниманіемъ къ правамъ и полномочіямъ блюстителя.

„Состоя въ означенной должности съ 8 февраля 1861 года, писалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Лосевъ, я ни однажды не былъ приглашенъ въ присутствіе правленія семинаріи на тотъ конецъ, чтобы подать въ какомъ-нибудь дѣлѣ свой голосъ. Между тѣмъ имѣю отъ градской полиціи свѣдѣніе, что семинарское правленіе нерѣдко обращается въ оную со своими просьбами о приглашеніи желающихъ принять на себя разныя починки и работы въ семинаріи. Такое отношеніе правленія семинаріи нисколько не поощряетъ меня къ тому, чтобы я заботился объ улучшеніи и входилъ въ нужды оной, но напротивъ, отдаляя меня отъ себя, отнимаетъ у меня всю ревность къ жертвованіямъ. Прошу семинарское правленіе почтить меня увѣдомленіемъ, почему оно не считаетъ нужнымъ приглашать меня въ свое присутствіе, коль скоро дѣло касается хозяйственной части, гдѣ я могъ бы соблюсти большую экономію".—Въ заключеніе своего доклада Лосевъ угрожаетъ въ случаѣ, если правленіе „дальше будетъ отказывать ему въ приглашеніи присутствовать на всѣхъ торжественныхъ актахъ и собраніяхъ", сообщить объ этомъ въ Св. Синодъ.

Получивъ такой докладъ, семинарское правленіе поручило эконому впредь приглашать Лосева всякій разъ, когда назначены будутъ торги по экономической части, и дало ему приличное объясненіе насчетъ прежняго своего образа дѣйствій [1]). Эта небольшая удача, достигнутая Лосевымъ при реабилитаціи своихъ правъ, создала въ немъ преувеличенное представленіе о своихъ дѣйствительныхъ полномочіяхъ, и Лосевъ вскорѣ вступилъ въ правленіе съ новымъ докладомъ, который поставилъ семинарское начальство въ довольно затруднительное положеніе. „Неоднократно посѣщая больницу при семинарскомъ правленіи, доносилъ онъ 9 февраля 1862 г., я находилъ оную въ безпорядочномъ положеніи, о чемъ доводилъ до свѣдѣнія духовнаго правленія; а прибывши въ означенную больницу 4 числа сего февраля, я нашелъ въ ней, кромѣ совершенной неопрятности и нечистоты, самую пищу, приготовляемую для больныхъ, какъ то: говядину и манную крупу нехорошаго качества. О чемъ донося духовному правленію и представляя образцы говядины и крупъ, изъ коихъ готовятъ кушанье больнымъ, покорнѣйше прошу учинить распоряженіе о приведеніи больницы въ должный порядокъ и о приготовленіи для больныхъ пищи изъ свѣжихъ и доброкачественныхъ припасовъ, не оставя о сдѣланномъ по сему рапорту меня извѣстить для зависящихъ съ моей стороны распоряженій".

---

[1]) Арх. сем. $18^{61}/_{62}$ г., № 22.

Лосевъ, такимъ образомъ, явился въ роли ревизора, строго потребовавшаго отъ семинарскихъ властей отвѣта по поводу замѣченныхъ имъ недостатковъ. Врачъ М. Алякринскій рѣшительно отвергъ существованіе въ больницѣ всѣхъ тѣхъ недочетовъ, на которые указалъ въ своемъ рапортѣ Лосевъ. На бѣду для Лосева манной крупы, которую онъ нашелъ недоброкачественною, въ больницѣ никогда не существовало; больныхъ кормили крупой овсяной. Семинарское правленіе, дабы предотвратить возможность подобныхъ ревизій со стороны Лосева въ будущемъ и указать ему разъ навсегда надлежащія границы его дѣятельности, постановило увѣдомить его объ отзывѣ медика и просить, чтобы онъ, „не зная даже названія провизіи, а тѣмъ болѣе доброкачественности оной, не утруждалъ несправедливо бумагами семинарское правленіе и, согласно 4-му пункту указа Св. Синода, посѣщалъ бы заведенія совмѣстно съ ректоромъ и въ случаѣ недостатковъ, по силѣ 3-го пункта того же указа, содѣйствовалъ училищному начальству къ устройству хозяйственной части, способствуя ему по своему усердію единовременными и постоянными денежными и другими приношеніями, что будетъ включено ему въ особую заслугу, которой семинарское правленіе и высшее духовно-училищное начальство никогда не оставитъ безъ вниманія" [1]).

Послѣ описаннаго инцидента отношенія Лосева къ семинаріи принимаютъ характеръ, болѣе соотвѣтствующій духу синодальнаго указа, и о какихъ-нибудь враждебныхъ столкновеніяхъ его съ семинарскимъ правленіемъ ничего не слышимъ. Особенно крупныхъ единовременныхъ пожертвованій отъ Лосева семинарская экономія не получала; но въ пожертвованіяхъ, вносимыхъ разновременно, недостатка не было. Изъ дѣлъ семинарскаго архива извѣстно, напр., что въ 1862 г. онъ пожертвовалъ для семинаріи четыре свиньи [2]). Въ 1863 г., по случаю открытія общежитія въ новопостроенномъ корпусѣ, далъ 100 р. на улучшеніе содержанія казеннокоштныхъ учениковъ [3]). Въ мартѣ 1864 г. имъ пожертвовано для казеннокоштныхъ же воспитанниковъ—рыбы соленой, свѣжей, муки гречневой и масла; въ апрѣлѣ—половой коверъ, бумаги 5 стопъ почтовой, 7 стопъ писчей, 12 дюжинъ карандашей,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Свиньями Лосева семинарская экономія, впрочемъ, не воспользовалась. Въ окт. 1863 г. они ушли изъ хлѣва, вышли на полотно недавно предъ тѣмъ построенной желѣзной дороги и, по слухамъ, начальникомъ желѣзной дороги переданы въ часть, а оттуда, по приказанію полицеймейстера, посланы на пожарный дворъ, гдѣ и зарѣзаны. Семинарское правленіе по этому случаю обращалось къ Лосеву съ просьбой о взысканіи денегъ съ виновныхъ, буде таковые окажутся. (Арх. сем. $18^{63}/_{64}$ г., № 47).

[3]) Арх. сем. $18^{62}/_{63}$ г., № 49.

3 пуда сургуча, 10 пачекъ перьевъ. Вообще, къ маю 1864 года всѣ пожертвованія Лосева опредѣлились суммой 557 р. 10 к. сер.[1]). Въ 1865 г. Лосевъ изготовилъ 75 сертуковъ съ брюками по 4 р. 20 к. за каждую пару, хотя ему, какъ говорилъ онъ, каждая пара обошлась 5 р. 30 к.[2]). Въ 1866 г. пожертвованія уменьшились, а въ 1867 г. Лосевъ и совсѣмъ не оказалъ никакого содѣйствія семинаріи. Въ концѣ декабря этого года консисторія сообщила семинаріи, что купецъ Ив. Серг. Лосевъ „долговременнымъ нехожденіемъ на исповѣдь къ приходскому священнику и похороненіемъ сына своего по раскольническому обряду, выказываетъ явное нерасположеніе къ православной церкви и приверженность къ расколу". Лосевъ послѣ этого уволенъ былъ отъ должности почетнаго блюстителя при семинаріи. Въ январѣ 1869 г. мѣсто его занялъ мануфактуръ-совѣтникъ, потомственный почетный гражданинъ Василій Степ. Каретниковъ[3]).

ГЛАВА III.

Начальствующіе и учащіе.—Архіереи.—Ректоры: Евфимій, Платонъ I, Леонтій, Платонъ II, Алексій.—Инспекторы.—Экономы.—Наставники.—Порядокъ назначенія.—Распредѣленіе между ними предметовъ.—Перечень учащихъ во Владимірской семинаріи съ 1840—69 г. съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.—Секретари.—Библіотекари.—Помощники инспектора.—Врачи.—Почетные блюстители.

Реформа 1840 г. не внесла никакихъ измѣненій въ характеръ отношеній епархіальныхъ архіереевъ къ семинаріямъ. Еще за 3 года до реформы было подтверждено Св. Синодомъ, чтобы семинарскія правленія приводили свои рѣшенія въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія епархіальнаго архіерея[4]), и это распоряженіе оставалось дѣйствующимъ въ теченіе всего разсматриваемаго періода. Епархіальный архіерей былъ, слѣдовательно, de jure главнымъ руководителемъ семинарской жизни. Но практика, какъ и въ предшествовавшій періодъ, не всегда и не вполнѣ отвѣчала правовымъ полномочіямъ. Основныя начала, на которыхъ организована была школа послѣ реформы 1808 г., были таковы, что дѣлали это

---

[1]) Арх. сем. $18^{63}/_{64}$ г., № 22.

[2]) Арх. сем. $18^{64}/_{65}$ г., № 32.

[3]) Арх. сем. $18^{67}/_{68}$ г., № 4 и $18^{68}/_{69}$ г., № 71. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 г. В. С. Каретниковъ пожертвовалъ на покрытіе разныхъ расходовъ по содержанію семинарскаго дома 500 р.; въ окт. 1870 г. въ видахъ лучшаго устройства хозяйственной части семинаріи—1000 р.

[4]) Арх. сем. 1837 г., № 108.

положеніе трудно осуществимымъ. Ближайшимъ и почти полноправнымъ мѣстнымъ начальствомъ семинаріи оставалось семинарское правленіе, въ частности ректоръ. Измѣненіе послѣдовало лишь въ 1867 г., когда въ силу синодальнаго указа отъ 27 мая, семинаріи и училища предоставлены были въ непосредственное завѣдываніе епархіальныхъ преосвященныхъ, подъ главнымъ управленіемъ Св. Синода. Но распоряженіе это, вмѣстѣ съ другими, данными одновременно, является провозвѣстникомъ новыхъ порядковъ, полностью утвердившихся во Владимірской семинаріи съ 1869 года.

На мѣсто Парѳенія, перемѣщеннаго въ Воронежъ [1]), 25 февр. 1850 г. назначенъ былъ Костромской епископъ *Іустинъ*. Іустинъ (Михайловъ), въ мірѣ Іаковъ, обучался въ Орловской семинаріи; 17 сент. 1823 г.—баккалавръ Кіевской академіи; 1824 г. былъ постриженъ; 1828 г. назначенъ ректоромъ Кіевской семинаріи; 4 іюля 1834 г.—настоятелемъ Елецкаго Черниговскаго монастыря; 12 іюля 1834 г.—ректоромъ Черниговской семинаріи. 1841 г. іюня 1 Іустинъ опредѣленъ еп. Винницкимъ; 1842 г. іюля 27 — Старорусскимъ; 1842 г. 14 ноября—Ревельскимъ; 1845 г. авг. 11—Костромскимъ; въ 1850 г.—Владимірскимъ [2]). Въ воспоминаніяхъ учениковъ Владимірской семинаріи, учившихся во время Іустина, особенно памятными остались его пріѣзды на экзамены. Своими возраженіями, данными внѣ учебника, онъ испытывалъ степень умственнаго развитія учащихся, ставилъ самъ отмѣтки и часто случалось, что самолично на основаніи полученныхъ отвѣтовъ повышалъ или понижалъ ученика въ спискахъ [3]). Время Іустина ознаменовано для семинаріи постройкою новыхъ зданій и ремонтомъ старыхъ. Дѣло, касающееся построекъ, интересовало преосвященнаго, и онъ оказывалъ содѣйствіе семинарскому правленію своими совѣтами и ходатайствомъ. 1863 г. іюля 26 Іустинъ уволенъ на покой. Умеръ 1879 г. марта 17 дня.

Ѳеофанъ (Говоровъ, въ мірѣ Георгій Васильевичъ), 1837 г., по окончаніи Орловской семинаріи поступилъ въ Кіевскую академію; 1841 г. февр. 16—постриженъ; авг. 27, по окончаніи курса, назначенъ исправ. должн. ректора Кіево-Софійскаго духовн. учи-

---

[1]) Преосв. Парѳеній съ великою неохотою оставилъ Владиміръ. По полученіи извѣстія о перемѣщеніи, онъ часто повторялъ своимъ посѣтителямъ: „егда же состарѣешися, инъ тя пояшетъ и ведетъ, аможе не хощеши“. (Влад. Епарх. Вѣд. 1890 г., стр. 580).

[2]) См. Списки архіереевъ... № 303.

[3]) Влад. Епарх. Вѣд. 1879 г., № 18. На экзамены преосв. Іустинъ обычно пріѣзжалъ въ богословскій классъ и спрашивалъ первыхъ и послѣднихъ,—средину оставлялъ. (Автобіографія сельскаго священника М. Е. Лаврова, 1900 г., стр. 27).

лища; 1842 г.—инспекторомъ Новгородской семинаріи; въ томъ же году утвержденъ въ степени магистра. Въ 1844 г. опредѣленъ баккалавромъ С.-Пб. академіи по нравственному и пастырскому богословію; 1847 г.—членомъ миссіи въ Іерусалимѣ, гдѣ пробылъ до прекращенія дѣйствій русск. духовн. миссіи. 1855 г. 14 апр.—архимандритъ и баккалавръ церковнаго законовѣдѣнія С.-Пб. академіи; 15 сент. 1855 г.—ректоръ Олонецкой семинаріи; 1856 г.—настоятель посольской церкви въ Константинополѣ; 1857 г.—ректоръ С.-Пб. академіи; 1859 г.—еп. Тамбовскій, 22 іюля 1863 г.—Владимірскій. На Владимірской каѳедрѣ преосв. Ѳеофанъ оставался всего лишь 3 года. Его аскетическая натура влекла его къ уединенію. Въ связи съ аскетическими наклонностями Ѳеофана находитъ для себя объясненіе и то обстоятельство, что съ семинаріею владыка-подвижникъ входилъ мало въ соприкосновеніе. Іюня 17 дня 1866 г. Ѳеофанъ увол. на покой въ Шацкую Вышенскую пустынь Тамб. еп. Скончался 6 янв. 1894 г.[1]). Въ богословской литературѣ преосв. Ѳеофанъ извѣстенъ, какъ авторъ лучшихъ аскетическихъ произведеній (между ними „Путь ко спасенію“) и хорошій толкователь посланій ап. Павла.

Антоній (Павлинскій, въ мірѣ Александръ Ивановичъ), по окончаніи въ 1822 г. Костромск. семинаріи, поступилъ въ Петер. академію. Сент. 14 1829 г. постриженъ, 6 іюля 1831 г.—іеромонахъ. 30 сент. 1831 г. утвержденъ въ степени магистра и назначенъ инспекторомъ Калужской семинаріи; 10 мая 1832 г.—С.-Петербургской; 5 сент. 1838 г. возведенъ въ санъ архимандрита; сент. 17 1840 г. опредѣленъ ректоромъ Новгородской семинаріи; 8 іюля 1852 г. хиротонисованъ епископомъ Острожскимъ. Окт. 3 1853 г. назначенъ Старорусскимъ; дек. 28 1854 г.—Архангельскимъ; іюля 20 1857 г.—Нижегородскимъ; авг. 29 1860 г.—Волынскимъ; апр. 8 1862 г. возведенъ въ архіепископы, а 17 іюня 1866 г. переведенъ во Владиміръ. Умеръ во Владимірѣ 29 апр. 1878 г. Преосв. Антоній стоялъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Владимірской семинаріи (по крайней мѣрѣ до реформы), чѣмъ его предшественники. Уже въ первые годы, по вступленіи на Владимірскую каѳедру, имъ сдѣлано было нѣсколько предложеній семинарскому правленію, свидѣтельствующихъ объ его вниманіи къ интересамъ духовнаго образованія, которому приходилось считаться съ новыми требованіями и запросами, предъявленными 60-ми годами[2]).

---

[1]) Свѣдѣнія о Ѳеофанѣ взяты изъ Исторія С.-Петербургской дух. академіи за послѣднія 30 лѣтъ И. Чистовича, 1889 г., стр. 6, и Списки архіереевъ... № 358.

[2]) Предложенія эти будутъ указаны ниже. Объ Антоніи см. Списки архіереевъ... № 332.

Ректоры. Мѣсто Поликарпа, уволеннаго отъ училищной службы по прошенію, въ 1847 г. занялъ инспекторъ Владимірской семинаріи, архимандритъ *Евѳимій* Бѣликовъ (1847—52 г.), въ мірѣ Петръ Ивановичъ, сынъ причетника Курской еп. Изъ Курской семинаріи Петръ Бѣликовъ поступилъ въ Кіевскую академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1839 г. 2 мая 1839 г., до окончанія академическаго курса, постриженъ въ монашество, а сент. 27 того же года опредѣленъ учителемъ по 1-му классу богословія во Владимірскую семинарію. 31 дек. 1839 г. возведенъ на степень магистра. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 30 апр./28 мая 1841 г. Евѳимій назначенъ инспекторомъ Владимірской семинаріи на мѣсто Рафаила. 8 іюня 1846 г.—архимандритомъ, а 14 марта 1847 г.—ректоромъ Владимірской семинаріи и настоятелемъ Переславскаго Данилова монастыря. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1851 г. Евѳимій былъ вызванъ въ Петербургъ для священнослуженія и проповѣди слова Божія; 7 іюля 1852 г. переведенъ на ректорскую же должность въ Новгородъ; 1856 г. — назначенъ еп. Старорусскимъ; 1860 г. — Саратовскимъ. Умеръ 1863 г. 17 окт.[1]).

Въ теченіе 12 лѣтъ, такимъ образомъ, Евѳимій служилъ во Владимірской семинаріи, послѣдовательно занимая мѣсто учителя, инспектора и ректора, и оставилъ послѣ себя память человѣка энергичнаго, дѣятельнаго, одного изъ лучшихъ ректоровъ семинаріи. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что терминъ „ученикъ Евѳимія“ долгое время считался синонимомъ „ученика добропорядочнаго, прошедшаго хорошую и выдержанную школу“. Правителемъ и начальникомъ семинаріи Евѳимій сдѣлался фактически еще при Поликарпѣ. Слабый и добродушный „папаша“ съ охотою уступилъ ему нелегкіе бразды правленія, и „энергичный, строгій, хотя и душевно добрый Евѳимій былъ во всемъ главнымъ дѣятелемъ; подъ его могучимъ управленіемъ стояла вся семинарія“. (Слова одного изъ учениковъ Евѳимія). Будучи самъ строгимъ и примѣрнымъ монахомъ, онъ былъ строгъ и въ отношеніи къ другимъ. Нравственность учениковъ была предметомъ его особеннаго вниманія; уклоненія отъ дисциплины имъ строго взыскивались. „Внезапное и совершенно неожиданное посѣщеніе Евѳиміемъ квартиръ, заставило учениковъ быть на сторожѣ и значительно сократило царившій до этого времени разгулъ и пьянство. Обмануть его было трудно; онъ по одному виду какъ-то узнавалъ, что дѣлаетъ ученикъ, и виноватому нельзя было укрыться никакими увертками“. Его боялись, какъ нѣкогда Алявдина, но вмѣстѣ и уважали.

Занявъ мѣсто ректора, Евѳимій сталъ дѣйствовать еще сво-

[1]) Списки архіереевъ... № 342 и арх. сем., форм. списки.

боднѣе и самостоятельнѣе въ томъ же направленіи. Рѣдкая ученическая проказа сходила легко съ рукъ провинившимся. Разсказываютъ, что однажды нѣсколько учениковъ, во главѣ съ И. М. Л—вымъ, наняли тройку, пріѣхали въ Вязники, извозчику оставили пустые чемоданы, а сами разошлись, назвавъ себя вымышленными именами. Извозчикъ узналъ объ обманѣ слишкомъ поздно для того, чтобы захватить проказниковъ. Всѣ поиски его остались безуспѣшными. Въ отчаяніи обратился онъ къ Евѳимію, и Евѳимій, при отсутствіи почти всякихъ данныхъ для открытія преступленія, повелъ дѣло такъ умно, что виновные были найдены и уплатили пострадавшему слѣдуемое за проѣздъ. Евѳиміемъ же была открыта одна изъ семинарскихъ уловокъ, которою долго морочили М. И. Алякринскаго (врача). Именно, съ усиленіемъ строгостей при Евѳиміи, произвольное непосѣщеніе классовъ учениками, сдѣлалось небезопаснымъ. Чтобы избѣжать уроковъ многіе изъ лѣнтяевъ старались записаться въ больницу или же взять лѣкарства на домъ и не ходить въ этотъ день въ классъ. М. И. Алякринскій обычно вызывалъ больныхъ въ пріемный покой поодиночкѣ, гдѣ первымъ дѣломъ осматривалъ языкъ. Въ большинствѣ случаевъ этимъ и заканчивался діагнозъ болѣзни; ученики съ ненормальной окраской языка зачислялись въ число паціентовъ, остальные прогонялись. Этимъ пріемомъ Алякринскаго и пользовались лѣнтяи: при входѣ въ пріемный покой лизали языкомъ стѣну, выбѣленную известкой, и такимъ образомъ искусственно симулировали болѣзненные симптомы. Евѳимій раскрылъ и эту хитрость.

Послѣ этихъ примѣровъ становятся понятными слова одного изъ учениковъ Евѳимія. „Мы ужасно боялись его; лишь только покажется въ семинарскихъ воротахъ пара вороныхъ съ сидящимъ въ крытой пролеткѣ ректоромъ,—во всей семинаріи неописанная тишина. Довольно было только возгласить: „ректоръ"!... Если кто былъ замѣченъ въ шалости, въ небрежности, забудь думать какъ-нибудь оправдаться". Тотъ-же ученикъ сообщаетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ еще одинъ характерный для Евѳимія примѣръ, изъ котораго видно, что требовательный ректоръ каралъ проступки учениковъ не только мѣрами строгихъ взысканій, внушавшими къ нему страхъ со стороны лѣнивыхъ и непорядочныхъ, но старался дѣйствовать средствами и болѣе мягкими въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было возможно. „Однажды, разсказываетъ авторъ воспоминаній, о. ректоръ, пріѣхавши, надумалъ пройтись семинарскимъ садомъ, примыкающимъ къ богословской церкви, и увидѣлъ ползущаго подъ заборомъ ученика семинаріи. Подозвалъ его, спросилъ изъ какого отдѣленія, привелъ въ то отдѣленіе и приказалъ цензору писать подъ диктовку слѣдующее: „ректоръ, прогуливаясь по семинарскому саду, нашелъ ученика философіи

такого-то ползущимъ въ собачью лазейку и привелъ его въ классъ". Только и было. Всѣ мы тутъ фыркнули, и ему показалось забавно. Такъ мы и прозвали ученика „собачья лазейка" [1]).

Но педагогическая дѣятельность Евѳимія заключалась не въ однихъ только пресѣченіяхъ, взысканіяхъ и распутываніяхъ всякихъ тонко-придуманныхъ хитростей и обмановъ. Воспитательное вліяніе такой энергичной и нравственной личности, какою былъ Евѳимій, вообще было велико, и въ этомъ смыслѣ семинарія 40-хъ годовъ Евѳимію многимъ обязана. Съ особенною похвалою отмѣчають питомцы Евѳимія его справедливость, а потомъ сострадательность къ ихъ нуждамъ, которая, казалось бы, не могла имѣть мѣста при его строгости и взыскательности. „Пишущій эти строки, говоритъ цитованный выше авторъ воспоминаній объ Евѳиміи, въ концѣ 1850 г. лишился отца, бѣднаго причетника. Крайняя нужда заставила меня итти къ ректору: что угодно ему, то и дѣлай со мною, а я умираю съ голоду. Не помню, какъ пришелъ, что и какъ говорилъ, только просилъ въ долгъ. Выслушалъ онъ меня, приказалъ сѣсть за письменный столъ, далъ книгу и велѣлъ писать. Я исполнилъ. Показываетъ мнѣ маленькую бѣлую монету и говоритъ: „это вотъ платинка, она ходитъ 3 руб. серебромъ,— смотри не отдай ее за двугривенный. Я тебѣ жертвую половину на бѣдность, другую половину заплати. Смотри же, купи себѣ хлѣба и крупы, а попусту денегъ не трать; я узнаю чрезъ старшаго и тогда на себя пеняй". Я, поклонясь до земли, вышелъ съ несказанною радостью. Потомъ принесъ долгъ, изъ котораго при мнѣ же отдалъ онъ 50 к. какому-то погорѣльцу" [2]).

Отъ учителей, по воспоминаніямъ питомцевъ, Евѳимій требовалъ внимательной подготовки къ уроку и основательныхъ объясненій. Тѣ изъ наставниковъ, которые до Евѳимія пробивались одними учебниками, вынуждены были подтянуться, засѣсть за руководства. Такихъ результатовъ Евѳимій достигъ не столько строгостью, сколько своимъ собственнымъ примѣромъ. По отзыву учениковъ, онъ былъ замѣчательнымъ преподавателемъ богословія. „Своимъ краснорѣчивымъ и умѣлымъ чтеніемъ лекцій онъ такъ увлекалъ учениковъ, что они часто не слышали и звонка, напоминающаго объ окончаніи урока; онъ умѣлъ вызвать учениковъ на благородное соревнованіе въ учебномъ трудѣ, умѣлъ поощрить ихъ, ободрить [3]). Особенное вниманіе обращалось Евѳиміемъ на

---

[1]) Влад. Епарх. Вѣд. 1884 г., стр. 407—408.

[2]) Тамъ же, стр. 408—409.

[3]) Изъ дисциплинарныхъ взысканій Евѳимія, которыя практиковались имъ, какъ наказанія за лѣность, надобно указать стояніе на ногахъ. Ученикъ, не приготовившій урока, по прочтеніи молитвы не садился, но оставался на ногахъ въ теченіе всего двухчасоваго урока.

сочиненія. „Пустоты, украшенной цвѣтами краснорѣчія, онъ терпѣть не могъ. Отъ сочиненія имъ требовалась прежде всего мысль ясная, точно выраженная и логически построенная. Проповѣди, прочитанныя наставникомъ, передавались ему и въ свою очередь нещадно исправлялись“ [1]). Евѳимій обладалъ богатыми свѣдѣніями не только въ богословіи, но и въ другихъ наукахъ. Посѣщая классы, онъ часто входилъ въ объясненіе разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ уроку, и всегда заставлялъ себя слушать съ интересомъ.—Заботясь о развитіи учащихся, Евѳимій проявилъ особенное усердіе при заведеніи ученической библіотеки. Не забылъ онъ этой библіотеки, даже прощаясь съ жизнью, вдали отъ Владиміра. Именно, въ пользу ея онъ завѣщалъ значительную часть своихъ книгъ [2]).

Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 3 дек. 1852 г. мѣсто Евѳимія занялъ *Платонъ Ѳивейскій* (1852—56), въ мірѣ Павелъ, уроженецъ Москов. губ. Платонъ первоначально учился въ Виоанской семинаріи, потомъ Московской академіи. 14 августа 1834 г.—магистръ и баккалавръ Московской академіи; сент. 8—постриженъ; 9 ноября 1841 г.—архимандритъ; 1842 г. января 21—ректоръ Казанской сем.; мая 3 1843 г.—Орловской; 1844 г. апр. 30 уволенъ отъ должности по болѣзни; 13 февр. 1847 г.—снова ректоръ Тамбовской сем., а 3 дек. 1852 г.—Владимірской. 30 апр. 1856 года Платонъ назначенъ еп. Старорусскимъ; 31 іюля 1831 г.—Ревельскимъ; февр. 15 1857 г.—Костромскимъ; 31 марта 1868 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Ск. 1877 г. мая 12 [3]).

Во Владимірѣ Платонъ (Ѳивейскій) жилъ слишкомъ немного. Въ декабрѣ 1852 г. онъ былъ сюда опредѣленъ, а въ декабрѣ 1853 г. вызванъ въ Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія. Изъ Петербурга Платонъ возвратился 15 февраля 1855 г. [4]) и оставался лишь до конца 1855 г. Синодальнымъ указомъ отъ 24 дек. 1855 г. онъ былъ командированъ въ Кишиневъ „для исправленія возложеннаго на него порученія“ [5]). 24 мая 1856 года — уже хиротонисованъ въ епископа Старорусскаго. Такимъ образомъ, Платонъ оставался во Владимірѣ около 2 лѣтъ. Но, не смотря на кратковременное пребываніе во Владимірской

---

[1]) См. ркп. А. С.

[2]) Въ завѣщаніи Евѳимія было написано: „изъ книгъ, мнѣ принадлежащихъ, какія окажутся годными для ученическихъ библіотекъ, половину отослать въ ученическую библіотеку Владимірской семинаріи“. Въ силу этого завѣщанія душеприкащиками покойнаго прислано было во Владиміръ 59 экз. книгъ. (Арх. сем. 1863/64 г. № 75).

[3]) См. Списки архіереевъ... № 341.

[4]) Арх. сем. 1854/55 г., № 44.

[5]) Арх. сем. 1855/56 г., № 13.

семинаріи, образъ Платона (Ѳивейскаго) въ воспоминаніяхъ о немъ его питомцевъ, обрисовывается довольно живыми чертами. Это былъ человѣкъ болѣзненный, нервный и въ высшей степени строгій. „Помнится, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ питомцевъ Платона, съ какимъ трепетомъ внимали мы суровымъ рѣчамъ ректора, который свои наставленія и угрозы, произносилъ какъ бы задыхаясь и постукивая тростью о полъ. Выразительная, полная, среднерослая фигура его, съ большой черной сѣдѣющей бородой, грозные черные глаза съ большими сѣроватыми кругами и въ довершеніе всего его слава какъ ученаго дѣйствовали на насъ подавляюще; мы не смѣли, какъ говорится, пикнуть предъ нимъ, сознавая вполнѣ свое ничтожество" [1]).

Платона ученики боялись не безъ основаній. Въ крайнихъ случаяхъ онъ не останавливался даже и предъ тѣлесными наказаніями. При немъ, по разсказамъ, былъ выдранъ розгами въ классѣ одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія (Вл. П—въ). Это была, кажется, послѣдняя публичная сѣкуція въ исторіи Владимірской семинаріи [2]).—Правда, и времена Евѳимія не отличались снисходительностью. Но у Евѳимія было больше сдержанности; онъ остерегался крайностей, крутыхъ переворотовъ и, будучи строгъ, не былъ безпощадно суровъ и грозенъ. Платону, какъ администратору, этихъ качествъ недоставало. Вотъ, напр., какою ломкою ознаменованы были первые дни его ректуры во Владимірѣ:

„Сколько переворотовъ послѣдовало въ нашей семинаріи, пишетъ 7 февраля 1853 года ученикъ высш. отд. Ник. Царевскій преосв. Саввѣ, съ поступленіемъ новаго о. ректора! Лишь только онъ пріѣхалъ, далъ всѣмъ ученикамъ высшихъ отд. тему о началѣ идолопоклонства срокомъ на два дня. Ученики употребили все стараніе, чтобы зарекомендовать себя на первый разъ, но все было напрасно. Сочиненія онъ нашелъ худыми,—замѣтилъ въ нихъ духъ вольности и дурное направленіе, что и обѣщалъ всѣми силами искоренить. Одни изъ лучшихъ учениковъ по его мнѣнію недостойны степени студентовъ. Послѣ сего онъ началъ дѣлать различныя притѣсненія и самыми дѣйствительными мѣрами. Истребляетъ пьянство, а особенно табакокуреніе, взявши своеручныя росписки какъ съ учениковъ въ томъ, что они, выслушавши программу, выданную имъ, и зная наказанія, которыя будутъ слѣдовать за табакокуреніемъ, не будутъ употреблять его,—такъ и съ хозяевъ, у которыхъ стояли ученики, въ томъ, что они, замѣтивъ

---

[1]) Ркп. П. В.

[2]) Наказаніе этого ученика стоитъ въ связи съ эпиграммой, составленной на Платона, въ которой его имя риѳмовалось со словомъ „Биронъ". Вл. П. былъ наказанъ публично раздраженнымъ ректоромъ за незнаніе урока по догматикѣ.

учениковъ, курящихъ табакъ, немедленно донесутъ начальству; въ противномъ случаѣ, квартира ихъ будетъ закрыта навсегда. Замѣченные въ табакокуреніи на первый разъ будутъ наказаны или сидѣніемъ въ карцерѣ, или стояніемъ на колѣняхъ; но послѣ двухъ или трехъ разъ обѣщаетъ всѣхъ исключить. Конечно, достохвальное намѣреніе по сознанію даже самихъ учениковъ. Для истребленія же табакокуренія онъ самъ ѣздитъ по квартирамъ и днемъ, и ночью. Но въ позднѣйшее время онъ всѣхъ стѣснилъ и раздосадовалъ тѣмъ, что не велѣлъ никому никуда ходить; даже 5-й часъ, всегда и вездѣ назначаемый на прогулку, онъ отнялъ у насъ. Въ случаѣ же необходимости ученикъ долженъ записаться въ нарочито для сего составленномъ журналѣ, что онъ имѣетъ такую-то нужду отлучиться на столько-то времени, и просить дать ему билетъ, который и можетъ получить отъ г. помощника инспектора за №№. Но это еще не все;—и оттуда, гдѣ ученикъ былъ, онъ долженъ представить росписку, что дѣйствительно былъ столько-то времени. Такъ мы теперь уже заключены въ стѣнахъ смиренной бурсы!—гуляемъ по сугробамъ сада и отчасти катаемся на горѣ, сдѣланной самими учениками въ саду. Вотъ наши новости! но это только болѣе бросающіяся въ глаза; теперь, куда не взглянешь, куда не ступишь—все новое" [1]).

Тоже сообщалъ о новомъ ректорѣ преосв. Саввѣ и профес. Влад. семинаріи Г. П. Быстрицкій. „О. ректоръ до того дѣятеленъ, что посѣщаетъ самъ семин. квартиры. Къ ученикамъ онъ очень строгъ, къ наставникамъ не совсѣмъ, и душу имѣетъ, какъ видно, самую добрую" [2]).

Въ средѣ семинарскихъ преподавателей Платонъ также не пользовался большими симпатіями. Особенную любовь и расположеніе его снискалъ только М. И. Флоринскій, который во время отлучекъ Платона изъ Владиміра исправлялъ должность инспектора, что въ свое время глубоко задѣвало всю семинарскую корпорацію. Подъ вліяніемъ Платона М. Флоринскій принялъ впослѣдствіи монашество, рѣшился на шагъ, который, какъ оказалось послѣ, былъ недостаточно обдуманъ имъ.

Платонъ Ѳивейскій извѣстенъ, какъ одинъ изъ ученыхъ богослововъ своего времени. Доставившее ему извѣстность сочиненіе „Православное нравственное богословіе" издано было имъ въ періодъ ректорства во Владимірской семинаріи (1854 г.) [3]).

---

[1]) Хроника моей жизни, т. 2, стр. 59—60.

[2]) Тамъ же, стр. 62.

[3]) Кромѣ нравственнаго богословія, Платонъ напечаталъ: „Основаніе Переславскаго Троицкаго Данилова монастыря преп. Даніиломъ Переяславскимъ чудотворцемъ", М. 1853; „Историческое описаніе Троицкаго Козловскаго монастыря", М. 1849; „Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совер-

Леонтій Лебединскій (1856—57), въ мірѣ Ив. Алексѣевичъ, изъ Воронежской семинаріи поступилъ въ Петербургскую академію, которую окончилъ въ 1847 г. магистромъ. Мая 17 того-же г. постриженъ; 1851 г. марта 20 назначенъ инспекторомъ Кіевской сем.; 1853 г. янв. 28—Кіевской акад.; февр. 15 1853 г.—архимандритъ; 1856 г. мая 30—ректоръ Владимірской семинаріи. Чрезъ годъ, именно 1857 г. іюня 9—ректоръ Новгородской семинаріи; 1859 г. мая 17—ректъ. Петерб. сем.: 1860 г. марта 5—еп. Ревельскій; 1863 г. дек. 20—Подольскій: 1873 г. апрѣля 8—архіепископъ; 1874 г. окт. 2—Херсонскій; 1875 г. нояб. 16—Холмскій; 1883 г. членъ Св. Синода: 1891 г. нояб 17—митр Московскій. Скончался 1893 г. августа 1.—Не смотря на кратковременное пребываніе во Владимірской семинаріи, Леонтій, по словамъ П. А. Б., оставилъ въ ней глубокій слѣдъ. При всѣхъ строгостяхъ, Платонъ Ѳивейскій передалъ семинарію своему преемнику не вполнѣ упорядоченною. Это объясняется, быть можетъ, частыми отлучками его изъ Владиміра, во время которыхъ рушилось все то, что было достигнуто при помощи суровыхъ и стѣснительныхъ мѣръ. Леонтій по возможности постарался устранить крупные недостатки семинарской жизни и въ короткое время успѣлъ измѣнить семинарію сравнительно къ лучшему, не вооруживъ противъ себя почти никого. „Леонтія, по словамъ одного изъ учениковъ выпуска 1860 года, очень любили и уважали за его прямодушный и открытый характеръ. Проводы его были не безъ юношескихъ семинарскихъ слезъ".

Платонъ Троепольскій (1857 - 60), въ мірѣ Павелъ, уроженецъ Москвы; обучался въ Московской семинаріи и въ 1843 году окончилъ курсъ въ Московской академіи: 30 сент. 1844 г. назначенъ учителемъ Подольской сем.; 1845 года—магистръ; 1851 года марта 31—постриженъ; 1851 г. 11 апр. наставникъ Кіевской семинаріи; 1853 г. янв. 31—инспекторъ Полтавской сем.; ноября 30—Харьковской; 1854 г. нояб. 14—архимандритъ; 18 іюля 1857 г.—ректоръ Владимірской семинаріи и настоятель Переславскаго Данилова монастыря. О дѣятельности его, какъ ректора, извѣстно мало. Какъ преподаватель онъ считался основательно знающимъ свой предметъ; лекціи его отличались отчетливостью и полнотою. Но дикціей Платонъ не обладалъ; читалъ тихо и монотонно, вслѣд-

шенія таинства покаянія", ч. 1 Кострома. 1859. Ч. 2. М. 1861; „Памятная книжка для священника, или размышленія о священническихъ обязанностяхъ", М. 1860; „Сокращенное изложеніе догматовъ вѣры по ученію православной церкви", 1860, Кострома; „Собраніе нѣсколькихъ словъ, поученій и рѣчей", 1869, Кострома.—Не смотря на ученость, Платонъ не обладалъ даромъ хорошаго изъясненія ученикамъ уроковъ. Это въ свою очередь усиливало недовольство, питаемое къ нему со стороны учениковъ.

ствіе чего не многіе слушали его уроки и немногіе занимались его предметомъ [1]). Владимірской семинаріей Платонъ Троепольскій правилъ всего ок. 2½ лѣтъ. 1860 г. марта 21 онъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ. 1864 г. нояб. 27 назначенъ еп. Екатеринославскимъ; 1868 г. августа 21—Томскимъ. † 1876 г. октября 8 [2]).

Алексій Новоселовъ (1860—67), въ мірѣ Александръ, съ 1829—37 г. учился въ Тверской сем.; 1837 г. поступилъ въ Кіевскую акад.; 1841 г. авг. 27, по окончаніи Кіевской акад., опредѣленъ въ Полтавскую семинарію учителемъ библейской, церковной исторіи, археологіи и каноническаго права; 1842 г. ³/₈ дек.—магистръ; 1846 г. 16 сент. переведенъ въ Тверскую сем. на классъ православнаго исповѣданія, греческаго языка, всеобщей исторіи и богослужебныхъ книгъ; 1848 г. апр. 25—постриженъ въ монашество; 1849 г. апр. 22—инспекторъ Подольской сем. и профессоръ церковной исторіи; 1853 г. авг. 9 — архимандритъ; 1856 г. окт. 29 Алексій назначенъ ректоромъ Подольской семинаріи, а мая 10 1860 г. ректоромъ Владимірской семинаріи и настоятелемъ Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря и оставался во Владимірѣ почти до преобразованія семинаріи.

Кажется, ни объ одномъ ректорѣ не передается столько разсказовъ, столько анекдотовъ, сколько объ Алексіѣ. Разграничить въ нихъ истинное, дѣйствительно происшедшее во времена Алексія, отъ вымышленнаго, принадлежащаго другому періоду, становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень труднымъ, такъ какъ около имени Алексія сгруппировано все, что знала семинарія изъ своей исторіи болѣе смѣшного и болѣе нескладнаго. Несомнѣннымъ, кажется, можно считать прежде всего то, что это былъ человѣкъ въ общемъ добраго сердца, знавшій тяжесть нищеты и оказавшій содѣйствіе многимъ нуждающимся. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные разсказы, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи [3]). Серьезный вредъ онъ причинилъ очень немногимъ и то вслѣдствіе какихъ-нибудь недоразумѣній; наоборотъ, онъ часто выручалъ учениковъ отъ строгихъ, а иногда и справедливыхъ преслѣдованій инспектора.

Затѣмъ, это былъ простой, доступный начальникъ. „Въ 4 часа вечера, разсказываетъ одинъ священникъ, пришелъ я въ квартиру отца ректора Алексія съ прошеніемъ о выдачѣ моему сыну пособія. Въ прихожей встрѣчаю человѣка въ простенькомъ, рваномъ подрясникѣ, который стоялъ на колѣняхъ у печки и вытаскивалъ

---

¹) См. Автобіографія сельскаго священника М. Е. Лаврова. 1900 г., стр. 26—27.

²) См. Списки архіереевъ... № 381.

³) См. также Влад. Епарх. Вѣд. 1880 г., стр. 406.

угли въ самоваръ. Принявъ незнакомца по наряду и по занятію за келейника, я попросилъ его доложить ректору о моемъ приходѣ. Но мнимый келейникъ взялъ у меня прошеніе, прочиталъ тутъ же у печки и сказалъ: „ты священникъ, у тебя обучается одинъ только сынъ, ему нельзя назначить никакого пособія". „Да ты, братецъ, пожалуйста, доложи ректору, а тамъ будетъ видно", сказалъ я съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. „Я отецъ ректоръ", отвѣтилъ мнимый келейникъ. Просьба, по разсмотрѣніи, была удовлетворена.

Наконецъ, Алексій былъ начальникомъ въ высшей степени дѣятельнымъ и энергичнымъ. Постройка и ремонтъ семинарскихъ зданій были произведены подъ его непосредственнымъ личнымъ присмотромъ; на постройкѣ онъ оставался день и ночь. Съ этой стороны семинарская экономія многимъ ему обязана. Благодаря его стараніямъ далѣе — усиленнымъ розыскамъ и посѣщеніямъ квартиръ, нехожденіе въ классы учениковъ сдѣлалось явленіемъ болѣе рѣдкимъ, чѣмъ оно было раньше. На всѣхъ экзаменахъ онъ старался присутствовать лично и строго требовалъ, чтобы каждаго ученика по возможности экзаменовали по всѣмъ предметамъ, а не по одному главному, какъ практиковалось до того времени.

Но, при всѣхъ этихъ хорошихъ качествахъ, Алексій былъ человѣкомъ слабохарактернымъ, мало способнымъ къ административной дѣятельности и притомъ онъ отличался большими странностями, приближающимися часто къ чудачествамъ. Много ему вредила нѣкоторая экспансивность, неумѣніе сдерживать и обуздывать свои чувства и порывы. Замѣтитъ ученика въ какомъ-нибудь проступкѣ, нашумитъ, накричитъ, изругаетъ виновнаго прямо таки нецензурными словами, а иногда и погонится за нимъ съ палкою, и въ результатѣ—ничего: пройдетъ гнѣвъ—все забудется. Отсюда, конечно, насмѣшки, издѣвательства и всякаго рода проказы, вызывавшія добродушнаго, но нетактичнаго ректора на новые опрометчивые шаги. Престижъ Алексія, какъ начальника, отъ этого конечно, все падалъ и падалъ. Въ подтвержденіе сказаннаго я приведу нѣсколько изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи рукописныхъ воспоминаній. Достовѣрность фактовъ, сообщенныхъ въ нихъ, подтверждается тѣмъ, что эти всѣ факты согласуются, если не по буквѣ, то по духу съ многочисленными устными разсказами, циркулирующими объ Алексіѣ среди учениковъ 60-хъ гг.

„Во время перемѣнъ, пишетъ одинъ изъ питомцевъ Алексія, валомъ валили за семинарскій заборъ, на утесъ, что надъ Щемиловкой, чтобы здѣсь на свободѣ, вдали отъ начальства, поболтать, а главное покурить. Табакъ курили въ семинаріи тогда почти всѣ. Можно вообразить, какое облако дыма стояло надъ заборомъ, когда собирались сюда цѣлые сотни табакокуровъ! Ректоръ давно

собирался накрыть табачниковъ, но все не удавалось. На извѣстномъ разстояніи отъ забора разставлены были „сторожевые", которые давали знать объ угрожавшей опасности. Но вотъ однажды Алексій, обманувъ бдительность сторожевыхъ, подкрался къ забору и, чувствуя побѣду, закричалъ: „А! попались"! Всѣ, конечно, съ шумомъ и гамомъ шарахнулись въ разныя стороны, кто куда могъ. На мѣстѣ остался только одинъ изъ преступниковъ дисциплины, закрывшійся воротникомъ шубы, но и тотъ проскользнулъ мимо Алексія. Алексій тѣмъ не менѣе не хотѣлъ выпустить добычу изъ рукъ и погнался за нимъ по слѣдамъ. Настигаемый ректоромъ, ученикъ вбѣжалъ въ лабазъ съ известью и прижался къ нерастворявшейся половинѣ воротъ у самаго порога. Ректоръ стремительно толкнулъ ворота, не удержался въ равновѣсіи, проскользнулъ въ лабазъ, упалъ и выпачкался въ известь. Табакокуръ воспользовался моментомъ и поспѣшилъ скрыться. Раздраженный неудачею, Алексій вбѣжалъ во второе отдѣленіе словесности, гдѣ былъ урокъ М. Г. Никольскаго, и началъ кричать о распущенности семинаріи, о потворствѣ ей со стороны профессоровъ. Урокъ самъ собою прервался: въ классѣ начали шумѣть и галдѣть „Отецъ ректоръ, сказалъ выведенный изъ терпѣнія Миронъ Григорьевичъ, я прошу васъ, не мѣшайте мнѣ! Вы, не говоря уже о вашей недостойной начальника ругательной рѣчи, отнимаете у меня время, за которое я отвѣчаю". „Какъ? ты меня выгоняешь? Ты смѣешь?" закричалъ ректоръ и съ угрозами вышелъ изъ класса [1]).

Или вотъ другія сцены, записанныя въ „Дневникѣ" однимъ изъ воспитанниковъ 60-хъ гг., которыя, судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ, переданнымъ мнѣ устно, представляютъ точную копію дѣйствительности.—*3 декабря*. Ну ужъ и потѣха была на экзаменѣ! Ректоръ экзаменовалъ по латинскому языку, а по геометріи поручилъ экзаменовать С... Экзаменъ происходилъ въ одномъ классѣ. Подали двѣ свѣчи. Одну взялъ С... Вотъ ректоръ вызвалъ на средину человѣкъ 10, такъ что ему не видно было, что дѣлается въ задней части класса, гдѣ происходилъ экзаменъ по геометріи. Въ то время какъ ректоръ съ великимъ усердіемъ бранилъ кого-то, У. (ученикъ) толкнулъ доску, которая съ трескомъ упала на полъ. Ректоръ вскочилъ, закричалъ, поднялъ вверхъ палку, намѣреваясь кого-нибудь ударить, и въ такомъ видѣ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ экзаменовалъ С. Ученики побѣжали изъ класса съ шумомъ, гамомъ и крикомъ: „ура!" Поругался, поругался ректоръ и наконецъ успокоился. Ученики собрались; С. снова началъ экзаменовать Но не прошло и 10 минутъ, какъ исторія съ доской повто-

---

[1]) Рукоп. В. Э.

рилась. Опять ректоръ погнался съ палкой за учениками; ученики въ безпорядкѣ, съ хохотомъ и рукоплесканіями снова выбѣжали изъ класса"...

13 мая. Просили у ректора завтрашній день для гулянья. Ректоръ обѣщался, но сказалъ въ такомъ только случаѣ, если завтра ученики перетаскаютъ дрова со двора въ сарай. Ученики не согласились на это. *14 мая.* Такъ какъ богословамъ много дано было къ нынѣшнему дню изъ догматики, то они и согласились таскать дрова. Философы и риторы не пошли было, но ректоръ всѣхъ палкой выгналъ изъ классовъ и заставилъ таскать дрова. Сцена была довольно забавная... Достали телѣгу, наклали на нее огромное количество дровъ и повезли къ сараю, который былъ подъ горкой. Когда стали спускать телѣгу съ горки, не сдержали, спустили, и она ударилась о сарай; оглобли переломались, дрова разсыпались. Поднялся хохотъ. Ректоръ ругался на чемъ свѣтъ стоитъ и гонялся за учениками съ палкой. Мѣщане, сапожники, смотря на подобную сцену съ улицы, тоже хохотали...

Касательно этихъ дровъ разсказываютъ вообще много анекдотовъ, связанныхъ съ именемъ Алексія. У него, дѣйствительно, была какая-то слабость утилизировать силы учениковъ для перемѣщенія дровъ со двора въ сарай. Тасканіе дровъ примѣнялось иногда имъ и какъ дисциплинарно-взыскательная мѣра. Бывали случаи, когда за неудовлетворительный отвѣтъ на экзаменѣ ученику назначалось въ видѣ наказанія перенести въ сарай опредѣленное количество дровъ — $1/4$ сажени, $1/2$, а иногда и цѣлую сажень. Наказаніе было оригинальное, выполнялось подъ надзоромъ ректора и давало поводъ ко всякаго рода комическимъ сценамъ и издѣвательствамъ надъ Алексіемъ... И много другого въ такомъ же родѣ. Стоитъ только попросить пожилаго священника разсказать о былыхъ семинарскихъ годахъ, какъ лицо его освѣтится добродушною улыбкой и онъ начнетъ безконечныя повѣсти о временахъ Алексія. Слушаешь,—и не хочется вѣрить, что все это было назадъ тому какихъ-нибудь 40 лѣтъ... А между тѣмъ на лицѣ разсказчика нѣтъ и тѣни злобы или негодованія. Его самого смѣшатъ и забавляютъ игривыя воспоминанія прошлыхъ лѣтъ. Такъ, повидимому, относились къ Алексію его питомцы и въ самый періодъ его дѣятельности. Своими чудачествами онъ потѣшалъ, забавлялъ ихъ, и за это молодое поколѣніе прощало ему всѣ крайности и недостатки его воспитательной практики.

Какъ преподаватель богословія, Алексій выдѣлялся памятью и обладалъ твердымъ знаніемъ св. Писанія. Отъ учениковъ требовалъ по преимуществу точной передачи текстовъ Библіи, которые встрѣчались въ руководствахъ по догматическому богословію. Но и здѣсь на урокахъ нѣкоторыя странности Алексія давали по-

водъ къ вышучиванію его и вносили въ учебное дѣло элементы, плохо содѣйствующіе авторитету учителя. Напр., Алексій сильно боялся грозы. Если случалась гроза во время классовъ, онъ сильно задумывался и не спрашивалъ заданнаго урока. Ученики скоро замѣтили это странное явленіе и постарались воспользоваться имъ въ своихъ видахъ. Алексій имѣлъ обыкновеніе въ началѣ класса объяснять урокъ къ слѣдующему дню. Лишь только оканчивались объясненія Алексія, поднимался изъ-за скамьи кто-нибудь изъ учениковъ, подходилъ къ окну и тревожно сообщалъ, что приближается страшная гроза. Урокъ близился къ концу, а ректоръ боязливо ожидалъ имѣющей наступить непогоды. Наконецъ раздавался звонокъ; ректоръ уходилъ сіяющій и довольный, что гроза не настигла его въ классѣ. Не смотря на незатѣйливость этой хитрости, ученики продѣлывали ее нѣсколько разъ, прежде чѣмъ ректоръ догадался, въ чемъ суть дѣла.

Подъ 15 ноября въ Дневникѣ бурсака разсказывается слѣдующая исторія, не лишенная интереса для характеристики Алексія, какъ наставника. „Приходитъ въ классъ ректоръ и заводитъ рѣчь о матеріалистахъ и нигилистахъ. Нашъ М. (ученикъ) встаетъ и спрашиваетъ ректора: „а что такое, ваше преподобіе, нигилистъ?“—„Nihil значитъ ничто, отсюда нигилистъ выходитъ ничто, нуль“. Всѣ захохотали. „Ну, и вы всѣ нули!“ отвѣтилъ на хохотъ ректоръ и веселый вышелъ изъ класса. Чудакъ этотъ ректоръ,— найдетъ на него полоса, онъ изругаетъ тебя, какъ только возможно; веселый часъ найдетъ—насмѣшитъ весь классъ и останется тѣмъ доволенъ“.

Въ 1862 г. Владимірскую семинарію ревизовалъ ея питомецъ архим. Савва. Въ своей Хроникѣ онъ далъ подробную характеристику личности Алексія, составленную на основаніи собственныхъ наблюденій. Словами Саввы я нахожу нужнымъ восполнить все сообщенное выше объ Алексіѣ, чтобы показать, что всѣ приведенные разсказы, не смотря на свой анекдотическій характеръ, вполнѣ согласуются съ тѣми чертами характера Алексія, которыя были подмѣчены въ немъ преосв. Саввою.

„Не отличаясь сильными способностями и глубокими свѣдѣніями въ наукахъ, пишетъ Савва объ Алексіѣ, онъ весьма ревностенъ и тщателенъ въ исполненіи своихъ обязанностей; въ высшей степени честенъ и добросовѣстенъ. При неутомимой дѣятельности, касающейся, впрочемъ, болѣе формальной стороны обязанностей, онъ чрезвычайно требователенъ и недовѣрчивъ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Не отличаясь твердостью характера, но увлекаясь природною вспыльчивостью, онъ бываетъ болѣе упрямъ, чѣмъ твердъ и постояненъ въ своихъ правилахъ. Часто за маловажные проступки учениковъ угрожаетъ тяжкими наказа-

ніями; какъ-то, снесеніемъ въ третій разрядъ по общему списку; но такъ какъ угрозы эти не исполняются, то онѣ не производятъ на учениковъ никакого дѣйствія. Въ обращеніи съ учениками большею частію фамиліаренъ, и отъ того не пользуется должнымъ уваженіемъ. А между тѣмъ въ отношеніи къ наставникамъ нерѣдко сухъ и надмененъ. Жизнь ведетъ строгую и совершенно уединенную, хотя и не отказывается принимать у себя посѣтителей и при этомъ отличается крайнею угостительностью. Трезвость, честность, гостепріимство, неутомимая дѣятельность пріобрѣли ему право на общую любовь и уваженіе; но его безхарактерность и излишняя формальность, простирающаяся до мелочности, дѣлаютъ его непріятнымъ и тяжелымъ для подчиненныхъ" [1]).

Въ другомъ мѣстѣ своей Хроники Савва прямо называетъ Алексія человѣкомъ, не обладающимъ достаточнымъ тактомъ, свойственнымъ начальнику заведенія. „Безтактность свою, пишетъ Савва, онъ сейчасъ же обнаружилъ предъ мною. Сидя предъ всенощной за чаемъ, онъ, между прочимъ, говоритъ мнѣ: „я хочу позвать къ себѣ завтра къ обѣду преосвященнаго". „Но когда же вы будете звать, говорю я ему, вѣдь ударили ужъ въ колоколъ ко всеношной?" „У насъ это дѣлается оченъ просто: пойду послѣ всеношной на архіерейскую кухню, скажу повару, чтобы не готовилъ для архіерея обѣда, и дѣло кончено: архіерей поневолѣ придетъ ко мнѣ обѣдать". И дѣйствительно, такъ онъ и сдѣлалъ; на другой день преосв. Іустинъ явился къ ректору на обѣдъ. Такія фамиліарныя отношенія между архіереемъ и ректоромъ крайне удивили меня" [2]).

Въ 1865 г. Алексій былъ вызванъ на чреду въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ цѣлый годъ. Во время пребыванія его въ Петербургѣ воспитанники трехъ богословскихъ классовъ сочли обязанностью послать ему поздравленіе со днемъ ангела [3]). 1867 г. янв. 17 Алексій назначенъ былъ еп. Томскимъ; 1868 г. авг. 21 Екатеринославскимъ; 23 іюня 1871 г.—членомъ Московской синодальной конторы. Ум. 1880 г. февр. 26 [4]). Нѣкоторыя изъ словъ Алексія напечатаны въ Странникѣ [5]).

Инспекторы. Рафаилъ Шипулинскій (1839—41), см. выше стр. 109—112.

Евоимій Бѣликовъ (1841—47), см. стр. 232—35.

---

1) Томъ 2, стр. 748.

2) Тамъ же, стр. 745—746.

3) Влад. Епарх. Вѣд. 1880 г., стр. 409—13.

4) Списки архіереевъ... № 400.

5) См. 1865 г., февр., апр.; 1868 г., янв. Кромѣ того см. Влад. Епарх. Вѣд. 1865 г., № 24; 1866, №№ 5, 16 и 24 и 1867 г., № 8.

Виталій Вертоградовъ (1847—56 г.), въ мірѣ Василій Макаровичъ, Калужской губ. Въ 1829 г. изъ Калужской семинаріи поступилъ въ Петербургскую академію; 1833 г. 6 окт.—кандидатъ; 24 окт.—учитель Калужской семинаріи по предметамъ церковной исторіи и греческаго языка. 1841 г. марта 2—священникъ Калужской градской Спасской церкви; 1846 г. марта 30—постриженъ. Опредѣленіемъ Синода отъ 31 окт. 1847 г. іеромонахъ Виталій назначенъ инспекторомъ Владимірской семинаріи; 1852 г. янв. 13 — архимандритомъ; 17 марта 1855 г. настоятелемъ Юрьевскаго Архангельскаго монастыря. Въ инспекторство Виталія семинаріей правили Евѳимій и Платонъ Ѳивейскій. При такихъ энергичныхъ и дѣятельныхъ ректорахъ личность инспектора естественно должна была стушеваться, и это тѣмъ болѣе, что Виталій по своимъ душевнымъ качествамъ не принадлежалъ къ числу людей-иниціаторовъ, способныхъ руководить, стоять во главѣ управленія. По отзыву учениковъ, это былъ человѣкъ доброй души, въ семинарію пріѣзжалъ не часто, являлся сюда безукоризненно одѣтымъ и даже надушеннымъ и не любилъ здѣсь долго оставаться. Его ежемѣсячные инспекторскіе отчеты отличаются общностью отзывовъ; много лицъ Виталій представлялъ къ одобренію и только нѣсколько фамилій писалъ въ графѣ о проступкахъ, причемъ о наказаніяхъ, которымъ подвергались виновные, дѣлалъ общія замѣчанія, въ родѣ такихъ: „были наказаны въ свое время сообразно своей винѣ". Такъ же неопредѣленно выражается Виталій и о нравственныхъ погрѣшностяхъ провинившихся. „Въ послѣднее время, читаемъ очень часто въ его отчетахъ, такіе-то ученики во всемъ поведеніи своемъ обнаруживаютъ вѣтренность и разсѣянность". Какъ преподаватель богословія, Виталій, по словамъ учениковъ, „толковалъ много, но не увлекательно, придерживаясь учебника Антонія". Его преподаваніе особенно много теряло по сравненію съ краснорѣчивымъ чтеніемъ Евѳимія и обстоятельнымъ Діонисія. 30 мая 1856 г. Виталій переведенъ въ Олонецкую семинарію ректоромъ; 22 февр. 1864 г. на ту же должность въ Псковъ; 27 ноября 1864 г. назначенъ епископомъ Томскимъ. † 1866 г. ноября 25 [1]).

Кириллъ Говоровичъ (1856—63). Обучался въ Полоцкой семинаріи съ 1843—49 г. По окончаніи курса произведенъ во священники въ Успенскій Витебскій соборъ 22 окт. 1849 г. Въ 1852 г. поступилъ въ Московскую академію; 18 янв 1855 г. постриженъ въ монашество. По окончаніи курса Московской академіи (по первому разряду), 15 окт. 1856 г. назначенъ инспекторомъ во Владимірскую семинарію Кириллъ принадлежитъ къ числу инспекторовъ снисходительныхъ, слабо надзиравшихъ за поведеніемъ уче-

---

[1]) Списки архіереевъ... № 382.

никовъ и мало на нихъ воздѣйствовавшихъ въ воспитательномъ смыслѣ. Преосв. Савва въ своей Хроникѣ характеризуетъ Кирилла такъ: „Способенъ и свѣдущъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ; но самолюбивъ и неуважителенъ къ старшимъ; любитъ свѣтское общество и своимъ поведеніемъ не всегда подаетъ добрый примѣръ ученикамъ. По отзыву ректора, при временномъ исправленіи ректорской должности (послѣ Платона Троепольскаго), позволялъ себѣ нѣкоторыя злоупотребленія въ дѣлахъ экономическихъ. Имѣетъ пристрастіе къ нѣкоторымъ ученикамъ; какъ слышно, онъ виновникъ развитія въ ученикахъ вольномыслія и неуважительности къ наставникамъ“ [1]). Въ оффиціальномъ отчетѣ о ревизіи Владимірской семинаріи Савва написалъ о Кириллѣ, что со стороны его „желательно бы было больше заботливости о личномъ нравственномъ вліяніи на учениковъ“ [2]). Вслѣдствіе такого отзыва Саввы, Кириллъ опредѣленіемъ Синода отъ 18 февр. 1863 г. переведенъ былъ въ Псковъ на ту же должность, которую занималъ и во Владимірской семинаріи.

Аркадій Филоновъ (1863—69), въ мірѣ Алексій, въ 1847 г. кончилъ курсъ Смоленской семинаріи; 31 янв. 1848 г. по желанію поступилъ въ Порѣчскую, Смоленской еп., Ордынскую пустынь; 19 окт. 1849 г. переведенъ въ Смоленскій архіерейскій домъ; 20 дек. 1849 г. постриженъ въ монашество; 2 февр. 1850 г. рукоположенъ въ діакона; 1851 г. поступилъ въ Петербургскую академію; 16 мая 1855 г. рукоположенъ въ іеромонаха; 23 сент. того же года—кандидатъ. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 6 ноября 1855 г. Аркадій назначенъ смотрителемъ Рославльскаго дух. училища и настоятелемъ Спасопреображенскаго въ г. Рославлѣ монастыря; 17 іюня 1859 г. произведенъ въ санъ игумена; 18 февр. 1863 г. переведенъ во Владимірскую семинарію инспекторомъ и учителемъ въ высшее 3 отд.; 6 янв. 1868 г. — архимандритъ; 25 мая 1869 г. уволенъ отъ училищной службы по болѣзни и назначенъ настоятелемъ Бѣлевскаго Спасопреображенскаго монастыря; 16 янв. 1873 г. настоятель Витебскаго Маркова монастыря; 16 ноября 1885 г.—епископъ Муромскій; 30 сент. 1887 г. — Аккерманскій [3]). Въ бытность во Владимірѣ Аркадій напечаталъ: „Той язвенъ бысть за грѣхи наша“, Влад. Епар. Вѣд. 1866 г., № 6 и „Прощаніе наставниковъ и учениковъ съ о. ректоромъ“, тамъ же, 1867 г., № 4.

Экономы. Алексѣй Ильичъ Палеховскій (1840—42), кончилъ курсъ во Владимірской семинаріи 1816 г.; 1817 г. опредѣленъ священникомъ къ Александровскому дѣвич. монастырю; 1840 г. уво-

---

1) Томъ 2, стр. 748—49.

2) Арх. Св. Синода, 1862 г., № 2056.

3) См. формуляр. списокъ и Списки архіереевъ... № 494.

ленъ отъ мѣста и опредѣленъ въ число братства архіерейскаго дома; въ томъ же году избранъ экономомъ семинаріи. Оставался на этомъ мѣстѣ Палеховскій до 1842 г., когда по прошенію (простуда, ревматизмъ) былъ уволенъ [1]).

Іеромонахъ *Арсеній*, въ мірѣ Артемій Ив. Великосельскій (1842—43). 1803 г. изъ богословскаго класса опредѣленъ священ. въ село Черкутино Влад. уѣзда; 1842 г. постриженъ въ монашество съ именемъ Арсенія и опредѣленъ въ Введенскую пустынь; въ томъ же году избранъ экономомъ семинаріи. 7 сент. 1843 г. Арсеній уволенъ отъ должности вслѣдствіе растраты денегъ. Именно, въ мартѣ мѣсяцѣ 1843 г., при повѣркѣ семинарскихъ суммъ, не оказалось на лицо 309 р. $42^5/_7$ к. сер. Потребовали отъ эконома объясненія. Арсеній отвѣчалъ, что въ настоящую минуту онъ не можетъ отыскать недостающую сумму „по причинѣ смѣшанности расходовъ изъ одной статьи въ другую“ и просилъ дать ему отсрочку для отысканія неоказавшейся суммы сперва до 1 іюля, потомъ до 1 сентября. Но и къ 1 сент. деньги не были отысканы [2]).

Ив. Гавр. Бѣляевъ (1843—1857 г.), изъ наставниковъ семинаріи; о немъ будетъ сказано ниже.

Алексѣй Ив. Розовъ (1857—1867 г.)—тоже.

Александръ Ив. Остроумовъ (1867—68), по окончаніи курса въ 1852 г., рукоположенъ въ священ. къ Владимірскому Успенскому собору (1853 г.); 1859 г. переведенъ къ Богословской гор. Владиміра церкви; 1861 г. опредѣленъ духовникомъ при семинарской больницѣ, какую должность исправлялъ въ теченіе 25 лѣтъ; 1867 г. въ янв. избранъ экономомъ семинаріи. Въ 1868 г. въ янв. уволенъ отъ этой должности по прошенію, „въ виду невозможности совмѣщать приходскую службу и экономскую“. Въ послѣдующее время о. Александръ Остроумовъ состоялъ членомъ семинарскаго правленія (съ 1875 г.) въ теченіе 9 лѣтъ; въ 1883 г. возведенъ въ санъ протоіерея и утвержденъ духовникомъ градск. духовенства. Имъ напечатано: „Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу“ (Пс. VIII, 3). Влад. Епарх. Вѣд. 1866 г. № 13.

Ив. Егор. Постѣловъ (1868—83), обучался во Владимірской семинаріи, но полнаго курса не окончилъ. 27 мая 1857 г.—назначенъ письмоводителемъ правленія семинаріи; 27 янв. 1868 г.—экономомъ. Въ ноября 1883 г. уволенъ отъ семинарской службы по прошенію.

Наставники. Въ порядкѣ опредѣленія наставниковъ на мѣста не видимъ въ означенный періодъ однообразія и единства. Нѣкоторые изъ наставниковъ назначались указомъ Св. Синода, другіе—

---

1) Палеховскомъ, какъ экономѣ, см. Саввы Хроника моей жизни, т. 1, стр. 167.
Арх. сем. 1844 г., № 1.

оберъ-прокуроромъ и, наконецъ, третьи по распоряженію академическаго начальства. Въ служебныхъ правахъ и положеніи преподавателей семинаріи произошло не много измѣненій. Ревностное прохожденіе наставниками своей должности и исполненіе безвозмездно налагаемыхъ на нихъ обязанностей поощрялось и вознаграждалось благодарностью академическаго начальства и благословеніемъ Св. Синода. Иногда за исправленіе стороннихъ должностей выдавались и денежныя награды въ формѣ квартирнаго пособія или денежнаго оклада (полугодоваго и годоваго)[1]. Орденами преподаватели жаловались рѣдко. Алексѣй Розовъ, поступившій на службу въ 1845 г., пожалованъ былъ первымъ орденомъ (Анны 3-й степени) лишь въ 1866 г.

Каждому изъ наставниковъ поручалось для чтенія нѣсколько предметовъ, иногда самыхъ разнородныхъ по содержанію. Такое разнородное сочетаніе предметовъ узаконено было самимъ синодскимъ росписаніемъ (объ этомъ ниже). Синодское росписаніе измѣнялось кромѣ того по временамъ семинарскимъ правленіемъ, которое, имѣя въ виду главнымъ образомъ уравненіе уроковъ между наставниками, назначало наставнику тотъ или другой предметъ, часто мало соображаясь со степенью соотвѣтствія его съ другими предметами, которые читаетъ данный наставникъ.

Изъ наставниковъ, опредѣленныхъ на службу во Владимірскую семинарію до 1840 г. и продолжавшихъ учить въ ней въ періодъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, можно указать слѣдующихъ лицъ: *Макс. Терен. Лебедева, Вас. Ѳеод. Романовскаго, Мих. Яким. Смирнова, Ао. Ник. Яковлевскаго, Ив. Никиф. Солярскаго, Гр. Ев. Вознесенскаго, іером. Діонисія (Аннинскаго), Пав. Абр. Пруденттова, Іос. Троф. Сердцева, Вас. Ив. Миловидова, Мих. Маіевскаго, іером. Рафаила, Ѳед. Мих. Надеждина, Вас. Емел. Богородицкаго, Матѳ. Ив. Соколова, Алексѣя Вас. Миртова, Александра Ао. Кохомскаго, Мих. Мин. Никольскаго.* Послѣ 1840 г. поступили:

Ив. Ив. Извольскій (1840—51), изъ Владимірской семинаріи и Московской академіи. Московскую академію окончилъ старшимъ кандидатомъ. 17 сент. 1840 г. назначенъ во Владимірскую семинарію на классъ греческаго и нѣмецкаго языковъ. Со времени преобразованія учебной части въ семинаріяхъ (5 сент. 1840 г.) пере-

---

[1]) Напр., Андрей Боголюбовъ въ 1858 г. послѣ ревизіи по опредѣленію Синода за преимущественно успѣшное преподаваніе и благотворное вліяніе на учениковъ получилъ денежное вознагражденіе въ 143 р. сер. Столько же получено имъ послѣ ревизіи 1862 г. Алексѣй Розовъ за исправленіе должности секретаря строительнаго комитета по постройкѣ корпуса семинаріи и деревяннаго флигеля награжденъ, по опредѣленію Св. Синода, 100 р.

веденъ на предметы, назначенные для III наставника (герменевтика, св. писаніе и чтеніе греч. отцевъ); 16 авг. 1841 г. рукоположенъ священникомъ къ Дмитріевскому собору съ оставленіемъ при должности наставника. Ив. Ив. Извольскій извѣстенъ своимъ благодушнымъ и веселымъ характеромъ, благодаря которому на урокахъ его всегда поддерживалось веселое оживленіе. Въ 1851 г. Извольскій уволенъ отъ семинарской службы по прошенію [1]). Ум. въ янв. 1856 г.

Семенъ Мих. Поспѣловъ (1840—41). Изъ Виѳанской семинаріи 1836 г. поступилъ въ Моск. дух. академію. По окончаніи курса, 17 сент. 1840 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ риторики, чтенія Св. Писанія и латинскаго языка въ 3 классъ низш. отд. 1841 г. возведенъ на степень магистра. 27 авг. того же года переведенъ въ Виѳанскую семинарію на классъ чтенія Св. Писанія въ высш. отд. и чтенія греч. отцевъ въ среднемъ. 27 іюля рукоположенъ во діакона, а 28 во священника съ причисленіемъ къ Архангельскому собору. $\frac{\text{11 октября}}{\text{5 ноября}}$ 1848 г. уволенъ отъ училищной службы. Скончался въ санѣ протоіерея Сергіевской въ Рогожской церкви въ Москвѣ [2]).

Кононъ Иг. Волковъ (1841—46), изъ Ярославской семинаріи въ 1837 г. поступилъ въ Петербургскую академію. По окончаніи академическаго курса, 27 авг. 1841 г. опредѣленъ во Владиміръ на мѣсто Сем. Мих. Поспѣлова (риторика, св. писаніе, латинскій языкъ). 9—18 дек. 1842 г. возведенъ на степень магистра. Съ 16 сент. 1842 г. по іюль 1844 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. 16 мая 1844 г. утвержденъ помощникомъ инспектора. Въ маѣ 1846 г. Кон. Игн. Волковъ опредѣленъ священникомъ къ Крестовоздвиженской церкви г. Шуи и оставилъ семинарскую службу. Умеръ въ ноябрѣ 1874 г. К. Волковъ былъ добрымъ и серьезнымъ наставникомъ, пользовавшимся любовію учениковъ; но онъ, повидимому, не успѣлъ создать себѣ такой хорошей репутаціи, какъ его коллега Ив. Никиф. Солярскій, читавшій одновременно въ низшемъ 2 отд. тѣ же предметы. Волковъ добросовѣстно слѣдилъ за устными отвѣтами учащихся, но не столько же, кажется, удѣлялъ вниманія ихъ письменнымъ работамъ.

Аполлосъ Бѣляевъ (1841—47 г.), въ мірѣ Ив. Егоровичъ, воспитанникъ Владимірской семинаріи. Въ 1835 г. поступилъ въ Кіевскую академію, въ которой 25 сент. 1838 г. постриженъ въ монашество. 1 авг. 1839 г.—іеромонахъ. 27 ноября 1839 г. назначенъ

[1]) Въ свидѣтельствѣ врачебной управы говорилось, что онъ не можетъ продолжать училищную службу вслѣдствіе воспаленія глазъ золотушнаго свойства.

[2]) См. Списки начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Виѳанской семинаріи, стр. 30.

въ Тверскую семинарію на классъ библейской исторіи и чтенія Св. Писанія. 31 дек. того же года — кандидатъ. 22 сент. 1841 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на вакансію учителя богословскихъ предметовъ въ 3 классъ высшаго отдѣленія. 22 мая 1842 г.—магистръ („въ уваженіе засвидѣтельствованія о немъ Тверскаго училищн. начальства"). 31 окт. 1847 г.—инспекторъ Астраханской семинаріи; 1849 г.—игуменъ Астраханскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря; ноября 9 1851 г.—архимандритъ; 21 февр. 1854 г.—ректоръ Астраханской семинаріи, 26 октября 1856 г.—Псковской. 21 янв. 1864 г. Аполлосъ назначенъ еп. Старорусскимъ; 22 февр. 1866 г. переименованъ Ладожскимъ; 13 декабря 1866 г. назначенъ Вятскимъ; 20 апр. 1880 г. возведенъ въ санъ архіепископа. 7 іюня 1880 г. Аполлосъ уволенъ на покой въ Слободск. Крестовоздв. монастырь Вятск. еп. Скончю 1885 г. ноября 26 [1]. Изъясненія Аполлоса, какъ наставника богословскихъ предметовъ, отличались, по словамъ учениковъ, теплотою чувства; онъ считался однимъ изъ хорошихъ преподавателей. Изъ печатныхъ трудовъ Аполлоса извѣстны: „Слова на церковные праздники", Псковъ, 1857 г.; „Псковопечерскій монастырь и Псковопечерскаго монастыря іеромонахъ Лазарь", Новгородъ, 1864 г.; „Пастырскія наставленія", С.-Пб., 1867 г. Кромѣ того имъ же составлены описанія Астраханскихъ Іоанно-Предтеченскаго, Покрово-Болдинскаго и Благовѣщенскаго монастырей [2]). Нѣсколько его словъ, говоренныхъ послѣ 1854 г., помѣщены въ „Странникѣ" (1862 г. февр., авг., ноябрь; 1864 г. февр.).

Николай Пв. Приклонскій (1842—45), изъ воспитанниковъ Владимірской семинаріи. Въ 1837 г. поступилъ въ Кіевскую академію, но выбылъ оттуда и окончилъ курсъ въ Московской въ 1842 г. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 28 сент. 1842 г. назначенъ во Владиміръ по классу математическихъ наукъ, въ мартѣ 1843 г. перемѣщенъ на предметы философскіе. Въ декабрѣ 1843 г. возведенъ на степень магистра. Но не долго пришлось Приклонскому преподавать главные предметы въ среднемъ отд. Онъ одержимъ былъ почти неизлѣчимою болѣзнью, препятствовавшею ему выполнять трудныя обязанности главнаго наставника. Въ $18^{44}/_{45}$ учебн. г. имъ пропущено было 38 уроковъ. Вслѣдствіе резолюціи Пароенія, семинарское правленіе вошло въ обсужденіе вопроса о томъ, можетъ ли Приклонскій оставаться наставникомъ философскихъ наукъ, и постановило ходатайствовать о перемѣщеніи его снова на классъ наукъ математическихъ,—въ виду того, что „если профессоръ Приклонскій и далѣе будетъ подверженъ тѣмъ же

[1]) См. Списки архіереевъ... № 380.

[2]) См. Русск. біографическій словарь, т. 2, 1900 г., стр. 237.

болѣзненнымъ припадкамъ, то опущенія по классу, въ коемъ, кромѣ преподаванія означенныхъ предметовъ, соединено разсматриваніе ученическихъ сочиненій, болѣе 200 каждый мѣсяцъ, будетъ неизбѣжно" [1]). Но Н. И. Приклонскій не чувствовалъ въ себѣ силы къ чтенію и второстепенныхъ предметовъ. 1 сент. 1845 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ училищной службы вслѣдствіе разстройства, происходящаго отъ дѣйствія желчи [2]), впредь до выздоровленія и просилъ сохранить за нимъ магистерскій окладъ. Св. Синодъ позволилъ оставить за Приклонскимъ полагающійся ему по степени классный окладъ, но съ тѣмъ, чтобы преосв. Парѳеній занималъ его какими-нибудь учеными трудами, а по окончаніи года донесъ о состояніи его здоровья. Чрезъ годъ состояніе здоровья Н. И. Приклонскаго улучшилось, но не окончательно поправилось. Между тѣмъ въ теченіе года онъ перевелъ на русскій языкъ: „Grundriss der Psychologie" von Beck и „Magnel als Heilmittel" von Dr. Barth (1836) и кромѣ того внимательно проштудировалъ „Symbolik des Traumes" von Schubert и „Grundriss der allgemeinem Logik" von Kiesewetter [3]). Положено было Приклонскому остаться въ домѣ родныхъ еще на годъ, хотя онъ и просилъ убѣдительно объ опредѣленіи его на училищную службу. Въ 1848 г. Н. И. Приклонскаго назначили въ Тверскую семинарію на каѳедру словесности. Но, очевидно, силы мало соотвѣтствовали желаніямъ. Въ 1849 г. онъ скончался.

Ив. Гр. Любомудровъ (1842—49), обучался въ Тульской семинаріи и Московской академіи. Въ сентябрѣ 1842 г. назначенъ учителемъ математическихъ наукъ въ среднее 2-е и низшее 2-е отд. Владимірской семинаріи. Въ ноябрѣ 1843 г. возведенъ на степень кандидата. Съ 16 ноября 1842 г. по 7 сент. 1843 г. проходилъ должность помощника инспектора надъ казеннокоштными учениками. Кромѣ математическихъ наукъ, Любомудровъ преподавалъ ученіе о христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ во 2-мъ высшемъ отд. ($18^{42}/_{43}$, $18^{43}/_{44}$ и $18^{46}/_{47}$ гг.), священное писаніе въ низш. 2-мъ отд. ($18^{47}/_{48}$ г.), греческій яз. въ среднемъ 2-мъ отд. ($18^{47}/_{48}$ г.) и французскій яз. ($18^{46}/_{47}$ г.). Ив. Григ. Любомудровъ считался человѣкомъ довольно умнымъ, но, естественно, что при такомъ множествѣ, а главное разнохарактерности предметовъ, которые предложены были ему для чтенія въ короткій періодъ его службы въ семинаріи, онъ не могъ преподавать всѣхъ ихъ основательно. Особенно онъ былъ неудаченъ, какъ преподаватель греческаго яз.

---

[1]) Арх. сем. $18^{44}/_{45}$ г., № 19.

[2]) Приклонскій страдалъ, по засвидѣтельствованію врачебной управы, хроническимъ воспаленіемъ печени.

[3]) Арх. сем. $18^{45}/_{46}$ г., № 21.

1 іюля 1849 г. И. Г. Любомудровъ опредѣленъ смотрителемъ Муромскихъ дух. училищъ; 29 янв. 1850 г. посвященъ священникомъ къ Муромской Казанской церкви. 25 мая 1869 г. произведенъ въ санъ протоіерея; 25 сент. того же года перемѣщенъ къ Троицкому женскому монастырю, а 15 окт. 1870 г. къ Муромскому собору. Ум. 29 янв. 1885 г.[1]).

Ив. Гавр. Бѣляевъ (1843—57), изъ Владимірской семинаріи въ 1835 г. поступилъ въ Петербургскую академію. По окончаніи Петербургской академіи по второму разряду, 7 дек. 1839 г. опредѣленъ учителемъ низшаго отдѣленія Муромскаго дух. училища по классамъ греческаго яз., катихизиса, славянской грамматики и ариѳметики. 21 февр. 1842 г. назначенъ помощникомъ инспектора Муромск. дух. училищъ; 19 февр. 1843 г. перемѣщенъ на классы греч. яз., катихиз. и географіи въ высшее отд. того же училища, а 5 марта того же года во Владимірскую семинарію на классъ физико-математическихъ наукъ. 7 сент. того же 1843 г. опредѣленъ экономомъ семинаріи и помощникомъ инспектора надъ казеннокоштными учениками, съ оставленіемъ въ учительской должности. Въ исторіи Владимірской семинаріи И. Г. Бѣляевъ долженъ быть болѣе отмѣченъ, какъ экономъ, чѣмъ какъ преподаватель. Въ періодъ его завѣдыванія экономическимъ дѣломъ семинарія нѣсколько разъ получала благодарность отъ высшаго начальства „за соблюденіе экономіи съ значительнымъ остаткомъ суммы", которая впослѣдствіи пригодилась семинаріи при постройкѣ зданій. Умеръ И. Г. Бѣляевъ на должности преподавателя 1857 г. 18 ноября.

Вас. Ив. Романовскій (1844—45 г.), изъ Московской семинаріи и академіи. По окончаніи Московской академіи въ 1844 г. со степенью магистра, 30 окт. того же года назначенъ во Владимірскую семинарію учителемъ по 4-му классу словесности. Чрезъ годъ (3 окт. 1845 г.) В. И. Романовскій перешелъ въ Виѳанскую семинарію на ту же каѳедру. 24 дек. 1847 г. уволенъ въ епархіальное вѣдомство для поступленія во священники къ Параскевіевской, что на Пятницкой, церкви. Скончался въ санѣ протоіерея этой церкви 16 янв. 1895 г.

Иванъ Вас. Надеждинъ (1844—47 г.), обучался во Владимірской и окончилъ курсъ въ Петербургской семинаріи. Въ 1836 г. поступилъ въ Московскую академію. По окончаніи курса кандидатомъ, опредѣленъ (18 ноября 1840 г.) въ Иркутскъ по классу чтенія Св. Писанія, патристики, чтенія отцевъ греческихъ и латинскихъ въ высшемъ отдѣленіи, чтенія Св. Писанія, герменевтики и чтенія греческихъ отцевъ въ среднемъ отд. Съ 1841 по 1844 г. проходилъ должность эконома при Иркутской семинаріи. 30 окт.

---

[1]) Некрологъ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1885 г., № 9.

1844 г. переведенъ во Владиміръ на классъ церковно-библейской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ Указомъ отъ 8 сент. 1847 г. И. В. Надеждинъ уволенъ отъ училищной службы по прошенію для поступленія по другому вѣдомству [1]). Одинъ изъ учениковъ Надеждина довольно подробно коснулся личности этого наставника и далъ отчасти ключъ къ разгадкѣ его ухода съ духовно-учебной службы. „Нельзя сказать, пишетъ онъ, чтобы И. В. Надеждинъ былъ неспособнымъ человѣкомъ; но свой предметъ онъ зналъ слабо и дальше учебника Библейской исторіи Филарета не шелъ, да и его не зналъ наизусть, а потому всегда держалъ предъ собою открытую книгу. Отъ учениковъ онъ требовалъ точнаго, буквальнаго знанія Филарета; малѣйшую перестановку словъ считалъ за ошибку и ставилъ за нее плохую отмѣтку. У другихъ преподавателей, въ случаѣ запамятованія, выручали подсказыванія съ парты, но у Надеждина подсказыванія были немыслимы. И. В. стоялъ за учительскимъ столомъ (онъ никогда не садился на стулъ и не ходилъ по классу), обозрѣвая парты. Свои наблюденія надъ учениками онъ вписывалъ въ особую тетрадь, причемъ попутно дѣлалъ выговоры ученикамъ, не оставляя безъ замѣчанія ни одного малѣйшаго движенія. Цѣлый двухчасовый урокъ онъ посвящалъ спрашиванію учениковъ; отвѣты оцѣнивалъ балльными отмѣтками. Такой методъ преподаванія, естественно, не понравился всѣмъ, и ученики стали придумывать какъ бы отучить его отъ этой надоѣдливости. Надеждинъ былъ высокаго мнѣнія о своихъ знаніяхъ и любилъ входить съ учениками въ пререканія. На этой слабости и поймали его. Учился въ это время въ среднемъ отд. нѣкто Мих. Ѳеод. Соколовъ, умный и даровитый уч. Никто не видѣлъ у него въ классѣ учебника или тетрадки, но, не смотря на то, всѣ предметы онъ зналъ отлично. На квартирѣ Соколовъ читалъ книги, а въ классѣ слушалъ внимательно хорошихъ учителей. Сочиненія писалъ прямо на-бѣло, и всѣ примѣрно хорошія. Мих. Вас. Миловскій называлъ его „золотой головой“ [2]). И вотъ къ этой-то „золотой головѣ“ мы обратились съ просьбой избавить насъ отъ Надеждинскаго гнета, развлечь назойливаго наставника какими-нибудь разговорами, относящимися къ уроку. Мих. Ѳед. согласился. Не успѣлъ спрошенный ученикъ сказать словъ пяти, какъ Соколовъ поднялся съ возраженіями. Надеждинъ сталъ запальчиво опровергать ихъ; Соколовъ поддерживалъ реплики, и завязался продолжительнѣйшій споръ. Такъ Ив. Васильевичъ и не успѣлъ спросить болѣе ни одного ученика. Раздался звонокъ, ученики проводили Надеждина съ шумомъ и гамомъ, какъ побѣжденнаго.

---

[1]) Арх. сем. 18$^{46}/_{47}$ г., № 25.

[2]) М. Ѳ. Соколовъ умеръ до окончанія курса въ 1848 г. отъ холеры.

Этотъ первый окончившійся успѣхомъ опытъ заразилъ всѣхъ. Всѣ болѣе или менѣе способные ученики даже въ томъ случаѣ, когда ихъ вызывалъ Надеждинъ къ отвѣту, вдавались въ разсужденія, совопросничали и не оставляли Ив. Васильевича въ покоѣ ни на минуту. Классъ библейской исторіи проходилъ въ словопреніяхъ, часто къ уроку совершенно не относящихся. Престижъ учителя, дававшаго нерѣдко неудачные отвѣты совопросникамъ, падалъ все больше и больше. Наконецъ, непріязнь къ нему, все болѣе и болѣе возраставшая, стала выражаться въ грубой формѣ. Лишь только, бывало, Ив. Вас покажется въ двери, въ классѣ начинается топанье ногами, шумъ, гамъ .. Ив. Вас. прикроетъ дверь, походитъ въ корридорѣ, покажется на порогѣ,—и снова та же исторія. При выходѣ изъ класса повторялось то же. Узналъ о происходившихъ безпорядкахъ Евѳимій, принималъ мѣры къ уничтоженію ихъ, грозилъ исключить весь классъ. Но, какъ человѣкъ умный, проницательный, понявъ, въ чемъ кроется причина такого настроенія цѣлаго класса, призвалъ къ себѣ Надеждина, выяснилъ ему суть дѣла и рекомендовалъ измѣнить методъ преподаванія и характеръ отношеній къ ученикамъ. Ив. Вас. не вынесъ этого позора и, должно быть съ горя, сталъ ходить въ классъ часто нетрезвымъ, хотя и очень уничиженнымъ и даже жалкимъ. Дни его службы были сочтены; вскорѣ онъ принужденъ былъ выйти въ отставку“ [1]).

Алексѣй Ив. Розовъ (1845—75). По окончаніи курса въ Орловской семинаріи, учился съ 1841—45 г. въ Кіевской академіи. По окончаніи причисленъ къ первому разряду подъ условіемъ, если, по выслугѣ двухъ лѣтъ, представитъ новое сочиненіе. 24 сент. 1845 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ словесности въ низшее 4-е отд. Съ 1846 по 1848 г., кромѣ словесности, преподавалъ еврейскій языкъ. Съ 28 сент. 1848 г. по 5 сент. 1855 г. проходилъ должность помощника инспектора. 13 ноября 1846 г. — старшій кандидатъ. 21 іюня 1850 г. опредѣленъ секретаремъ семинарскаго правленія; въ окт. 1852 г. перешелъ на тотъ же предметъ въ 1-е низшее отд. 18 окт. 1857 г. уволился по прошенію отъ должности секретаря и на слѣдующій день назначенъ экономомъ семинаріи. 4 февр. 1867 г. рукоположенъ во священника къ Дмитріевскому собору. Въ сент. 1868 г. опредѣленъ второй разъ секретаремъ семинарскаго правленія, отъ каковой должности уволенъ 31 окт. 1869 г. По выслугѣ при семинаріи 30 лѣтъ, 29 сент. 1875 г. уволился отъ училищной службы. 5 ноября того же года переведенъ къ женскому Успенскому монастырю. 1880 г.—протоіерей. Ум. 17 февр. 1884 г.

---

[1]) Рук. А. С.

Объ Ал. Ив. Розовѣ ученики вспоминаютъ не столько, какъ о выдающемся чѣмъ-нибудь наставникѣ, сколько какъ о человѣкѣ, въ высшей степени мягкомъ, незлобивомъ. Въ преподаваніи онъ держался близко учебниковъ. Во Влад. Епарх. Вѣдом. А. И. Розовъ помѣстилъ „Извлеченія изъ дух. журналовъ и газетъ" въ 1871 и 1872 г. и „Христосъ Воскресе" 1873 г., № 8

Ѳеодоръ Гавр. Бѣляевъ (1845—49), изъ Владимірской семинаріи. Въ 1841 г. поступилъ въ Петербургскую академію. Въ 1845 г. (27 окт.) опредѣленъ во Владимірскую семинарію на классъ физико-математическихъ наукъ. Съ 24 апр. по 1 ноября 1846 года преподавалъ, сверхъ того, философскіе предметы въ отдѣленіи умершаго профессора М. Лебедева 11 мая 1846 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора и учителемъ нѣмецкаго языка. Въ іюлѣ 1846 г. возведенъ на степень магистра. 12 марта 1848 г. съ класса физико-математическихъ наукъ переведенъ на классъ логики, психологіи, патристики и чтенія латинскихъ писателей. Въ 1849 г. перешелъ въ Московскую семинарію [1]) на должность профессора математики, а потомъ катихизическаго ученія Съ 1852 г. - священникъ семинарской церкви. Въ 1856 г. оставилъ семинарію и вышелъ въ епархіальное вѣдомство въ Москву.—„Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ словесности, пишетъ авторъ рукописи А. С., насъ перевели въ философское отдѣленіе. Главнаго преподавателя послѣ смерти М. Лебедева еще не было назначено; временно преподавалъ учит. Ѳеод. Гавр. Бѣляевъ На первыхъ же порахъ онъ задалъ намъ для сочиненія тему „Награды и наказанія можно-ли считать достойными побужденіями человѣка творить добро и убѣгать зла?" Съ періодовъ на предложенія: „время невозвратно", „науки полезны", эта тема совсѣмъ обезкуражила насъ. Не имѣя понятія о нравственномъ христіанскомъ законѣ, основанномъ на безкорыстной любви къ Богу и ближнимъ, мы совершенно потеряли головы и не знали, что и какъ писать, тѣмъ болѣе, что отъ учителя никакихъ разъясненій не слышали. А между тѣмъ это было первое сочиненіе, и каждому хотѣлось зарекомендовать себя. Обратились за помощью къ богословамъ, и трудное сочиненіе сошло у всѣхъ почти хорошо. Но это насъ не радовало; alieno bove, какъ тогда выражались, не проживешь. А что же будетъ, думали мы, если и впредь будутъ такія же темы? Начались уроки. Учебныхъ руководствъ для первыхъ уроковъ не было. Нужно было переписывать лекціи съ прежнихъ тетрадокъ,—часто съ крупными ошибками, а потомъ уже учить. Ив. Гавр. объяснялъ урокъ очень быстро и наполнялъ объясненія по преимуществу трескучими фразами, нисколько не разъясняющими его Приходилось учить на-

---

[1]) См. Саввы, Хроника моей жизни, т. I, стр. 387.

зусть. Измучились мы у Бѣляева и съ нетерпѣніемъ ожидали новаго наставника[1]). Наконецъ, желанія наши исполнились: назначенъ былъ къ намъ одинъ изъ лучшихъ магистровъ Московской академіи (шестой магистръ) Мих. Вас. Тихонравовъ".

Михаилъ Вас. Миловскій (1846—49), изъ воспитанниковъ Владимірской семинаріи, окончилъ Московскую академію со степенью кандидата въ 1842 г. 21 сент. того же года назначенъ учителемъ Тобольской семинаріи по предмету словесности, а съ 16 авг. 1843 г. и экономомъ семинаріи. 24 апр. 1846 г. перемѣщенъ во Владиміръ по предмету св. писанія и чтенія греческихъ и латинскихъ писателей. Въ 1848 г. М. В. Миловскому поручено преподаваніе французскаго языка; въ 1849 г. уволенъ отъ училищной службы и 8 янв. 1850 г. рукоположенъ во священника къ Шуйской Спасской церкви. Въ 1873 г. возведенъ въ санъ протоіерея, 1893 г. уволенъ заштатъ. Умеръ 8 іюня 1896 г. Ученики М. В. Миловскаго отзываются о немъ, какъ о прекрасномъ наставникѣ, оставившемъ у нихъ хорошую память. Человѣкъ онъ былъ умный, трудолюбивый, обладавшій даромъ слова. „Св. писаніе изучалось въ то время по скуднымъ запискамъ, въ которыхъ объяснялись болѣе замѣчательныя мѣста изъ книгъ Св. Писанія Мих. Вас. самъ тщательно составлялъ объясненія помимо этихъ записокъ и велъ послѣдовательное истолкованіе книгъ псалтири и пророка Исаіи"[2]). М. В. Миловскій напечаталъ „Козьминъ монастырь" Влад. Губ. Вѣд., 1848 г., № 24 и нѣсколько словъ въ Влад. Епарх. Вѣд.

Михаилъ Вас. Тихонравовъ (1846—50), питомецъ Владимірской семинаріи. Еще на семинарской скамьѣ Мих. Васильевичъ выдавался недюжинными способностями. Разсказываютъ, что семинарскія сочиненія Тихонравова были такъ хороши, что у наставниковъ и начальства не разъ возникали сомнѣнія въ ихъ подлинности. Сомнѣнія исчезли только послѣ того, какъ Тихонравовъ, запертый, въ видахъ провѣрки, въ канцеляріи, написалъ работу, изумившую всѣхъ. Въ Московской академіи, куда Тихонравовъ поступилъ по окончаніи семинарскаго курса, онъ сталъ въ близкія отношенія къ профессору (впослѣдствіи ректору Моск. акад.) А. В. Горскому. Горскій приблизилъ его къ себѣ и оказывалъ ему особенное вниманіе и благорасположеніе; онъ не иначе и называлъ Тихонравова, какъ по имени и отчеству. „Ну, что, Михаилъ Васильевичъ, сказалъ Тихонравову Горскій, по прочтеніи его курсового

[1]) Нѣкоторымъ оправданіемъ для Ѳ. Г. можетъ служить въ данномъ случаѣ то, что онъ читалъ въ 1846 г. философскія науки первый годъ.

[2]) Разумѣется періодъ времени, когда обучался авторъ воспоминаній. Рук. А. С.. О М. В. Миловскомъ см. Владим. Епарх. Вѣд. 1883 г., стр. 30—43; 1891 г., стр. 156—59 и (некрологъ) 1896 г. №№ 18—19.

сочиненія „О христіанскомъ мученичествѣ“, оказавшагося прекраснымъ, — чѣмъ же намъ закончить диссертацію?“ Затѣмъ, немного подумавъ, взялъ перо и написалъ въ заключеніе его: „Святіи мученицы, иже добрѣ страдавше и т. д.“. Съ такимъ заключеніемъ магистерская диссертація и была напечатана въ 1846 г.

10 окт. 1846 г. Тихонравовъ опредѣленъ во Владимірскую семинарію на каѳедру философскихъ наукъ во 2-е сред. отд. Въ іюнѣ 1847 г. возведенъ на степень магистра. 2 февр. 1848 г. назначенъ секретаремъ семинарскаго правленія. Въ 1848 г. ректоръ Евѳимій ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о назначеніи ему помощника по классу богословскихъ наукъ. Опредѣленіемъ отъ 4—11 марта 1848 г. Св. Синодъ разрѣшилъ ему имѣть такого помощника, и на эту вакансію переведенъ былъ М. В. Тихонравовъ.

Во Владимірѣ молодой и даровитый наставникъ обратилъ на себя вниманіе прежде всего своимъ глубокимъ религіознымъ настроеніемъ и высоконравственнымъ характеромъ. Въ порывѣ религіознаго чувства Мих. Васильевичъ способенъ былъ даже проливать слезы. „Я не знаю еще въ жизни своей ничего сладостнѣе слезъ, пишетъ Тихонравовъ къ своему товарищу М. В. Миловскому, кои иногда Господь давалъ мнѣ“ [1]). По разсказамъ лицъ, близко знавшихъ Мих. Васильевича, слезы умиленія давалъ ему Господь не иногда только, а довольно часто. Его въ высшей степени трогали глубокосодержательныя пѣснопѣнія Православной церкви. Запоетъ, бывало, какую-нибудь торжественную и величавую стихиру, и слезы польются по его блѣдному и худощавому лицу. По разсказамъ, Тихонравовъ во Владимірѣ не находилъ для себя большаго эстетическаго наслажденія, какъ со своими сослуживцами изъ воспитанниковъ Московской академіи пѣть „лаврскую“: *Преславная днесь*. При этомъ онъ всецѣло проникался восторженностью и умиленіемъ, что такъ ясно отражалось на его лицѣ, орошенномъ потоками слезъ [2]). При такой глубокой религіозной настроенности, Тихонравовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ умнымъ, трудолюбивымъ и основательнымъ наставникомъ. „Мих. Васильевичъ Тихонравовъ, говоритъ авторъ выше цитованной рукописи А. С., вполнѣ оправдалъ наши ожиданія: былъ наставникъ умный, трудолюбивый, съ искреннимъ усердіемъ и умѣніемъ преподававшій назначенные ему предметы. При немъ и мудреное дѣлалось яснымъ и скоро усвояемымъ. Онъ пріохотилъ насъ къ сознательному чтенію книгъ и рекомендовалъ вести выписки изъ нихъ замѣчательныхъ мѣстъ по мысли и изложенію. Чтобы привлечь къ этому полезному занятію всѣхъ учениковъ и развить въ нихъ вкусъ къ изящному,

---

[1]) См. Влад. Епарх. Вѣд. 1890 г., стр. 553.
[2]) См. тамъ же, прим. 1.

онъ требовалъ эти выписки представлять ему къ назначенному времени на просмотръ. И, дѣйствительно, всѣ внимательно просматривалъ и сдавалъ съ надлежащими замѣчаніями. Много онъ посѣялъ добра въ насъ". Въ такихъ же почти словахъ отзывается о Тихонравовѣ другой его питомецъ профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій. „Это былъ, пишетъ онъ, человѣкъ высокаго религіознаго настроенія, умный, внимательный къ ученикамъ, умѣвшій отличать способности и весьма ревностный въ исполненіи своего долга" [1]).

Въ іюнѣ 1850 г. М. В. Тихонравова постигла какая-то внутренняя, непонятая врачами болѣзнь. 1-го іюля семинарія лишилась этого многообѣщавшаго и во всякомъ случаѣ незауряднаго наставника [2]).

Николай Яков. Дубенскій (1846—57), изъ высшаго отд. Владимірской семинаріи въ 1843 г. отправленъ въ Горыгорѣцкую земледѣльческую школу. 10 іюля 1846 г. опредѣленъ учителемъ по классамъ сельскаго хозяйства и естественной исторіи для первой половины учениковъ высшаго и средняго отд. Кромѣ того, съ 1848—50 г. онъ преподавалъ нѣмецкій, съ 1 апр. 1850 г. по 1 іюля 1857 г. практическую геометрію для первой половины учениковъ низшаго отд., съ 1 сент. 1854 г. по 1 іюля 1857 г. математику для первой половины учениковъ того же отд. и физику для учениковъ средн. отдѣленія. Въ періодъ службы во Владимірской семинаріи Дубенскій избранъ былъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій и удостоенъ за труды нѣсколькихъ наградъ. Такъ, 14 янв. 1850 г. избранъ корреспонд. Императ. Экономическаго Общества. Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ за описаніе Владимірской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи (напечатано въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ" 1851 г., томы 39 и 40) награжденъ малою золотою медалью. 1852 г. избранъ дѣйств. членомъ Императорскаго Русск. Географическаго Общества. Съ 7 апр. 1854 г. по 7 апр. 1855 г., по приглашенію Владим. губернатора, былъ помощникомъ производителя работъ во Влад. Статистическомъ Комитетѣ. 11 сент. 1854 г. избранъ дѣйствит. членомъ и секретаремъ Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства. 16 окт. 1854 г. избранъ членомъ Императ. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, 1855 г.—членомъ-корреспондентомъ Горыгорѣцкаго института, 6 марта 1856 г.—Московскаго Общества Любителей Садо-

---

1) См. брошюру „Протоіерей А. М. Воскресенскій". Кіевъ, 1884 г., стр. 112.

2) Въ дополненіе къ своей магистерской диссертаціи М. В. Тихонравовъ началъ писать, состоя на службѣ, другое разсужденіе „О весьма благотворныхъ для св. Церкви послѣдствіяхъ христіанскаго мученичества". За смертію сочиненіе не было окончено.

водства. 26 сент. 1856 г. избранъ секретаремъ и казначеемъ Влад. Общества Рысистыхъ Бѣговъ. 20 дек. того же года Моск. Общ. Сельск. Хозяйства за описаніе почвъ, лѣсовъ и водъ Влад. губ. (въ „Журналѣ Сельскаго Хозяйства" за 1856 г.) награжденъ первою серебряною медалью. 2 февр. 1857 г. Н. Я. Дубенскій по прошенію уволенъ отъ училищной службы. Въ 1860 г. онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1861 г. избранъ въ помощники редактора „Трудовъ Императ. Вольно-Экономическаго Общества" и „Экономическихъ Записокъ". Въ 1863 г. перешелъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто преподавателя въ Земледѣльческомъ Удѣльномъ училищѣ. Въ началѣ 1864 г. Николая Яковл. командировали въ Западный край для устройства крестьянскихъ дѣлъ. Въ концѣ 60-хъ гг. онъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ разныхъ мѣстахъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Скончался 3 ноября 1892 г. въ Судогодской больницѣ.

Кромѣ упомянутыхъ нами литературныхъ работъ, Н. Я. Дубенскій напечаталъ: „Садоводство Влад. губ."—въ Труд. Импер. Вольно-Эконом. Общ. 1853 г.; „О почвахъ Влад. губ." въ I-мъ т. Записокъ Юрьевскаго Общ. Сельск. Хозяйства; „Замѣтки о торговлѣ желѣзными издѣліями во Влад. губерніи" въ Вѣст. Импер. Рус. Геогр. Общ. 1854 г., № 11; „Сельскія постройки во Владим. губерніи" въ Журналѣ Минист. Госуд. Имуществъ 1855 г., № 7; „Воды Владимірской губ." въ Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ за 1855 г., № 12; „О промыслахъ Владимірской губерніи" въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1858 г., № 9; „Вліяніе поземельнаго владѣнія общиннаго и собственнаго на промышленность народную" въ Экономическомъ Указателѣ за 1858 г., вып. 5-й и 8-й; „Полезно-ли преподаваніе естественной исторіи и сельскаго хозяйства въ духовныхъ семинаріяхъ?" въ Земледѣльческой газетѣ за 1858 г., № 33; „Статистическая карта Владимірской губ.", изд. 1858 г; „О торговыхъ селахъ Владимірской губерніи" въ Труд. Импер. Вольно-Эконом. Общ. 1859 г., т. IV, № 11; „Учрежденіе женскихъ училищъ во Владимірской губ." въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1868 г., ч. 42; „Владимірская сторона и Владимірцы" въ Сельскомъ Хозяйствѣ, 1862 г., т. IV, № 12; „Значеніе земли, какъ производительной силы и какъ предмета приложенія труда въ разныхъ полосахъ Россіи" въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ къ газетѣ „Народное Богатство", 1863 г., № 1; „Нищенство во Владимірской губ., какъ промыселъ", тамъ же № 6; „Одноконные или двуконные плуги пригоднѣе для русскаго земледѣлія?". С.-Пб. 1864 г., стр. 112 и мн. др.[1]).

---

[1]) Подробнѣе о трудахъ и дѣятельности Н. Я. Дубенскаго см. „Уроженцы и дѣятели Владимірской губ." А. В. Смирнова, вып. 3, 1898 г., стр, 115—33.

Изъ даннаго краткаго очерка можно видѣть, что вся жизнь Дубенскаго прошла въ непрерывныхъ научныхъ трудахъ, относящихся къ его спеціальности. Спеціалистовъ въ этой области Владимірская губ. въ 50-хъ гг. считала не много. Николаю Яковл. открывалось широкое поприще для научной дѣятельности, и онъ посвятилъ этой дѣятельности лучшіе свои годы и отдалъ свои лучшія силы. Въ этомъ отношеніи Дубенскій занимаетъ въ исторіи Владимірской губ. мѣсто одного изъ передовыхъ ея дѣятелей. Значеніе Дубенскаго для семинаріи менѣе велико. Но это зависитъ уже не столько отъ самого Дубенскаго, сколько отъ постановки и положенія въ семинарскомъ курсѣ предметовъ, которые были ему даны для преподаванія, о чемъ будетъ сказано ниже.

Василій Алекс. Ставровскій (1846—57), изъ высшаго отдѣл. Владимірской семинаріи въ 1843 г. поступилъ въ Горыгорѣцкую школу, по окончаніи которой, 10 іюля 1846 г. опредѣленъ учителемъ Владимірской семинаріи по классу сельскаго хозяйства и естественной исторіи для второй половины учениковъ высшаго и средн. отдѣленій. 1 апр. 1850 г. поручено было ему, сверхъ поименованныхъ предметовъ, преподаваніе практической геометріи во 2-мъ и 3-мъ низшихъ отдѣленіяхъ. 14 мая 1850 г. избранъ корреспондентомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Съ 1851 г. по 1853 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. Въ 1854 г. Ставровскій подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ уроковъ нѣмецкаго языка въ виду того, что онъ, по случаю своего вдовства, не желаетъ пользоваться лишнимъ казеннымъ окладомъ, который можетъ пойти на содержаніе кого-нибудь другого изъ болѣе нуждающихся наставниковъ семинаріи [1]). Въ 1857 г. 18 окт. В. А. Ставровскій скончался. Василій Алексѣевичъ, не смотря на то, что не отличался большими ораторскими способностями (онъ сильно картавилъ), пользовался любовію учениковъ и оказывалъ на нихъ не малое вліяніе. Въ эпоху Севастопольской войны онъ содѣйствовалъ возбужденію среди семинаристовъ патріотическаго чувства. Подъ его воздѣйствіемъ около 20 питомцевъ Владимірской семинаріи добровольно поступили въ ряды воиновъ.

Петръ Вас. Приклонскій (1846—48 г.), изъ высшаго отдѣл. Владимірской семинаріи въ 1837 г. поступилъ въ С.-Петербургскую дух. академію. 27 авг. 1841 г. назначенъ въ Вятскую семинарію по предметамъ: катихизическое ученіе, всеобщая исторія, греческій языкъ. Въ 1842 г.—старшій кандидатъ, въ 1846 г.—магистръ. 10 окт. 1846 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію въ 3-й классъ словесности. Въ сент. 1848 г.—учитель еврейскаго языка; но въ томъ же году переведенъ въ Московскую семина-

---

[1]) Арх. сем. $18^{53}/_{54}$ г., № 9.

рію на классъ словесности и латинскаго языка. Съ 1850 г.—священникъ при семинарской церкви, а въ 1852 г.—при церкви Григорія Неокесарійскаго, что за Москвой рѣкой. Въ настоящее время протоіерей при церкви Св. Николая Чудотворца (Новая слобода).

Иванъ Аввакумовичъ Павлушковъ (1847—69), обучался въ Вологодской семинаріи и Московской академіи (1842—46 г.). Съ 9 дек. 1846 г. по 14 дек. 1847 г. исправлялъ должность помощника инспектора въ Вологодской семинаріи 1847 г.—кандидатъ. 11 іюля 1847 г. назначенъ во Владимірскую семинарію по предметамъ, положеннымъ для V наставника (библейская исторія, каноническое право и церковная исторія). 5 ноября 1848 г. произведенъ во священника къ Владимірской градской Петропавловской церкви съ оставленіемъ въ должности учителя. Вслѣдствіе предписанія академическаго правленія, 23 ноября 1861 г. ему поручено преподаваніе каноническаго права и церковной археологіи въ трехъ высшихъ отд. 14 апр. 1868 г.—протоіерей. 1869 оставилъ семинарскую службу. 8 янв. 1873 г. переведенъ въ настоятели Вязниковскаго собора. 1 мая 1878 перешелъ снова во Владиміръ къ Николо-Златовратской церкви. Ум. 6 янв. 1897 г.

Ив. Аввак. Павлушковъ на первыхъ порахъ занялъ мѣсто Н. В. Надеждина, о которомъ упоминалось выше. „Методъ преподаванія библейской исторіи Павлушковымъ, по словамъ автора рукоп. А. С., состоялъ, какъ и у Надеждина, въ одпихъ спросахъ заданнаго урока; но онъ былъ человѣкъ добрый и снисходительный. Во время отвѣта учениковъ Ив. Аввак. ходилъ изъ угла въ уголъ медленными шагами, чѣмъ отлично пользовались ученики, прочитывая по подставленной книгѣ во время обратнаго марша его, иногда строкъ по 10, такъ что отвѣты сходили благополучно". Такъ же приблизительно отзываются о Павлушковѣ его ученики болѣе поздняго времени. „О. Ив. Павлушковъ ограничивался отвѣтами и не слишкомъ близкими къ запискамъ, лишь бы только эти отвѣты не страдали длинными паузами и явной нескладицей. Вообще, онъ былъ снисходителенъ и довѣрчивъ, особенно къ хорошимъ ученикамъ. Правда, какихъ-либо обширныхъ и полныхъ свѣдѣній въ курсъ своей науки онъ не вводилъ". Особенно памятными для учениковъ Павлушкова позднѣйшаго періода остались его объясненія отдѣловъ, касающихся родства, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе иллюстрировать примѣрами, взятыми изъ области родственныхъ отношеній своей семьи, при чемъ попутно сообщалъ ученикамъ свѣдѣнія, имѣвшія личный, семейный характеръ.

Дмитрій Өеод. Доброхотовъ (1848—51), изъ воспитанниковъ Владимірской семинаріи, окончилъ курсъ Московской академіи со степенью магистра въ 1848 г. Въ томъ же году 11 окт. назначенъ во Владимірскую семинарію профессоромъ логики, психологіи,

патристики и чтенія латинскихъ писателей въ среднее 2-е отд. Въ 1851 г. Доброхотовъ уволился отъ училищной службы и опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій при Главноуправляющемъ Путями сообщеній и Публичными зданіями. Дм. Ѳеод. Доброхотовъ читалъ свои предметы краснорѣчиво и увлекательно. Извѣстіе объ его уходѣ изъ семинаріи ученики встрѣтили съ большимъ прискорбіемъ.

Иванъ Ив. Приклонскій (1848—49), изъ воспитанниковъ Владимірской семинаріи, въ 1847 г. окончилъ Петербургскую академію съ званіемъ магистра и въ томъ же году назначенъ наставникомъ въ Костромскую семинарію; въ 1848 г.—во Владимірскую по предмету словесности въ третій классъ низшаго отдѣленія. Съ 1849 г.—профессоръ того же предмета въ Московской семинаріи. Скончался въ санѣ протоіерея Московской Трифоновской въ Напрудной церкви 1898 г. 28 марта.

Яковъ Ив. Новоселовъ (1848—52). Съ 1827 г. по 1833 г. обучался въ Новгородской и Олонецкой семинаріяхъ. Въ 1837 году окончилъ Петербургскую академію съ причисленіемъ ко второму разряду. 7 декабря 1837 г. опредѣленъ исправляющимъ должность секретаря правленія Олонецкой семинаріи. Чрезъ три года (7 дек. 1840 г.) назначенъ учителемъ въ Олонецкую семинарію по физико-математическимъ наукамъ и еврейскому языку. 20 октября 1846 г. уволенъ отъ училищной службы по прошенію, вслѣдствіе слабости здоровья. 30 іюля 1848 г. назначенъ наставникомъ математики во Владимірскую семинарію (сред. 1-е отд. и низш. 1-е). Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 21 окт. 1852 г. вторично уволенъ отъ училищной службы по болѣзни. Въ прошеніи объ увольненіи Я. Новоселовъ ссылается на геморроидальные припадки.

Григорій Ѳеод. Соколовъ (1849—70), изъ Владимірской семинаріи, въ 1837 г. поступилъ въ Кіевскую академію. По окончаніи курса, 1 дек. 1842 г. опредѣленъ исправляющимъ должность смотрителя Владикавказскихъ дух. училищъ. 1 дек. 1842 г. возведенъ на степень кандидата. 6 апр. 1849 г. переведенъ во Владимірскую семинарію учителемъ средняго и низшаго отд. 2 класса по физико-математическимъ наукамъ. 3 сент. 1853 г. поручено ему преподаваніе греческаго и латинскаго языка въ высшемъ 2-мъ отд. и греческаго яз. въ среднемъ и низшемъ 2-мъ отд. семинаріи. Съ 1 сентября 1856 г. сверхъ сего онъ сталъ преподавать нѣмецкій языкъ.

Григорій Ѳеод. принадлежалъ къ числу добрѣйшихъ, но слабыхъ, не пользовавшихся авторитетомъ наставниковъ. Занималось у него только нѣсколько человѣкъ; остальные вели себя въ классѣ

---

[1]) Арх. сем. 18$^{51}/_{52}$ г., № 29.

на его урокахъ такъ свободно и непринужденно, какъ будто наставникъ здѣсь и совсѣмъ не присутствовалъ. Болѣе благонамѣренные занимались своими дѣлами или толковали о разныхъ предметахъ, а озорники доходили чуть ли не до игры въ чехарду. Такъ было на урокахъ математики, такіе-же порядки сохранялись у Григорія Ѳеод. и на греческомъ языкѣ. „У Григорія Ѳеод. Соколова, преподававшаго греческій языкъ, говоритъ одинъ изъ питомцевъ конца 50-хъ г.г., практиковались иногда отвѣты и не по его назначенію, а по произволу учениковъ. Если онъ спрашивалъ того, кто къ отвѣту не готовился, то какой-нибудь со стороны, а иногда и самъ спрошенный говорилъ, что его нѣтъ въ классѣ, что онъ вышелъ или боленъ. Вмѣсто спрошеннаго поднимался кто-нибудь другой изъ готовившихся, упрашивалъ усиленно Г. Ѳ. спросить его и получалъ послѣ спроса отмѣтку". Въ послѣдніе годы службы Григорія Ѳеод. его авторитетъ среди учениковъ палъ окончательно, и начались издѣвательства, носившія, правда, шутливый характеръ, но дѣлавшія Григ. Ѳеод. мученикомъ своей профессіи. Разсказываютъ, что со времени открытія Московско-Нижегородской желѣзной дороги любимымъ развлеченіемъ учениковъ на урокахъ Г. Ѳ. являлось воспроизведеніе въ лицахъ отхода поѣзда отъ платформы. Одинъ, при помощи заслонокъ отъ печки, давалъ сигналъ къ выходу поѣзда, другой изображалъ свистокъ, третій пыхтѣлъ локомотивомъ и, наконецъ, цѣлая группа топала и стучала, симулируя вагоны. Все это взбиралось на парты, смѣялось, шумѣло. Въ концѣ концовъ Григорій Ѳеод. выходилъ изъ себя и пинками, толчками разгонялъ участниковъ безобразія, давая при этомъ новый поводъ къ взрыву смѣха, къ гаму и шуткамъ.

Послѣ реформы 1869 года Соколовъ остался за штатомъ и преподавалъ латинскій языкъ въ 1-мъ епархіальномъ классѣ. Умеръ 6 авг. 1870 г.

Петръ Григ. Кліентовъ (1849—70) обучался въ Московской семинаріи и Московской академіи. По окончаніи семинарскаго курса, былъ причисленъ ко второму разряду и 15 дек. 1849 года опредѣленъ учителемъ по классу священнаго писанія въ высшемъ и средн. 2 отдѣл. и герменевтики въ среднемъ 2-мъ отд. Влад. семин. 1 сент. 1850 года, кромѣ означенныхъ предметовъ, ему поручено было преподаваніе православнаго исповѣданія въ низшемъ отд. Вслѣдствіе представленія семинарскаго правленія, предписаніемъ Московской дух. академіи 25 іюля 1864 года онъ назначенъ былъ преподавателемъ православнаго исповѣданія и свящ. писанія въ низшихъ и герменевтики въ среднихъ отдѣленіяхъ семинаріи. Послѣ преобразованія семинаріи П. Г. Кліентовъ утвержденъ былъ помощникомъ инспектора.

„На урокѣ св. писанія у П. Г. Кліентова практиковался нерѣдко способъ разъясненія какого-нибудь пункта путемъ диспута между лучшими учениками, что вносило нѣкоторое оживленіе. Онъ былъ врагъ многорѣчія; его записки отличались краткостью; сочиненія по его предмету писались не болѣе 2-хъ страницъ. Среди учениковъ онъ слылъ за ученаго, хотя и „съ поврежденіемъ ума" [1]). Касательно перваго пункта, т. е. научныхъ достоинствъ Кліентова, приходится слышать отзывы и противоположнаго свойства. Несомнѣннымъ можно считать только то, что въ болѣе ранній періодъ своего наставничества во Владимірской семинаріи онъ ясно и толково излагалъ свой предметъ, что въ связи съ нѣкоторыми особенностями его, какъ человѣка, и создало ему репутацію среди учениковъ наставника умнаго и ученаго [2]). А особенности эти, дѣйствительно, были значительны и выдѣляли его изъ ряда прочихъ. Послѣ Алексія ни объ одномъ изъ преподавателей стараго времени не передается столько анекдотовъ, сколько о П. Г. Кліентовѣ. „Придетъ, бывало, въ классъ, разсказываетъ одинъ изъ учениковъ 50-хъ г.г., ничего не скажетъ, сидитъ, сидитъ, вытащитъ изъ кармана конфетку—пососетъ, или яблоко съѣстъ,—да вдругъ и вскрикнетъ: „господинъ Бѣляевъ-съ! а лекцію знаете-съ?" „Знаю". „Къ столу-съ". Ученикъ отвѣчалъ; наставникъ снова обращался къ конфеткѣ. Если отвѣтъ былъ неудовлетворительный, слѣдовало: „Ступайте. Единицу-съ". Объяснялъ П. Г. громко, не скоро, но опять-таки какъ-то странно. По словамъ одного ученика, онъ говорилъ такъ, какъ будто собирался плакать. Но особенно оригиналомъ заявлялъ себя П. Г. внѣ школы. Смѣшно было видѣть, какъ этотъ гигантскаго роста и атлетическаго сложенія человѣкъ съ серьезнѣйшимъ видомъ шелъ по бульвару или улицѣ и гналъ палкой впередъ себя клюкву. А то, бывало, зимой подойдетъ подъ арку архіерейскихъ воротъ, зазоветъ туда сбитенщика, купитъ у него 2—3 калача, напьется сбитня съ калачами, а остатки калачей раздаетъ собаченкамъ, выбѣгавшимъ изъ подворотни архіерейскаго двора, приговаривая: „это вамъ-съ, а это вамъ-съ;—а вамъ нѣтъ-съ, вы не архіерейская". Жилъ Кліентовъ замкнуто; въ общеніи товарищескомъ не чувствовалъ нужды. Въ день ангела, когда въ силу установившихся традицій, сотоварищи собирались къ имениннику для поздравленія, онъ устраивалъ исторію въ родѣ слѣдующей. Приглашалъ къ себѣ, напр., наставниковъ

---

[1]) Рукоп. П. В.

[2]) На почвѣ этой репутаціи впослѣдствіи создался невѣроятный слухъ о томъ, что будто бы записки по Священному Писанію М. И. Хераскова (изданныя теперь и принятыя въ качествѣ учебниковъ) стоятъ въ большой зависимости отъ научныхъ изысканій Кліентова.

къ 5 часамъ вечера. Приглашенные являлись къ назначенному сроку и, подходя къ двери Кліентова, слышали, какъ онъ усиленно потчевалъ и приглашалъ гостей. Стучались. Пріотворялась дверь, показывался П. Г. Кліентовъ и заявлялъ: „Петра Григорьевича дома нѣтъ-съ“. Дверь захлопывалась. Впослѣдствіи выяснялось, что у П. Г. никакихъ гостей и не бывало и что онъ, заготовивъ угощеніе, угощалъ самого себя, упрашивая при этомъ воображаемыхъ гостей.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1870 года Петръ Григорьевичъ Кліентовъ уволился отъ должности помощника инспектора. Умеръ въ Москвѣ.

Матѳей Ив. Жудро (1849—77 г.), обучался въ Могилевской дух. семинаріи и Петербургской академіи. 4 дек. 1849 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на классъ словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ. 4 окт. 1850 г. — кандидатъ съ правомъ получить магистра, если представитъ сочиненіе. Съ 1 сент. 1850 г. по 1 сент. 1852 г. преподавалъ французскій языкъ. 5 сент. 1856 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора, за усердную и благоразумную дѣятельность по исправленіи которой получилъ въ 1859 г. (послѣ ревизіи) благословеніе Св Синода. 6 сент. 1859 г. рукоположенъ священникомъ къ каѳедральному Владимірскому собору съ оставленіемъ при училищной службѣ. 24 янв. 1862 г. уволенъ по прошенію отъ исправленія должности помощника инспектора. 2 янв. 1865 г. ему поручено преподаваніе еврейскаго языка. Послѣ преобразованія семинаріи М. И. Жудро сталъ преподавать латинскій языкъ. 4 сент. 1875 г. утвержденъ въ должности преподавателя педагогики и дидактики въ Владимірской гимназіи 23 дек. 1873 г. назначенъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Въ 1877 г. уволился отъ семинарской службы.

Григорій Петр. Быстрицкій (1850—53 г.), съ 1842—46 г. обучался во Владимірской семинаріи, а затѣмъ въ Московской академіи. По окончаніи академическаго курса, 13 дек 1850 г. опредѣленъ на классъ логики и психологіи въ среднее первое отд. Владимірской семинаріи. 13 іюня 1851 г. возведенъ на степень магистра. 31 окт. 1853 г. перешелъ въ Виѳанскую семинарію, послѣ женитьбы на дочери одного изъ Московскихъ священниковъ. Въ Виѳанской семинаріи Г. П. преподавалъ всеобщую исторію 1854 г. онъ переведенъ былъ на вакансію помощника ректора по преподаванію богословскихъ наукъ. 13 февр. 1855 г. рукоположенъ во священника, а 5 сент. того же года уволенъ въ епархіальное вѣдомство. Скончался священ. въ Москвѣ 22 марта 1865 г. Въ Хроникѣ преосв. Саввы сохранилось нѣсколько писемъ Г. П. Быстрицкаго, относящихся къ періоду его профессуры во Владимірской семинаріи.

Они рисуютъ предъ нами симпатичный образъ молодого человѣка, одушевленнаго самыми хорошими намѣреніями. Въ печати Г. П. Быстрицкій извѣстенъ, какъ авторъ „Священной Исторіи" и сочиненія „О загробной жизни". М. 1859 г. Въ Душеп. Чтен. имъ напечатано: „Послѣдній день міра", 1862 г. № 6, 10, 12 и „Свѣтскія учебныя заведенія въ ихъ отношеніи къ правосл. церкви", тамъ же, № 2.

Андрей Ив. Боголюбовъ (1851—71), обучался въ Рязанской семинаріи и Московской академіи, курсъ которой окончилъ по первому разряду въ 1850 г. 19 апр. 1851 г. опредѣленъ въ высшее 2-е отд. Владимірской дух. семинаріи учителемъ на классъ догматическаго богословія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. 13 іюля 1851 г.—магистръ. 9 окт. 1854 г. ему поручено въ миссіонерскомъ отд. преподаваніе полемики противъ раскола. 18 мая 1858 г. опредѣленъ библіотекаремъ семинаріи. Съ перваго сент. 1864 г. по 18 ноября 1865 г., за выбытіемъ наличнаго наставника, преподавалъ всеобщую исторію въ низшемъ 3-мъ отд. 3 окт. 1866 года, согласно прошенію, уволенъ отъ должности библіотекаря. Съ 1 сент. 1867 г. по 1 іюля 1869 г. преподавалъ исторію русск. раскола въ миссіонерскомъ отд. При преобразованіи семинаріи, Боголюбовъ перешелъ на классъ догматики, нравственнаго и основнаго богословія.

По мнѣнію лицъ, близко знавшихъ А. И. Боголюбова, онъ могъ бы служить украшеніемъ любой аудиторіи высшаго учебнаго заведенія. По отзыву одного изъ сослуживцевъ, Боголюбовъ обладалъ до такой степени обширными и разносторонними знаніями, что могъ быть названъ, безъ всякихъ преувеличеній, живой справочной книгой, энциклопедіей семинаріи. При такихъ обширныхъ знаніяхъ, А. И. умѣлъ излагать свой предметъ просто, понятно, но содержательно; а главное, самъ былъ простъ и чрезвычайно доступенъ Къ нему во всякое время могъ приходить и обращаться за совѣтомъ всякій, кто чувствовалъ въ этомъ нужду, и А. И. принималъ съ одинаковой радушной простотой: священника, ученика и своего товарища-сослуживца. Эта черта характера, въ связи съ его знаніями и умѣніемъ преподавать, снискала ему общую любовь и уваженіе со стороны учениковъ. „Андрей Ивановичъ, говоритъ одинъ изъ питомцевъ Боголюбова, въ теченіе урока спрашивалъ немногихъ; время уходило на объясненія. Рѣчь его чужда была отдѣлки, но всегда содержательна. Надобно было быть внимательнымъ, чтобы потомъ въ отвѣтѣ удовлетворить учителя; требовалось вводить въ отвѣтъ заимствованное изъ записокъ въ связи съ тѣмъ, что говорилось учителемъ. Не была въ почетѣ только буквальная передача записокъ. А. И. былъ всегда вѣжливъ, ласковъ и лишь изрѣдка въ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ не чуждъ

былъ юмора. Рѣдко случалось видѣть его сердитымъ, и его гнѣвъ всегда вызывалъ въ насъ горечь стыда“ [1]).

Сослуживцы также уважали своего даровитаго и начитаннаго коллегу, хотя нѣкоторые и недолюбливали А. И. за его слишкомъ открытый и прямой характеръ. Услышавъ неправильное сужденіе своего сослуживца, Боголюбовъ безъ церемоніи замѣчалъ: „о, братъ, врешь, врешь!“ и такимъ откровеннымъ отзывомъ наживалъ себѣ не мало недоброжелателей.

На направленіе дѣятельности Боголюбова и на выработку нѣкоторыхъ чертъ его характера немаловажное вліяніе имѣли условія его семейной жизни. На седьмомъ году послѣ брака А. И. овдовѣлъ и остался съ тремя малолѣтками дочерьми. Дѣтей взяла на воспитаніе теща, а А. И. сталъ жить самъ въ большой квартирѣ. Съ этого времени Боголюбовъ всецѣло отдался семинаріи; она замѣнила ему семью и все близкое [2]). Утромъ Боголюбовъ шелъ въ классъ, а послѣ обѣда въ фундаментальную библіотеку. Только позднею ночью возвращался онъ въ свои одинокія комнаты и здѣсь долго ходилъ изъ угла въ уголъ, иногда не смыкая глазъ круглую ночь. Казалось, горечь одинокой жизни онъ хотѣлъ заглушить чтеніемъ. Не обладая достаточными матеріальными средствами и стараясь объ обезпеченіи будущности своихъ дочерей, А. И. сталъ вести жизнь аскета и ограничивать себя во всемъ. Прислуги онъ совсѣмъ не держалъ; убиралъ комнаты и топилъ печку зимой самъ. Пищею служило сухоядѣніе; только въ рѣдкихъ случаяхъ А. И. бралъ обѣдъ изъ гостиницы. Одежда носила печать такой же суровой простоты. А. И. не зналъ ни крахмаленнаго бѣлья, ни шляпы, ни перчатокъ. Глухой жилетъ, потертый сертукъ лѣтомъ, поношенная шуба зимой—вотъ и все одѣяніе даровитаго профессора [3]).

---

[1]) Рук. И. В.

[2]) Говорили, что одно время Боголюбовъ почувствовалъ сильное желаніе принять монашество и даже будто бы сшилъ монашескую одежду и купилъ клобукъ. Но преосв. Антоній отказалъ Боголюбову въ постриженіи, совѣтуя ему обдумать свое рѣшеніе. Послѣ этого А. И. не повторилъ своей просьбы.

[3]) „Вслѣдствіе ограниченности платья, разсказываетъ одно изъ лицъ, близко знавшихъ частную жизнь А. И., съ А. И. случился однажды курьезъ, впрочемъ, крайне его огорчившій. Какъ-то разъ, возвращаясь осеннимъ вечеромъ домой, А. И. упалъ и загрязнилъ, помимо шубы, сертукъ. По своему обычаю, раздѣвшись, все свое платье бросилъ на стулъ. По утру, замѣтивъ мокрую грязь, сертукъ А. И. я повѣсилъ на дверь къ печкѣ и, не сказавши ни слова, ушелъ въ семинарію. Боголюбову нужно было отправляться въ семинарію къ 10 часамъ. Часовъ въ 9 А. И. всталъ и, не найдя своего сертука на положенномъ мѣстѣ, рѣшилъ, что его украли. Другой сертукъ былъ въ это время въ починкѣ у портного. Со скорбію въ сердцѣ А. И. не пошелъ въ классъ. Возвратясь послѣ уроковъ изъ семинаріи, я нашелъ Боголюбова въ печальномъ

Такая жизнь, полная лишеній, тяжелыхъ думъ и упорнаго труда, не могла не отразиться на характерѣ А. Ивановича. Онъ сдѣлался нервнымъ и сталъ отличаться въ житейскомъ быту нѣкоторыми странностями, благодаря которымъ многіе считали его, особенно въ послѣдніе годы его жизни, чудакомъ. Къ этому времени Андрей Ивановичъ сталъ ограничивать себя во всемъ и довелъ простоту своей жизни до невѣроятнѣйшихъ размѣровъ. Лица, посѣщавшія Боголюбова въ этотъ періодъ, разсказываютъ, что двери его квартиры никогда не запирались—ни днемъ, ни ночью. Всякій могъ приходить къ нему въ любое время, нисколько не опасаясь стѣснить хозяина. Если дѣло происходило зимой и посѣтитель недостаточно былъ знакомъ съ порядками, царившими въ домѣ Боголюбова, то хозяинъ предупреждалъ своего гостя еще въ передней, чтобы тотъ не снималъ теплой одежды и обуви. Предупрежденіе оказывалось не излишнимъ, такъ какъ въ квартирѣ Андрея Ивановича топилось только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ готовилъ себѣ что-нибудь горячее. И вотъ гость и хозяинъ въ шапкахъ и шубахъ усаживались за столъ и начинали вести бесѣду... Бывало, далѣе, и такъ, что посѣтитель, войдя въ прихожую, поражался такимъ страннымъ для него на первый разъ явленіемъ: въ квартирѣ, кромѣ Андрея Ивановича, никого нѣтъ, а между тѣмъ онъ смѣется и разговариваетъ. Оказывалось, что профессоръ занятъ чтеніемъ ученическихъ сочиненій, при чемъ по привычкѣ высказываетъ вслухъ свои замѣчанія. Встрѣчая дѣльную, серьезную мысль, онъ начинаетъ хвалить автора. Если мысль была выражена темно, неточно, А. И. говорилъ: „право не пойму, что онъ хочетъ сказать", и повторялъ эти слова нѣсколько разъ, какъ бы желая постигнуть, что имѣлъ въ виду сказать воспитанникъ. Встрѣтится, наконецъ, какая-нибудь глупость въ сочиненіи, А. И. зальется добродушнымъ смѣхомъ и скажетъ: „вотъ, братъ, хватилъ! вотъ дурень вретъ!" [1]).

Вообще, надобно сказать, къ письменнымъ работамъ учениковъ Андрей Ивановичъ, какъ истинный и лучшій представитель дореформенной школы, относился въ высшей степени серьезно. Добросовѣстное отношеніе А. И. къ ученическимъ задачамъ доходило до того, что онъ иногда, читая сочиненія, не слыхалъ, если кто входилъ къ нему въ квартиру, и только возгласъ: „Андрей

видѣ. „Что съ вами, Андрей Ивановичъ?" „Что, братъ, сертукъ украли!" „Полноте, какъ такъ?" „Да, право, не знаю; дверь была не заперта, а я долго проспалъ. Да сертукъ—пускай его, не жалѣю. Скверно то, что на урокъ не могъ я идти". Однако сертукъ не былъ украденъ и преспокойно висѣлъ на двери". (См. Влад. Епарх. Вѣд. 1882 г., № 6).

[1]) Тамъ же.

Ивановичъ!“ отвлекалъ Боголюбова отъ сосредоточенной работы. Рецензировалъ сочиненія онъ строго и отмѣтки ставилъ на письменныхъ работахъ, по выраженію учениковъ, „скупо“.

Утромъ 26 окт. 1871 года А. И. Боголюбовъ скончался отъ чахотки.

Герасимъ Ѳеод. Нарбековъ (1851—68), питомецъ Владимірской семинаріи и Кіевской академіи. Кіевскую академію окончилъ въ 1849 г. 7 ноября 1849 г. опредѣленъ въ Саратовскую семинарію въ низшее отд. по предмету св. писанія, риторики и латинскаго языка. 6 ноября 1851 г. возведенъ на степень магистра. 8 ноября 1851 г. переведенъ во Владимірскую семинарію на должность наставника средняго 2-го отд. по предметамъ логики, психологіи и чтенія латинскихъ писателей. Съ 1 сент. 1854 г. по 1 сент. 1856 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. 19 октября 1857 г. опредѣленъ секретаремъ семинарскаго правленія. 1 сент. 1858 г. ему снова поручено преподаваніе нѣмецкаго языка. Въ іюлѣ 1868 г. Н. Г. Нарбековъ уволенъ отъ преподавательской службы вслѣдствіе назначенія секретаремъ консисторіи. Умеръ 5 марта 1887 г.—Во Влад. Епарх. Вѣд. имъ напечатано: „Владимірскій каѳедральный Успенскій соборъ“, 1865 г., №№ 1, 3, 4, 9; „А. Ѳ. Львовъ (по случаю пятидесятилѣтія русскаго народнаго гимна „Боже царя храни“),“ 1884 года, № 1.—О столкновеніи Г. Ѳ. Нарбекова съ ректоромъ Алексіемъ изъ-за утраты нѣкоторыхъ дѣлъ семинарскаго архива см. Саввы „Хроника моей жизни“, т. 2, стр. 686—88.

Николай Ив. Флоринскій (1851—67), изъ Владимірской семинаріи, окончилъ Кіевскую академію въ 1849 г. 7 ноября 1849 года опредѣленъ помощникомъ ректора по классу богословскихъ наукъ въ Вятскую семинарію. Декабря 18/29 1851 года перемѣщенъ на такую же должность во Владимірскую семинарію. 6 ноября 1851 г. возведенъ на степень магистра. Съ 11 января 1852 г. по 11 января 1853 г., за отсутствіемъ наставника, преподавалъ догматическое богословіе въ первомъ высшемъ отд. 5 сентября 1853 г. опредѣленъ библіотекаремъ семинаріи, какую должность исправлялъ по 18 марта 1858 г. 9 окт. 1854 г. ему поручено преподаваніе (кромѣ богословскихъ предметовъ) русскаго раскола и археологіи русской церкви. 23 февраля 1858 г. Н. И. рукоположенъ во священника къ Успенскому женскому монастырю съ оставленіемъ при профессорской должности. 19 февраля 1864 года ему поручена должность законоучителя въ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія. 10 сентября 1867 г. свящ. Н. Флоринскій принятъ въ Кіевскую епархію и опредѣленъ священникомъ церкви первой Кіевской гимназіи. Отсюда Н. Флоринскій перешелъ къ Кіево-Успенскому собору, гдѣ былъ настоятелемъ 2 года; затѣмъ 10 лѣтъ проходилъ служеніе въ должности священника Кіево-Софійскаго со-

бора и 12—второго священника Кіево Срѣтенской церкви. Сконч. въ санѣ протоіерея 12 іюля 1900 г.

Ник. Ив. Флоринскій оставилъ по себѣ память во Владимірской семинаріи, какъ о человѣкѣ, отличавшемся глубокою религіозною настроенностью [1]), не чуждою нѣкоторой мистической подкладки. Такимъ же онъ является въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ трудахъ. Изъ нихъ можно указать слѣдующіе. „Согласно-ли съ Евангеліемъ дѣйствовалъ и училъ Лютеръ?" Трудъ этотъ составленъ по порученію ректора Влад. семинаріи Леонтія и выдержалъ 5 изданій. „Успенскій женскій монастырь во Владимірѣ", Влад. Губ. Вѣд. 1859 г., № 36 и 37; „Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній православной восточной церкви", М. 1860; „Нѣкоторыя воспоминанія о графѣ М. М. Сперанскомъ", Влад. Губ. Вѣд. 1863 г., №№ 24 и 25; „Рѣчь по случаю празднованія семинаріею 100-лѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова", тамъ же, 1865 г., № 17; „Чаяніе вѣчной жизни", Влад. Епарх. Вѣд. 1865 г., № 2; „Христова заповѣдь о прощеніи обидъ", тамъ же, 1865 г., № 6; „Воспоминанія, замѣтки и разсказы священника", тамъ же, 1865 г., №№ 6, 11, 24 и 1866 г., № 10; „Св. Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, тамъ же, 1865 г., № 15; „Размышленія христіанина въ свѣтоносные дни св. Воскресенія Христова", тамъ же, 1866 года, № 8; „Прощаніе съ паствою и отъѣздъ преосв. Өеофана изъ Владиміра", тамъ же, 1866 г., № 15; „Панихида по Н. М. Карамзинѣ во Владимірѣ", тамъ же, 1866 г., № 24; „Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ объ улучшеніи быта духовно-учебныхъ заведеній и по случаю открытія воскресной школы при Владимірской семинаріи", тамъ же, 1867 г., № 4; „Почему церковь изъ всѣхъ торжествъ христіанскихъ особенно чтитъ воскресеніе Господа изъ мертвыхъ?", тамъ же, 1867 г., № 8; „Слезы христіанской любви надъ усопшими—надгробныя и заупокойныя слова и рѣчи, съ присовокупленіемъ слова на Великую Субботу и размышленія о вѣчной жизни", 1867 г.; „Преосвященный Аполлинарій, еп. Чигиринскій, викарій Кіевской митрополіи", Влад. Епарх. Вѣд., 1869 г., № 1; „Преподобный Несторъ лѣтописецъ и русскія лѣтописи", Влад. Губ. Вѣд. 1870 г., № 9; „Вѣруетъ-ли православная церковь въ подлинность твореній св. Діонисія Ареопагита", Кіев. Телеграфъ 1872 г., № 32; „Бесѣды, слова и поученія на св. Великій Постъ, недѣли къ нему пріуготовительныя и нѣкоторые дни страстной седмицы", изд. 2-е, 1874 г., послѣднее изд. 1898 г.; „Памяти приснопамятнаго отца духовнаго"

---

[1]) Впрочемъ, не вполнѣ свободномъ и отъ нѣкоторыхъ странностей, которыя создали ему репутацію человѣка оригинала.

(А. Е. Харизоменова), Влад. Епарх. Вѣд. 1884 г., № 9; „Слова на праздники въ честь св. мучениковъ Христовыхъ“ К. 1899 г — Кромѣ означенныхъ статей и сочиненій, Н. И Флоринскій много помѣстилъ своихъ трудовъ въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“, сотрудникомъ котораго онъ состоялъ въ теченіе 30 лѣтъ. Изъ нихъ можно указать: „Воспоминаніе о преосв. Иннокентіи, еп. Херсонскомъ“, 1872 г., № 6; „Воспоминанія о времени служенія моего во Владимірскомъ Успенскомъ, Княгининѣ, женскомъ монастырѣ“, 1873 г, № 1; „Нѣкоторыя черты изъ жизни М. М. Сперанскаго“, 1874 г., № 3; „Воспоминанія о Платонѣ, Костромскомъ архіепископѣ“, 1877 г, № 11 и 12; „О. Иларіонъ, архимандритъ Троицкаго Данилова монастыря“, 1878 г., № 8; „Путешествіе въ Богословскій монастырь, Рязан. губ.“, 1882 г., № 1; „Нѣсколько словъ въ память митрополита Филофея“, 1882 г., № 4; „Поѣздка въ Почаевъ“, 1883 г., № 4; „Жизнеописаніе еп. Александра (Павловскаго)“, 1885 г., №№ 2, 3; „Воспоминанія о преосв. Дмитріи, архіеп. Херсонскомъ“, 1886 г., № 4; „Посѣщеніе могилы товарища“, 1888 г., № 2; „Изъ видѣннаго и слышаннаго въ Кіево-Софійскомъ соборѣ“, 1889 г., № 1; „Избавленіе отъ чумной заразы въ 1770 году жителей гор Владиміра на Клязьмѣ Богоматеріею чрезъ икону свою Боголюбскую“, 1897 г., № 8; „Религіозные мотивы въ русской поэзіи“, 1898 г., № 10; „Изъ студенческихъ воспоминаній“, 1900 г., №№ 9 и 10; „Изъ загробной сѣни“, 1900 г., № 5; „Прощальная пѣснь“, 1900 г., № 11 и др.

Михаилъ Ив. Флоринскій (1852—57, 1864—69 и 1870—74), изъ высшаго отдѣленія Владимірской семинаріи поступилъ въ Кіевскую академію (1847—51). 9 апр. 1852 г. назначенъ въ Орловскую семинарію по классу св. писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. 7 сентября того же года возведенъ на степень магистра. 21 окт. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на математическіе предметы въ среднее и низшее 1-е отд. 3 сентября 1853 г., по случаю уравненія классовъ между наставниками, ему порученъ вмѣсто математики греческій языкъ въ высшемъ, среднемъ и низшемъ 1-мъ отд. Съ 18 декабря 1853 года по 18 февраля 1855 года исправлялъ должность инспектора во Владимірской семинаріи. Въ 1857 г. М. И. Флоринскій изъявилъ желаніе поступить въ монашество; но за неимѣніемъ при Владимірской семинаріи надлежащаго помѣщенія для монашествующихъ, по представленію преосвященнаго, опредѣленіемъ Св. Синода отъ 6 ноября 1857 года, перемѣщенъ на должность наставника логики и психологіи въ Пермскую дух. семинарію 5 апрѣля 1858 г. постриженъ въ монашество съ именемъ *Митрофана* 10 апрѣля—іеромонахъ. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 13 іюля 1858 года перемѣщенъ на должность инспектора въ Иркутскую семинарію, а 12 января 1861 г.

назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Костромскую семинарію. 9 февраля того же года—архимандритъ. Во главѣ Костромской семинаріи Митрофанъ стоялъ короткое время. 3 іюля того же 1861 г., согласно его прошенію, по „болѣзненному состоянію" уволенъ отъ службы и помѣщенъ во Флорищеву пустынь, Влад. епархіи, съ оставленіемъ за нимъ магистерскаго оклада. Чрезъ три года архим. Митрофанъ снова призывается на педагогическое поприще. 11 мая 1864 г., по ходатайству Влад. преосвященнаго, его назначаютъ профессоромъ Владимірской семинаріи на классъ св. писанія. Съ 9 января 1865 г. по 15 января 1866 г. вторично во Владимірѣ исправляетъ должность инспектора семинаріи. При преобразованіи семинаріи въ 1869 г., архим. Митрофанъ оставленъ былъ за штатомъ. Съ 9 сентября 1870 г. сталъ временно преподавать латинскій языкъ въ I-мъ епархіальномъ классѣ семинаріи (за смертью Г. Соколова), а въ ноябрѣ поступилъ въ число штатныхъ преподавателей по классу священнаго писанія. Въ маѣ 1873 г. назначенъ членомъ коммиссіи для разбора консисторскаго архива, а въ началѣ сентября того же года въ третій и послѣдній разъ оставилъ семинарскую службу. 6 сентября 1874 г. архим. Митрофанъ назначенъ настоятелемъ Шацкаго Черніева монастыря Тамбовской еп.; въ декабрѣ 1875 г. вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія. 13 декабря 1876 г. состоялось опредѣленіе его настоятелемъ Переславскаго Данилова монастыря. 3 іюня 1883 г., по разстроенному здоровью, Митрофанъ былъ уволенъ отъ должности, съ помѣщеніемъ въ одинъ изъ монастырей Владимірской епархіи. 5 лѣтъ послѣ этого Митрофанъ прожилъ въ Спасо Евфиміевомъ монастырѣ. Въ іюлѣ 1888 года назначенъ настоятелемъ Юрьевскаго Архангельскаго монастыря, въ августѣ 1890 г.—Вяземскаго Свято-Предтечіева. Въ январѣ 1891 года, вслѣдствіе болѣзни, уволенъ былъ отъ послѣдней должности и послѣдніе дни своей жизни провелъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ. Скончался 16 ноября 1895 г.

Жизнь Митрофана, насколько можно видѣть изъ приведеннаго формуляра, представляетъ цѣлый рядъ скитаній, переходовъ. Не успѣетъ Митрофанъ прожить года 2—3 на одномъ мѣстѣ, какъ его переводятъ, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, на другое... и такъ до самаго конца жизни. Такая скитальческая судьба Митрофана объясняется тяжелыми условіями жизни, въ которыя онъ поставилъ себя, благодаря необдуманно сдѣланному шагу. По отзывамъ всѣхъ, близко знавшихъ Митрофана, это былъ умный, даровитый человѣкъ, который могъ бы, какъ преподаватель, служить украшеніемъ любой семинаріи. Но, подъ воздѣйствіемъ лицъ стороннихъ, онъ рѣшился принять монашескій санъ, не соразмѣ-

ривъ своихъ силъ. Началась борьба между плотью и духомъ, въ которой побѣда осталась не на сторонѣ духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли переходы съ одного мѣста на другое, пошли повышенія и пониженія. Недугъ, который начальство обозначало прикровенно „болѣзненнымъ состояніемъ здоровья", оказался неизлѣчимымъ въ отношеніи къ Митрофану и погубилъ его безпощадно, какъ погубилъ до этого времени много другихъ даровитыхъ силъ.

Архимандр. Митрофанъ славился, какъ проповѣдникъ; но большая часть поученій имъ произнесена экспромтомъ,—въ печать попали очень немногія. Изъ статей, написанныхъ имъ, можно указать: „Привѣтствіе и благожеланіе на новый годъ", Влад. Епарх. Вѣд. 1865 г., № 1; „По поводу обозрѣнія епархіи Его Высокопр. Архіепископомъ Антоніемъ въ 1871 г.", тамъ же, 1871 г., № 17. [1]).

Дмитрій Феодоровичъ Пѣвницкій (1853—61), воспитанникъ Владимір. сем. и магистръ Кіевской академіи (1849—53). По окончаніи академ. курса, 31 окт. 1853 г. былъ опредѣленъ на должность преподавателя логики, психологіи и соединенныхъ съ ними предметовъ въ средн. 1-мъ отд. Владимір. семинаріи. Съ 1 сент. 1854 г. по 1 сент. 1856 г. преподавалъ французскій языкъ. Съ 1 сент. 1858 г. проходилъ должность помощника инспектора. 7 янв. 1862 г., по увольненіи отъ училищной службы, рукоположенъ къ Крестовоздвиженской церкви г. Иванова-Вознесенска. 16 іюля 1867 г.—протоіерей. Согласно прошенію, перемѣщенъ въ г. Вязники къ Казанскому собору. Съ сент. 1870 г. по сент. 1871 г. былъ членомъ семинарскаго правленія отъ духовенства. 22 нояб. 1872 г. избранъ ректоромъ Воронежской дух. семинаріи. 29 іюня 1881 г., согласно прошенію, перемѣщенъ на тоже мѣсто въ Тамбовскую семинарію, а 3 іюня 1883 г. зачисленъ въ штатъ каѳедральнаго собора Христа Спасителя въ Москвѣ. 6 окт. 1883 г. назначенъ ключаремъ собора, а затѣмъ, согласно прошенію, перемѣщенъ къ Гребневской на Лубянкѣ церкви, при которой состоитъ и доселѣ.

Д. Ѳ. Пѣвницкій, по отзывамъ о немъ питомцевъ, считался въ ряду лучшихъ преподавателей своего времени. Изъ его литературныхъ трудовъ напечатаны: „Вліяніе христіанства на общественный бытъ народовъ", Воскресн. Чт. 1860 г.; „Два недостатка въ семейной жизни русскаго простонародья", Руковод. для сельск. пастырей, 1860 г.; „Рѣчь при послѣднемъ служеніи въ Крестовоздвиженской церкви села Иванова", Влад. Епарх. Вѣд. 1868 г., № 4; „Открытіе богадѣльни для священноцерковнослужительскихъ вдовъ и сиротъ, учрежденной прот. І. В. Рождественскимъ въ г. Вязникахъ", тамъ же, 1870 г., № 12; „Рѣчь при послѣднемъ служеніи въ Вязниковскомъ соборѣ", тамъ же, 1873 г., № 3;

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Митрофанѣ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1896 г., № 2.

„Слово въ первый день Пасхи на вечернѣ“, Воронеж. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7, 1878 г., № 9, 1879 г., № 7, 1880 г., № 9, 1881 г., № 8; „Бесѣды о литургіи“, тамъ же, 1877 г., №№ 10—24 и 1879 г. 1—3; „Слово въ день Срѣтенія“, тамъ же, 1878 г., № 4 и 1881 г., № 4; „Притча о блудномъ сынѣ“, тамъ же, 1879 г., № 4; „Слово въ недѣлю Православія“, тамъ же, 1879 г., № 5; „Слово въ субботу Свѣтлыя недѣли“, тамъ же, 1879 г., № 8; „Слово въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери“, тамъ же, 1879 г., № 21; „Слово въ день совершившагося 25 лѣтія Государя Императора Александра Николаевича“, 1880 г., № 5; „Слово въ святый и великій пятокъ“, тамъ же, 1880 г., № 8; „Слово на второй день Рождества Христова“, тамъ же, 1881 г., № 1; „Рѣчь предъ панихидою по Ѳ. М. Достоевскомъ“, тамъ же, 1881 г., № 5; „Рѣчь при погребеніи жены преподавателя Тамб. дух. сем. А. В. Молчановой“, тамъ же, 1881 г., № 23; „Слово въ день св. равноап. Кирилла и Меѳодія“, тамъ же, 1882 г., № 11; „Слово при погребеніи протоіерея собора Христа Спасителя Григ. Козм. Булгаревичъ“, Моск. Церк. Вѣд., 1883 г., сент.; „Рѣчь при погребеніи протоіерея Алексѣевской на Глинищахъ церкви Іос. Троф. Сердцева“, тамъ же, 1884 г., № 10; „Рѣчь при погреб. протоіерея Николо-Явленской церкви Стеф. Ив. Зернова“, тамъ же, 1886 г., № 43; „Рѣчь при погребеніи прот. Варваринской на Варваркѣ церкви Мих. Дм. Никольскаго“, тамъ же, 1897 г. № 32; „Рѣчь при погребеніи прот. Трифоновской въ Напрудной церкви Ив. Ив. Приклонскаго“, тамъ же, 1899 г., № 17; „Рѣчь при погребеніи ученицы IV женс. гимназіи Анастасіи Сафоновой“, Пастыр. Собесѣд. 1898 г., № 50; „Слово при погребеніи первоприсутствующаго въ Опекунскомъ Совѣтѣ д. т. с. В. А. Дашкова“, тамъ же, 1896 г., № 4; Рѣчи, произнесенныя воспитанницамъ IV женск. гимназіи, оканчивающимъ курсъ ученія,—напечатаны въ Сборникахъ рѣчей, произносимыхъ законоучителями Москов. женск. гимназій, въ 1892, 93 и 94 гг.

Александръ Ив. Хитровъ (1854—55), воспитанникъ Московской семинаріи и магистръ Москов. академіи (1850—54). Въ 1854 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на классъ гражданской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. 30 сент. 1855 г. переведенъ въ родную семинарію на словесность и латинскій яз. Изъ Москвы въ 1858 г. перешелъ въ Петербургъ, неизвѣстно на какую должность.

Тимофей Ив. Второвскій (1854—55 и 1865—68). По окончаніи Владимірской семинаріи и Московской академіи (1850—54) со степенью кандидата, опредѣленъ въ 1854 г., за отсутствіемъ вакансій, помощникомъ наставниковъ Владимірской семинаріи по чтенію ученическихъ сочиненій и по преподаванію въ классахъ, въ слу-

чаѣ болѣзни наличныхъ преподавателей, съ жалованьемъ 71 руб. 50 коп. въ годъ. 28 іюня 1855 г. назначенъ наставникомъ Угличскаго духовнаго училища. 12 нояб. 1857 г. опредѣленъ инспекторомъ того же училища. 29 сент. 1861 г. перемѣщенъ на должность смотрителя въ Ярославское дух. училище. Согласно его прошенію, отъ вышеозначенныхъ должностей уволенъ по болѣзни 9 нояб. 1861 г. 18 нояб. 1865 г. назначенъ во Владиміръ на классъ рус. исторіи въ среднее 1-е и 2-е отд. и всеобщей въ низшее 2-е и 3-е.— Во Владимірскую семинарію Т. И. Второвскій явился уже больнымъ: съ сильно расшатанными нервами и опредѣлившеюся наклонностью къ помѣшательству. 16 янв. 1868 г. онъ подалъ заявленіе о томъ, что по разстроенному здоровью не можетъ продолжать училищной службы. Мѣстомъ жительства Второвскаго назначена была Борковская Николаевская пустынь. Въ вѣдомостяхъ этой пустыни за 1881 г. противъ формуляра Второвскаго рукою настоятеля написано: „чѣмъ-то недоволенъ; посылаетъ какія-то прошенія на почту". Въ 1882 г. Второвскій здѣсь не значится. Умеръ.

Александръ Мих. Сперанскій (1855—66), воспитанникъ Владимірской семинаріи и магистръ Кіевской академіи. 30 сент. 1855 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на мѣсто Хитрова (гражданская исторія и соединенные съ нею предметы). Въ 1856 г. назначенъ библіотекаремъ ученической семинарской библіотеки. 21 мая 1858 г. рукоположенъ во священника къ Владимірскому Дмитріевскому собору, съ оставленіемъ въ должности наставника. 20 мая 1858 г. ему поручено преподаваніе французскаго языка. Съ мая 1864 г., вмѣсто гражданской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ, сталъ преподавать св. писаніе въ среднихъ отд. семинаріи. Ум. 23 окт. 1866 г. [1])

А. М. Сперанскій былъ однимъ изъ умныхъ и уважаемыхъ семинаріею наставниковъ. Его лекціи по гражданской исторіи и св. писанію отличались такою живостью изложенія и увлекательностью содержанія, что о нихъ ученики съ благодарностью вспоминали, слушая лекціи профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ 1865 г. А. М. поднесена была его слушателями библія, съ параллельными мѣстами, въ сафьяновомъ переплетѣ, со словами на корешкѣ: „Наставнику А. М. Сперанскому отъ благодарныхъ учениковъ С. 2. О. и С. 3. О." Въ исторіи Влад. семинаріи подношеніе этого рода представляетъ примѣръ въ высшей степени рѣдкій. По смерти А. М. духовенство епархіи приняло участіе въ обезпеченіи его малолѣтнихъ дѣтей.—А. М. напечаталъ: „Пер-

---

[1]) См. Влад. Епарх. Вѣд. (некрологъ) 1866 г., № 21.

вые христіане среди гоненій“, Влад. Епарх. Вѣд. 1866 г., №№ 7, 15 и 17.

Павелъ Львов. Миролюбовъ (1856—57). Изъ Тверской семинаріи,—магистръ Москов. акад. (1852—56). 1856 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію по классу гражданской исторіи. 1 нояб. 1857 г. переведенъ въ Виѳанскую сем. профессоромъ словесности. 15 февр. 1858 г. перешелъ въ Москов. семинарію профес. церковной исторіи, археологіи, каноники. 1859 г. вышелъ изъ семинаріи въ епархіальную службу. Скончался священникомъ въ Москвѣ.

Михаилъ Серг. Новлянскій (1857—71), обучался въ Костромской семинаріи и Горыгорѣцкомъ институтѣ (47—51). 20 сент. 1851 г. опредѣленъ въ Костромскую семинарію на классъ геодезіи, пасхаліи и начертательной архитектуры. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 28 мая 1854 г. переведенъ въ Подольскую семинарію на классъ естественной исторіи, сельскаго хозяйства и латинскаго языка. Съ 12 авг. 1855 г. по 15 іюля 1857 г. преподавалъ нѣмецкій яз. 18 февр. 1856 г. избранъ въ члены корреспонденты Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, а 23 февр. 1857 г.—въ дѣйствительные. Согласно прошенію, 7 іюля 1857 г. перемѣщенъ во Владимірскую семинарію учителемъ естественной исторіи, сельскаго хозяйства, алгебры и соединенныхъ съ ними наукъ (въ параллельныхъ классахъ). 1 нояб. 1859 г. ему поручено преподаваніе физики, естественной исторіи и сельскаго хозяйства во всѣхъ высшихъ и среднихъ отдѣленіяхъ семинаріи. 12 сент. 1859 г. избранъ въ члены корреспонденты Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства. 24 янв. 1862 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. По случаю прекращенія преподаванія въ семинаріяхъ естественной исторіи и сельскаго хозяйства, М. С. поручено (10 авг. 1866 г.) преподаваніе физики въ среднихъ отд. и латинскаго яз. въ низшихъ. При преобразованіи семинаріи за М. С. Новлянскимъ оставлено мѣсто помощника инспектора. 2 апр. 1871 г. М. С. скончался.—М. С. Новлянскому пришлось преподавать естественныя науки во Владимірской семинаріи въ то время, когда вѣянія Протасовской эпохи смѣнились новыми, клонившимися къ совершенному исключенію сельскаго хозяйства и естественной исторіи изъ семинарскаго курса. Уже одно это обстоятельство мало содѣйствовало успѣхамъ преподаванія М. С. Къ несчастью, Новлянскій былъ подверженъ притомъ одной слабости, которая еще болѣе ослабляла эти успѣхи. Особенно печально было положеніе М. С. въ послѣдніе годы его службы, когда, по разсказамъ учениковъ, нѣсколькими мѣдными монетами, собранными предъ классомъ дежурнымъ, можно было откупиться отъ посѣщенія уроковъ наставникомъ, который, получивъ деньги, уходилъ изъ семинаріи

и въ счетъ собранной суммы удовлетворялъ свою болѣзненную слабость. М. С. Новлянскій напечаталъ: „Опытъ посѣва кукурузы въ огородѣ въ г. Владимірѣ", Записки Юрьев. Общ. 1860 г.

Ефимъ Степан. Фальковъ (1857—58). По окончаніи курса въ Тобольской семинаріи, поступилъ въ Горыгорѣцкій институтъ, который окончилъ въ 1856 г. 14 дек. 1856 г. перечисленъ, согласно прошенію, въ Казанское епархіальное вѣдомство и, по опредѣленію правленія Казанской семинаріи, сталъ преподавать въ мѣстной семинаріи алгебру, геометрію и сельское хозяйство. 14 нояб. 1857 г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода назначенъ во Владимірскую семинарію на классъ сельскаго хозяйства и естественной исторіи. Указомъ отъ 4 окт. 1858 г. Фальковъ перемѣщенъ снова на службу въ Казанскую семинарію.

Николай Егор. Бѣляевъ (1857—86), изъ Владимірской семинаріи. Въ 1857 г. окончилъ Петербургскую академію съ правомъ получить магистра, если представитъ новое сочиненіе. 6 нояб. 1857 г. опредѣленъ учителемъ во Владимірскую семинарію на греческій и латинскій языкъ. Съ 30 окт. 1858 г. по 1 іюля 1869 г., по опредѣленію семинарскаго правленія, преподавалъ математику въ 1 и 3 низш. отд. 24 янв. 1862 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. При преобразованіи семинаріи въ 1869 г. Н. Е. Бѣляеву поручено преподаваніе греческаго языка. Въ 1886 г., когда вслѣдствіе введенія новаго устава, во Владимірской семинаріи должно было остаться только два преподавателя греческаго языка, Н. Е. Бѣляевъ добровольно отказался отъ преподавательской должности. Ум. 2 дек. 1894 г. [1]).

Н. Е. Бѣляевъ оставилъ по себѣ память во Владимірской семинаріи, какъ о наставникѣ, основательно изучившемъ и знавшемъ свой предметъ. Ученики относились къ нему съ уваженіемъ. „Не приготовить урока Н. Е., не записать его объясненій, которыя онъ сообщалъ въ классѣ, значило обидѣть Н. Е., а этого ни одинъ воспитанникъ не могъ себѣ дозволить. И вотъ, не смотря на трудность уроковъ, ученикъ, можетъ быть иногда даже въ ущербъ другимъ занятіямъ, сидѣлъ надъ урокомъ по греческому языку до тѣхъ поръ, пока не приготовлялъ его". [2]). По выходѣ изъ семинаріи Н. Е. сдѣлался редакторомъ Влад. Епарх. Вѣд., какую должность онъ занималъ и раньше (1873—77 г.). Съ того времени Н. Е., одинокій, не связанный семьей [3]), всецѣло отдался этому дѣлу; только пчелы и цвѣты, которыхъ онъ былъ страстный любитель, по временамъ отвлекали его отъ редакціи и давали

---

[1]) Некрологъ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1894 г., № 24.

[2]) Тамъ же.

[3]) Жена и дочь Н. Е. умерли раньше.

возможность отдохнуть и развлечься. Н. Е. Бѣляевъ въ 1860 г. напечаталъ „Описаніе Псково-печерскаго монастыря“, которое вышло отдѣльнымъ изданіемъ. [1]) Во Влад. Епарх. Вѣд. имъ помѣщены: „Мих. Вас. Ломоносовъ“, 1865 г., № 10; „Нѣсколько словъ о земскихъ учрежденіяхъ и участіи въ нихъ духовенства“, 1873 г., № 9; „Насущная забота духовенства“ (вопросъ о положеніи учениковъ, не принятыхъ изъ училищъ въ семинарію), 1873 г. №№ 13, 14; „Голодъ въ Самарской губ.“, 1873 г., № 22; „Отзывы о дѣятельности духовенства по образованію сельскаго населенія“, 1874 г., № 20—21 и мн. др. мелкихъ, написанныхъ имъ въ періодъ редакторства.

Миронъ Григ. Никольскій (1857—64), воспитанникъ Владимірской семинаріи и Московской академіи (1852—56). По окончаніи курса по 2-му разряду, 1 апр. 1857 г. назначенъ инспекторомъ Владимірскаго дух. училища и учителемъ катихизиса и латинскаго яз. 6 ноября того же года перемѣщенъ во Влад. семинарію на классъ всеобщей исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. 24 сент. 1859 г. съ класса всеобщей исторіи переведенъ на классъ словесности въ низшее 2 отд. Указомъ отъ 5 февр. 1864 г. Никольскій уволенъ отъ училищной службы, за опредѣленіемъ его въ секретари Св. Синода. Въ 1866 г. назначенъ секретаремъ Полоцкой консисторіи. Но преосв. Савва, въ то время Полоцкій, остался имъ недоволенъ [2]), и М. Г. Никольскій въ 1867 г. перешелъ въ Московскую синодальную типографію. Ум. секретаремъ Ярославской консисторіи.

М. Г. Никольскій принадлежалъ къ числу популярнѣйшихъ преподавателей Влад. семинаріи конца 50-хъ и начала 60-хъ гг. „Не приготовить лекціи по словесности, пишетъ одинъ изъ воспитанниковъ конца 50-хъ гг., считалось великимъ преступленіемъ, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ доброму, гуманному и весьма разумному М. Г. Никольскому“. Въ такомъ же родѣ даютъ отзывы и другіе питомцы. Преосв. Савва, ревизовавшій Влад. семинарію въ 1862 г., характеризовалъ М. Г. такъ: „По отзыву ректора, наставникъ очень трудолюбивый и дѣятельный; особенно усерденъ и внимателенъ къ чтенію ученическихъ сочиненій“ [3]). Одною

---

[1]) Названное сочиненіе издано безъ обозначенія автора. Принадлежность его Н. Е. подтверждается документами семинарскаго архива ($18^{59}/_{60}$ г. № 26). Въ 1864 г. тоже сочиненіе вышло 2-мъ изданіемъ; здѣсь авторомъ указанъ уже Аполлосъ, братъ Ник. Егоровича (см. стр. 250).

[2]) Хроника моей жизни. Т. 3, стр. 788.

[3]) Тамъ же, т. 2, стр. 750. Впрочемъ, отзываясь хорошо о Никольскомъ, какъ учителѣ извѣстнаго предмета, Савва говоритъ, что онъ во время ревизіи составилъ не слишкомъ высокое понятіе о М. Г. въ нравственномъ отношеніи. „Изъ представленныхъ мнѣ ректоромъ семинаріи сочиненій учениковъ словес-

изъ видныхъ заслугъ М. Г. Никольскаго въ учебномъ отношеніи было составленіе лекцій древней и средней исторіи примѣнительно къ потребностямъ учащихся. Лекціи эти, съ согласія ректора, введены были въ классное употребленіе (во всѣхъ отдѣленіяхъ). Кромѣ записокъ, М. Г. составилъ и напечаталъ въ Православн. Обозрѣніи слѣдующія статьи: „Объ изданіи Владим. епархіальн. вѣдомостей", 1864 г., № 10; „Русскіе выходцы изъ заграничныхъ школъ: Роговскій, Артемьевъ, Скибинскій", 1862 г., № 11, 1863 г., №№ 2 и 3 и „Владимірская хроника", 1863 г., № 5 и 10.

Феодоръ Вас. Виноградовъ (1858—64), обучался въ Нижегородской семинаріи и Московской академіи (1852—56 г.). По окончаніи академическаго курса, 15 окт. 1856 г. опредѣленъ въ Костромскую дух. семинарію учителемъ гражданской исторіи, богослужебныхъ книгъ и латинскаго языка. 12 февр. 1857 г. возведенъ на степень магистра. Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ перемѣщенъ во Владимірскую семинарію 28 янв. 1858 г. на греческій языкъ. 19 авг. того же года, по опредѣленію Св. Синода, перешелъ на классъ св. писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. 26 февр. 1864 г. былъ уволенъ по прошенію отъ училищной службы и поступилъ въ контору Московской синодальной типографіи старшимъ корректоромъ.—При объясненіи уроковъ по Св. Писанію, Ѳ. В. Виноградовъ пользовался по преимуществу нѣмецкими источниками, при чемъ, прекрасно владѣя нѣмецкимъ языкомъ, читалъ въ классѣ урокъ прямо по нѣмецкимъ книгамъ. Лекціи его были умны и содержательны, но не всегда, впрочемъ, доступны пониманію учениковъ.

Тимоѳей Ив. Протасовъ (1858—59 г.), воспитанникъ Московской семинаріи; Московскую академію окончилъ въ 1858 г. по 2 разряду. 13 авг. 1858 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на 2-й классъ словесности. 30 іюня 1859 г. перемѣщенъ въ Московскую семинарію и былъ здѣсь наставникомъ сперва словесности, затѣмъ физики и математики. Изъ Московской семинаріи перешелъ (28 нояб. 1877 г.) въ наставники Московскаго Филаретовскаго епархіальн. женскаго училища.

Иванъ Андр. Тихомировъ (1858—63 г.), воспитанникъ Владимірской семинаріи и Московской академіи, которую окончилъ по 2-му разряду (1854—58). Указомъ отъ 19 авг. 1858 г. опредѣленъ

ности, пишетъ Савва, я увидѣлъ, что Никольскій упражняетъ своихъ учениковъ, между прочимъ, въ переложеніи съ французскаго языка на русскій кощунственныхъ стиховъ извѣстнаго легкомысленнаго французскаго поэта Беранже. Я погрозилъ ему за это отставкой отъ службы, но онъ принесъ мнѣ искреннее раскаяніе въ своемъ легкомысліи и обѣщалъ впредь не допускать сего". (Тамъ же, т. 3, стр. 455—56.

учителемъ греческаго яз. во Владимірской семинаріи. 3 февр. 1860 г. перемѣщенъ на каѳедру церковной исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. 10 декабря 1863 года Тихомировъ скончался.

Василій Павл. Звѣринскій (1858—59 г.), изъ Московской семинаріи и Московской академіи. По окончаніи академическаго курса по второму разряду, указомъ отъ 19 авг. 1858 г. опредѣленъ во Владимірскую дух. семинарію учителемъ по классу церковной исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. Чрезъ годъ, 13 окт. 1859 г. перемѣщенъ въ Виѳанскую дух. семинарію учителемъ всеобщей исторіи. Въ сент. 1872 г. назначенъ священникомъ къ Московской Скорбященской, что въ Ямской слободѣ, церкви.

Руѳинъ Павлинов. Ржаницынъ (1858—61 г.), воспитанникъ Московской семинаріи и Московской академіи. По окончаніи курса, указомъ отъ 19 авг. 1858 г. опредѣленъ во Владиміръ на классъ церковной исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. 4 сент. 1861 г. Ржаницынъ переведенъ на должность смотрителя Симферопольскаго дух. училища.

Александръ Флегонт. Спасскій (1858—65), обучался въ Нижегородской семинаріи и съ 1854—58 г. въ Московской академіи. По окончаніи курса, съ причисленіемъ ко второму разряду, опредѣленъ 19 авг. 1858 г. учителемъ во Владимірскую дух. семинарію на классъ всеобщей исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ въ низшее 3-е отд. Въ 1865 г. А. Ф. Спасскій оставилъ духовно-учебную службу и поступилъ воспитателемъ въ Московскую военную гимназію. Въ настоящее время состоитъ штатнымъ преподавателемъ въ 1-мъ Московск. кадетскомъ корпусѣ. „Въ золотыхъ очкахъ, красивой наружности, этотъ наставникъ преподавалъ свой предметъ не только серьезно, но и увлекательно", говоритъ одинъ изъ питомцевъ Влад. семинаріи о А. Ф. Спасскомъ.

Николай Марковъ (1859 г.), обучался въ Калужской семинаріи. Въ 1837 г. окончилъ Петербургскую академію, съ причисленіемъ ко 2-му разряду, и назначенъ учителемъ Зарайскихъ училищъ. Указомъ Св. Синода отъ 13 окт. 1859 г. переведенъ во Владимірскую семинарію на классъ церковной исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. Прибылъ къ мѣсту назначенія 24 ноября 1859 г., а 2 декабря того же года скончался.

Михаилъ Мих. Соловьевъ (1859—62). 22 дек. 1859 г. Мих. Мих. Соловьевъ изъ Краснослободска, гдѣ онъ былъ смотрителемъ училищъ (см. выше, стр. 107—108), перешелъ вторично во Влад. дух. семинарію на классъ всеобщей исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. 30 сент. 1861 г., вмѣсто класса всеобщей исторіи, М. М. было поручено преподаваніе одной русской исторіи въ средн. отд., о богослужебныхъ книгахъ и латинскаго языка

во 2-мъ и 3-мъ низш. отд. 12 окт. 1862 г. по прошенію уволенъ отъ службы. Сконч. 14 дек. 1871 г.[1]).

О преподаваніи Мих. Мих. Соловьева въ первый періодъ его пребыванія во Владимірской семинаріи говорилось раньше. Второй разъ онъ явился во Владиміръ, уже обремененный многочисленнымъ семействомъ, которое не давало ему возможности относиться сколько-нибудь серьезно къ учебному дѣлу. Въ авг. 1861 г. Соловьевъ въ прошеніи, поданномъ на имя семинарскаго правленія, высказалъ это, нисколько не обинуясь. „По семейнымъ моимъ обстоятельствамъ, преподаваніе ученикамъ двухъ предметовъ—гражданской исторіи и латинскаго языка сопряжено для меня съ крайнимъ неудобствомъ. Гражданская исторія, по обширности своей и по множеству именъ и названій, требуетъ непремѣннаго домашняго занятія. А семейное положеніе мое таково, что имѣю при себѣ 9 дѣтей своихъ и трехъ дѣтей моей жены отъ перваго ея супружества. Съ 12 дѣтьми малолѣтними, при такихъ средствахъ, какія получаю отъ службы, я не могу имѣть никакой прислуги и порядочной, мало-мальски удобной, квартиры; самъ ухаживаю за дѣтьми, самъ дѣлаю почти всякое домашнее дѣло и отъ безпрерывнаго шума и суеты среди такого многолюдства не имѣю убѣжища и свободы для ученыхъ занятій. Посему правленіе семинаріи покорнѣйше прошу, не благоволено-ли будетъ ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ, на мѣсто возложенныхъ на меня двухъ предметовъ — гражданской исторіи и латинскаго языка въ одномъ и томъ же отд., поручить мнѣ преподаваніе одного предмета латинскаго языка, но въ двухъ отд.“ [2]). Изъ формулярнаго списка Соловьева можно видѣть, что правленіе согласилось на просьбу Соловьева, но не вполнѣ. Кромѣ латинскаго яз. въ двухъ низшихъ отд., ему поручено было преподавать о богослужебныхъ книгахъ (въ двухъ низш. отд.) и русскую исторію въ среднемъ отдѣл. Преосв. Савва, ревизовавшій Владим. семинарію въ 1862 г., съ своей стороны отмѣтилъ тѣ тяжелыя условія матеріальнаго быта, въ которыя былъ поставленъ М. М. Соловьевъ. „Учитель, надворный совѣтникъ М. М. Соловьевъ — наставникъ усердный и исправный. При огромномъ семействѣ, состоящемъ изъ 12-ти или болѣе душъ, получая жалованья въ годъ 286 руб., онъ крайне нуждался въ средствахъ къ жизни. Такъ какъ онъ былъ моимъ наставникомъ по математикѣ и физикѣ, то я, посѣтивши его въ квартирѣ, оказалъ ему небольшую денежную помощь“ [3]).

---

[1]) См. Влад. Вѣд. 1884 г., стр. 183—84.
[2]) Арх. сем. 1860/61 г., № 43.
[3]) Хроника моей жизни. Т. 2, стр. 756.

Александръ Ив. Цвѣтковъ (1860—69), воспитанникъ Владимірской семинаріи и Московской академіи (1850—54). 20 апр. 1855 г. возведенъ на степень кандидата. 6 мая 1855 г. опредѣленъ въ Скопинское дух. училище инспекторомъ и учителемъ катихизиса и латинскаго яз. 3 дек. 1857 г. переведенъ на ту же должность и тѣ же предметы во Владимірское училище. 3 дек. 1860 г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ перемѣщенъ на классъ греческаго языка во Владимірскую семинарію. Съ 1 іюня 1862 г. по 1 іюля 1869 г. проходилъ должность помощника инспектора. Въ сент. 1869 г. опредѣленъ смотрителемъ Владимірскаго дух. училища. 1 авг. 1877 г. по прошенію перемѣщенъ снова въ семинарію на классъ латинскаго языка. 18 окт. 1890 г. скончался[1]). Какъ преподаватель сперва греческаго, потомъ латинскаго языка, А. И. Цвѣтковъ пользовался репутаціей снисходительнаго и добрѣйшаго человѣка. Во Владим. Епарх. Вѣд. А. И. Цвѣтковъ напечаталъ: „Постъ по ученію св. Отцевъ Церкви“, 1865 г., №№ 6, 15 и 22.

Мих. Ив. Херасковъ (1861—70), изъ высшаго отд. Владимірской семинаріи въ 1855 г. поступилъ въ Кіевскую академію, которую окончилъ въ 1859 г. (подъ № 4). 9 сент. 1859 г. возведенъ на степень магистра. 13 сент. 1859 г. опредѣленъ въ Нижегородскую семинарію наставникомъ по 1-му классу словесности и латинскаго языка. 27 сент. 1861 года перемѣщенъ въ родную семинарію преподавателемъ церковной исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ (каноника, археологія и библейская исторія). 29 ноября того же года предписаніемъ академическаго правленія ему поручено преподаваніе одной церковной исторіи во всѣхъ высшихъ отд. Съ 16 февр. 1865 г. по 20 дек. 1866 г. безмездно преподавалъ священную исторію при училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія. 29 августа 1865 г. рукоположенъ во священника къ Введенской, что при томъ же училищѣ, церкви, а съ 13 іюля 1868 г. сталъ проходить безмездно должность инспектора классовъ. Въ то же время М. И. не оставлялъ и службы въ семинаріи. Здѣсь съ 9 сент. 1866 г. ему, вмѣсто церковной исторіи, поручили преподаваніе педагогики во всѣхъ высшихъ отд. и завѣдываніе воскресной школой (съ 5 февр. 1867 г.). Съ 7 сент. 1867 г. по 23 окт. 1870 г. читалъ французскій языкъ. Послѣ преобразованія семинаріи М. И. Херасковъ сталъ преподавать св. писаніе. Въ окт. 1870 г. М. И. отказался отъ преподаванія въ семинаріи, вслѣдствіе назначенія законоучителемъ Владим. мужской гимназіи и священникомъ при пансіонской церкви. Занятій въ женскомъ училищѣ М. И. не прекратилъ; съ 23 окт. 1870 г. онъ сталъ преподавать тамъ физику, а съ 28 окт. и педагогику. Въ 1872 г. женское училище было пре-

---

[1]) Некрологъ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1891 г., № 5.

образовано. По новому уставу М. И. Хераскову предоставлено было мѣсто законоучителя и поручена (8 сент.) штатная должность инспектора классовъ. 10 мая 1878 г. педагогическимъ собраніемъ правленія Влад. семинаріи М. И. избранъ на должность ректора. 18 іюня того же года возведенъ въ санъ протоіерея. 27 янв. 1889 г., согласно прошенію, уволенъ отъ должности ректора и опредѣленъ (16 мая) настоятелемъ Суздальскаго собора. Умеръ 9 сент. 1901 г.[1]).

Для оцѣнки дѣятельности протоіерея М. И. Хераскова и его значенія для Владимірской семинаріи еще не наступило время. Здѣсь можно лишь отмѣтить то, что незаурядныя способности и богатыя научныя познанія недавно почившаго протоіерея въ первые же годы его семинарской службы выдвинули его, какъ одного изъ лучшихъ и многообѣщающихъ наставниковъ. Въ литературѣ Мих. Ив. Херасковъ извѣстенъ, какъ авторъ учебниковъ: „Руководство къ послѣдовательному чтенію пятокнижія Моисеева" (выдержало пять изданій); „Обозрѣніе историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта", 1878 г.; „Посланія Апостольскія и Апокалипсисъ", 1893 г. Кромѣ этихъ учебныхъ руководствъ, удостоенныхъ преміи митрополита Макарія, Мих. Ив. Херасковымъ напечатаны слѣдующія статьи во Владимірскихъ Епарх. Вѣдом.: „Святый Симонъ, первый епископъ Владимірскій и Суздальскій", 1866 г., № 22 и 1867 г., №№ 3, 5, 7 и 13; „Воскресная школа при Владимірской семинаріи", 1869 г., № 5; „Некрологъ А. В. Поспѣхова", 1870 г., № 7; „О постѣ", 1871 г., № 5; „Максимъ, митрополитъ Кіево-Владимірскій и всея Руси", 1869 г., № 13 и 1871 г., № 17; „Свѣтская гуманность и христіанская любовь", 1872 г., № 9; „Слово и поученіе къ попомъ", 1873 г., № 12; „Промыслъ Божій о спасеніи языковъ, являемый въ судьбахъ древняго Филистимскаго народа по ветхозавѣтнымъ пророчествамъ", 1874 г., №№ 2, 3, 7, 8; „О религіи, какъ главномъ руководительномъ началѣ воспитанія", 1873 годъ, №№ 15—16; „О карточной игрѣ", 1874 г., № 10; „Нѣсколько словъ противъ пристрастія къ свѣтской литературѣ", 1874 г., № 19; „Нравственный урокъ юношамъ", 1875 г., № 4; „Историческій взглядъ на современный индифферентизмъ и невѣріе", 1875 г., №№ 14 и 15; „По поводу газетныхъ толковъ о разрѣшеніи театральныхъ зрѣлищъ въ великій постъ", 1876 г., № 4; „Кончина и погребеніе Владимірскаго каѳедральнаго о. протоіерея Ѳ. М. Надеждина", 1877 г., № 2; „Святый пророкъ Илія по сказанію священныхъ книгъ", 1878 г., №№ 14, 15 и 16; „Православная церковь въ борьбѣ съ аріанствомъ по смерти Константина Великаго до единодержа-

---

[1]) Некрологъ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1901 г., № 20—21 и Влад. Губ. Вѣд. 1901 г., № 37.

вія Констанція", 1880 г., № 21, 1881 г., №№ 3, 8, 9, 14, 15, 19 и 1882 г., №№ 7, 12; „Мысли пастыря церкви о современномъ настроеніи общества", 1881 г., № 20; „Мудрость человѣческая въ противоборствѣ съ мудростію божественною и средства къ устраненію этого противоборства для блага общественнаго", 1884 г., № 11 и др. Особенно много напечатано М. И. Херасковымъ проповѣдей и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Проповѣди и собесѣдованія М. И. помѣщалъ на страницахъ Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ журналѣ „Пастырскій Собесѣдникъ". Часть этихъ проповѣдническихъ трудовъ, вмѣстѣ съ другими, нигдѣ не напечатанными, издана была въ 1886 г. подъ заглавіемъ: „Слова, поученія и рѣчи, съ тремя опытами внѣцерковныхъ собесѣдованій". Въ числѣ проповѣдей, помѣщенныхъ во Влад. Епарх. Вѣд., есть не мало обращенныхъ къ воспитанникамъ семинаріи и сказанныхъ протоіереемъ Херасковымъ въ бытность его ректоромъ Владимірской семинаріи. Внѣбогослужебныя чтенія, веденныя въ г. Суздалѣ, напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ" (1891 г.—1901 г.)[1].

Александръ Ильичъ Сервицкій (1861—90), изъ высшаго отд. Владимірской семинаріи поступилъ въ Петербургскую академію, которую окончилъ въ 1861 г. по 2-му разряду. 28 дек. 1861 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію учителемъ по предметамъ логики, психологіи и латинскаго языка. 17 мая 1862 г. произведенъ во священники къ безприходной Богородицкой церкви. При преобразованіи семинаріи по новому уставу ему поручено преподаваніе психологіи, обзора философскихъ наукъ, педагогики и завѣдываніе воскресной школой. 1881 г. возведенъ въ санъ протоіерея. 18 іюля 1878 г. назначенъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ Владимірскаго женскаго училища. Въ 1890 г. оставилъ семинарію за опредѣленіемъ въ соборные протоіереи г. Покрова. Ум. во Владимірѣ 6 февр. 1897 г.

А. И. Сервицкій долженъ быть отнесенъ къ группѣ тѣхъ наставниковъ 60-хъ гг., которые оказывали въ ряду другихъ преимущественное вліяніе на воспитанниковъ не только въ образовательномъ, но и въ воспитательномъ смыслѣ[2]). Какъ преподавателю философіи, А. И. пришлось много поработать надъ составленіемъ записокъ по этому предмету, примѣнительно къ тѣмъ измѣненіямъ, какимъ онъ подвергся послѣ 1869 г. (введенъ обзоръ философскихъ наукъ) и 1884 г. (краткая исторія философіи). Послѣ реформы 1869 г. А. И. Сервицкій продолжалъ вести дѣло препо-

---

[1]) Подробнѣе о литературныхъ трудахъ М. И. Хераскова см. Влад. Епарх. Вѣд. 1901 г., № 21.

[2]) По крайней мѣрѣ въ 60-хъ гг.

данія въ дореформенномъ духѣ; на урокахъ обыкновенно читались лекціи, чрезъ извѣстные промежутки времени для провѣрки знаній назначались репетиціи. Лекціи Сервицкаго слушались немногими, такъ какъ на урокахъ А. И., вслѣдствіе одного его физическаго недостатка (глухоты), стоялъ невообразимый шумъ. При спросахъ отвѣты суфлировались. Подсказыванія практиковались не только на урокахъ, но даже и на тѣхъ генеральныхъ репетиціяхъ, которыя А. И. устроялъ для своихъ слушателей у себя въ бесѣдкѣ предъ экзаменами. Этимъ объясняются тѣ строгости Сервицкаго на экзаменахъ, на которыя жалуются многіе изъ его питомцевъ; въ связи съ этимъ стоитъ и та неблаговидная шутка, которую устроили ему ученики болѣе поздняго времени. Въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ А. И. былъ веселымъ, словоохотливымъ и хлѣбосольнымъ товарищемъ. Въ 60-хъ гг. его домъ являлся центромъ, куда собиралась для дружескихъ бесѣдъ семинарская корпорація. Будучи человѣкомъ житейскимъ и практичнымъ, А. И. оказывалъ по временамъ и помощь своимъ сослуживцамъ, — совѣтомъ, участіемъ, а иногда и дѣломъ, такъ какъ, по словамъ одного изъ его товарищей, онъ былъ „не только мужъ, сильный въ наукѣ мудрости, но и мудрецъ въ жизни“ [1]).

По письменнымъ трудамъ и работамъ А. И. Сервицкій принадлежитъ къ числу видныхъ дѣятелей Владимірской епархіи. Съ 6 окт. 1864 г. по 23 апр. 1873 г. онъ состоялъ редакторомъ новооснованныхъ Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостей. Въ 1868 г. имъ составлена программа церковно-приходскихъ лѣтописей для Владимірской епархіи. Вмѣстѣ съ К. Ѳ. Надеждинымъ А. И. потрудился и надъ разборомъ архивныхъ документовъ, относящихся къ исторіи этой епархіи. Въ 1869 г. онъ назначенъ былъ членомъ, а въ 1874 г. предсѣдателемъ коммиссіи по разбору дѣлъ стараго консисторскаго архива. Изъ своихъ трудовъ А. И. Сервицкій напечаталъ: „Ересь Новгородскихъ еретиковъ или жидовствующихъ“, Правос. Обозр. 1862 г., №№ 6, 7. „Отношеніе Владимірскаго городского общества къ улучшенію быта городского духовенства“, Владим. Губ. Вѣдомости, 1864 г., № 36. Во Владимірскихъ Епарх. Вѣд.: „Празднованіе въ память Ломоносова“, 1865 г., № 9; „Кидекшенская Борисоглѣбская церковь“, 1865 г., № 18; „Новыя миссіонерскія общества въ Россіи“, 1865 г., № 19; „Положеніе вопроса объ улучшеніи мѣстными средствами быта духовно-учебныхъ заведеній въ другихъ епархіяхъ и нашей“, 1865 г., №№ 21, 22; „Псаломъ 85“, 1866 г., № 16; „Христіанское начало жизни по отношенію къ современнымъ стремленіямъ общества“, 1866 г., № 20;

---

[1]) Объ А. И. Сервицкомъ см. Влад. Епарх. Вѣд. 1887 г., № 6 (юбилей) и 1897 г. № 6 (некрологъ).

„Св. Ипполитъ епископъ и мученикъ", 1867 г., № 2; „Улучшеніе быта духовно-учебныхъ заведеній нашей епархіи мѣстными средствами и празднество по сему случаю 5 февраля", 1867 г., № 4; „Открытіе воскресной школы при Влад. семинаріи 5 февраля", тамъ же; „О выборахъ благочинныхъ въ нашей епархіи", 1868 г., № 2; „Нѣсколько словъ по поводу назначенія жалованья чиновникамъ, членамъ консисторіи и отцамъ благочиннымъ", 1868 г., № 5; „Путь къ истинному совершенству", 1868 г., № 13; „Преобразованіе семинаріи и училищъ нашей епархіи и епархіальный съѣздъ духовенства по сему дѣлу", 1869 г., №№ 3, 6, 8, 10; „Козьминъ монастырь", 1870 г., № 5; „Желанія и заявленія духовенства относительно своихъ новыхъ училищъ", 1870 г., № 6; Некрологъ Г. Ѳ. Соколова, 1870 г., № 16; „О выборахъ благочинныхъ въ нашей епархіи", 1870 г., № 23; Некрологъ А. И. Боголюбова 1871 г., № 22; „Празднество столѣтія со дня рожденія гр. М. М. Сперанскаго", 1872 г., № 2; Некрологъ К. Н. Тихонравова, 1879 г., № 15; „Память свят. Ѳеодора и Іоанна Суздальскихъ чудотворцевъ", 1879 г., № 17; „Коронованіе или вѣнчаніе царей на царство", 1883 г., № 8.

Николай Дм. Боголѣповъ (1862—70), обучался въ Московской семинаріи и Московской академіи (1858—62). По окончаніи академическаго курса съ причисленіемъ ко 2-му разряду, 10 ноября 1862 г. назначенъ во Владимірскую семинарію учителемъ латинскаго языка. 27 окт. 1866 г. опредѣленъ библіотекаремъ ученической библіотеки. 2 дек. 1866 г. съ класса латинскаго языка перемѣщенъ на классъ церковно-библейской исторіи въ среднемъ отдѣленіи. При преподаваніи церковно-библейской исторіи, Ник. Дм., не выдаваясь какими-нибудь достоинствами, иногда позволялъ себѣ допускать выраженія, особенно въ употребленіи священно-библейскихъ именъ, мало соотвѣтствующія важности предмета. Послѣ ревизіи, предшествовавшей реформѣ, онъ оставленъ былъ помощникомъ инспектора семинаріи. Умеръ 2 сент. 1870 г. Во Влад. Епарх. Вѣдом. напечаталъ: „Особенности богослуженія въ первый день Пасхи", 1865 г., № 7.

Ксенофонтъ Ѳеод. Надеждинъ (1864—90), изъ Владимірской семинаріи поступилъ въ Петербургскую академію (59—63), которую окончилъ со степенью кандидата. 24 янв. 1864 г. назначенъ во Владимірскую семинарію на классъ церковно-библейской исторіи. 1 сент. 1867 г. перемѣщенъ на классъ богослужебныхъ книгъ и всеобщей исторіи. При преобразованіи семинаріи ему поручено преподаваніе гражданской исторіи. Ум. 4 мар. 1890 г.[1]).

К. Ѳ. Надеждинъ долженъ быть отнесенъ къ числу дарови-

---

[1]) Некрологъ К. Ѳ. Надеждина см. Влад. Епарх. Вѣд. 1890 г., № 9.

тыхъ наставниковъ и питомцевъ Владимірской семинаріи. Объ его литературномъ талантѣ можетъ свидѣтельствовать изданная имъ „Исторія Владимірской духовной семинаріи", 1875 г., дающая рядъ бытовыхъ очерковъ древняго времени, созданныхъ на основаніи рукописнаго матеріала. Въ такомъ же родѣ написаны имъ и другія историческія статьи, напечатанныя по преимуществу во Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ мы напрасно стали бы искать строгой точности фактическихъ данныхъ, научной обоснованности положеній. Къ этому К. Ѳ. едва ли былъ способенъ. Но за то въ нихъ превосходно популяризованъ научный матеріалъ. Легкая литературная форма изложенія дѣлаетъ ихъ общедоступными, занимательными. Говоря короче, — въ его работахъ историческаго характера виденъ не столько ученый историкъ Владимірскихъ древностей, сколько историкъ-беллетристъ, который по своему произволу иногда измѣняетъ частности, мелочи, сохраняя общій духъ, общее направленіе. Таковъ же былъ К. Ѳ. и какъ наставникъ. Своими живыми разсказами онъ увлекалъ учениковъ. Его слушали внимательно, тѣмъ болѣе что въ своихъ лекціяхъ онъ не стѣснялся рамками, намѣченными програмой, а какъ представитель дореформенной школы трактовалъ о предметахъ, о которыхъ находилъ нужнымъ сообщить ученикамъ въ данный моментъ. „Бывало, разсказываютъ питомцы Надеждина, придетъ К. Ѳ. въ классъ, вытащитъ изъ кармана измятый листъ газеты и начнетъ читать и толковать о разныхъ интересныхъ для насъ вещахъ, а то попутно разскажетъ смѣшной анекдотъ, развеселитъ и возбудитъ весь классъ". Къ ученикамъ К. Ѳ. былъ снисходителенъ и пользовался ихъ любовью [1]).

---

[1]) Вскорѣ послѣ вступленія К. Ѳ. Надеждина на должность, ученики рѣшили заявить ему свою признательность какимъ-нибудь торжественнымъ образомъ. Съ этою цѣлію въ день именинъ К. Ѳ. ему поднесенъ былъ на серебряномъ подносѣ благодарственный адресъ. Въ немъ ученики писали: „Нами любимый наставникъ К-ъ Ѳ-ъ! Только полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ Вами, но и въ это непродолжительное время мы успѣли понять и полюбить васъ. Вы столь священный и интересный для каждаго изъ насъ предметъ (библейская исторія), который по обыкновенію холодно и безжизненно преподавался, оживили своими объясненіями и рѣшеніями многихъ важныхъ вопросовъ. Вы познакомили насъ со многими европейскими невѣрами и дали силы твердо бороться и ратовать противъ нихъ. Мы слышали отъ Васъ столько, сколько желали Вы слышать отъ Вашихъ ветерановъ-наставниковъ. Въ настоящее время очень ощутительна становится потребность наставниковъ, которые бы съ истинною любовью относились къ своимъ предметамъ. Мы, воспитанники жаждемъ положительнаго, а не поверхностнаго знанія. А между тѣмъ ряды такихъ наставниковъ въ настоящее время рѣдѣютъ. Въ недавнее время насъ оставили: М. Г. Н—ій (Миронъ Григ. Никольскій), Ѳ. В. В—въ (Ѳеодоръ Вас. Виноградовъ), І. Т. С—въ (Іосифъ Трофим. Сердцевъ) и А. Ф. С—ій (Александръ Флег. Спасскій). Всѣ они были лучшіе наши наставники, всѣ они при-

Въ частной жизни К. Ѳ. нечуждъ былъ нѣкоторой лѣни, благодаря которой его дарованія не проявились въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ могли проявиться при другихъ условіяхъ.

Изъ литературныхъ трудовъ К. Ѳ. Надеждина, кромѣ Исторіи Влад. дух. семинаріи, можно указать слѣдующіе: „Журналъ раскольническій „Истина", Правосл. Обозр. 1866 г., № 7; „Дѣятельность редакціи журнала „Истина", тамъ же, 1867 г., № 1; „Рукописи по расколу въ библіотекѣ Влад. семинаріи", тамъ же, 1867 г., № 8—9, 1868, № 12; „Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ", 1864 г., № 10, 11. Во Влад. Епарх. Вѣд. К. Ѳ. Надеждинъ помѣщалъ по частямъ свою Исторію Влад. дух. семинаріи (1865—68, 73 гг.) и кромѣ ея слѣдующія статьи. „Матеріалы для исторіи Владимірской семинаріи", 1874 г., № 20 (истор. записка о Сузд. дух. училищахъ) и № 23 (истор. записка о Переславской семинаріи, описаніе открытія дух. училищъ въ Шуѣ, Муромѣ и с. Петровскомъ); „Рѣчь въ торжественномъ собраніи Влад. дух. семинаріи 12 дек. 1877 г., по случаю празднованія 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія государя императора Александра I", 1878 г., № 2; „Повѣсть инока Симеона іерея Суждальца, какъ римскій папа Евгеній составилъ осьмый соборъ со своими единомышленниками", 1879 г., № 3; „Юбилеи 1880 г." (500 лѣт. Кулик. битвы, 400-лѣтіе освобожд. отъ монгольскаго ига и 25 л. царств. царя Освободителя), 1880 г., № 6; „Стихотворныя посланія Словцова къ Сперанскому и Сперанскаго къ Словцову", 1882 г., № 5; „Противники и сторонники семейной жизни въ расколѣ", 1882 г., № 15; „Рецензія на книгу В. М. Орлова „Высокопреосвящ. Пароеній", 1882 г., № 16; „Васильевскія створчатыя мѣдныя двери, находящіяся нынѣ въ Александровскомъ Троицк. соборѣ Успен. дѣвич. монастыря" 1885 г., №№ 21, 22; „Письма и цидули", 1886 г. № 16. Съ 6 окт. 1864 г. по окт. 1868 г. К. Ѳ. состоялъ вмѣстѣ съ А. Сервицкимъ редакторомъ Влад. Епарх. Вѣдомостей. Въ Душеп. Чтеніи за 1873 г. (№ 9). К. Ѳ. помѣстилъ „Изъ преданій о первомъ ревизорѣ Влад. семинаріи Филаретѣ".

Иванъ Сем. Любимовъ (1863—87), обучался во Владимірской дух. семинаріи и Московской академіи (1856—60). По окончаніи

несли много пользы въ дѣлѣ нашего образованія. Отъ хорошаго наставника мы вправѣ требовать не только отчетливаго знанія своего предмета... Намъ нужна еще и любовь его къ своему предмету и сочувствіе къ своимъ ученикамъ. За эту-то любовь, за это-то сочувствіе къ дѣлу нашего образованія, мы и благодаримъ Васъ въ день Вашего ангела. Въ надеждѣ видѣть Васъ и впредь съ истинною любовію относящагося къ своему предмету и дѣлу нашего образованія—наставника, изъявляемъ свою признательность. Ваши воспитанники." (См. Влад. Губ. Вѣд. 1890 г., № 42).

акад. курса удостоенъ степени кандидата. 8 окт. 1860 г. назначенъ въ Минскую семинарію на классъ словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ. 23 февр. 1862 г. опредѣленъ на должность секретаря правленія. 24 ноября 1864 г. переведенъ во Владимірскую семинарію на классъ св. писанія. 13 марта 1866 г. произведенъ во священника къ Скорбященской, что при тюремномъ замкѣ, церкви, съ оставленіемъ въ должности наставника. 26 марта 1868 г. перемѣщенъ къ Ризоположенской, что на Золотыхъ воротахъ, церкви. Со времени преобразованія семинаріи сталъ преподавать словесность, исторію литературы и логику. Съ 24 янв. 1877 г. по 26 іюня 1878 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи. 1884 г. возведенъ въ санъ протоіерея. 1887 г. — настоятель г. Покрова; 1890 г —Вознесенской церкви г. Иванова-Вознесенска; 1897 г. — Вознесен. церкви г. Мурома. И. С. Любимовъ напечаталъ: „Молитва ко Пресвятой Дѣвѣ Маріи“, Влад. Епарх. Вѣд., 1865 г., №№ 13, 17; „Памяти преосв. Меѳодія, еп. Астраханскаго“, 1876 г., № 10; „Преосв. Иларіонъ“, 1874 г., №№ 5, 7, 11 и отд. от. „Житіе Суздальскаго митрополита Иларіона“.

Михаилъ Мих. Воздвиженскій (1864—67), обучался въ Моск. семинаріи и Моск. академіи (1860—64). 7 дек. 1864 г. назначенъ во Владим. семинарію на логику, психологію, патристику и латинскій яз. въ среднее 3-е отд. 15 окт. 1866 г. возведенъ на степень магистра. 8 авг. 1867 г. перемѣщенъ въ Виѳанск. семинарію на тѣ же предметы. Въ ноябрѣ 1869 г. назначенъ священникомъ и законоучителемъ въ Московск. военную гимназію [1]). Въ настоящее время законоучит. и священ. при 2-мъ Москов. кадетскомъ корпусѣ. Несмотря на кратковременность пребыванія во Владимірѣ, М. М. Воздвиженскій оставилъ по себѣ хорошую память среди своихъ учениковъ.

Павелъ Алексѣев. Бѣлояровъ (1864—99), обучался во Владимірской семинаріи и Московской академіи (1860—64). 12 нояб. 1864 г. опредѣленъ въ родную семинарію учителемъ всеобщей исторіи. 10 авг. 1866 г. перемѣщенъ на каѳедру церковной исторіи. 10 янв. 1867 г. возведенъ на степень кандидата. Съ окт. 1868 г. по нояб. 1869 препод. нѣмецкій языкъ, за выбытіемъ учителя этого языка. Съ 1878 г. по 1884 г. былъ учителемъ того же яз. въ I классѣ 3 отд.; съ 1884 читалъ его ученикамъ I группы изъ желающихъ учиться по нѣмецки. Съ 1880 г. по 1886 г. преподавалъ исторію раскола. Въ Владимірскомъ епарх. женскомъ училищѣ П. А. долго преподавалъ церковную исторію въ VI классѣ. Сконч. 24 окт. 1899 г.

Въ жизни и дѣятельности П. А. Бѣлоярова прежде всего

---

[1]) См. Списки начальниковъ, наставн. и воспит. Виѳанской сем., стр. 42.

должно отмѣтить ту особенность, что въ теченіе 33 лѣтъ онъ оставался наставникомъ одного и того же предмета. Насколько такое постоянство было дѣломъ нелегкимъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ матеріальныхъ условій, можно видѣть изъ той быстрой смѣны преподавателей, которая послѣдовала за смертью П. А.

Но, кромѣ постоянства и любви къ своему предмету, Павла Алексѣевича отличали еще другія черты, дающія ему право занять въ исторіи Владимірской семинаріи мѣсто одного изъ лучшихъ наставниковъ. Разумѣю, во первыхъ, умѣніе П. А. излагать предъ аудиторіей свой предметъ, умѣніе одушевить, наэлектризовать ее, заставить слушать себя, затаивъ дыханіе... Такое умѣніе объяснялось недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ П. А., дѣлавшимъ его незамѣнимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось произносить торжественныя рѣчи, спичи. Обычно въ такіе моменты всегда обращались къ услугамъ Павла Алексѣевича, и онъ выполнялъ возложенную на него задачу блестяще. И торжественный привѣтъ, и грустное настроеніе, и характеристика лицъ и событій — все находило въ его рѣчахъ весьма искусное выраженіе. Такимъ же мастеромъ слова онъ являлся и на урокахъ исторіи. Его разъясненія производили на умы учениковъ всегда глубокое впечатлѣніе. Этому содѣйствовала не только внутренняя содержательность и стилистическая отдѣланность рѣчи даровитаго оратора, [1]) но также умѣніе его владѣть голосомъ, а при случаѣ и жестами, пользуясь которыми онъ усиливалъ эффектъ. Чтеніе лекцій такого рода требовало, конечно, напряженія, подъема силъ, и П. А. баловалъ ими слушателей не всегда. [2]) Тѣ отдѣлы, въ которыхъ излагались разрозненныя фактическія свѣдѣнія, относящіяся къ извѣстной эпохѣ (напр., отдѣлы о храмахъ, богослуженіи), П. А. имѣлъ обыкновеніе прочитывать по книгѣ. Но лишь только начинался связный разсказъ, требовалось бросить ретроспективный взглядъ на эпоху, выяснить характеръ извѣстнаго событія, Павелъ Алексѣевичъ закрывалъ пособія и начиналъ говорить. Классъ, до того времени дремавшій, превращался въ слухъ. Выразительное и содержательное чтеніе лектора, и при его маломъ ростѣ, дѣлало его въ то время величавымъ. Только звонокъ, возвѣщавшій окончаніе урока, выводилъ учениковъ изъ оцѣпенѣнія. И часто случалось, что аудиторія,

---

[1]). П. А. любилъ пользоваться въ своихъ чтеніяхъ по исторіи древнерусскими выраженіями, лѣтописными выдержками; но дѣлалъ это въ мѣру и выбиралъ самое характерное и занимательное, благодаря чему рѣчь его изобиловала, какъ говорили ученики, „цвѣточками“.

[2]) Ораторскія лекціи П. А. сокращались изъ года въ годъ, по мѣрѣ ослабленія его силъ. Послѣдніе выпуски слышали ихъ уже немного.

охваченная восторгомъ, провожала своего любимаго наставника апплодисментами.

Въ отношеніяхъ къ ученикамъ П. А. Бѣлояровъ былъ простъ и добръ до снисходительности. Обладая значительною долею юмора, онъ умѣлъ донимать лѣнтяевъ къ большому удовольствію остального класса, любившаго послушать мѣткія, но добродушныя и безобидныя издѣвательства своего добраго наставника, старавшагося въ тоже время казаться гнѣвнымъ и серьезнымъ. Вотъ, напр., предъ Павломъ Алексѣевичемъ стоитъ дѣтина громадныхъ размѣровъ, предъ которымъ небольшого роста наставникъ кажется прямо таки пигмеемъ. Дѣтина не училъ урока. П. А. начинаетъ выговаривать: „Что же ты, братецъ, ничего не дѣлаешь?... Да я тебя въ окно выброшу!... (дѣлаетъ при этомъ соотвѣтствующій жестъ). Да я тебя въ калошу засажу!..“ Классъ хохочетъ. П. А. смотритъ поверхъ очковъ гнѣвно и серьезно. Лѣнтяй начинаетъ чувствовать себя неловко и конфузится. Такими укорами и шутками все дѣло и оканчивалось. Къ двойкамъ П. А. прибѣгалъ рѣдко. Можно безъ преувеличенія сказать, что на экзаменахъ, при спросѣ учениковъ, имѣющихъ неудовлетворительныя отмѣтки, П. А. часто несравненно больше страдалъ, чѣмъ его легкомысленный ученикъ, не умѣвшій понять, чего стоила этому доброму человѣку его внутренняя борьба между „правдою и милостію“. Въ одной только области учебнаго дѣла П. А. былъ строгъ, даже излишне, какъ казалось многимъ; именно, при исправленіи ученическихъ сочиненій. Какъ представитель дореформенной школы, П. А. высоко цѣнилъ письменныя упражненія учениковъ, внимательно прочитывалъ ихъ и ставилъ отмѣтки „скупо“. Такое отношеніе къ сочиненіямъ П. А. сохранилъ даже въ то время, когда, подъ вліяніемъ новаго устава, значеніе письменныхъ работъ сильно было ослаблено. Старая закваска пережила новыя вѣянія. [1]).

Самостоятельными изслѣдованіями въ области церковно-исторической Павелъ Алексѣев. себя не заявилъ. Насколько можно видѣть изъ сказаннаго выше, это былъ типъ ученаго популяризатора, а несамостоятельнаго научнаго работника. Но, не выступая ни съ какими учеными трудами, П. А. основательно слѣдилъ за всѣми новинками церковно-исторической литературы. Знаніе нѣмецкаго языка позволяло ему пользоваться даже болѣе видными представителями западно-европейской науки (Neander, Gieseler),

[1]) Старой школѣ съ ея строгими требованіями, предъявляемыми къ изученію формъ рѣчи, П. А. Б. былъ многимъ обязанъ, несомнѣнно, и своимъ умѣніемъ говорить, а въ особенности писать торжественныя рѣчи, адреса, для которыхъ требовались не столько эрудиція, познанія, сколько навыкъ раскрывать въ изящной формѣ извѣстную мысль, варіируя ея содержаніе на нѣсколько ладовъ.

впрочемъ, въ объемѣ доступномъ при средствахъ фундаментальной и братской библіотекъ.

Вообще, въ этомъ отношеніи П. А. обладалъ достаточными познаніями, чтобы сообщить своимъ лекціямъ не только увлекательность по формѣ, но и содержательность. Страннымъ послѣ этого представляется фактъ излишней неувѣренности его въ своихъ силахъ и познаніяхъ. П. А. до послѣднихъ дней своей жизни являлся въ классъ не иначе, какъ нагруженный цѣлою кипой книгъ, боялся до курьезовъ стороннихъ посѣщеній своихъ классовъ, шелъ на всякіе компромиссы съ учениками въ тѣхъ случаяхъ, когда они предъ экзаменами старались выпросить у П. А. какія нибудь сокращенія въ курсѣ, пугая его возможностью провала въ присутствіи архіерея или даже просто ассистента.

Въ житейскомъ отношеніи П. А. до конца жизни остался человѣкомъ неопытнымъ, непрактичнымъ, предоставлявшимъ за себя думать своимъ домашнимъ. Не имѣя своихъ собственныхъ дѣтей, онъ тратилъ всѣ свои остаточныя средства на поддержку своихъ родственниковъ (по женѣ); съ любовью, характеризующею его, какъ рѣдкаго человѣка, пристраивалъ ихъ, жилъ ихъ радостями и горемъ. Скончался П. А. послѣ продолжительной и мучительной болѣзни (камень мочевого пузыря), интересуясь до послѣднихъ дней ходомъ учебнаго дѣла въ семинаріи и предстоящимъ юбилеемъ. Но до семинарскаго юбилея ему не суждено было дожить [1].

Во Влад. Епарх. Вѣд. П. А. Бѣлояровъ напечаталъ: „Смыслъ славянскаго празднества въ тысящелѣтіе кончины первоучителя славянскаго св. Меѳодія и значеніе просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей въ исторіи Славянъ“, (рѣчь на актѣ во Влад. сем.), 1885 г., № 9; „Смыслъ и значеніе юбилейнаго празднества 900-лѣтія крещенія Руси“ (рѣчь на публичномъ актѣ), 1888 г., № 15.

Иванъ Ив. Виноградовъ (1866—71), обучался въ Московской семинаріи и Московской академіи (1862—66). По окончаніи академіи по 2-му разряду, 18 ноября 1866 г. назначенъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ св. писанія въ трехъ среднихъ отдѣленіяхъ. При преобразованіи семинаріи поручено ему преподаваніе того же предмета. 7 сент. 1871 г. Виноградовъ назначенъ учителемъ приготовительнаго класса въ Московскую 4-ю гимназію.

Ив. Ив. Виноградовъ читалъ свой предметъ толково и хорошо. Записки по св. писанію, составленныя имъ, отличались серьезностью и свидѣтельствовали о незаурядныхъ способностяхъ ихъ автора.

---

[1]) Некрологъ П. А. Бѣлоярова см. Влад. Епарх. Вѣд., 1899 г., № 22.

Умер 27 июня 1899.

Василій Григ. Крыловъ (1868—96), изъ Владимірской семинаріи въ 1863 г. поступилъ въ Петербургскую академію. По окончаніи академіи съ причисленіемъ ко второму разряду, 1 февраля 1868 г. назначенъ во Владимірскую семинарію на всеобщую и русскую исторію. Въ 1869 г., при преобразованіи семинаріи, перемѣщенъ на греческій языкъ. Сконч. 11 іюля 1896 г.[1]).

Глѣбъ Вас. Миловидовъ (1868—78), обучался во Владимірской и Ставропольской семинаріяхъ съ 1858—64 г.; съ 1864—68 г. въ Московской академіи. По окончаніи академіи, съ причисленіемъ ко второму разряду, назначенъ 21 сент. 1868 г. во Владимірскую семинарію на классъ логики, психологіи и латинскаго языка во 2-е среднее отд. При преобразованіи семинаріи по новому уставу, поручено ему преподаваніе математики и физики. Ум. 1878 г. 20 янв.[2]). Гл. В. Миловидовъ напечаталъ: „Добрая христіанская жизнь пастыря-проповѣдника, какъ одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшности его проповѣди", Влад. Епарх. Вѣд. 1865 г., № 21; „Причина часто замѣчаемаго разлада между умственнымъ образованіемъ и нравственною дѣятельностью человѣка", тамъ же, 1868 г., № 13.

Вас. Яковл. Розановъ (1867—89), обучался во Владимірской семинаріи и Петербургской академіи, по окончаніи курса которой, 8 окт. 1867 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію на классы гомилетики и богословія нравственнаго, обличительнаго и пастырскаго. При преобразованіи семинаріи ему поручено преподаваніе гомилетики и литургики, а въ ноябрѣ 1870 г. и практическаго руководства для пастырей. 10 іюля 1869 г. опредѣленъ библіотекаремъ семинаріи. 29 сент. 1872 г. возведенъ на степень магистра. По порученію правленія семинаріи, въ 1874 г. разобралъ, привелъ въ порядокъ фундаментальную библіотеку, а также составилъ новые каталоги. Въ теченіе $18^{72}/_{73}$—$^{80}/_{81}$ учебн. года преподавалъ нѣмецкій языкъ въ епархіальныхъ отд. 2 и 3 класса семинаріи. 1883 г. 10—17 авг. — инспекторъ Владимірской семинаріи. 4 іюня 1889 г.—преподаватель основнаго, догматич. и нравственнаго богословія въ Таврической дух. семинаріи. 25 февр. 1895 г — смотритель Дмитровскаго, Московской губ., дух. училища. Въ періодъ службы во Владимірской семинаріи В. Я. Розановъ редактировалъ два сборника поученій, принадлежащихъ приходскимъ священникамъ Владимірской епархіи (1873 и 1875 г.), и напечаталъ во Владимірскихъ Вѣдомостяхъ: „Успеніе Пресв. Богородицы", 1865 г., № 16; „О сельскихъ церковныхъ библіотекахъ", 1865 г., № 20; „Преображеніе Господне", 1866 г., № 15. Въ 1901 г. имъ изданъ: „Богослужебный уставъ Православной Церкви. Опытъ

---

[1]) Некрологъ В. Г. Крылова см. Влад. Епарх. Вѣд. 1896 г., № 21.
[2]) Некрологъ Г. В. Миловидова см. Влад. Епарх. Вѣд. 1878 г., № 4.

изъяснительнаго изложенія порядка богослуженія Православной Церкви".

Александръ Вас. Постѣховъ (1868—70), обучался во Владимірской семинаріи и Кіевской академіи (1863—67). По окончаніи курса въ Кіевской академіи (по 2-му разряду), 11 окт. 1868 г. опредѣленъ учителемъ во Владимірскую семинарію на классъ логики, психологіи и латинскаго языка въ 3-е среднее отд. При преобразованіи семинаріи поручено ему преподаваніе математики съ пасхаліей и физикой. Умеръ 6 февр. 1870 г. отъ чахотки.

Секретари. Матоей Ив. Соколовъ (1843—47), *Мих. Вас. Тихонравовъ* (1847—50), *Алексѣй Ив. Розовъ* (1850—57), *Герасимъ Оеод. Парбековъ* (1857—68), *Алексѣй Ив. Розовъ* (1868—69). При перемѣнѣ секретаря происходила формальная сдача дѣлъ семинарскаго архива, при чемъ дѣла принимались по книгамъ, а не по отдѣльнымъ нумерамъ. Архивъ хранился въ монастырской колокольнѣ, въ сырой и холодной комнатѣ. Въ 1862 г., по случаю обнаружившейся утраты дѣла о пріобрѣтеніи Залыбедскихъ зданій, ректоръ Алексій назначилъ особую коммиссію, состоявшую изъ преподавателей — Н. Бѣляева, А. Спасскаго и А. Цвѣткова, для тщательнаго обревизованія архива. Коммиссія нашла, что въ старое время съ 1800—30 г. канцелярскія дѣла велись частію не въ такомъ порядкѣ, какъ теперь (напр., дѣла о выходѣ учениковъ на мѣста поступали въ правленіе, а оттуда отсылались въ консисторію, гдѣ и оставались), частію же неаккуратно. Благодаря этому, во многихъ годахъ не найдено описей дѣлъ, а также и нѣкоторыхъ дѣлъ, значащихся въ описяхъ (напр., важнаго дѣла о покупкѣ Апрянинской земли); подъ однимъ № часто попадаются два-три разнородныхъ дѣла; 20—30 входящихъ бумагъ часто записаны подъ однимъ нумеромъ; нѣкоторые нумера переправлены. Вообще, коммиссія подтвердила ту хаотичность и неупорядоченность дѣлъ семинарскаго архива первой четверти XIX столѣтія, въ какой они находятся до настоящаго времени [1]). Съ 30-хъ гг., по засвидѣтельствованію коммиссіи, дѣла хранятся въ порядкѣ и находятся на лицо, исключая дѣла о покупкѣ дома за Лыбедью для помѣщенія учениковъ и перестройки его за № 46 и о вводѣ во владѣніе землею г. Кувшинова, смежною съ семинарскою бурсою [2]).

Библіотекари. Ив. Никиф. Солярскій (1839—53), *Ив. Ник. Флоринскій* (1853—58), *Анд. Ив. Боголюбовъ* (1858—66), *Гр. Оеод. Соколовъ* (1866—69).

---

[1]) Въ послѣдующее время хаотичность еще болѣе увеличилась вслѣдствіе того, что нѣкоторыя дѣла изъ архива исчезли уже послѣ ревизіи 1862 г.

[2]) Арх. сем. $18^{18}/_{19}$ г., № 291.

Помощники инспектора по прежнему избирались изъ наставниковъ, которые въ вознагражденіе за труды по этой должности получали денежное вспомоществованіе (въ размѣрѣ 60 р.), или же пользовались казенною квартирой. Должность помощника исправляли слѣдующіе наставники: *Мих. Яким. Смирновъ* (1833—44), *іером. Діонисій* (1834—44), *Ив. Никиф. Солярскій* (1838—58), *Матв. Ив. Соколовъ* (1840—41), *Ив. Гр. Любомудровъ* (1842—43), *Иванъ Гавр. Бѣляевъ* (1843—57), *Кон. Ин. Волковъ* (1844—46), *Өеодоръ Гавр. Бѣляевъ* (1846—49), *Алексѣй Ив. Розовъ* (1848—55), *Іос. Троф. Сердцевъ* (1850—62), *Матв. Ив. Жудро* (1856—62), *Дм. Өеод. Пѣвницкій* (1858—62), *Михаилъ Серг. Новлянскій* (1862—69), *Н. Е. Бѣляевъ* (1862—69), *А. Н. Цвѣтковъ* (1862—69).

Врачи. Карлъ Ланге (1823—31 г.) о немъ см. выше, стран. 37—39.

Митрофанъ Ив. Алякринскій (1831—68), по окончаніи курса во Владимірской семинаріи 1816 г., 15 іюля того же года опредѣленъ къ инспекторской и учительской должности въ Суздальское дух. училище. 20 іюля 1818 г. отъ сихъ должностей уволенъ. По увольненіи изъ духовнаго званія, поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Курсъ окончилъ со званіемъ лѣкаря 1 отдѣленія въ 1821 г. По распоряженію начальства былъ оставленъ при университетѣ для полученія докторской степени. 22 дек. 1825 г. за диссертацію — „De asphicticis resuscitandis“ (М. 1825) утвержденъ докторомъ медицины. 30 іюля 1826 г. назначенъ помощникомъ директора медицинскаго института при Московскомъ университетѣ. 22 окт. 1828 г. по прошенію отъ службы при университетѣ уволенъ. 11 іюня 1830 г., по законномъ испытаніи при университетѣ, удостоенъ званія инспектора врачебной управы; 27 окт. того же года опредѣленъ инспекторомъ Владимірской врачебной управы, а 3 іюля 1831 г. врачемъ семинарской больницы. За отлично-усердную службу 30 ноября 1831 г. пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ съ изумрудомъ. 31 янв. 1838 г. былъ командированъ въ секретную коммиссію для освидѣтельствованія въ Суздальскомъ Спасоевѳиміевомъ монастырѣ заключенныхъ туда съ давняго времени лицъ. Въ 1844 г. утвержденъ директоромъ Владимірскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта. 18 сент. 1845 г. опредѣленъ преподавателемъ медицины во Владимірской семинаріи. 7 ноября 1851 г. утвержденъ въ званіи директора Владимірскаго губернскаго тюремнаго комитета. 4 февр. 1860 г. всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія за XXX-лѣтнюю безпорочную службу при грамотѣ оберъ-прокурора Св. Синода, въ которой объявлена ему благодарность за усердную заботливость о здоровьи воспитанниковъ Владимірской семинаріи.

7 авг. 1864 г. произведенъ въ чинъ дѣйствит. статск. совѣтника. Въ 1868 г. М. И. Алякринскій по прошенію былъ уволенъ отъ службы инспектора врачебной управы и врача при семинарской больницѣ. Въ ночь съ 29 на 30 авг. 1872 г. скончался. Свой капиталъ М. И. распредѣлилъ еще при жизни на различныя дѣла благотворенія. 7 тыс. руб. пожертвовалъ на устройство во Владимірѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія. 1000 р. завѣщалъ Владимірскому попечительству дѣтскихъ пріютовъ. 3000 руб.—во Владимірскую семинарію—съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно выдавались троимъ лучшимъ воспитанникамъ семинаріи изъ окончившихъ курсъ и имѣющихъ поступить на священническія мѣста. 3000 р.—во Владимірскій дѣвичій монастырь,—чтобы проценты къ Рождеству и Пасхѣ выдавались самобѣднѣйшимъ въ этомъ монастырѣ. И, наконецъ, 24 тысячи пожертвовано во Владимірское попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія [1]). Кромѣ диссертаціи, М. И. Алякринскій напечаталъ: „Описаніе Оподельдока г. Моренкова, составленное преемникомъ его, докторомъ Алякринскимъ" въ Другѣ Здравія, 1834 г., № 5; „О пособіи утопшимъ, замерзшимъ, угорѣвшимъ, задохшимся въ неспособномъ для дыханія воздухѣ и лишившимся чувствъ отъ ушиба". Влад. 1861 г.

При оцѣнкѣ дѣятельности М. И. Алякринскаго, какъ семинарскаго врача, необходимо принять во вниманіе тѣ скудныя средства, которыми располагала семинарія по статьѣ на содержаніе больницы. Для сохраненія баланса въ больничномъ бюджетѣ приходилось пріемъ больныхъ ограничивать до минимума и пользовать ихъ почти исключительно домашними средствами, такъ какъ аптечныя обходились дорого. Средства эти заготовлялись самими учениками во время лѣтнихъ экскурсій, предпринимаемыхъ подъ руководствомъ М. И. Въ числѣ лѣкарственныхъ растеній, заготовляемыхъ учениками, видное мѣсто принадлежало полыни. Настой полыни наливался въ кружки и ставился у койки каждаго больного. О М. И., какъ преподавателѣ медицины, будетъ сказано ниже.

---

[1]) Такое значительное состояніе М. И. нажилъ не остатками отъ жалованья и не практикой. Это былъ, наоборотъ, докторъ безсребренникъ, много расходовавшій своихъ денегъ на помощь бѣднымъ. Скопить такой порядочный капиталъ дали ему возможность единственно фабрикуемыя имъ по рецептамъ Моренкова средства (оподельдокъ, летучая мазь и мятныя капли). Этотъ Моренковъ былъ Суздальскій врачъ. Онъ возбудилъ въ Митр. Ив. желаніе заниматься медициной и далъ ему средства къ этому. Онъ же вызвалъ Алякринскаго къ себѣ изъ Москвы въ сотрудники, когда спросъ на изготовляемыя имъ средства усилился, а между тѣмъ силы его стали слабѣе. Подробнѣе о Митр. Ив. Алякринскомъ см. „Уроженцы и дѣятели Влад. губ" А. В. Смирнова, вып. 2, стр. 144—157; Влад. Епарх. Вѣд. 1873 г., № 8.

Родзиславъ Ив. Якубовскій (1868—76 и 1878—91), учился въ Бѣлостокской гимназіи и Московскомъ университетѣ (1848—52 г.). 12 авг. 1852 г. назначенъ Черноярскимъ (Астрах. губ.) врачемъ 13 ноября 1852 г., по надлежащемъ испытаніи Моск. медицин. факультетомъ, утвержденъ въ званіи оператора. 7 іюня 1856 г. перемѣщенъ на вакансію старшаго уѣзднаго врача Астраханской губ. Предложеніемъ и. д. Астраханскаго губернатора, согласно прошенію, 3 окт. 1859 г. уволенъ отъ должности Черноярскаго старшаго врача. 21 іюня 1868 г. опредѣленъ врачемъ Владимірской духовн. семинаріи. Съ 9 янв. 1869 г. по 12 янв. 1870 г. занималъ должность оператора Врачебнаго отдѣленія Владимірскаго губ. правленія. 25 ноября 1876 г., согласно прошенію по болѣзни, уволенъ отъ службы врача при семинаріи. Но 23 марта 1878 г. занялъ снова это мѣсто. Въ 1884 г. опредѣленъ врачемъ Владимірской гимназіи, съ оставленіемъ при прежней должности. Умеръ 1891 года.

Дѣятельность Р. И. Якубовскаго, какъ семинарскаго врача, относится къ слѣдующему періоду исторіи Владимірской семинаріи. Здѣсь должно отмѣтить лишь ту великую услугу, которую онъ оказалъ семинаріи въ первый годъ по вступленіи на службу. При Алякринскомъ семинарская больница, какъ сказано было, довольствовалась своими дешевыми средствами и только въ крайнихъ случаяхъ покупала лѣкарства на сторонѣ. Р. И. Якубовскій въ іюлѣ 1868 г. предложилъ семинаріи пріобрѣсти одновременно въ Москвѣ потребное количество лѣкарственныхъ матеріаловъ и аптечныхъ принадлежностей—съ тѣмъ, чтобы приготовлять лѣкарства должнымъ образомъ. По его исчисленію, для покупки всего этого должно потребоваться 230 р. 65 к. Но, чтобы такой крупный расходъ не оказался слишкомъ тяжелымъ для семинарской экономіи, Р. И. Якубовскій предложилъ покрыть его годовымъ окладомъ своего жалованья по должности семинарскаго врача (300 р.). Предложеніе было принято съ благодарностью [1]).

Почетные блюстители. Иванъ Серг. Лосевъ (1861—68) (см. выше стр. 226—29), *Василій Степ. Каретниковъ* (1869—80) (см. тамъ же). Ум. 22 окт. 1880 г.

---

[1]) Арх. сем. $18^{68}/_{69}$ г., № 9.

ГЛАВА IV.

Учебная часть.—Распредѣленіе предметовъ по годамъ семинарскаго курса.—Росписаніе уроковъ.—Распредѣленіе предметовъ между наставниками.—Продолжительность урока.—Опаздыванія наставниковъ на урокъ.—Методъ преподаванія.—Предметы семинарскаго курса: богословскіе, философскіе, риторика, исторія языки древніе и новые, науки физико-математическіе, педагогика, иконопись.—Испытанія частныя и публичныя.—Отмѣтки.—Пріемъ въ семинарію.—Исключеніе.—Нормировка учениковъ.—Причетническіе классы при училищахъ.—Окончившіе курсъ.—Надзоръ за ними семинарскаго правленія.—Экзаменъ на студента.—Занятіе священно-служительскихъ мѣстъ.—Увольненіе въ свѣтское вѣдомство.—Поступленіе въ высшія заведенія.—Общій взглядъ на 60-е годы.—Частныя лекціи.—Предписаніе Антонія.

Основныя начала Протасовской духовно-учебной реформы изложены были въ первой главѣ. Для примѣненія этихъ началъ на практикѣ потребовалось, конечно, измѣнить прежній распорядокъ предметовъ обученія. Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 9—12 авг. 1840 г. распредѣлилъ предметы по годамъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ низшемъ отд. въ первый годъ: а) катихизическое ученіе по книгѣ Православное исповѣданіе Петра Могилы, б) начала риторики, в) всеобщая исторія древняя, г) начала алгебры и геометріи, д) греческій яз. и е) латинскій языкъ. Во второй годъ: а) чтеніе Моисеевыхъ и прочихъ историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и смысла приспособительно къ понятіямъ учениковъ, б) руководство къ познанію и употребленію церковно-богослужебныхъ книгъ, в) риторика и краткія понятія о поэзіи, г) всеобщая исторія средняя и новая, д) геометрія и пасхалія, е) греческій яз., ж) латинскій языкъ. Въ среднемъ отд. въ первый годъ: а) чтеніе учительныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, б) церковно-библейская исторія, в) логика, г) русская гражданская исторія, д) физика и естественная исторія, е) чтеніе греческихъ писателей съ переводомъ и филологическимъ разборомъ. Во второй годъ: а) чтеніе пророческихъ книгъ, б) священная герменевтика, в) церковно-библейская исторія, г) естественная исторія и сельское хозяйство, д) продолженіе логики и психологія, е) чтеніе греческихъ писателей съ переводомъ и филологическимъ разборомъ, ж) чтеніе латинскихъ писателей съ переводомъ и филолог. разборомъ. Въ высшемъ отд. въ первый годъ: а) чтеніе Св. Писанія Новаго Завѣта съ толкованіемъ, б) догматическое богословіе, в) ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ, примѣнительно къ мѣстнымъ и современнымъ потребностямъ, г) гомилетика, д) общая исторія христіанской церкви, е) изученіе церковныхъ древностей и обрядословія, ж) патрис-

тика, или ученіе о св отцахъ, з) чтеніе св. отцевъ греческихъ и латинскихъ съ переводомъ и разборомъ филологическимъ, гомилетическимъ и богословскимъ, и) начальныя основанія медицины и общенародный лѣчебникъ, і) сельское хозяйство. Второй годъ: а) чтеніе нѣкоторыхъ частей Св. Писанія съ подробнымъ истолкованіемъ, б) богословіе нравственное, в) ученіе о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, г) гомилетика, д) основанія церковныхъ законовъ и каноническое право, е) исторія россійской церкви, ж) чтеніе св. отцевъ греческихъ и з) продолженіе медицины.

По случаю введенія нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, Св. Синодъ къ прежнему штатному числу наставниковъ въ каждой семинаріи прибавилъ еще два, такъ что штатъ наставниковъ при семинаріяхъ по преобразованіи опредѣлился цифрою 8, включая въ это число и преподавателя медицины, которымъ рекомендовалось избирать врача семинарскаго съ нѣкоторою прибавкою жалованія къ штатному его окладу. При распредѣленіи предметовъ между этими 8 штатными наставниками и назначеніи учебныхъ часовъ, повелѣвалось имѣть въ виду особое росписаніе, составленное въ общемъ присутствіи Духовно-учебнаго управленія и Синода. Начальству же тѣхъ семинарій, въ которыхъ наличное количество наставниковъ, вслѣдствіе многолюдства учащихся, превышаетъ штатное положеніе, предписывалось войти, при распредѣленіи наставниковъ по классамъ, въ особое разсмотрѣніе и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ донести установленнымъ порядкомъ [1]). Во Владимірской семинаріи учебная реформа, введенная уставомъ 1840 г., могла быть завершена лишь въ 1848 году съ прибытіемъ наставниковъ сельскаго хозяйства. Росписаніе учебныхъ часовъ, составленное въ этомъ году и утвержденное академическимъ правленіемъ, какъ вполнѣ удобное, имѣло такой видъ:

---

[1]) Арх. сем. 1843 г., № 23.

ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

Число предметовъ.	Предметы.	Сколько уроковъ въ недѣлю.	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
			ЧАСЫ:					
	Низшее отдѣленіе.							
1	Катихизическое ученіе . .	2	—	—	9—10	—	—	11—12
2	Риторика.	5	11—12	11—12	11—12	11—12	11—12	—
3	Всеобщая исторія древн. .	2	—	9—10	—	—	9—10	—
4	Алгебра и геометрія . . .	2	9—10	—	—	9—10	—	—
5	Греческій языкъ	2	—	3—4	—	—	—	9—10
6	Латинскій языкъ	3	3—4	—	3—4	—	3—4	—
		16						
	Въ среднемъ отдѣленіи.							
1	Св. писаніе	1	—	—	—	—	—	11—12
2	Библейская исторія . . .	2	3—4	—	3—4	—	—	—
3	Логика и психологія . . .	4	11—12	—	11—12	11—12	11—12	—
4	Россійская гражд. исторія .	2	9—10	—	—	9—10	—	—
5	Физика	2	—	—	9—10	—	—	9—10
6	Естествен. исторія . . .	1	—	11—12	—	—	—	—
7	Чтеніе греческихъ писат. .	2	—	9—10	—	—	9—10	—
8	Чтеніе латинскихъ писат. .	2	—	3—4	—	—	3—4	—
		16						
	Въ высшемъ отдѣленіи.							
1	Новый Завѣтъ съ толков. .	2	—	3—4	—	—	3—4	—
2 3 4	Догматика . . . . . . Повтореніе правос. испов. . Гомилетика	5	11—12	11—12	11—12	11—12	11—12	—
5	Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ.	1	—	—	—	—	—	11—12
6	Церковная исторія . . .	2	9—10	—	—	9—10	—	—
7	Церковныя древности и обряды.	2	—	—	9—10	—	—	9—10
8	Чтеніе отцевъ греч. и лат.	2	3—4	—	3—4	—	—	—
9	Медицина	1	—	9—10	—	—	—	—
10	Сельское хозяйство . . .	1	—	—	—	—	9—10	—
		16						

ВО ВТОРОЙ ГОДЪ.

Число предметовъ.	Предметы.	Сколько уроковъ въ недѣлю.	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
			ЧАСЫ:					
	Въ низшемъ отд.							
1	Св. писаніе	1	—	—	—	—	—	11—12
2	О богослужебныхъ книгахъ	1	—	—	—	—	—	9—10
3	Риторика и поэзія	5	11—12	11—12	11—12	11—12	11—12	—
4	Всеобщая исторія	3	9—10	—	9—10	—	9—10	—
5	Геометрія и пасхалія	2	—	9—10	—	9—10	—	—
6	Греческій языкъ	2	3—4	—	3—4	—	—	—
7	Латинскій языкъ	2	—	3—4	—	—	3-4	—
		16						
	Въ среднемъ отд.							
1 2	{ Св. писаніе { Герменевтика	} 3	—	9—10	—	9—10	—	9—10
3	Библейская исторія	2	—	11—12	—	—	—	11—12
4	Естест. исторія и сельское хозяйство	3	9—10	—	9—10	—	9—10	—
5	Патристика	4	11—12	—	11—12	11—12	11—12	—
6	Греческій языкъ	2	—	3—4	—	—	3-4	—
7	Латинскій языкъ	2	3—4	—	3—4	—	—	—
		16						
	Въ высшемъ отд.							
1	Толкованіе Св. Писанія	2	9—10	—	—	—	9—10	—
2 3 4	{ Богословіе нравственное. { О должностяхъ пресвитеровъ { Гомилетика	} 6	11—12	11—12	11—12	11—12	11-12	11—12
5	Основаніе церковныхъ законовъ и канонич. права	2	—	9—10	—	9—10	—	—
6	Исторія Россійской церкви	2	—	—	9—10	—	—	9—10
7	Чтеніе св. отцевъ греч.	2	3—4	—	3—4	—	—	—
8	Медицина	2	—	3—4	—	—	3-4	—
		16						

[1]

Всѣ предметы семинарскаго курса положено было распредѣлить, какъ говорилось раньше, между 8 штатными наставни-

[1]) Приведенное Владимірское росписаніе 1848 г. допускаетъ только небольшія измѣненія въ сравненіи съ синодскимъ росписаніемъ отъ 9—12 августа 1840 г., вызванныя послѣдующими распоряженіями духовно-учебной власти.

ками [1]). Но во Владимірской семинаріи въ каждомъ отд. было по три класса, вслѣдствіе чего штатное количество наставниковъ колебалось между 20—25 человѣкъ. При распредѣленіи между ними предметовъ удерживались, конечно, основы синодальнаго расписанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускались измѣненія и по временамъ значительныя. Вызывались эти измѣненія желаніемъ уравнять количество учебныхъ часовъ между наставниками, а также естественнымъ стремленіемъ каждаго изъ учащихъ читать ученикамъ группу предметовъ сравнительно родственныхъ между собою. Въ нѣкоторые годы это и достигалось. Въ расписаніи, напр., за $18^{51}/_{53}$ годъ весь наличный преподавательскій персоналъ подраздѣленъ былъ на 8 группъ. Первая группа читала катихизическое ученіе въ низшемъ отд., священное писаніе въ среднемъ и высшемъ = 5 урок. 2-я группа — греческій яз. въ низшемъ, среднемъ и высшемъ=6 урок. 3-я группа—риторику=5 урок. 4-я группа—всеобщую исторію въ низшемъ, рус. въ среднемъ и латинскій яз. въ низшемъ=7 урок. 5-я группа—алгебру и геометрію въ низш., естеств. исторію и физику въ среднемъ и сельское хозяйство въ высшемъ=6 урок. 6 группа — библейскую исторію въ среднемъ отд., церковную исторію, церковныя древности и каноническое право въ высшемъ=6 урок. 7 я группа — логику, психологію и чтеніе латинск. писателей въ среднемъ отд.=6 урок. 8-я группа—ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, гомилетику, догматику, нравственное богословіе и пастырское въ высшемъ отд. Каждая группа состояла изъ 3 лицъ, соотвѣтственно тремъ классамъ каждаго отдѣленія, исключая 5-й группы и 8-й. Пятую составляли два преподавателя изъ Горыгорѣцкой школы. Ученики всѣхъ отдѣленій, слушавшіе ихъ предметы, дѣлились на двѣ половины. Въ восьмую группу, кромѣ трехъ штатныхъ наставниковъ, входилъ особый помощникъ ректора по преподаванію. Ректоръ читалъ догматическое и нравственное богословіе во всѣхъ классахъ высшаго отдѣленія (отдѣ-

---

[1]) Синодское росписаніе устанавливало такую группировку предметовъ: I настав.: катих. ученіе, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, всеобщая исторія въ низш. и греческій яз. въ средн. отд.=8 уроковъ въ недѣлю. II наст.: св. писаніе, риторика и латинскій яз. въ низшемъ отд.=8 урок. III наст.: герменевтика, св. писаніе, россійская гражд. ист. въ среднемъ отд. и въ высшемъ толкованіе Св. Писанія и чтеніе отцевъ церкви = 7 урок. IV наст.: алгебра, геометрія, пасхалія въ низшемъ отдѣленіи, физика, естественная исторія, сельское хозяйство въ среднемъ и высшемъ=5—6 уроковъ V наст.: библейская исторія въ средн. отд., церковныя древности, каноническое право и церковная исторія въ высшемъ отд.=6 урок. VI наст.: логика, психологія и чтеніе латинскихъ писателей въ среднемъ отд.=6 урок. VII настав.: повтореніе православн. исповѣданія, догматика, нравственное богословіе, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, о должностяхъ пресвитеровъ и гомилетика въ высшемъ отд.= 9 урок. VIII настав.: медицина 1—2 урока.

ленія соединялись=2 урока), остальные три—гомилетику, пастырское богословіе и ученіе о вѣроисповѣданіяхъ (по 4 ур.).

Уроки начинались въ 8 часовъ. Въ 12 часовъ устроялся перерывъ для обѣда, а въ два часа пополудни собирались для 3-го урока, который и проходилъ при сонномъ настроеніи какъ учителя, такъ и учениковъ. Такъ было до 1857 г. Въ этомъ же году опредѣленіемъ Св. Синода отъ 28 марта (вслѣдствіе донесенія Леонтія) предписано было „по вниманію къ мѣстнымъ обстоятельствамъ Владимірской семинаріи послѣобѣденные уроки соединить съ утренними безъ уменьшенія числа уроковъ и учебныхъ часовъ". Получивъ предписаніе, правленіе семинаріи распорядилось *въ лѣтнее время* начинать уроки въ половинѣ 8-го и соотвѣтственно этому оканчивать въ половинѣ 2-го [1]).

Каждый урокъ продолжался по уставу два часа; но обычно наставники часть урока пропускали. Удерживать въ напряженномъ состояніи вниманіе въ теченіе двухъ часовъ было трудно какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Оттого то семинарскому начальству приходилось очень часто вести борьбу изъ-за опаздыванія учащихъ на уроки. Въ 1861 г. ректоръ Алексій вошелъ съ докладною запискою въ правленіе о томъ, что нѣкоторые изъ наставниковъ ходятъ въ классъ несвоевременно, не только въ половинѣ 9-го, но и въ 9, иногда даже и позже того. 13 января Г. Соколовъ, заявилъ Алексій, пришелъ въ классъ въ четверть 10-го. Наставникамъ послѣ этой записки строго подтвердили являться на урокъ своевременно [2]). Но зло не было устранено. Въ новомъ опредѣленіи семинарскаго правленія отъ 1864 г. наставникамъ опять напоминалось, чтобы они ходили въ классъ въ опредѣленные уставомъ сроки и отнюдь не позже половины 9-го, 11-го и 1-го часа [3]). Пропускъ четверти урока, такимъ образомъ, разсматривался самимъ правленіемъ, какъ явленіе, если и незаконное, то тѣмъ не менѣе допустимое.

Въ случаѣ невозможности для наставника явиться въ классъ вслѣдствіе болѣзни, онъ обязанъ былъ заблаговременно рапортомъ донести объ этомъ правленію,—съ тѣмъ, чтобы оно могло распорядиться порученіемъ его урока другому. Въ случаѣ подозрѣнія, правленіе могло командировать для удостовѣренія болѣзни семинарскаго врача [4]).

Въ методѣ преподаванія осталась господствующею прежняя система, т. е. семинарія строемъ своей учебной жизни напоми-

---

[1]) Арх. сем. 18⁵⁶/₅₇ г., № 182. Въ зимнее время уроки начинались въ 8.
[2]) Арх. сем. 18⁶⁰/₆₁ г., № 27.
[3]) Арх. сем. 18⁶¹/₆₃ г., № 5.
[4]) Опредѣленіе семин. правленія отъ 18 мая 1846 г.

нала скорѣе высшее, нежели среднее заведеніе. Наставники читали въ классахъ лекціи и выдавали ученикамъ записки. Наставниковъ, которые составляли сами записки, было сравнительно немного. Большинство разрѣшало употреблять для уроковъ записки своихъ предшественниковъ. Такія записки существовали по всѣмъ курсамъ семинарскаго обученія, передавались по наслѣдству, или продавались за деньги. Кто не имѣлъ возможности пріобрѣсти старыхъ записокъ, переписывалъ ихъ вновь для себя. Ограничительныя постановленія, касающіяся записокъ, хотя даны были еще въ предшествовавшій періодъ, не имѣли силы, такъ какъ удовлетворительныхъ учебныхъ руководствъ существовало мало. „Кромѣ гражданской исторіи Шрекка, Православнаго Исповѣданія Петра Могилы, физики Ленца, догматики Антонія, говоритъ одинъ изъ учениковъ Влад. семинаріи конца 50-хъ гг., я книгъ, какъ учебниковъ, что-то не помню". Дѣйствительно, если рядъ приведенныхъ руководствъ восполнимъ учебникомъ библейской исторіи Филарета, то исчерпаемъ кругъ предметовъ, по которымъ наставники могли обходиться безъ записокъ.

Степень усвоенія учениками преподаннаго опредѣлялась путемъ спроса. Были наставники, которые посвящали спросамъ почти цѣлые уроки. Но такихъ насчитывается не такъ много. Чаще въ періодъ до реформы 1869 г. встрѣчаемся съ другою крайностію, состоявшею въ томъ, что наставникъ въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени читалъ свои лекціи безъ перерыва, а затѣмъ устроялъ нѣчто въ родѣ репетицій. Въ 60-хъ годахъ видимъ попытку обратиться къ старой системѣ ежедневной провѣрки знаній учениковъ при посредствѣ авдиторовъ. Попытка принадлежитъ ректору Алексію. Въ сент. 1864 года онъ вступилъ въ правленіе съ докладомъ такого рода. Въ новомъ уставѣ для гимназій штатъ учениковъ въ каждомъ классѣ опредѣленъ не свыше 40 человѣкъ, для того, чтобы наставникъ могъ удобнѣе слѣдить за развитіемъ способностей и успѣховъ каждаго воспитанника. По недостатку суммы „это полезное правило" не примѣнимо въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Но возможны нѣкоторые паллiативы, ведущіе къ такимъ же хорошимъ результатамъ. „Чтобы лучше наставникамъ, писалъ Алексій, слѣдить за успѣхами учениковъ и чтобы прилежаніе каждаго воспитанника виднѣе было имъ, нахожу нужнымъ опредѣлить по всѣмъ классамъ авдиторовъ и каталоги, въ которыхъ бы они прописывали исправныхъ и неисправныхъ воспитанниковъ каждый день по каждому классу. Эта мѣра можетъ принести большую пользу какъ наставникамъ, такъ и самимъ воспитанникамъ. Первые каждый день могутъ видѣть успѣхи каждаго ученика, вѣрнѣе цѣнить ихъ и болѣе будутъ имѣть времени въ классахъ для объясненія уроковъ, а послѣдніе менѣе

будутъ уклоняться къ разсѣянности, обманывать наставниковъ, усерднѣе станутъ заниматься изученіемъ лекцій и лучше вести себя въ квартирахъ и классахъ". Правленіе оповѣстило преподавателей о требованіи ректора и велѣло избрать имъ авдиторовъ[1]). Но распоряженіе Алексія представляло попытку вернуть теченіе школьной жизни на старое оставленное русло и не могло привиться на практикѣ. Семинарія 60-хъ гг. еще за нѣсколько лѣтъ до реформы уже жила вѣяніями ея.

Священное писаніе. Преподаваніе св. писанія начиналось въ низшемъ отд. и оканчивалось въ высшемъ. Но и въ этотъ періодъ оно не могло быть такимъ, какого требовала важность и значеніе этого предмета. Научная постановка не была ему сообщена и послѣ преобразованія 40-го года. Объясняется это явленіе въ связи съ возникшимъ въ началѣ 40-хъ годовъ дѣломъ о переводѣ библіи на русскій языкъ. Сороковые годы ознаменованы господствомъ въ духовномъ вѣдомствѣ крайне консервативной партіи, которая въ переводѣ библіи на русскій языкъ видѣла посягательство на неприкосновенность православнаго ученія, принятаго нами отъ нашихъ предковъ. Опираясь на сочувствіе этой партіи, оберъ-прокуроръ Протасовъ внесъ въ Св. Синодъ даже особое предложеніе канонизовать славянскій переводъ библіи, подобно Вульгатѣ. Хотя предложеніе это было отклонено, но самая возможность его свидѣтельствуетъ о крайностяхъ, до какихъ дошло стремленіе оградить неприкосновенность Св. Писанія отъ самомалѣйшихъ нововведеній. Къ несчастью, во время такого направленія правящихъ духовныхъ сферъ всплыло наверхъ дѣло о литографированномъ переводѣ книгъ Св. Писанія, сдѣланномъ съ еврейскаго профессоромъ Павскимъ. Начались розыски и разслѣдованія. Найденные экземпляры изымались изъ употребленія. Намѣчены были лица, у которыхъ предполагалось (по забраннымъ со стороны справкамъ) существованіе перевода Павскаго. Въ случаѣ, если они отзывались неимѣніемъ или утратою разыскиваемыхъ листовъ, за ними учинялся „негласный надзоръ". Во Владимірской семинаріи сильное подозрѣніе пало на наставника К. Волкова, за которымъ числилось цѣлыхъ 5 экземпляровъ перевода Павскаго[1]). Митрополитъ Серафимъ въ своемъ отношеніи къ Протасову и предлагалъ по поводу дѣла о переводѣ „организацію учебной части въ духовныхъ заведеніяхъ подвергнуть строгому разсмотрѣнію". Мнѣніе Серафима, какъ первенствующаго члена Св. Синода, доложено было государю, и государь повелѣлъ, чтобы Св. Синодъ, „согласно

---

[1]) Арх. сем. $18^{64}/_{65}$ г., № 83.
[1]) Арх. сем. 1844 г., № 77.

съ мнѣніемъ митрополита Серафима и по прямому долгу своему, усилилъ мѣры къ охраненію книгъ Св. Писанія въ настоящемъ ихъ видѣ неприкосновенно и къ утвержденію всего юношества на истинныхъ началахъ нашего древняго православія посредствомъ скорѣйшаго преподанія правильныхъ къ тому руководствъ“ [1]). Понятно, какой характеръ при такихъ условіяхъ должно было получить преподаваніе св. писанія въ академіяхъ, а отсюда и въ семинаріяхъ. Основательныхъ учебныхъ руководствъ не появлялось. Толкованіе, приспособленное къ одному славянскому тексту, не могло быть строго научнымъ. Не смотря на то, что св. писаніе по числу уроковъ заняло видное мѣсто въ ряду другихъ предметовъ семинарскаго курса, на урокахъ его, какъ и въ предшествовавшій періодъ, толковались лишь нѣкоторыя мѣста библіи. При толкованіи имѣлось въ виду не столько установленіе точнаго смысла даннаго мѣста, сколько нравоученіе и выводъ. Отдѣлы исторіи текста, подлинности извѣстной книги совершенно не входили въ программы преподавателей. Вотъ, напр., по какому конспекту читаны были въ $18^{48}/_{49}$ г. ученикамъ лекціи о книгѣ Псалтирь. „Надписаніе книги. Частныя надписанія псалмовъ. Писатели псалмовъ. Число ихъ. Содержаніе псалтири. Порядокъ псалмовъ. Раздѣленіе псалтири Объясненіе II и XXI псалма“ [2]). И только; далѣе преподаватель (П. Кліентовъ) перешелъ къ слѣдующей книгѣ.

Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви восточной. Книга подъ такимъ заглавіемъ сочинена была, по порученію Кіевскаго митрополита Петра Могилы, Исаіею Трофимовичемъ. Она одобрена была на соборѣ епископовъ въ Кіевѣ, а потомъ въ Яссахъ. Въ 1839 г., какъ извѣстно, изданъ былъ въ исправленномъ теперешнемъ видѣ катихизисъ Филарета, но Протасовъ, не смотря на католическій оттѣнокъ, котораго не чуждо было „Православное исповѣданіе“ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, отдавалъ ему рѣшительное предпочтеніе предъ катихизисомъ и усиленно старался ввести его въ нашихъ духовныхъ школахъ. По росписанію, утвержденному Св. Синодомъ отъ 9—12 авг. 1840 г., для катихизическаго ученія назначенъ былъ одинъ урокъ въ низшемъ отд.; но вскорѣ, „въ виду важности сей книги“, Св. Синодъ постановилъ для преподаванія катихизическаго ученія Петра Могилы въ низшемъ отд. прибавить еще одинъ классъ въ недѣлю въ теченіе перваго учебнаго года, отдѣливъ для сего одинъ изъ трехъ уроковъ, назначенный по росписанію для класса гре-

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе „Исторія С.-Петербургской семинаріи“ Надеждина, стр. 344—53.

[2]) Арх. сем., конспекты $18^{48}/_{49}$ г.

ческаго языка, съ тѣмъ, чтобы наставнику вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, во первыхъ, съ удовлетворительною подробностью и точностью изъяснять и внушать воспитанникамъ всѣ заключающіяся въ Православномъ исповѣданіи истины... и во 2-хъ, въ каждый классъ непремѣнно требовать отъ учениковъ строгаго отчета въ томъ, что преподано имъ въ предыдущій классъ [1]). Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 8 авг. того же 1845 г. Православному исповѣданію Петра Могилы сообщена была въ семинаріяхъ еще болѣе широкая постановка; именно, велѣно было повторять книгу Петра Могилы по переходѣ учениковъ изъ средняго въ высшее отд. предъ самымъ началомъ богословскихъ наукъ. Трудъ повторенія возлагался на преподавателей богословія [2]).

Руководство къ познанію и употребленію богослужебныхъ книгъ читалось во второй годъ въ низшемъ отд. при одномъ урокѣ въ недѣлю. Предметъ этотъ имѣлъ въ виду ознакомить учениковъ съ богослужебными книгами. На урокахъ его трактовалось о происхожденіи той или другой богослужебной книги, ея составѣ, измѣненіяхъ, которымъ она подвергалась. Въ 1859 г. послѣдовало распоряженіе Св. Синода о томъ, чтобы въ семинаріяхъ „чтенія о богослужебныхъ книгахъ, равно объ обрядахъ и богослуженіи Православной церкви соединяемо было съ повтореніемъ церковнаго устава—такъ, чтобы наставники требовали, а воспитанники подробно разсказывали своими словами чинъ того богослуженія, котораго будетъ касаться то или другое чтеніе по означеннымъ предметамъ“ [3]).

Библейская исторія читалась въ среднемъ отд. два года при двухъ урокахъ. Учебникомъ по прежнему служило извѣстное руководство Филарета. Изложенный краткимъ и своеобразнымъ языкомъ учебникъ этотъ считался однимъ изъ трудныхъ, и наставники, требовавшіе буквальной передачи его, подвергались не совсѣмъ пріятнымъ послѣдствіямъ ученическаго нерасположенія (см. выше, стр. 253).

Герменевтика читалась во второй годъ въ средн. отд. вмѣстѣ съ св. писаніемъ при 3-хъ урокахъ въ недѣлю. Руководствомъ служила старая книга арх. Іоанна. Соединеніе уроковъ герменевтики съ уроками св. писанія повело къ ослабленію значенія герменевтики, какъ самостоятельнаго предмета.

Патристика. По росписанію 1840 г. этотъ предметъ соединенъ былъ съ чтеніемъ отцевъ греческихъ и латинскихъ въ выс-

---

1) Арх. сем. 18⁴⁴/₄₅ г., № 156. Опредѣленіе Св. Синода отъ ²⁹/₃₁ марта 1845 года.

2) Арх. сем. 18⁴⁵/₄₆ г., № 42.

3) Арх. сем. 18⁵⁸/₅₉ г., № 84.

шемъ отд. при 2-хъ урокахъ въ недѣлю. Опредѣленіемъ отъ 19—22 сент. 1845 г. Св. Синодъ, признавъ, что „число предметовъ, положенныхъ въ высшемъ отд. для двухгодичнаго курса очень велико..., тогда какъ время, назначенное для преподаванія логики и психологіи, именно два года, полагая 4 урока въ недѣлю, слишкомъ продолжительно“, постановилъ преподаваніе логики и психологіи ограничить однимъ годомъ съ назначеніемъ для сего 4 классовъ въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы наставники сихъ предметовъ во второй годъ въ томъ же отдѣленіи читали патристику... Чтеніе греческихъ и латинскихъ отцевъ въ высшемъ отд. оставлено было въ качествѣ самостоятельнаго предмета [1]). Курсъ патристики былъ довольно обширенъ. Вотъ, для примѣра, конспектъ лекцій 18$^{19}/_{50}$ г., читанныхъ Дм. Доброхотовымъ. Введеніе въ патристику. Періодъ первый: мужи апостольскіе. Климентъ Римскій, Игнатій Богоносецъ, Поликарпъ Смирнскій, Ермъ, Діонисій Ареопагитъ, Іустинъ Философъ, Ириней, Ипполитъ, Григорій Чудотворецъ, Діонисій Александрійскій. Періодъ второй, обнимающій собою отцевъ IV в.: Аѳанасій Александрійскій, Ефремъ Сиринъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Нисскій, Амвросій Медіоланскій, Іоаннъ Златоустый. Періодъ третій, обнимающій отцевъ V—VIII в.: Августинъ, Кириллъ Александрійскій, Григорій Двоесловъ, Козьма Маюмскій, Іоаннъ Дамаскинъ. Періодъ четвертый: Димитрій Ростовскій. О каждомъ изъ перечисленныхъ отцевъ сообщались біографическія свѣдѣнія и передавалось вкратцѣ содержаніе ихъ главнѣйшихъ сочиненій.— Но предметъ этотъ могъ получить сравнительно хорошую постановку лишь съ выходомъ въ 1859 г. „Историческаго ученія объ отцахъ церкви“ арх. Филарета. До этого же времени наставники (большая часть ихъ по крайней мѣрѣ) не располагали нужными пособіями для сообщенія ученикамъ точныхъ свѣдѣній по патристикѣ.

Введеніе перечисленныхъ богословскихъ предметовъ въ низшемъ и среднемъ отдѣленіи является значительнымъ измѣненіемъ распорядка семинарскихъ наукъ въ сравненіи съ положеніемъ 1814 г. Распредѣленіемъ богословскихъ предметовъ по всѣмъ отдѣленіямъ, естественно, нарушалась та стройность и цѣлостность семинарскаго курса, которою отличалась семинарія прежняго времени. Но предполагалось, что такимъ способомъ ученики получатъ возможность исподоволь и болѣе основательно ознакомиться съ богословскими предметами. Въ собственномъ смыслѣ богословскимъ осталось по-прежнему высшее отдѣленіе. Главными предметами этого отдѣленія являлись догматика, нравственное бого-

---

[1]) Арх. сем. 18$^{15}/_{46}$ г., № 45.

словіе, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, собесѣдовательное богословіе и пастырское богословіе. Для этихъ предметовъ предназначалось по 6 уроковъ въ недѣлю, и преподаваніе ихъ было предоставлено ректору семинаріи, „какъ главному начальнику оной и болѣе прочихъ опытному наставнику". Во Владимірской семинаріи ректоръ могъ занять богословскіе уроки только въ одномъ классѣ высш. отд.; два остальные класса имѣли своихъ наставниковъ. Въ 1848 г., вслѣдствіе ходатайства Евѳимія, Св. Синодъ опредѣленіемъ своимъ отъ 4—11 марта назначилъ ректору Владимірской семинаріи особаго помощника [1]). Съ этого времени ректоръ сталъ читать догматическое богословіе во всѣхъ трехъ классахъ, для чего воспитанники высшаго отд. соединялись всѣ вмѣстѣ въ семинарскомъ залѣ, а прочіе наставники богословія дѣлили между собою остающіеся уроки.

Въ исторіи преподаванія *догматическаго богословія* должно отмѣтить появленіе въ концѣ 40 хъ гг. учебнаго руководства Антонія (Амфитеатрова). Въ 1848 г. изъ Духовно-учебнаго управленія прислано было 144 экз., изъ которыхъ 100 отчислено для безмездной раздачи, а 44 для продажи. Какъ учебное руководство, книга Антонія введена была во Владимірской семинаріи 15 янв. 1849 г. [2]).

Во второй годъ семинарскаго курса въ высшемъ отд. догматическое богословіе смѣнялось *нравственнымъ* [3]). Лучшая постановка этому предмету дана была въ ректорство Платона (Ѳивейскаго), автора извѣстнаго учебника „Православное нравственное богословіе". Въ 1854 г. учебникъ этотъ вышелъ въ свѣтъ и вошелъ въ употребленіе во Владимірской семинаріи. Въ томъ же году Московское академическое правленіе прислало во Владиміръ примѣрную программу нравственнаго богословія съ требованіемъ высказать къ концу учебнаго курса свое мнѣніе о томъ, „не окажется-ли нужнымъ сдѣлать въ ней, по указанію опыта, измѣненія для ближайшаго ея примѣненія къ потребностямъ и пространству семинарскаго курса". Выполненіе даннаго порученія возложено было на профессоровъ А. Боголюбова и Н. Флоринскаго. Къ концу $18^{55}/_{56}$ учеб. года ими донесено было, что „хотя въ теченіе текущаго курса уроки нравственнаго богословія учениками изучены были по печатной книгѣ „Православное нравственное богословіе"

---

[1]) Арх. сем. $18^{47}/_{48}$ г., № 36.

[2]) Арх. сем. $18^{48}/_{49}$ г., № 172 и $18^{49}/_{50}$ г., № 165.

[3]) Въ 1857 г. Св. Синодъ издалъ постановленіе, чтобы по догматикѣ производить повторительное испытаніе по окончаніи двухгодичнаго курса. (Арх. сем. $18^{56}/_{57}$ г., № 106). Повторительное испытаніе предполагало, конечно, повтореніе догматическаго богословія и во второй годъ.

архим. Платона, но, такъ какъ планъ сей книги близокъ къ данной программѣ и такъ какъ при устномъ преподаваніи лекцій нравственнаго богословія они строго держались данной программы, то находятъ, что она весьма удобопримѣнима къ потребностямъ и пространству семинарскаго курса и не требуетъ для себя никакихъ измѣненій" [1]).

Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, называемое теперь обличительнымъ богословіемъ, читалось въ первый годъ при одномъ урокѣ въ недѣлю. Курсъ этой науки въ періодъ до 1869 г. былъ шире теперешняго. Разбору и опроверженію подвергались не только главныя западныя исповѣданія: католичество, лютеранство и реформатство, но и ученіе болѣе мелкихъ западныхъ сектантовъ, какъ то: социніанъ, гернгутеровъ, анабаптистовъ, квакеровъ, методистовъ и др. Въ курсъ этой же науки входило изложеніе и опроверженіе армянскаго вѣроученія, ученія русскихъ раскольниковъ, духоборцевъ и молоканъ. Предписаніемъ академическаго правленія отъ 31 іюля 1854 г. велѣно было по семинаріямъ тѣхъ епархій, гдѣ много раскольниковъ, отдѣлить лучшихъ учениковъ изъ высшаго отдѣленія по нѣскольку человѣкъ для особаго приготовленія ихъ къ занятію мѣстъ при тѣхъ православныхъ церквахъ, вблизи которыхъ живутъ раскольники. Въ миссіонерскія отдѣленія позволялось допускать только воспитанниковъ, изъявившихъ на то согласіе. Изъ наукъ въ этихъ отд. положено было читать исторію русскаго раскола и полемику противъ него. Курсъ миссіонерскій предписывалось проходить въ 2 года при 2—3 урокахъ въ недѣлю въ часы, положенные для преподаванія языковъ. Трудъ преподаванія возлагался на тѣхъ же наставниковъ, которые преподавали обличительное богословіе. Въ $18^{56}/_{57}$ учебн. году въ миссіонерскомъ отд. числилось 23 человѣка.. Читали лекціи Н. Флоринскій (исторію раскола и археологію русской церкви) и А. Боголюбовъ (полемику противъ раскола). Руководствомъ для перваго служила Исторія русскаго раскола Макарія, для второго Истинно древняя и истинно православная церковь Христова Григорія. Кромѣ данныхъ, заключающихся въ этихъ источникахъ, наставниками миссіонерскаго отдѣленія a) сообщены были ученикамъ свѣдѣнія о состояніи и видахъ раскола во Владимірской епархіи; b) сличались лжеученія нѣкоторыхъ гностическихъ сектъ съ заблужденіями духоборцевъ, молоканъ и хлыстовъ; c) сличались существовавшіе въ древней церкви расколы съ расколомъ старообрядчества; d) сличались нѣкоторыя раскольническія мнѣнія съ указаніями требника Петра Могилы, изд. 1646 г.; e) прочитаны и разобраны были слѣдующія раскольническія сочиненія: 1) Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ

[1]) Арх. сем. $18^{56}/_{57}$ г., № 174.

Соловецкихъ, 2) Посланіе къ брату смиреннаго инока о вопрошеніи крестнаго знаменія, како креститися своею рукою? 3) Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, 4) Повѣсть о свв. отцѣхъ священнопротопопѣ Аввакумѣ, и священноіереи Лазари, и о преподобномъ Епифаніи, 5) Преніе священнодіакона Θеодора съ митрополитомъ Иконійскимъ Аθанасіемъ; f) затѣмъ прочитаны были и разобраны двѣ раскольническихъ рукописи: „Цвѣтникъ"—собраніе разныхъ статей, написанныхъ въ духѣ выгорѣцкихъ скитниковъ—и „Чинъ исповѣди и крещенія перекрещиванцевъ"; g) наконецъ, ученики ознакомлены были со всею литературою духовною, возникшею у насъ по поводу раскола, особенно же съ замѣчательнымъ путешествіемъ постриженника св. горы Аθонской о. Парθенія, изъ раскола обратившагося въ православіе [1]). Изъ отчета начала $18^{58}/_{59}$ учебн. года видимъ, что наставники знакомили учениковъ съ старопечатными книгами: книгою О вѣрѣ, Псалтыремъ и Каноникомъ, а также съ тѣми предметами священныхъ древностей, которые, какъ обличители раскола, сохранились въ церквахъ г. Владиміра и Суздаля. Одновременно съ этимъ ученикамъ преподаны были начала русской палеографіи [2]). Въ послѣдующіе годы число слушателей миссіонерскаго отд. уменьшилось и въ 1864 г. понизилось до 10 человѣкъ. 21 сент. 1864 г. ректоръ Алексій вошелъ съ запискою въ семинарское правленіе; въ ней предлагалось, во вниманіе къ усилившемуся всюду расколу, читать уроки по расколу обширнѣе, чѣмъ они читались до сихъ поръ, и преподавать ихъ не только ученикамъ миссіонерскаго класса, но и всѣмъ вообще воспитанникамъ высшаго отдѣленія, такъ какъ число обучающихся расколу въ миссіонерскомъ отдѣленіи совершенно не соотвѣтствуетъ количеству приходовъ, зараженныхъ расколомъ. Положеніе Алексія было принято правленіемъ и утверждено еп. Θеофаномъ [3]). Миссіонерское отд. уничтожилось.

Ученіе о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ. Такимъ именемъ называется одна изъ книгъ, которая составляла основное руководство въ разсматриваемый періодъ по пастырскому богословію. Въ правилахъ 1840 г. (п. 1) требовалось „въ ряду главныхъ, собственно духовныхъ предметовъ семинарскаго курса въ особенности приспособить къ обязанностямъ сельскаго священника богословіе пастырское и собесѣдовательное". На урокахъ пастырскаго богословія, которое проходилось во второй годъ въ высш. отд., наставникъ трактовалъ о слѣдующихъ предметахъ. Предварительныя понятія о пастырскомъ богословіи. Ч. 1. О пастырскомъ

---

1) Арх. сем. $18^{56}/_{57}$ г., № 131.
2) Арх. сем. $18^{58}/_{59}$ г., № 62.
3) Арх. сем. $18^{61}/_{63}$ г., № 82.

служеніи вообще. Ч. 2. Объ обязанностяхъ пастыря, какъ учителя. А. Наставленія соотвѣтственно умственному состоянію людей (наставленія людямъ простымъ, образованнымъ, незнающимъ вѣры, суевѣрамъ, невѣрующимъ, насмѣхающимся надъ истинами вѣры въ присутствіи другихъ). В. Наставленія соотвѣтственно нравственному состоянію людей (наставленія добрымъ, обличенія грѣшниковъ: стыдливыхъ, лицемѣровъ, безстыдныхъ и т. д.). С. Наставленія людямъ по отношенію къ ихъ сердцу (по свойствамъ сердца: людямъ грубымъ и нѣжно-чувствительнымъ, и по состоянію сердца: счастливымъ и печальнымъ). Ч. 3. О должности пастыря, какъ священника. А. Богослуженіе вообще. В. Совершеніе таинствъ въ особенности [1]).

Гомилетика или собесѣдовательное богословіе. Главнымъ пособіемъ, которымъ руководствовались наставники при преподаваніи этого предмета, было „Чтенія о церковной словесности, или гомилетика“ профес. Я. Амфитеатрова. 1846 г. Въ 1848—50 г. іером. Діонисій читалъ гомилетику по такому плану. Введеніе въ науку. Ч. 1. О матеріи церковнаго собесѣдованія. А. О качествахъ чистаго и истиннаго духа въ церковномъ собесѣдованіи. В. О внѣшнемъ литературномъ характерѣ или о качествахъ подлиннаго языка и слога въ церк. собесѣдованіяхъ. С. О каѳедральномъ, собственно бесѣдовательномъ характерѣ церковнаго собесѣдованія.

Церковная исторія. Для нея назначено было въ высшемъ отд. 2 урока въ недѣлю. Первый годъ проходилась общая исторія, второй—русская. Самый характеръ учебной реформы 1840 г. съ ея обрядово-церковно-практическимъ направленіемъ исключалъ возможность основательной постановки въ семинаріяхъ церковной исторіи. Дѣйствительно, по количеству учебныхъ часовъ она заняла одно изъ второстепенныхъ мѣстъ. По общей исторіи удовлетворительнаго и цѣльнаго руководства не было до самаго конца періода. По русской церковной исторіи съ конца 40-хъ гг. стала выходить „Исторія русской церкви“ архіеп. Филарета Гумилевскаго. Изъ нея сдѣланы были краткія извлеченія подъ названіемъ „Сокращенная исторія русской церкви“, которая опредѣленіемъ Св. Синода отъ $^{16}/_{31}$ дек. 1859 г. введена была въ классическое употребленіе въ семинаріяхъ. 80 экз. ея были присланы въ правленіе Владимірской семинаріи для распродажи, съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи деньги были употреблены на пріобрѣтеніе тѣхъ твореній Св. Отцевъ новаго парижскаго изданія, которыя окажутся для семинаріи наиболѣе необходимыми. [2]) Съ 1857 г. стала выходить „Исторія русской церкви“ Макарія.

---

[1]) Арх. сем. Конспекты $18^{49}/_{50}$ г. Конспектъ Виталія.

[2]) Арх. сем. $18^{59}/_{60}$ г., № 138.

Въ видахъ разработки мѣстной церковной исторіи, опредѣленіемъ Св. Синода отъ $\frac{10 \text{ мая}}{6 \text{ окт.}}$ 1850 г. предписывалось составить епархіальные историко-статистическіе комитеты. Комитеты эти рекомендовалось составлять по преимуществу изъ наставниковъ семинаріи. По полученіи синодскаго указа, преосв. Іустинъ оповѣстилъ настоятелей церквей и монастырей о доставленіи въ скоромъ времени въ консисторію того статистическаго матеріала, который они имѣютъ возможность по своему званію собрать, и увѣдомилъ о синодскомъ предписаніи семинарію. 17 марта 1851 г. семинарское правленіе сдѣлало запросъ, не пожелаетъ-ли кто изъ наставниковъ взять на себя трудъ составленія историко-статистическаго описанія Владимірской епархіи. Изъявили согласіе Г. Вознесенскій, А. Яковлевскій, Я. Новоселовъ, И. Извольскій и Н. Флоринскій. Остальные отказались, ссылаясь то на стороннія должности, которыя они вынуждены нести (И. Солярскій), то на нездоровье (В. Романовскій), то на важность своего предмета (П. Кліентовъ) и, наконецъ, болѣе откровенно на отсутствіе навыка къ подобнымъ работамъ и охоты. [1]) Но и тѣ, которые изъявили согласіе, немного сдѣлали для историко-статистическаго описанія Владимірской епархіи. Трудъ въ концѣ концовъ былъ возложенъ на іеромонаха Іоасафа (Гапонова), проживавшаго подъ надзоромъ въ Спасоевфиміевомъ монастырѣ (ум. въ Боголюбовѣ 22 іюля 1861 г), и благополучно въ 1853 г. доведенъ былъ до конца. Одинъ экземпляръ работы Іоасафа (въ двухъ большихъ томахъ) отосланъ въ Св. Синодъ, гдѣ и хранится доселѣ въ библіотекѣ архива Св. Синода, а другой отданъ въ фундаментальную семинарскую библіотеку, откуда исчезъ неизвѣстно когда и какимъ образомъ [2]).

Церковныя древности и обряды — наука, соотвѣтствующая нынѣшней литургикѣ. Читалась въ первый годъ въ высшемъ отд. при двухъ урокахъ въ недѣлю. Въ конспектахъ по этому предмету можно читать слѣдующіе отдѣлы. А. О церкви, или храмѣ христіанскомъ со всѣми его принадлежностями. Б. О богослуженіи вообще и въ особенности о богослуженіи общественномъ седмиричномъ. В. О Божественной литургіи. Г. О богослуженіи частномъ: 1) о таинствахъ, 2) о совершеніи различныхъ освященій и молебствій. [3]).

---

[1]) „По роду учебныхъ занятій, писалъ І. Сердцевъ, до сего времени я не имѣлъ случаевъ, ни побужденій заниматься какими бы то ни было частными историческими и статистическими изслѣдованіями, и потому не могъ пріобрѣсти ни навыка, ни особенной охоты къ подобнымъ занятіямъ.“ Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 42.

[2]) Объ Іоасафѣ Гапоновѣ см. Уроженцы и дѣятели Влад. Губ. А. Смирнова, вып. 3, стр. 133—54.

[3]) Конспектъ А. Яковлевскаго за $18^{50}/_{51}$ г. Арх. сем.

Основанія церковныхъ законовъ и каноническаго права. Пособіемъ къ этой наукѣ служила книга Іоанна (Соколова) „Опытъ церковнаго законовѣдѣнія“ и „Записки по церковному законовѣдѣнію“ прот. Скворцова, [1]) которыя поручено было Св. Синодомъ Скворцову приспособить, сколько возможно ближе, къ семинарскому курсу. Въ конспектахъ А. Яковлевскаго по церковному законовѣдѣнію намѣчены слѣдующіе отдѣлы. Вступленіе въ науку церковнаго законовѣдѣнія. А. О составѣ и благоустройствѣ церкви. 1. О свойствахъ власти и управленія церкви вообще, разсматриваемой какъ самой въ себѣ, такъ и въ союзѣ ея съ государствомъ. 2. О церковномъ правительствѣ. 3) О служебныхъ занятіяхъ и должностяхъ церковныхъ. 4) О вещественныхъ средствахъ церкви. Б. О кругѣ и образѣ дѣйствій церкви. 1) О церковномъ ученіи. 2) О богослуженіи и священнодѣйствіяхъ. 3) О церковномъ судѣ и дисциплинѣ. 4) О дѣйствіяхъ православной церкви въ отношеніи къ иновѣрнымъ.

Науки философскія. Насколько можно видѣть изъ изложеннаго въ первой части, науки философскія поставлены были въ семинаріяхъ до Протасовской реформы очень широко. Среднее отдѣленіе съ полнымъ правомъ могло быть названо философскимъ. Протасовская реформа измѣнила старый порядокъ. Въ указѣ 1840 г. относительно философіи сказано было: „преподаваніе философскихъ наукъ въ семинаріяхъ Св. Синодъ ограничиваетъ нынѣ логикою и психологіею въ томъ предположеніи, что систематическое представленіе главныхъ понятій о Богѣ, о мірѣ, о духовности и безсмертіи души человѣческой съ удобностью можетъ быть изложено при преподаваніи богословія догматическаго и нравственнаго“ (п. 3). Для логики и психологіи по росписанію 1840 г. назначено было 4 урока въ среднемъ отд. въ первый и во второй годъ. Философію въ собственномъ смыслѣ исключили. Но и логика съ психологіей подверглись вскорѣ ограниченіямъ. Въ 1845 г., какъ говорилось выше, послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы логику и психологію преподавать только первый годъ въ среднемъ отд.; во второй годъ, вмѣсто логики и психологіи, положено было читать патристику. Въ 1854 г. выслана была изъ Московской академіи программа логики съ требованіемъ представить мнѣніе о томъ, не окажется-ли нужнымъ, по указанію опыта, сдѣлать измѣненія въ этой программѣ для ближайшаго примѣненія ея къ пространству и потребностямъ семинарскаго курса. Наставники Д. Пѣвницкій, Г. Нарбековъ, І. Сердцевъ 10 окт. 1856 г. донесли, что въ текущемъ $18^{56}/_{57}$ учеб. году присланная

---

[1]) Арх. семин. $18^{50}/_{51}$ г., № 269.

программа принята ими къ свѣдѣнію, но что кратковременный опытъ пользованія ею не даетъ имъ возможности высказать свое мнѣніе о тѣхъ измѣненіяхъ, какія могутъ быть сдѣланы примѣнительно къ потребностямъ и пространству семинарскаго курса, хотя и теперь уже видно, что въ теченіе полугодія, которое назначено въ семинаріи для преподаванія логики, присланная программа не можетъ быть выполнена. [1]) Въ конспектѣ по психологіи І. Сердцева за 1849 г. отдѣлы этой науки расположены въ такомъ порядкѣ. Введеніе. Отд. 1-й. Познавательныя способности. Дѣленіе ихъ: a) внѣшнее чувство, b) внутреннее чувство, c) способность представленій (сила воспріятія, память, воспоминаніе), d) воображеніе, или фантазія, e) разсудокъ, f) разумъ. Совершенства и недостатки познавательныхъ способностей. Отд. II. Чувствовательныя способности. 1) Опредѣленіе ихъ. 2) Отношеніе къ другимъ способностямъ души. 3) Общія свойства. 4) Законы сердечной дѣятельности. 5) Раздѣленіе чувствованій сердечныхъ (по предметамъ ихъ и по внутреннему характеру). 6) Обнаруженіе сердечныхъ волненій на тѣлѣ. Отд. III. Желательныя способности. 1) Опредѣленіе. 2) Отличіе отъ познавательныхъ. 3) Кругъ дѣятельности. 4) Виды желательной способности (инстинктъ, произволъ и свободная воля).—Приведенный (въ извлеченіяхъ) конспектъ Сердцева обширнѣе конспектовъ другихъ наставниковъ, которые часто въ полугодіе, назначенное для психологіи, успѣвали проходить только часть этой науки.

Словесность оставлена Протасовской реформой въ прежнемъ объемѣ. Какъ главный предметъ въ низшемъ отд., она имѣла наибольшее число уроковъ (по 5 каждый годъ). Конспекты по словесности послѣ 40-го г. стали, сравнительно съ прежнимъ временемъ, значительно шире и нѣсколько свободнѣе отъ устарѣлыхъ рубрикъ и дѣленій Бургія. Въ 1850-хъ гг. главные отдѣлы словесности приводились въ такомъ порядкѣ.

Понятіе о словесныхъ наукахъ и виды ихъ. Раздѣленіе риторики. Предметъ общей и частной риторики. Общая риторика. Раздѣленіе общей риторики: объ изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи мыслей. А. Объ изобрѣтеніи мыслей. О терминахъ и предложеніяхъ. Виды предложеній, распространеніе предложеній. О періодахъ. О періодѣ простомъ, о періодѣ сложномъ. Виды періода сложнаго. Особый образъ изложенія мысли, отличный отъ періодическаго, называемый прозою. Употребленіе ея въ древнее время и теперь и именно у русскихъ писателей. В. О расположеніи мыслей. Общія начальныя формы расположенія; хріи и силлогизмы. Хрія прямая и превращенная. Силлогизмъ простой, эпихерема, энтимема, силлогизмъ условный, раздѣлительный, дилемма, соритъ, наведеніе, аналогія. О философскомъ употребленіи силлогизма и ора-

---

[1]) Арх. сем. $18^{56}/_{57}$ г., № 174.

торскомъ. Силлогизмъ ораторскій. С. О выраженіи. 1) О слогѣ и разныхъ родахъ его: о слогѣ простомъ, умѣренномъ и возвышенномъ, о слогѣ періодическомъ, прозаическомъ и отрывистомъ, о слогѣ частномъ, ученомъ, восточномъ. 2) О достоинствахъ и недостаткахъ слога. 3) О разныхъ родахъ украшенія рѣчи. О тропахъ (метофора, метонимія, синекдоха, иронія, гипербола, металепсисъ). О фигурахъ. Фигуры словъ: умолчаніе, безсоюзіе, изобилованіе, многосоюзіе, единозначеніе, усугубленіе, возвращеніе, единоначатіе, единоокончаніе, совокупленіе, восхожденіе, окруженіе, наклоненіе, произвожденіе, отличеніе, соотвѣтствіе, согласіе окончаній. Фигуры мыслей: разсудка—предупрежденіе, уступленіе, сообщеніе, раздѣленіе, перемѣщеніе, отступленіе, остроуміе, возвращеніе, наращеніе, поправленіе; воображенія—изображеніе, одушевленіе, заимословіе, противоположеніе, аллюзія, перифразисъ; страстей—сомнѣніе, обращеніе, прехожденіе, удержаніе, заклинаніе, вопрошеніе, восклицаніе.—Частная риторика. Отд. 1. А. О письмахъ. О письмахъ вообще, о письмахъ по предметамъ общежитія, о письмахъ литературныхъ. В. О разговорахъ. О разговорахъ вообще, разговорахъ ученыхъ и драматическихъ. Отд. II. Объ описаніяхъ. О повѣствованіяхъ (описаніе путешествій, изображеніе характеровъ, жизнеописанія, некрологи, повѣсти, исторія, лѣтописи). Отд. 3. Объ ораторскихъ сочиненіяхъ. Составныя части: вступленіе, предложеніе, раздѣленіе, изслѣдованіе, заключеніе. О разныхъ родахъ ораторской рѣчи. 1) Ораторскія духовныя сочиненія: проповѣди, бесѣды, слова надгробныя, рѣчи духовныя. 2) Ораторскія свѣтскія сочиненія: рѣчи похвальныя, рѣчи академическія, рѣчи политическія, рѣчи судебныя. Объ ораторскомъ произношеніи. Объ ученыхъ сочиненіяхъ: о систематическихъ ученыхъ сочиненіяхъ, о диссертаціяхъ.—Прибавленіе къ правиламъ риторики: о требованіяхъ нужныхъ для писателя: о способностяхъ писателя, о вкусѣ, объ усовершенствованіи способностей писателя, о доброй нравственности писателя.—Поэзія. Ч. 1. О стихосложеніи: о стихосложеніи количественномъ, силлабическомъ, тоническомъ. Ч. 2. О различныхъ родахъ поэзіи. Поэзія лирическая: ода, пѣсня, элегія, посланіе, мелкія лирическія произведенія. Поэзія дидактическая: поэма дидактическая, сатира, эпиграмма, басня. Поэзія эпическая: поэма эпическая, стихотворная повѣсть, баллада, романсъ, сказки. Поэзія описательная: краткія стихотворныя описанія, идиллія, эклога. Поэзія драматическая: драма, трагедія, комедія, опера, водевиль, мелодрама. [1])

Гражданская исторія читалась въ низшемъ отд. 2 года при двухъ урокахъ въ недѣлю и въ среднемъ одинъ годъ тоже при двухъ урокахъ. Въ низшемъ отд. проходилась въ первый годъ древняя, а во второй годъ—средняя и новая; въ среднемъ русская исторія. Учебникомъ по общей гражданской исторіи долгое время оставался Шреккъ. Въ 1857 г. представленъ былъ на разсмотрѣніе Св. Синода отчетъ о состояніи Владимірской семинаріи, составленный вновь опредѣленнымъ ректоромъ Леонтіемъ. Имѣя въ виду этотъ отчетъ, Св. Синодъ 28 марта постановилъ предписать Владимірской семинаріи, чтобы наставники ея по классу всеобщей исторіи „сдавали ученикамъ собственныя записки по тѣмъ отдѣламъ сей науки, которые изложены неудовлетворительно въ

[1]) См. конспекты 1850/51 г. (консп. В. Миловидова).

учебной книгѣ Шрекка". [1]) Въ 1858 г. предписано было ввести, вмѣсто Шрекка, учебную исторію Смарагдова съ тѣмъ, чтобы обращалось вниманіе собственно „на изученіе важнѣйшихъ историческихъ событій". Но и Смарагдовъ оказался пособіемъ мало подходящимъ. М. Никольскій, читавшій всеобщую исторію, занялся въ 1858—59 г. составленіемъ по ней лекцій, „заботясь не столько о самостоятельности изслѣдованія, сколько о примѣненіи лекцій къ потребностямъ учащихся и времени, назначенному для преподаванія сего предмета въ семинаріи". Часть его лекцій, обнимающая исторію древнюю и среднюю, съ согласія ректора, введена была въ употребленіе въ низшемъ 2-мъ отд. Въ 1864 г. послѣдовало опредѣленіе о замѣнѣ древней исторіи Смарагдова вновь составленною первою частью учебной книги проф. Московской академіи Казанскаго. [2])—Русская исторія проходилась по руководству Устрялова, но конечно въ переработкѣ и съ измѣненіями. Въ сохранившихся конспектахъ (В. Романовскаго и М. Никольскаго) общая исторія доведена до французской революціи, а русская оканчивается царствованіемъ Александра I.

Языки. Французскій, нѣмецкій и еврейскій языки по уставу 1840 г. сдѣланы необязательными. Ихъ велѣно преподавать только „желающимъ того ученикамъ по ихъ собственному выбору впредь до усмотрѣнія". (п. 4). Штатнаго преподавателя не было положено. За особое добавочное вознагражденіе необязательные предметы преподавались кѣмъ-нибудь изъ наличнаго состава наставниковъ семинаріи, при чемъ наставники, въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія побочныхъ должностей, часто мѣнялись. Въ 40-хъ гг. вошло даже въ практику, чтобы каждый годъ преподаваніе этихъ предметовъ поручать тремъ особымъ наставникамъ, которые чрезъ годъ замѣнялись новыми. [3]) Читались необязательные предметы въ внѣурочное время въ четвергъ и субботу послѣ обѣда отъ 2—4 часовъ. Ниже другихъ языковъ поставленъ былъ еврейскій, какъ не имѣвшій практическаго примѣненія, такъ какъ, въ виду господствовавшаго направленія въ высшихъ духовныхъ сферахъ, пользованіе имъ при толкованіи Св. Писанія могло быть допускаемо въ самомъ ограниченномъ объемѣ. По французскому языку до 1848 г. въ употребленіи была грамматика и христоматія Перелогова. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ $^{9}/_{28}$ авг. 1847 г. введена въ употребленіе, вмѣсто христоматіи Перелогова, составленная наставникомъ Петербургской семинаріи Рюо книга „Cours de langue française et de composition". [4]) По нѣмецкому

[1]) Арх. сем. 18$^{56}/_{57}$ г., № 182.
[2]) Арх. сем. 18$^{63}/_{64}$ г., № 74.
[3]) Арх. сем. 18$^{48}/_{49}$ г., № 5.
[4]) Арх. сем. 18$^{47}/_{48}$ г., № 211.

языку учебною христоматіей оставалась прежняя христоматія Гильфердинга. Осматривавшій Владимірскую семинарію въ 1850 г. ревизоръ нашелъ преподаваніе нѣмецкаго языка (Г. Соколовымъ) недостаточнымъ. [1]) Въ 1862 г. по нѣмецкому языку принято, какъ руководство, учебникъ нѣмецкаго языка, составленный Миллеромъ. [2]) Французскій и нѣмецкій языкъ ученики посѣщали и изучали охотнѣе еврейскаго [3]). Но объ успѣхахъ учениковъ и по этимъ двумъ предметамъ приходится говорить лишь въ относительномъ смыслѣ. Необязательность ихъ, неурочное время, въ которое они читались, отсутствіе надлежащаго надзора—все это вмѣстѣ взятое не могло не содѣйствовать пониженію знаній въ наукахъ, за которыми Протасовскій уставъ, имѣвшій въ виду только подготовить юношество „къ достойному служенію церкви и сдѣлать его свѣдущимъ въ общежитіи и житейскомъ быту", не призналъ большого значенія.

Древніе языки. Греческій языкъ изучался при двухъ урокахъ въ недѣлю въ каждомъ отд. Въ низшемъ и среднемъ отд. языкъ этотъ читался наставникомъ, означеннымъ въ синодскомъ росписаніи № 1-мъ (катихизическое ученіе, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, всеобщая исторія, греческій яз.). Наставнику этихъ предметовъ въ 40-хъ гг. приходилось считаться съ нѣкоторою мѣстною особенностью. Именно, во Владимірской семинаріи въ 40-хъ гг. было четыре низшихъ отд., а наставниковъ для предметовъ, помѣченныхъ подъ № 1-мъ, три. Ученики 4-го отд., не имѣвшіе особаго наставника, соединялись по частямъ на классъ катихизическаго ученія, всеобщей исторіи и греческаго языка съ учениками первыхъ трехъ отдѣленій. При многолюдствѣ Владимірской семинаріи, подобное соединеніе сопряжено было съ большими неудобствами. По словамъ ректора Евѳимія, „оно причиняло чрезвычайную тѣсноту и имѣло своимъ послѣдствіемъ испорченный, вредный воздухъ, не говоря уже о томъ, что отнимало у наставниковъ возможность съ надлежащимъ успѣхомъ занимать воспитанниковъ и оцѣнивать ихъ успѣхи." Въ 1845 г. послано было ходатайство семинарскаго правленія о назначеніи штатнаго наставника для 4-го отд. по предметамъ подъ № 1-мъ. Но ходатайство осталось безъ удовлетворенія. [4]) Переводили по греческому яз. исключительно только мѣста святоотеческія. Напр. въ $18^{49}/_{50}$ г. въ высшемъ отд. (3-мъ) читали: Аѳанасія Великаго Слово о во-

---

[1]) Арх. Св. Синода 1850 г., № 3619.

[2]) Арх. сем. $18^{62}/_{63}$ г., № 88,

[3]) Въ 1848—50 гг. еврейскому языку училось 41 чел., нѣмецкому 55 и французскому 74. (См. Семинарскія Вѣд. 1848—51.

[4]) Арх. сем. $18^{45}/_{46}$ г., сент.

площеніи Бога Слова, Кирилла Іерусалимскаго—катихиз. 4-е, Григорія Богослова 3-е слово о богословіи и обличительное слово на Юліана. Въ среднемъ (1 мъ)—четыре слова изъ твореній Златоуста. Въ низшемъ отд. (1-мъ), кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Златоуста, прочитали два слова Василія Великаго.

Для *латинскаго языка* дано было въ низшемъ отд. однимъ урокомъ больше, нежели для греческаго (первый годъ въ низшемъ отд. полагалось не два урока, а три), но за то онъ былъ исключенъ изъ высшаго отдѣленія. Тамъ, хотя въ первый годъ и полагалось чтеніе отцевъ греческихъ и *латинскихъ*, но въ конспектахъ не значатся переводы съ латинскаго языка. Въ низшемъ отд. переводили отрывки изъ Ливія, Тацита, Саллюстія, а также избранныя мѣста изъ Кипріана, Іеронима и Лактанція по христоматіи арх. Поликарпа. Въ среднемъ переводили „De officiis“ Цицерона [1]) и Лактанція. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 27 окт. 1862 г. положено было въ семинаріи, вмѣсто Лактанція, принять латинскую христоматію, составленную Кiріаковымъ и Аничковымъ—Платоновымъ. [2]) Вообще же надобно сказать, что латинскій языкъ, хотя со времени устава 1840 г. еще не утратилъ своего значенія въ семинарскомъ курсѣ, но значеніе это было сильно ослаблено. Въ указѣ 1840 г. требовалось, чтобы всѣ учебные предметы въ семинаріяхъ для удобнѣйшаго разумѣнія ихъ преподавались на русскомъ языкѣ (п. 2).

Науки физико-математическія и естественныя. Уставъ 1840 г. пытался дать физико-математическимъ наукамъ особенно широкую постановку. Расширеніе физико-математическихъ и введеніе сельско-хозяйственныхъ наукъ составляло самую существенную часть въ измѣненіяхъ, которымъ подвергся семинарскій курсъ послѣ Протасовской реформы. Въ указѣ о реформѣ въ пунктѣ 3-мъ прямо говорилось: „вмѣстѣ съ тѣмъ ввести новые предметы, особенно полезные въ общежитіи и житейскомъ быту священника, какъ-то: естественныя науки, начала медицины и сельское хозяйство, дабы готовящіеся преимущественно въ сельскіе священники чрезъ пріобрѣтеніе нужныхъ свѣдѣній въ сихъ наукахъ могли имѣть благотворное вліяніе на благосостояніе народное.“ Послѣ реформы почти ежегодно присылались въ семинарію распоряженія высшей власти съ запросами о положеніи этихъ наукъ, съ правилами на счетъ той или иной ихъ постановки, съ требованіями отчетовъ. Можно сказать безъ преувеличеній—ни объ одномъ изъ богослов-

---

[1]) Въ 1848—50 изъ Цицерона въ среднемъ 1-мъ отд. прочитано было три книги.

[2]) Христоматія была пріобрѣтена учениками, но переводили по прежнему Лактанція (см. Дневникъ бурсака).

скихъ предметовъ семинарскаго курса не было проявлено въ этотъ промежутокъ времени столько заботливости, ни одному не было удѣлено столько вниманія, сколько предметамъ математическимъ и естественно-научнымъ. Архивъ семинарскій 1840—50 гг. изобилуетъ множествомъ дѣлъ и бумагъ, обсуждающихъ вопросы, имѣющіе, повидимому, малое отношеніе къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. И при всемъ этомъ шумѣ, при всѣхъ напоминаніяхъ, отчетахъ, результаты получались самые ничтожные. Ни одинъ изъ названныхъ предметовъ не возвысился на степень главнаго. Всѣ они остались второстепенными,—такими, изученіе которыхъ было и обязательно, но только съ формальной стороны. Указываютъ нѣсколько причинъ такого явленія. Но главная, конечно, заключается въ томъ, что, какъ естественная исторія, такъ медицина и сельское хозяйство требуютъ для основательнаго ознакомленія съ ними несравненно большей затраты времени и силъ, чѣмъ какую могла допустить въ отношеніи къ своимъ питомцамъ семинарія, при существованіи множества другихъ предметовъ богословско-общеобразовательнаго свойства. Протасовская реформа хотѣла дать воспитаннику приличное общее образованіе, подготовить его къ священству и кромѣ того сдѣлать изъ него агронома, врача и чуть-ли не архитектора. И все это предполагалось совершить въ какой-нибудь шестилѣтній курсъ! Естественно, что въ погонѣ за столь многимъ, при должномъ вниманіи ко всему, можно было ничего не достигнуть. Что-нибудь непремѣнно должно было стать второстепеннымъ. Непосредственныя задачи пастырскаго служенія, запросы и требованія общеобразовательныя не позволяли, конечно, снизойти до такой роли предметамъ, всегда составлявшимъ основаніе семинарскаго курса. Отсюда разладъ между распоряженіями высшей власти касательно нововведенныхъ предметовъ Протасовской реформы и осуществленіемъ этихъ распоряженій на практикѣ; разладъ между тѣмъ, что писалось въ бумагахъ и что было въ дѣйствительности.

Алгебра и геометрія съ пасхаліей. По уставу 1840 г. предметы эти положено было преподавать при 2-хъ урокахъ въ низшемъ отд., при чемъ наставникамъ поставлено было въ обязанность занимать учениковъ практическими измѣреніями, примѣняясь преимущественно къ нуждамъ сельскаго быта. Но до 50-хъ гг. дѣло изученія математическихъ наукъ оставлено было на прежнихъ началахъ. Алгебра проходилась по руководству Себржинскаго, геометрія — Райковскаго, пасхалія — Тяжелова. Впрочемъ, когда въ 1845 г. Духовно-учебное управленіе прислало во Владиміръ запросъ, съ какимъ успѣхомъ наставники геометріи занимаютъ учениковъ, согласно правиламъ, введеннымъ положеніемъ 1840 г., практическими измѣреніями и нѣтъ ли опытовъ такихъ

измѣреній для представленія высшему начальству, семинарское правленіе нашло возможнымъ послать планъ и измѣреніе усадьбы при домѣ, находившемся въ Троицкомъ кварталѣ противъ земляного вала, составленныя въ 1844 г. ученикомъ Андреемъ Миртовымъ [1]). — 13 фев. 1850 г. получено во Владимірской семинаріи новое распоряженіе Духовно-учебнаго управленія. Въ немъ говорилось прежде всего о неудовлетворительной постановкѣ въ семинаріяхъ геометріи, объ отсутствіи практическихъ занятій, которыя Духовно-учебное управленіе называетъ не только полезными, но и необходимыми, „такъ какъ, съ поступленіемъ на священническія мѣста, семинаристы будутъ имѣть возможность лично удостовѣриться въ правильномъ надѣленіи церквей землями, приводить ихъ въ извѣстность измѣреніемъ и снятіемъ на планъ, раздѣлять земли на соотвѣтственные участки въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и дѣлать, въ случаѣ нерѣдко представляющейся надобности, предварительныя исчисленія для нѣкоторыхъ строительныхъ работъ по церкви и ея мѣстности, а также быть въ сихъ же отношеніяхъ руководителями крестьянъ, въ особенности при частыхъ раздѣлахъ ими между собою общественныхъ земель". „Для тѣхъ семинаристовъ, говорилось въ распоряженіи, которые не поступятъ на священническія мѣста, познанія сіи могутъ доставить средства къ сысканію себѣ занятій и способы содержанія по Межевому и другимъ управленіямъ и у частныхъ землевладѣльцевъ". Въ видахъ улучшенія постановки практическихъ занятій по геометріи, Духовно-учебное управленіе предлагаетъ къ исполненію синодское опредѣленіе отъ 7—31 дек. 1849 г. Въ немъ повелѣвалось: 1) Занимать учениковъ при изученіи геометріи практическими измѣреніями; послѣднія должны состоять въ съемкѣ мѣстности на планъ и въ исчисленіи ея поверхности. 2) Каждый ученикъ, при окончательныхъ испытаніяхъ по геометріи, обязанъ представить составленные имъ планы; три лучшіе изъ представленныхъ плановъ семинарское правленіе отсылаетъ въ Духовно-учебное управленіе, а прочіе — хранитъ въ канцеляріи для соображенія успѣховъ учениковъ даннаго времени съ работами учениковъ послѣдующихъ курсовъ; планы, взятые для храненія, возвращаются ученикамъ при окончаніи курса. 3) Практическія занятія съ учениками по геометріи имѣютъ быть возложены, вмѣсто наставника геометріи, на наставника сельскаго хозяйства, если только онъ будетъ признанъ въ извѣстной семинаріи къ тому болѣе способнымъ, впрочемъ, безъ сокращенія часовъ, назначенныхъ для преподаванія сельскаго хозяйства. 4) Семинаріи будутъ въ скоромъ времени снабжены въ достаточномъ количествѣ книгами по части

---

[1]) Арх. сем. 1845/46 г., № 60.

практической геометріи и геодезіи и необходимыми для практическихъ упражненій геодезическими инструментами и пособіями въ счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ; до изготовленія же и присылки инструментовъ наставникамъ поручается употреблять на практикѣ простыя орудія, заготовленныя на мѣстѣ въ счетъ семинарскихъ суммъ.—Сообщая о приведенныхъ распоряженіяхъ Синода, Духовно-учебное управленіе просило семинарское начальство ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ доставлять свѣдѣнія касательно способовъ преподаванія землемѣрія и практической геометріи, равнымъ образомъ сообщить въ будущемъ сентябрѣ свой проектъ программы преподаванія практической геометріи въ семинаріи и планъ практическихъ занятій по землемѣрію, съ присовокупленіемъ мнѣнія, въ какой именно мѣрѣ можетъ быть введено въ семинаріи преподаваніе тригонометріи для вѣрнѣйшаго вычисленія площадей, снятыхъ на планъ мѣстностей.

Правленіе Владимірской семинаріи, получивъ указъ, возложило преподаваніе практической геометріи на Дубенскаго (1-е и 4-е отд.) и Ставровскаго (2-е и 3-е отд.), назначивъ для этого одинъ урокъ, отдѣленный отъ геометріи. Росписаніе учебныхъ часовъ низшаго отд. подверглось нѣкоторому измѣненію; для урока землемѣрія назначенъ былъ 3-й—4-й часъ пополудни въ понедѣльникъ. Экономъ купилъ нужныхъ орудій для измѣренія на 28 р. 15 к.[1]).

Въ началѣ $18^{51}/_{52}$ г. высланы были въ семинарію обѣщанные раньше геодезическіе инструменты: мѣрныя цѣпи, астролябіи и мензулы съ принадлежностями по одному экземпляру на каждый классъ, въ которомъ преподается геометрія, а также готовальни по экземпляру на каждые пять казеннокоштныхъ учениковъ. Помимо того прислано было достаточное количество готовaленъ для продажи своекоштнымъ ученикамъ. Для пріобрѣтенія бумаги лучшаго достоинства, карандашей, красокъ и кистей Духовно-учебное управленіе разрѣшило семинаріи употреблять ежегодно изъ экономическихъ суммъ по 35 р. сер. на каждые 100 казеннокоштныхъ воспитанниковъ, обучающихся геометріи[2]).

Семинарское правленіе, съ своей стороны, представило въ Духовно-учебное управленіе свои соображенія и планы, по которымъ предполагалось организовать на будущее время преподаваніе геометріи. Планъ былъ одобренъ и введенъ въ практику. По прежнему преподаваніе землемѣрія осталось за наставниками, обучавшимися въ Горыгорѣцкой школѣ—Дубенскимъ и Ставровскимъ.

---

[1]) Куплено было 4 эккера, 30 кольевъ, рейка, высокомѣръ, 2 ватерпаса, 2 мѣрныхъ сажени, 40 колышковъ. Арх. сем. $18^{49}/_{50}$ г., № 170.

[2]) Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 260.

Уроки теоретической и практической геометріи послѣ этого распредѣлилось въ такомъ видѣ. Въ первый годъ въ низшемъ отд. до Пасхи уроки по геометріи читались наставниками физико-математическихъ наукъ. Занимаясь по два класса въ недѣлю, они должны были озаботиться преподать до Пасхи, кромѣ нужнѣйшихъ дѣйствій алгебраическихъ, необходимѣйшія понятія и теоремы геометрическія. Послѣ Пасхи отъ класса геометріи отдѣлялся одинъ урокъ и передавался наставнику сельскаго хозяйства для обученія учениковъ практическимъ измѣреніямъ. Во второй годъ въ низшемъ отд. наставнику физико-математическихъ наукъ оставлялся всего одинъ урокъ для продолженія геометріи и пасхаліи; другой классъ опредѣленъ былъ для землемѣрія. Уроки землемѣрія положено было преподавать согласно представленному Дубенскимъ и Ставровскимъ въ Духовно-учебное управленіе плану [1].

Въ сент. 1851 г., на основаніи упомянутаго выше распоряженія, семинарія представила въ Духовно-учебное управленіе отчетъ о занятіяхъ учениковъ по землемѣрію. Въ немъ сообщалось, что землемѣріемъ занималось у Дубенскаго 143 ученика и у Ставровскаго 145. У того и другого ученики, послѣ предварительнаго ознакомленія съ употребленіемъ геодезическихъ инструментовъ, занимались повтореніемъ нужнѣйшихъ планиметрическихъ теоремъ, сопровождавшимся проведеніемъ учениками прямыхъ линій, измѣреніемъ и вычисленіемъ разныхъ фигуръ... Затѣмъ Дубенскій измѣрялъ часть выгонной земли между рѣками Рпенью и Клязьмою и указалъ ученикамъ правила составленія плановъ и вычисленія измѣренныхъ площадей. Ученики Ставровскаго занимались измѣреніемъ земли, принадлежащей священнослужителямъ Богородицкой церкви (для составленія подробнаго плана ея), направленія берега рѣки Рпени и степени крутизны ея въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Клязьму. Въ заключеніи отчета наставники жаловались на слишкомъ обширный комплектъ учениковъ, который ввѣренъ руководству каждаго изъ нихъ, на недостатокъ готоваленъ и на краткость времени, употребленнаго для обученія землемѣрію. Три лучшихъ плана измѣренныхъ мѣстностей—Ильи Савелова, Алексѣя Лебедева и Гр. Розова препровождены были въ Духовно-учебное управленіе [2])

Практическая геометрія и геодезія не долго просуществовали въ семинаріяхъ. Со смертью Протасова (янв. 1855 г.) измѣнилось направленіе, которое онъ поддерживалъ. 13 марта 1859 г. Владимірская семинарія получила слѣдующее циркулярное оповѣщеніе.

---

[1]) Арх. сем. 18$^{50}/_{51}$ г., № 48.

[2]) Арх. сем. 18$^{51}/_{52}$ г., № 214.

„Государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: отмѣнить въ семинаріяхъ преподаваніе геодезіи...“ [1]). Въ томъ же году Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 14—26 окт. предписалъ всѣмъ семинарскимъ правленіямъ, по надлежащей описи и оцѣнкѣ геодезическихъ инструментовъ, оказавшихся теперь ненужными, продать ихъ съ публичныхъ торговъ и деньги, вырученныя отъ продажи, представить въ Духовно учебное управленіе [2]). Проданы были только шесть готовалень; остальные инструменты — астролябіи, мензули, цѣпи, колышки, въ 1861 г. высланы обратно туда, откуда 10 лѣтъ тому назадъ семинарское правленіе ихъ получило [3]).

Геодезія, такимъ образомъ, преподавалась во Владимірской семинаріи короткое время, преподавалась при условіяхъ, мало благопріятствовавшихъ успѣхамъ дѣла. Результаты, конечно, не могли быть велики. Были отдѣльныя единицы изъ учащихся, которыя пріобрѣтали кое-какія свѣдѣнія, но общая масса смотрѣла на практическія экскурсіи, какъ на своего рода рекреаціи, гуляла во время измѣреній по лугамъ, собирала цвѣты.—Геодезія была уничтожена, но память о геодезическихъ иструментахъ, о лѣтнихъ прогулкахъ съ астролябіями продолжала жить еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нѣкоторымъ отголоскомъ былыхъ трудовъ Дубенскаго и Ставровскаго явилось дѣло, повергнутое на усмотрѣніе семинарскаго правленія 6 лѣтъ спустя послѣ уничтоженія геодезіи. 7 марта 1866 г. землемѣръ Быстровзоровъ въ 6 часовъ вечера измѣрялъ Троицкую улицу. Во время измѣренія къ нему подошелъ въ нетрезвомъ видѣ ученикъ Аедоницкій и замѣтилъ, что астролябія поставлена неправильно. Быстровзоровъ постарался поддержать свой профессіональный авторитетъ. Завязался споръ. Аедоницкій не удержался въ предѣлахъ умѣренности и наговорилъ землемѣру разныхъ обидныхъ словъ. Послѣ этого Быстровзоровъ представилъ обидчика къ инспектору „не съ тѣмъ, впрочемъ, какъ выразился онъ, чтобы искать удовлетворенія за обиду, но чтобы проучить ученика“. Аедоницкій поставленъ былъ за нетрезвость и грубость на колѣни въ семинарской столовой во время двухъ обѣдовъ [4]).

Физика. Въ 1840 г. послѣдовало распоряженіе Св. Синода: „до составленія руководства по физикѣ, особо примѣненнаго къ требованіямъ семинарскаго преподаванія, ввести въ преподаваніе физику Ленца, какъ имѣющую особое предъ другими достоинство“. Учебникъ Ленца оставался главнѣйшимъ руководствомъ до конца періода. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ препятствій къ удо-

---

1) Арх. сем. 18$^{58}/_{59}$ г., № 162.
2) Арх. сем. 18$^{60}/_{61}$ г., № 125.
3) Арх. сем. 18$^{61}/_{62}$ г., № 117.
4) Арх. сем. 18$^{65}/_{66}$ г., № 37.

влетворительной постановкѣ физики въ семинаріи служило полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было физическихъ приборовъ. Вопросъ объ этихъ приборахъ поднятъ былъ въ 1849 г., когда Духовно-учебное управленіе обратило особенное вниманіе на изученіе физико-математическихъ наукъ въ семинаріяхъ; но, къ сожалѣнію, не получилъ надлежащаго хода. Инищіатива вопроса принадлежала семинарскому правленію (Евонмію), которое, имѣя въ виду ходатайствовать предъ Духовно-учебнымъ управленіемъ о высылкѣ физическихъ инструментовъ, сдѣлало запросъ наставникамъ физико-математическихъ наукъ, какіе изъ инструментовъ по ихъ мнѣнію, наиболѣе нужны для преподаванія ихъ наукъ въ семинаріяхъ. Наставниками физики въ то время въ семинаріи были Ив. Любомудровъ и Ив. Бѣляевъ. Задача оказалась имъ не по силамъ, и они отклонили отъ себя порученіе, ссылаясь „на относительность понятія о нуждѣ инструментовъ для учениковъ, на неизвѣстность средствъ, какими можетъ располагать Духовно-учебное управленіе, и на неимѣніе ими самими подъ руками физическихъ инструментовъ". Въ помощь имъ призваны были наставники сельскаго хозяйства, „для изученія котораго нѣкоторые физическіе опыты, а слѣдовательно и инструменты могли быть полезны". При содѣйствіи питомцевъ Горыгорѣцкой школы дѣло пошло успѣшнѣе. Опись нужныхъ вещей скоро была составлена; но оказалась чрезвычайно обширною: она заключала въ себѣ до 55 названій на солидную сумму. Семинарское правленіе не рѣшилось ходатайствовать предъ Духовно учебнымъ управленіемъ о такомъ значительномъ вспомоществованіи. Вторично поручено было преподавателямъ физико-математическихъ наукъ, совмѣстно съ библіотекаремъ, составить списокъ физическихъ инструментовъ, которые имѣлись при семинаріи. Семинарское начальство надѣялось, что нѣкоторыми изъ старыхъ инструментовъ можно будетъ замѣнить инструменты, представленные къ пріобрѣтенію вновь, и, такимъ образомъ, придется ходатайствовать предъ Духовно-учебнымъ управленіемъ не о заведеніи физическаго кабинета, а о пополненіи его. Но надежды оказались тщетными. Въ библіотекѣ Владимірской семинаріи нашли всего лишь: 1) электрическую машину (поврежденную), 2) двѣ лейденскія банки (поврежденныя), 3) микроскопъ безъ рефлекторовъ, 4) камеръ-обскуру (поврежденную), 5) Магдебургскія полушарія (поврежденныя) и 7) астролябію безъ станка и подставки. Состоялось постановленіе: „Хотя физическіе инструменты весьма полезны при преподаваніи физики, объясняя посредствомъ опыта то, что излагается въ ней только теоретически, посему семинарское правленіе и имѣло въ виду ходатайствовать о снабженіи ими здѣшней семинаріи, но такъ какъ, по тѣснотѣ помѣщеній семинаріи и положенію зданій оной въ зна-

чительномъ одно отъ другого разстояніи, ни храненіе физическихъ инструментовъ, особенно въ большомъ количествѣ, ни употребленіе ихъ было бы неудобно, то ходатайствованіе о надѣленіи семинаріи помянутыми учебными пособіями отложить до устройства новыхъ обширнѣйшихъ зданій для семинаріи" [1]). Когда зданія были построены, семинарское правленіе, по предложенію ректора Алексія, дѣйствительно вошло съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ о покупкѣ на счетъ учебнаго капитала физическихъ инструментовъ и о высылкѣ ихъ во Владиміръ. Но моментъ выбранъ былъ не совсѣмъ удобный. Съ 1858 г. началось ограниченіе физико-математическихъ наукъ въ семинаріяхъ. Владимірской семинаріи было отказано за недостаткомъ средствъ [2]).

Физическій кабинетъ былъ заведенъ во Владимірской семинаріи лишь послѣ реформы. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 16 окт./1 нояб. 1868 г. было положено устроить физическіе кабинеты при тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, и дополнить недостающіе приборы тамъ, гдѣ физическіе кабинеты имѣются, съ отнесеніемъ расхода на таковое пріобрѣтеніе въ счетъ духовно-учебнаго капитала въ тѣхъ случаяхъ, когда семинаріи не будутъ имѣть средствъ къ сему. Въ 1872 г. Владимірская семинарія получила назначенный для нея и пріобрѣтенный на средства духовно-учебнаго капитала физическій кабинетъ [3]).

Естественная исторія и сельское хозяйство. Въ 15 пунктѣ положеній Св. Синода о преобразованіи въ 1840 г. учебной части въ семинаріяхъ было сказано: „До составленія учебниковъ по части сельскаго хозяйства и началъ медицины, также конспекта для преподаванія наукъ естественныхъ назначенные для сихъ предметовъ часы распредѣлить между наставниками прочихъ предметовъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ семинарскихъ правленій, съ утвержденіемъ епархіальныхъ преосвященныхъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ часы употребляемы были на повтореніе уроковъ, или на чтеніе и разборъ письменныхъ ученическихъ упражненій". Такое распредѣленіе между другими наставниками учебныхъ часовъ, назначенныхъ для сельскаго хозяйства и естественной исторіи, продолжалось во Владимірской семинаріи до тѣхъ поръ, пока Дубенскій и Ставровскій не окончили курса въ Горыгорѣцкой школѣ. Школа эта находилась въ Могилевской губ., Оршанскомъ уѣздѣ, и была спеціальнымъ земледѣльческимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ 1843 г. Св. Синодъ положилъ отправить туда 58 воспитанниковъ изъ семинаристовъ, „дабы они, по выслушаніи полнаго курса по части сельскаго хо-

---

1) Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 177.
2) Арх. сем. $18^{63}/_{64}$ г., № 95.
3) Арх. сем. $18^{68}/_{69}$ г., № 64 и $18^{72}/_{73}$ г.

зяйства, заняли должность преподавателей въ семинаріяхъ и впослѣдствіи, поступая въ священники къ сельскимъ перворазряднымъ приходамъ, распространяли пріобрѣтенныя ими полезныя свѣдѣнія между духовенствомъ и сельскими жителями". Съ цѣлью удержать такихъ воспитанниковъ, по окончаніи ими курса, въ духовномъ званіи, Св. Синодъ опредѣлилъ наставникамъ семинаріи, обучавшимся въ Горыгорѣцкой школѣ, поставить въ непремѣнную обязанность прослужить въ семъ званіи не менѣе 6 лѣтъ,—по истеченіи же сего срока дозволить опредѣлять ихъ въ священники, преимущественно въ сельскихъ приходахъ перваго разряда; если же кто изъ наставниковъ лишенъ будетъ возможности по уважительнымъ причинамъ поступить въ духовное званіе, тотъ, вмѣсто положенныхъ 6, обязанъ прослужить въ семинаріи 10 лѣтъ. Изъ Владимірской семинаріи, въ силу приведеннаго опредѣленія, посланы были въ Горыгорѣцкую школу два ученика высшаго отд. Н. Дубенскій и В. Ставровскій [1]).

Въ 1846 г. Дубенскій и Ставровскій окончили курсъ и получили назначеніе во Владиміръ. Съ этого года открылся во Владимірской семинаріи классъ сельскаго хозяйства и естественной исторіи. Чрезъ годъ послѣдовалъ запросъ изъ Духовно учебнаго управленія, дѣланы-ли были въ $18^{46}/_{47}$ учебномъ году опыты для примѣненія теоріи сельскаго хозяйства къ практическимъ занятіямъ по сей наукѣ [2]). Ставровскій и Дубенскій въ рапортѣ, который отъ нихъ потребовался, говорили объ экскурсіяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ флорой Владимірскаго края, но въ заключеніе сознавались, что особенныхъ опытовъ по недостатку средствъ произведено не было [3]).

Опредѣленіемъ отъ $^{11}/_{13}$ апр. 1849 г. Св. Синодъ разрѣшилъ правленіямъ семинарскимъ, по представленіямъ наставниковъ сельскаго хозяйства, покупать для практическихъ занятій сѣмена, цѣнностію до 10 руб. въ годъ, въ счетъ остаточныхъ семинарскихъ суммъ, а могущія быть отъ посѣвовъ произведенія обращать, по мѣрѣ возможности, натурою или чрезъ продажу, въ пользу семинарской экономіи. Въ случаѣ, если гдѣ-либо для устроенія практическихъ занятій потребовалось бы выписать сѣмянъ болѣе, чѣмъ на означенную сумму, Синодъ повелѣвалъ представлять о семъ на разрѣшеніе высшаго начальства [4]).

Ввести практическія занятія по сельскому хозяйству, которыхъ требовало Духовно-учебное управленіе, оказалось во Влади-

---

1) Арх. сем. $18^{42}/_{43}$ г., № 31.
2) Арх. сем. $18^{46}/_{47}$ г. Запросъ отъ 5 сент. 1847 г. за № 11616.
3) Арх. сем. $18^{47}/_{48}$ г., № 209.
4) Арх. сем. $18^{48}/_{49}$ г., № 205.

мірѣ дѣломъ не легкимъ. Центръ тяжести лежалъ не въ сѣменахъ, а въ землѣ, для пріобрѣтенія которой Владимірской семинаріи не дано было никакихъ средствъ. А начинать хозяйство съ пріобрѣтенія сѣмянъ, для посѣва коихъ не имѣлось земли, было по меньшей мѣрѣ странно. Наставники сельскаго хозяйства въ виду этого и не входили въ семинарское правленіе съ требованіемъ относительно пріобрѣтенія сѣмянъ, а правленіе въ свою очередь ничего не докладывало высшему начальству. Въ декабрѣ 1849 г. между тѣмъ послѣдовалъ запросъ изъ Петербурга касательно того, пріобрѣтены ли сѣмена. Изъ семинаріи отвѣтили въ томъ смыслѣ, что наставники сельскаго хозяйства еще не сдѣлали на этотъ счетъ никакихъ представленій. Въ февралѣ 1850 г. вторично спросили о томъ же. Послѣ этого Ставровскимъ частію выписаны, частію куплены во Владимірѣ нѣсколько сортовъ сѣмянъ на сумму до 3 руб. Семинарское начальство отвело вблизи учебнаго корпуса небольшой клочекъ земли, покрытый дерномъ (75 кв. саж.). Ставровскій нанялъ на свой счетъ людей и произвелъ вспашку отведенной земли сперва сохою, потомъ косулею и наконецъ плугомъ [1]) Вспашка производилась въ присутствіи учениковъ. На вспаханной землѣ посѣяны были слѣдующія растенія: 1) 1 фунтъ яровой пшеницы, 2) 2 фунта Гоптунгскаго овса, 3) 1 фунтъ вики, 4) 1 фунтъ яровой ржи, 5) 1 фунтъ мадіи, 6) $^1/_4$ фунта сурѣпицы, 7) $^1/_4$ фунта рыжику, 8) $1^1/_2$ лота тимоѳеевки и 9) $1^1/_2$ четверика картофеля. Во время лѣтнихъ мѣсяцевъ учениковъ водили на огородъ и дѣлали объясненія, касающіяся роста растеній и ухода за ними. Осенью собранные продукты взяты были Ставровскимъ „для его домашней надобности“, а не въ пользу семинарской экономіи, какъ полагалось въ силу синодальнаго распоряженія. Правленіе журнальною выпискою потребовало отъ Ставровскаго объясненія; но тотъ отвѣтилъ, что посѣвы означенныхъ растеній произведены были въ размѣрахъ слишкомъ малыхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія для семинарской экономіи, вслѣдствіе чего оставлены у него, Ставровскаго, для производства опытовъ въ слѣдующій годъ [2]).

Опытъ посѣва сельско-хозяйственныхъ растеній практикованъ былъ въ 1851 и 1853 г. (въ 1853 г. сѣяли, между прочимъ, крапъ и вайду, сѣмена которыхъ получили съ Тамбовской фермы), а съ 1854 г. прекратился, за неимѣніемъ при семинаріи, какъ заявило

[1]) Изъ Духовно-учебнаго управленія выслана была программа, по которой требовалось представить самое подробное описаніе практическихъ занятій. Въ своемъ донесеніи Ставровскій касается самыхъ мельчайшихъ подробностей, которыми сопровождалась обработка земли и уходъ за растеніями.

[2]) Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 259.

въ своемъ докладѣ въ Синодъ семинарское правленіе въ октябрѣ мѣсяцѣ 1854 г., земли. Въ послѣдующее время практическія занятія учениковъ по сельскому хозяйству ограничивались участіемъ ихъ въ разбивкѣ семинарскаго сада[1]) и въ лѣтнихъ экскурсіяхъ по лугамъ и полямъ, устроявшимся подъ присмотромъ и руководствомъ наставниковъ сельскаго хозяйства. Для такихъ экскурсій выбиралось вечернее время (5—6 часовъ вечера). Отправлялись не всѣ ученики извѣстнаго отдѣленія, а только очередная партія. Во время экскурсій собирали коллекціи травъ, минераловъ, образцы почвъ. Въ 1860 г. Владимірская семинарія владѣла коллекціей минераловъ изъ 57 образцовъ, мѣстныхъ почвъ земли 24 и гербаріемъ изъ 450 нумеровъ[2]).

Прилагая такую заботливость къ устройству при семинаріи практическихъ занятій, высшая духовная власть не менѣе прилагала усилій къ серьезной постановкѣ теоретическаго преподаванія сельскаго хозяйства. Въ 1850 г. выслано Наставленіе для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ науки сельскаго хозяйства, одобренное совѣтомъ Горыгорѣцкаго института[3]). Въ Наставленіи рекомендовалось наставникамъ „заботиться не о томъ, чтобы ихъ ученики могли рѣшать ученымъ образомъ разные вопросы науки сельскаго хозяйства, но о томъ, чтобы они узнали положительно, чѣмъ и какъ долженъ заниматься сельскій хозяинъ, чтобы получить отъ своего хозяйства надлежащую выгоду“[4]). Вслѣдъ за тѣмъ была прислана во Владимірскую семинарію подробная программа для преподаванія сельскаго хозяйства въ Могилевской семинаріи, съ требованіемъ отъ наставниковъ сельскаго хозяйства составить по образцу ея такую же программу для Владимірской семинаріи, сообразно съ мѣстными сельско-хозяйственными потребностями, и переслать по составленіи въ Духовно-учебное управленіе. Такія же программы затребованы были отъ наставниковъ сельскаго хозяйства въ другихъ семинаріяхъ. Полученныя Духовно-учебнымъ управленіемъ программы не удовлетворили его. Онѣ найдены неполными; въ самомъ слогѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ усмотрѣно желаніе отличиться особенною ученостью, выразившеюся въ употребленіи ненужныхъ отвлеченныхъ иностранныхъ терминовъ (какъ, напр., индивидуальныя свойства животныхъ). Въ 1852 г. потребовали составить вторично программу и приложить къ ней объяснительную записку съ изложеніемъ причинъ, по коимъ допущено то или иное измѣненіе въ сравненіи съ программою, утвержденною для Могилевской семинаріи. 31 дек. 1852 г. программа съ запиской Ста-

---

1) Въ 1857 г. было посажено 650 деревьевъ.

2) Арх. сем. $18^{59}/_{60}$ г., № 106.

3) Арх. сем. $18^{49}/_{50}$ г., № 159.

4) Арх. сем. $18^{52}/_{53}$ г., № 53.

вровскаго [1]) представлены были въ правленіе, исправлены ректоромъ и отосланы въ Духовно-учебное управленіе. Въ пояснительной запискѣ говорилось, что нѣкоторыя статьи Могилевской программы опущены въ программѣ Владимірской семинаріи. Такъ, опущены статьи о растеніяхъ, требующихъ болѣе теплаго климата, каковы сафлоръ, табакъ, ворсильныя шишки и пр.,—не представляющихъ выгодъ въ сельскомъ хозяйствѣ: рапсъ, сурѣпица, рыжикъ, артишоки, цвѣтная капуста, спаржа. Вмѣсто этого подробно изложенъ способъ разведенія нѣкоторыхъ красильныхъ растеній, по сбыту ихъ красокъ на мѣстѣ. Опущено о лѣсоводствѣ,—въ виду того, что духовенство и крестьяне Владимірской губ. не чувствуютъ нужды въ этой отрасли сельскаго хозяйства, находящейся во владѣніи казны и помѣщиковъ. Опущены и сокращены, по краткости времени преподаванія, сельская технологія и сельская архитектура [2]). Взамѣнъ этихъ опущеній указаны подробно особенности мѣстнаго хозяйства, напр., о разведеніи вишенъ во Владимірскомъ уѣздѣ, свеклы, рѣпы, моркови, сладкаго корня, петрушки, рѣдьки, хрѣну и луку въ Суздалѣ и Мстерѣ и чесноку въ Никологорахъ.— Говоря о практическихъ хозяйственныхъ занятіяхъ, авторъ программы высказываетъ мысль о необходимости взять для семинаріи въ арендное содержаніе пахотной и луговой земли до 25 десятинъ, принадлежащей Владимірскому архіерейскому дому (близъ с. Добраго). Но особенно Ставровскій настаиваетъ на пользѣ и значеніи, въ ряду другихъ практическихъ занятій, садоводства. По его словамъ, оно самое приличное занятіе для духовнаго лица въ сравненіи не только съ остальными отраслями сельскаго хозяйства, но и со всѣми другими промышленностями [какъ по благодѣтельному вліянію на умягченіе и облагороживаніе духа человѣческаго, такъ по нечернотѣ и деликатности самаго занятія] [3]). Не излишнимъ считаетъ Ставровскій устройство при семинаріи небольшого цвѣтника: „Ухаживаніе за цвѣтами, созерцаніе красоты ихъ, сожитіе съ живою растительною природой деревъ и травъ могло бы нѣкоторымъ образомъ замѣнить для духовныхъ воспитанниковъ недостатки семейнаго и общественнаго ихъ воспитанія, умягчивъ и облагородивъ въ нихъ чувства“ [4]).

Совмѣстно съ выработкой программы сельскаго хозяйства шло снабженіе семинаріи нужными пособіями и книгами. Въ 1849 г.

---

[1]) Програму и пояснительную записку составлялъ, кажется, одинъ Ставровскій.

[2]) Въ отдѣлѣ сельской архитектуры Ставровскій намѣтилъ разсказать о неопрятности въ русскихъ избахъ и дворахъ, о невыгодномъ расположеніи ихъ.

[3]) Слова, взятыя въ скобки, вычеркнуты ректоромъ.

[4]) Слова въ кавычкахъ зачеркнуты. На полѣ написано: „дерзко“. Арх. сем. $18^{52}/_{53}$ г., № 53.

прислано было въ двухъ книгахъ руководство для преподаванія сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ профессора Горыгорѣцкаго института [1]) Целлинскаго. Составленіе этой книги поручено было Целлинскому послѣ сношенія духовнаго начальства съ министерствомъ государственныхъ имуществъ [2]). Въ мартѣ 1850 г. выслано было изъ Духовно-учебнаго управленія во Владимірскую библіотеку, въ счетъ ассигнуемой библіотечной суммы, книгъ и журналовъ по сельскому хозяйству на 22 руб. 3 коп.; въ маѣ мѣсяцѣ того же года книгъ такого же содержанія на 14 руб. 58 коп. [3]).

Курсъ чтеній по естественной исторіи и сельскому хозяйству имѣлъ приблизительно такой видъ.—Опредѣленіе и важность науки сельскаго хозяйства. Необходимость изученія естественной исторіи для успѣховъ сельскаго хозяйства. Понятія, заимствованныя изъ науки химіи съ цѣлью основательнѣйшаго изученія естественной исторіи, приложенныя преимущественно къ объясненію физіологическихъ фактовъ, встрѣчающихся въ области сельскаго хозяйства. Краткое понятіе о химіи. Описаніе нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ и ихъ а) неорганическихъ составовъ и b) органическихъ соединеній. Минералогія (ученіе о горныхъ породахъ, образованіе земной поверхности). Ботаника. 1) Органы питанія. 2) Органы возрожденія и 3) Плодъ. Зоологія. Органы животныхъ и отправленія ихъ. Раздѣленіе и описаніе животныхъ (позвоночныя и безпозвоночныя).—Сельское хозяйство. Скотоводство. 1) О случкѣ. 2) Выращиваніе молодыхъ животныхъ. 3) Содержаніе домашнихъ животныхъ. 4) О болѣзняхъ рогатаго скота Коневодство. Овцеводство. Пчеловодство. Размноженіе растеній. 1) Общее растеніеводство. 2) О климатѣ. 3) Познаніе почвъ. 4) О посѣвѣ. 5) Объ уборкѣ растеній. Садоводство [4]).

Въ Высочайшемъ указѣ 1858 г. повелѣвалось прекратить въ семинаріяхъ преподаваніе геодезіи и ограничить ознакомленіе учениковъ съ естественными науками одними общими свѣдѣніями... И до того времени естественныя науки значили въ семинаріяхъ, при всѣхъ инструкціяхъ и наказахъ высшей власти, не много, а теперь окончательно пали.

У ближайшаго семинарскаго начальства во Владимірѣ, кромѣ мотивовъ, указанныхъ выше, были еще нѣкоторыя побужденія, заставлявшія его, въ ряду всѣхъ физико-математическихъ наукъ, особенно неодобрительно разсматривать сельское хозяйство и естественную исторію. Наставники этихъ предметовъ, получившіе

---

[1]) Горыгорѣцкая школа переименована въ институтъ въ 1848 г.

[2]) Арх. сем. $18^{49}/_{50}$ г., № 140.

[3]) Арх. сем. $18^{49}/_{50}$ г, №№ 154, 158.

[4]) См. конспекты $18^{48}/_{50}$ г.

образованіе въ Горыгорѣцкой школѣ, иногда позволяли себѣ высказывать на урокахъ предъ учениками мысли матеріалистическаго свойства, подвергали смѣлой критикѣ то или другое ученіе Церкви и, такимъ образомъ, какъ бы старались подорвать то направленіе, которое имѣло въ виду утвердить въ учащихся семинарское образованіе. Понятно при такихъ условіяхъ, что, получивши указъ 1858 г., ректоръ Платонъ постарался ограничить нелюбимые предметы до возможныхъ предѣловъ. Въ своей запискѣ, представленной въ семинарское правленіе, онъ говорилъ, что находитъ удобнымъ преподаваніе естественной исторіи соединить съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства такъ, чтобы введеніемъ къ оному служило общее обозрѣніе царствъ ископаемаго, растительнаго и животнаго, а потомъ подробное описаніе тѣхъ видовъ животныхъ и растеній, которые наиболѣе употребительны въ сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи. Для изученія сельскаго хозяйства въ такомъ видѣ Платонъ считалъ достаточнымъ 3 класса въ недѣлю въ теченіе двухгодичнаго курса въ среднемъ отдѣленіи. Классъ же въ высшемъ отд., имѣющій остаться свободнымъ, Платонъ признавалъ полезнымъ употребить на изученіе наукъ болѣе необходимыхъ для духовнаго воспитанника, именно общей церковной исторіи и русской [1]). Правленіе Московской академіи отъ 15 окт. 1858 г. дало знать Владимірскому начальству семинаріи о перемѣщеніи одного изъ наставниковъ сельскаго хозяйства (Фалькова) въ Казанскую семинарію и о соединеніи во Владимірѣ обоихъ классовъ по этому предмету. Уничтоженіе одного урока по сельскому хозяйству въ высшемъ отд. не было разрѣшено.

Послѣ этого опредѣленія естественная исторія и сельское хозяйство стали читаться предъ аудиторіей столь многолюдной, что даже поверхностная провѣрка знаній учащихся сдѣлалась трудноисполнимою. Правленіе семинаріи для устраненія этого недостатка составляло новыя росписанія уроковъ съ новою группировкою предметовъ между наставниками. Но при всѣхъ группировкахъ дѣло могло улучшиться только чрезъ увеличеніе числа уроковъ Новлянскаго, что для послѣдняго не совсѣмъ было выгодно [2]).

Въ такомъ состояніи сельское хозяйство и естественная исторія влачили свое существованіе до 1866 г. Въ началѣ 60-хъ гг. Комитетъ по преобразованію духовныхъ училищъ потребовалъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и ректоровъ семинарій мнѣній о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя они признаютъ необходимыми въ строѣ нравственной, учебной и хозяйственной части духовныхъ училищъ. Получивъ отзывы, Комитетъ пришелъ къ такому выводу.

---

[1]) Арх. сем. $18^{58}/_{59}$ г., доклад. записка отъ 3 апр.
[2]) См., напр., росписаніе $18^{59}/_{60}$, $18^{61}/_{62}$ гг.

-20 лѣтній опытъ, по признанію всѣхъ почти епархіальныхъ преосвященныхъ и ректоровъ семинарій, ясно показалъ, что надежды, возлагаемыя на изученіе этихъ предметовъ (медицины, сельскаго хозяйства, естественной исторіи и геодезіи) не осуществились, да и не могли осуществиться, ибо для надлежащаго изученія сихъ предметовъ, отъ какого только и возможно ожидать дѣйствительной пользы, надобно было ввести множество другихъ, состоящихъ съ ними въ ближайшей и необходимой связи. Но, еслибы рѣшились еще далѣе расширить семинарскую программу въ этомъ направленіи, то пришлось бы семинарію обратить въ медицинскую и сельско-хозяйственную школу. При такихъ же размѣрахъ, которые указаны преобразованіемъ въ 1840 г., возможно было только поверхностное и, слѣдовательно, безплодное изученіе упомянутыхъ предметовъ" [1]) —Въ 1866 г. преподаваніе сельскаго хозяйства и естественной исторіи было отмѣнено.

Медицина. Классы медицины открыты во Владимірской семинаріи 21 сент. 1845 г. Наставникомъ опредѣленъ былъ врачъ семинаріи Митрофанъ Алякринскій съ прибавочнымъ жалованьемъ въ 143 руб. сер., которые разрѣшено было отпускать изъ суммъ духовно-учебнаго капитала [2]). Ко времени открытія класса медицины Духовно-учебное управленіе прислало изъ своихъ книгохранилищъ 259 экземпляровъ составленнаго докторомъ Храповицкимъ Врачебно-народнаго наставленія, которое велѣло раздать ученикамъ „безвозвратно". Для медицины назначался одинъ классъ въ первомъ году въ высшемъ отд. и два во второмъ. Всѣ три класса высшаго отд. для слушанія Алякринскаго сходились въ семинарскій залъ. Сообщеніе объ успѣхахъ учениковъ по медицинѣ посылалось ежегодно въ Св. Синодъ совмѣстно съ представленіемъ о преподаваніи сельскаго хозяйства и естественной исторіи.

Лекціи свои М. Алякринскій читалъ по такому плану. Въ началѣ курса знакомилъ учениковъ съ строеніемъ человѣческаго тѣла и съ отправленіями всѣхъ его органовъ, при этомъ демонстрировался пріобрѣтенный семинаріею человѣческій скелетъ. Затѣмъ послѣ изложенія общихъ началъ гигіены и діэтики, онъ сообщалъ главныя понятія объ излѣченіи болѣзни. Переходя къ разсмотрѣнію цѣлебныхъ силъ природы, М. И. А. особенное вниманіе обращалъ на средства домашнія и въ частности на холодную воду. Изъ аптечныхъ средствъ указывались только нѣкоторыя, безъ которыхъ нельзя было обойтись. Далѣе, слѣдовали уроки объ отдѣльныхъ болѣзняхъ, болѣе другихъ встрѣчающихся въ простомъ

---

[1]) Арх. Св. Синода. Журналъ Комитета о преобразованіи училищъ. 1860 - 65 г., № 4243.

[2]) Арх. сем. 18$^{15}/_{16}$ г., № 155.

народѣ: 1) горячкѣ въ разныхъ видахъ, 2) воспаленіи внутреннихъ органовъ, 3) наружныхъ сыпяхъ (оспа, скарлатина, корь), 4) болѣзненныхъ отдѣленіяхъ (кровотеченіе горловое, носовое и женское, поносъ простой и кровавый), 5) задержкѣ открытаго геморроя и мѣсячныхъ очищеній, запорѣ и др., 6) худосочіи—золотушномъ, скорбутномъ, ломотномъ и венерическомъ, 7) нервныхъ болѣзняхъ, 8) наружныхъ болѣзняхъ - опухоли, вывихѣ, обжогѣ и т. д., 9) отравленіи ядами. Кромѣ сего ученикамъ сообщались краткія свѣдѣнія о предосторожностяхъ при повальныхъ болѣзняхъ, объ оказаніи помощи въ несчастныхъ случаяхъ, объ уходѣ за беременными женщинами и за новорожденнымъ младенцемъ.

Практическія занятія по медицинѣ состояли въ томъ, что ученики являлись въ больницу ко времени посѣщенія ея М. Алякринскимъ, слушали его объясненія у кроватей больныхъ, смотрѣли, какъ приготовляютъ лѣкарства и даже нѣкоторые участвовали, подъ руководствомъ лѣкарскаго ученика, въ перевязываніи ранъ, приготовленіи пластыря и проч.—Съ 1856 г., когда послѣдовало распоряженіе Духовно-учебнаго управленія о томъ, чтобы при обученіи медицинѣ ученикамъ неопустительно преподано было оспопрививаніе какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи [1]), Алякринскій въ семинарскомъ залѣ, въ присутствіи учениковъ, производилъ прививку оспы дѣтямъ. Пробовали дѣлать это и воспитанники.

Медицина слушалась учениками съ большимъ вниманіемъ, нежели естественная исторія и сельское хозяйство. Потребность знаній по этому предмету, хотя элементарныхъ, ощущалась и ощущается всегда всѣми, такъ что были отдѣльныя лица (и такихъ можетъ быть не мало), для которыхъ уроки Алякринскаго не пропали даромъ. Но общая масса относилась къ этому предмету, какъ и къ сельскому хозяйству, равнодушно. „Послѣ толкованія съ каѳедры Алякринскаго, пишетъ одинъ изъ учениковъ конца 40-хъ гг , онъ вызывалъ ученика на средину. Спрошенный становился у парты, ему суфлировалась лекція съ парты по тетрадкѣ, и отмѣтка получалась удовлетворительная" [2]). Но и такимъ образомъ спрашивать учениковъ Алякринскій могъ не часто. Его слушали одновременно около 300 человѣкъ. Отсутствіе печатныхъ книгъ, подготовка лекцій по тетрадкамъ, записаннымъ со словъ М. Алякринскаго самими учениками, вліяли также не мало на пониженіе знаній по медицинѣ. „Пишущему, говоритъ одинъ изъ священниковъ курса конца 50-хъ гг., предстояло отвѣчать о лихорадкахъ. Казалось, что урокъ былъ подготовленъ хорошо, пред-

---

[1]) Арх. сем. $18^{55}|_{56}$ г., № 79.

[2]) Ркп. А. С.

вкушалась отмѣтка 3[1]). Но получилъ единицу... Въ передачѣ рецептовъ противъ болѣзни одинъ изъ рецептовъ оказался съ уродливой дозой какого-то состава лѣкарства. Такъ говорилось въ запискахъ, такъ было заучено и сказано. Докторъ разинулъ отъ изумленія ротъ и съ ужасомъ произнесъ: „да вѣдь ты уморишь больного". Начальство наше понимало, какой цѣны всѣ эти отмѣтки, и не особенно соображалось съ ними при составленіи списковъ" [2]).

Послѣ Высочайшаго указа 1858 г. для изученія медицины назначенъ былъ одинъ годъ, при одномъ урокѣ въ недѣлю, а 1866 г. классъ медицины вмѣстѣ съ классами сельскаго хозяйства и естественной исторіи закрылся [3]).

Въ указѣ о прекращеніи классовъ медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи повелѣвалось открыть съ наступленіемъ 18⁶⁶/₆₇ учебнаго года повсемѣстно въ семинаріяхъ классъ *педагогики и воскресныя школы* для ознакомленія воспитанниковъ съ педагогическими пріемами. Епархіальнымъ преосвященнымъ поручено было „обратить особое архипастырское вниманіе на преподаваніе педагогики въ семинаріяхъ и оказать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе, дабы вновь принимаемыя мѣры, отъ которыхъ ожидается существенная польза для народнаго образованія сопровождались надлежащимъ успѣхомъ. Для преподаванія педагогики приказано было избрать надежныхъ лицъ изъ наличныхъ наставниковъ, но не возлагать на нихъ преподаванія (сверхъ педагогики) другихъ предметовъ, дабы дать имъ болѣе возможности вникнуть и изучить свой главный предметъ. Преподаваніе педагогики должно было начинаться со второго года въ среднемъ отдѣленіи и продолжаться въ высшемъ отд., вмѣсто медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи. Воскресная школа при Владимірской семинаріи была открыта 5 февр. 1867 г. Преподаваніе въ ней поручено лучшимъ ученикамъ высшаго отд., подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателя педагогики, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы на урокахъ всегда присутствовали и прочіе воспитанники высшаго отдѣленія для практическаго ознакомленія съ пріемами преподаванія [4]).

Новое дѣло семинаристамъ понравилось, и они просили семинарское начальство исходатайствовать у владыки дозволеніе собираться для занятій въ школу, сверхъ воскресныхъ дней, по

---

1) У Алякринскаго было три отмѣтки: 3 за хорошій, 2 за средній и 1 за плохой отвѣтъ.

2) Ркп. П. В.

3) Арх. сем. 18⁶⁵/₆₆ г., № 125.

4) Арх. сем. 18⁶⁵/₆₆ г., № 125.

четвергамъ и субботамъ въ часы, свободные отъ семинарскихъ учебныхъ занятій. Просьба была удовлетворена. Впослѣдствіи къ воскреснымъ днямъ присоединили еще и праздничные. Число учениковъ и учепицъ увеличивалось съ каждымъ новымъ урокомъ и въ нѣкоторые дни доходило до 150 человѣкъ. Обучающіеся въ школѣ раздѣлены были на нѣсколько отдѣленій и помѣщались въ нѣсколькихъ комнатахъ семинарскаго корпуса. Каждое отдѣленіе подраздѣлялось на группы, каждая группа имѣла своего учителя изъ воспитанниковъ.—Въ 1868 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія ассигновано было въ пользу воскресной школы при Владимірской семинаріи 160 руб., а въ 1869 г.—140 руб. Деньги эти употребили частію въ вознагражденіе за труды тѣхъ воспитанниковъ семинаріи, которые съ особеннымъ усердіемъ занимались обученіемъ дѣтей въ школѣ, частію для покупки учебныхъ пособій [1]).

Иконопись. Касаясь этого предмета, приходится говорить лишь о попыткахъ ввести его преподаваніе во Владимірской семинаріи. Попытки не увѣнчались успѣхомъ. Ордеромъ отъ 18 мая 1852 г. Протасовъ сообщилъ управляющему Московской синодальной типографіей Бороздину, что, по причинѣ распространенія въ большей части внутреннихъ епархій, особенно во Владимірской, иконописанія, не основаннаго ни на какихъ правилахъ искусства и исполняемаго людьми вовсе незнакомыми съ живописью, предполагается ввести обученіе иконописи въ древне-русскомъ стилѣ въ семинаріяхъ Владимірской и Симбирской,—и поручилъ ему отправиться въ названныя епархіи и войти въ соглашеніе съ мѣстными епархіальными преосвященными по предмету, касающемуся учрежденія иконописныхъ классовъ. Отъ Бороздина посланъ былъ запросъ къ преосв. Іустину, а Іустинъ потребовалъ свѣдѣній отъ семинарскаго правленія. Семинарское правленіе донесло: 1) Между наставниками не нашлось ни одного способнаго преподавать иконопись. 2) Иконописи изъявили согласіе обучаться 177 человѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ по своимъ способностямъ могутъ обучаться живописи безъ значительнаго опущенія по другимъ предметамъ, вслѣдствіе чего семинарское правленіе опредѣляетъ цифру учениковъ, способныхъ обучаться живописи на первый годъ до 60, каковое число въ продолженіе 6-лѣтняго курса возрастетъ до 160 человѣкъ. 3) Для первоначальнаго обзаведенія мастерской образцами, моделями, бюстами и другими предметами рисовальныхъ классовъ, семинарское правленіе считаетъ необходимымъ единовременную издержку въ 300 р. и ежегодную (для снабженія учениковъ рисовальными принадлеж-

---

[1]) Арх. сем. $18^{67}/_{68}$ г., № 76; Влад. Епарх. Вѣд., 1869 г., стр. 213—23.

костями) 800 р. 4) Всѣ таковые расходы не могутъ быть произведены изъ мѣстныхъ суммъ, а требуютъ ежегодной ассигновки изъ училищнаго капитала [1]).

Прошло 3 года. Въ сентябрѣ 1855 г. (послѣ смерти Протасова) и. д. прокурора Карасевскій обратился къ Іустину съ просьбой поручить семинарскому правленію войти въ разсмотрѣніе вопроса, не полезно-ли будетъ во Владимірской семинаріи открыть классъ живописи и иконописи и на какихъ условіяхъ; при этомъ Карасевскій напоминалъ, что этотъ классъ постепенно вводится въ другихъ семинаріяхъ, что для него назначается по 2—3 часа въ недѣлю и что онъ можетъ быть порученъ съ вознагражденіемъ за уроки или учителямъ рисованія въ мѣстныхъ гражданскихъ заведеніяхъ, или свободнымъ художникамъ, имѣющимъ надлежащее удостовѣреніе въ своихъ познаніяхъ по части живописи. Семинарское правленіе (ректоръ Платонъ Опвейскій) признало полезнымъ открыть иконописный классъ во Владимірѣ, но не нашло возможнымъ сдѣлать это по недостатку въ старыхъ семинарскихъ зданіяхъ особыхъ комнатъ какъ для занятія живописью, такъ и для храненія образцовъ и ученическихъ опытовъ живописи. Положено было отложить открытіе класса рисованія (какъ и физическаго кабинета) до тѣхъ поръ, пока отстроены будутъ новыя зданія [2]).

Съ окончаніемъ постройки семинарскихъ зданій, вопросъ объ открытіи иконописнаго класса выдвинутъ былъ снова на очередь. Учитель рисованія Владимірской гимназіи Ѳеодоръ Дмитріевъ изъявилъ согласіе преподавать въ семинаріи иконопись два раза въ недѣлю по 1½ часа каждый разъ за 150 руб. въ годъ [3]). Другой кандидатъ, домогавшійся сдѣлаться „учителемъ искусствъ при семинаріи“, губернскій секретарь Ив. Костыревъ составилъ подробную смѣту на устройство иконописнаго класса съ мастерской. Но и это не подвинуло дѣла. Духовная консисторія, куда семинарское правленіе послало смѣту съ просьбой увѣдомить его, признаетъ-ли консисторія возможнымъ отпустить исчисленную въ смѣтѣ сумму изъ епархіальныхъ источниковъ, отвѣтила семинарскому правленію, что „хотя открытіе при семинаріи класса иконописи представляется дѣломъ весьма полезнымъ, но, такъ какъ, по представленной учителемъ рисованія г. Костыревымъ смѣтѣ, на открытіе и содержаніе иконописнаго класса потребуется весьма значительная сумма, то отпускать оную ежегодно изъ епархіальныхъ суммъ епархіальное начальство находитъ не-

[1]) Арх. сем. $18^{31}/_{52}$ г., № 235.
[2]) Арх. сем. $18^{55}/_{56}$ г., № 80.
[3]) Арх. сем. $18^{65}/_{66}$ г., № 77.

возможнымъ" [1]). Послѣ введенія новаго устава закрытъ былъ иконописный классъ и въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ онъ существовалъ.

Письменныя упражненія учениковъ въ курсѣ семинарскаго образованія сохраняютъ свое прежнее значеніе. Какъ нѣкоторую особенность, можно отмѣтить только уменьшеніе работъ на латинскомъ языкѣ, въ счетъ чего увеличиваются и усиливаются упражненія русскія. Въ 1848 г. Св. Синодъ издалъ распоряженіе, чтобы въ низшемъ отд. и первый годъ въ сред. ученики были занимаемы сочиненіями на одномъ русскомъ языкѣ, дабы такимъ путемъ могли пріобрѣсти навыкъ правильно и свободно излагать на немъ свои мысли независимо отъ оборотовъ иностранныхъ. Для упражненія же учениковъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ въ латинскомъ языкѣ предписывалось ввести въ употребленіе переводы съ русскаго на латинскій языкъ, назначая по одной задачѣ въ мѣсяцъ. Опыты самостоятельныхъ работъ на латинскомъ языкѣ рекомендовалось начинать лишь со 2-го года въ среднемъ отд.; съ этого времени ученики обязаны были ежемѣсячно представлять по одному латинскому сочиненію [2]). Къ году реформы латинскій языкъ былъ почти окончательно вытѣсненъ.—Темы для сочиненій давались по преимуществу, какъ и въ прежнее время, наставниками главныхъ предметовъ, но въ облегченіе ихъ труда мало-помалу (со времени ректора Платона Ѳивейскаго) стали привлекать къ чтенію и разбору письменныхъ работъ и преподавателей предметовъ второстепенныхъ. Съ этою цѣлью въ началѣ каждаго года вмѣстѣ съ росписаніемъ уроковъ составлялось росписаніе чтенія ученическихъ сочиненій Въ немъ каждому изъ главныхъ наставниковъ назначался особый помощникъ (а иногда и два) [3]) изъ наличнаго числа преподавателей. Наставникъ-помощникъ обязанъ былъ разсматривать сочиненія и давать для нихъ темы (по своему предмету) поочереди съ главнымъ наставникомъ.—Въ высшемъ отд. ученики писали два сочиненія въ мѣсяцъ, въ среднемъ—три и въ низшемъ—4. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о характерѣ письменныхъ работъ этого періода, укажемъ нѣсколько темъ 40—60 гг.

Низшее отд.: 1) Примѣръ предложенія изъ сужденія съ объясненіемъ, почему что признается предложеніемъ или сужденіемъ (1852 г.). 2) Ученики семинаріи должны вести себя такъ же, какъ апостолы въ Сіонской горницѣ (1855 г.). 3) Разсужденіе изъ пред-

---

[1]) Арх. сем. 1867 г., отъ 12 дек, за № 9960.

[2]) Арх. сем. 1847/48 г., № 89.

[3]) Наставникъ главныхъ предметовъ низшаго отд. иногда не получалъ такого помощника.

ложенія: Скорби полезны и благотворны для счастливыхъ людей. 4) Пиршество Валтасара. 5) Похороны брата. 6) Покровъ Пресв. Богородицы. (1861 г.) [1]).

Среднее отдѣленіе: 1) Черты изъ жизни св. ап. Варнавы по указанію Дѣяній св. Апостоловъ. 2) Какія нужны средства къ укрощенію воображенія? 3) Отчего душевная дѣятельность не у всѣхъ людей бываетъ одинакова? (классное). 4) Пастырю церкви необходимо основательное изученіе души. 5) Чему учитъ весенняя природа? (классное). 6) Божество будетъ ограниченно, если оно постигается мыслію (Григорій Богословъ). 7) Почему для благоуспѣшности молитвы требуется примиреніе съ ближнимъ? (классное). 8) Постъ — добрый сторожъ души, надежный сожитель тѣлу (слова Василія Великаго). 9) Отчего не всѣ охотно читаютъ творенія св. Отцевъ церкви? На латинскомъ языкѣ: 1) A quo dependet perfectus memoriae? 2) Despice divitias, si vis animo esse beatus (Carm. Dion. Cat.). 3) A quo dependet evolutio in homine sensationum pulchri? 4) Doctrina S. Justini de resurrectione mortuorum. 5) Non judicate et non judicamini. 6) Vita Basilii Magni. 7) In quo consistit praestantia hominis prae caeteris animalibus? (1847—48 г.).

Въ высшемъ отд.: 1) Что требуется отъ воспитанника духовной семинаріи для успѣховъ его при изученіи системы православнаго богословія? 2) Почему при всякомъ изученіи христіанской религіи необходимо слѣдовать руководству православно-каѳолической церкви? 3) Чѣмъ различаются истинныя пророчества отъ ложныхъ? 4) О достиженіи богопознанія путемъ благочестивой жизни и объ отношеніи сего пути къ обыкновенному способу познанія Бога чрезъ науку (экзаменское). 5) О томъ, что и насъ, подобно какъ волхвовъ восточныхъ, науки и знанія должны не удалять отъ Христа, но приводить къ нему (экзаменское). 6) Если единъ есть ходатай Бога и человѣковъ человѣкъ Христосъ Іисусъ (1 Тим. II, 5), то для чего же мы прибѣгаемъ еще къ ходатайству ангеловъ и святыхъ? 7) На какомъ основаніи и для чего все догматическое ученіе о дѣлахъ Божіихъ названо ученіемъ о домостроительствѣ Божіемъ? 8) Что значатъ и чѣмъ различаются между собою человѣкъ плотскій, душевный и духовный? 9) Изъясненіе пророчества Моисеева о пророкѣ, подобномъ

---

[1]) Въ низшемъ отд. старались выработать въ ученикахъ главнымъ образомъ навыкъ составлять свободно періоды, хріи и разныя фигуры, вслѣдствіе чего наставники обращали не особенно большее вниманіе на содержаніе темъ. Предлагалось первое попавшееся предложеніе. Бывали случаи, что ученики составляли хріи даже на темы такого рода: „значеніе блиновъ для душевной и тѣлесной жизни“.

ему (Второз. XVIII, 15). 10) Какое различіе между жизнію по природѣ и жизнію по благодати? 11) Богоучрежденныя таинственныя священнодѣйствія въ церкви суть-ли только воспоминательные знаки (символы) благодати Божіей? (классное). 12) Изъясненіе словъ: Подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ и т. д. (2 Петр. 1, 5—8). 13)—Иже бо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ (Іак. II, 10). 14) О непрестанной молитвѣ христіанина. 15) О сродствѣ церковнаго пастырскаго служенія съ Христовымъ и о достойномъ приготовленіи себя къ этому чрезъ воспитаніе въ духѣ Христовомъ. 16) О своенародности и своевременности церковнаго поученія. 17) О непрестанномъ духовномъ бодрствованіи христіанина. 18) Выводъ и раскрытіе понятія о подлинномъ внутреннемъ характерѣ или духѣ пастырскаго церковнаго собесѣдованія къ народу изъ словъ св. апостола Павла: „нѣсмы якоже мнози, нечисто проповѣдающіи Слово Божіе, но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ глаголемъ (2 Кор. II, 17). 19) На основаніи какихъ причинъ и для какой цѣли св. апостолъ сказалъ: „пресвитеру (а также діакону) церковному подобаетъ быть мужемъ одной жены“. (Тит. 1, 5, 6; 1 Тим. III, 12. 20) Раскрытіе значенія и нравоучительное приложеніе словъ ап. Іакова 1, 14—15) 21) Quem ad finem Deus mundum ad existentiam provocaverit? 22) In quo consistit usus practicus dogmatis fidei orthodoxae de unitate Dei? 23) Num ratio humana, sibi relicta absque Divinae revelationis lumine, ducere valeat homines ad Deum recte cognoscendum pieque colendum? 24) Experientia testatur, multos etiam gentiles bonos fuisse: nonne hoc probat, hominem per se, absque gratiae subsidio, corrigi posse? 25) De via ad Deum cognoscendum per illuminationem Spiritus Sancti (1 Iohan., II, 20), et de relatione hujus viae ad ordinaria media ad eundem scopum doctrinam nempe theologiam et vitam piam. 26) Quod differt sacrae scripturae theopneustiam et concionis ecclesiasticae internam unctionem a Spiritu sancto? 27) Omnia vestra cum claritate fiant (Cor. 1, XVI, 14). 28) Quaerite primum regnum Dei et justitiam ejus, et haec omnia adponentur vobis (Matth. VI, 33). [1])—29) Сужденіе объ обычаѣ у Римско-католиковъ исповѣдываться такъ, что духовный отецъ не видитъ того, кто приноситъ исповѣдь. 30) Почему ученикамъ нужно знать методъ преподаванія богословія, которому слѣдуетъ наставникъ? 31) Отчего христіанство распространилось на югѣ Россіи скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ?

---

[1]) Перечисленныя (въ количествѣ 28) темы даны были въ высшемъ отд. 1848—50 г. Кромѣ сочиненій на эти темы ученики того же курса написали 5 расположеній словъ на недѣли и праздники и 9 поученій.

32) Сознательно или безсознательно состоянiе души послѣ смерти? 33) Опровергнуть мнѣнiе нѣкоторыхъ будто во всякой вѣрѣ можно спастись. 34) Собесѣдованiе старца священника съ молодымъ собратомъ о совершенiи службы по уставу. 35) Если Богъ особенно промышляетъ о христiанахъ, то для чего дается имъ ангелъ хранитель? 36) О необходимости религiи для безопасности и благоденствiя государства и т. д. [1]).

Два раза въ теченiе года производилась провѣрка того, насколько ученики восприняли переданное. Декабрскiя испытанiя носили частный характеръ; главными были iюньскiя. За нѣсколько дней до экзаменовъ по своему предмету каждый наставникъ представлялъ ректору: 1) конспектъ преподаннаго въ теченiе истекшаго промежутка времени; 2) списокъ учениковъ съ подраздѣленiемъ ихъ на разряды и аттестацiей успѣховъ (наставники главныхъ предметовъ кромѣ того аттестовали способности и прилежанiе учащагося); 3) разсмотрѣнныя и исправленныя сочиненiя за истекшiй годъ. Ректоръ Евѳимiй настойчиво требовалъ, чтобы экзаменскiя испытанiя производились по билетамъ, „для побужденiя учениковъ отчетливо приготовлять лекцiи", —и чтобы каждый ученикъ испытываемъ былъ по всѣмъ предметамъ. Но до реформы 1869 г. трудно было создать устойчивую и однообразную форму экзаменовъ. Распорядокъ и способъ производства испытанiй находились въ зависимости отъ личныхъ воззрѣнiй экзаменующихъ и разнаго рода случайныхъ обстоятельствъ. Вотъ какъ, напр., описываетъ экзаменъ по риторикѣ въ первомъ низш. отд. ученикъ выпуска 1860-го г. „Ректоръ Платонъ, пришедши въ залу, велѣлъ намъ написать хрiю простую на тему: „Ученики семинарiи должны вести себя такъ же, какъ апостолы въ Сiонской горницѣ", и самъ сталъ вызывать послѣднихъ учениковъ. Что мнѣ было дѣлать—писать-ли хрiю, или просматривать риторику, такъ какъ я былъ по спискамъ въ срединѣ. Положенiе затруднительное—и въ риторику посмотрю, и попишу немного. Но то и другое плохо у меня клеилось... Растерянность моя кончилась, когда ректоръ оставилъ экзаменъ по риторикѣ и началъ вызывать первыхъ по сочиненiю. Тогда уже и сосредоточился я на сочиненiи... Наконецъ очередь доходитъ и до меня. Выхожу и несу съ собою измаранную бумагу; начинаю читать свое сочиненiе. Сочиненiе понравилось ректору; а особенно понравилось мое произношенiе, и онъ тутъ же заставилъ меня тѣмъ же произношенiемъ прочитать „Слово о пьянствѣ", которое мы, всѣ ученики семинарiи, обязаны были, по распоряженiю ректора, выучить наизусть. Я же выучилъ, но не все; какъ на бѣду, заставилъ читать послѣднюю часть

[1]) Темы, начиная съ № 29, принадлежатъ болѣе позднему времени.

его, которой я не зналъ. Онъ потомъ заставилъ меня прочитать первую часть;—я прочиталъ, и ректоръ остался доволенъ, а объ сочиненіи сказалъ, что оно написано очень порядочно" [1]).—Какъ и въ теченіе года, на экзаменахъ преимущественное значеніе отдавалось отвѣтамъ учениковъ по главнымъ предметамъ; на основаніи ихъ, главнымъ образомъ, составлялись окончательные разрядные списки. По второстепеннымъ предметамъ часто даже спрашивали не всѣхъ учениковъ.

Въ концѣ годичныхъ экзаменовъ устраивались, какъ и раньше, публичныя испытанія. Но они не носили уже характера той пышности и торжественности, какою ихъ обставляли до 40-хъ гг. Въ 1852 г. для публичныхъ испытаній предложены были слѣдующіе отдѣлы. Собраніе открылось пѣніемъ „Царю Небесный". Затѣмъ ученики высшаго отд. испытывались: 1) по богословію догматическому—„О непрерывномъ продолженіи таинства искупленія въ благодатномъ царствѣ Божіемъ, или о церкви воинствующей"; 2) по св. писанію—въ изъясненіи гл. V, ст. 12. 15 посл. къ Римлянамъ, I гл., ст. 17—25 I Коринѳ. и II г., 11—17 ст. посланія къ Галатамъ; 3) по исторіи русской церкви—„О распространеніи россійской церкви въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX столѣтія; 4) по медицинѣ—„О призрѣніи больного". Ученики средняго отд.: 1) по патристикѣ—„О св. Козьмѣ Маюмскомъ и его твореніяхъ", 2) по библейской исторіи — „О состояніи Іудейской церкви отъ Ездры до Маккавеевъ; 3) по психологіи—„О фантазіи, или воображеніи"; 4) по сельскому хозяйству — „О почвахъ Владимірской губ". Ученики низшаго отд.: 1) по словесности—„Объ одѣ вообще и въ частности объ одѣ „Богъ" Державина; 2) по всеобщей исторіи—„О тридцатилѣтней войнѣ въ Германіи за религію; 3) по ученію о богослужебныхъ книгахъ — „Объ образѣ пѣнія при богослуженіи въ церкви православной"; 4) по землемѣрію—„О нанесеніи на планъ мѣстностей" [2]).

При оцѣнкѣ устныхъ и письменныхъ успѣховъ учениковъ наставники пользовались бальной системой, употребляя для этого три первыя цифры. Нѣкоторые изъ наставниковъ вводили въ бальную систему и отмѣтки 4, 5. Но на ряду съ цифровой системой продолжалъ существовать (и въ довольно широкихъ размѣрахъ) еще старый способъ аттестаціи учениковъ: „весьма хорошо", „очень хорошо", „порядочно", „довольно хорошо", „нехудо". Отсутствіе однообразія въ отмѣткахъ производило страшную путанницу, подчасъ ставило въ большое недоумѣніе учениковъ, [3])

---

[1]) Автобіографія сельскаго священника М. Е. Лаврова. 1900, стр. 20.

[2]) Арх. сем. $18^{51}/_{52}$ г.

[3]) „По св. писанію, пишетъ одинъ изъ учениковъ въ прошеніи, поданномъ

а главнымъ образомъ было неудобно для высшаго епархіальнаго начальства при обсужденіи имъ аттестаціи окончившихъ учениковъ. Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 4 марта 1858 г. постановилъ самые лучшіе и въ высшей степени удовлетворительные успѣхи обозначать въ аттестатахъ словами: „отлично“, „весьма и очень хорошо“, менѣе удовлетворительные успѣхи, соотвѣтствующіе второму разряду, обозначать: „хорошо“, „довольно хорошо“ и „порядочно“ и, наконецъ, неудовлетворительные успѣхи—„мало“, „слабо“ или „недостаточно“. Послѣднія отмѣтки приказано давать только воспитанникамъ 3-го разряда, исключеннымъ по малоуспѣшности или оставленнымъ на повторительный курсъ. — Въ томъ же распоряженіи даны были руководствующія указанія касательно отмѣтки о способностяхъ и прилежаніи [1]).

Пріемъ учениковъ въ семинарію изъ духовныхъ училищъ производился на основаніи испытаній, которымъ они подвергались при семинаріи послѣ каникулъ [2]). Пріемъ по экзамену отмѣнялся только въ тѣхъ случаяхъ, когда на выпускныхъ училищныхъ экзаменахъ присутствовалъ ревизоръ, назначенный изъ семинаріи. При ректорѣ Алексіѣ и такихъ исключеній не допускалось. Онъ

на имя семинарскаго правленія, на экзаменѣ я былъ спрошенъ и получилъ баллъ 4, который соотвѣтствуетъ рекомендаціи порядочной, судя по одному моему сочиненію, которое было на 4 съ похвалою „порядочно“. Арх. сем. $18^{66}/_{67}$ г., № 78.

1) Арх. сем. $18^{57}/_{58}$ г., № 74.

2) Въ 1821 г. опредѣленіемъ Коммиссіи дух. училищъ было постановлено: „1) дѣтей, не принадлежащихъ къ духовному званію, въ училища духовныя не принимать, буде они обременены многими учениками духовнаго званія, дабы излишнимъ увеличеніемъ учащихся не обременять какъ наставниковъ, такъ и не дѣлать затрудненія въ ходѣ учебнаго дѣла. Но, если гдѣ такихъ препятствій не встрѣтится, тамъ принимать въ качествѣ приватно обучающихся и 2) при увольненіи изъ училищъ аттестатовъ имъ не давать, но одни свидѣтельства объ ученіи и поведеніи, съ означеніемъ въ оныхъ, что такой-то обучался въ семинаріи приватно—и что выданное свидѣтельство ни въ какомъ случаѣ не замѣняетъ семинарскихъ аттестатовъ“. Въ 1848 г. послѣдовало разъясненіе въ томъ смыслѣ, что разрѣшеніе принимать въ духовныя училища дѣтей, къ духовному званію не принадлежащихъ, въ качествѣ приватно обучающихся, должно относиться до дѣтей свободнаго состоянія. Дѣтей лицъ податнаго сословія можно не иначе принимать въ училища, какъ если они представятъ свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществомъ, къ которому принадлежатъ. По окончаніи воспитанниками свѣтскаго званія курса въ уѣздныхъ дух. училищахъ или семинаріяхъ, выдавать имъ какъ свидѣтельства, такъ и аттестаты одинаковые съ тѣми, какими снабжаются воспитанники духовнаго сословія, не внося въ оные никакихъ поясненій на счетъ силы этихъ документовъ, какъ дѣлалось это прежде. Что касается до дѣтей солдатскихъ, то таковыхъ, какъ принадлежащихъ къ военному вѣдомству, въ духовныя училища ни въ какомъ случаѣ не принимать даже въ качествѣ приватно-обучающихся. (Арх. сем. $18^{48}/_{49}$ г., № 7).

лично, въ соучастіи съ двумя наставниками, экзаменовалъ всѣхъ, изъявившихъ желаніе поступить въ семинарію.

Ученики, принятые въ семинарію и обучавшіеся въ ней, могли быть уволены въ случаѣ малоуспѣшности только послѣ одного изъ испытаній: декабрскаго или іюньскаго. До этихъ сроковъ они были терпимы даже въ томъ случаѣ, если положительно ничѣмъ не занимались. Въ 1851 г. семинарское правленіе ходатайствовало предъ Московской академіей объ измѣненіи такого порядка, который былъ невыгоденъ для семинаріи и съ матеріальной стороны. „Въ началѣ и срединѣ учебнаго года многіе ученики семинаріи обращаются съ прошеніемъ объ отпускѣ ихъ въ домы для прожитія до слѣдующихъ сентября или іюля мѣсяцевъ,—одни по рѣшимости своей, съ согласія своихъ родителей или опекуновъ, добровольно просить къ этому времени семинарское правленіе о совершенномъ увольненіи ихъ по разнымъ причинамъ изъ семинаріи, другіе—по увѣренности, что съ окончаніемъ учебнаго года по недостаточнымъ ихъ способностямъ и успѣхамъ исключены будутъ изъ оной по распоряженію начальства,—а тѣ и другіе по нежеланію до выбытія своего какимъ-либо изъ показанныхъ способовъ изъ семинаріи тратиться на содержаніе свое“. Указывая на то, что такіе ученики, „бывъ удерживаемы въ семинаріи до обыкновенныхъ сроковъ увольненія или исключенія ихъ и не занимаясь въ это время, какъ слѣдуетъ, своимъ дѣломъ, отъ праздности сами могутъ терять добрую нравственность и другихъ учениковъ примѣромъ своимъ увлекать къ худшему, а между тѣмъ, въ случаѣ совершенной безпомощности, будутъ неизбѣжно пользоваться казеннымъ пособіемъ въ содержаніи, семинарское правленіе просило академію дозволить увольнять такихъ учениковъ въ домы ихъ родителей для прожитія до узаконенныхъ сроковъ ихъ увольненія со взятіемъ съ нихъ для предосторожности подписки въ томъ, что они до того времени будутъ жить дома скромно и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно. Академическое начальство сослалось на распоряженіе высшей власти, которое оно не въ правѣ отмѣнять, и добавило при этомъ, что „при бдительномъ надзорѣ семинарскихъ властей означенные ученики могутъ съ пользою употребить остающееся время ученія на учебныя занятія“ [1]). Опредѣленіе это не мало ограничивало свободу семинарской власти, и присутствіе въ стѣнахъ семинаріи учениковъ, которые, въ виду неминуемаго исключенія, не хотѣли считаться ни съ дисциплиной, ни съ уроками, дѣйствовало деморализующимъ образомъ на остальныхъ учащихся [2]).

[1]) Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 74.

[2]) Такое же деморализующее вліяніе на учениковъ имѣли, такъ называемые, приватно обучающіеся—изъ учениковъ, исключенныхъ изъ семинаріи по

Но и въ дозволенные сроки семинарское правленіе исключало по малоуспѣшности сравнительно немногихъ. Переводные экзамены въ семинаріи были не строги. При многочисленности причтовъ Владимірской епархіи того времени, обстоятельство это вело къ непомѣрному переполненію семинаріи. Въ годъ Протасовской реформы во Владимірской семинаріи обучалось 966 человѣкъ. До 1845 года количество это съ нѣкоторыми колебаніями прогрессировало [1]). Съ 1845 г., хотя и понизилось [2]), но въ 1850 г. еще достигало высокой цифры 717 человѣкъ. Оканчивающіе курсъ оставались безъ замѣщенія по недостатку мѣстъ и вынуждены были поступать на службу въ чужія епархіи. Въ 1850 г. испр. долж. оберъ-прокурора Св. Синода прислалъ Іустину прошеніе, поданное на имя оберъ-прокурора однимъ изъ учениковъ Владимірской семинаріи. Ученикъ этотъ былъ дважды исключенъ за малоуспѣшность и теперь просилъ о принятіи его въ семинарію въ третій разъ. Преосв. Іустинъ по этому поводу написалъ: „Какъ ученикъ Евимъ Діаконовъ подвергся двукратному исключенію изъ семинаріи за безуспѣшность, то принятіе его опять въ семинарію увеличило бы только число неспособныхъ учениковъ и притомъ послужило бы соблазномъ для учениковъ, занимающихся своимъ предметомъ съ усердіемъ и рачительностью. А потому я мнѣніемъ своимъ полагаю ученику Діаконову въ прошеніи его о принятіи въ семинарію отказать, тѣмъ болѣе что епархіальное начальство не имѣетъ никакой почти возможности размѣстить и тѣхъ учениковъ, которые оканчиваютъ курсъ ученія съ отличными успѣхами. О чемъ и сообщить и. д. оберъ-прокурора“ [3]).

Въ томъ же году на фактъ переполненія нѣкоторыхъ семинарій, а въ особенности Владимірской, обращено было вниманіе и высшей власти. По Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему въ 19-й день декабря 1850 года, Св. Синоду было предоставлено право опредѣлять, согласно обстоятельствамъ, нормальное число

малоуспѣшности, но принятыхъ затѣмъ обратно для исправленія. Св. Синодъ опредѣленіемъ 1843 г. постановилъ воспретить на будущее время всѣмъ семинарскимъ правленіямъ принимать обратно въ семинарію учениковъ, исключенныхъ по безуспѣшности, происходящей отъ малоспособности и лѣности, или по неодобрительному поведенію. (Арх. сем. 1844 г., № 295). Но и послѣ приведеннаго опредѣленія въ семинаріи остался еще одинъ классъ учащихся, которые стояли внѣ семинарскихъ дисциплинарныхъ правилъ,—именно, архіерейскіе пѣвчіе. Нѣкоторые изъ нихъ къ концу учебнаго года съ трудомъ отыскивали тотъ классъ, въ которомъ ихъ товарищи слушали и отвѣчали лекціи.

[1]) Въ 1841 г. въ семинаріи училось 890 чел., 1842 г.—984, 1843 г.—862, 1844 г.—1031, 1845 г.—1031.

[2]) Въ 1846 г. обучалось 908 чел., 1847 г.—776, 1848 г.—788, 1849 г.—698.

[3]) Арх. сем. $18^{50}/_{51}$ г., № 183.

учениковъ для семинарій. Св. Синодъ, во исполненіе Высочайшей воли на первыхъ порахъ нормировалъ число учащихся въ 12 семинаріяхъ, въ числѣ которыхъ оказалась и Владимірская. Для Владимірской назначили въ качествѣ нормы въ высшемъ отдѣленіи 150 чел., въ среднемъ—190 чел. и въ низшемъ—240 чел., итого для всей семинаріи 580 воспитанниковъ. Въ поясненіи къ этому было сказано, что излишекъ воспитанниковъ въ среднемъ отдѣленіи противъ высшаго и въ низшемъ противъ средняго полагается на случай убыли учениковъ по разнымъ причинамъ въ теченіе курса. Если-же случится, говорилось въ указѣ, что изъ низшаго и средняго отд. въ теченіе двухгодичнаго курса выбудетъ воспитанниковъ меньше того числа, какое примѣрно назначается на таковую убыль, то не слѣдуетъ препятствовать остальнымъ воспитанникамъ къ переходу въ слѣдующее отдѣленіе, если они будутъ вполнѣ заслуживать этого по успѣхамъ и поведенію; но въ такомъ случаѣ долженъ быть уменьшенъ переводъ учениковъ изъ уѣздныхъ училищъ въ низшее отд. семинаріи, дабы общее число воспитанниковъ всѣхъ трехъ отдѣленій семинаріи не превосходило нормальнаго числа, опредѣленнаго для общаго состава семинаріи. Вообще же, для усовершенія духовныхъ училищъ и для охраненія ихъ отъ обремененія людьми малополезными, въ указѣ оберъ-прокурора повелѣвалось усилить строгость испытаній при пріемѣ учениковъ въ семинарію и рекомендовалось употреблять въ семъ случаѣ самую строгую разборчивость.

Приведенное распоряженіе, естественно, должно было сильно отразиться на судьбѣ училищъ. Усиленіе строгостей на пріемныхъ испытаніяхъ въ семинаріи требовало столь же строгаго и разборчиваго отношенія къ учащимся въ училищахъ со стороны училищнаго начальства. Число исключаемыхъ изъ училищъ до окончанія курса должно было увеличиться. Въ виду этого одновременно съ нормировкою числа воспитанниковъ въ семинаріяхъ приступлено было къ преобразованію училищъ. Прежнее дѣленіе училищъ на уѣздныя и приходскія признано необходимымъ уничтожить. Остались одни уѣздныя училища, которыя, по примѣру семинарій, раздѣлены были на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее. При уѣздныхъ училищахъ положено было открыть, такъ называемые, причетническіе классы „для преподаванія предметовъ, относящихся къ причетническимъ обязанностямъ“. Въ нихъ предполагалось помѣщать учениковъ, не переведенныхъ изъ низшаго въ среднее отдѣленіе или изъ средняго въ высшее отдѣленіе, а также окончившихъ курсъ въ высшемъ отд., но не поступившихъ почему-либо въ семинарію.

Преобразованіе училищъ на изложенныхъ началахъ послѣдовало въ $18^{52}/_{53}$ учебномъ году. Причетническій классъ открытъ

при училищахъ Владимірскомъ, „какъ состоящемъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его преосвященства", и Переславскомъ, „какъ представляющемъ наиболѣе предъ прочими удобствъ къ помѣщенію въ немъ причетническаго класса". Въ томъ же году примѣнено было положеніе о нормальномъ числѣ воспитанниковъ, назначенныхъ для низшаго отд. Поступавшіе въ семинарію ученики подвергнуты были строжайшему испытанію. Четвертый классъ низшаго отд. оказался при такихъ условіяхъ излишнимъ и былъ закрытъ [1]).

Съ введеніемъ положенія о нормировкѣ, количество учащихся во Владимірской семинаріи стало въ силу необходимости значительно сокращаться. Въ 1854 г. оно достигало еще цифры 591 человѣка, но къ 1859 г. опустилось до 506 человѣкъ. Указомъ Св. Синода отъ 27 сент. 1861 г. постановлено было увольнять учениковъ изъ училищъ и семинарій не только въ іюлѣ и декабрѣ, но и во всякое время [2]). Случаи увольненія изъ семинаріи послѣ этого сдѣлались болѣе часты; положеніе о нормальномъ количествѣ учениковъ для Владимірской семинаріи было приведено въ точное исполненіе. Какими средствами достигалось это и въ какой мѣрѣ, можно наглядно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы. Въ 1860 г. въ низшее отд. семинаріи поступило 247 человѣкъ. Изъ нихъ въ 1861 г. уволено по прошеніямъ 5, исключено 4, умеръ 1. Въ 1862 г. уволено по прошеніямъ 4, исключено 13. Въ 1862 г. переведено въ среднее отдѣл. 216 [3]). Въ среднемъ отдѣленіи оставалось отъ прежняго курса 5. Общее количество учениковъ, составившихъ среднее отд. въ 1862 г., равнялось, слѣдовательно, 221. Изъ этого числа въ 1863 г. уволено по прошеніямъ 11, исключено 27, умеръ 1. Въ 1864 г. уволено по прошеніямъ 13, исключено 21. Въ 1864 г. переведено въ высшее отдѣленіе 148. Оставлено на повторительный курсъ 2; всего въ высшемъ отд. въ 1864 г. считалось, слѣдовательно, 150. Изъ нихъ въ Кіевскую академію поступило 3, исключенъ 1, умеръ 1, уволено 3. Такимъ способомъ въ 1866 г. окончили курсъ 142 человѣка (на восемь меньше нормы). Всего въ теченіе 6 лѣтняго курса уволено по прошеніямъ 36, исключено 66, умерло 3, поступило въ академію 3; итого, выбыло до окончанія курса 108 человѣкъ.

Примѣненіе на практикѣ положенія о нормѣ учениковъ для Владимірской семинаріи несомнѣнно подняло ихъ образовательный уровень; семинарія освободилась отъ накопленія людей малоспособныхъ и лѣнивыхъ. Но главнѣйшее зло, въ видахъ уничтоженія

---

1) Арх. сем. 18$^{52}/_{53}$ г., № 96.
2) Арх. сем. 18$^{61}/_{62}$ г., № 62.
3) Въ низшемъ отд. осталось на повторительный курсъ 4 человѣка.

котораго предпринята была Св. Синодомъ указанная нормировка учениковъ, не была совершенно устранена. „Число воспитанниковъ, какъ доносило семинарское правленіе Іустину въ 1862 г., непристроенныхъ къ мѣсту, не сократилось, такъ какъ многіе изъ окончившихъ курсъ семинаріи, по неимѣнію соотвѣтственныхъ ихъ образованію мѣстъ и средствъ, поступаютъ на мѣста причетническія, а исключаемые изъ училища остаются безъ образованія и мѣстъ, коихъ они не могутъ получить ни въ духовномъ званіи по недостатку, ни въ свѣтскомъ, куда не принимаютъ малообразованныхъ". „Много вижу,—писалъ ректоръ Алексій, по почину котораго сдѣлано было упомянутое выше представленіе,—слезъ и просьбъ объ оставленіи дѣтей въ училищахъ, когда исключаютъ ихъ. Людямъ съ окаменѣлымъ сердцемъ тяжело видѣть отцевъ, плачущихъ объ исключеніи дѣтей ихъ, а еще тяжелѣе отсылать безъ облегченія скорби тѣхъ родителей, дѣти которыхъ могли бы хотя посредственно учиться, но исключаются потому, что нормальное число не позволяетъ имъ учиться". — Качественное повышеніе образовательнаго ценза въ средѣ дѣтей Владимірскаго духовенства шло, такимъ образомъ въ ущербъ его количественной просвѣщенности. Начальству приходилось выдерживать постоянную борьбу между требованіями долга и милости, и вотъ, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, подано было ходатайство академическому правленію объ отмѣнѣ для Владимірской семинаріи положенія о нормальномъ количествѣ учениковъ [1]). Ходатайство не было уважено.

Окончившіе курсъ до опредѣленія ихъ на мѣста, на основаніи предписанія отъ 12 февр. 1834 г., должны были находиться въ вѣдѣніи семинарскаго правленія, которое обязано было провѣрять успѣхи ихъ по части знаній и слѣдить за добрымъ поведеніемъ (см. стр. 148—49). Но предписаніе это на практикѣ было трудно осуществимымъ и въ разсматриваемый періодъ мало наблюдалось. Бывали, правда, случаи, когда окончившіе семинарію представляли на просмотръ свои письменныя работы [2]). Но эти случаи носятъ исключительный характеръ. Большему сравнительно съ другими наблюденію подлежали тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые проживали во Владимірѣ. Опредѣленіемъ семинарскаго правленія отъ 10 марта 1843 г. было даже постановлено „руководствоваться инспектору касательно надзора за такими учени-

---

[1]) Арх. сем. 18⁶¹/₆₂ г., № 107.

[2]) Напр., въ 18⁴⁷/₄₈ г. студентъ Вас. Воскресенскій представилъ на разсмотрѣніе правленія 9 проповѣдей, писанныхъ имъ по окончаніи курса. (Арх. сем. 18⁴⁷/₄₈ г., № 81).

ками тѣми правилами, какія предписаны для наблюденія за нравственностью дѣйствительныхъ учениковъ семинаріи, съ примѣненіемъ оныхъ правилъ къ состоянію вышеозначенныхъ лицъ".

Но и объ этомъ постановленіи вспоминали лишь только тогда, когда семинаріи являлась надобность оградить своихъ наличныхъ учениковъ отъ деморализующаго вліянія тѣхъ старыхъ питомцевъ, которые, по выходѣ изъ семинаріи, чувствовали себя чрезчуръ свободно. Такой случай имѣлъ мѣсто, напр., въ 1846 г. Инспекторъ Евѳимій 18 мая этого года вступилъ въ семинарское правленіе съ жалобой на ученика Ив. Бережкова, который, проживая съ самаго окончанія курса (въ 1844 г.) во Владимірѣ, оказываетъ вредное вліяніе на нравственность воспитанниковъ. Именно: 1) будучи самъ поползновененъ къ шалостямъ, своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ увлекаетъ къ нимъ и учениковъ; 2) въ той мысли, будто онъ въ теперешнемъ своемъ положеніи не подлежитъ ничьему наблюденію и никакой отвѣтственности со стороны поведенія, нагло принимаетъ на себя проступки, сдѣланные учениками, въ которыхъ онъ совсѣмъ не участвовалъ; 3) будучи призываемъ къ инспектору семинаріи съ учениками къ отвѣту по касающимся до нихъ дѣламъ, къ соблазну сихъ послѣднихъ, оказывается дерзкимъ до буйства. Правленіе опредѣлило: Бережкова, въ страхъ другимъ, призвавъ въ правленіе, объяснивъ вину его, заключить въ уединенное мѣсто на 3 дня; 2) о прописанныхъ въ запискѣ инспектора проступкахъ его сообщить въ консисторію къ свѣдѣнію и соображенію при опредѣленіи на мѣсто; 3) обязать Бережкова строжайшею подпискою впредь вести себя во всемъ, какъ прилично воспитаннику, кончившему курсъ въ духовно учебномъ заведеніи, и въ случаѣ пребыванія во Владимірѣ, избрать себѣ квартиру въ части города, отдаленнѣйшей отъ центра помѣщенія учениковъ и въ особенности тѣхъ, на нравственность коихъ онъ доселѣ дѣйствовалъ вредно.—Преосв. Парѳеній смягчилъ наказаніе: „Ежели ученикъ сознается, по призыву въ правленіе, написалъ онъ резолюцію, то сдѣлать строгій выговоръ и обязать въ чемъ слѣдуетъ подпискою; въ противномъ случаѣ представить разсмотрѣнію консисторіи". Бережковъ сознался [1]).

Положеніе 1834 г. находило для себя примѣненіе въ другомъ совершенно отношеніи, - именно, оно служило основаніемъ семинарскому правленію дозволять вторично поступать въ высшее отд. тѣмъ изъ окончившихъ воспитанниковъ 2-го разряда, которые хотѣли получить степень студента. Относительно допущенія второразрядныхъ къ экзамену на первый разрядъ семинарское правленіе обязано было руководиться § 68 начертанія правилъ 1808 г.

[1]) Арх. сем. 1845/46 г., журн. правленія отъ 18 мая 1846 г.

(подтвержденнымъ Св. Синодомъ 1845 г.), по которому только имѣющіе духовный санъ могли быть допущены къ экзамену на первый разрядъ. Не имѣющіе сана, вслѣдствіе такого распоряженія, для полученія степени студента обыкновенно подавали прошеніе о допущеніи ихъ въ высшее отд. на повторительный курсъ. И семинарское правленіе, основываясь на положеніи 1834 г., по которому окончившимъ курсъ и живущимъ въ епархіальномъ городѣ дозволялось посѣщать семинарскія лекціи по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ желаютъ дальнѣйшаго усовершенствованія, преимущественно же по классу богословія, удовлетворяло такія просьбы, принимая однако при этомъ во вниманіе способности подавшихъ прошенія и лѣта. [1]) Только въ 1861 г. Высочайше было разрѣшено распространить право священнослужителей держать экзаменъ на степень студента семинаріи на всѣхъ окончившихъ семинарскій курсъ,—„въ какомъ бы вѣдомствѣ они не состояли". Послѣ этого встрѣчаемъ часто случаи такихъ экзаменовъ.

Окончившіе семинарскій курсъ ближайшимъ образомъ предназначались къ занятію священнослужительскихъ мѣстъ Владимірской епархіи. Но, при многолюдствѣ Владимірской семинаріи, далеко не всѣ изъ нихъ имѣли возможность получить такія мѣста. [2]). Вслѣдствіе этого питомцы Владимірской семинаріи внимательно прислушивались ко всякаго рода вызовамъ кандидатовъ на священство въ чужія епархіи и цѣлыми толпами переходили на службу въ Томскую, Тобольскую, Костромскую, Пермскую, Нижегородскую, Вятскую, Тверскую, Московскую, Полоцкую и др. епархіи. Не мало окончившихъ шло по гражданскому вѣдомству. Высшее начальство съ своей стороны ослабляло тѣ стѣсненія, которыми ограниченъ былъ выходъ изъ духовнаго званія. Въ 1865 г. увольненіе лицъ, окончившихъ курсъ, въ свѣтское вѣдомство предоставлено было епархіальнымъ архіереямъ.

Пріемъ воспитанниковъ въ духовныя академіи совершался на прежнихъ основаніяхъ. Въ 1843 г. Св. Синодъ издалъ особыя правила, которыми должны были руководствоваться семинарскія правленія относительно снабженія одеждою воспитанниковъ, отправляемыхъ въ академію. По этимъ правиламъ, при отправленіи въ академію, положено было каждому казенному воспитаннику

---

[1]) См., напр., арх. сем. 1846/47 г., № 976.

[2]) Въ 1837 г., напр., опредѣлено было изъ окончившихъ курсъ во священники 50 человѣкъ и 2 въ діаконы, въ 1838 г.—39 свящ. и 2 діакон. (а окончившихъ въ курсѣ 1837—38 г. было 205 чел.). Въ 1839 г.—60 свящ., 3 діак.; въ 1840—46 свящ., 9 діак. (а окончившихъ въ курсѣ 1839—40 г. было 201 чел.). Въ 1841 г.—свящ. 34, діак. 6; въ 1842 г. свящ. 52, діак. 16 (окончившихъ—213). Въ 1843 г. свящ. 47, діак. 8; въ 1844 г.—свящ. 46, діак. 19 (окончившихъ—203). Въ 1845 г. свящ. 30, діак. 14; въ 1846 г.—свящ. 34, діак. 6 (окончившихъ 231).

выдавать по три пары бѣлья, по одной черной шелковой косынкѣ (ок. $1^1/_2$ арш. въ разрѣзѣ), пару выростковыхъ полусапожекъ и однѣ хорошія подтяжки съ крѣпкими пружинами. Выдачу сертука, брюкъ, жилета и шинели велѣно было прекратить. Постройка ихъ предоставлена была распоряженію дух. академій, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ трудно было найти сукно во всемъ совершенно сходное съ сукномъ, употребляемымъ въ академіи [1]), чѣмъ нарушалась въ учебныхъ заведеніяхъ „униформа". Деньги для постройки этой одежды, въ количествѣ 34 руб. 28 коп., семинарское правленіе должно было высылать въ академію немедленно при отправленіи воспитанника. Для дороги казеннокоштные ученики сверхъ того снабжались тою одеждою, которую они носили въ семинаріяхъ [2]).

Для поступленія въ медицинскую академію въ началѣ разсматриваемаго періода, какъ и до 1829 г., требовалось выдержать предварительный экзаменъ при гимназіи. Гимназія еще въ прежній періодъ старалась освободиться отъ непріятныхъ послѣдствій денежнаго отвѣта за питомцевъ чужого учрежденія. Такъ продолжала дѣйствовать она и теперь. Въ 1842 г., напр., произведено было испытаніе ученика средн. отд. Влад. Соловьева, назначеннаго къ отправленію въ Петербургскую медицинскую академію. Увѣдомляя о результатахъ испытанія этого ученика, директоръ гимназіи выразился слишкомъ уклончиво. „Отвѣты Соловьева, писалъ онъ, признаны совѣтомъ слѣдующими: въ законѣ Божіемъ, русскомъ, латинскомъ и французск. языкахъ достаточными,—въ математикѣ, исторіи и географіи слабыми. О таковыхъ результатахъ испытанія ученика Соловьева сообщая правленію Влад. семинаріи, честь имѣю присовокупить, что, если слабые отвѣты Соловьева въ математикѣ, исторіи и географіи не могутъ служить препятствіемъ къ поступленію его въ СПБ. медико-хирургическую академію, то и совѣтъ гимназіи не находитъ къ тому съ своей стороны препятствій." Соловьеву было отказано. Тогда тотъ попросился на каникулы въ отпускъ для свиданія съ родными въ стольный градъ, выдержалъ экзаменъ при академіи и былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ [3]) —Вообще же съ 40-хъ гг. число поступающихъ въ медицинскую академію значительно сокращается. Доступъ сюда семинаристамъ съ каждымъ годомъ сталъ ограничиваться. Въ 1849 г., наконецъ, послѣдовало извѣщение со сто-

---

[1]) Въ 1841 г. казеннокоштный ученикъ Влад. семинаріи Влад. Бѣляевъ прибылъ въ Петербургъ въ платьѣ чернаго, а не темносѣраго сукна, за что семинарское правленіе получило выговоръ. (Арх. сем. 1842 г., № 89).

[2]) Арх. сем. $18^{42}/_{43}$ г., расп. акад. правл. отъ 25 мая 1843 г.

[3]) Арх. сем. 1842 г., № 20.

который для всѣхъ или для большей части духовенства свободенъ отъ другихъ занятій, по предварительному назначенію ректора, съ моего согласія. Собранія въ извѣстные дни могутъ быть назначаемы, часовъ отъ 7 вечера, у меня, ректора, каѳедральнаго протоіерея и другихъ духовныхъ лицъ, смотря, впрочемъ, по удобству. Принимающіе въ нихъ участіе могутъ раздѣлить между собою чтеніе журналовъ и книгъ; одинъ возьметъ на себя чтеніе одного духовнаго журнала, другой—другого и т. д., не исключая и епархіальныхъ вѣдомостей разныхъ епархій. Сюда же могутъ войти журнала два свѣтскихъ, напр., „Отечественныя Записки" и „Русскій Вѣстникъ", двѣ газеты „Сѣверная Почта" и „Петербургскія или Московскія Вѣдомости". Всякая замѣчательная по мысли статья будетъ передаваться извѣстнымъ лицомъ въ главныхъ чертахъ, съ чтеніемъ иногда въ собраніи подлинникомъ особенно замѣчательныхъ мѣстъ, если не всей статьи. Слѣдящіе за епархіальными вѣдомостями будутъ обращать вниманіе, между прочимъ, на дѣльныя практическія распоряженія той или другой мѣстной епархіальной власти, а—за газетами,—на замѣчательныя передовыя статьи и новости. При такомъ порядкѣ, добросовѣстно веденномъ, можно надѣяться на скорое и замѣтное увеличеніе познаній въ нашемъ духовномъ обществѣ безъ обременительнаго отдѣльнаго труда, не говоря уже о пользѣ взаимнаго живого обмѣна мыслей. Большая часть духовныхъ журналовъ выписывается семинаріею и духовными лицами; выписка же свѣтскихъ журналовъ и газетъ можетъ быть произведена на сборную, по добровольной подпискѣ, сумму.; 25 руб. каждогодно на сей предметъ жертвуется отъ меня." Семинарскому начальству поручено было установить подробности въ порядкѣ такихъ собраній. [1])

ГЛАВА V.

Воспитательная часть.—Распоряженія высшей власти, направленныя къ улучшенію нравственности воспитанниковъ.—Надзоръ за воспитанниками.—Болѣе важные проступки.—Пьянство.—Грубость въ отношеніи къ наставникамъ.—Табакокуреніе.—Нехожденіе въ классъ.—Поздняя явка послѣ назначеннаго срока.—Бѣгство изъ семинаріи —Пѣніе концертовъ.—Похищеніе креста съ мощами.—Срѣзываніе молодыхъ побѣговъ съ деревьевъ аллеи.—Дисциплинарныя взысканія.—Наказаніе розгами.—Исполненіе служительскихъ обязанностей въ общей столовой казеннокоштныхъ учениковъ.

Изъ мѣропріятій высшаго начальства, направленныхъ къ улучшенію нравственности воспитанниковъ семинаріи, должно указать

---

[1]) Арх. сем., 1867 г., № 65.

на распоряженіе Св. Синода отъ 1858 г. о томъ, чтобы „усугубить надзоръ за нравственностью воспитанниковъ, не переводя замѣченныхъ въ какихъ-нибудь предосудительныхъ поступкахъ въ богословскій классъ“. [1]) Въ 1861 г. предписано было епархіальнымъ архіереямъ поставить начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній въ строгую обязанность наблюдать за развитіемъ нравственныхъ наклонностей духовныхъ воспитанниковъ и, при поступленіи послѣднихъ изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство, представлять епархіальнымъ преосвященнымъ возможно вѣрныя и полныя объ ихъ характерахъ, склонностяхъ свѣдѣнія [2]).

Для усиленія въ воспитанникахъ духа церковности Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 6 марта 1855 года положилъ, чтобы всѣ воспитанники въ тѣ недѣли Великаго Поста, когда остаются въ заведеніяхъ, неупустительно находились при преждеосвященныхъ литургіяхъ каждую среду и пятницу. Для освобожденія учениковъ отъ классическихъ занятій въ тѣ часы, когда совершается преждеосвященная литургія, предписано было сокращать время утреннихъ уроковъ по средамъ и пятницамъ [3]).—Въ тѣхъ же видахъ семинарское начальство въ ноябрѣ 1863 года Богородицкую церковь, какъ безприходную и ближайшую къ семинаріи, обратило въ церковь, исключительно занимаемую семинаристами. Холодное помѣщеніе храма обращено въ теплое [4]).

Въ составѣ надзора за нравственностью учениковъ удержались порядки стараго времени. Инспекція слѣдила и воздѣйствовала на учениковъ при посредствѣ старшихъ, которые въ зависимости отъ величины района, подчиненнаго ихъ вѣдѣнію, и степени полномочій, подраздѣлялись на нѣсколько классовъ. Въ 1858 г.,

---

1) Арх. сем. 1857/58 г., № 73. Но въ томъ же году нѣсколько позже предписано было семинарскимъ правленіямъ отмѣтки о поведеніи воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній дѣлать съ особенною осторожностью, „ибо, какъ говорилось въ распоряженіи, указанія на недостатки поведенія болѣе всего вредны для воспитанниковъ, заграждая или затрудняя имъ путь къ вступленію на гражданскую службу, тогда какъ въ юности недостатки поведенія большею частью происходятъ отъ дѣтскаго неразумія, а не отъ закоренѣлаго упорства“. (Арх. семин. 1857/58 г. № 74).

2) Арх. сем. 1860/61 г., № 133.

3) Арх. сем. 1854/55 г., № 160.

4) Въ 1864 г. по просьбѣ причта Богородицкой церкви, семинарское правленіе обращалось къ высшей власти съ ходатайствомъ объ ассигновкѣ по 200 руб. ежегодно изъ суммъ Духовно-учебнаго управленія для расходовъ на дрова, свѣчи, вино и просфоры и въ вознагражденіе священно-служителямъ, которые, со времени исключительнаго занятія церкви семинаристами, лишились доходовъ, получаемыхъ ими прежде „отъ многихъ городскихъ почитателей и посѣтителей Богородицкой церкви, хотя безприходной, но по своей древности привлекавшей богомольцевъ“. Въ этой просьбѣ было отказано семинаріи „за недостаточностью средствъ.“ (Арх. сем. 1863/64 г.).

когда общежитіе, вслѣдствіе ветхости зданій, пришлось закрыть и учениковъ казеннокоштныхъ перевести на частныя квартиры, всѣ квартиры, по числу помощниковъ инспектора, раздѣлены были на 3 вѣдомства, а каждое вѣдомство на старшинства; въ каждомъ вѣдомствѣ, смотря по количеству и разстоянію квартиръ, назначалось 2—10 старшихъ [1]), которые каждый день обходили квартиры и свои наблюденія вносили въ журналъ. Помощникъ инспектора обязанъ былъ посѣщать квартиры не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Непосредственное и постоянное наблюденіе за каждой квартирой поручалось довѣренному изъ благонадежнѣйшихъ учениковъ той квартиры. Въ каждой квартирѣ велся журналъ, въ который ежедневно вносились занятія учениковъ и ихъ отлучки.—О проступкахъ учениковъ докладывалось помощнику инспектора, а тотъ сообщалъ инспектору. Инспекторъ съ своей стороны представлялъ ежемѣсячные отчеты правленію семинаріи со списками учениковъ, отличавшихся благонравіемъ и замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ.—Оцѣнка этой системы воспитанія произведена была выше. Всѣми этими средствами поддерживалось отчасти внѣшнее благоприличіе въ поведеніи воспитанниковъ, но она оказывалась малосильною для вліянія на внутреннюю жизнь учениковъ, для сообщенія ей истинно-нравственнаго направленія.

Изъ пороковъ, съ которыми приходилось наичаще бороться семинарской инспекціи, какъ и въ прежнее время, первое мѣсто занимаетъ нетрезвость. О распространенности этого порока и его размѣрахъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій примѣръ. Въ 50-хъ г.г. О. Т. Сердцевъ, по обязанности помощника инспектора, постучался вечеромъ въ одну изъ квартиръ, наполненныхъ учениками. Дверь долго не открывали, а когда открыли, то Сердцева обдалъ сильный винный запахъ. Ученики сидѣли за столомъ, готовые приняться за ужинъ. На столѣ стояла большая суповая чашка, наполненная какою-то жидкостью; въ жидкости плавали куски накрошеннаго хлѣба. Осипъ Троф. принялся за розыскъ. Но всѣ поиски его были безуспѣшны. Водки нигдѣ не было, всѣ ученики были трезвы; а между тѣмъ воздухъ квартиры буквально былъ пропитанъ спиртомъ. Наконецъ, Сердцевъ счелъ свое дѣло проиграннымъ и направился къ двери. Но предъ выходомъ случайно, или можетъ быть намѣренно, захотѣлъ попробовать, чѣмъ ученики утоляли голодъ: взялъ ложку, зачерпнулъ мутной жидкости, поднесъ ко рту и... тутъ только понялъ. Огромная чашка до краевъ была наполнена водкой. Желая сдѣлать учениковъ жерт-

[1]) Число старшихъ увеличено было значительно въ 1861 году по просьбѣ Кирилла. (Арх. сем. $18^{61}/_{62}$ г., № 60).

вою ихъ собственной хитрости, Сердцевъ велѣлъ сѣсть всѣмъ за столъ и приняться за ужинъ. Ученики сѣли, взяли ложки и, къ удивленію Сердцева, стали хлебать приготовленную водочную окрошку съ такимъ хладнокровіемъ и методичностью, что человѣку постороннему могло бы показаться, что въ чашку налита была не водка, а квасъ. Чрезъ минуты 2—3 миска опорожнилась. Какъ ни суровъ и вспыльчивъ былъ Сердцевъ, но то, свидѣтелемъ чего онъ сдѣлался, настроило его на веселый ладъ. „Жаль, что у меня нѣтъ сейчасъ денегъ, сказалъ онъ, порывшись въ карманахъ, а то интересно бы было узнать, смогли-ли бъ вы вылокать еще четверть такимъ способомъ?"

Устные разсказы о частыхъ случаяхъ нетрезвости, о разгулѣ находятъ для себя богатое подтвержденіе въ дѣлахъ архива.— Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г. инспекторъ Виталій вошелъ въ правленіе съ запиской такого содержанія. „Ученикъ высшаго 2-го отдѣленія семинаріи Андрей Недешевъ за употребленіе хмельныхъ напитковъ и проведеніе ночи внѣ своей квартиры въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ, по словесному распоряженію семинарскаго правленія, штрафованъ заключеніемъ въ карцеръ на 2 сутокъ. 6 сего іюня значительную часть дня провелъ въ одномъ изъ питейныхъ заведеній и какъ тамъ, такъ и на улицѣ производилъ шумъ и безпорядокъ, за что и взятъ былъ полиціею въ часть". „Хотя за вышеписанные проступки ученика А. Недешева,—постановило правленіе,—важные и сами по себѣ и потому еще, что допущены имъ вскорѣ послѣ подобныхъ же другихъ проступковъ, слѣдовало бы нынѣ же исключить изъ семинаріи, но принявъ во вниманіе, съ одной стороны, одобрительную рекомендацію его со стороны поведенія за прошедшіе годы, а съ другой, скорое окончаніе имъ курса семинарскаго, ограничить на сей разъ наказаніе его заключеніемъ въ карцеръ на 3 сутокъ и совершеннымъ лишеніемъ жалованья, съ тѣмъ, чтобы его вины, такъ и наказаніе за нихъ внесены были въ особую книгу, для сего заведенную, и приняты во вниманіе при выпускѣ Недешева изъ семинаріи въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года" [1]).

29 мая 1859 г. два ученика изъ средняго 3 отд. Петръ Никольскій и Николай Карабиновъ отправились въ трактиръ и потребовали водки; стаканъ поднесли ученику низш. отд. Петру Синцерову, котораго встрѣтили въ трактирѣ, а остальное стали распивать сами. Чрезъ нѣкоторое время приходитъ въ трактиръ ихъ товарищъ Ястребовъ. Карабиновъ и Никольскій снова потребовали вина. Имъ подано было двѣ бутылки, которыя и роспили уже вмѣстѣ съ Ястребовымъ. Затѣмъ Синцеровъ пошелъ на квар-

---

[1]) Арх. сем. $18^{49}/_{50}$ г. Опред. правл. отъ 9 іюня 1850 г.

тиру, а Никольскій, Карабиновъ и Ястребовъ взяли извощика и поѣхали купаться на Клязьму. По дорогѣ Никольскій почувствовалъ себя плохо и вынужденъ былъ остаться на одной изъ ученическихъ квартиръ; Карабиновъ же пріѣхалъ къ Клязьмѣ и здѣсь вступилъ въ драку съ какимъ-то солдатомъ. Тотъ его силой приволокъ въ семинарскій дворъ. Карабиновъ въ то время былъ уже совершенно безъ чувствъ. Обратились къ освѣжительнымъ средствамъ, и, лишь только Карабиновъ нѣсколько оправился, его отвезли на лошади въ квартиру. Инспекторъ іеромонахъ Кириллъ чрезъ два часа послѣ этой исторіи, обходя квартиры, нашелъ Карабинова и Никольскаго „въ безчувственномъ состояніи". По его приказанію, Никольскаго отвезли въ больницу „для употребленія нужныхъ средствъ къ спасенію его жизни", а Карабинова оставили просыпаться на мѣстѣ. Ястребовъ и Синцеровъ, объ участіи которыхъ въ выпивкѣ съ Никольскимъ и Карабиновымъ узнали тотчасъ же, оказались совершенно трезвыми, и только по запаху, какъ доносилъ инспекторъ, можно было узнать, что они выпили что-то изъ горячихъ напитковъ. Инспекторъ Кириллъ, сообщая объ этомъ грустномъ инцидентѣ въ семинарское правленіе, добавилъ, что ученики Ястребовъ и Синцеровъ ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ до сего времени не были замѣчены, Никольскій замѣченъ былъ только въ опущеніи классовъ по лѣности, а Карабиновъ былъ уже замѣченъ и прежде въ нѣкоторыхъ безчинствахъ, какъ-то: опущеніи классовъ, невѣжливомъ сидѣніи въ классѣ, грубости въ характерѣ, особенно же въ принятіи имъ участія въ кулачныхъ бояхъ и увлеченіи къ тому-же другихъ учениковъ. Карабинова исключили, остальные подвергнуты были карцерному заключенію [2]).

15 октября 1861 года въ 4 часа утра помощникъ инспектора I. Т. Сердцевъ былъ вызванъ исключеннымъ ученикомъ Михаиломъ Садиковымъ на квартиру ученика высшаго отд. П. Аѳонова и нашелъ послѣдняго нетрезвымъ и со знаками побоевъ на лицѣ. Аѳоновъ просилъ Сердцева разобрать дѣло, жаловался на причиненныя ему обиды, но добиться отъ него какихъ-нибудь ясныхъ показаній, отчего и какъ все это произошло, Сердцевъ не могъ. Аѳонова привели въ семинарію и помѣстили въ канцелярію. Проспавшись, Аѳоновъ объяснилъ начальству, что онъ дѣйствительно ночью былъ нетрезвъ и довелъ себя до нетрезвости вслѣдствіе того, что на квартирѣ въ эту ночь было рукобитье (сговоръ) какой-то дѣвицы,—что исключенный изъ семинаріи ученикъ Садиковъ поссорилъ его съ посторонними лицами, присутствовавшими здѣсь и нанесшими ему за это побои, а въ оправданіе себя пошелъ жало-

---

[1]) Арх. сем. $18^{59}/_{60}$ г., № 98.

ваться помощнику инспектора.—Доводя о происшедшемъ до свѣдѣнія правленія, инспекторъ Кириллъ писалъ: „при семъ имѣю честь присовокупить, что исключенные, а иногда и кончившіе курсъ семинаріи ученики, живя на однѣхъ квартирахъ съ учениками, находящимися въ семинаріи, дѣйствительно производятъ много безпорядковъ, то увлекая въ проступки сихъ послѣднихъ, то принимая на себя проступки ихъ по причинѣ своей независимости и, такимъ образомъ, служа для дальнѣйшихъ проступковъ поводомъ"... Опредѣленіе: „Ученика Аѳонова заключить на недѣлю въ карцеръ на хлѣбъ и воду, объявивъ ему, что, если еще замѣченъ будетъ въ нетрезвости и дракахъ, то будетъ выпущенъ изъ семинаріи въ 3-мъ разрядѣ при окончаніи курса; а ученикамъ подтвердить, чтобы они исключенныхъ изъ училищнаго вѣдомства и окончившихъ курсъ не принимали къ себѣ на квартиру" [1]).

Нѣкоторый интересъ представляетъ то обстоятельство, что описанный инцидентъ произошелъ ровно чрезъ $1^{1}/_{2}$ года съ того времени, когда всѣмъ ученикамъ объявлено было подъ росписской, что „тѣ изъ нихъ, которые будутъ замѣчены въ хожденіи по трактирамъ, согласно резолюціи его преосвященства, не будутъ оставаться въ семинаріи" [2]). И, не смотря на такое опредѣленіе, семинарская власть какъ на этотъ разъ, такъ и въ послѣдующее время держалась практики, установившейся раньше, т. е. увольняла за пьянство и соединенныя съ нимъ дебоширства только въ томъ случаѣ, если ученикъ еще предъ тѣмъ зарекомендовалъ себя чѣмъ-нибудь предосудительнымъ. На такомъ именно основаніи въ 1863 г. были уволены два ученика средняго отд. Александръ Демокритовъ и Александръ Сперанскій, которые въ пьяномъ видѣ на Большой улицѣ въ 2 часа пополудни обругали своего наставника свящ. Іоанна Павлушкова зазорными словами. По собраннымъ справкамъ, оба они еще раньше были замѣчены въ разнаго рода предосудительныхъ проступкахъ: первый въ закладѣ своей зимней одежды, въ безчиніи, лѣности, второй въ многократномъ безчиніи въ классѣ, за что оба въ 1862 г. послѣ декабрскихъ испытаній были исключены изъ семинаріи, но приняты вслѣдствіе резолюціи преосвященнаго обратно. Теперь послѣ оскорбленія, нанесеннаго Павлушкову, тотъ и другой вторично удалены изъ заведенія [3]).

Въ приведенномъ дѣлѣ объ оскорбленіи Павлушкова проступокъ пьянства осложнился грубостью, допущенною (хотя и въ состояніи невмѣняемости) въ отношеніи къ наставнику. Проявленіе такой грубости и вообще „неуваженія" къ лицамъ учащимъ семинар-

---

[1]) Арх. сем. $18^{61}/_{62}$ г., № 97.
[2]) Арх. сем. $18^{61}/_{62}$ г., № 97.
[3]) Арх. сем. $18^{62}/_{63}$ г., № 51.

ская дисциплина карала въ общемъ строго. 4 ноября 1864 года ректоръ Алексій прочелъ въ классномъ журналѣ низшаго 2-го отд. жалобу Петра Кліентова на ученика этого класса Ив. Архангельскаго, крайне оскорбившаго наставника. Состоялось журнальное опредѣленіе: „ученика Архангельскаго немедленно исключить изъ семинаріи съ такимъ поведеніемъ, какого заслуживаетъ его проступокъ, и опредѣленіе правленія объявить Архангельскому въ общемъ собраніи учениковъ“ [1]).—14 октября 1860 г. во время урока въ среднемъ 2 отдѣл. Г. Ѳ. Соколова вошелъ въ классъ ученикъ 3-го средняго отд. Синцеровъ, сталъ переходить въ классѣ съ мѣста на мѣсто и тѣмъ подалъ поводъ ученикамъ смѣяться и кричать: „чужой, чужой взошелъ!“ Синцеровъ на допросѣ сознался въ чиненіи безпорядка, но прибавилъ, что сдѣлалъ это по простотѣ, глупости. Но инспекторъ посмотрѣлъ на дѣло иначе. „Считая, донесъ онъ въ правленіе, подобную простоту и глупость, выходящими изъ предѣловъ умѣренности и подозрѣвая въ проступкѣ Синцерова дерзость на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ изъ его прежняго поведенія, честь имѣю представить все дѣло на разсмотрѣніе правленія“. Ученикъ былъ исключенъ [2]).

Не менѣе энергичную борьбу вело начальство противъ табакокуренія. По временамъ табакокуры подвергались тяжелымъ взысканіямъ. 3 нояб. 1864 г. ректоръ Алексій вмѣстѣ съ инспекторомъ и помощникомъ произвели обыскъ съ цѣлью открыть табачниковъ. Табакъ найденъ былъ у учениковъ 3-го нумера Ив. Веселовскаго, Мих. Лаврова и 4-го Гр. Кроткова и Мих. Крутецкаго. Кромѣ того доведено было до свѣдѣнія Алексія, что ученикъ 3-го класса низш. отд. Ив. Соколовъ и Анд. Свавицкій замѣчены въ куреніи табаку, при чемъ Соколовъ курилъ даже въ семинарской больницѣ. Правленіе постановило: „Такъ какъ ученикамъ уже многократно было подтверждаемо даже подъ роспискою ихъ не курить табаку, то принимая во вниманіе, съ одной стороны, явное противленіе распоряженіямъ начальства, съ другой стороны, имѣя въ виду, что тѣ изъ нихъ, кои курятъ табакъ и жгутъ деньги на вѣтеръ, подвергаютъ опасности пожара зданія и, вѣроятно, имѣютъ средства къ своему содержанію, то, лишивъ ихъ казеннаго содержанія, выслать изъ бурсы—Веселовскаго по окончаніи срока для взноса денегъ, а прочихъ немедленно. Старшихъ Либеровскаго и Руфицкаго за допущеніе означеннаго злоупотребленія и невнимательность къ ихъ обязанностямъ низвести съ полнаго казеннаго содержанія на половинное со внесеніемъ ихъ безпечности въ мѣсячную записку о поведеніи и съ оста-

---

[1]) Арх. сем. $18^{64}/_{65}$ г., нояб.
[2]) Арх. сем. $18^{60}/_{61}$ г., № 97.

вленіемъ ихъ при той же должности въ семинарскомъ домѣ до усмотрѣнія ихъ благонадежности. Экономъ семинаріи распорядится отобраніемъ отъ бурсаковъ ихъ казенныхъ вещей" [1]). Жестокость и серьезность наказанія, постигшаго въ данномъ случаѣ табачниковъ, объясняется въ значительной степени исключительностію дѣла и горячностію Алексія. Въ большинствѣ же случаевъ уличенные въ табакокуреніи отдѣлывались карцернымъ заключеніемъ и росписками.

Нехожденіе въ классъ, опущеніе уроковъ является тоже однимъ изъ обычныхъ проступковъ, который можно встрѣтить въ каждомъ мѣсячномъ отчетѣ инспектора. Напр., въ майскомъ отчетѣ 1843 г. читаемъ. „Ученикъ Пав. Соколовъ часто безъ причины опущалъ классы, а когда приходилъ на нихъ, то нерѣдко оказывался дерзкимъ, непокорнымъ предъ наставниками и, не смотря на многократныя требованія инспектора семинаріи, не явился для отданія отчета въ своемъ поведеніи; наконецъ, будучи приведенъ чрезъ служителя, не согласился исполнить штрафа, назначеннаго за его проступки правленіемъ семинаріи. Вообще, Соколовъ обнаруживаетъ нетерпимый духъ вольности и противленія". Опредѣленіе правленія: „штрафовать уединеннымъ заключеніемъ на три дня" [2]).—А вотъ другой примѣръ уже систематическаго нехожденія въ классъ, получившій вслѣдствіе разнаго рода осложненій единичный, исключительный характеръ. 26 окт. 1844 г. инспекторъ семинаріи Евѳимій донесъ правленію, что ученикъ высшаго отд. Ѳ. Елпатьевскій съ 23 окт. не ходитъ въ классъ за неимѣніемъ обуви, теплой одежды и другихъ житейскихъ ученическихъ потребностей; деньги на все это онъ не получалъ отъ своего отца при отправленіи въ сентябрѣ и доселѣ не получаетъ. Правленіе опредѣлило выдать ученику заимообразно 2 руб. сер. изъ суммъ бурсачныхъ и одновременно сообщить во Владимірскую консисторію, дабы та благоволила учинить распоряженіе о высылкѣ во Владиміръ отца его для надлежащаго экипированія сына и уплаты помянутыхъ денегъ. 4 дек. Евѳимій снова донесъ въ правленіе, что Елпатьевскій съ 17 ноября безъ причины не ходитъ въ классъ и, не смотря на неоднократныя требованія, не является къ нему для отданія отчета. Положено было Елпатьевскаго оштрафовать за нехожденіе въ классъ уединеннымъ заключеніемъ на 3 дня. На этомъ опредѣленіи семинарскаго правленія преосвящ. Парѳеній отмѣтилъ: „на 2 дня". Но Елпатьевскій не выполнилъ и этого штрафа, за неявкою въ правленіе; въ классъ по прежнему не ходилъ. Врачъ Алякринскій, команди-

---

1) Арх. сем. 18⁶¹/₆₃ г., № 53.

2) Арх. сем. 18⁴³/₄₄ г., май.

рованный на квартиру Елпатьевскаго для освидѣтельствованія его здоровья, нашелъ, что такой болѣзни, которая бы препятствовала Елпатьевскому явиться въ правленіе семинаріи или въ больницу, онъ не имѣетъ, а только на правой рукѣ есть у него небольшой чирей, не препятствующій ему ни одѣваться, ни писать. Навели справки въ уставѣ. Въ 10-мъ пунктѣ введенія къ уставу говорилось: „Послѣ духовныхъ упражненій ничто столько не укореняетъ началъ христіанской нравственности, какъ привычка къ повиновенію. Не можетъ тотъ быть покоренъ Богу, кто строптивъ предъ человѣками. Посему всѣ установленія, утверждающія повиновеніе и уваженіе къ начальству, должны быть, наипаче въ духовныхъ училищахъ, строго охраняемы". Въ пунктѣ 106-мъ устава сказано: „Исключеніе изъ семинаріи и отсылка въ гражданское вѣдомство не можетъ быть иначе допускаема, какъ за важныя вины, и тогда, какъ всѣ другіе способы исправленія тщетно были уже употребляемы". Семинарское правленіе, по выслушаніи этихъ справокъ, постановило: „исключить нынѣ же означеннаго ученика, какъ нетерпимаго, изъ семинаріи и препроводить въ консисторію въ ея распоряженіе съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ". 21 дек. въ семинарскомъ присутствіи Елпатьевскому объявлено было постановленіе правленія; но, когда отъ него потребовали подписки въ слушаніи сего опредѣленія, онъ рѣшительно отказался и съ дерзостью присовокупилъ, что онъ объявленія не слыхалъ. Когда хотѣли его задержать для отсылки въ консисторію, онъ сталъ вырываться и кричать, что наложитъ на себя руки. Послѣ всего этого Елпатьевскаго связали и подъ стражею отослали въ консисторію [1]).

Какъ и въ предшествовавшее время, опущеніе классовъ часто стояло въ зависимости отъ поздней явки учениковъ съ каникулъ. Въ 1853 г. правленіе семинаріи подвергло обсужденію вопросъ объ ученикахъ, не явившихся своевременно въ семинарію послѣ пасхальнаго отпуска. Въ предотвращеніе на будущее время такихъ случаевъ положено было опустившимъ классы, за неявкою въ срокъ, 28 и 29 апр. стоять на колѣняхъ за каждый опущенный классъ по 4 часа; опустившимъ классы отъ 28 по 30 включительно, кромѣ наказанія, назначеннаго за опущеніе классовъ 28 и 29 числа, по окончаніи учебныхъ часовъ, отправлять въ классныхъ комнатахъ черныя служительскія работы въ продолженіе 3 дней, употребляя на оныя каждодневно 5-й часъ пополудни; опустившимъ классы съ 28 по 2 мая включительно, кромѣ вышеозначенныхъ наказаній, отправлять еще служительскую должность въ продолженіе трехъ обѣдовъ въ общей столовой

---

1) Арх. сем. 18⁴⁴/₄₅ г., № 87.

казеннокоштныхъ учениковъ. Положенное наказаніе правленіе разрѣшило инспектору уменьшать для тѣхъ, кои явились поздно въ семинарію по причинѣ отдаленнаго разстоянія, взявъ во вниманіе при семъ разстояніе отъ 100 до 150 и отъ 150—180 и болѣе верстъ. Во Владимірскую консисторію послано было сообщеніе съ просьбой принять зависящія мѣры къ побужденію священнослужителей Владимірской епархіи касательно своевременнаго доставленія ими своихъ дѣтей послѣ вакаціонныхъ дней въ положенные для сего семинарскимъ уставомъ сроки: послѣ Рождества къ 7 янв., послѣ Пасхи въ недѣлю Новую и послѣ лѣтнихъ каникулъ къ первому сентября [1]).—Строгость наказанія не уничтожила зла. Случаи поздней явки съ каникулъ продолжались и послѣ этого, особенно съ пасхальныхъ каникулъ, когда ученикамъ вслѣдствіе распутицы трудно было достаться во Владиміръ [2]). Въ 1861 г. семинарское правленіе, на основаніи записки инспектора Кирилла объ ученикахъ, явившихся въ семинарію несвоевременно и поздно послѣ Пасхи, опредѣлило постановить правиломъ на будущее время и объявить ученикамъ, что тѣ изъ нихъ, кои не явятся на срокъ, впредь не будутъ отпускаемы въ домы родителей, а священноцерковнослужителямъ Владимірской епархіи чрезъ

---

1) Арх. сем. $18^{52}/_{53}$ г., № 118.

2) Одинъ изъ учениковъ времени 50—60-хъ гг. въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ слѣдующее о пасхальныхъ путешествіяхъ дѣтей Владимірскаго духовенства на родину. „На Рождество уѣзжали домой на лошадяхъ, а на Пасху въ распутицу шли пѣшкомъ и большею частью въ худыхъ сапогахъ. Уходили пѣшкомъ за 150 верстъ. Мой товарищъ Д—въ такъ разсказываетъ о лишеніяхъ во время путешествія домой на Пасху въ с. Ламну. Отецъ написалъ Д—ву, чтобы онъ за распутицей оставался во Владимірѣ. Между тѣмъ двое старшихъ, съ которыми Д—въ жилъ на квартирѣ, собрались домой и брали его по пути съ собой. Мальчику надобно было пройти до Ламны 150 верстъ. Денегъ у троихъ на всю дорогу собралось не больше рубля. Израсходовавши почти рубль на ямщиковъ по Нижегородскому шоссе, такъ называемыхъ, обратныхъ, платя имъ по гривеннику за станцію, добрались они до г. Вязниковъ, откуда до Ламны оставалось верстъ 50. Купивши на послѣдніе гроши по калачику, наши пилигримы отмахали въ первый день по проселочному тракту 30 верстъ; но дорогой провалились въ озеро, чуть не утонули и заночевали въ какой-то деревнѣ. Денегъ уже не было: хлѣба не на что было купить. Утромъ голодные и мокрые двинулись въ путь, чтобы осилить послѣдніе 15—20 верстъ. Но тутъ нашимъ путешественникамъ силы начали измѣнять. Проходя мимо деревни, они остановились, чтобы отдохнуть и попросить хлѣба. Старшимъ совѣстно было просить милостыню: послали Д—ва, какъ мальчика, выбрать крестьянскій домъ побогаче и выпросить хлѣба, чтобы утолить голодъ. Добрая старуха, узнавъ, кто проситъ хлѣба, вынесла мальчику хорошую краюху „ситника“. Краюха всѣхъ обрадовала и настолько подняла силы, что всѣ благополучно добрели до Ламны. Когда, разсказывалъ Д—въ, мать сняла съ него сапоги, то оказалось, что всѣ ноги были покрыты мозольными язвами, такъ какъ не легкій путь былъ совершенъ имъ въ худыхъ сапогахъ и мокрыхъ чулкахъ“. (Ркп. И. А.).

консисторію дать знать, чтобы они, въ случаѣ оставленія дѣтей ихъ или родственниковъ въ семинаріи на каникулярное время, снабжали ихъ провизіею [1]).—Но и это мало помогло. Въ 1863 г. исправ. долж. инспектора Сердцевъ сообщилъ правленію, что изъ 500 воспитанниковъ, отпущенныхъ въ домы родныхъ на праздникъ Пасхи, въ истекшіе по миновеніи срока отпуска 4 дня явились въ семинарію только 106 человѣкъ. Послѣ этого новаго донесенія правленіе рѣшило воздѣйствовать карательными мѣрами на родныхъ и опекуновъ воспитанниковъ. „Для побужденія учениковъ къ своевременной явкѣ въ семинарію и подвѣдомыя оной училища, по истеченіи трехдневнаго срока штрафовать отцевъ ихъ, какъ виновныхъ въ несвоевременной доставкѣ дѣтей, въ первую недѣлю — 15 коп. сер. за каждый день просрочки, а во вторую 30 коп. и, взыскивая съ нихъ чрезъ благочинныхъ деньги, обращать оныя въ приращеніе ученической библіотеки". Опредѣленіе утверждено было архіереемъ и приведено въ исполненіе. Въ слѣдующемъ году благочинные выслали при рапортахъ штрафныя деньги за позднюю явку дѣтей въ семинарію [2]).

Укрывательство и бѣгство изъ семинаріи встрѣчается и въ разсматриваемый періодъ, хотя представляетъ собою явленіе рѣдкое и исключительное. 10 янв. 1855 г. свящ. с. Флоровскаго Юрьевскаго уѣзда Ао. Воскресенскій представилъ своего сына ученика средняго отд. во Владиміръ. Въ 7 часовъ вечера тогоже дня сынъ его скрылся изъ квартиры. Всѣ поиски остались безуспѣшными. 15 янв. покорнѣйшимъ рапортомъ опечаленный отецъ заявилъ о происшествіи семинарскому правленію, а 18 янв. возвратился домой. Дома онъ засталъ уже своего сына. Правленіе опредѣлило: „за прописанный проступокъ ученика Воскресенскаго оштрафовать заключеніемъ въ уединенномъ мѣстѣ на два дня, а исправл. должность инспектора поручить имѣть за нимъ особенный присмотръ на квартирѣ и въ классѣ". Преосв. Іустинъ къ этому добавилъ: „проступокъ ученика Воскресенскаго внести въ вѣдомость для принятія онаго въ разсмотрѣніе при окончаніи настоящаго учебнаго года" [3]).

Въ слѣдующемъ году 5 марта скрылся изъ квартиры другой ученикъ сред. отд. Павелъ Быстрицкій. 20 марта онъ возвратился обратно во Владиміръ, позванъ былъ въ семинарское правленіе и здѣсь на допросные пункты показалъ слѣдующее. „1) Къ укрывательству съ квартиры побудило меня то обстоятельство, что въ продолженіе первой половины генварской трети я во многомъ

---

1) Арх. сем. 1860/61 г., № 87.
2) См., напр., 1863/66 г., № 109.
3) Арх. сем. 1854/55 г., № 137.

отсталъ отъ своихъ товарищей, отчего мнѣ совѣстно было ходить въ классъ и казаться ученикамъ; о моемъ же намѣреніи не зналъ никто ни изъ учениковъ, ни изъ посторонних кто-либо. 2) Мѣсто укрывательства моего неизвѣстно было никому, и даже самъ я не имѣлъ опредѣленной цѣли; пріютъ же находилъ себѣ у крестьянъ, живущихъ въ селеніяхъ, расположенныхъ по Касимовскому тракту. 3) При спросѣ о себѣ я выдавалъ себя за исключеннаго ученика и не имѣлъ за собою никакого письменнаго вида. 4) Средствъ, которыми содержался, я не имѣлъ никакихъ, кромѣ подаянія отъ крестьянъ. 5) Такой скудный образъ жизни побудилъ меня возвратиться во Владиміръ, чтобы, потерпѣвши наказаніе и испросивши прощеніе, продолжать, если угодно будетъ правленію, учебное въ семинаріи образованіе". Быстрицкій не былъ исключенъ, а подвергся лишь заключенію въ уединенное мѣсто [1]).

28 ноября 1860 г. довѣренный одной изъ квартиръ В. Неаполитанскій сообщилъ правленію, что ученикъ низшаго 2-го отд. В. Я—ій 24 ноября въ 9-мъ часу утра отбылъ съ квартиры и до настоящаго времени не являлся. По уходѣ Я. оказалось, что изъ его вещей не осталось ничего, кромѣ двухъ пустыхъ сундуковъ, войлока и твореній Лактанція. Изъ вещей Неаполитанскаго пропалъ суконный сертукъ цѣною въ 6 рублей; да кромѣ того еще раньше бѣглецъ взялъ взаймы у Неаполитанскаго 2 руб. сереб. Въ январѣ 1861 г. Я. случайно найденъ отцемъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ на пути въ с. Бережокъ и представленъ въ семинарское правленіе. Отецъ немедленно, по распоряженію правленія, возвратилъ потерпѣвшему сертукъ и деньги, а самъ В. Я—ій за бѣгство изъ семинаріи и кражу денегъ былъ исключенъ [2]).

Въ 1859 г. былъ случай бѣгства изъ семинаріи на патологической почвѣ. 1-го мая этого года къ инспектору Кириллу явился ученикъ сред. отд. Алексѣй Никольскій съ просьбой уволить его отъ класса для отысканія пропавшихъ у него вещей. „Изъ разговора съ нимъ, доносилъ впослѣдствіи инспекторъ, я замѣтилъ, что онъ находится какъ будто въ помѣшанномъ состояніи". 2 мая Никольскій опять пришелъ къ инспектору, заявилъ, что пропавшія вещи не отысканы, и просилъ позволить ему по этому случаю отправиться въ Іерусалимъ для спасенія души. Кириллъ препроводилъ Никольскаго къ ректору. У ректора Никольскій повторилъ тоже. Его послѣ этого отослали въ семинарскую больницу, въ которой Никольскій оставался до 7 мая, когда вышелъ съ разрѣшенія доктора. 8, 9, 10 мая Никольскій не ходилъ въ

---

[1]) Арх. сем. 18$^{55}/_{56}$ г., № 170.
[2]) Арх. сем. 18$^{60}/_{61}$ г., № 78.

классъ подъ предлогомъ болѣзни, а II скрылся. Поиски оказались безуспѣшными [1]).

Случаи воровства встрѣчаются также не часто. Большею частью они стоятъ въ связи съ нетрезвостью, проматываніемъ денегъ. Начальство наказывало виновныхъ въ воровствѣ всегда строго. Въ ноябрскомъ отчетѣ инспектора за 1848 г. читаемъ: „Ученикъ средн. отд. Петръ Цвѣтковъ съ 20 на 21 число не ночевалъ въ своей квартирѣ и на утро пойманъ въ воровствѣ и мошенничествѣ, за что, по словесному распоряженію семинарскаго правленія, заключенъ былъ въ карцеръ и въ духѣ отеческаго попеченія наказанъ розгами. Похищенныя вещи отысканы и возвращены по принадлежности" [2]). Въ отчетѣ за іюнь 1849 г. сообщалось: „Ученикъ высшаго 3 отд. Аѳ. Добромысловъ, прежде неоднократно замѣчаемый въ неблаговременныхъ отлучкахъ съ квартиры, нехожденіи въ классъ и многихъ предосудительныхъ проступкахъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ весьма рѣдко бывалъ въ классѣ и въ квартирѣ и все время проводилъ кое-гдѣ, занималъ у различныхъ лицъ деньги, бралъ на время чужія вещи и проматывалъ тѣ и другія; при недостаткѣ денегъ прибѣгалъ къ воровству, въ чемъ и изобличенъ былъ; а чтобы безпрепятственнѣе вести предосудительную жизнь, самовольно перемѣнилъ квартиру". Опредѣлено: „За поведеніе, совершенно неприличное воспитаннику духовному, а тѣмъ болѣе ученику богословія, съ окончаніемъ настоящаго года исключить въ епархіальное вѣдомство" [3]).

Изъ другихъ случаевъ нарушенія семинарской дисциплины можно указать на посѣщеніе театровъ, отлучки изъ квартиръ въ несвоевременные сроки, пѣніе въ церквахъ безъ разрѣшенія начальства. Въ 1853 г. возникло дѣло о семи воспитанникахъ старшихъ классовъ, которые, по окончаніи учебныхъ занятій, въ 4 часа дня пѣли въ Ильинской церкви на клиросѣ при совершеніи таинства брака концертъ безъ нотъ напамять. Ученикамъ поставлено было въ вину, во первыхъ, присутствованіе ихъ при совершеніи брака, что всѣмъ вообще воспитанникамъ строго воспрещалось, а затѣмъ пѣніе концерта. Виновные оправдывались своею бѣдностью, вслѣдствіе которой они соблазнились обѣщанною имъ платою за пѣніе, и къ сему присовокупляли, что „такъ какъ 5-й часъ пополудни семинарскимъ уставомъ назначенъ для отдыха и исправленія нѣкоторыхъ матеріальныхъ нуждъ, то они думали, что объ ихъ отлучкѣ въ церковь и вообще о проступкѣ въ то время, когда имъ дозволено отлучаться изъ квартиры безъ осо-

---

1) Арх. сем. $18^{58}/_{59}$ г., № 76.

2) Арх. сем. $18^{48}/_{49}$ г., № 169.

3) Тамъ же.

баго разрѣшенія начальства, не будетъ узнано". По опредѣленію семинарскаго правленія, одинъ изъ виновныхъ подвергнутъ былъ на три дня уединенному заключенію, а другіе штрафованы стояніемъ на колѣняхъ въ теченіе 3-хъ дней въ классахъ [1]).

Исключительный характеръ имѣетъ проступокъ семинариста, причинившій много безпокойствъ семинарскому начальству въ 1851 году. 5 октября 1851 г. причетники Ильинской церкви Матоей Кондратьевъ и Илья Кротковъ переносили вещи изъ лѣтняго верхняго этажа въ нижній зимній. По окончаніи этого дѣла, оставшись одни, занялись уборкою нѣкоторыхъ вещей, кои должны были остаться на зиму. Въ это время взошелъ въ верхній храмъ ученикъ низшаго отд. семинаріи Ив. Горицкій и сталъ разсматривать стѣнную живопись. Кротковъ за чѣмъ-то вошелъ въ алтарь; за нимъ послѣдовалъ и Горицкій и остался въ алтарѣ и послѣ того, какъ оттуда вышелъ Кротковъ. При выходѣ изъ храма, Кротковъ замѣтилъ, что Горицкій что-то оправляетъ за пазухой, позвалъ Кондратьева и вмѣстѣ съ нимъ учинилъ у Горицкаго обыскъ. При обыскѣ изъ-за пазухи Горицкаго вынули деревянный съ мощами крестъ. Такого креста ни Кондратьевъ, ни Кротковъ никогда не видѣли въ храмѣ. Отъ Горицкаго на допросѣ они узнали, что крестъ этотъ былъ взятъ имъ изъ-подъ престола. Поднялось серьезное дѣло. Проступокъ, совершонный Горицкимъ, дѣйствительно, подлежалъ по дѣйствовавшимъ законамъ величайшей отвѣтственности. Священникъ А. Харизоменовъ донесъ преосвященному; кромѣ того извѣстили о случившемся г. управляющаго губерніею. Тотъ поручилъ произвесть изслѣдованіе по сему предмету совѣтнику губернскаго правленія Модзолевскому. Горицкій показалъ. „Когда Кротковъ пошелъ въ алтарь, то за нимъ взошелъ и онъ, Горицкій, гдѣ во время чистки Кротковымъ вещей занимался разсматриваніемъ стѣнной живописи, такъ какъ ему всегда церковное нравилось (что подтвердили и товарищи Горицкаго). Потомъ, замѣтивъ подъ престоломъ кирпичную кладку, залитую цементомъ, чего онъ никогда не видывалъ, онъ, Горицкій, выждавъ выхода Кроткова изъ алтаря, поднялъ съ правой стороны престола одѣяніе, замѣтилъ тамъ небольшой крестикъ, который по любопытству своему (не надѣясь получить, какъ о рѣдкости, достаточнаго объясненія со стороны Кроткова) взялъ, положилъ за пазуху и пошелъ съ Кротковымъ изъ церкви, съ намѣреніемъ показать старшему дьячку Кондратьеву, а послѣ возвратить на прежнее мѣсто. Другого намѣренія, кромѣ объясненнаго, онъ, Горицкій, совершенно не имѣлъ; равнымъ образомъ не понималъ не только важности проступка, но не зналъ даже и того, что запрещалось

---

[1]) Арх. сем. 18$^{53}/_{54}$ г., № 148.

Изъ дисциплинарныхъ наказаній, вошедшихъ въ практику съ половины 30-хъ г.г. (со времени устройства бурсы) и получившихъ большое распространеніе въ Протасовскій періодъ, можно отмѣтить наказаніе учениковъ исправленіемъ черныхъ работъ въ общежитіи. Что къ этой дисциплинарной мѣрѣ семинарское начальство обращалось нерѣдко, можно заключить изъ мѣсячныхъ инспекторскихъ отчетовъ о поведеніи учениковъ. Вотъ, для примѣра, мартовская вѣдомость 1855 г. „Высшаго 1-го отд. Тим. Богоявленскій 5 числа сего мѣсяца съ субботы на воскресенье въ 10 часовъ вечера г. помощникомъ инспектора найденъ былъ въ своей квартирѣ въ весьма нетрезвомъ видѣ, почему на другой день и не былъ за утреннимъ богослуженіемъ; за таковой проступокъ, по словесному распоряженію семинарскаго правленія, онъ, Богоявленскій, исправлялъ служительскую должность въ общей казеннокоштныхъ учениковъ столовой въ продолженіе цѣлой недѣли. 2) Высшаго 2-го отд. Николай Смирновъ замѣченъ въ частомъ опущеніи классовъ безъ всякой уважительной причины и упорной лѣности послѣ многократнаго подтвержденія со стороны семинарскаго начальства о неопустительномъ хожденіи въ классъ и внимательномъ исполненіи ученическихъ обязанностей, за что и былъ штрафованъ въ свое время стояніемъ на колѣняхъ и подаваніемъ блюдъ въ общей казеннокоштныхъ учениковъ столовой. 3) Высшаго 3-го отдѣленія Александръ Свавицкій 7 числа сего мѣсяца оказалъ непослушаніе, когда было приказано ему слушаться въ своихъ урокахъ у назначеннаго ему авдитора, за что тогда же былъ штрафованъ стояніемъ на колѣняхъ въ продолженіе недѣли на всѣхъ классахъ въ низшемъ отдѣленіи“.

ГЛАВА VI.

Домашнія занятія и развлеченія учениковъ. — Литературныя собранія. — Музыка. — Танцы. — Театръ. — Ученическіе спектакли. — Лѣтнія игры. — Рекреаціи. — Купаніе на Клязьмѣ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ у семинаристовъ любви, жажды къ чтенію, которыми характеризуется періодъ, ближайшій къ реформѣ 1869 г., открылась для нихъ возможность часть свободнаго времени посвящать занятію, которое, обогащая ихъ умъ познаніями, въ тоже время дѣйствовало облагораживающимъ образомъ на ихъ привычки, характеръ. Въ 60-хъ г.г. были даже попытки устраивать общіе литературные вечера въ одной изъ болѣе обширныхъ и болѣе чистыхъ квартиръ. Но семинарское начальство преслѣдовало участниковъ и иниціаторовъ такихъ собраній, опасаясь,

какъ бы эти собранія не превратились въ благовидный предлогъ для всякаго вида безчинствъ и не посодѣйствовали развитію среди семинаристовъ чтенія книгъ недозволенныхъ. Къ чести воспитанниковъ 60-хъ г.г. надобно сказать, что употребленіе спиртныхъ напитковъ изъ этихъ собраній, по крайней мѣрѣ болѣе серьезныхъ изъ нихъ, было изгнано.

Искусство музыки культивировалось по преимуществу въ зданіяхъ бурсы. Въ 50-хъ годахъ здѣсь было 5 экземпляровъ гуслей, три скрипки, одинъ кларнетъ и нѣсколько гитаръ. Инструментами пользовались не только ихъ владѣльцы, но и другіе товарищи-любители. Въ свободное отъ занятій время любители-артисты составляли импровизированный оркестръ, звуки котораго оглашали всю Залыбедскую сторону. Въ стѣнахъ Залыбедской бурсы, благодаря общежитію, стали организоваться и хорошіе хоры церковнаго и простонароднаго пѣнія.

Вмѣстѣ съ организацией оркестра и хоровъ въ бурсу начинаютъ проникать танцы. Относительно этихъ танцевъ, въ періодъ ихъ возникновенія, авторъ воспоминаній о Владимірской бурсѣ пишетъ слѣдующее. „Не подумайте, читатель, что это были настоящіе танцы,—нѣтъ это была скорѣе пародія на нихъ. Нѣкоторые изъ Муромцевъ вздумали ввести въ употребленіе кадриль: новинка стала прививаться. Танцоры, чтобы не попасться надзору эконома, забирались въ верхній этажъ и тамъ производили свои эволюціи до того бойко, что ветхій корпусъ бурсы трясся до основанія“ [1]).

Театръ по прежнему былъ закрытъ для воспитанниковъ. Неосторожное и неблаговидное поведеніе въ театрѣ нѣкоторыхъ учениковъ, тайкомъ отъ начальства посѣщавшихъ запрещенное мѣсто, заставляло семинарскую власть быть особенно настойчивою въ этомъ пунктѣ. Въ 1862 году частный приставъ 2-й части препроводилъ въ семинарію ученика Г. Дроздова, выведеннаго изъ Владимірскаго театра въ половинѣ 12-го ночи „за куреніе табаку и за сдѣланную дерзость г. полицеймейстеру“. Правленіе постановило: „За несвоевременную отлучку изъ квартиры и въ театръ, за куреніе въ ономъ табаку и дерзость, оказанную г. полицеймейстеру, лишить Дроздова казеннаго пособія, низвести въ 3-й разрядъ и оставить въ семинаріи до усмотрѣнія поведенія и успѣховъ; опредѣленіе это, прочитавъ по классамъ, подтвердить ученикамъ, что за подобные проступки виновные немедленно будутъ исключаемы изъ семинаріи“ [2]).

---

[1]) Влад. Епарх. Вѣд. 1890 г., стр. 725—26.

[2]) Арх. сем. $18^{62}/_{63}$ г., № 51.

Подобнымъ же образомъ преслѣдовалось устроеніе спектакля самими семинаристами. Въ 60-хъ г.г. во время великихъ реформъ вошло въ обычай среди учениковъ устраивать представленія на темы общественнаго характера. „Особенно насъ заинтересовало, говоритъ одинъ изъ питомцевъ Владимірской семинаріи 60-хъ годовъ, введеніе суда присяжныхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ присутствовали при открытіи его во Владимірѣ и, по возвращеніи домой, воспроизвели все видѣнное въ лицахъ. Впослѣдствіи часто обращались къ этому занятію. Смастерили даже особый мундиръ. Среди насъ появились видные адвокаты, выступавшіе въ роли защитниковъ невинныхъ и громившіе неправду. Однажды судъ нашъ, собравшись въ полномъ составѣ, на урокѣ одного изъ слабохарактерныхъ и не пользовавшихся уваженіемъ наставниковъ (Г. Ѳ. Соколовъ), произвелъ точное разслѣдованіе по обвиненію этого наставника въ дурномъ преподаваніи и несправедливомъ отношеніи къ ученикамъ. Наставникъ volens-nolens претерпѣлъ эту комедію до конца и выслушалъ много непріятныхъ для него вещей".— Забава эта несомнѣнно послужила подготовительной школой для многихъ учениковъ Владимірской семинаріи, подвизавшихся впослѣдствіи на юридическомъ поприщѣ.

Физическія игры и упражненія учениковъ теряютъ понемногу свой грубый и жестокій характеръ. Правда, кулачные бои еще не исчезли. Любители этого спорта выходили даже на большія побоища, которыя затѣвались въ праздники мастеровыми на р. Лыбеди у деревяннаго моста. Были въ семинаріи и свои герои, наводившіе ужасъ на мѣщанъ однимъ появленіемъ въ рядахъ сражающихся... Но все это доживало свои послѣдніе дни. Жестокія забавы стараго времени сокращались съ каждымъ годомъ, уступая свое мѣсто развлеченіямъ болѣе невиннымъ.—Къ сожалѣнію только, на ряду съ играми невинными, начиная съ 40-хъ годовъ, получаетъ широкое распространеніе азартная игра въ карты, орлянку. Даже игра въ бабки и маршалки принимаетъ азартный характеръ и не разъ подвергаетъ прискорбнымъ колебаніямъ небогатый капиталъ семинариста. Многіе до сихъ поръ живо вспоминаютъ то глубокое горе, въ которое повергалъ ихъ проигрышъ въ бабки капитала въ коп. 15 сер.

Рекреаціи продолжались и въ Протасовскій періодъ, но онѣ уже потеряли въ значительной степени тѣ симпатичныя черты задушевности, простоты и близкаго общенія между учащими и учащимися, которыми отличались въ старое время. Одинъ изъ учениковъ Владимірской семинаріи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ описываетъ ихъ такими чертами. „Старшіе, т. е. лучшіе ученики богословскаго класса, шли 1-го мая депутаціей къ ректору семинаріи просить разрѣшенія на этотъ день гулянья. Къ

ректору по традиціи обращались съ ходатайствомъ на латинскомъ языкѣ. Съ депутаціей отряжали гонца, который быстро давалъ знать о дозволеніи начальства. Подымался въ классахъ и на семинарскомъ дворѣ гамъ и крики общей радости. Когда депутація формально объявляла о рекреаціи, всѣ уходили домой, но чрезъ часъ возвращались на семинарскій дворъ, гдѣ открывался торжокъ пряниками (батонщики), блинами, кислыми щами и мороженымъ. Около батонщиковъ толпилась группа желающихъ биться въ батоны. Батонами назывались длинные пряники изъ особаго тѣста, бураго цвѣта, которое нѣмцы называютъ Pfeferkuchen. Пари состояли въ томъ, чтобы нѣсколько батоновъ, уложенныхъ между пальцами, разбить на условленное число кусковъ, напр., 5 батоновъ разбить на 15 кусочковъ,—такимъ способомъ изъ каждаго батона сдѣлать три кусочка. При этомъ требовалась правильность и сноровка удара. Проигравшій платилъ батонщику стоимость пряниковъ, а разбитые батоны поступали въ пользу того, кто выигрывалъ пари. Были пари и на вяземскіе пряники. Здѣсь примѣнялась физическая сила. Далѣе въ большомъ ходу была игра въ бабки. Этой игрой занимались и младшіе, и старшіе. Ловкими ударами сшибали съ кола 10—15 паръ бабокъ на довольно значительномъ пространствѣ. Цѣна бабкамъ на рекреаціяхъ повышалась. Я лично проигрывалъ бабокъ коп. на 15, такъ какъ, не владѣя глазомѣромъ, плохо бросалъ битку.—Въ 2 часа семинаристы, выстроившись въ шеренги по классамъ, отправлялись съ учителями за городъ—въ Марьину рощу, гдѣ чувствовали себя совершенно свободно. Толпа торговцевъ уходила съ нами же... Къ вечеру въ рощѣ раздавалось пѣніе. Чудная майская погода поэтически настраивала молодежь. На зеленомъ коврѣ все кувыркалось, прыгало, отъ души веселилось на свободѣ послѣ продолжительной замкнутой жизни. Часамъ къ 10-ти вечера усталые возвращались изъ рощи домой. Разрѣшалось не больше трехъ рекреацій: въ маѣ двѣ и 1-го іюня въ день именинъ преосв. Іустина" [1]).

Купаніе на р. Клязьмѣ подверглось стѣснительнымъ ограниченіямъ. Поводомъ къ нимъ послужили многочисленные несчастные случаи, повторявшіеся изъ года въ годъ. Въ силу опредѣленія Св. Синода отъ 5 окт. 1866 г., семинарское начальство выработало и объявило ученикамъ особую инструкцію, которою на будущее время должны были руководствоваться всѣ учащіеся. Согласно этой инструкціи, опредѣлено было точно мѣсто для купанія, именно почти противъ вокзала желѣзной дороги. Время для купанія до открытія экзаменовъ назначалось вечеромъ отъ половины 8-го до половины 10-го часа, а послѣ открытія и утромъ отъ 6—8 часовъ.

---

[1]) Рукоп. И. А.

Ученики каждой квартиры должны были отправляться на Клязьму въ одно время и непремѣнно въ сопровожденіи довѣреннаго старшаго. Очередный старшій въ часы, назначенные для купанья, обязанъ былъ являться на Клязьму и наблюдать, всѣ-ли ученики приходятъ сюда въ сопровожденіи довѣренныхъ старшихъ и ведутъ-ли себя при этомъ какъ слѣдуетъ: именно, не опускаются-ли въ глубокихъ мѣстахъ, не плаваютъ-ли далеко отъ берега, не ныряютъ-ли, не дѣлаютъ-ли какой-нибудь, хотя-бы даже малѣйшей, непріятности товарищамъ и т. д. Учениковъ виновныхъ въ нарушеніи означенныхъ требованій старшій обязанъ былъ записывать въ нравственный журналъ [1]). Послѣ этой точной регламентаціи времени и способа купаній, купанія на Клязьмѣ утратили прелести прежняго времени, но за то сдѣлались безопаснѣе.—Въ 1868 г. устроена была для семинаристовъ на рѣкѣ Клязьмѣ особая купальня [2]).

ГЛАВА VII.

Ревизіи Евгенія, Сергія, Порфирія и Саввы.—Отношеніе семинаріи къ училищамъ.—Инструкція, данная инспектору въ 1846 году.

Въ разсмотрѣнный періодъ Владимірская семинарія была ревизована 4 раза. Первая ревизія произошла въ 1844 году; обозрѣвающимъ былъ Евгеній, инспекторъ Московской академіи [3]). Въ отчетѣ о ревизіи онъ подробно коснулся тѣхъ руководствъ и пособій, на основаніи которыхъ семинарскіе наставники составляли и читали свои лекціи. О большинствѣ наставниковъ замѣчено, что они усердны и способны. Какъ на явленіе ненормальное въ области учебной, ревизоръ указываетъ на то, что многіе изъ учениковъ мало или совсѣмъ не занимались физикой. Къ этому разряду отнесено въ первомъ отд. 52 человѣка, во второмъ 50 и въ третьемъ 34. Въ области экономически-бытовой ревизоръ обратилъ вниманіе на овчинные тулупы, въ которые одѣты были казеннокоштные ученики. Донося объ этомъ въ Св. Синодъ, ревизоръ привелъ и объясненіе, данное семинарскимъ правленіемъ, которое утверждало, что, „при отдаленности жительства учениковъ, для нихъ зимою необходима теплая одежда, а устроеніе такой одежды потребовало бы большихъ издержекъ противъ настоящаго и лишало бы пособія другихъ учащихся“. Казенная пища

[1]) Арх. сем. 1867 г., № 83.
[2]) Арх. сем. 1868 г., № 40.
[3]) Впослѣдствіи еп. Симбирскій; ум. 1888 г.

найдена Евгеніемъ хорошею. Столовую казеннокоштныхъ учениковъ онъ призналъ неудобною и довольно тѣсною для 100 человѣкъ. Также неудобнымъ призналъ ревизоръ подраздѣленіе библіотеки, часть которой помѣщалась въ нижнемъ этажѣ Рождественскаго монастыря, а часть (учебныя книги и безмездно раздаваемыя) въ небольшой комнаткѣ верхняго этажа главнаго семинарскаго корпуса, гдѣ находились классы. По больницѣ ревизоръ призналъ достойными вниманія отличное усердіе и труды М. Аляксринскаго [1]).

Въ 1850 г. Владимірская семинарія осмотрѣна была снова инспекторомъ Московской академіи Сергіемъ (Ляпидевскимъ) [2]). Обозрѣніе началось 8 іюля и закончилось 20. Ученикамъ высшаго отд. для испытаній дана была тема: „Что надобно разумѣть подъ именемъ того міра, который любить запрещаетъ Слово Божіе?" Средняго—„Какія средства могутъ быть полезны для усовершенствованія памяти?"—и низшаго—„Совершенство выраженія мыслей не можетъ-ли иногда повредить достоинству сочиненія?" На нѣкоторыхъ изъ устныхъ испытаній присутствовалъ преосв. Іустинъ.— По разсмотрѣніи ревизорскаго отчета, Московское академическое правленіе выразило признательность А. Розову — за усердіе и исправность, Ив. Павлушкову—за усердіе и благоразумное дѣйствованіе на учениковъ, В. Ставровскому—за отчетливое и ясное изложеніе своей науки и Д. Доброхотову—за умѣніе возбуждать вниманіе въ слушателяхъ. Наставникамъ физико-математическихъ наукъ—Г. Соколову и герменевтики и класса св. писанія поставлена на замѣчаніе недостаточность вниманія ихъ къ своему дѣлу и сравнительно меньшая благоуспѣшность учениковъ. Въ виду того, что недостаточно благоуспѣшное преподаваніе св. писанія Кліентовымъ зависѣло не отъ недостатка усердія, а отъ трудности для него сего предмета, правленію семинаріи предписывалось войти въ соображеніе, не удобно-ли будетъ на классъ св. писанія перемѣстить кого-нибудь изъ болѣе способныхъ наличныхъ наставниковъ, съ переводомъ Кліентова на его мѣсто. Мих. Никольскому, несоразмѣрно расширившему нѣкоторые свои уроки, Пав. Прудентову, показавшему себя недостаточно ревностнымъ въ чтеніи ученическихъ сочиненій, и Ив. Извольскому, недовольно тщательно изъяснявшему свой предметъ—по недостатку не знанія, а усердія, сдѣлано внушеніе, чтобы они исправнымъ прохожденіемъ своей должности заслужили полное одобреніе начальства. В. Миловидову рекомендовано было съ большею настойчи-

---

[1]) Арх. Св. Синода 1844 г., № 76.

[2]) Архим. Сергій былъ впослѣдствіи (съ 1893 г.) митроп. Московскимъ. Ум. 1898 года.

востью требовать отъ учениковъ отчета въ ихъ занятіяхъ, а В. Романовскому—при преподаваніи предмета ограничиться изложеніемъ наиболѣе нужнаго и полезнаго. Кромѣ физико-математическихъ наукъ обозрѣвающій нашелъ и языкознаніе „въ несовсѣмъ удовлетворительномъ состояніи". Вслѣдствіе предписанія академическаго правленія, семинарское начальство объявило послѣ ревизіи всѣмъ ученикамъ, что „малоуспѣшные въ языкознаніи будутъ лишаемы перваго разряда, хотя бы таковые и стоили онаго по своимъ успѣхамъ въ другихъ предметахъ".—За содѣйствіе къ составленію и увеличенію частной ученической библіотеки семинарскому правленію объявлена благодарность [1]).

Слѣдующая ревизія происходила въ 1858 г. Ревизоръ, инспекторъ Московской академіи архим. Порфирій [2]), нашелъ преподаваніе поставленнымъ хорошо и умѣло у слѣдующихъ наставниковъ: ректора Платона, іером. Кирилла, А. Боголюбова, Д. Пѣвницкаго, Г. Нарбекова, І. Сердцева, А. Розова, Н. Солярскаго, М. Жудро, П. Кліентова и Н. Павлушкова. О библіотекѣ Порфирій замѣтилъ, что она помѣщается тѣсно и сыро и что шкафовъ для книгъ недостаточно. Вообще же семинарія по всѣмъ частямъ управленія найдена въ удовлетворительномъ состояніи. Только преподаваніе нѣмецкаго языка Г. Соколовымъ признано недостаточно хорошимъ [3]).

Въ послѣдній разъ въ дореформенный періодъ семинарія ревизована была ея же питомцемъ ректоромъ Московской академіи, впослѣдствіи архіеп. Тверскимъ, Саввою. При обозрѣніи Савва далъ слѣдующія темы. Въ высш. отд.: „Возможна-ли нравственность безъ религіи и какое отношеніе имѣетъ послѣдняя къ первой?" Въ сред.: „Какое вліяніе имѣетъ внѣшняя природа на развитіе душевныхъ способностей человѣка?" и низшемъ: „Какимъ способомъ достигается совершенство словеснаго выраженія мыслей?" Въ учебномъ отношеніи семинарія найдена въ удовлетворительномъ состояніи. Уроки преподаются, писалъ Савва въ своемъ отчетѣ, частію по учебнымъ руководствамъ, частію по имѣющимся или вновь составленнымъ запискамъ. Въ составленіи новыхъ записокъ трудятся по св. писанію—Ѳ. Виноградовъ, по нравственному, пастырскому богословію, ученію о вѣроисповѣданіяхъ и гомилетикѣ іером. Кириллъ, Н. Флоринскій и А. Боголюбовъ, по патристикѣ—Г. Нарбековъ, по логикѣ—І. Сердцевъ, по словесности—М. Жудро, А. Розовъ и М. Никольскій. Съ особенною тщательностью сочиненія разсматривались ректоромъ Алексіемъ

---

1) Арх. сем. 18$^{50}/_{51}$ г., № 83.
2) Умеръ въ 1866 г. настоятелемъ Московскаго Симонова монастыря.
3) Арх. Синода 1858 г., № 3619.

(который при этомъ внимательно просматривалъ и сочиненія, читанныя другими наставниками, І. Сердцевымъ, М. Никольскимъ и М. Жудро. Особеннымъ искусствомъ въ изъясненіи уроковъ ученикамъ отличается Ѳ. Виноградовъ.—Въ области нравственной ревизоръ отмѣтилъ, какъ одну изъ причинъ многихъ нестроеній, отсутствіе общежитія съ 1858 года, разсѣянность учениковъ по квартирамъ, нанимаемымъ у городскихъ жителей разныхъ сословій. Съ похвалою Савва отозвался объ организаціи надзора за учениками; но о самомъ инспекторѣ сказалъ, что желательно было бы съ его стороны больше заботливости о личномъ нравственномъ вліяніи на учениковъ. Коснувшись больницы, Савва похвалилъ подлѣкаря, который приготовлялъ по рецептамъ врача лѣкарства и самъ собиралъ весною нѣкоторыя изъ дикорастущихъ травъ. Подлѣкарь М. Горскій за ревность представленъ къ наградѣ. О ректорѣ Алексіѣ Савва замѣтилъ, что онъ отличается безкорыстіемъ и справедливостью [1]). — По разсмотрѣніи отчета Саввы, ректору Алексію за 20-лѣтнюю службу, соединенную съ безкорыстіемъ и справедливостью, секретарю Г. Нарбекову за 13-лѣтнюю полезную службу, врачу Алякринскому за преподаваніе медицины и внимательность къ больнымъ, преподано благословеніе Св. Синода. Подлѣкарю Горскому постановлено выдать 100 руб. деньгами [2]).

Духовныя училища находились въ прежней зависимости отъ семинарій. Подобно академіямъ, семинарія посылала въ училища своихъ ревизоровъ, которымъ поручала свидѣтельствовать всѣ отправленія учебной, нравственной и экономической жизни. О характерѣ этихъ ревизій можно составить представленіе по инструкціи, данной въ 1846 г. инспектору Евѳимію, назначенному обозрѣть въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года Суздальскія и Шуйскія училища. Въ ней читаемъ слѣдующія предписанія. 1) Обозрѣть всѣ части училищнаго управленія, при семъ тщательно вникать, исполняютъ-ли начертанныя въ училищномъ уставѣ правила и другія предписанія высшаго начальства и. если въ чемъ отъ оныхъ уклоняется который-либо смотритель, то по какимъ причинамъ? 2) Всякое отступленіе отъ правилъ устава исправлять чрезъ предложеніе смотрителю и о всѣхъ таковыхъ предложеніяхъ своевременно донести семинарскому правленію. 3) Росписаніе занятій по обозрѣнію училищъ съ пріѣзда до конца вносить въ журналъ училищъ

---

1) Арх. Синода 1862 г., № 2056.

2) Арх. сем. $18^{60}/_{61}$ г., № 109. Въ мартѣ 1869 г. Влад. семинарія была ревизована членомъ Учебнаго комитета Нерарокомовымъ; но его ревизія по своимъ послѣдствіямъ тѣсно связана съ учебной реформой Влад. семинаріи и должна быть отнесена къ слѣдующему періоду.

за своимъ подписаніемъ. 4) Извлеченіе изъ таковаго росписанія, засвидѣтельствованное подписомъ смотрителя и учителей, немедленно отправить съ почтою въ семинарское правленіе при своемъ донесеніи. 5) Особымъ донесеніемъ, по возвращеніи своемъ, сообщить семинарскому правленію нужныя свѣдѣнія и замѣчанія съ приложеніемъ точнаго состоянія осмотрѣнныхъ училищъ и съ пріобщеніемъ къ этому своего мнѣнія, равно отзыва о способностяхъ, прилежаніи смотрителя и всѣхъ учителей, съ показаніемъ истинной цѣны каждаго изъ нихъ. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ частныхъ правилъ, которыми долженъ былъ руководствоваться ревизоръ при обозрѣніи подлежащихъ его осмотру училищъ. Напр., ему поручалось обратить особенное вниманіе на образъ ученія и способности учителя Суздальскаго училища Петра Покровскаго, который, по отзыву смотрителя Сузд. училищъ, оказывается малонадежнымъ къ дальнѣйшему прохожденію службы; въ Шуйскихъ — Дм. Миловидова, который также рекомендованъ начальникомъ училищъ ненадежнымъ къ учительской должности вслѣдствіе своихъ болѣзненныхъ припадковъ и т. д. По окончаніи обозрѣнія, ревизоръ представлялъ въ семинарское правленіе отчетъ съ подробнымъ разъясненіемъ всѣхъ вопросовъ, которые стояли у него въ инструкціи. — Ревизія по всѣмъ частямъ управленія назначалась изрѣдка. Большею частію семинарія контролировала учебную часть училищъ при посредствѣ ревизоровъ, командированныхъ для присутствованія на выпускныхъ экзаменахъ высшаго отдѣленія.

Въ 1867 г. произведено было преобразованіе въ экономическомъ и административномъ строѣ семинарской жизни; въ 1869 г. преобразована была учебная часть. Съ этого года начинается новая эпоха въ жизни Владимірской семинаріи.

Краткія свѣдѣнія

о начальствующихъ, учащихъ и служащихъ Владимірской семинаріи

съ 1869 по 1901 годъ.

Архіереи.

1) *Антоній* (Павлинскій), см. выше, стр. 231.

2) *Өеогностъ* (Лебедевъ), въ мірѣ Георгій, 1849 г. изъ Тверской семинаріи поступилъ въ Петерб. академію. 1853 г. марта 14 постриженъ. 12 окт. 1853 г. магистръ и ректоръ Кирилловскаго дух. учил. 1856 г. іюля 27 проф. Петербургской семинаріи. 1857 г. ноября 29 инспекторъ Новгород. семин. 1858 г. дек. 24 архимандритъ. 25 апрѣля 1861 г. ректоръ Орловской семинаріи. 15 іюля 1864 г.—Подольской. 13 дек. 1866 г. епископъ Балтскій; іюня 27 1870 г.—Астраханскій; 7 дек. 1878 г.—Владимірскій, 1883 г. архіепископъ; 21 ноября 1892 г.—Новгородскій; 1900 г. 13 авг. митрополитъ Кіевскій. Въ бытность на Владимірской каѳедрѣ преосв. Өеогностомъ помѣщено во Влад. Епарх. Вѣд. много словъ на воскресные и праздничные дни.

3) *Сергій*, въ мірѣ Іоаннъ Спасскій, родился 21 мая 1830 г., 1849 г. изъ Костромской семин. поступилъ въ Кіевскую академію. По окончаніи академическаго курса, назначенъ преподавателемъ словесности въ Костромскую семинарію. 22 мая 1855 года возведенъ на степень магистра; 5 іюля 1858 г. принялъ монашество и 8 дек. того же года назначенъ инспекторомъ Виѳанской семинаріи и проф. богословскихъ наукъ. 25 сент. 1861 г.—архимандритъ; 30 дек. того же года—инспекторъ и проф. Московской семинаріи; 25 окт. 1863 г.—настоятель Московск. Знаменскаго монастыря; 12 авг. 1866 г.—ректоръ Виѳанской семинаріи; съ 4 нояб.—членъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета; 1872 г. іюля 15 по прошенію и по болѣзни увол. отъ должности ректора съ оставленіемъ въ должности настоятеля Знаменскаго монастыря и члена цензурнаго комитета; 1876 г. окт. 29—докторъ богословія; 5 дек. членъ Московской дух. консисторіи; 28 окт. 1880 г.—настоятель

Москов. Спасо-Андроніева монастыря. 24 апр. 1882 г.—епископъ Ковенскій; 1885 г. іюня 7—Могилевскій; 21 нояб. 1892—архіеп. Владимірскій.—Ученые труды: „Изслѣдованіе библейской хронологіи“, Кіевъ, 1857 г; „Историческое описаніе Московскаго Спасо-Андроніева монастыря“, 1865 г.: „Историческое описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря“, 1866 г.; „Несомнѣнная истинность Евангельской и Апостольской исторій“, 1867 г.; „Полный мѣсяцесловъ Востока“. т. I—II. 1875—1876 г., второе изд. 1901 года: „Отвѣтъ по агіологіи“, Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1876 г.: „Второй отвѣтъ по агіологіи“, тамъ же; „Иверская святая и чудотворная икона Богоматери на Аѳонѣ и списки ея въ Россіи“. 1879 г.; „О чтеніи Апостола и Евангелія въ навечеріи Рождества Христова—въ субботу и воскресенье и объ Апостолѣ и Евангеліи субботы предъ недѣлею св. отецъ“, Христіан. Чтеніе 1879 года; „Лавсаикъ и исторія египетскихъ монаховъ“, Чтен. въ общ. люб. дух. просв., 1882 г.; „Слова, произнесенныя въ соборахъ Москвы и Петербурга“, 1882 г.; „Св. Животворящій Крестъ Господень“, 1886 г; „Православное ученіе о почитаніи св. иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины православной вѣры“, 1887 г. „Бесѣды объ основныхъ истинахъ св. православ. вѣры“, 1893 г.; „Годичный кругъ словъ на воскресные и праздничные дни“, 1893 г., Влад.: „Избранныя житія святыхъ“ 1893 г.; „Мѣсто рожденія Вел. Государя Царя и Вел. Кн. Михаила Ѳеодоровича“. 1895 г. и Странникъ дек., того же года: „Преп. Михаилъ Малеинъ и 300-лѣтіе рожденія Благоч. Вел. Госуд. Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича“, 1896 г., Вязн.; „Св. Андрей Христа ради юродивый и праздникъ Покрова Пресв. Богородицы“, 1898 г., Спб. и Стран., сент., дек.; „Св. Симонъ, еп. Владимірскій и Суздальскій“, 1899 г. Влад.; „Древнѣйшій восточный мѣсяцесловъ“, 1900 г.. Спб. и Христ. Чт., 1900 г., іюнь; „Русская литература объ иконахъ Пресв. Богородицы въ XIX в.“, 1900 г., Спб. и Странникъ 1900 г.—Кромѣ того имъ, по порученію Св. Синода, просмотрѣны, исправлены и редактированы: 1) „Мѣсяцесловъ всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православ. греко-восточною церковію“, издан. Спб. Синодальною типографіею 1891 г.; 2) „Лицевые святцы“, издан. Москов. Синодальною типографіею 1895—98 г. и 3) „Христіанскій мѣсяцесловъ съ краткими историческими сказаніями о всѣхъ святыхъ, прославляемыхъ церковію“, издан. Москов. Синод. типографіею 1900 г.

Ректоры.

1) *Павелъ* (Вильчинскій) (1867—77), въ мірѣ Иванъ Елевѳеріевичъ. Изъ Подольской семинаріи и Кіевской академіи. По окончаніи Кіевской акад. 1853 г., 29 іюня того же года постриженъ

Архіепископъ Владимірскій и Суздальскій Сергій.

въ монашество. 31 окт. опредѣленъ въ Полтавскую семинарію помощникомъ ректора по профессорской должности. Въ 1856 г. возведенъ на степень магистра. 6 іюля 1857 г.—инспекторъ Харьковской семинаріи. 21 дек. 1861 г.—архимандритъ. 3 апр. 1867 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ во Владимірскую семинарію. Указомъ Св. Синода отъ 7 янв. 1877 г. вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди. 8 дек. 1877 г.—еп. Сарапульскій; 4 февр. 1878 г.—Чебоксарскій; 5 апр. 1882 г.—Саратовскій; 16 дек. 1889 г.—Астраханскій; 21 ноября 1892 г.—Могилевскій; 19 дек.—Астраханскій; 13 нояб. 1893 г.—Пензенскій.— Во Влад. Епарх. Вѣд. архим. Павелъ помѣстилъ: „Слово въ недѣлю православія", 1869 г., № 6; „Христосъ воскресе", 1869 г., № 8; „Рѣчь при погребеніи А. И. Боголюбова", 1871 г., № 23 и нѣсколько рѣчей къ воспитанникамъ предъ началомъ учебнаго года.

2) *Михаилъ Ив. Херасковъ* (1878—89), см. выше, стр. 282—84.

3) *Петръ* (Друговъ) (1889—92), въ мірѣ Алексѣй Николаевичъ. Изъ 2-й Моск. гимназіи въ 1877 г. поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ и 1881 г. окончилъ курсъ кандидатомъ. 23 марта 1884 г. постриженъ въ монашество. Въ этомъ же году поступилъ въ Московскую акад., гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ магистранта. 28 января 1885 года назначенъ инспекторомъ Виоанской семинаріи. 27 января 1889 г.— ректоромъ Владимірской семинаріи. 12 фев. того же года—архимандритъ. 30 марта 1891 г. опредѣленъ и. д. инспектора Московской академіи. 22 апрѣля 1892 года—ректоръ Кіевской семинаріи. 21 авг. 1893 г.—епископъ Сухумскій. Въ 1894 г.—еп. Сумскій, викарій Харьковской епархіи. 20 мая 1899 г.—еп. Смоленскій. Литературные труды: „Западная церковь въ борьбѣ съ великимъ расколомъ въ первое десятилѣтіе XV в. Пизанскій соборъ". М. 1890 г.

4) *Никонъ* (Софійскій) (1891—98), въ мірѣ Николай Андреевичъ. По окончаніи курса Костромской дух. семинаріи въ 1882 г., опредѣленъ надзирателемъ при Макарьевскомъ духовн. училищѣ. 20 февраля 1883 г. рукоположенъ во священника въ с. Мамонтово. 1884 г. поступилъ въ С.-Петербургскую дух. академію, которую окончилъ съ званіемъ магистранта. 27 сентября 1888 г. назначенъ инспекторомъ С.-Петерб. семинаріи. 30 марта 1891 г. опредѣленъ ректоромъ Владимірской семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. 26 января 1898 г. назначенъ еп. Вольскимъ, викаріемъ Саратовской еп. 1899 г. 6 февр.—еп. Нарвскимъ. 10 дек. 1901 г.—Вятскимъ. Во Влад. Еп. Вѣд. архим. Никономъ помѣщены: „Поученіе на новый годъ", 1894 г., № 1; „Слово въ день Св. Николая и тезоименитства Государя Императора", 1896 г., № 1; „Слово въ день коронованія Государя Императора Александра Александровича", 1896 г., № 10; „Слово въ день священнаго коронованія", 1897 г., № 11 и др.

5) *Іона* (Вуколовъ) (1898—99), по окончаніи курса въ Орловской семинаріи въ 1882 г., проходилъ должность сельскаго учителя въ Орловскомъ уѣздѣ въ теченіе 5 лѣтъ. 26 іюля 1887 года рукоположенъ во священника с. Бокланова Орлов. уѣзда. Въ 1890 г. поступилъ въ Кіевскую академію и здѣсь (24 іюля 1893 г.) постриженъ въ монашество. По окончаніи академіи со степенью кандидата, 28 сент. 1894 г. назначенъ инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. 7 фев. 1898 г.—ректоромъ Владимірской. Указомъ Св. Синода отъ 17 февр. 1899 г. перемѣщенъ на должность настоятеля Константинопольской посольской церкви.

6) *Евгеній* (Бережковъ) (съ 1899 г.), въ мірѣ Иванъ Николаевичъ. Въ 1884 году окончилъ курсъ во Влад. семинаріи и въ томъ же году опредѣленъ учителемъ въ Аѳанасьевское народное училище Александр. уѣз. Влад. губ. 1 іюля 1887 г. законоучитель въ Карабановскомъ народномъ училищѣ, Александр. уѣз. 30 авг. 1887 г. рукоположенъ во діакона въ с. Карабаново. Съ 1893 по 97 г. студентъ Московской акад., которую окончилъ съ званіемъ магистранта. 1 ноября 1897 г. постриженъ въ монашество. 28 нояб. 1897 г.—инспекторъ Владимірской семинаріи. 2 марта 1899 г.—ректоръ и архимандритъ. Во Влад. Еп. Вѣд. напечаталъ: „Нравственные уроки богослуженія св. Четыредесятницы и Пятидесятницы“, 1899 г., №№ 3—8; рѣчи—при погребеніи П. А. Бѣлоярова (1899 г., № 22) и на юбилейныхъ торжествахъ (1900 г., № 4 и 19).

Инспекторы.

1) *Ѳеодоръ Никол. Павлинскій* (1869—83), изъ Новгородской семинаріи. По окончаніи Петербургской академіи со степенью магистра, 6 ноября 1855 г. опредѣленъ въ Новгородскую семинарію профес. логики, психологіи, патристики и латин. яз. Съ 1856—69—библіотекарь. 18 дек. 1869 г. утвержденъ въ должности инспектора Владим. семинаріи. Съ 1870—72 преподавалъ педагогику и дидактику. 23 іюня 1883 г. утвержденъ директоромъ народныхъ училищъ Новгородской губ. Литературные труды: „Жизнь преп. Антонія Римлянина“ и „Краткое описаніе Антоніевскаго монастыря“ (Новг. Еп. Вѣд.). Во Влад. Епар. Вѣд.: „Письмо въ редакцію Рус. Вѣдомостей“, 1870 г., № 10; „Окончаніе перваго учебнаго курса послѣ преобразованія семинаріи по новому уставу“, тамъ же, № 15; „Рѣчь по случаю столѣтія со дня рожденія Александра I“, 1878 г., № 1; „О домашней молитвѣ православнаго христіанина вообще и въ частности о вечернихъ и утреннихъ домашнихъ молитвахъ“, 1881, № 4; „Житіе преподобнаго отца нашего

игумена Космы, что на рѣкѣ Яхрѣни новаго чудотворца. и краткая исторія Космина монастыря", 1883 г., № 9.

2) *Вас. Яков. Розановъ* (1883—89), см. выше, стр. 293.

3) *Александръ Вас. Ивановъ* (1889—95), обучался въ Херсонской семинаріи и Кіевской академіи, которую окончилъ со званіемъ студента въ 1861 году. 20 авг. 1862 г. назначенъ учителемъ въ Одесское дух. училище. 6 фев. 1863 г. опредѣленъ инспекторомъ того же училища. 1 ноября 1865 года—кандидатъ. Въ іюнѣ 1866 г.—наставникъ словесности въ Херсонской дух. семинаріи. Съ преобразованіемъ Херсонской семинаріи въ 1868 г. сталъ преподавать св. писаніе. 2 іюня 1873 года утвержденъ смотрителемъ Симферопольскаго дух. училища. 26 іюня 1874 г. опредѣленъ наставникомъ основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія въ Таврической семинаріи. 17 сент. 1879 г. избранъ секретаремъ семинарскаго правленія. Съ 1881 г. по 1888 преподавалъ исторію и обличеніе рус. раскола. 4 іюля 1889 г. указомъ Св. Синода назначенъ инспекторомъ Влад. семинаріи. Указомъ Св. Синода отъ 5 авг. 1895 г., согласно прошенію, уволенъ отъ должности инспектора. Въ настоящее время епархіальный наблюдатель церк.-приходскихъ школъ Таврической епархіи.—А. В. Ивановъ напечаталъ: „Руководство къ изъяснительному чтенію четвероевангелія и Дѣяній апостольскихъ", 1886 г.; „Руководство къ изъяснительному чтенію посланій апостольскихъ". Во Влад. Епар. Вѣд.: „Солга неправда себѣ" (о Толстовцахъ), 1892 г., № 10; „Почему мы боимся холеры?", тамъ же, № 17; „Пасха еврейская и пасха христіанская", 1894 г., № 8; „О ревизіи Влад. семинаріи архим. Филаретомъ, впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ", 1895 г., №№ 15—16.

4) *Евлогій* (Георгіевскій) (1895—97), въ мірѣ Василій Семеновичъ. По окончаніи Тульской семинаріи и Московской акад. со званіемъ магистранта. 12 марта 1893 г. вступилъ въ службу помощникомъ смотрителя Ефремовскаго дух. училища. 29 декабря 1894 г. перемѣщенъ въ Тульскую семинарію на греческій языкъ. 3 февраля 1895 г. постриженъ въ монашество. 5 авг. 1895 года назначенъ инспекторомъ Владим. дух. семинаріи. 18 нояб. 1897 г. переведенъ на должность ректора Холмской дух. семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Во Влад. Еп. Вѣд. напечаталъ „Слово въ день Св. Чудотворца Николая и тезоимен. Государя Николая Александровича", 1896 г., № 24.

5) *Евгеній* (Бережковъ) (1897—99), см. выше, стр. 382.

6) *Ѳеодосій* (Алмазовъ) (1897—900). Въ 1891 году окончилъ курсъ въ Смоленской дух. семинаріи. Съ 22 декабря 1891 года по 25 сент. 1892 г. псаломщикъ Смоленской Богородице-Рожд церкви. Съ 1892—96 г. студентъ Московской академіи. Въ 1896.г.

кандидатъ. 14 сентября того же года постриженъ въ монашество. 5 сентября 1896 г. причисленъ къ Смоленскому архіерейскому дому съ возведеніемъ въ званіе соборнаго іеромонаха Московскаго Донского монастыря. 19 мая 1897 г. преподаватель св. писанія въ парал. классахъ Воронежской семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ надзиратель при общежитіи своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи. 20 марта 1899 г. инспекторъ Влад. семинаріи 26 іюля 1900 года переведенъ на ту же должность въ Волынскую семинарію.

7) *Иванъ Вас. Соболевъ* (съ 1900 г.), студентъ Петербургской семинаріи и магистрантъ Петербургской академіи. 4 августа 1877 г. назначенъ преподавателемъ основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія во Владимірскую семинарію. 27 іюля 1900 г.—инспекторъ.

Преподаватели.

Св. Писанія.

1) *Ив. Ив. Виноградовъ* (1866—71), см. выше, стр. 292.

2) *Мих. Ив. Херасковъ* (1869—70), см. выше, стр. 282—84.

3) *Митрофанъ* (Флоринскій) (1870—73), см. выше, стр. 271—73.

4) *Капитонъ Вас. Ястребовъ* (1871—73). По окончаніи курса Тамбовской семинаріи и Кіевской академіи, 15 авг. 1871 г. назначенъ помощникомъ инспектора Владимірской семинаріи. 1871 г. утвержденъ въ степени кандидата съ правомъ полученія магистра. 25 октября того же года преподаватель св. писанія. Въ авг. 1873 г. по прошенію переведенъ на тотъ же предметъ въ Тамбовскую семинарію. Нынѣ протоіерей въ Москвѣ церкви у Варварск. воротъ.

5) *Владиміръ Гавр. Боголюбовъ* (1873—93), изъ высшаго отд. Владим. семинаріи поступилъ въ Кіевскую акад., по окончаніи курса въ которой, 28 окт. 1871 г. назначенъ помощникомъ инспектора во Влад. семинаріи. 12 дек. 1873 г. перемѣщенъ на должность преподавателя св. писанія. Въ 1885 г. утвержденъ законоучителемъ Мальцевскаго ремесленнаго училища съ поставленіемъ во священника 22 апр. 1887 г. назначенъ священникомъ къ Ризоположенской г. Владиміра церкви съ оставленіемъ въ должности преподавателя. 14 февраля 1897 г. перемѣщенъ къ Николо-Златовратской церкви. Преподавательскую должность оставилъ. 1898 г.—протоіерей. (25-лѣтіе дух.-учебной службы В. Г. Б. см. Влад. Епар. Вѣд. 1897 г., № 3).

6) *Михаилъ Александ. Плакенинъ* (съ 1875 г.), Смоленской семинаріи, магистрантъ Московской академіи. 17 іюля 1875 г. назначенъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ св. писанія Съ

1877—99 г. преподавалъ сверхъ сего еврейскій языкъ. Съ 1894 г. редакторъ Влад. Епарх. Вѣдомостей. (25-лѣтній юбилей службы см. Влад. Еп. Вѣд. 1900 г., № 19).

7) *Александръ Евг. Богородскій* (1884—85), студентъ Тверской семинаріи и кандидатъ Московской академіи. 11 сентября 1885 г. опредѣленъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ по классу св. писанія. 27 ноября 1886 г. перемѣщенъ на каѳедру церковной и библейской исторіи. Іюля 18 1896 г., согласно прошенію, переведенъ на должность преподавателя греческаго языка. Ум. 11 іюня 1898 г. (Некр. см. Влад. Еп. Вѣд. 1898 г., № 14).

8) *Павелъ Петр. Борисовскій* (1897—900), Влад. семинаріи, магистрантъ Московской академіи. Съ 16 авг. 1892 г. по 12 авг. 1893 г. профессорскій стипендіатъ при Московской академіи по каѳедрѣ нравственнаго богословія. 12 авг. 1893 г. преподаватель гомилетики, литургики и практическаго руководства для пастырей въ Могилевской семинаріи. 2 ноября 1894 г. преподаватель философіи и соединенныхъ съ нею предметовъ въ той же семинаріи. 21 февраля 1897 г. преподаватель св. писанія во Владимірской семинаріи. съ 1899 г. и еврейскаго яз. 13 авг. 1900 года—основнаго догматическаго и нравственнаго богословія. Литературные труды: „Путешествіе съ научною цѣлію нѣкоторыхъ отцевъ и учителей церкви II и IV вѣковъ". въ журналѣ Вѣра и Разумъ; „Догматическія основы христіанской морали по твореніямъ св. Григорія Богослова", тамъ же: „Мысли св. Григорія Богослова о христіанской жизни уединенно-созерцательной и общественно-дѣятельной", тамъ же; „Догматическія основы христіанской любви. Противъ Л. Толстого". Странникъ, 1900 г.; „Важнѣйшія направленія современной мысли по вопросу о способахъ улучшенія народнаго блага", Странникъ, 1901 г.; „Св. Василій Великій, какъ пастырь церкви", Вѣра и Разумъ, 1901 г.; „Чего надо желать для нашего общественнаго воспитанія?" 1875 г.

9) *Николай Петр. Крестовъ* (съ 1900 г.), Рязанской семинаріи. По окончаніи Кіевской академіи съ званіемъ магистранта, 24 февраля 1894 г. поступилъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ гомилетики, литургики и практики. Въ авг. 1900 года перемѣшенъ на должность преподавателя св. писанія. Во Влад. Еп. Вѣдом. Н. П. Крестовъ напечаталъ: „Коронованіе православныхъ христіанскихъ государей", 1896 г., №№ 7—10.

Библейской и церковной исторіи.

1) *Павелъ Алекс. Бѣлояровъ* (1866—99), см. выше, стр. 289—92.

2) *Александръ Евг. Богородскій* (1886—96), см. выше. стр. 385.

3) *Неофитъ Влад. Малицкій* (съ 1896 г.), Волынской семинаріи. Въ 1895 г. окончилъ курсъ въ С.-Петербургской академіи съ званіемъ магистранта. Съ 16 августа 1895 г. по 8 авг. 1896 г. профессорскій стипендіатъ при означенной академіи по каѳедрѣ общей церковной исторіи. 8 августа 1896 г. преподаватель библейской и церковной исторіи во Владимірской семинаріи; съ 1899 г. и нѣмецкаго языка. Авторъ Исторіи Владимірской духовной семинаріи. 1900—1902 г. Кромѣ ея напечаталъ: „Христіанская благотворительность въ первые вѣка", Воскресная бесѣда, 1895 г., №№ 49—51; „Церковная благотворительность въ IV—VI в.в.", тамъ же, 1896 г., № 6; „Братскіе союзы въ учебныхъ заведеніяхъ", тамъ же, № 9; „Св. Игнатій Богоносецъ", тамъ же, № 24; „Богатство и бѣдность", тамъ же, № 33; „Разрушеніе Іерусалима", тамъ же, №№ 38—40; „Св. Поликарпъ, еп. Смирнскій", тамъ же, № 52; „Графъ М. М. Сперанскій во Владимірской дух. семинаріи", Труды Влад. Архивной Коммиссіи, кн. 3; „Средства содержанія Владимірской дух. семинаріи въ первые годы ея существованія", Влад. Епарх. Вѣд., 1898 г., №№ 23—24; „Первыя каникулы во Влад. дух. семинаріи", тамъ же, 1899 г., № 3; „Изъ исторіи учебно-воспитательнаго дѣла во Владимірской семинаріи начала XIX вѣка", тамъ же, №№ 8—9; „Матеріалы по исторіи Суздальской семинаріи", тамъ же, № 15; „Къ исторіи небогослужебнаго одѣянія Владимірскаго духовенства", тамъ же, № 18; „Годъ и мѣсяцъ открытія Владимірской семинаріи", тамъ же, № 22; „Историческая записка, прочитанная въ публичномъ собраніи по случаю 150-лѣтняго юбилея Владим. семинаріи", тамъ же, 1900 г., № 4. „Ты побѣдилъ Галилеянинъ!" церковно-историческій очеркъ", Спб. 1900 г. и друг. Кромѣ сего имъ написана диссертація: „Борьба Галльской церкви противъ папъ за независимость", которую Совѣтъ С.-Петербургской дух. академіи 30 апр. 1900 г. разрѣшилъ напечатать на счетъ академическихъ суммъ, ассигнуемыхъ на печатаніе магистерскихъ диссертацій.

4) *Несторъ Конст. Дагаевъ* (1899—900), Курской семинаріи. Въ 1895 г. окончилъ Петербургскую академію съ званіемъ магистранта. 25 января 1896 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора во Владимірскую семинарію. Въ 1899 г.—магистръ. Въ томъ же году 4 ноября—преподаватель библейской и церковной исторіи. Въ 1900 г. въ маѣ перешелъ въ Рижскую семинарію на классъ св. писанія. Литературные труды: „Вопросъ о великой синагогѣ въ ея отношеніи къ исторіи ветхозавѣтнаго канона", Христ. Чтеніе, 1895 г.; „Талмудическая хронологія", Влад. Еп. Вѣд., 1898, № 19; „Исторія ветхозавѣтнаго канона". Спб. 1898.

5) *Антонъ Павлов. Вышемірскій* (1900), Харьковской сем., Кіевской акад. Окончилъ съ званіемъ магистранта въ 1888 г. и 4

ноября того же года опредѣленъ въ Литовскую семинарію на классъ всеобщей исторіи. Съ 1890—900 г.—секретарь правленія. 11 мая 1900 г. перемѣщенъ на должность преподавателя библейской и церковной исторіи во Владимірскую семинарію. Приказомъ по министерству финансовъ отъ 17 авг. 1900 г. назначенъ въ частную торговую школу Ковалевскаго въ г. Варшаву преподавателемъ коммерческой географіи.

6) *Александръ Магистріановичъ Кремлевскій* (съ 1900 г.), Вологодской семинаріи. Окончивъ курсъ въ Казанской академіи съ званіемъ магистранта въ 1896 г., 10 сент. того же года надзиратель Казан. дух. училища; 5 марта 1897 г.—преподаватель гомилетики, литургики и практики въ Тобольской духовн. семинаріи; 14 августа того же года помощникъ инспектора Вологодской семинаріи; 1898 г.—магистръ. 16 сент. 1899 г. преподав. латинскаго яз. въ Архангельской семинаріи. 26 окт. 1900 г. перемѣщенъ во Владиміръ на классъ библейской и церковной исторіи.—Литературные труды: „О чтеніи Св. Писанія при богослуженіи въ древней церкви". Руков. для сел. пастырей, 1895 года, № 22; „Объ обращеніи раскольниковъ", тамъ же, №№ 33 и 35; Стихотворенія въ Рус. Паломникѣ 1895 г., №№ 12, 19, 25, 26, 27, 52; „Исторія пелагіанства и пелагіанская доктрина", 1898 г., Казань; „Дѣла не такъ давно минувшихъ дней", Арханг. Губ. Вѣд., 1900 г., № 216 и 220; „Церковностроительный вопросъ въ Архангельскѣ", тамъ же. № 71; „Иной міръ или четырехмѣрное пространство", библіограф. замѣтка, тамъ же, № 213; „Слово въ день св. Іоанна Богослова", Арханг. Епарх. Вѣд., 1900 г., № 9; „Слово въ день св. Пасхи", тамъ же, № 8; „О недовольствѣ жизнію", тамъ же, № 16; „Чѣмъ опасна рюмка вина?", тамъ же, № 20; „Боязнь жизни", тамъ же, № 22; „Многочисленность обитаемыхъ міровъ съ библейской точки зрѣнія", Оренб. Еп. Вѣд., 1901 г., № 3—4; „Слово въ день св. Пасхи", Ярослав. Еп. Вѣд., 1901 г., № 13; „Зло здѣсь и за гробомъ", Странникъ, 1901 г., мартъ; „Геннадій Ероѳеевичъ. Черты изъ быта сѣвероградской дух. семинаріи", тамъ же, 1901 г., май; „Противъ ариѳметическихъ задачъ", Сѣверный Край, 1901 г., № 87; „О желательности пріобрѣтенія телескоповъ при семинаріяхъ", Церк. Вѣст., 1901 г., № 31; „Пробѣлъ въ реформѣ средней школы", тамъ же, № 44; „По поводу уклоненія студентовъ семинарій отъ священства", тамъ же, № 47; „Гностикъ Маркіонъ, его личность, канонъ и доктрина", Владим. Епарх. Вѣдом., 1901 г., № 16—23.

Основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія.

1) *Андрей Ив. Боголюбовъ* (1869—71), см. выше, стр. 266 сл.

2) *Григорій* (Полетаевъ) (1872—77), въ мірѣ Левъ Петровичъ,

изъ Нижегородской семинаріи. Окончилъ курсъ Казанской академіи въ 1854 г. и оставленъ баккалавромъ при академіи по каѳедрѣ св. писанія. 1850 г.—экстраординарный профессоръ. 3 февр. 1867 г. назначенъ ректоромъ въ Уфимскую семинарію и возведенъ въ санъ архимандрита. 5 сент. 1869 г. отъ должности ректора Уфимской семинаріи уволенъ и перешелъ во Флорищеву пустынь. 19 января 1872 г. опредѣленъ наставникомъ основнаго, догматич. и нравственнаго богословія во Влад. семинарію. 11 мая 1877 г.—назначенъ на должность ректора Иркутской семин. Съ 1888—91 г. членъ Петерб. дух.-цензурнаго комит. 26 января 1891 г. еп. Ковенскій; 21 нояб. 1892 г.—Туркестанскій; 1895 г.—Омскій и Семипалатинскій. (Подробнѣе о Григоріѣ см. Исторія Казанской дух. акад. Знаменскаго. В. II, стр. 184—89).

3) *Иванъ Вас. Соболевъ* (1877—900), см. выше, стр. 384.

4) *Павелъ Петр. Борисовскій* (съ 1900), см. выше, стр. 385.

Обличительнаго богословія, исторіи и обличенія рус. раскола.

1) *Пав. Алексѣев. Бѣлояровъ* (1880—86 годъ), преподавалъ исторію раскола, когда этотъ предметъ былъ еще необязательнымъ.

2) *Василій Як. Розановъ* (1880—86 г.), преподавалъ обличеніе раскола въ тотъ же періодъ.

3) *Василій Аникитичъ Прозоровъ* (1886—93), воспитанникъ Влад. семинаріи и Казанской академіи. По окончаніи курса съ званіемъ магистранта, 29 іюля 1883 г. опредѣленъ преподавателемъ ученія о рус. расколѣ въ Самарскую семинарію. 4 ноября 1886 г. перемѣщенъ на каѳедру обличительнаго богословія, исторіи раскола и мѣстнаго сектантства во Владимірскую семинарію. Въ сент. мѣсяцѣ 1893 г. перешелъ въ Петербургскую семинарію на тотъ же предметъ. Въ настоящее время священникъ Казанскаго собора въ Петербургѣ. — Литературные труды: „Главныя книги, необходимыя при собесѣдованіяхъ съ старообрядцами", „Самар. Еп. Вѣд., 1884 г., № 20 и 1885 г., №№ 2, 4—5; „Разборъ безпоповщинскихъ мнѣній объ антихристѣ", тамъ же, 1884 г., № 7, 14—15; „Бесѣда православныхъ съ старообрядцами въ с. Данилевѣ о церкви", Влад. Еп. Вѣд., 1889 года, № 3—5; „Бесѣды (2) православныхъ съ апологетомъ раскола Онисимомъ Швецовымъ, происходившія въ с. Новомъ Влад. уѣзда, 18 и 19 дек. 1888 г.", тамъ же, №№ 16, 18. (О В. А. Прозоровѣ см. Истор. записка о состояніи Каз. дух. акад. Терновскаго, 1892 г., стр. 562 и Влад. Еп. Вѣд. 1893 г., № 20).

4) *Ѳеодоръ Козьм. Сахаровъ* (1893—95), изъ Тамбовской семинаріи. Окончилъ Казанскую академію съ званіемъ магистранта.

Въ 1879 г. 1 сентября назначенъ въ Екатеринбургское дух. училище по классу латинскаго языка. 4 мая 1884 г. переведенъ во Влад. семинарію преподавателемъ гражданской исторіи. 28 окт. 1893 г. перемѣщенъ на вакансію преподавателя по обличительному богословію, исторіи и обличенію рус. раскола. Согласно прошенію, 26 іюня 1895 года перешелъ опять на классъ гражданской исторіи. Литературные труды: „Ученіе объ антихристѣ у первыхъ расколоучителей", Тамб. Епарх. Вѣд., 1875 г., №№ 20—24; „Ѳедоръ Ивановъ Кривой, наставникъ секты бѣгуновъ, его сочиненія и ученіе", Влад. Еп. Вѣд., 1887 г., №№ 15, 18 и 19; „Литература исторіи и обличенія рус. раскола. Систематическій указатель о расколѣ и сектантствѣ книгъ, брошюръ и статей, находящихся въ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ". Вып. I. 1887. Тамб. Выпускъ II. 1892. Спб. и Выпускъ III. 1900. Спб.

5) *Сергѣй Алексѣев. Троицкій* (съ 1895), Ярославской семинаріи. По окончаніи курса Московской академіи со степенью кандидата, 10 авг. 1893 г. опредѣленъ надзирателемъ при Пошехонскомъ дух. училищѣ. 28 окт. 1893 г. назначенъ преподавателемъ гражданской исторіи во Владимірскую семинарію. Согласно прошенію, 26 іюня 1895 года перемѣщенъ на классъ обличительнаго богословія, исторіи и обличенія раскола. Литературные труды: „Незаконность Австрійскаго священства", Влад. Еп. Вѣд., 1902 г., № 1, сл.

Гомилетики, литургики, практики.

1) *Василій Яков. Розановъ* (1869—83), см. выше, стр. 293.

2) *Николай Влад. Покровскій* (1883—90). По окончаніи курса во Влад. семинаріи 1873 г., 13 сентября того же года опредѣленъ учителемъ Шуйскаго дух. училища въ приготовительный классъ, а 18 ноября учителемъ рус. языка во всѣхъ классахъ и проходилъ эту должность до 1874 года. Съ 1874—78 обучался въ Казанской академіи, курсъ которой окончилъ съ званіемъ магистранта. 28 іюля 1878 г. опредѣленъ въ Самарскую семинарію преподавателемъ гомилетики, литургики и практики. 28 іюля 1882 г. назначенъ смотрителемъ Веневскаго дух. училища. 20 окт. 1883 года по прошенію перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на гомилетику и соединенные съ нею предметы. 18 марта 1884 г. рукоположенъ во священника къ Влад. женскому Успенскому монастырю съ оставленіемъ въ должности преподавателя. Въ декабрѣ 1890 г. перемѣщенъ къ Александроневской церкви и опредѣленъ законоучителемъ мужской и женской Влад. гимназіи. 1901 г.—протоіерей. Литературные труды: „Рус. церковная проповѣдь въ мон-

гольскій періодъ", Самар. Еп. Вѣд., 1878—79 г. (О Н. В. Покровскомъ см. Терновскій, стр. 517—518).

3) *Алексѣй Ѳеод. Скворцовъ* (1884—87), Виѳанской семинаріи. По окончаніи курса въ Московской академіи въ 1884 г., съ званіемъ магистранта, 3 сентября того же года назначенъ во Владимірскую семинарію преподав. литургики, гомилетики и практики. 7 ноября 1885 г. утвержденъ въ должности секретаря правленія. Согласно прошенію, перемѣщенъ на каѳедру словесности и исторіи литературы 11 марта 1887 г. 1 авг. 1900 г. назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Херсонской губ Въ 1901 г. перешелъ на ту же должность въ Симферополь (Симферопольско-Евпаторійскій районъ). Литературные труды: „О значеніи А. С. Пушкина въ исторіи развитія рус. литературы", Влад. Епарх. Вѣд., 1899 г., № 11. (Проводы А. Ѳ. Скворцова см. Влад. Епарх. Вѣд., 1900 г., № 17).

4) *Николай Никит. Орловъ* (1887), Тамбовской семинаріи и Московской акад. По окончаніи курса въ 1886 г. съ званіемъ магистранта, 27 марта 1887 года назначенъ во Влад. семинарію преподавателемъ гомилетики, литургики и практики. 22 дек. 1889 г. перемѣщенъ въ родную семинарію преподавателемъ догматич., нравствен. и основнаго богословія. Съ 27 дек. 1890 г.—словесности и исторіи литературы.

5) *Михаилъ Антон. Чепикъ* (1888—94). По окончаніи курса въ Кіевской академіи со степенью кандидата въ 1881 г., 28 іюля того же года опредѣленъ въ Пермскую семинарію учителемъ гомилетики, литургики и практическаго руководства. Съ 1885—88 г. состоялъ учителемъ пѣнія. 22 декабря 1888 года перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на тѣ же предметы. 24 февраля 1894 г. переведенъ въ Пинское дух. училище на должность учителя по греческому языку. Въ настоящее время въ Каргопольскомъ училищѣ. Литературные труды: „Изъ уроковъ по практическому руководству для пастырей", в. 1 и 2; „Гомилетика", 1893 г.; „Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ гомилетъ"; „Богослужебныя таблицы на большихъ листахъ".

6) *Дмитрій Серг. Глаголевъ* (1891), Тульской семинаріи. По окончаніи Москов. акад. съ званіемъ магистранта въ 1888 г., опредѣленъ преподавателемъ въ Пермскую семинарію. 10 янв. 1891 г. перемѣщенъ во Владиміръ на классъ литургики, гомилетики и практики. 27 августа того же года утвержденъ законоучителемъ и инспекторомъ классовъ Тульскаго женскаго училища.

7) *Петръ Ильичъ Вознесенскій* (1891—97), Владимірской семинаріи. Петербургскую академію окончилъ съ званіемъ магистранта въ 1891 г. 3 октября того же года назначенъ во Владиміръ преподавателемъ гомилетики, литургики и практики. Въ концѣ

1897 г. оставилъ духовно-учебную службу и вышелъ въ свѣтское вѣдомство. Въ послѣднее время занимаетъ должность податного инспектора въ г. Вязникахъ.

8) *Николай Петр. Крестовъ* (1894—900), см. выше, стр. 385.

9) *Дмитрій Мих. Судницынъ* (съ 1898 г.), Тверской семинаріи. По окончаніи курса Московской академіи въ 1896 г. съ званіемъ магистранта, 17 іюля 1897 г. назначенъ преподавателемъ гражданской исторіи въ Ставропольской семинаріи. 5 февраля 1898 г. перемѣщенъ во Владиміръ на классъ гомилетики, литургики и практики. Литературные труды: „Таинство Евхаристіи въ памятникахъ древне-христіанской символики", Влад. Епарх. Вѣд., 1901 г., № 8; „Древне-христіанскія похороны", тамъ же, №№ 11—12; „Благотворительность и благотворительныя учрежденія въ древней церкви", тамъ же, № 23.

10) *Николай Семен. Приклонскій* (съ 1900), Владимірской семинаріи, магистрантъ Московской академіи выпуска 1900 года. 2 сентября того же года назначенъ во Владимірскую семинарію преподавателемъ гомилетики, литургики, практики. Литературные труды: „Значеніе преосв. Иннокентія для православ. церкви, русскаго государства и общества", Влад. Еп. Вѣд., 1901 г., № 6; „Участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ въ періодъ древней церкви", тамъ же, №№ 10, 11.

Педагогики и дидактики.

1) *Ѳеодоръ Никол. Павлинскій* преподавалъ дидактику и педагогику съ 10 янв. 1870 г. по 1872 г. 1 сент. 1872 г. преподаваніе этихъ предметовъ поручено наставнику философіи.

Логики.

До 1884 г. логику преподавалъ наставникъ словесности. Съ 1884 г. логика присоединена къ группѣ предметовъ философскихъ.

Философіи и соединенныхъ съ нею предметовъ.

1) *Александръ Ильичъ Сервицкій* (1869 — 88). см. выше, стр. 284—86.

2) *Василій Гавр. Добронравовъ* (съ 1888), Владимірской семинаріи, магистрантъ Петербургской академіи вып. 1885 г. 13 дек. 1885 г. преподаватель философскихъ предметовъ въ Астраханской семинаріи. 10 февр. 1888 г. преподаватель тѣхъ же предметовъ во Владимірской семинаріи. Литературные труды: „Десять лѣтъ изъ исторіи старокатоличества", Христ. Чт., 1890 г. „Историко-

статистическое описаніе церквей и приходовъ Владимірской епархіи (уѣзды: половина Владимірскаго, Александровскій, Меленковскій, Муромскій, Вязниковскій, Гороховецкій, Покровскій, Переславскій и Судогодскій)". 1893—97 г. „Церковно-приходскія библіотеки", Влад. Еп. Вѣд., 1890 г., № 3, 4; „Идеальный народный учитель", тамъ же, № 6; „Замѣтки о преподаваніи Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ", тамъ же, 1891 г., №№ 9, 10; „Значеніе препод. Сергія и основанной имъ Троицкой лавры въ исторіи русской церкви и государства", тамъ же, 1892 г., № 21—22; „Школы грамоты и приходское сельское духовенство", тамъ же, 1893 г., № 12 и 14; „По поводу изданія Приходской библіотеки", тамъ же, 1895 г., № 24 и 1896 г., № 1; „О второклассныхъ школахъ", тамъ же, 1896 г., №№ 12, 13, 20, 21; „Церковно-приходскія школы Влад. епархіи за 1895—97 г." тамъ же, 1898 г., № 1—2; „Библіотеки для учителей церк.-приходскихъ школъ", тамъ же, 1898 г., № 6; „Что сдѣлано Импер. Прав. Палестинскимъ Обществомъ для поддержанія православныхъ въ Св. Землѣ", тамъ же, 1899 г., № 8 и 9; „Владимірскій Рождественнъ монастырь въ 1763 г.", тамъ же, 1899 г., № 19; „Скопчество въ предѣлахъ Влад. епархіи", 1899 г., № 24 и 1900 г., №№ 1 и 2; „Педагогическіе курсы для учителей ц. приходскихъ школъ Влад. епархіи въ 1898 и 99 г.", тамъ же, 1898 г., № 17 и 1899 г., № 17; „Памяти П. А. Бѣлоярова", тамъ же, 1899 г., № 22; „150-лѣтній юбилей Владим. дух. семинаріи", тамъ же, 1900 г., №№ 4—5; „700-лѣтній юбилей Влад. Успенскаго женскаго монастыря", тамъ же, 1900 г., № 15—19. Въ Московскихъ Вѣд.: „По поводу 500-лѣтняго юбилея преп. Сергія", 1892 года, № 254; „Къ вопросу о школахъ грамоты", 1894 г., № 12; „О земской школьной статистикѣ", 1897 г., № 15; „Перепись", 1897 г., № 38. Въ Церковномъ Вѣстникѣ: „О религіозно-нравственныхъ нуждахъ нашего паломничества", 1892 года, № 51. „10-лѣтіе церк.-приходской школы Влад. епархіи", Церковно-приходская школа 1895 г. — Съ 1900 г. принимаетъ участіе въ редактированіи Влад. Еп. Вѣдомостей.

Физики и математики.

1) *Глѣбъ Вас. Миловидовъ* (1869—78), см. выше, стр. 293.

2) *Александръ Вас. Посп ѣховъ* (1869—70), см. выше, стр. 294.

3) *Семенъ Самуил. Еленевскій* (1870—78), Полоцкой семинаріи, магистръ Московской академіи (вып. 1866—70 г.). 20 авг. 1870 г. назначенъ во Владиміръ преподав. математики и физики. Лѣтомъ 1878 года оставилъ семинарскую службу и перешелъ въ законоучители Влад. гимназіи. Сконч. 17 окт. 1890 г.

4) *Митрофъ. Мих. Рудольфъ* (1878—95). По окончаніи курса въ Константиновскомъ межевомъ корпусѣ въ 1865 г., въ томъ же году 4 ноября поступилъ на службу въ межевой корпусъ прапорщикомъ межевыхъ инженеровъ. 15 марта 1867 г. уволенъ отъ службы по болѣзни съ чиномъ подпоручика. 19 сент. 1878 г. допущенъ къ преподаванію по найму физики и математики во Влад. семинаріи. 15 мая 1879 г. утвержденъ въ должности преподавателя. Скопч. 20 дек. 1895 г. (Некр. см. Влад. Еп. Вѣд., 1896 г., № 3). Литературные труды: „Признаки мнимой смерти", Влад. Еп. Вѣд., 1880 г., № 21.

5) *Сергѣй Матв. Травчетовъ* (1880—82). По окончаніи IV класса Влад. семинаріи въ 1876 г., поступилъ въ Петербургскій университетъ по физико-математическому факультету. 1880 года утвержденъ въ степени кандидата. 15 сент. 1880 г. поступилъ на должность препод. математики и физики во Влад. семинарію. Въ 1882 г. оставилъ службу при семинаріи и поступилъ въ Технологическій институтъ. Инженеръ на Петерб. Варшавской жел. дорогѣ.

6) *Иванъ Петр. Крыловъ* (сь 1882 г.), въ 1877 г. уволился изъ Влад. семинаріи и поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ. Окончилъ со степенью кандидата въ 1882 г. 25 сент. того же года назначенъ преподавателемъ физико-математическихъ наукъ во Владимірскую семинарію.

7) *Михаилъ Александр. Гербановскій* (съ 1896 г.), Подольской семинаріи, дѣйствит. студентъ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета (1884 г.) 13 дек. 1884 г. преподаватель физики и математики въ Якутской семинаріи. 18 янв. 1896 г. преподав. тѣхъ же предметовъ во Влад. семинаріи.

Русской словесности и исторіи литературы.

1) *Ив. Семен. Любимовъ* (1869—87), см. выше, стр. 288—89.

2) *Василій Марк. Березинъ* (съ 1884 г.), Владимірской семинаріи, магистрантъ Кіевской академіи выпуска 1882 года. 27 іюля того же года—преподаватель русскаго и церк. славянскаго яз. въ Бѣльскомъ дух. училищѣ. Съ 4 мая 1884 г. преподаватель словесности и литературы во Влад. семинаріи. Литературные труды: „Описаніе рукописей Почаевской библіотеки, хранящихся въ музеѣ при Кіевской академіи", 1882 г; „Историко статистическое описаніе церквей и приходовъ Владим. епархіи (уѣзды: Владимірскій (половина), Суздальскій. Юрьевскій, Шуйскій и Ковровскій)". Во Влад. Еп. Вѣд: „Значеніе славянской грамоты для политической, умственной и нравственной жизни рус. народа", 1885 г., № 12; „По поводу 50-лѣтія со дня кончины А. С. Пушкина", 1887 года,

наріи, магистрантъ Москов. академіи (вып. 1875 г.). 17 іюля 1875 г. преподаватель греческаго яз. въ Воронежской семинаріи. 21 февр. 1877 г. перемѣщенъ на тотъ же предметъ во Владимірскую семинарію. Съ 8 іюня 1888 г. состоитъ священникомъ Влад. Борисоглѣбской церкви 1901 г.—протоіерей.х) Литературные труды: „Руководитель Владимірскихъ богомольцевъ“, Влад., 1880 г.; „Высокопреосвященный Парѳеній, бывшій Архіеп. Владимірскій, впослѣдствіи Воронежскій. Его біографія и неизданныя доселѣ проповѣди“, Влад., 1882; „Описаніе церквей и приходовъ Влад. епархіи. Т. I. Александровскій уѣздъ. Влад., 1886 г. Во Влад. Епарх. Вѣд.: „А. Е. Богородскій (некрологъ)“, 1898 г., № 13; „Бесѣды въ назиданіе православныхъ, имѣющихъ наклонность къ мнѣніямъ глаголемыхъ старообрядцевъ (IX бес.)“, 1897 г., №№ 12—15, 17—22; „О чтеніи Слова Божія и душеполезныхъ книгъ“, 1886 г., № 2; „Церкви и монастыри въ г. Муромѣ“, 1886 г., №№ 2, 3, 5 и 7; „О благодатныхъ дѣйствіяхъ поста“, 1886, № 6; „О христіанскомъ воспитаніи дѣтей“, тамъ же, №№ 6—7; „Имена св. мужей, родившихся въ Суздальской или Влад. области“, тамъ же, №№ 7, 9; „О христіанскомъ терпѣніи“, тамъ же, №№ 8—9; „Краткія біографическія свѣдѣнія о преосв. архіереяхъ Прав. Рос. церкви, уроженцахъ Влад. епархіи (1770—86 г.г.)“, 1886 г., №№ 11—12; „Списки окончившихъ полный курсъ во Влад. дух. семинаріи по преобразованіи оной по новому (1869 г.) уставу, 1870—76 г.“, 1886 г., №№ 16—19; „Краткія біографическія свѣдѣнія объ іерархахъ Влад. епархіи отъ возстановленія ея до настоящаго времени (1744—86)“, 1886 г., №№ 19—22; „Церкви и монастыри въ г. Муромѣ и его уѣздѣ въ концѣ XVII столѣтія“, 1885 г., № 19—22; „Трактатъ о троичности (переводъ съ латинскаго) архим. Парѳенія“, 1885 г., № 17; „Памяти А. Н. Яковлевскаго“, 1881 г., № 11; „Діаконъ Мат. Орловъ (некр.)“, 1884 г., № 11; „Село Полиносово“, 1876 г., №№ 3 и 5; „Письма преосв. Парѳенія къ митр. Москов. Филарету“, 1879 г., №№ 16 и 23, 1880 г., №№ 3, 8, 9, 13, 16, 17, 19 и 20 и 1881 г., № 4; „Письма преосв. Парѳенія къ митр. Петерб. Серафиму“, 1878 г., №№ 8, 10, 12—14, 17, 21, 22 и 1879 г., № 1, 2, 4 и 5; „Письма преосв. Парѳенія къ разнымъ лицамъ“, 1878 г., № 7, также 1880, № 23, 1881 г., № 8 и 21.

5) *Александръ Евв. Богородскій* (1896—98), см. выше, стр. 385.

6) *Александръ Ив. Канаровскій* (съ 1898 г.), Владимірской семинаріи. По окончаніи въ 1891 г. Петербургской акад. съ званіемъ магистранта, 1 ноября того же года утвержденъ въ должности надзирателя при Влад. семинаріи. 17 мая 1893 г. помощникъ инспектора 30 іюля 1898 года преподаватель греческаго языка. 1900—секретарь правленія.

х) В 1912 г. был [illegible]

Латинскаго языка.

1) ***Алексѣй Ив. Розовъ*** (1869—75), см. выше, стр. 254.

2) ***Матѳей Ив. Жудро*** (1869—77), см. выше, стр. 265.

3) *Николай Алексѣев. Комаровъ* (съ 1875 г.), Тверской сем., магистрантъ Москов. академіи (вып. 1875 г.). 17 іюля 1875 г. преподаватель латинскаго яз. во Владимірской дух. семинаріи. Съ сент. 1884 г. сверхъ сего и нѣмецкаго.

4) *Александръ Иванов. Цвѣтковъ* (1877—1890), см. выше, стр. 282.

5) *Василій Влад. Никольскій* (1884—86), Владимірской семинаріи, магистрантъ Московской академіи (1882 г.). 27 іюля 1882 г. назначенъ учителемъ Кинешемскаго дух. училища по классу латинскаго языка. 4 мая 1884 г. переведенъ на тотъ же предметъ во Влад. семинарію. 29 октября 1886 г. В. В. Никольскій увол. отъ училищной службы и рукоположенъ во священника въ с. Орѣхово.

6) *Иванъ Гри. Левкоевъ* (съ 1890 г.), студентъ Владимірской семинаріи, магистрантъ Московской академіи (вып. 1886 г.). 5 дек. 1886 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора во Влад. семинарію. 9 нояб. 1890 г., перемѣщенъ на должность преподавателя латинскаго языка. Литературные труды: „Шесть недѣль. Замѣтка наблюдателя религіозно-нравственной жизни", Влад. Епарх. Вѣд., 1884 г., № 6; „О церковной восковой свѣчѣ", тамъ же, 1887 г., № 3; „Св. Владиміръ, какъ просвѣтитель Руси", тамъ же, 1888 г., № 15; „Серапіонъ, еп. Владимірскій (1274—75), какъ писатель", тамъ же, 1895 г., №№ 11, 12 и 14; „Десятилѣтіе существованія церковно-приходскихъ школъ во Влад. епархіи", тамъ же, 1895 г., № 22; „Основы христіанской семьи", 1899 г., №№ 20—21; „Дѣятельность Влад. Братства св. Александра Невскаго за 1887—88", Церк. Вѣд., 1889 г. № 31; „Десятилѣтіе Влад. Братства св. Александра Невскаго", тамъ же, 1890 г., № 7; „Влад. Братство св. Александра Невскаго за 1889—90 г., тамъ же, №№ 16—17; „Какія дѣла угодны отъ насъ Богу? Перев. изъ твор. св. Дмитрія Ростовскаго", Отдыхъ Христіанина, 1901 года, іюль: „Скорбящій и утѣшающій. Перев. изъ тв. св. Дм. Ростовскаго", тамъ же, авг.; „Истинная молитва. Тоже", тамъ же, окт.; „Бисеръ многоцѣнный. Тоже", тамъ же, нояб.; „Божіе милосердіе. Пер. изъ Иліи Минятія", тамъ же, дек.; „Опись движимаго имѣнія вдовы подполковницы Хоненевой — помѣщицы XVIII в. Рукоп. 1782 г. съ примѣчаніями", Труды Влад. Арх. Коммиссіи, кн. IV.

Церковнаго пѣнія.

1) *Иванъ Вас. Благонравовъ* (1869—71). По окончаніи семинарскаго образованія въ 1842 г., поступилъ 1844 г. въ архіерейскій хоръ. Въ 1847 г. получилъ въ СПБ. званіе регента и сдѣланъ былъ регентомъ архіерейскаго хора во Владимірѣ. Въ 1851 г. рукоположенъ во священника Успенскаго собора. Съ 1869 года учитель пѣнія въ семинаріи. 9 ноября 1871 г. уволился отъ семинарской службы. Ум. 25 февр. 1881 г. въ санѣ протоіерея и званіи ключаря Владимірскаго собора.

2) *Алексѣй Евг. Ставровскій* (1871—83). По окончаніи Влад. семинаріи въ 1870 г., 14 октября 1870 г. опредѣленъ учит. пѣнія Влад. дух. училища, каковую должность проходилъ до 19 ноября 1871 г. 31 октября 1870 года назначенъ регентомъ архіер. хора. 19 ноября 1871 года утвержденъ учит. пѣнія въ семинаріи. Съ 15 ноября 1873 г. сталъ обучать воспитанниковъ семинаріи музыкѣ. 1 сентября 1883 г. оставилъ семинарскую службу. Въ настоящее время регентъ архіерейскаго хора.

3) *Иванъ Николаев. Чижевъ* (1883—92). По окончаніи курса Влад. семинаріи въ 1862 г., 2 мая 1865 г. рукоположенъ во діакона къ Георгіевской г. Владиміра церкви. Въ ноябрѣ 1883 г. назначенъ учителемъ пѣнія во Влад. семинарію. 12 авг. 1890 года рукоположенъ во священника къ Богородицкой церкви. 7 окт. 1892 года занялъ должность эконома при семинаріи. Должность эконома исправлялъ до 10 окт. 1893 г. Въ этотъ день скончался.

4) *Ѳеодоръ Вас. Радиксовъ* (1892—901). Имѣетъ аттестатъ придворной пѣвческой капеллы. На службѣ при семинаріи состоялъ съ 7 окт. 1892 г. по авг. 1901 г. Въ настоящее время учитель пѣнія во Влад. епарх. женскомъ училищѣ.

5) *Николай Матѳ. Соловьевъ* (съ 1901 г.), студентъ Владимірской семинаріи, кандидатъ Московской академіи вып. 1891 г., 22 августа 1891 г. учитель приготов. класса Переславскаго дух. училища. 23 ноября 1892 г. учитель св. исторіи, катихизиса, церковной исторіи и устава во Влад. дух. училищѣ. Съ 1-го сент. 1901 г. сверхъ сего церковнаго пѣнія въ семинаріи. Литературные труды: „Когда и какъ собственно начался расколъ при патр. Никонѣ", Влад. Еп. Вѣд., 1898 г., №№ 17—18; „Премудрость и благость Божія въ отношеніи къ явленіямъ зла", тамъ же, № 20; „Свойства истинно-церковнаго пѣнія", тамъ же, 1900 г., № 20.

Нѣмецкаго языка.

1) *Германъ Ѳеод. Герингъ* (1869—80), учитель гимназіи.

2) *Павелъ Алексѣев. Бѣлояровъ* (1878—99), въ епархіал. отдѣл., а съ 1884 г. въ I группѣ (см. выше, стр. 289).

3) *Василій Яков. Розановъ* (1872—81), въ епарх. отд., (см. стр. 293).

4) *Карлъ Карл. Дихеусъ* (1880—84), учитель гимназіи.

5) *Николай Алекс. Комаровъ* (съ 1884 г.), см. стр. 397.

6) *Неофитъ Влад. Малицкій* (съ 1900 г.), см. стр. 386.

Французскаго языка.

1) *Мих. Ив. Херасковъ* (1869—70), см. стр. 282.

2) *Яковъ Абрам. Амстуцъ* (1870), учит. гимназіи.

3) *Влад. Александр. Козловъ* (1873—74), учитель гимназіи.

4) *Аѳанасій Никол. Яковлевскій* (1874—79), см. стр. 98.

5) *Матѳей Ив. Жудро* (1877—79), см. стр. 265.

6) *Василій Ѳеод. Чернышевъ* (1879—88), окончившій курсъ Тверской дух. семинаріи, съ 1878 г. смотритель Влад. уѣзднаго училища, впослѣдствіи инспекторъ народныхъ училищъ Шуйскаго уѣзда.

7) *Василій Гавр. Добронравовъ* (съ 1888 г.), см. стр. 391—92.

Еврейскаго языка.

1) *Матѳ. Ив. Жудро* (1869—77), см. стр. 265.

2) *Михаилъ Александ. Плаксинъ* (1877—900), см. стр. 384—85.

3) *Павелъ Петр. Борисовскій* (съ 1900 г.), см. стр. 385.

Помощники инспектора.

1) *Петръ Григ. Кліентовъ* (1869—70), см. стр. 263—65.

2) *Михаилъ Серг. Новлянскій* (1869—71), см. стр. 276.

3) *Николай Дм. Боголъповъ* (1869—70), см. стр. 286.

4) *Иванъ Дмит. Ключаревъ* (1870—78), по окончаніи курса Влад. семин. въ 1858 г., опредѣленъ 1 сент. 1859 г. учителемъ низш. 1 отд. Влад. училища. 31 дек. 1863 г. утвержденъ наставникомъ слав. грамматики, ариѳметики и географіи. 15 окт. 1870 г. опред. помощникомъ инспектора семинаріи. 8 янв. 1878 г. оставилъ службу по болѣзни. Умеръ 1878 г.

5) *Семенъ Осип. Сердцевъ* (1870—86). По окончаніи курса во Владимірской семинаріи (1864), поступилъ въ Московскую академію, которую окончилъ въ 1870 г. (безъ ученой степени). 30 дек. 1870 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. 5 дек. 1886 г. уволился отъ службы. Скონч. въ Москвѣ 18 окт. 1901 г.

6) *Капитонъ Вас. Ястребовъ* (1871), см. стр. 384.

7) *Владиміръ Гавр. Боголюбовъ* (1871—73), см. стр. 384.

8) *Владиміръ Сем. Счастливцевъ* (1873—95). По окончаніи курса Влад. семинаріи со степенью студента въ 1848 г., 14 сент.

1849 г. въ службу вступилъ учителемъ Муром. дух. училища. 15 октября 1852 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора Муромскаго училища. 23 сентября 1863 г. назначенъ инспекторомъ Суздальскаго дух. училища и учителемъ св. исторіи, краткой рус. исторіи и греческаго яз. По преобразованіи училища, поручено ему преподаваніе греческаго яз. 29 сент. 1873 г. перемѣщенъ во Влад. училище на тотъ же предметъ. 29 іюля 1879 г. назначенъ и. д. помощника инспектора Влад. семинаріи; 18 декабря 1882 г. утвержденъ въ этой должности. 5 авг. 1895 г., согласно прошенію, уволенъ отъ службы при семинаріи. (Юбилей службы см. Вл. Еп. Вѣд., 1884 г., № 21).

9) *Михаилъ Егор. Стаховскій* (1878—80), Харьковской семинаріи. По окончаніи въ 1877 г. Кіевской дух. академіи со степенью кандидата, 24 іюня 1877 года былъ избранъ на должность смотрителя при Ахтырскомъ дух. училищѣ. 16 марта 1877 г. помощникъ инспектора Влад. семинаріи. 17 янв. 1880 г. смотритель Суздальскаго дух. училища.

10) *Ксенофонтъ Александ. Вознесенскій* (1880—93). Владимирской семинаріи, магистрантъ Кіевской академіи (вып. 1880 года). 1 августа 1880 г. назначенъ помощникомъ инспектора во Влад. семинарію, на каковой службѣ оставался до 3 мая 1893 года. Съ этого времени смотритель Муромскаго дух. училища. Литературные труды: „Древне-еврейскія раввинскія преданія, изобличающія тщетныя ожиданія нынѣшними евреями перваго пришествія Мессіи", Воронеж. Еп. Вѣд.; „Къ вопросу о семинарской инспекціи", Церковно-обществ. Вѣстникъ; „Признаки пришествія Мессіи, по сказаніямъ еврейскихъ раввиновъ", Влад. Еп. Вѣд., 1880 г., № 10; „Вѣчность адскихъ мученій съ точки зрѣнія Откровенія и разума человѣческаго", тамъ же, 1885 г., № 4, 5 и 8; „Св. Равноапостольный в. к. Владиміръ", 1888 г., брош.

11) *Иванъ Гри. Левковъ* (1886—90), см. стр. 397.

12) *Сергѣй Козьм. Молчановъ* (1890—92), см. стр. 395.

13) *Иванъ Петр. Аврoровъ* (1891—95). Влад. семинаріи. По окончаніи въ 1890 г. курса Петербургской академіи съ званіемъ магистранта, 25 ноября того же года допущенъ къ исправленію должности надзирателя при Влад. семинаріи, въ которой утвержденъ 10 марта 1891 г. 17 октября 1891 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. 15 іюня 1895 г. —учит. Суздальскаго дух. училища. Въ настоящее время помощникъ ревизора въ Департаментѣ Военной и Морской Отчетности.

14) *Яковъ Вас. Бѣляевъ* (1892—96), Влад. семинаріи. По окончаніи курса Казанской академіи со степенью кандидата 1890 г., 9 сентября 1890 г. опредѣленъ учителемъ Переславскаго дух. училища. 22 авг. 1891 г. допущенъ къ исправленію надзиратель-

скихъ обязанностей при Влад. семинаріи. 15 апрѣля 1892 г. назначенъ помощникомъ инспектора. 28 іюня 1896 г. ув. отъ должности помощника инспектора для поступленія на епархіальную службу. Рукоположенъ во священника къ Покровскому собору въ г. Иваново-Вознесенскѣ.

15) *Александръ Иванов. Канаровскій* (1893—98), см. выше, стр. 396.

16) *Дмитрій Вас. Іовлевъ* (1895—99), Казанской семинаріи. Окончилъ курсъ Казанской академіи со степенью кандидата въ 1893 г. 2 сентября 1895 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора во Влад. дух. семинарію. 4 февраля 1899 г. перемѣщенъ въ Камышловское дух. училище учителемъ латинскаго языка. Нынѣ въ Чистопольскомъ училищѣ.

17) *Евгеній Кочановъ* (1895), Ярославской семинаріи, кандидатъ Московской академіи. 22 іюня 1895 г. назначенъ помощникомъ инспектора во Владимірскую семинарію. Умеръ 28 декабря того же года.

18) *Андрей Ив. Постниковъ* (1895—98), Тверской семинаріи. Кандидатъ Моск. акад. выпуска 1894 г. Съ 3 марта 1895 г. исполнялъ обязанности надзирателя при Владимірской дух. семинаріи. 5 октября того же года помощникъ инспектора. 7 января 1898 года учитель греческаго языка во Владим. дух. училищѣ.

19) *Несторъ Конст. Дагаевъ* (1896—900), см. стр. 386.

20) *Николай Никол. Ушаковъ* (съ 1896 г.), студентъ Владимірской семинаріи и кандидатъ Кіевской дух. академіи (вып. 1895 г.). 23 окт. 1895 г. надзиратель при Владимірской дух. семинаріи. Съ 19 іюля 1896 г. помощникъ инспектора тамъ же. Литературные труды: „Радость Воскресенія Христова", Влад. Еп. Вѣд. 1896 г., № 7; „Храмъ во имя св. Равноап. князя Владиміра въ Кіевѣ", тамъ же, №№ 14 и 15; „Рождество Христово", тамъ же, № 24; „Чинъ умовенія ногъ, совершаемый въ св. и великій четвертокъ", тамъ же, 1900 г., № 7; „Цѣль и значеніе поклоненія Животворящему Кресту Христову", тамъ же, 1901 г., № 5; „Страстная седмица", тамъ же, 1901 г., № 7; „Подъ божественнымъ покровомъ", тамъ же, 1901 г., № 18; „Праздникъ Рождества Христова", тамъ же, 1901 г., № 24; „Праздникъ Крещенія Господня и его значеніе", 1902 г., № 1.

21) *Сергѣй Ѳеод. Архангельскій* (1898—900), см. стр. 394.

22) *Андрей Никитичъ Побѣдоносцевъ* (съ 1898), Влад. семинаріи, кандидатъ Казанской академіи (вып. 1897 г.). 4 мая 1898 г. надзиратель при Влад. дух. семинаріи. 30 іюля того же года помощникъ инспектора.

23) *Николай Александ. Поповъ* (1899—900), Владимірской семинаріи. Въ 1897 г. окончилъ курсъ Казанской академіи со сте-

1) Н.Н. Ушаков род. в с. [illegible], Юрьев. уезда, в семье священника. См. „Влад. Епарх. Вед." 1905 г. № 4, с. 130 (Заметка: Ремонт приходских храмов [illegible]")

ненью кандидата. 1 сент. 1898 г. учитель Влад. епархіальн. женскаго училища. 18 февраля 1899 года перемѣщенъ на должность помощника инспектора во Влад. семинарію. 18 сент. 1900 г. по прошенію уволенъ отъ должности помощника инспектора и поступилъ вторично преподавателемъ въ женское училище.

24) *Ефремъ Ефрем. Долганевъ* (1899—901), Херсонской семинаріи. Окончилъ курсъ Московской академіи со степенью кандидата въ 1897 г. 19 іюня 1899 г. счетный чиновникъ въ Департаментѣ Окладныхъ Сборовъ Мин. Фин. 17 сент. того же года псаломщикъ Надгробной церкви въ Гаагѣ. 23 дек. 1899 г. помощникъ инспектора Влад. семинаріи. 7 нояб. 1901 г. преподав. Влад. епарх. женскаго училища. 1902 г.—свящ. въ Спб.

25) *Іосифъ Петр. Успенскій* (1900—901), Влад. сем., кандидатъ Казанской академіи вып. 1900 г. 24 авг. того же года помощникъ инспектора Влад. семинаріи. Въ сент. 1901 г. законоучитель мужской гимназіи въ Екатеринодарѣ.

26) *Леонидъ Θеод. Дмитревскій* (съ 1900 г.), Влад. семинаріи, магистрантъ Казанской акад. (вып. 1900 г.). 24 окт. 1900 г. столоначальникъ Уфимской дух. консисторіи. Съ 21 дек. того же года помощникъ инспектора.

27) *Паркиссъ Ив. Орловъ* (съ 1901 г.), студентъ Влад. семинаріи (1896 г.) и кандидатъ Казанской академіи. 11 ноября 1901 г. помощникъ инспектора Влад. семинаріи.

28) *Михаилъ Алексѣевичъ Владычинъ* (съ 1901 г.), студентъ Влад. дух. семинаріи 1885 г. По окончаніи курса учитель земской школы въ Нижнемъ Ландехѣ, Горох. уѣзда. 31 августа 1898 года надзиратель Владимірской семинаріи. 16 ноября 1901 г. помощникъ инспектора.

Надзиратели.

1) *Алексѣй Евѳ. Чижовъ* (1879—81), студентъ Владим. сем. вып. 1877 г. По окончаніи курса былъ учителемъ Перещаповской школы Императ. воспитательнаго дома. Съ 1889 года по 15 іюня 1881 г. надзиратель при Влад. семинаріи. Съ 1881 г. свящ. с. Весокъ Юр. уѣзда.

2) *Иванъ Степ. Лавровъ* (1879—81). По окончаніи семинарскаго курса во Владимірѣ, студентъ Московскаго университета. Съ 1879 по 1881 г. надзиратель при Влад. семинаріи. Въ 1881 г. свящ. пог. Кинешемскаго, Вязн. уѣзда. Во Влад. Еп. Вѣд. И. С. Л. напечаталъ: „Погостъ Кинешемскій“, 1890 г., № 20.

3) *Николай Степ. Виноградовъ* (1881—82), студ. Влад. семинаріи вып. 1880 г. 24 авг. 1881 г.—надзиратель Влад. семинаріи. Уволился отъ этой должности 18 сент. 1882 г. и рукоположенъ

во священника въ с. Яновецъ Влад. уѣз. Въ 1896 г. перемѣщенъ въ пог. Николопольскій Судог. уѣзда.

4) *Степанъ Ив. Виноградовъ* (1881—85). По окончаніи курса во Влад. семинаріи въ 1878 г., былъ учителемъ Уршальскаго народ. училища Судог. уѣзда. 24 авг. 1881 г.—надзиратель при Влад. семинаріи. Состоялъ на этой должности по 18 апр. 1885 года. Въ 1886 г. рукоположенъ въ с. Бородино Сузд. уѣзда; въ 1896 году переведенъ въ г. Ковровъ къ кладбищенской церкви.

5) *Василій Ив. Скипетровъ* (1882—84). Окончилъ курсъ въ Влад. семинаріи съ званіемъ студента въ 1881 г. Съ 15 октября 1882 г. по май 1884 года—надзиратель при Владим. семинаріи. Въ 1885 г.—псаломщикъ при церкви общины св. Георгія въ С.-Петербургѣ. Въ настоящее время священникъ въ С.-Петербургской епархіи.

6) *Михаилъ Ильичъ Бѣлтовъ* (1884—89), студентъ Влад. семинаріи вып. 1881 г. 16 сент. 1881 г. учитель Саининскаго народнаго училища. Съ 1 мая 1884 по 20 авг. 1889 г.—надзиратель при Влад. семинаріи. 18 декабря 1889 г.—экономъ тамъ же. 15 окт. 1891 г. отъ должности эконома при семинаріи уволенъ и поступилъ на такое-же мѣсто въ Московскую дух. академію. Теперь помощникъ секретаря Окружнаго суда въ Самарѣ.

7) *Александръ Ив. Благосклоновъ* (1885—91), студ. Влад. семинаріи вып. 1882 г. 2 октября 1883 года надзиратель Влад. дух. училища. 18 апрѣля 1885 г. надзиратель семинаріи. 19 авг. 1891 г. учитель рус. языка во Влад. дух. училищѣ.

8) *Сергѣй Козьм. Молчановъ* (1889—90), см. стр. 395.

9) *Иванъ Петр. Авроровъ* (1890—91), см. стр. 400.

10) *Яковъ Вас. Бѣляевъ* (1891—92), см. стр. 400—401.

11) *Александръ Ив. Канаровскій* (1891—93), см. стр. 396.

12) *Сергѣй Ив. Покровскій* (1892—94), Влад. семинаріи. Въ 1892 г. окончилъ Казанскую академію со степенью кандидата и 19 авг. того же года допущенъ къ исправленію надзирательскихъ обязанностей при Влад. семинаріи. 24 февр. 1894 года назначенъ на должность учителя по русскому яз. въ Бирюченское дух. училище. Въ настоящее время помощникъ податного инспектора въ г. Задонскѣ.

13) *Александръ Вас. Товаровъ* (1893), Виѳанской семинаріи. Окончилъ Московскую академію со степенью кандидата въ 1893 г. и 16 сент. того же года—надзиратель при Влад. дух. семинаріи. 11 ноября 1893 г. опредѣленъ учителемъ въ Измаильское дух. училище. Въ томъ же году—преподав. Минской семинаріи по классу раскола.

14) *Александръ Алексѣев. Васильевъ* (1893), студ. Влад. семинаріи (вып. 1889 г.) и кандидатъ Москов. академіи. 6 октября 1893 г.—

учитель приготовительнаго класса при Сузд. дух. училищѣ. Съ 1 дек. 1893 г. по 15 января 1894 г. проходилъ должность надзирателя при Владим. семинаріи. 9 декабря 1893 г. преподаватель Тобольской семинаріи по предметамъ гомилетики, литургики и практики. 1894 г. перемѣщенъ на каѳедру словесности. Въ маѣ 1897 г. назначенъ наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ Влад. губерніи.

15) *Иванъ Алексѣев. Язвицкій* (1894), Виѳанской семинаріи, магистрантъ Московской акад. вып. 1893 г. 4 января 1894 г. надзиратель Суздальск. училища. 15 января 1894 г.—Влад. семинаріи. 18 авг. 1894 г. опредѣленъ на должность помощника инспектора Калужской семинаріи. 1 марта 1900 г.—преподаватель литургики, гомилетики и практики въ Минской семинаріи.

16) *Александръ Ив. Обтемперанскій* (1894—95), студентъ Влад. семинаріи и кандидатъ Кіевской акад. (вып. 1893 г.). 10 февр. 1894 г. надзиратель Суздальскаго училища. 10 марта того же года надзиратель Влад. семинаріи. 5 февр. 1895 г. учитель рус. яз. въ Петровскомъ дух. училищѣ. Въ 1901 году—епарх. миссіонеръ въ Екатеринбургской епархіи. Литерат. труды: „Проповѣдь Іоанна Крестителя", Влад. Еп. Вѣд., 1895 г., № 23.

17) *Николай Матѳ. Георгіевскій* (1894—95), Владимірской семинаріи. По окончаніи Москов. акад. со степенью кандидата (вып. 94 г.), 21 сентября 1894 г. назначенъ надзирателемъ при Влад. семинаріи. 23 декабря 1895 г. назначенъ въ Вяземское дух. училище учителемъ латинскаго яз. Литературные труды: „Иконоборчество и иконоборцы по дѣяніямъ VII вселенскаго собора", Влад. Еп. Вѣд., 1894 г., № 5.

18) *Андрей Ив. Постниковъ* (1895), см. стр. 401.

19) *Николай Ник. Ушаковъ* (1895—96), см. стр. 401.

20) *Александръ Серг. Обтемперанскій* (1896), студ. Влад. семинаріи, кандидатъ Казанской дух. академіи (вып. 1895 г.). 9 сент. 1895 г.—учитель приготовительнаго класса Переслав. училища. 15 янв. 1896 г.—надзиратель Влад. сем. 22 ноября 1896 г. назначенъ въ Пермскую семинарію преподав. раскола.

21) *Николай Павлов. Веселовскій* (1896—97), студентъ Владимірской семинаріи, кандидатъ Московской академіи. 1 сентября 1896 г.—надзиратель при Владимірской семинаріи. 28 марта 1897 г. преподаватель латинскаго языка въ Шенкурскомъ дух. училищѣ. Въ настоящее время учитель Николаевскаго училища, Самарской губ. Литературные труды: „Письма преосв. Ѳеофана, бывшаго еп. Владимірскаго и Суздальскаго", Влад. Еп. Вѣд., 1897 г., №№ 5, 6, 8, 9, 23; „Крестная смерть Господа нашего Іисуса Христа и ея значеніе въ дѣлѣ искупленія человѣческаго рода, по ученію св. Амвросія Медіоланскаго", тамъ же, № 7.

22) *Николай Герас. Нарбековъ* (1896—98), Владимірской семинаріи. Окончилъ Московскую академію со степенью кандидата въ 1895 г. 1 февраля 1896 г. опредѣленъ на службу во Влад. контрольную палату. 16 дек. 1896 г. надзиратель при Влад. дух. семинаріи. 23 апрѣля 1898 г. назначенъ учителемъ греческаго яз. въ Пинскомъ дух. училищѣ. Въ настоящее время служитъ во Владимірѣ по гражданскому вѣдомству.

23) *Николай Александр. Преображенскій* (1897), Владимірской семинаріи, кандидатъ Московской академіи. 21 апр. 1897 г. надзиратель при Влад. дух. семинаріи. 12 авг. того же г. уволенъ въ гражданское вѣдомство. 1898 года рукоположенъ во священника Өеодоровской въ Ковровѣ церкви. Состоитъ законоучителемъ техническаго училища.

24) *Сергѣй Өеод. Архангельскій* (1897—98), см. стр. 394.

25) *Иванъ Петр. Троицкій* (1898), студентъ Влад. семинаріи и кандидатъ Московской академіи. 23 января 1898 г.—надзиратель при Владимірской семинаріи. 4 мая 1898 г. увол. по прошенію. Состоитъ священникомъ въ Москвѣ при церкви Неопалимыя Купины.

26) *Андрей Никит. Побѣдоносцевъ* (1898), см. стр. 401.

27) *Дмитрій Флегонтовичъ Гиляревскій* (съ 1898), студентъ Влад. семинаріи вып. 1895 г. 16 мая 1898 г. надзиратель при Влад. семинаріи.

28) *Михаилъ Алексѣев. Владычинъ* (1898—901), см. стр. 402.

29) *Николай Ив. Никологорскій* (съ 1901), студентъ Влад. семинаріи вып. 1898 г. Съ декабря 1901 г. надзиратель при Влад. семинаріи.

Секретари.

1) *Өеодоръ Вас. Смоленскій* (1869—72). Окончилъ Владимірскую семинарію въ 1866 г. Въ 1869 году—секретарь правленія. 28 марта 1872 г. уволенъ отъ должности секретаря за опредѣленіемъ въ столоначальники Влад. консисторіи.

2) *Андрей Матв. Рождественскій* (1872—84), студентъ Влад. дух. семинаріи вып. 1872 г. 9 октября 1872 г. секретарь правленія. 18 іюля 1884 г. опредѣленъ на должность секретаря канцеляріи Саратовскаго епископа. Умеръ.

3) *Өеодоръ Акинѳ. Касторскій* (1884—85). По окончаніи Влад. дух. училища, 3 іюля 1879 г. поступилъ въ Покровскую дворянскую опеку писцомъ 2-го разряда. 9 іюля 1884 г. опредѣленъ на службу во Влад. губ. правленіе. 30 авг. 1884 г.—секретарь правленія. 29 ноября 1885 г. перемѣщенъ на открывшуюся вакансію

эконома семинаріи. Въ декабрѣ 1889 года оставилъ семинарскую службу. Умеръ.

4) *Алексѣй Ѳеод. Скворцовъ* (1885—900), см. стр. 390.

5) *Александръ Ив. Канаровскій* (съ 1900), см. стр. 396.

Библіотекари.

1) *Василій Яков. Розановъ* (1860—83), 2) *Ив. Вас. Соболевъ* (1883—86), 3) *Вас. Аник. Прозоровъ* (1886—93), 4) *Ѳеод. Козьм. Сахаровъ* (1893—95), 5) *Сергѣй Алексѣев. Троицкій* (съ 1895 г.).

Экономы.

1) *Ив. Егор. Поспѣловъ* (1868—83), см. стр. 247.

2) *Ив. Александ. Яновскій* (1883—85). Окончилъ курсъ во Влад. семинаріи въ 1868 г. 6 сентября 1883 г. опредѣленъ нотаріусомъ Владимірскаго окружнаго суда по г. Судогдѣ. 30 ноября 1883 г. экономъ семинаріи. 25 окт. 1885 г. уволенъ отъ семинарской службы.

3) *Ѳеодоръ Акинѳ. Касторскій* (1885—89), см выше, стр. 405.

4) *Михаилъ Ильичъ Бѣлтовъ* (1889—91), см. выше, стр. 403.

5) *Ѳеодоръ Алексѣев. Благоволинъ* (1891—92). Студентъ Влад. семинаріи вып. 1891 г. Исправлялъ должность эконома при Влад. семинаріи съ октября 1891 г. по 8 іюня 1892 года. По оставленіи семинарской службы былъ учителемъ пѣнія во Владим. дух. училищѣ и учителемъ фабричной школы въ Орѣховѣ. Въ настоящее время студентъ Московской академіи.

6) *Ив. Никол. Чижевъ* (1892—93), см. стр. 398.

7) *Николай Ив. Бесѣдинъ* (1893—95). Окончилъ курсъ Влад. семинаріи въ 1866 г. Въ ноябрѣ 1867 г. опредѣленъ учителемъ Ѳедоровскаго народнаго училища Покр. уѣзда. 15 ноября 1876 года перешелъ въ Верхне-Ландеховское народное училище Горохов. уѣзда. 10 января 1886 г. перемѣщенъ въ Образцовую при Влад. семинаріи школу. 28 октября 1893 г. экономъ семинаріи. Умеръ 1895 г. (О немъ Влад. Еп. Вѣд. 1893 г., № 23 и 1896 г., № 5).

8) *Алексѣй Ив. Шиповскій* (1895—98). Окончилъ курсъ Влад. семинаріи въ 1883 г. Съ 1883 по 1884 годъ былъ учителемъ Аѳанасьевскаго народ. училища Александров. уѣзда. 2 дек. 1884 г. рукоположенъ во священника въ с. Корельскую слободку Сузд. уѣзда. 19 сент. 1895 г. экономъ семинаріи. 11 ноября 1898 г., согласно прошенію, уволенъ отъ должности эконома. Въ настоящее время викарный священникъ при Покровской общинѣ сестеръ милосердія въ Москвѣ.

9) *Владиміръ Вас. Бѣляевскій* (съ 1899 г.). Окончилъ курсъ Влад. семинаріи въ 1885 г. Въ 1888 г. рукоположенъ во священника въ с. Рогозинино Переслав. уѣзда. 5 марта 1899 г. экономъ семинаріи.

Экономами епархіальнаго общежитія состояли: 1) свящ. *Павелъ Вас. Ильинскій* (1888—90), 2) *Василій Вон-де-Камю* (1890—95), 3) *Николай Матв. Орловъ* (1895—98), діаконъ Богородицкой церкви и 4) *Серг. Пав. Громовъ* (съ 1898 г.) тоже.

Духовники.

1) *Вас. Аристарх. Косаткинъ* (1885—87). Окончилъ курсъ въ 1866 г. 1866 г.—учит. народнаго училища въ имѣніи Новокщенова. 1869—свящ. с. Пречистой Горы Влад. уѣз.; 1876 г.—Св.-Духовской церкви г. Переславля; 1882 г.—с. Лыкова Влад. уѣзда. Въ августѣ 1885 г.—духовникъ семинаріи. Ум. 11 іюля 1887 г. Некр. Влад. Еп. Вѣд., 1887 г., № 17.

2) *Алексѣй Ив. Богословскій* (1887—98). Студентъ Влад. семинаріи вып. 1873 г. 24 апр. 1874 года опредѣленъ на должность учителя латинскаго яз. Суздальскаго дух. училища. 5 сент. 1882 г. рукоположенъ во священника къ домовой училищной церкви. 19 августа 1875 г. учитель рус. языка въ томъ же училищѣ. 3 сент. 1887 г.—духовникъ семинаріи и законоучитель Образцовой при семинаріи школы. 20 авг. 1898 г. переведенъ къ Единовѣрческой г. Иваново-Вознесенска церкви.

3) *Өеодоръ Никол. Поспѣловъ* (съ 1898). Студентъ Влад. семинаріи вып. 1844 г. 1845 г. священникъ с. Выползовой слободки Пер. уѣз.; 1869 г.—с. Дубровы Алек. уѣз.; 1885 г.—с. Филиповскаго Покр. уѣзда; 1897 г.—за штатъ. 5 окт. 1898 г. духовникъ семинаріи.

Врачи.

1) *Родзиславъ Ив. Якубовскій* (1868—76 и 1878—91), см. стр. 296—97.

2) *Лука Викент. Өедоровичъ* (1876—78). Окончилъ Московскій университетъ и утвержденъ въ степени лѣкаря 1856 г. 26 дня того же года опредѣленъ окружнымъ врачемъ Стародубскаго и Новозыбковскаго округовъ. 22 авг. 1867 г. назначенъ и. д. Стародубскаго городоваго врача. 1 мая 1872 г. по прошенію уволенъ отъ службы. 27 іюля 1875 г. младшій врачъ 134-го Өеодосійскаго полка. 18 іюля 1876 г. по болѣзни уволенъ отъ должности. 30 нояб 1876 г. избранъ семинарскимъ врачемъ. 16 мая 1878 г. умеръ.

3) *Николай Ник. Овчининскій* (съ 1892 г.). По увольн. изъ V класса Влад. семинаріи, выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и въ 1882 году принятъ въ число студентовъ Московскаго университета. По окончаніи курса со степенью лѣкаря, 30 мая 1887 г. утвержденъ въ званіи уѣзднаго врача. 17 февраля 1890 г. утвержденъ въ званіи акушера, какъ члена Врачебной Управы. Съ 1888 г. по 1891 г. состоялъ въ Московской Басманной больницѣ врачемъ экстерномъ. Съ сент. по дек. 1887 г. состоялъ завѣдующимъ земской больницей въ г. Ковровѣ. 13 января 1892 г. утвержденъ врачемъ Владимірской семинаріи.

Почетные блюстители.

1) *Василій Степ. Каретниковъ* (1869—80), см. стр. 229.

2) *Ив. Вас. Каретниковъ* (съ 1880 г.), потомственный почетный гражданинъ, кандидатъ Московскаго университета.

Наличный составъ служащихъ во Владимірской дух. семинаріи въ 1900 году.

См. рисунокъ, съ лѣвой стороны первый верхній рядъ: 1) *И. А. Поповъ*, 2) *С. Ѳ. Архангельскій*, 3) *Д. Ф. Гиляревскій*, 4) *А. Н. Побѣдоносцевъ*, 5) *Н. И. Ушаковъ*, 6) *М. А. Владычинъ*, 7) *П. К. Дагаевъ*, 8) *Ѳ. В. Радиксовъ*. 2-й рядъ: 1) *Н. И. Крестовъ*, 2) *М. А. Гербановскій*, 3) *С. К. Молчановъ*, 4) *свящ. В. В. Бѣляевскій*, 5) *діак. С. П. Громовъ*, 6) *П. П. Борисовскій*, 7) *Н. В. Малицкій*, 8) *А. Н. Канаровскій*, 9) *В. М. Березинъ*. 3-й рядъ: 1) *Д. М. Судницынъ*. 2) *С. А. Троицкій*, 3) *свящ. Н. И. Канаровскій* (законоучитель Образцовой школы), 4) *свящ. Ѳ. И. Поспѣловъ*, 5) *свящ. В. М. Орловъ*, 6) *свящ. А. И. Добролюбовъ* (учитель Образцовой школы), 7) *И. А. Комаровъ*, 8) *Ѳ. К. Сахаровъ*, 9) *И. Г. Левкоевъ*. 4-й рядъ: 1) *П. Д. Свѣшниковъ* (староста при Богородицкой церкви), 2) *Н. П. Крыловъ*, 3) *свящ. М. А. Сперанскій* (членъ правленія отъ духовенства), 4) *Н. В. Соболевъ*, 5) *іером. Ѳеодосій*, 6) *архим. Евгеній*, 7) *М. А. Плаксинъ*, 8) *В. Г. Добронравовъ*, 9) *А. Ѳ. Скворцовъ*, 10) *Н. Н. Овчининскій*.

Наличный составъ служащихъ во Владимірской дух. семинаріи въ 1900 г. (см. стр. 408).

Приложенія.

ХРІЯ ПОРЯДОЧНАЯ,

сочиненная изъ предложенія „Не будь велерѣчивъ“.

Начало. Извѣстно, что неописанная польза и всегдашняя нужда требуетъ отъ людей, въ обществѣ живущихъ, употребленія слова. Ибо надобно, чтобы при руководствѣ здраваго разсудка одинъ другого принуждалъ и совѣтовалъ дѣлать то, что честно, полезно и необходимо нужно какъ для него, такъ и для общества. Однако всѣми силами опасаться надобно намъ, юноши, обучающіеся свободнымъ наукамъ, употреблять излишнія и худыя слова.

Винословіе. Поелику тотъ, кто говоритъ много, да худо, приходитъ у благоразумныхъ людей въ посмѣяніе и презрѣніе, у начальниковъ въ ненависть и всѣхъ честныхъ людей въ отвращеніе, а иногда ввергается и въ большее несчастіе, а чрезъ то приводитъ родителей и всѣхъ сродниковъ и друзей въ великую печаль и уныніе. Словомъ: сіе весьма много за собою влечетъ худыхъ слѣдствій.

Подобіе. Садовнику пріятнѣе бываетъ дерево приносящее плодовъ не много, но хорошихъ и вкусу человѣческому пріятныхъ, нежели приносящее много, но горькихъ. Равнымъ образомъ начальникамъ и всѣмъ честнымъ людямъ гораздо любезнѣе бываютъ люди, употребляющіе словъ не много, но хорошихъ, нежели много, но худыхъ.

Противное. Но скажетъ можетъ кто-нибудь изъ васъ слуш., что кто къ чему привыкъ, тому привычку весьма трудно перемѣнить: поелику она обращается въ природу. Посему кто привыкъ къ велерѣчію, тому отъ онаго удержаться трудно. Признается Аристотель, что труднѣйшая изъ всѣхъ вещей есть въ свѣтѣ та, чтобы умолчать о томъ, что сказывать должно: но преодолѣніе сія трудности много за собою влечетъ хорошихъ слѣдствій.

Примѣръ. Обратимъ, слушатели, мысленный взоръ свой на Ксенократа и Зенона, какимъ образомъ они употребляли слова во всякихъ случаяхъ. Они, когда были на пиршествѣ, то первый изъ нихъ, будучи вопрошенъ: для чего онъ одинъ не говоритъ, между тѣмъ какъ прочіе, развеселившись, довольно поговариваютъ, отвѣчалъ: „я часто раскаивался въ томъ, что много говорилъ, а о молчаніи—никогда“. Другой сказалъ Птоломеевымъ посламъ вопрошающимъ, что объ немъ сказать государю: „скажите, говоритъ, что вы видѣли такого старика, который умѣетъ молчать на пиру“. Посмотримъ на Св. Амвросія, учителя христіанской церкви, глаголющаго: „многихъ видѣлъ я впадшихъ въ грѣхъ отъ многорѣчія, а отъ молчанія никого“.

Свидѣтельство. Святой Апостолъ Іаковъ повелѣваетъ всякому изъ насъ быть скорымъ къ слышанію, а не къ многоглаголанію, говоря: „да будетъ всякъ

человѣкъ скоръ услышати, и косенъ глаголати". И Екклезіастъ говоритъ: „не скоръ буди усты своими".

Заключеніе. Подражаемъ и мы слушатели Ксенократу и Зенону. Потщимся быть молчаливыми, тихими и умѣренными въ словахъ своихъ: будемъ ограничивать пустыя мысли свои. Ежели же мы къ велерѣчію привыкли столь сильно, что не можемъ удержаться отъ онаго, то возопіимъ съ Израильскимъ порфироноснымъ царемъ Давидомъ ко Господу, говоря: „Положи, Господи, храненіе устомъ моимъ". Поступая такимъ образомъ, не приведемъ самихъ себя въ подобное состояніе тѣмъ людямъ, которые утопаютъ въ глубинѣ несчастія отъ многоглаголанія. [1])

ХРІЯ АѲОНІАНОВА,

сочиненная изъ предложенія: „Сердцу веселящуся лице цвѣтетъ: въ печали же сущу сѣтуетъ". Прит. гл. 15, ст. 13.

Слово съ похвалою писателя. Богодухновенный мужъ, озаренный свыше свѣтомъ благоразумія, Израильскій порфироносный царь Соломонъ, котораго весь свѣтъ, всѣ роды и вѣки превозносятъ великими похвалами за то, что онъ при руководствѣ Святаго Духа написалъ многія сочиненія, ведущія къ познанію Бога, и въ которыхъ сказалъ: сердцу веселящуся лице цвѣтетъ: въ печали же сущу сѣтуетъ.

Истолкованіе слова. Онъ сими словами означаетъ, что когда человѣкъ, получивши какое-нибудь благо, чувствуетъ въ сердцѣ своемъ чрезвычайную радость: тогда его лице и всѣ его тѣлесные члены показываютъ на себѣ признаки оныя; также когда отъ случившагося съ нимъ какого-нибудь несчастья сердце его наполнено бываетъ печалью и горестью: то и лице представляется печальнымъ.

Виновловіе. Ибо ежели мы взойдемъ въ подробное разсужденіе о человѣческихъ сердцахъ: то ясно увидимъ, что внутреннія побужденія къ тому его весьма сильно влекутъ.

Противное. Но есть-ли кто найдется такой, который не почтетъ сего мнѣнія за неоспоримую истину, но будетъ противъ мыслить сему: того совершенно почесть можно за безумнаго и не имѣющаго здраваго разсудка.

Подобіе. Какъ во время пріятной и веселой весны отъ теплоты солнечной веселится вся природа: какъ то, слышны бываютъ хоры прекрасно поющихъ птицъ; поля, одѣвшись благовонными цвѣтами, плѣняютъ своею красотою сердце и взоры человѣческія; луга, покрывшись зеленью, показываютъ себя смѣющимися: словомъ, всякое твореніе торжествуетъ и веселится: такъ и человѣкъ при полученіи какого-нибудь счастья столько радуется, что всѣ его поступки, слова, тѣлесныя движенія ясно оную радость изображаютъ.

Примѣръ. Но сіе служитъ намъ яснѣйшимъ примѣромъ богодухновенный мужъ и порфироносный пророкъ Давидъ, который, увидѣвши предъ собою изъ плѣну возвращенный ковчегъ Завѣта Господня, такою радостію восхитился, что не могши оныя скрыть въ своемъ сердцѣ, началъ играть въ гусли, скакать и плясать.

Свидѣтельство. О семъ свидѣтельствуетъ оный же богодухновенный мужъ, говоря: Предзрѣхъ Господа предо мною выну: сего ради возвеселися

---

[1]) Приведенная хрія и два послѣдующихъ опыта семинарскаго пера относятся къ концу XVIII столѣтія (1790 гг.).

сердце мое и возрадовася духъ мой, еще же и плоть моя вселится на упованіи. Псал. 15, ст. 8.

Заключеніе. Итакъ, почтенные слушатели, ежели истинная радость состоитъ не въ богатствѣ, славѣ и земныхъ благахъ, но въ чистотѣ совѣсти, спокойствіи душевномъ и непорочности жизни: то постараемся жить добродѣтельно и честно и сообразовать всѣ дѣла и начинанія съ Божіею волей благоугодною и совершенною, чрезъ что можемъ получить такое благополучіе, что, пребывая въ ономъ, сколько ни будемъ веселиться, не погрѣшимъ.

УТѢШИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Содержаніе: семинаристъ утѣшаетъ тетку, печалующуюся о лишеніи своего мужа.

Formula initialis. Я давно весьма желалъ написать къ тебѣ письмо, но все недоставало мнѣ къ тому времени,—а нынѣ поелику подлинно я увѣдомился, что ты находишься въ горестнѣйшемъ состояніи и погружаешься, такъ сказать, въ слезахъ: то не преминулъ написать къ тебѣ слѣдующее:

Antecedens. Человѣкъ, сколь долго-бы не жилъ: все долженъ умереть, поелику онъ отъ премудрости Творца сотворенъ смертнымъ.

Connexio. 1. Притомъ Премудрый Промыслитель всея твари по предвѣдѣнію своему часто лишаетъ человѣка жизни для того, чтобы онъ, живши добродѣтельно и честно, не впалъ въ величайшіе пороки, или избавляя его отъ непредвидимыхъ бѣдствій.

2. Ежели ты будешь плакать и безпрестанно печалиться о лишеніи любезнаго своего мужа: то отъ сей печали и плача глаза твои повредятся и всему своему здравію причинишь величайшій уронъ.

Consequens 1. Изъ сего слѣдуетъ, что не должно тебѣ чрезмѣрно печалиться и плакать.

2. Моли Господа, дабы Онъ свободилъ любезнаго твоего мужа отъ муки вѣчныя и не лишилъ бы небеснаго своего царствія и присвоенія его въ число чадъ своихъ.

3. Возложи всю печаль свою на Его единаго: Онъ наставитъ тебя и превратитъ печаль твою въ радость.

Formula finalis. На сей случай, не имѣя ничего писать, остаюсь покорный слуга племянникъ твой N. N.

РѢЧЬ НАДГРОБНАЯ.

На погребеніи священника и учителя Василія Алексѣевича Глѣбова. [1])

Итакъ, отходишь ты отъ насъ, возлюбленный о Христѣ братъ и другъ нашъ Василій Алексѣевичъ, отходишь ты отъ насъ, ты, въ которомъ христіанская церковь находила свою пользу и украшеніе. Ты!.. который въ духовномъ вертоградѣ сѣялъ сѣмена и ученія въ младые умы дѣтей тебѣ врученныхъ. Ты! въ которомъ жалкій отецъ, сердобольная мать и юная достойная супруга потеряли единственную свою подпору, а пріятели и содружники твои сердечнаго

---

[1]) См. вып. 1, стр. 158.

своего друга. Отходишь ты отъ насъ! Но куда же? почто? Возвратись!.. Внемли рыданію и воплямъ тебя любящихъ. Воззри на слезы, текущія по ланитамъ ихъ на гробъ твой! Возвратись!! Возвратись! Стекутся къ тебѣ скоро изъ дальнихъ отеческихъ домовъ просвѣщенныя тобою дѣти для слушанія учительскихъ словесъ твоихъ. Возвратись!.. Увы! Но тщетно возносимъ унылый гласъ, гласъ, не могущій проникнуть въ уши твои. О смерть человѣческая! Смерть!... Пусть бы острая коса твоя посѣкала одни зрѣлые уже плоды посреди распускающихся цвѣточковъ. Но ты приходишь, яко тать, въ такое время, когда мы тебя совсѣмъ не ожидаемъ .. Печальные слушатели!.. Рано или поздно неотмѣнно пріидетъ череда и намъ вступить въ мрачный путь смерти. Кончина дѣло неизвѣстное. Почто же ее столько страшиться, толико унывать? лишь бы только мы заблаговременно были къ оной готовы! Смерть разлучитъ насъ съ домомъ, въ которомъ мы родились, съ друзьями, съ которыми утѣшались, съ чинами, которыхъ домогались, съ сокровищемъ, которое душею своею почитали! Такъ есть-ли правильный резонъ толико быть привязаннымъ къ нимъ? Мы странствуемъ еще во многотрудной своей жизни, а усопшій братъ нашъ, предлежащій намъ тѣломъ, духомъ же въ Господѣ почивающій, уже кончилъ сей подвигъ; мы каждый часъ должны бояться волненій и бурь, а онъ уже притекъ чрезъ житейское море къ тихому пристанищу, притекъ, освободясь отъ бремени грѣховъ чрезъ покаяніе, притекъ, соединяся со Христомъ причащеніемъ тѣла и крови Его. Жизнь его для насъ кажется недостаточна, недовольна, коротка, но довольна она для Бога, который лучше нашего знаетъ, кого когда наградить небесными почестьми.

Итакъ, утѣшьте вы себя, печальные сродники, скорбящіе друзья, сею сладкою надеждою, симъ христіанскимъ упованіемъ, что еже жити со Христомъ и еже умрети пріобрѣтеніе есть, что смерть христіанина есть дверь, которою входитъ онъ въ животъ вѣчный. А вы, благочестивыя инокини и священныя дѣвы! Вы! которыя, отрекшись отъ міра и всѣхъ мірскихъ препонъ, проводите спокойную жизнь въ неусыпныхъ молитвахъ и богомысліи, воздайте долгъ благодарности усопшему молитвеннику вашему, который самъ при жизни ходатайствовалъ о спасеніи вашемъ предъ престоломъ Всевышняго!.. Излейте предъ Господомъ сердечныя слезы, да пріидетъ въ тѣ блаженныя обители, въ которыхъ царствуетъ вѣчная радость безъ печали, тишина безъ страха и животъ безъ смерти.

Сказано въ городѣ Суздалѣ въ Покровскомъ монастырѣ протоіер. *Дм. Смирновымъ.*

1800 г. Августа 2 дня.

Стихи и рѣчи, поднесенныя преосв. Ксенофонту „въ радостнѣйшій день его тезоименитства“ [1].

МАДРИГАЛЪ.

Блаженны мы стократъ! два солнца намъ сіяютъ,
Едино на земли, другое въ небесахъ;
Единаго отцемъ прекрасныхъ дней считаютъ,
Другой раститъ добро и радости въ сердцахъ:
Но Фебъ—веселье дней,—къ закату поспѣшая.

[1]) Изъ литературныхъ произведеній этого рода помѣщены только нѣкоторыя.

Въ единый краткій мигъ лучи свои теряя,
Скрывается за горизонтъ;
Но Пастырь нашъ Отецъ, чѣмъ ближе приступаетъ
Къ закату дней своихъ, ярчѣе тѣмъ сіяетъ
Лучами дѣлъ своихъ. Будь вѣченъ Ксенофонтъ дѣлами,
Царюй надъ нашими сердцами!
Бывъ сердобольнымъ насъ отцемъ,
Ты заслужилъ любовь небесну,
Мы сердцемъ славимъ лишь дѣла твои чудесны,
Но Вѣчный наградитъ безсмертія вѣнцемъ.

Учен. низш. отд. *Иванъ Рождественскій* большій. (1818 г.).

ПѢСНЬ

питомцевъ Владимірскаго Парнасса.

ДУЭТЪ.

1. Останови крылато время
Орлиный быстрый твой полетъ;—
Оставь тобой несомо бремя,
Раскрой намъ списки прошлыхъ лѣтъ.
Оба. Мыслію живемъ одною,
Жаждемъ сердцемъ и душою
Ксенофонта славу зрѣть.
2. Сочесть хотимъ отца доброты,
И изліянны къ намъ щедроты;
Потомъ на лирѣ возгремимъ,
Да всю вселенну удивимъ.
Оба. Мыслію живемъ одною и т. д.
1. Но что же дѣтскій гласъ и слабый,
При трудномъ гласѣ звучной славы?
Глуха кимваловъ нашихъ мѣдь.
Оба. Мыслію живемъ одною и т. д.
2. Любовью сильны мы, не слабы;
Сладчае дѣтямъ нѣтъ забавы—
Отца ихъ счастье вѣчно пѣть.
Оба. Мыслію живемъ одною и т. д.
2. Не словомъ здѣсь краснорѣчивымъ
Риторики мы ввыспрь паримъ;
Но языкомъ, простымъ, не льстивымъ
Съ отцемъ, какъ дѣти говоримъ,
Однимъ усердіемъ горимъ.
Оба Мыслью мы живемъ одною и т. д.
1. Измѣрить океанъ глубокій
Излитыхъ къ намъ отца щедротъ
Потребенъ умъ—не нашъ—высокій;
Въ насъ тихъ и робокъ мыслей ходъ.
Пусть лишь мыслію одною,
Жаждемъ сердцемъ и душею
Ксенофонта славу зрѣть.

2. Оставь сомнѣнье; помощь Бога
Прiидетъ дѣтямъ намъ премнога,
И чувствъ и мыслей горизонтъ
Расширя, дастъ Онъ намъ возможность
Сладчайшую исполнить должность.

Мыслью жить хочу одною,
Сердцемъ пожелать душою
Ксенофонта славу зрѣть.

1. И можно-ль намъ когда и льститься,
Напрягши органъ языка,
Могли чтобъ вѣрно изъясниться,
Отца сколь благость велика?

Пусть лишь мыслiю одною
Жаждемъ сердцемъ и душою
Ксенофонта славу зрѣть.

2. Взоръ сердца зритъ издалека,—
Дѣтей взоръ чувствiй не обманетъ,
Но безошибочно наставитъ.

Мыслiю намъ жить одною,
Сердцемъ пожелать душою
Ксенофонта славу зрѣть.

Оба. И что въ излишнемъ напряженьи?
Мы сердце, вмѣсто выраженiй,
Готовы предъ отцемъ открыть:
Мыслью мы живемъ одною и т. д.

1. Пускай великихъ вѣнценосцевъ
Поетъ, искавъ себѣ вѣнца,
Отличнѣйшiй изъ стихотворцевъ;
Мы дѣти—и поемъ отца;
Наша слава—всѣхъ сердца.

Оба. Нынѣ обрадовать, заставить
Нашего отца прославить.
Тако взоры всѣхъ людей
Къ Ксенофонту обратятся,
И народы почудятся,
Что и слабый гласъ дѣтей
Силенъ былъ другихъ заставить
Пастыря—Отца прославить—

Мыслiю всѣмъ жить одною,
Сердцемъ пожелать душою
Ксенофонта славу зрѣть.

2. Ума растущiй плодъ сей первый
Отецъ прими Ты отъ дѣтей;
Онъ взрощенъ не рукой Минервы,
Но мудрой благостью Твоей.

Оба. Мыслью мы живемъ одною и т. д.

Учен. низш. отд. *Θедоръ Нечаевъ* (1819 г.).

КАНТЪ.

Новый годъ—отрады новы
Наступили и для насъ.
Мы воспѣть Отца готовы,
Возвышая къ небу гласъ—
Гласъ искусства,
Но отъ чувства
Нашу радость возвѣститъ.

Коль съ желаніемъ согласно
Вѣкъ нашъ длится не вотще:
То въ восторгахъ не напрасно
Мы желаемъ и еще,
Да отъ Бога
Лѣта многа
Приложатся къ числу лѣтъ.

Такъ мы сердцемъ и устами
Молимъ всяческихъ Творца,
Да щедротными судьбами
Къ жизни Пастыря, Отца
Дни приложитъ
И умножитъ
Къ счастью нашему всегда.

(1813 г.).

GEDICHT.

Das Ziel, wornach die Menschen leben,
Und seine Wünsche emporheben,
Ist ruhig blühende Weisheit,
Der Seelen glänzende Schonheit!

Vollkommenung ersten Fähigkeiten,
Erbildung der Geschmacks und Kräften,
Mit denen uns begab Natur,
Ist Zweck der Handlungen und Schnur!

Nur der des Lebens Wege wandelt
Berecht, und sicher alles handelt,
Der sein' Vernunft versteinert hat
Schon in Erbildung und Betracht.

Ja, gross ist der, der ist begaben,
Beglückt mit diesen Himmels—gaben:
Wie recht—gelehrige Vernunft—
Wie Herzens Sauberkeit und Zucht.

Doch mit der Liebe schon beweget
Wem alle diese Weisheit lenket,

Die er erwarb in Lebens Zeit
Zum andern Glück und Seligkeit,

Wem diese Lebens—Bähne muhsam
Gefahren, Dornen, was ist trübsam
Erleichtert mit der Wachtsamkeit
Erfahrung seine und Klugkeit:

So seine Nahme dankbar segnet
Nachwelt, und ihm Lobsprüche leset
Im ihrem Herzen immerdar;—
Dies ist Wahrheit vor allen klar!

O Vater! der du weisst regieren
Mit unserem Schiksal, und vollführen
Besorgst für unser alles Glück—
Bild Weisheit! Freunde, unser Schmuck!

Wie gross ist dein für uns Bestimmung
Für unsre Seelen—Herzens Bildung!
Du uns erlauchtest Lebens Weg,—
Und zeigst mit dir Selbst wahren Zweck!

Zuwende uns die holden Blicken,
Und Sehe schon—mit welch Entzücken,
Mit welcher preisen Freundigkeit
Wir heute deine neu' Jahres—Zeit.

Учен. высш. отд. *Алексѣй Сокольскій*. (1819 г.).

V E R S.

Celui, qui met sa confiance
Ici—bas en très-haut Dieu,
Profite avec assurance
De toutes graces des Cieux.
Ce l'homme est invulnerable:
De son bonheur immuable:
Les anges sont les garants;
Et toujours leurs mains propices
A travers les precipices
Conduisent ses pas errants.

*
* *

Dans les routes ambigües
Du bois les moins frequenté!
Parmi les ronces aigües
Il chemine en liberté;
Nul obstacle ne l'arrête:
Ses pieds ecrasent la tête
Du dragon et de l'aspic;
Il affronte avec courage
La dent du lion sauvage
Et les yeux du basilic.

*
* *

Si quelques vaines faiblesses
Troublent ses jours triomphants,
Il se souvient des promesses,
Que Dieu fait à ses enfants.
„A celui, qui m'est fidèle,
„Dit la sagesse éternelle,
„J'assurerai mes secours;
„Je raffirmerai sa voie,
„Et dans des torrents de joie
„Je ferai couler ses jours.

*
* *

„Dans ses fortunes diverses
„Je viendrai toujours à lui;
„Je serai dans ses traverses
„Son inseparable appui:
„Je le comblerai d'années
„Paisibles et fortunées;
„Je benirai ses desseins:
„Il vivra dans ma mémoire
„Et partagera la gloire
„Que je reserve à mes saints".

*
* *

C—est Vous—Notre très saint Père!.
Qui profites du secours
De Dieu, aux seules maux austère.
Dieu donc conserve Vos jours
Par Sa main Vous favorable:
C—est Votre vie equitable,
Qui mérite Sa bonté;
C—est la Votre bienfaisance
Qu'attire Sa bienveillance:
Aux bons—bien, c—est verité.

*
* *

Nous sommes donc en confiance,
Que Dieu Vous protegera
Et par céleste clemence
Votre vie comblera
D'années les fortunées;
Parcequ'elle est destinée
Pour bonheur de nos enfants:
Dieu—Vos faits tous salutaires—
Nos desirs pour Vous sincères—
Nous en sont les sûrs garants.

Бог. отд. учен. *Иванъ Орфановъ меньшій.* (1820 г.).

Σ Τ Ο Ι Χ Ο Ι.

Πάτερ! σοῦ υἱοῖς ἔαε
Δεικνύναι νῦν χαῖρ' ἔρωτος:
Καυμένως ἀπὸ καρδίας
Ἀρέσκην δόσιν λαμβάνε.

Εὐπόρως εὐεργεσίας
Καὶ λαμπρῶς ἔχεις χάριτας;
Σημέρον σοῦ ἐπὶ τέκνα
Πανσέως τερῶν ἑαυτόν.

Διὰ πάντος ἡσυχία
Ἑαυτοῦ υἱοῖς παρέχεις.
Ὦ Πάτερ! δι' εὐτύχημα
Εἰς αἰῶνα βιότευε,

Διὰ σοῦ γὰρ τευξόμεθα
Μεγάλης εὐδαιμονίας;
Διὰ σοῦ πρώτην ὁδόν τε
Πρὸς Θεὸν εὑρησόμεθα.

Καὶ νεῶν ἱερᾶς σοφίας
Πάντες εἰσελευσόμεθα
Ἐφ' οὗ ἕνεκα καρδίας
Πᾶσιν ἡδίω λαβοῦμεν.

Учен. высш. отд. *Аѳанасій Лепорскій* (1819 г.).

ЗАГАДКА.

Неизмѣримаго я часть—сынъ юный
Спѣшу въ подлунный міръ одѣянъ въ блескъ лазурный.
Но что сей блескъ? Я здѣсь—здѣсь больше украшусь,
Я славой облекусь и въ вѣчность возвращусь;
Ни рукъ, ни языка, ни глазъ я не имѣю,
Но вижу мудрыхъ я и говорить умѣю
        Повсюду и всегда о нихъ
        Для блага̄, радости другихъ—
Кимваловъ тысящи приходъ мой здѣсь гремятъ
И гимны радостны питомцы музъ творятъ.
Владимірскій Парнассъ торжественно ликуетъ,
Лишь зависть, ябеда, съ неправдой лесть тоскуетъ.
Въ досаду музы имъ—всѣ стройно въ хороводъ,
        Встрѣчая счастія приходъ!
Такъ чтожъ такое я? вы сами отгадайте
И спѣшно съ торжествомъ стца вы поздравляйте!
Я Ксенофонтовъ новый годъ.

Ученикъ низшаго отдѣленія *Максимъ Яновъ.* (1817 г.).

ЭПИГРАММЫ.

I.

Близъ дуба трости какъ растущи безопасны
Отъ ярости вѣтровъ въ дни бурны и ненастны:
Такъ, Пастырь, счастливы, спокойны мы съ Тобой,
Блюдомы бывъ Твоей отеческой рукой.

Учен. высш. отд. *Тимоѳей Сириновъ.* (1819 г.).

II.

Дѣла Твои какъ солнца, Пастырь, свѣтъ;
Но съ онымъ разнствуютъ, что запада въ нихъ нѣтъ.

Учен. высш. отд. *Максимъ Лебедевъ.* (1819 г.).

III.

Пускай туманны дни—неясно въ небесахъ!
Мы чувствомъ ясно зримъ дня Пастыря въ сердцахъ.

Учен. низш. отд. *Андрей Бутѣевъ.* (1818 г.).

IV.

Ручьи, источники и рѣки быстро мчатся
Въ свое вмѣстилище пространный океанъ;
Въ насъ сердце и душа съ веселіемъ стремятся
Къ Тебѣ, Ты намъ отцемъ отъ Бога свыше данъ.

Учен. низш. отд. *Андрей Казанскій.* (1818 г.).

V.

И лучшій виноградъ однажды зрѣетъ въ годъ;
Но Ты добротъ своихъ всегдашній видишь плодъ.

Ученикъ богословія *Иванъ Ильинскій.* (1820 г.).

VI.

Отъ влажности росы растетъ весною плодъ:
Роса наукъ—Твой умъ, весна—Твой новый годъ.

Ученикъ богословія *Яковъ Сахаровъ.* (1820 г.).

VII.

Пасти Израиля былъ призванъ Самуилъ:
А намъ—о естьли-бъ Богъ Твои лѣта продлилъ.

Ученикъ богословія *Матвѣй Троицкій* (1820 г.).

VIII.

Въ сей годъ врагъ всѣхъ тѣснилъ; вкушаемъ мы покой:
За тѣмъ, что жизнь ведемъ, о Пастырь нашъ! съ Тобой!

Студ. богословія *Андрей Гиляревскій* (1813 г.).

IX.

И внѣшнихъ побѣдить враговъ довольно чести,
За что плетутъ хвалы всеобщія безъ лести.
Но Ты и внутреннихъ враговъ препобѣждаешь,
Такъ славу въ небесахъ себѣ заготовляешь.

Студ. богословія *Алексѣй Львовъ.* (1813 г.).

CARMEN.

Vita Israëlitarum vivente Mose.

Envideo Aegyptum,—video cuncta horrida visu
Intra ejus muros, repletos igne furoris,
Qui respirant fumantes ex ore vapores,
Lurido anhelatum proturbant pectore murmur!—
Hic gemit Israël,—hic luctus ex pectore tristi
Illius eveniunt,—moeror, planctusque feruntur;—
Atrox ora dolor redeuntibus obsidet alis.
Israël hic nescit pacem, dulcemque quietem,—
Non ejus mentes gustant blanda otia moestae,
Non animique benigna gaudent sorte dolentes...

(Далѣе слѣдуетъ пространное изображеніе чудесъ, совершенныхъ Моисеемъ въ Египтѣ и пустынѣ Аравійской).

Quem Moses designat? „Te generosa propago
Coeli, Te Xenophon, quem solum vox mea cantat,
Te, qui perrumpis crudelia vincula mundi,
Et facis, ut nati secura pace fruantur“.
Quid Mosis grex? „Chrtsti agnos, quos pascis, alisque
Tu solers Xenophon, per mollia pascua ducens.
Tecum nec malesuada fames, nec vilis egestas;
Te pascente greges carpunt nova pabula semper;
Te pascente fluunt lactis vel nectaris undae;
Te pascente lupi fugiunt, fugiantque leones:
Scilcet insidiae pereunt, odia aspera cedunt“.
Quidve rubus flammans? „Sophiam, quam cuique revelas
Natorum;—sed non exhauris tempore in ullo“.
Quid signat Mosis miracula? „Facta stupenda,
Quae Te laudibus extollunt ad sidera coeli“.
Quid rubrum mare? „Vitam hominum, quae fluctibus atris
Bacchatur,—bibula ac veluti quassatur arena“.
Quid Mosis baculum? „Vocem, quae dissecat undas
Vitae, quaque viam monstras ad littora natis,
Pertentant ubi pax, requies et gaudia mentes;
Qua prostrata jacet scelerum sine sanguine turba:
Vix dices,—audaces arrectis auribus adstant;
Vix dicis,—dictis vitiorum mole gravatus
Deponit rabiem, vel, quae fuit effera, mentem.
Vix dicis,—dictis jam fit pius impius ipse;
Vix dicis,—dictis infirmus firmus abibit“.

Quidnam Merra? „Laborem, qui esse videtur amarus".
Quid sibi vult lignum Mosis? „Tua praemia, Praesul,
Quae faciunt pueris gratos, dolcesque labores".
Quidnam Manna? „Dei verbum, quo nutris, alisque
Pectora, quae stimulanti torquentur fame semper".
Quid saxum montis Chorebi? „Segnia corda
Quae Te mox fiunt dicente tenacia curae".
Quid sunt Hamalekitae? „Hostes pietatis acerbi,
Quos Tu munitus veri fidel quoque scuto,
Fulmineoque Dei gladio, galeaque salutis,
Vincis, et illorum frangis conamina vana".
Quid praecepta decem Mosi data? „Quid nisi cordis
Designat tabulas, quas Tu, Pater! imprimis illi".
Quid Mosis portabile templum? „Ecclesia Christi,—
Ad quam omnes Tu voce vocas mysteria tradens".
Quem serpens notat aeneus? „Affixum cruci Jesum,
Cui natos aperire doces peccata nefanda".
Quid tellus lacte abundans? „Sublimia regna
Coeli, ad quod natis pandis Tu limina recta".
O! quis qro meritis, Xenophon, Te laudibus aequet?
Quis Tua facta canet, seu explicet omnia fando?
Dicite Christiades: non omnia possumus omnes.

Ut vivas, Praesul, longaevos Nestoris annos,
Et vigeas, veluti, in primaevo flore juventae!
Haec tantum nati possunt Tibi fundere vota!...

Учен. высш. отд. *Иванъ Якиманскій*. (1818 г.).

Рѣчи, читанныя на публичномъ испытаніи 1815 г.[1])

РѢЧЬ ПРИВѢТСТВЕННАЯ.

Преосвященнѣйшій Владыко!

и вы, достопочтеннѣйшіе Посѣтители!

Се предстоятъ лицу Вашему юные питомцы наукъ! Кто опишетъ неописанную радость ихъ? Кто измѣритъ живое удовольствіе восхищеннаго сердца ихъ? Они пріемлютъ драгоцѣнныхъ гостей въ храмѣ мудрости; они въ знаменитомъ сословіи семъ видятъ виновниковъ своего просвѣщенія, своего счастія; они въ лицѣ Твоемъ, великій Святитель! созерцаютъ присѣдящую престолу Божію премудрость, озаряющую благодатнымъ свѣтомъ своимъ умы ихъ. Какая слава для дѣтей!

Благоволи убо, священнѣйшій Отецъ нашъ! благоволи и благослови, да въ дѣтскомъ умиленіи сердца явимъ предъ тобою начатки плодовъ своихъ! Твое отеческое о насъ промышленіе, Твоя любовь къ намъ не меньше восхищаетъ сердца наши, сколько удивляетъ прозорливость Твоя и правда! Благоволите знаменитые Посѣтители! да откроемъ предъ вами, что мы чувствуемъ, созерцая въ васъ истинныхъ любителей наукъ. Ваше благоснисхожденіе вос-

---

[1]) См. выше, стр. 145. Рѣчи приведены не всѣ.

полнитъ наше счастіе. Зрите дѣтское соревнованіе.—Вашъ благосклонный взоръ есть лучшее для насъ ободреніе; ваше присутствіе вожделѣнно—оно еще болѣе придаетъ благолѣпія сему святилищу наукъ!

И се благоговѣйно приступаемъ мы къ судилищу правоты вашей; се отверзаемъ предъ вами сокровищницы ума и сердца. Одно ваше воззрѣніе—и мы блаженны. Позвольте же надѣяться намъ, что мы удостоимся вашего вниманія и лестнаго одобренія.

Сочинялъ и читалъ ученикъ высшаго отдѣленія *Флегонтъ Талантовъ.*

РАЗГОВОРЪ ОБЪ АНГЕЛАХЪ.

Между Богословомъ, Саддукеемъ, Могаммеданиномъ и Простолюдиномъ.

Простолюдинъ.

Въ недавномъ времени я видѣлъ сонъ чудесный;
Привидѣлися мнѣ служители небесны.
Когда безплотныхъ я узрѣлъ:
То въ восхищеніе ужасное пришелъ.
Они вокругъ меня обстали,
И душу будто бы изъ тѣла вынимали.
Но въ тотъ послѣдній мигъ, когда я умиралъ,
Сокрылись Ангелы, а я съ постели всталъ.
Что значитъ этотъ сонъ и Ангеловъ видѣнье,
И какъ могу себѣ безплотныхъ вобразить?

Саддукей.

Сему должно причиной быть
Испорченно воображенье
Пустымъ мечтаньемъ о духахъ.
Химера насъ приводитъ въ страхъ.
На что плодить въ умѣ ужасныя идеи:
Все ложь—на свѣтѣ нѣтъ духовъ.
Такъ справедливы Саддукеи.
Ихъ мнѣнію и я послѣдовать готовъ.

Богословъ.

Готовность суетна такая.
Какая выгода итти путемъ слѣпыхъ?
Безвѣріе—черта отступниковъ однихъ.
Намъ Богословія открыла все святая.
И какъ отвергнуть то, что Вышній сотворилъ,
Что Онъ предположилъ
Въ своемъ Предвѣчномъ планѣ?

Могаммеданинъ.

И что написано въ священномъ Алкоранѣ??

Саддукей.

Пусть пишутъ, что хотятъ—у насъ
Свой толкъ, своя и вѣра;

И я вамъ докажу сейчасъ,
Что бытіе духовъ—химера.
Что осязать нельзя, того не видитъ свѣтъ,
Того совсѣмъ на свѣтѣ нѣтъ.
Творенье завсегда изъ вещества бываетъ,
Но вещество-ли духъ? духъ нельзя сотворить.
Что создано, все прахъ: но духъ не умираетъ,
А бывши созданнымъ—и тлѣннымъ долженъ быть.
И такъ—нѣтъ Ангеловъ на свѣтѣ.

Богословъ.

Мы судимъ обо всемъ по слабости своей!
Хоть мы одарены разумною душей:
Но можемъ-ли знать то, что въ Творческомъ совѣтѣ
Хранилось для вѣковъ,
И для безчисленныхъ міровъ?
Богъ мнилъ, и мыслію Его міры творились,
И вѣки цѣлые въ мгновенье находились.
Такъ! мы чего умомъ не можемъ постигать,
Должны въ томъ къ вѣрѣ прибѣгать.

Могаммеданинъ.

Не довѣрять всему ужасно,
И съ здравымъ смысломъ несогласно.
Нѣтъ! не повѣрю я, что гурій въ свѣтѣ нѣтъ:
Безъ нихъ не устоялъ бы свѣтъ.
Они готовятъ намъ для удовольствій вѣчныхъ
И яства, и питье, и сласти въ небесахъ.
Здѣсь хорошо,—а тамъ.... еще не столько благъ;
Тамъ правовѣрные въ веселіяхъ безпечныхъ
Всѣмъ наслаждаются, чѣмъ только захотятъ,
И гуріи о ихъ желаніяхъ радятъ.

Богословъ.

Тамъ въ царствѣ безтѣлесномъ,
Въ селеніи небесномъ,
Куда нашъ умъ не долетитъ,
Тамъ мудрость вѣчная сидитъ;
Тамъ сонмы Ангеловъ, тамъ лики Херувимовъ
И огнезрачныхъ Серафимовъ
Неизъяснимаго престолъ
Съ благоговѣньемъ окружаютъ.
И ты ли бренна тварь гордиться можешь столь?
Тебя мечты ума толико услаждаютъ,
Что ты, забывшися въ постыдныхъ суетахъ,
Мнишь съ перстію своей найти ихъ въ небесахъ.

Простолюдинъ.

Ты правду говоришь, и духъ мой веселится.
Я сердца въ простотѣ совсѣмъ не понималъ,
Какъ Ангеловъ почесть: а только лишь слыхалъ,

Что надо имъ молиться,
Какъ станешь спать ложиться.
Притомъ еще за то я Ангеловъ молю,
Чтобы они меня отъ темныхъ сохраняли,
И навожденье прогоняли.
Святому вѣрую, а толковъ не терплю.

Саддукей.

Допустимъ бытіе мы Ангеловъ на время.
Но есть-ли создалъ Богъ для службы ихъ своей:
То Онъ несовершенъ, и вѣчный Царь Царей
Вселенной управлять сочелъ себѣ за бремя.

Богословъ.

За бремя? Ангеловъ Зиждитель создалъ самъ.
Создавъ ихъ,—трудно-ли Ему вселенной править?
Они—Его слова, вселенная же—храмъ,
И смыслъ живыхъ сихъ словъ Іеговы имя славить.

Могаммеданинъ.

И точно!—Есть одинъ тамъ Ангелъ столь великъ,
Какъ Могаммедъ постигъ,
Что нашу землю онъ на пальчикѣ уставитъ.
По описанію—вотъ Ангелъ сей каковъ,
Что тысячъ седмьдесятъ есть у него головъ,
У всякой головы число такоежъ ртовъ,
Во всякомъ рту его есть столькожъ языковъ,
И каждый де языкъ его всегда готовъ
Толикагожъ числа нарѣчіями славить
Того, Кто въ небесахъ
Сидитъ въ безбрежномъ морѣ благъ
И всей вселенной правитъ.

Простолюдинъ.

Спасибо за разсказъ!—Хоть я и простолюдинъ,
Но пустословіямъ повѣрю-ли такимъ?

Саддукей.

Коль всѣ объ ангелахъ толкуютъ несогласно:
То ихъ и бытію намъ вѣровать напрасно.

Богословъ.

Напрасно слушать вздоръ и вѣровать тому,
Что безъ сомнѣнія химера.
Лишь уважается въ насъ истинная вѣра.

Саддукей.

Скажи мнѣ: Ангелы являются-ль кому?

Богословъ.

Въ томъ увѣряетъ насъ Священное писанье.
Творецъ, какъ Господинъ вселенной этой всей,
Даетъ различное духовъ началамъ званье;
Онъ посылаетъ ихъ на землю для людей.
Являлся Ангелъ Аврааму,
И Лота Ангелы отъ бѣдства извели;
Былъ Ангелъ путевождь Товиту на земли;
Завѣта Ангелъ—Богъ обѣщанный Адаму.

Саддукей.

Все было то давно, что ты ни насказалъ;
Кто нынѣ Ангеловъ видалъ?

Богословъ.

Они невидимо на всѣхъ мѣстахъ бываютъ:
Жизнь праведныхъ блюдутъ, ихъ въ смерти утѣшаютъ.

Простолюдинъ.

А какъ приблизится смерть лютая съ косой:
То Ангелъ явится, чтобъ душу взять съ собой,
И духи темные при немъ тутъ быть не смѣютъ.

Саддукей.

Мнѣ странно—Ангелы надъ нами власть имѣютъ,
А люди будтобы и мыслить не умѣютъ.
По чести—не могу совсѣмъ вообразить,
Какъ можетъ человѣкъ разсудкомъ одаренный
Дышать свободою, неволѣ покоренный.
Ужель самихъ себя не можемъ мы спросить,
Что худо, что добро, что вредно, что полезно,
Что осудительно, что честно?
Отъ злаго убѣгай, добро одно любя.
Всякъ умъ имѣетъ свой и волю у себя.

Богословъ.

Такъ! волей человѣкъ на свѣтѣ благороденъ:
Но даръ имѣя сей, всегда-ли онъ свободенъ;
Всегда-ль поступками своими онъ высокъ;
Не часто-ли въ немъ свѣтъ ведетъ борьбу со тьмою;
Не часто-ли надъ нимъ господствуетъ порокъ?
Но Ангелъ завсегда съ тобою;
Съ тобою, предъ тобой смущенія въ путяхъ
И въ самыхъ ужасахъ, какъ смертный погибаетъ,
Онъ истину ему небесную внушаетъ,
И за сердечный вздохъ разбойникъ въ небесахъ!
Пусть остроуміе предъ святостью гордится;
Пусть презираетъ все и зиждетъ буйства храмъ
Погибель вѣчная отчаяннымъ сердцамъ.

Сколь страшно милостей Всещедраго лишиться,
И аду покориться,
Гдѣ лютый Асмодей, Люциферъ, Аваддонъ
Низвержены съ небесъ Архангела громами
Въ пучину огненну чернобагровыхъ волнъ
И неприступными одѣты тьмами.
Изчезни страшная картина отъ очей.
Твои черты—душѣ болѣзни
Пронзительнѣе всѣхъ убійственныхъ мечей.
Мы чада Господа—

Всѣ (кромѣ Богослова) Изчезни!!

Богословъ.

А вы! дана которымъ власть
Невидимо хранить на поприщѣ насъ жизни,
Жените прочь отъ насъ нечестіе, напасть,
Чтобъ удостоиться намъ вѣчныя отчизны!
Такъ! долгъ нашъ Ангеловъ душею почитать,
Молитвой теплою къ безплотнымъ прелетать.

Простолюдинъ.

О! я всегда молюсь!

Саддукей.

Я вѣровать хочу!

Могаммеданинъ.

А я исправиться желаю въ заблужденьи!

Богословъ.

Такъ надобно принять небесное ученье.

Простолюдинъ.

А отъ кого принять?

Богословъ.

Изволь, я научу.

Всѣ (кромѣ Богослова).

Готовы—

Богословъ.

Ангела намъ Богъ далъ милосердый.

Всѣ (кромѣ Богослова).

А кто онъ?

Богословъ.

Пастырь нашъ—Онъ Ангелъ для сердецъ,
При немъ въ желаніяхъ мы тверды,

Онъ въ добродѣтели намъ истой образецъ.
Хотите-ли имѣть о пренебесныхъ вѣру,
Земного Ангела послѣдуйте примѣру.
Онъ мудростью своей туда дѣтей ведетъ,
Гдѣ сонмы Ангеловъ, гдѣ неприступный свѣтъ.
Твоей водимы дѣти славой
Находятъ къ истинѣ путь правой,
Тебѣ наградой Богъ боговъ.

В с ѣ.

Святъ! святъ! святъ! Саваоѳъ!

Сочинялъ ученикъ высшаго отдѣленія *Алексѣй Соловьевъ*,—а читали тогожъ отдѣленія ученики: *Александръ Соловьевъ*, *Алексѣй Соловьевъ*, *Иванъ Грандицкій* и *Андрей Лобцовъ*.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

о Промыслѣ

надъ Ветхозавѣтною Церковію.

Есть Богъ—есть и Промыслъ!.. Напрасно буйныя чада тьмы, потворствуя разврату вѣка и собственнаго сердца, представляютъ Творца міра существомъ празднымъ, нехотящимъ заниматься своими тварями. Природа, разумъ, совѣсть, сердце, вѣра—все намъ говоритъ, что сіе непостижимое Существо, воззвавшее изъ бездны ничтожества сей прекрасный міръ, по таинственнымъ чертежамъ премудрости и благости, сохраняетъ его, поддерживаетъ въ бытіи и управляетъ къ наилучшимъ цѣлямъ. И возможно-ли Творца всяческихъ представить существомъ несовершеннымъ? Возможно-ли Существо всесовершенное вообразить безъ особеннѣйшихъ дѣйствіи премудрости, благости, всемогущества? Возможно-ли сію премудрость, сію благость, сіе всемогущество ограничить внутренними дѣлами Бога и недопустить распространяться имъ по всей видимой природѣ, по всѣмъ тайнымъ движеніямъ духовъ сотворенныхъ?.. Такъ!—одинъ буйный раззратъ силится подчинить все року и отнять у Бога славу провидѣнія: здравой разсудокъ, доброе христіанское сердце боятся, или лучше, не умѣютъ подумать вопреки собственной увѣренности и собственному чувству. И льзя ли не чувствовать, льзя-ли не вѣрить, что *носящій всяческая глаголомъ силы своея дастъ пищу всякой плоти*?

Но тѣ существа, на которыхъ сіяетъ выразительнѣйшая печать совершенствъ и величія Божескаго,—тѣ существа ближе, такъ сказать, къ сердцу Бога, и Его Промыслъ дѣйствуетъ надъ ними явственнѣе, ощутительнѣе. Раскроемъ книгу всемірнаго творенія и уразумѣемъ, что самый совѣтъ Св. Троицы *сотворимъ человѣка* (Быт., I) предполагаетъ Его славу и вмѣстѣ особенныя дѣйствія Промысла въ многотрудномъ ходѣ человѣка къ высокой цѣли его назначенія.

Что-же скажемъ, наконецъ, о Св. Церкви? О!—это та избранная невѣста, къ которой Богъ еще издалека, изъ страны вѣчности гласомъ жениха взывалъ въ восторгѣ вѣчной любви своей: *Пріиди добрая моя, ближняя моя*! (Пѣсн. II, 13), которую создалъ во всей красотѣ и добротѣ и для которой весь истощился въ благодатныхъ дарахъ своихъ.

П. П.! Мысль о Промыслѣ, въ существѣ своемъ высокая, всегда приводитъ въ благоговѣйное удивленіе. Итакъ, позвольте мнѣ остановиться на семъ предметѣ и по мѣрѣ силъ моихъ показать, какимъ образомъ Богъ промышлялъ о Церкви своей съ начала бытія ея до пришествія Божественнаго Мессіи.

Тогда какъ хитрый духъ злобы льстивыми словами вдохнулъ прародителямъ нашимъ богопротивное желаніе: *да будутъ яко бози*; тогда какъ *доброе въ снѣдь и угодное видѣти очима* (Быт. III, 5) побудило ихъ расторгнуть узы повиновенія Господу; и раздраженное правосудіе ниспустило мстительные громы казни на преступниковъ святыя воли: тогда еще въ самое сіе время страха и ужаса—безконечная любовь Божія въ благовѣстіи о побѣдоносномъ сѣмени жены изрекла опредѣленіе о вѣчной славѣ Церкви. По силѣ сего обѣтованія какими оплотами ограждаетъ Богъ Церковь свою! какими откровеніями утѣшаетъ ее! какимъ благоутробнымъ окомъ призираетъ на курящіяся жертвы вѣры и любви ея! Пусть царство тьмы изводитъ братоненавистнаго убійцу, и невинная кровь перваго мученика колеблетъ ужасами небо и землю; пусть духъ лести и коварства обаяніями плоти и крови ухищряется прельстить весь міръ. Промыслъ вручаетъ Церкви такихъ сыновъ, которые святостію жизни геройски сохраняютъ ее въ чистотѣ и цѣлости. Избраннѣйшій изъ нихъ Енохъ до такого возвысился совершенства непрестаннымъ хожденіемъ предъ Богомъ вѣрою и любовію, что удостоился, не испытавъ смерти, совлечься одежды смертности и содѣлаться высокимъ свидѣтелемъ искупленія и воскресенія.

Здѣсь Всемогущій Промыслъ, возвышая Церковь внутренними добродѣтелями, утверждаетъ ея благосостояніе долголѣтіемъ сыновъ ея. Текутъ многіе годы, текутъ многіе вѣки: но дѣти Промысла еще не видятъ своей смерти, и всепогубляющее время едва успѣваетъ совершить надъ ними побѣду свою. Тамъ убѣленный сѣдинами, просвѣщенный опытностію и откровеніями Бога старецъ даетъ уроки вѣры и благочестія своему правнуку. Тамъ время творенія перваго человѣка переходитъ съ нимъ за девять столѣтій—и потомокъ, изъ устъ прародителя слыша о его началѣ, о потерѣ блаженства эдемскаго и обѣтованіи нѣкогда получить оное, исполняется святою вѣрою и горитъ желаніемъ удостоиться обѣтованнаго возвращенія. Здѣсь нѣжная юность пріемлетъ устно опыты цѣлыхъ вѣковъ, и прошедшее съ настоящимъ сливается въ одну точку для непрерывнаго продолженія вѣры и для вящшей чистоты нравственности.

Между тѣмъ и духъ злобы не коснитъ распространять своего владычества въ сынахъ противленія. Тьма покрываетъ всю землю. Безбожіе разверзло челюсти свои, и поглотивъ Каиновъ перваго міра, преслѣдуетъ сыновъ Божіихъ. Правосудіе, раздраженное нечестіями людей, положило въ своемъ совѣтѣ омыть скверны съ лица земли. И какія чудеса Промысла! Всеобъемлющія воды пожираютъ все живущее на земли. Но Церковь торжествуетъ надъ бездною погубляющей стихіи. Она по хребтамъ шумящихъ волнъ возносится выше и выше, дабы въ часы всеобщей гибели спокойнѣе и ближе принимать отъ Бога новыя, высокія истины. Твердая вѣра положила на челѣ ея печать спасенія—и правосудный Богъ толь страшнымъ потопленіемъ нечестія далъ Церкви урокъ, или лучше, сладостное обѣтованіе, что Онъ Богъ токмо для нее и что все несообразное святой Его волѣ недостойно Его промышленія.

Такъ, слуш.! Удивительно Промыслъ хранитъ Церковь свою: но нечестіе человѣческое, кажется, еще удивительнѣе. Едва новый міръ успѣлъ благословить Бога, омывшаго вселенную отъ скверны ея: едва Церковь успѣла воскурить ѳиміамъ благодарности своему Спасителю: какъ царство тьмы извергнуло другой смертоноснѣйшій потокъ идолопоклонства и нечестія. Почти вся земля признала Богомъ все кромѣ истиннаго Бога. Даже сей пагубнѣйшій ядъ про-

стеръ убійственную силу свою въ предѣлы самой Церкви. Здѣсь-то Божественный Промыслъ пріемлетъ Церковь въ свои, такъ сказать, объятія и воспитываетъ ее на персяхъ своихъ. Чтобъ не заразилась она повсемѣстною язвою, Богъ назначаетъ ей непрестанное странствованіе: *Изыди изъ страны твоея и иди въ землю, юже ти покажу* (Быт. XII, 1); и чтобъ въ духѣ вѣры вооружилась она непобѣдимымъ мужествомъ противу всѣхъ соблазновъ міра, плоти и діавола, Богъ осыпаетъ ее обѣтованіями: *благословляя благословлю тя и умножая умножу сѣмя твое, и будетъ, яко песокъ при краи моря и яко звѣзды небесныя.* (Быт. XXII, 17).

И се! рождаются чада обѣтованія! Какая слава для Церкви! какое Божественное восхищеніе для сыновъ ея! Богъ, повидимому, оставилъ небеса, оставилъ тьмы служебныхъ духовъ и рѣшился странствовать съ Церковію, обитать въ страннической хижинѣ своихъ поклонниковъ. Толь близкій своимъ присутствіемъ, Онъ еще ближе къ нимъ своею любовію. Правда, Богъ подвергаетъ Авраама искушеніямъ, превосходящимъ силы природы: но для того, чтобъ возвеличить его титломъ отца вѣрующихъ, прославить въ немъ Церковь и показать ему *день Искупителя.* (Іоан., VIII, 56). Онъ искушаетъ Исаака трудностію повиновенія, жестокостію глада, завистію иноплеменныхъ: но въ тоже время сладостію утѣшеній и обѣтованіями не оставляетъ въ немъ никакого сомнѣнія о непрерывныхъ дѣйствіяхъ своего Промысла. Онъ гонитъ Іакова злостію Исава: но въ знаменіи лѣствицы показуетъ ему тайну благодатнаго своего смотрѣнія; сокрушаетъ ему бедро въ преніи борьбы своей, но въ тоже время вѣнчаетъ его побѣдою во свидѣтельство, что онъ преодолѣетъ всѣ ужасы бѣдствій, ополчившихся на него.

А ты, кроткій юноша, воплощенное цѣломудріе! познаешь-ли въ жестокихъ твоихъ приключеніяхъ ту благодѣтельную десницу, которая, повидимому, поражаетъ тебя ударами тяжкаго злосчастія? Покорись Божественному изволенію!.. Се Господь премудрый въ совѣтахъ и судьбахъ своихъ для славы своего великаго имени, для славы Церкви, руками ненавистныхъ братьевъ исторгаетъ тебя изъ дому родительскаго, руками чуждыхъ отводитъ въ землю чуждую, повергаетъ въ узилища и оковы. Но ты скоро въ царствѣ Фараоновъ возвеличишься громкимъ именемъ царя; скоро вознесешься на престолъ могущества и славы, да державная рука твоя пріиметъ, сохранитъ и упасетъ въ мірѣ странствующаго Израиля, а въ немъ и Церковь Божію. Но ахъ! утѣха Израилева! ты недолго утѣшаешь Израиля. Гнѣвная судьба небесъ восхищаетъ тебя отъ среды живыхъ, и съ тобою рушится благоденствіе Израиля. Народъ Божій жестоко угнетается отъ народа нечестиваго. Рука злодѣя или робкой невольницы мещетъ въ шумныя воды Нила плачущихъ младенцевъ его. Природа содрогается отъ ужасовъ безчеловѣчія тирановъ и бѣдствій Израиля... *Вскую Господи! прогнѣвался еси до конца на люди твоя! Вскую пасеши я жезломъ желѣзнымъ. Но судьбы твоя, Господи! бездна многа.* Самыя тяжкія раны Ты умѣешь врачевать во мгновеніе. Онѣ суть ничто иное, какъ очищеніе, необходимое для благосостоянія человѣка. Твоя благодѣющая рука въ самыхъ жестокихъ приключеніяхъ открываетъ непостижимыя чудеса благости. Такъ! се тотъ же Нилъ, пожравшій, можетъ быть, тысячи невинныхъ младенцевъ, носитъ на водахъ своихъ въ утломъ ковчежцѣ младенца, который милостію дщери Фараоновой сохраняется, воздоется и славно уготовляется на спасеніе страждущему народу. О! какъ славно Богъ посмѣвается суемудрой политикѣ нечестивыхъ! какое устрояетъ счастіе избранному народу! Возрастай, возрастай сынъ вѣры и Церкви, среди великолѣпія и опытности двора языческаго! Скоро, очень скоро заплатишь ты надлежащій долгъ, опредѣленный двору и Египту за ихъ тиранство, за ихъ лютую злобу! Твоя политическая неблагодарность къ воспи-

тателямъ есть совѣтъ Божій, опредѣленіе Промысла о людяхъ угнетенныхъ игомъ властолюбія и тиранства. Иди, снѣпи!—самая Церковь въ пламени гоненія горитъ и едва не сгораетъ. Чтожъ? Нечестивецъ ожесточается и не даетъ тебѣ свободы извести народъ Божій изъ дома работы? Поражай, умножай язвы! Нечестіе достойно мзды своей. Да познаетъ гордый фараонъ, да уразумѣетъ беззаконный Египетъ, что единъ *Сый* есть Господь всякаго царства человѣческаго и Богъ всея земли. (Исх. III, 14).

И се—избранный Богомъ въ Бога Фараону Моисей, силою чудесъ и знаменій, исторгаетъ скорбнаго Израиля изъ челюстей кровожаднаго гонителя; немокрыми ногами преводитъ его среди моря, потопляя въ немъ силу вражію; чудесно напояетъ и питаетъ его въ пустыняхъ знойныхъ и безплодныхъ. И такимъ образомъ со славою достигаетъ Синая грознаго и святаго, гдѣ Богъ несказанно удивилъ милости свои надъ Израилемъ.

Ахъ, слушатели! какое перо, какая кисть изобразитъ непостижимыя дѣла промысла о Церкви! Слабый разумъ ничего не знаетъ, какъ токмо удивляться тѣмъ происшествіямъ, по которымъ Церковь идетъ къ своему назначенію. Сіи времена дѣтства, сіи времена младенчества міра ознаменованы такими дѣйствіями Божескаго попеченія, гдѣ Отецъ Небесный является со всею своею любовію, со всею премудростію, со всѣмъ могуществомъ. Здѣсь не видно ничего кромѣ Бога и Его промыслительной десницы. Истинные поклонники Его, подобно младенцамъ, устами Бога говорятъ, очами Бога видятъ, Его силою дѣйствуютъ. Онъ воспитываетъ ихъ на рукахъ своихъ; о всемъ даетъ непосредственныя откровенія; во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ наставляетъ и утѣшаетъ ихъ; нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы Онъ дѣтей своихъ оставилъ себѣ и ихъ собственному разуму.—Отъ эдема до Синая видишь, кажется, одного перваго человѣка, всюду наставляемаго и водимаго Богомъ.

Но отселѣ, когда родъ человѣческій, пришедъ въ возрастъ юности, отъ своеволія и развращенія такъ погрузился въ чувственность, что гласы внутренніе, естественные и небесные для него престали быть слышимы: Богъ предпріемлетъ живѣйшее попеченіе о Церкви. Онъ полагаетъ оградить ее закономъ писаннымъ, видимо и чувственно наставляющимъ на всяку истину. И се Израиль видитъ и слышитъ, какъ Владыка міра, одѣянный бурями, громами и молніей, на трепещущемъ Синаѣ изрекаетъ десятословіе и пишетъ его на скрижалѣхъ каменныхъ для сердецъ каменныхъ.

Здѣсь міръ вступилъ на степень юности, гдѣ быстрые порывы страстей равняются изобилію силъ физическихъ. Помрачая разумъ, они нагло увлекаютъ за собою волю. И что могло остановить сіе стремленіе, когда ближайшіе, внутренніе, естественные оплоты ниспровержены, разрушены? Законъ видимый есть строгій блюститель порядка и благочестія. Ежели продерзость осмѣлится нарушить свою обязанность: законъ сокрушаетъ ее бичемъ проклятія. *Проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ законѣ Господнемъ.* Конечно, сіе опредѣленіе страшно: но какимъ образомъ Владыка міра могъ смягчить жестокосердіе, когда самый Синай, потрясавшійся подъ громами гласа Законодателева, видѣлъ вѣроломныхъ поклонниковъ, курящихъ опміамы идолу язычества? Какимъ образомъ можно было ограничить буйную чувственность, которая и при небесномъ хлѣбѣ, при всѣхъ чудесахъ Промысла, роптала на него и плакала о котлахъ и мясахъ Египетскихъ?

Справедливо, что законъ со всею своею силою не могъ поселить благородныхъ чувствій къ добродѣтели, особливо въ тѣхъ, коихъ сердце обыкло прилежать на злое. Но не онъ-ли, водворяя внѣшній порядокъ Богослуженія и обрядовъ, приготовлялъ къ таинственному порядку, гдѣ господствуетъ совокупный миръ Бога съ человѣкомъ? Не онъ-ли насаждалъ, просвѣщалъ и угото-

влялъ великихъ мужей на служенiе Церкви и народу Божiю? Кто сей вождь толико сильный, по трупамъ царей и народовъ вводящiй Израиля въ обѣтованное его достоянiе, который трубнымъ звукомъ разрушаетъ грады, единымъ манiемъ остановляетъ солнце, единымъ словомъ обращаетъ къ Богу цѣлаго Израиля? Кто сей герой брани? Кто сей герой вѣры? Сей есть тотъ, *отъ устъ коего не отступала книга закона и который поучался въ немъ день и нощь.* (Нов. I. 8). Это великiй Навинъ! Не во святилищѣ-ли закона и скинiи Промыслъ образовалъ Самуила, сiю священную лѣствицу, по которой токмо гласъ Божiй, прерванный, такъ сказать, нечестiями народа, могъ нисходить на землю и устроять его благоденствiе. Не законъ - ли положилъ прочное основанiе той славы, какою озарялась Церковь въ тѣ златые дни свои, когда вѣра и благочестiе возсѣдали на престолѣ и царствовали съ вѣнценосцами?

Божественный Давидъ! воспой намъ на сладкогласныхъ гусляхъ твоихъ, какъ благодѣющiй Промыслъ отъ стадъ и козлищъ поятъ тя, и врučивъ тебѣ владычество царства видимаго, содѣлалъ тебя престоломъ, откуда вѣра и благочестiе распространяли благодатное свое царство.

Премудрый Соломонъ! напиши намъ, какъ небесная Премудрость, наполнивъ юную душу твою, показала тебѣ сокровенная и тайная вещей; какъ воздѣвъ съ тобою на престолъ отеческiй, научила тебя создать преславный храмъ Отцу всякiя мудрости; какъ извнѣ обильно собирая славу, честь и богатство хранимому тобой Израилю, внутренно украшала его благочестiемъ.

Такъ, слушатели! Здѣсь средоточiе всего великаго, всего Божественнаго, что могли представить сiи времена и что благоволилъ открыть Промыслъ силою закона. Церковь радовалась и торжествовала при видѣ ясныхъ доказательствъ, что Богъ ограждаетъ ее такими твердынями, которыя достаточны отразить всѣ усилiя нечестiя, доселѣ почасту ее потрясавшаго. Она видѣла, надѣялась всего... Но ахъ! Падаетъ величественная подпора Церкви, на которой уповала она утвердить свое спокойствiе. Мудрость содѣлывается рабою господствующаго духа времени. Нечестiе торжествуетъ побѣду свою, видя, что народъ Божiй преклонилъ колѣна идоламъ язычества. Хитрость и коварство увлекаютъ въ бездну идолопоклонства послѣднихъ сыновъ Церкви, — и она остается бѣдною сиротою.

Но се благодѣющiй Промыслъ, милосердуя о несчастной судьбѣ Церкви, посылаетъ Пророковъ, вооруженныхъ чудесами и пламенною ревностiю. Они питаютъ Божественнымъ ученiемъ сыновъ ея, подобно какъ лѣтнiй дождь изсохшую землю. Они ужасаютъ нечестивцевъ страхомъ настоящей и грядущей гибели. Чудеса, знаменiя, предвѣщанiя и ихъ событiя—все то, что токмо способствуетъ къ посрамленiю вѣроломства и къ славѣ истиннаго благочестiя, Израиль видитъ, понимаетъ и удивляется. Такъ Ахаавъ пораженъ чудомъ бездождiя и наконецъ пророчествомъ о срамной смерти своей. Такъ, небесный огнь пожираетъ воиновъ Охозiи, искавшихъ умертвить ревнующаго по Богѣ Илiю. Такъ, Ниневiя грѣшница слышитъ гнѣвъ Божiй: *три дни и Ниневiя разорится*! Тамъ проповѣдуется паденiе царства Iудейскаго и Израильскаго; здѣсь разрушенiе храма Iерусалимскаго. Одинъ носитъ на выи своей яремъ—символъ порабощенiя игу непрiятелей; другой оплакиваетъ владычество нечестiя и устрашаетъ строгостiю правосудiя... Но кто исчислитъ всѣ чудеса, всѣ откровенiя, всѣ жалобы Пророковъ, посредствомъ которыхъ гласъ Божiй поражалъ нечестiе, обличалъ вѣроломство, преслѣдовалъ нераскаянность, утѣшалъ благочестiе, поощрялъ къ истинному богослуженiю и такимъ образомъ сохранялъ Церковь свою?

Богъ, кажется, никогда не говорилъ къ людямъ съ такою силою. Кромѣ гласовъ внутреннихъ, кромѣ гласовъ закона, природы, происшествiй, гласъ

Пророковъ есть тотъ могущественный, громкій, проницательный гласъ, который долженствовалъ положить видимую печать своей дѣятельности въ сердцѣ каждаго. Глухота нравственная должна была преобразиться въ тончайшую остроту слышанія и вниманія. Надлежало быть камнемъ, чтобъ при семъ страшномъ повсемѣстномъ громѣ слова Божія не содѣлаться способнымъ ко впечатлѣніямъ истины. Надобно нечестію быть всеобщею стихіею душъ, чтобы разумъ и сердце въ книгѣ пророчествъ не могли съ великою пользою прочесть волю Божію и свое развращеніе.

Но таково-ли было состояніе народа Израильскаго въ сіи времена? Промыслъ истощаетъ всевозможные способы къ исправленію: народъ ожесточается. Пророки возвышаютъ гласъ, яко трубу: но онъ, касаясь внѣшности, не проницаетъ во внутренность. Богъ для очищенія всеобщаго поврежденія и растлѣнности нравовъ налагаетъ на Евреевъ тяжкій яремъ чуждаго владычества: но и здѣсь... Здѣсь, правда, Церковь видѣла успѣхи благочестія въ сынахъ своихъ: но дотолѣ, доколѣ рука правосудія тяготѣла на нихъ. Время свободы и избавленія мало-по-малу начало раскрывать въ нихъ прежній духъ своевольства и легкомыслія. Защитники вѣры почти всѣ истощились, какъ будто потому, что со всѣми усиліями ревности вооружались противъ наглости нечестія. Родъ Маккавеевъ престалъ—и развратъ воцарился!..

О бѣдные, ослѣпленные потомки Авраама! вамъ-ли не примѣчателенъ, вамъ-ли неизвѣстенъ благодѣтельный о васъ Промыслъ? Для чего же отвергать Его беззаконною жизнію? Ужели для васъ лучше страдать въ адской неволѣ у злочестія, нежели быть подъ кроткимъ владычествомъ добродѣтели?.. Не вы-ли изъ устъ Пророковъ слышали *гласъ вопіющаго въ пустыни?* Зачѣмъ же *не уготовляете путь Господень и не творите правыхъ стезей Его?* (Исаія, XL, 3). Не вамъ-ли возвѣщено *рожденіе отъ Дѣвы Еммануила, Ангела великаго совѣта, Бога крѣпкаго?* (Исаія, IX, 6). Зачѣмъ же нечестіями своими преграждаете ему входъ въ сію мрачную обитель бѣдствій? Не вы-ли слышали, какъ *Царь праведенъ и спасяй грядетъ къ Іерусалиму?* (Агг. II, 20). Зачѣмъ же беззаконіями своими затворяете внутренній Іерусалимъ вашъ? Богъ вамъ хощетъ всего—и вы ничего не хощете. Одинъ развратъ—вотъ ваше Божество, которому поклоняетесь въ слѣпотѣ разума и обуяніи воли!

Такъ, слушатели! Промыслъ употреблялъ всѣ средства къ утвержденію своей Церкви: но нечестіе подрывало ее со всѣмъ усиліемъ злобы своей. Люди ослѣпились до того, что не хотѣли внимать ни глаголу пророчествъ, ни глаголу происшествій. Надобно было ожидать или всеобщей гибели съ паденіемъ Церкви, или небесной, вышней помощи для ея возстановленія. Нравственный міръ уже началъ погребаться въ своихъ мрачныхъ развалинахъ. Нечестіе всюду простерло свое владычество. Самое ученіе о Мессіи унижено, искажено плотскими понятіями. И тогда, какъ Церковь, лишенная всѣхъ подпоръ своихъ, уже преклонялась къ страшному паденію... се является великая Глава ея и краеугольный камень, который, съ необычайнымъ могуществомъ ударивъ въ гору мрака и нечестія, разсыпаетъ ее и воцаряется надъ всѣмъ міромъ.

Слава Тебѣ, побѣдителю міра и нечестія! — Слава Тебѣ, хранителю и обновителю Церкви! *Съ нами Богъ! разумѣйте языцы! Возвѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего!* Такъ! *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля.* (Псал. CXX, 4). Тщетно враждебный міръ и князь его стараются потребить отъ земли Церковь Божію. Это зданіе основано на камени — и вѣтры не разсыплютъ его, и воды не разрушатъ его, и врата адова не одолѣютъ ему.

Сочинялъ и читалъ ученикъ высшаго отдѣленія
Митрофанъ Аляхринскій.

РѢЧЬ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ.

Преосвященнѣйшій Владыко!

и вы достопочтеннѣйшіе Посѣтители!

„Просвѣщеніе, по своему значенію, есть распространеніе свѣта,—и конечно должно быть того, который во тмѣ свѣтится и тьма его не объятъ". Такъ изрекла вѣчная Премудрость устнами возлюбленнаго своего! Мы слышали сей Божественный гласъ, переливавшійся къ намъ во гласѣ попечительнѣйшаго о благѣ нашемъ правительства и отзывавшійся здѣсь изо устъ Твоихъ, высокій ревнитель мудрости небесной! когда Ты, утверждая сіе наукъ святилище на краеугольномъ камени христіанскаго благочестія, напутствовалъ насъ Твоимъ Архипастырскимъ благословеніемъ на предлежащій намъ подвигъ;—мы слышали сей Божественный гласъ—и юныя сердца наши, питаясь сладкою надеждою будущаго, въ порывахъ своихъ, воскрылялись до чистыхъ небесныхъ радостей! Но какая радость восхищаетъ души наши, когда мы видимъ сей спасительный свѣтъ, распространяющійся по всѣмъ частямъ обширнаго царства Россійскаго и устремляющій животворные лучи свои на сіе смиренное святилище! Какая радость восхищаетъ нынѣ души наши, когда духовный вертоградъ сей украшается присутствіемъ высокихъ покровителей наукъ, благоволившихъ принять участіе въ торжествѣ нашемъ и раздѣлить съ нами восторги душевные! Такъ! Настоящее веселіе наше не имѣетъ предѣловъ!—Мы благоговѣемъ къ славѣ имени великаго Бога, вся дѣйствующаго намъ во благое;—понимаемъ важность мудраго разсадниковъ наукъ преобразованія; чувствуемъ цѣну отеческихъ попеченій Твоихъ о устроеніи нашего счастія, ВЕЛИКІЙ АРХИПАСТЫРЬ! Чувствуемъ драгоцѣнность присутствія вашего, достопочтеннѣйшіе Посѣтители! и во всеобщемъ изліяніи сладостныхъ чувствованій нашихъ, торжественно изъявляемъ предъ лицемъ всего просвѣщеннаго собранія сердечную нашу благодарность за то благосклонное вниманіе, коимъ вы удостоили первые начатки плодовъ нашихъ. Да будетъ благословенъ Богъ! да будетъ благословенъ день сей!

Сочинялъ и читалъ ученикъ высшаго отдѣленія
Дмитрій Лебедевъ.

Ученическая письменная работа 1850-хъ г.г.

Modo qui ad extremum virtutis vel vitii ascenderunt, eos conscientia non iudicat. (Verba Thalasii Livii et Aphricani).

Iudicio conscientiae quisque mortalium subiicitur. In dubium haec res non venit: nam maxime patet ex experientia et notione conscientiae. Modo qui ad extremum virtutis vel vitii ascenderunt, eos conscientia non iudicat. Quod est ne rectum, explicare tentabimus.

Conscientia est animi sensatio, quae ostendit nobis consensionem aut diffensionem nostrorum actorum cum lege et ex hoc progignit in corde nostro suaves aut insuaves sensationes. Ex quo aperitur—cur, qui ad extremum virtutis vel vitii ascenderunt, cos conscientia non iudicet.

1) Homo, qui ascendit ad extremum virtutis, omnibus viribus animae et corporis curat concilianda sua acta cum lege Dei. Cum vero acta viri plane iusti et pleni virtutis a lege non aliena sunt, sed congruunt: tum conscientia eius est placida et tranquilla. In ipsa re videatis sanctum virum—qua ille fruitur tranquillitate;—facies iusti hominis lucet pura laetitia et nihil eius animum perturbare potest,—usque ipsa mors, quae peccatori est fons morborum et gravium passionum, sancto homini est vera consolatio. Moriens, ille gravia suspiria non ducit, sed placide tradit animum suum Deo, quem in omni vita amabat et ad quem omnibus viribus animae et corporis festinanter veniebat. Perspicuum est, quod, qui ad extremum virtutis ascendit, eum conscientia non iudicet.

II. Pari modo et qui ad extremum vitii ascendit, eum conscientia non iudicat. Quaeque omnes facultates nostrae animae et sensationes nostri cordis perfectiores fiunt per perpetuam curam et rectum usum earum. Peccator, qui ad extremum vitii ascendit, quomodo curare de conscientia potest et cogitat ne ille de ea? Miser peccator, apponens scelera ad scelera, omnino non sentit gravitatem suorum malorum et scelerum; ille tam constrepuit in corde suo sensationem conscientiae, ut quasi ea (conscientia), ut ita dicam, omnino in eius (peccatoris) anima non sit. Quid vero iudicium malo peccatori conscientia facere potest, cum ille audire eius vocem sententiamque non vult?..

Itaque ex eo fit, ut modo, qui ad extremum virtutis aut vitii ascenderunt, eos conscientia non iudicet.

Valde bene.

(*Ив. Архангельскій 2-й*). 1852 г.

Алфавитный указатель

личныхъ именъ [1]).

[1]) Римскія цифры означаютъ выпуски Исторіи, арабскія—страницы.

Петробовъ, учен. II, 397.
Петробовъ Кап. Вас., врачъ II, 384, 389.
Петробовъ Тим., учен. I, 208.
Петробовъ Мат., учен. I, 132.

Ѳеодоровъ Лука Никол., врачъ II, 407.
Ѳеодоровъ Ал., статуар. II, 153.
Ѳеодоровъ Ив., учен. I, 37, 38.
Ѳеодоровъ Несторъ, свящ. I, 30.
Ѳеодоровскій Ав., учен. I, 245.
Ѳеодосьевъ Илья, діак. I, 123.
Ѳеогностъ (Лебедевъ), архіеп. II, 379.
Ѳеодоритъ, архим. I, 130, 160.
Ѳеодосій (Алмазовъ), епископъ, II, 383, 408.
Ѳеодоровъ Ив., свящ. I, 78.
Ѳеодоровъ Ал., свящ. I, 82, 83, 84, 95.
Ѳеофанъ (Говоровъ), еп. II, 214, 215, 230—31, 311.
Ѳеофилактъ, еп. Переяславскій. II, 40.
Ѳеофилактъ, префектъ, см. Месуновъ.
Ѳочица Мих., стор. I, 418.
Ѳоминскій Вас., учен. I, 223.

Ѳеоктистовъ Ив., учен. I, 8 пр. 3, 34.
Ѳеоктистовъ Петръ, учен. I, 237.
Ѳиватовъ Ив., кур. I, 27.

Эпинскій, учен. II, 102.
Эсемилинскій Алексѣй, учен. II, 176.
Эскинскій Ив., учен. I, 8 пр. 3, 34.

Я—Ш В., учен. II, 385.
Языковъ Ив. Алексѣев., II, 404.
Янковскій Ник., учен. I, 237.
Ярошевскій Ив., учен. II, 421.
Яковлева Васса, кухар. II, 117—118.
Яковлевскій Ан. Никол., врач. II, 97—99, 101 пр. 2, 146, 194, 218 пр. 6, 248, 323 и пр. 3, 354, 390.
Яковлевъ Агапъ, фонар. I, 117.
Яковлевъ Андр., учен. I, 176.
Яковлевъ Дм., діак. I, 118.
Яковлевъ Митроф., учен. I, 37 и 38 пр. 3.
Яковлевъ Петръ, причетн. I, 34.
Якубовскій Род. Ник., врачъ II, 396—397, 407.
Янковскій Ив. Александр., эконом. II, 406.
Янсонъ Макс., учен. II, 174, 179 и (ф...рокторъ) 415.

ОГЛАВЛЕНІЕ.